

СОЧИНЕНИЯ

П Л А Т О Н А,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессоромъ Варновымъ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Часть II.

**БРИТОНЪ. — ФЕДОНЪ. — МЕНОНЪ. — ГОРГИАСЪ. —
АЛКВИАДЪ ПЕРВЫЙ. — АЛКВИАДЪ ВТОРОЙ.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1863.

Printed in Saint Union

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, іюня 1 дня, 1862 года.

Ценсоръ, Архимандритъ *Серій*.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

БРИТОНЪ.

КРИТОНЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ Платоновомъ Критонѣ Сократъ изслѣдываетъ, чѣмъ обязанъ руководствоваться гражданинъ, живя въ нѣдрѣ общества, и каковы должны быть его отношенія къ отечественнымъ законамъ. Эта тема мѣтитъ на два совершенно противоположныхъ понятія о *гражданскомъ договорѣ*.

Извѣстно, что греческіе софисты, слѣдуя мнѣнію Протагора¹, почитали законы изобрѣтеніемъ правителей, независимо отъ нуждъ и внутренней природы лицъ, составляющихъ государство; а потому учили, что люди соединяются въ общество только внѣшними условіями, то-есть частными выгодами, стремленіемъ къ безопасности, желаніемъ удовольствій и т. п. Представленіе общаго блага въ ихъ школахъ почитаемо было мечтою; понятіе отечества, счастья, любви и дружбы опредѣлялось у нихъ матеріальными пользами². Что такое отечество? Это игорный домъ, отвѣчали они, въ которомъ всякій имѣетъ право стараться обыграть ближняго, въ которомъ все должно измѣряться внѣшнею свободою, не исключая и закона политическаго.

¹ Plat. Protag. 326. D. 337. D.

² Чувства любви и дружбы, къ сожалѣнію, и въ наше время не рѣдко вводятся въ разрядъ органическихъ связей и утилитарныхъ расчетовъ. Вотъ тутъ-то и нуженъ взглядъ философскій, который бы соображалъ начала съ слѣдствіями, соглашалъ дѣйствія съ причинами и прозиралъ въ соотношенія вещей. Если нравственная любовь—мечта, то всѣ доблестныя чувства—также мечта; потому что послѣднія могутъ являться только подъ формою первой; другой формы для нихъ существо разумное не имѣетъ; а въ неразумномъ нѣтъ и чувства, достойнаго имени «любовь».

Къ столь ужасной мысли, погубившей древнюю Элладу, наводнившей кровію Францію и всю западную Европу, приводилъ софистовъ, очевидно, эгоистическій взглядъ на жизнь. Эгоизмъ, по своему существу, есть врагъ общественныхъ связей, основывающихся на взаимной любви, довѣренности и общеніи гражданъ, то-есть, на единствѣ ихъ природы, на тожествѣ ихъ законовъ и святости ихъ цѣлей въ нѣдрѣ религіи. Онъ стремится расторгнуть эту нравственную цѣпь, въ которой одно кольцо держится другимъ, и само служитъ опорой для другаго; потому что здѣсь нужно сердечное самопожертвованіе членовъ общества; а эгоизмъ и жертва — вещи совершенно противоположныя.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на общество сынъ Софрониска. Разумѣя политическіе законы, какъ выраженія потребностей, таящихся въ душѣ каждаго гражданина, какъ опредѣленія, произносимыя всѣми совѣстами и оправдываемыя всѣми умами, онъ представлялъ себѣ государство собраніемъ лицъ, внутренно и охотно соединившихся для удобнѣйшаго достиженія тѣхъ согласныхъ съ назначеніемъ человѣка цѣлей, которыхъ никто, взятый отдѣльно, достигнуть не можетъ. Значить, отечество, по его разумѣнію, есть колоссъ, поднимаемый дружно милліонами рукъ; истина, осуществляемая сочетаніемъ безчисленныхъ понятій; прекрасное, воплощаемое гармоническимъ сліяніемъ различныхъ звуковъ, цвѣтовъ, или красокъ; добро, выражаемое стройными усиліями многообразныхъ дѣятельностей. Тутъ не можетъ быть ни общаго благоденствія безъ частныхъ трудовъ, ни частной пользы безъ общаго блага. Тутъ граждане, если можно сказать, не разъединяются силою центробѣжною, а собираются центростремительно; слѣдовательно тутъ поприще не эгоизма, идущаго отъ центра къ периферіи, а непрерывной жертвы, стремящейся отъ периферіи къ центру. Значить, Сократъ, по своимъ началамъ, могъ бы назвать общество политическою планетою, на которой все—и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ ея, тяго-

тѣтъ къ одному средоточію, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вращаться вокругъ вѣчнаго солнца, сообщающаго бытіе, жизнь и движеніе царствамъ и народамъ.

Такое-то понятіе объ обществѣ великій нравоучитель Греціи прежде развивалъ всему юношеству, а теперь, за три дня до смерти, внушаетъ одному изъ своихъ друзей, Критону!

Критонъ приходитъ къ Сократу въ темницу,—послѣднее жилище его на землѣ, съ извѣстіемъ, что корабль, отправленный въ Делось, уже на возвратномъ пути и не далеко отъ Аѳинъ; слѣдовательно сынъ Софрониска долженъ завтра умереть, р. 43—44. В. Мысль о такой близости его смерти заставляетъ Критона предложить ему бѣгство изъ темницы и доказывать:

1) Что Критонъ будетъ обвиненъ мнѣніемъ толпы, если не убѣдитъ Сократа уйти отъ преслѣдованія закона.

2) Что Сократъ не долженъ удерживаться отъ этого ни соображеніемъ издержекъ, на которыя рѣшаются друзья его, ни представленіемъ личной ихъ опасности, ни мыслию о томъ, гдѣ онъ будетъ жить и что дѣлать.

3) Что ему нужно еще сбересть себя для дѣтей, чтобы дать имъ сильное воспитаніе. 44, р. С.—46. А.

Но сынъ Софрониска сперва отвѣчаетъ вообще, что надобно дѣлать одно справедливое, а потомъ разсматриваетъ частный вопросъ, должно ли слѣдовать мнѣнію толпы и рѣшаетъ его такъ, что только мнѣнія людей, знающихъ справедливое и несправедливое, достойны уваженія, и что надобно цѣнить не просто жизнь, а жизнь хорошую. Признавъ же это заключеніе вѣрнымъ, Сократъ идетъ далѣе и полагаетъ два основанія для послѣдующей бесѣды: 1) что несправедливость ни въ какомъ случаѣ непозволительна, хотя бы она была возмездіемъ за несправедливость; 2) что справедливость требуетъ исполненія условій заключеннаго съ кѣмъ-нибудь законнаго договора. 44, р. С.—50.

Имѣя въ виду эти основанія, Сократъ излагаетъ знаме-

нитую свою просопопею, то-есть олицетворяетъ законы и заставляеть ихъ изъяснить гражданину-узнику истинныя его отношенія къ отечеству. Вотъ въ чемъ состоятъ онѣ:

1) Гражданинъ долженъ повиноваться законамъ государства; потому что нарушение ихъ есть стремленіе погубить законы и государство, р. 50. В. С.

2) Договоръ законовъ съ гражданиномъ состоитъ не въ томъ, что бы первые оказали справедливость послѣднему, — это необходимо вытекаетъ изъ самаго понятія о законѣ, — а въ томъ, чтобы послѣдній повиновался первымъ. Слѣдовательно права ихъ не равны: права законовъ безусловны, а—гражданина — условны; такъ что обязанности въ отношеніи къ законамъ отечества священнѣе обязанностей въ отношеніи къ отцу и матери, р. 50. D.—51. С.

3) Не смотря на безусловныя права свои, аѳинскіе законы еще такъ снисходительны, что позволяютъ гражданину испытать себя и, если не понравятся, даютъ ему полную свободу удалиться, куда угодно. За то, когда гражданинъ призналъ ихъ хорошими и однакожъ не повинуется имъ, — они уже почитаютъ его виновнымъ въ отношеніи къ себѣ—и какъ родители, и какъ воспитатели, и какъ управляющая государствомъ, обязательная сила, р. 51. D.—52. А.

4) Но Сократъ постояннымъ пребываніемъ, долготѣнею жизнію и рожденіемъ дѣтей въ Аѳинахъ, даже тѣмъ, что во время судопроизводства не обрекъ себя на изгнаніе, — выразилъ свою любовь къ законамъ отечества, и если теперь рѣшается нарушить ихъ, то становится предъ ними безответенъ, р. 52. В.—53. А.

5) Да и какое благо пріобрѣтетъ онъ, ушедши изъ отечества? Въ обществахъ благоустроенныхъ онъ будетъ предметомъ презрѣнія, какъ нарушитель законовъ; а въ неустроенныхъ встрѣтятъ его насмѣшки людей развратныхъ, какъ старика, подвергавшагося такимъ опасностямъ для сбереженія немногихъ лѣтъ дряхлой жизни. Что же касается до дѣтей, то онѣ могли бы быть воспитаны друзьями Сократа

столь же хорошо послѣ его смерти, какъ и въ его отсутствіе. Вообще—нарушивъ законы отечества, Сократъ не только не найдетъ покровителей на землѣ, но встрѣтитъ мстителей и въ преисподней; потому что и тамъ подвергнется суду тѣхъ же самыхъ законовъ, р. 53. В.—54. С.

Итакъ, Сократъ, не вѣрь Критону болѣе, чѣмъ намъ, заключаютъ законы, и не дѣлай того, что онъ говоритъ, р. 54. D. E.

Изъ этого содержанія Сократовой бесѣды съ Критономъ видно, что цѣль ея—апологетическая; то-есть, сынъ Софрониска, и приговоренный къ смерти, и заключенный въ темницу, и доживавшій послѣдніе дни, и уже не ожидавшій ничего отъ земныхъ своихъ судей, тѣмъ не менѣе остается точнымъ исполнителемъ отечественныхъ законовъ и истиннымъ чителемъ ихъ предписаній; а потому приговоръ, произнесенный надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ гибельнымъ для общества, есть приговоръ неправосудія,—оскорбленіе, нанесенное тѣмъ самымъ законамъ, которые онъ всегда защищалъ, и именемъ которыхъ потомъ присужденъ былъ къ смертной казни. Представленію этой цѣли не препятствуетъ то обстоятельство, что бѣжать изъ темницы убѣждаетъ Сократа не какой-нибудь политикъ или софистъ, а одинъ изъ его друзей, долженствовавшихъ знать строгія правила своего учителя и слѣдовать имъ. Критонъ и Сократъ изображаютъ намъ борьбу человѣка съ самимъ собою въ рѣшительныя минуты его жизни и вмѣстѣ показываютъ, что одна теорія добродѣтели не сдѣлаетъ никого добродѣтельнымъ, что вѣрное знаніе обязанностей гражданина должно быть оправдываемо законною дѣятельностію, что справедливость какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ, необходимо равна сама себѣ. На эту то конечно мысль мѣтитъ слѣдующая иронія Сократа: «можетъ быть это и хорошо было говорено, пока мнѣ не приходилось умереть; а теперь видно обнаружилось, что я говорилъ такъ, для вида, что слова мои на самомъ дѣлѣ были ребячество и болтанье». р. 46. D.

Впрочемъ, касательно подлинности лица Критонова въ этомъ разговорѣ, критики еще не согласны между собою. Діогенъ Лаерцій приводитъ преданіе (П. 20. 53. 60), что бѣжать изъ темницы предлагалъ Сократу не Критонъ, а Эсхинъ, и что Эсхина Платонъ замѣнилъ Критономъ, въ угодность Аристиппу.

Если этому преданію мы припишемъ нѣкоторое правдоподобіе; то придемъ къ слѣдующему вопросу: разсматриваемый разговоръ, есть ли свободное произведеніе ума Платонова, или изложеніе бесѣды дѣйствительно Сократовой? Очень вѣроятно, что ученики Сократа старались спасти своего учителя отъ смерти и убѣждали его воспользоваться ихъ усердіемъ. Значить, историческая сторона Платонова Критона можетъ быть почитаема почти несомнѣнною. Если же такъ; то Сократу по видимому не иначе надлежало и отвѣчать на представленія своихъ учениковъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчаетъ въ Критонѣ. Здѣсь частный оттѣнокъ Платонова генія виденъ только въ идеализаціи закона. Слѣдовательно Платонъ, въ отношеніи къ Сократу, бесѣдовавшему въ темницѣ, былъ не болѣе какъ мимикъ. Но въ такомъ случаѣ, что заставило его замѣнить Эсхина Критономъ? Хотя Аѣиняне, умертвивъ Сократа, раскаялись въ своемъ поступкѣ и память умершаго почтили всенародными почестями; однакожь это не могло случиться скоро. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что тотчасъ послѣ его смерти, ненависть Аѣинянъ обратилась и на друзей его: — потому-то безъ сомнѣнія почти всѣ они вскорѣ разѣхались изъ Аѣинъ. Соображая эти обстоятельства, можно догадываться, что тогда, какъ Платонъ издавалъ разсматриваемый разговоръ, Эсхинъ, другъ Аристиппа, человѣкъ молодой, — былъ еще живъ, а Критонъ, по лѣтамъ сверстникъ Сократа, уже умеръ, и что слѣдовательно перемѣна говорящаго лица въ Платоновомъ Критонѣ могла произойти изъ опасенія возбудить противъ Эсхина народную ненависть. Этимъ отчасти мо-

жетъ опредѣляться и время изданія Критона: то-есть, онъ долженствовалъ быть написанъ послѣ смерти Сократа, но прежде нежели народъ воздвигъ ему статую на площади Аѳинской ¹.

¹ *Theoph. Adami* diss. de statua Socratis, Atheniensium poenitentiae monumento publico. Lips. 1745. 4.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ И КРИТОНЪ.

48. *Сокр.* Что такъ рано пришелъ ты, Критонъ? Или уже не рано?

Крит. Нѣтъ, очень рано.

Сокр. А сколько времени?

Крит. Глубокое утро ¹.

Сокр. Удивительно, какъ темничный сторожъ захотѣлъ услышать и впустить тебя.

Крит. Онъ уже расположенъ ко мнѣ, Сократъ; потому что я часто хожу сюда; да и нѣсколько облагодѣтельствованъ мною.

Сокр. Но ты пришелъ сей часъ, или давно?

Крит. Довольно давно.

В. *Сокр.* Такъ для чего тогда же не разбудилъ меня, а сидѣлъ молча?

Крит. О, клянусь Зевсомъ, Сократъ, что и самъ я не желалъ бы проводить время въ такомъ бодрствованіи и страданіи, и вотъ давно уже удивляюсь, смотря, какъ сладко спишь ты. Мнѣ нарочно не хотѣлось будить тебя, чтобы твое время текло, сколько можно, пріятнѣе. Правда, я и прежде не рѣдко почиталъ счастливымъ нравъ твой, обнаруживав-

¹ *ἄρῃος βᾶθός*. Этимъ выраженіемъ Критонъ точнѣе опредѣляетъ значеніе предыдущаго *πρῶ*, рано; ибо послѣднее можетъ относительно указывать на всякое время, а *ἄρῃος*, по Фриниху, есть *τὸ πρὸ ἀρχαίουτης ἡμέρας*, *ἐν ᾧ ἴτι λυγρῶ δύνεται τὴς χολοδαί*. Далѣе: глаголы *услышать* и *впустить* соотвѣтствуютъ одному греческому *ὑποκείναι*; подобно тому, какъ Protag. 314. А *встать* и *смыти*—одному *ἔξαναγῆναι*. См. примѣчаніе къ этому мѣсту.

шійся во всей жизни; а теперь при настоящемъ бѣдствіи— тѣмъ болѣе: какъ легко и вротко переносишь ты это бѣдствіе.

Сокр. Но странно было бы, Критонъ, если бы такой старикъ, какъ я, беспокоился, что ему надобно умереть.

Крит. Однакожъ другіе старики, Сократъ, подвергаясь с. подобнымъ бѣдствіямъ, не находятъ въ своемъ возрастѣ защиты отъ беспокойствъ относительно настоящей опасности.

Сокр. Правда; но съ чѣмъ же ты пришелъ такъ рано?

Крит. Я съ горестнымъ извѣстіемъ, Сократъ, — не для тебя, какъ мнѣ кажется, а для меня и всѣхъ твоихъ ближнихъ, — съ извѣстіемъ горестнымъ и убійственнымъ, которое перенести мнѣ было бы, по видимому, тяжелѣе всего ¹.

Сокр. Съ какимъ же это? Вѣрно возвратился изъ Делоса тотъ корабль, по возвращеніи котораго мнѣ должно умереть ².

Крит. Не то что бы возвратился, но кажется прибудеть ^D. нынѣ, суда по словамъ тѣхъ, которые пріѣхали сюда съ Сунійскаго мыса и оставили его тамъ. Да, эти извѣстія показываютъ, что онъ возвратится нынѣ, и что слѣдовательно завтра, Сократъ, тебѣ необходимо будетъ окончить свою жизнь.

¹ *Ib.* С. *Которое перенести мнѣ было бы, по видимому, тяжелѣе всего, ἢ ἐγώ, ὡς ἐμοὶ δοκῶ, ἐν τοῖς βάρυται' ἢ ἐν ἰσχυραῖσι.* Переводчика можетъ затруднять здѣсь ἢ; потому что Критонъ уже получилъ извѣстіе и долженъ былъ говорить положительно о своей скорби. Но ἢ ἐν ἰσχυραῖσι указываетъ не на возвращеніе корабля, а на имѣющую послѣдовать за тѣмъ смерть Сократа. При томъ Критонъ пришелъ съ надеждою уговорить своего друга къ бѣгству изъ темницы, и представляетъ, что если бы надежда его не сбылась, то ему было бы тяжелѣе всего перенести наступающее бѣдствіе.

² Аѳиняне ежегодно праздновали день благополучнаго возвращенія Тезея съ острова Крита. Праздникъ состоялъ въ томъ, что въ этотъ день увѣнчиваемъ былъ корабль и на немъ послы, *ἑσπῆροι* (отъ глаг. *ἑσπῆν* т. е. *φροντίζω*, *ἐπαρτέω*, и *ἔλεος* т. е. Аполлонъ), отправлялись на Делосъ, для принесенія жертвы Аполлону. Ихъ плаваніе, смотря по погодѣ, иногда продолжалось около мѣсяца, и во все это время въ Аѳинахъ не позволялось исполнять приговоровъ надъ преступниками, присужденными къ смерти (*Хенорѣ*. Меш. IV. 8. 2.). Окончательный судъ надъ Сократомъ случился на другой день по отплытіи увѣнчаннаго корабля; а по тому Сократъ содержался въ темницѣ до его возвращенія, и именно тридцать дней. *Phaed. init.*

Сокр. Счастливаго ему возвращенія ¹, Критонъ! Пусть будетъ, если это угодно богамъ. Но я не думаю, чтобы онъ прибылъ сегодня.

44. *Крит.* Изъ чего же ты заключаешь?

Сокр. Я скажу тебѣ. Вѣдь мнѣ должно умереть на другой день по возвращеніи корабля?

Крит. Господа этого дѣла ² говорятъ именно такъ.

Сокр. Значить, онъ прибудитъ не въ наступающій день, а завтра: — заключаю изъ сна, который я видѣлъ незадолго ³ въ эту ночь. Потому-то ты, должно быть, и кстати не разбудилъ меня.

Крит. Какой же это сонъ?

Сокр. Мнѣ приснилось, что какая-то красивая и благовидная женщина, одѣтая въ бѣлое платье, подошедши, кликнула меня и сказала: Сократъ! на третій день ты вѣрно прибудешь въ холмистую Фтію ⁴.

Крит. Какой странный сонъ, Сократъ!

Сокр. Да ясенъ-таки, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, Критонъ.

Крит. По видимому, ужь слишкомъ. Но, почтеннѣйшій Сократъ! хоть теперь послушайся меня ⁵ и спасись. Вѣдь я,

¹ τὴν ἀγαθῆν, — известная формула привѣтствія, которою Греки выражали свое благожеланіе отъѣзжающимъ, или пріѣзжающимъ. У Римлянъ соотвѣтствовала ей: quod bene vertat, quod felix faustumque sit. Symp. p. 177. E.

² То-есть одиннадцать архонтовъ, на которыхъ лежала обязанность исполнять судейскіе приговоры надъ преступниками. См. Apol. Sogr. 39. C.

³ Слово «незадолго» δλίγον πρότερον, поставлено здѣсь, кажется, не безъ причины. Древніе полагали, что сны послѣ полуночи бываютъ вѣрны. *Hom. Odys. IV. v. 842. XX. v. 82 — 91. Horat. Satir. 1. 10. 33. Quirinus post mediam noctem visus, quum somnia vera.*

⁴ ἤματι κεν τριτάτῃ φθίην ἐπιβόλον ἰκίω. Это предсказаніе есть стихъ Илиады IX. 363, произнесенный Ахиллесомъ, который, разгнѣвавшись на Агамемнона, приходитъ къ Улиссу и объявляетъ, что чрезъ три дня онъ будетъ въ холмистой Фтіи, то-есть въ своемъ отечествѣ. По этому у Омира читается ἰκίωμαι. Само собою разумѣется, что Сократъ указываетъ этимъ на будущую жизнь.

⁵ Это выраженіе показываетъ, что Критонъ и прежде упрашивалъ Сократа бѣжать изъ темницы; но всѣ прозбы его были отвергаемы.

когда ты умрешь, подвергнусь не одному несчастію: кромѣ того, что лишусь друга, какого мнѣ никогда не найти, я покажусь толпѣ, недовольно знающей меня и тебя, человекомъ безпечнымъ, который могъ бы спасти тебя, если бы захотѣлъ употребить деньги. А какая молва можетъ быть с. постыднѣе той, которая приписываетъ кому-нибудь большую любовь къ деньгамъ, чѣмъ къ друзьямъ! Вѣдь толпа не повѣритъ, что не смотря на сильное наше убѣжденіе, ты самъ не захотѣлъ выйти отсюда.

Сокр. Но что намъ такъ заботиться о народной молвѣ, добрый Критонъ! Люди честнѣйшіе, которыхъ мнѣніемъ надобно особенно дорожить, будутъ думать, что дѣлу надлежало сдѣлаться такъ, какъ оно сдѣлается.

Крит. Но вотъ ты видишь, Сократъ, что необходимо заботиться и о народномъ мнѣніи: настоящее именно событіе показываетъ ¹, что толпа можетъ производить не маленькое, а дѣйствительно величайшее зло, когда кто-нибудь бываетъ оклеветанъ предъ нею.

Сокр. Да и надобно, Критонъ, чтобъ она могла производить величайшее зло: тогда она имѣла бы силу и для произведенія величайшаго добра, — тогда было бы хорошо. Но теперь она не въ состояніи сдѣлать ни того ни другаго, — ни умнаго ни глупаго, а дѣлаетъ, что случится.

Крит. Пусть ужъ это такъ; но скажи мнѣ вотъ что, Е. Сократъ: не бережешь ли ты меня и прочихъ друзей своихъ, думая, что если выдешь отсюда, то ябедники запутають насъ въ бѣду, будто мы похитили тебя, и что намъ необходимо будетъ или бросить здѣсь все свое имущество, а не то, — много денегъ, или сверхъ того потерпѣть и чтонибудь иное? Если ты въ самомъ дѣлѣ боишься подобныхъ вещей; то оставь свой страхъ. Для спасенія тебя, мы обя- 45.

¹ αὐτὰ δὲ δῖλα τὰ παρόντα νοῦν. Должно замѣтить, что δῖλον иногда имѣетъ значеніе дѣйствія и выражаетъ то же, что δῖλος или δῖλοστικόν. Повтому нѣтъ надобности, вмѣстѣ съ Стеваномъ, замѣнять его глаголомъ δῖλοι.

заны подвергнуться такой, а если бы понадобилось, и большей опасности. Послушайся же меня и не иначе сдѣлай.

Сокр. И это берегу я Критонъ, и многое другое.

Крит. Не бойся же этого. Вѣдь и платы-то немного, за которую берутся спасти тебя и вывести отсюда. Такъ не видишь ли самъ ты ¹, какъ дешевы эти ябедники и какъ мало В. для нихъ нужно? Для тебя, думаю, довольно будетъ и моихъ денегъ: если же, заботясь обо мнѣ, ты скажешь, что моихъ употреблять не должно; то живущіе здѣсь иностранцы ² готовы употребить свои. Одинъ Симміасъ эвевскій принесъ нарочно для этого достаточную сумму; а принесутъ и Кевисъ и другіе очень многіе. Итакъ, спасаясь, не бойся, говорю, будто затруднишь когонибудь. Не затрудняйся и тѣми словами, которыя сказалъ ты въ судѣ ³, что, то-есть, вышедши отсюда, не найдешь чѣмъ заняться. Вѣдь и въ другихъ мѣстахъ, куда бы ты ни пришелъ, вездѣ полюбятъ тебя: а если хочешь отправиться въ Фессалию; то у меня тамъ есть знакомые, которые будутъ тебѣ очень рады и доставятъ безопасное убѣжище, такъ что въ Фессалии ты ни отъ кого не получишь неудовольствія. При томъ, мнѣ кажется, Сократъ, что предавая самъ себя, когда могъ бы спастись, ты рѣшаешься даже на дѣло несправедливое: ты стремишься причинить себѣ то самое, къ чему стремились бы и стремятся враги твои, желающіе тебѣ погибели. Сверхъ того, ты повидимому предаешь и сыновей своихъ, когда такъ поспѣшно оставляешь Д. ихъ, имѣя возможность дать имъ воспитаніе и образованіе.

¹ *ἔπειτα οὐχ ἔρας*. Слова *εἶτα* и *ἔπειτα* въ вопросительной рѣчи ставятся предъ заключеніемъ и выражаютъ негодованіе или презрѣніе. Напримѣръ: *Aristoph. Nubb. v. 226* *ἔπειτα ἀπὸ τάρρου τοῦς θεοῦς ὑπερρροῦντες*; такъ сидя въ корзинѣ, ты презираешь боговъ? *Vergil. v. 1128* *ἔπειτα καὶ δαῖς χρὴ φύσει καὶ τρέφειν*; такъ послѣ этого, думаешь, надобно рождать и воспитывать дѣтей?

² Преимущественно Симміасъ и Кевисъ, Эвевцы, короткіе друзья Сократа. Жизнеописанія и мнѣнія ихъ изложены Діогеномъ Лаерт. 11. 124. Оба они писали въ философскомъ родѣ. До насъ дошла *Картина Кевиса*, если только она действительно Кевисова.

³ Указывается на Апол. Сокр. р. 37. С. Д.

Твоя вина, если они будутъ жить, какъ случится; а случится вѣроятно то, что обыкновенно бываетъ съ сиротами во время сиротства ихъ. Или уже не надобно раждать дѣтей, или надобно принимать участіе въ вырощеніи и воспитаніи ихъ. Ты кажется избираешь, что полегче; а избрать слѣдовало бы то, что избралъ бы человѣкъ мудрый и мужественный, по словамъ котораго, вся жизнь должна быть посвящена добродѣтели. И такъ, я стыжусь за тебя и за насъ, друзей твоихъ, е. представляя, что все твое дѣло будетъ свидѣтельствовать о какомъ-то нашемъ малодушіи: и внесеніе доноса въ судъ, какъ онъ внесенъ ¹, и самый процессъ, какъ онъ произведенъ, и этотъ комедъ, какъ смѣшная развязка драммы,—все это, будто по какому нерадѣнію и малодушію, ускользнуло отъ насъ, такъ какъ ни мы не спасли тебя, ни ты не заботи- 46. ся о своемъ спасеніи, хотя могли и имѣли силу, если бы съ нашей стороны была и не большая услуга. И такъ смотри, Сократъ, что бы вмѣстѣ съ зломъ не навлечь на себя и на насъ еще стыда. Подумай:—да и думать-то нѣкогда; остается принять совѣтъ. А совѣтъ одинъ: все должно совершиться въ слѣдующую ночь; если же нѣсколько промедлимъ, то уже не будетъ ни силъ, ни возможности. Непремѣнно послушайся меня, Сократъ, и отнюдь не дѣлай иначе.

Сокр. Любезный Критонъ! ревность твоя драгоценна, если бы можно было соединить ее съ справедливостію: а когда нельзя; то чѣмъ она болѣе, тѣмъ преступнѣе. Мы должны изслѣдовать, надобно ли это дѣлать, или нѣтъ. Вѣдь я нетолько нынѣ, но и всегда былъ таковъ, что изъ всего моего, вѣрилъ единственно тому основанію, которое въ моихъ умоза-

¹ ὡς εἰσηλθεῖς. По всей вѣроятности надобно читать: ὡς εἰσηλθεῖν. Этого чтенія держится и Вольфъ, слѣдуя лучшимъ спискамъ Платоновыхъ сочиненій. Но дальнѣйшія слова: ἔξω μὴ εἰσελθεῖν суть или глоссема, или неполная фраза. Предположивъ послѣднее, надлежало бы читать: ἔξω δ' ἔξω μὴ εἰσελθεῖν. Этою мыслию тогда, можетъ быть, указывалось бы или на законъ, упоминаемый Лизисомъ (р. 354 ed. Reisk.), что δεδούτε δικῆς ἕνεκα δρακῶνται, то-есть обвиняемому, не надѣющемуся оправдаться, позволяется бѣжать, — или на расположеніе Анита помириться съ Сократомъ, послѣ того какъ онъ представилъ въ судъ свой доносъ. Liban. T. 1. p. 644.

- ключеніяхъ казалось мнѣ самымъ лучшимъ. А прежде высказанныя мною основанія отвергать я не могу — теперь, когда участь моя довела меня до такого состоянія: напротивъ онѣ представляются мнѣ почти сходными; я и нынѣ уважаю и по-
- С. читаю тѣже, какія прежде. И такъ, если въ настоящее время мы не найдемъ лучшихъ; то знай, что я никакъ не соглашусь съ тобою, хотя бы сила толпы еще болѣе, чѣмъ теперь, пугала насъ, будто дѣтей, оковами, смертями и отнятіемъ имущества. Но какъ бы намъ изслѣдовать это сообразіе съ дѣломъ ¹? Не пересмотрѣть ли напередъ ту причину, которую находишь ты въ мнѣніяхъ? Хорошо ли то-есть мы всякій разъ говорили, или не хорошо, что на однѣ изъ нихъ надобно.
- D. но обращать вниманіе, а на другія — не надобно? Впрочемъ, можетъ быть, это и хорошо было говорено, пока мнѣ не приходилось умереть; а теперь, видно, обнаружилось, что я говорилъ такъ, лишь бы сказать, что слова мои на самомъ дѣлѣ были ребячество и болтанье? Да, Критонъ, я хочу вмѣстѣ съ тобою разсмотрѣть, иною ли представляется мнѣ та причина — теперь, когда я нахожусь въ этомъ состояніи, или тою же, и надобно ли оставить ее, или слѣдовать ей. А говорено людьми, увѣренными въ дѣльности своихъ словъ, всегда было, по видимому, то самое, что я и теперь сказалъ, то-
- Е. есть: изъ мнѣній, распространяемыхъ въ свѣтѣ, однѣ достойны уваженія, а другія — нѣтъ. Ради боговъ, Критонъ, не
47. кажется ли тебѣ, что эти слова хороши? Ты вѣдь, судя по-человѣчески, не завтра умрешь; тебя не отталкиваетъ отъ истины настоящее бѣдствіе. Смотри же, не дѣльно ли, по твоему мнѣнію, говорится, что не всѣ человѣческія мнѣнія надобно уважать, но однѣ — такъ, а другія — нѣтъ? и не

¹ *μετρίως σκοπεῖν τὰ δῶτα*; *Μετρίως σκοπεῖσθαι* значить изслѣдовать надлежащимъ образомъ, какъ должно, по существу дѣла. Въ этомъ смыслѣ *μετρίως λέγειν* употребляется Theaet. p. 180. С. de Rep. IV. p. 421. С. VI. p. 484. В. al. Ниже D. выраженіе: *ἐν δαλνότητι τῶν λόγων*, *τὴ δαλνότητι*, противопоставляется словамъ: *ребячество и болтанье*, *ἀναρίτη καὶ ἄκριτον*; изъ этого видно, въ какомъ смыслѣ надобно всегда разумѣть его. *Vigantius*. p. 731.

всѣхъ людей мнѣнія, но однихъ — такъ, а другихъ — нѣтъ? Что скажешь? не хорошо ли это положено?

Крит. Хорошо.

Сокр. Значить, мнѣнія добрыя надобно уважать, а худыя — нѣтъ?

Крит. Да.

Сокр. Но мнѣнія добрыя не суть ли мнѣнія людей благо-разумныхъ, а худыя — безумныхъ?

Крит. Какъ же иначе?

Сокр. Вспомни же, что было сказано: кто занимается гимнастикой и дѣлаетъ это; тотъ обращаетъ вниманіе на по- в. хвалу, оужденіе и отзывъ каждаго ли человѣка, или только того, кто случится тутъ изъ врачей, либо палестристовъ?

Крит. Только того.

Сокр. Значить, надобно бояться оужденій и наслаждаться похвалами его одного, а не толпы?

Крит. Очевидно.

Сокр. По этому и дѣйствовать, и заниматься гимнастическими упражненіями, и ѣсть и пить — такъ, какъ нравится одному знатоку и хвалителю, чѣмъ такъ, какъ хочется всѣмъ другимъ.

Крит. Правда.

Сокр. Хорошо. Но кто не слѣдуетъ этому одному и уни- е. чижаетъ его мнѣніе, его похвалы, а напротивъ уважаетъ мнѣнія толпы и невѣжества; тотъ неужели не потерпитъ никакого зла?

Крит. Какъ не потерпѣть?

Сокр. Въ чемъ же состоитъ это зло? куда оно направляется, и къ чему приражается въ человѣкѣ непослушномъ?

Крит. Очевидно къ тѣлу; потому что разрушаетъ его.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Значить, и другое такимъ же образомъ, Критонъ, чтобы не перечислять всего. То-есть, и въ справедливомъ и несправедливомъ, и въ постыдномъ и похвальномъ, и въ добромъ и зломъ, о чемъ теперь рассуждаемъ, должны ли мы сообразоваться съ мнѣніями толпы и

бояться ихъ, или съ мнѣніемъ одного, который знаетъ это и котораго надобно стыдиться и опасаться болѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ,—такъ какъ, не слѣдуя ему, испортимъ и обезобразимъ то, что отъ справедливости улучшалось, а отъ несправедливости погибало ¹? Или это ничего?

Крит. Я думаю, Сократъ.

Сокр. А ну-ка такъ: если, не слѣдуя мнѣнію людей знающихъ, мы разстроили то, что отъ здоровья дѣлается лучшимъ, а отъ болѣзни разрушается; то, по разрушеніи этой
Е. вещи — разумѣю хоть тѣло, — живетъ намъ или нѣтъ?

Крит. Да.

Сокр. То есть, живетъ съ дряхлымъ и разрушеннымъ тѣломъ?

Крит. О, нѣтъ.

Сокр. А живетъ ли, когда испорчено то, что повреждается несправедливостію и исцѣляется справедливостію? Или
48. это — что ни разумѣли бы мы въ себѣ подъ именемъ вещи, въ разсужденіи которой возможна несправедливость и справедливость,—по нашему мнѣнію, хуже тѣла?

Крит. Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Значитъ дороже?

Крит. И гораздо.

Сокр. Слѣдовательно намъ должно, почтеннѣйшій, имѣть столь великую заботливость — не о томъ, что скажетъ о насъ толпа, а о томъ, что скажетъ знающій справедливое и несправедливое: этотъ одинъ и есть истина. Такъ вотъ первый твой совѣтъ и не годится, что то-есть въ справедливомъ, похвальномъ, добромъ и противномъ тому, мы обязаны заботиться о мнѣніи толпы. Но вѣдь толпа-то, возразитъ кто-нибудь, въ состояніи лишить насъ жизни?

Крит. Да и то очевидно; конечно возразятъ, Сократъ.

¹ ἢ τῷ μὲν δικαίῳ βέλτιον ἔγινετο, τῷ δὲ ἀδίκῳ ἀπόλλυτο. Этими прошедшими временами указывается на мнѣніа Сократа въ прежней его жизни, какъ онъ разсуждалъ о томъ съ своими учениками. Сократъ хотѣлъ сказать: ἢ τῷ μὲν δικαίῳ βέλτιον γίνεσθαι, τῷ δὲ ἀδίκῳ ἀπόλλυσθαι ἔλλεγετο ἕκαστος ἢ ἤμῶν περὶ τῶν ταιούτων διαλεγόμενον.

Сокр. Ты правду говоришь. Но та-то самая мысль, чудный человекъ, которую мы теперь раскрывали, мнѣ кажется и походить на прежнюю ¹. Смотри, вотъ и другая: стойка ли она у насъ или нѣтъ? — То-есть, надобно дорожить не тѣмъ, что бы жить, а тѣмъ, что бы хорошо жить.

Крит. Да, стойка.

Сокр. И то стойко,—или нѣтъ, что добродѣтельно, хорошо и справедливо — одно и то же?

Крит. Стойко.

Сокр. Давай же, на основаніи принимаемыхъ нами истинъ, изслѣдуемъ, справедливо ли мнѣ пытаться выйти отсюда, противъ воли Аѳинянь, или несправедливо. Если от- С. кроется, что справедливо, попытаемся; а когда нѣтъ,—оставимъ это. Что же касается до твоихъ разсужденій о потерѣ денегъ, о мнѣніи, о воспитаніи дѣтей; то онѣ, Критонъ, вовсе не таковы у толпы, которая легкомысленно умерщвляетъ и безъ ума оживляла бы, если бы могла. Нѣтъ; намъ, поколику мы водимся разумомъ, надобно разсмотрѣть то, о чемъ сейчасъ говорили, справедливо ли то-есть поступимъ мы, когда заплатимъ деньги и возблагодаримъ тѣхъ, которые выведутъ меня отсюда? справедливы ли будемъ — и выводящіе и вы- D. водимые, или, дѣлая все это, оскорбимъ истину? Если такіе поступки окажутся несправедливыми; то-чтобы не защищаться и быть готовыми лучше умереть, или потерпѣть что-нибудь подобное, оставаясь здѣсь и ничего не предпринимая, чѣмъ умышлять неправду.

Крит. Ты, кажется, очень хорошо говоришь, Сократъ; изслѣдуй же, что намъ дѣлать.

Сокр. Постараемся изслѣдовать общими силами, добрый другъ мой,—и если ты будешь въ состояніи сказать что-нибудь противъ словъ моихъ, говори; я готовъ послушаться тебя: а когда нѣтъ, — оставь уже, любезнѣйшій, непрестанно E. повторять одно и то же,—что надобно выйти отсюда противъ

¹ То-есть, мы и прежде говорили, что не должно слѣдовать мнѣніямъ толпы, хотя бы она покушалась на нашу жизнь.

воли Аѳинянъ. Для меня дорого быть убѣжденнымъ тобою, что это нужно сдѣлать; лишь бы не сдѣлать мнѣ нехота ¹. Смотри же, вотъ начало изслѣдованія: удовлетворишь ли оно тебя? По-
49. старайся отвѣчать на вопросы, какъ думаешь лучше.

Крит. Хорошо, постараюсь ².

Сокр. Скажемъ ли мы, что по охотѣ никакимъ образомъ не должно дѣлать несправедливость, или допустимъ, что однимъ образомъ должно, а другимъ нѣтъ? Согласимся ли, — какъ часто и въ прежнее время соглашались, и сей-часъ говорили, — что оказываніе несправедливости отнюдь не есть ни доброе ни похвальное дѣло, или всѣ тѣ прежнія наши положенія въ теченіе этихъ немногихъ дней уплыли, — и мы, Критонъ, разсуждавшіе нѣкогда другъ съ другомъ серьезно, какъ люди, дожившіе до твоей старости, нынѣ забываемся и ничѣмъ неотличны отъ дѣтей? А можетъ быть, напротивъ, не то ли совершенно справедливо, что говорили мы тогда? — То-есть, подтверждаетъ ли толпа или не подтверждаетъ, надобно ли намъ перенести чтонибудь еще тяжелѣйшее или легчайшее, — но дѣлать несправедливость несправедливому, какимъ бы-то ни было обра-

¹ ἐγὼ περὶ πολλοῦ ποιεῖμαι πεῖσαι τι ταῦτα πράττειν, ἀλλὰ μὴ ἄκοντος. Это выраженіе можетъ быть переведено двоякимъ образомъ: 1) я дорого цѣню, что ты убѣждаешь меня сдѣлать это, — но только бы не противъ моей воли; 2) я дорого цѣню убѣдить тебя сдѣлать это, лишь бы не противъ твоей воли. Двузначительность этой фразы зависитъ отъ неокончат. *πεῖσαι* *σε*, котораго подлежащимъ можетъ быть и Критонъ и Сократъ. По моему мнѣнію, подлежащее здѣсь Критонъ, такъ что къ слову *μὴ ἄκοντος* надобно умственно присоединить *μοῦ*; потому что въ противномъ случаѣ Сократу было бы дорого убѣдить Критона только въ томъ, чтобы онъ не повторялъ одного и того же; а этому смыслу противорѣчитъ значеніе глагола *πράττειν*, которое всегда ставится въ связи съ предикатомъ положительнымъ. При томъ должно замѣтить, что *μὴ ἄκοντος* относится не къ *πεῖσαι*, а къ *πράττειν*; ибо иначе стояло бы *μὴ ἄκοντος*. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы сказать: мнѣ дорого, что ты убѣждаешь меня, я перевожу: для меня дорого быть убѣжденнымъ тобою; такого оборота рѣчи требуетъ аористъ *πεῖσαι*.

² ἀλλὰ παρὰ βουλήν. Такъ употребляется *ἀλλὰ* въ смыслѣ одобренія, или, какъ говорятъ грамматикѣ, *ἀποστικτικῶς*. Подобное употребленіе этого союза см. de Rep. IV. p. 421. *ἀλλὰ καὶὸς μοι δορεῖ; ἀγαπῶν*. Hoogren. doctrina particularum ling. gr. 13. VI.

зомъ, и преступно и постыдно ¹. Скажемъ ли это, или нѣтъ?

Крит. Скажемъ.

С.

Сокр. Слѣдовательно дѣлать несправедливость никакъ не должно.

Крит. Никакъ ².

Сокр. А если ни какъ не должно; то, вопреки мнѣнію толпы, не должно также и платить несправедливостію за несправедливость?

Крит. Кажется.

Сокр. Что же теперь ³? дѣлать зло, Критонъ, должно или нѣтъ?

¹ Протагоръ, Горгіасъ и другіе софисты учили, что надобно доброхотствовать друзьямъ и вредить врагамъ (Apolog. Socr. p. 28. С. Archiloch. ap. Theophil. ad Autolyc. L. II. 37. "Εὐ δ' ἐπίσταμαι μίχα, τὸ κακῶς τε δρώντα δευροῖς ἀντιμεβεβῆκε κακοῖς. Solon. in Brunckii Poët. gnom. p. 73. Εἶναι δὲ γλυκύν ὄδὸς φίλοις, ἐχθροῖσι δὲ πικρὸν τοῖσι μὲν αἰδοῖσθαι, τοῖσι δὲ δεῖνόν ἰδεῖν. Fragm. ap. Valcken. p. 157. Ἐχθρὸν κακῶς δεῖν ἀνδρὸς ἡρώουμι μίρος). Напротивъ Сократъ доказывалъ, что за несправедливость не должно платить несправедливостію, то-есть, враждебныя отношенія человѣка еще никому не даютъ права дѣлать ему зло. Однажды спросили Сократа (Gorg. p. 469): «неужели согласился бы онъ лучше быть обиженнымъ, нежели обидѣть»? Сынъ Софрониска отвѣчалъ: «я не хотѣлъ бы ни того ни другаго: но еслибы встрѣтилась необходимость либо обидѣть, либо быть обиженнымъ, то скорѣе избралъ бы послѣднее, чѣмъ первое». Сколь ни высока эта нравственность въ сравненіи съ софистическою; но что значить она предъ нравственностію христіанскою, которая повелеваетъ не только не обижать враговъ, но еще любить ихъ и благотворить имъ!

² οὐ δῆτα. Частица δῆτα въ отвѣтахъ обыкновенно соединяется либо съ μή, либо съ οὐ. Μὴ δῆτα выражаетъ страстное движеніе чувства, отвращающагося отъ чего-нибудь; напр. Eurip. Orest. v. 1329. Σκεῖν Ορέστην μήμ' ἰδοῦξί τῆ δὲ γῆ.—Μὴ δῆτα, Оресту и мнѣ суждено въ этой землѣ умереть. — Да не будетъ. Напротивъ οὐ δῆτα только усиливаетъ отрицаніе, напр. Aristoph. Acharn. v. 619. ὦ δημοκρατία, ταῦτα οὐτ' ἀναχεται; — οὐ δῆτα. О демократія! это ли можно стерпѣть?—Никакъ.

³ τί δὲ δεῖ; Эта формула употребляется въ смыслѣ заключительномъ: 1) при увѣщаніяхъ, и соответствуетъ русской: *такъ что же?* Напр. Plat. Protag. p. 358. τί δὲ δεῖ, ἢ ἀνδρες, τί τοῦτο δὲ αἰεὶ ἐπὶ τοῦτοι ποιεῖς ἀπαλλοχεῖται. Такъ что же это, почтеннѣйшіе? Всѣ наши дѣйствія и проч.; 2) При возвращеніи къ главному предмету рѣчи, какъ русское *ну, а . . .*; напр. Euthyphr. p. 14 τί δὲ δεῖ; τὸν πολλόν καὶ κληῖον κ. τ. λ. Ну, а изъ многихъ прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, и проч. 3) При выведеніи результата послѣ изслѣдованія; порусски: *что же теперь?* Напр. въ Hipp. p. 575 послѣ многократнаго повторенія τί δὲ, наконецъ говорится: τί δὲ δεῖ, ἀνδρόπι ψυχὴν κεντρεῖσαι κ. τ. λ. Въ этомъ послѣднемъ значеніи она употреблена и здѣсь.

Крит. Думаю, не должно, Сократъ.

Сокр. Что еще? Терпя, платить зломъ за зло справедливо ли, какъ говорить толпа, или несправедливо?

Крит. Вовсе несправедливо.

Сокр. Конечно по тому, что между дѣланіемъ зла и несправедливостію нѣтъ никакого различія.

Крит. Твоя правда.

Сокр. И такъ никто не долженъ ни воздавать несправедливостію за несправедливость, ни дѣлать людямъ зло, хотя бы самъ и терпѣлъ отъ нихъ что-нибудь подобное. Но смотри, Критонъ: соглашаясь съ этимъ, какъ бы не противорѣдишь мнѣнію¹. Я вѣдь знаю, что такія мысли нравятся и будутъ нравиться немногимъ. Слѣдовательно тѣ, которымъ онѣ нравятся, и тѣ, которымъ не нравятся, не имѣютъ общаго убѣжденія, но одни необходимо презираютъ другихъ, потому что видятъ, какія другъ у друга помыслы. Всмотрись же хорошенько, точно ли ты согласенъ со мною и одобряешь это: тогда мы примемъ за начало нашего совѣта, что и дѣлать несправедливость, и платить несправедливостію, и, страдая, угрожать зломъ за зло—всегда беззаконно. Или ты отступаешься и не принимаешь вмѣстѣ со мною этого начала? Е. Вѣдь мнѣ, что прежде казалось, то и теперь еще кажется; а тебѣ если показалось нѣчто иное—говори и научи: когда же остаешься при прежнихъ мысляхъ,—слушай, что слѣдуетъ далѣе.

Крит. Да, я остаюсь при прежнихъ мысляхъ и согласенъ съ тобою: повтому говори.

Сокр. Вотъ и говорю, что слѣдуетъ далѣе, или лучше спрашиваю: кто сдѣлалъ съ другимъ договоръ касательно

¹ *ἔπος μὴ παρὰ δόξαν ἰδιόλογος*: Здѣсь говорится о мнѣніи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ выше принималъ его Критонъ, то-есть объективно, въ смыслѣ народной молвы, которая, какъ ему казалось, должна побудить Сократа уйти изъ темницы. Астъ и Шлейермахеръ неправильно понимаютъ и переводятъ это выраженіе; по Асту: *at vide, Crito, ne hoc concedens, praeter tuam ipse sententiam cedas*; по Шлейермахеру: *und siehe wohl zu, Kriton, wenn du dies eingestehest, dass du es nicht gegen deine Meinung eingestehest*.

чего-нибудь справедливаго; тотъ долженъ ли выполнить его; или обмануть?

Крит. Выполнить.

Сокр. Сообрази же. Выходя отсюда безъ согласія города, дѣлаемъ ли мы кому-нибудь зло, и притомъ людямъ всего бо. менѣ заслужившимъ это, или не дѣлаемъ?— и остаемся ли вѣрными законнымъ условіямъ, или нѣтъ?

Крит. Я не могу отвѣчать на твой вопросъ, Сократъ; потому что не понимаю его.

Сокр. Но разсмотри вотъ какъ: Пусть мы вознамѣрились бы бѣжать, — или какъ иначе назвать это, — вдругъ приходятъ законы и, вступаясь за общее дѣло республики, говорятъ: скажи намъ, Сократъ, что ты это задумалъ? Видно предпринимаемымъ поступкомъ умышляешь, сколько отъ тебя зависить, причинить погибель и намъ — законамъ, и цѣлому городу? Развѣ, по твоему мнѣнію, тотъ городъ можетъ еще существовать и не разрушиться, въ которомъ судейскія опредѣленія не имѣютъ никакой силы, въ которомъ онѣ теряютъ свою важность и искажаются людьми частными? Что скажемъ на это и на другое тому подобное, Критонъ? А въ защиту-то поправнаго закона, повелѣвающаго уважать произнесенныя имъ опредѣленія, кто-нибудь, особенно риторъ, могъ бы сказать многое. Впрочемъ, не дадимъ ли такой отвѣтъ, что городъ с. сдѣлалъ намъ несправедливость и не вѣрно обмыслилъ свое рѣшеніе? Это, или что будемъ отвѣчать?

Крит. Это, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Но что сказали бы законы? Сократъ! развѣ мы и въ этомъ условливались съ тобою, или только въ томъ, чтобы ты былъ вѣренъ опредѣленіямъ, которыя произноситъ городъ? А если бы мы, слыша слова ихъ, изъявили удивленіе; то они можетъ быть примолвили бы: Сократъ! не удивляйся нашимъ рѣчамъ, но отвѣчай: — ты вѣдь привыкъ предлагать вопросы и давать отвѣты. Скажи-ка, за какую вину нашу D. и общественную хочешь погубить насъ? Во-первыхъ, не мы ли родили тебя? Не чрезъ насъ ли твой отецъ женился на

твоей матери и далъ тебѣ жизнь? Говори же, порицаешь ли ты за какіе-нибудь недостатки тѣ изъ насъ—законовъ, которыми скрѣпляются брачныя узы?—Не порицаю, сказалъ бы я.—А тѣ, которые завѣдываютъ воспитаніемъ и образованіемъ рожденнаго, и подъ управленіемъ которыхъ образованъ самъ ты? Развѣ законы, завѣдывающіе этими дѣлами, нехорошо предписали, чтобы твой отецъ научилъ тебя музыкѣ и гимнастикѣ?—Хорошо, отвѣчалъ бы я. — Конечно; но получивъ бытіе, воспитаніе, можно ли тебѣ вопервыхъ сказать, что ты и не потомокъ нашъ и не рабъ? Можешь ли сказать это и за себя и за своихъ предковъ? А если такъ, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что когда мы рѣшаемся предписать тебѣ какое-нибудь дѣло, —ты имѣешь право противодѣйствовать нашимъ предписаніямъ? Да твое право не равнялось и праву твоего отца, и праву господина, если онъ былъ у тебя; потому что, страдая, тебѣ непозволительно было подвергать страданію, слушая брань, противорѣчить, принимая побои, бить, —и многое тому подобное. Ужели же позволительно тебѣ дѣлать это въ отношеніи къ отечеству и законамъ, такъ что, когда мы, опираясь на свое право, намѣреваемся погубить тебя, ты рѣшаешься, сколько отъ тебя зависитъ, погубить насъ—законы и отечество, и говоришь, что твой поступокъ справедливъ, —говоришь ты, истинный ревнитель добродѣтели? Такова-то твоя мудрость! Ты забылъ, что отечество почтеннѣе и матери, и отца, и всѣхъ предковъ; что оно досточтимѣе, священнѣе, выше ихъ и предъ богами, и предъ людьми умными; что предъ нимъ должно благоговѣть и, когда оно гнѣвается, покорствоваться и угождать ему болѣе, чѣмъ отцу; что повелѣваетъ ли оно дѣлать, —надобно или уговорить его, или дѣлать, предписываетъ ли страдать, — надобно страдать, притомъ молча. Пусть оно бьетъ, налагаетъ оковы, ведетъ на войну для ранъ и смерти, надобно исполнять.—И вотъ справедливость: не уклоняться, не оставлять своего мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и вездѣ дѣлать то, что повелѣваютъ

городъ и отечество; или ужъ показать ему, въ чемъ состоитъ существо справедливости. Насиліе же и въ отношеніи къ отцу и матери нечестиво; а въ отношеніи къ отечеству оно еще хуже. Что скажемъ на это, Критонъ? Правду ли говорятъ законы, или нѣтъ?

Крит. Да, кажется.

Сокр. Смотри же Сократъ, продолжали бы вѣроятно законы, истинны ли слова наши, что, намѣреваясь совершить противъ насъ настоящій поступокъ, ты не правъ. Родивъ, воспитавъ, образовавъ тебя и давъ тебѣ, какъ и прочимъ гражданамъ, все зависѣвшее отъ насъ прекрасное, мы одна-кожъ публично предоставили на волю каждаго Аѳинянина выдержать испытаніе ¹, узнать дѣла города и насъ—законы, и, если кому не нравимся, взять свое имущество и удалиться, куда угодно. Въ этомъ случаѣ ни который изъ насъ—законовъ не препятствуетъ и не запрещаетъ вамъ, если хотите, переселиться въ колонію ², какъ скоро ни мы, ни городъ—не по мыслямъ, а оттуда переѣхать въ какое угодно иное мѣсто со всѣмъ своимъ имуществомъ. Но кто изъ васъ, видя, какъ мы разсматриваемъ судебныя дѣла и управляемъ горо-

¹ *δοκιμασθῆναι*. Такъ читается во всѣхъ спискахъ, кромѣ одного венеціанскаго E, въ которомъ стоитъ *δοκιμαζῆναι*. Не смотря на то, что послѣдняго чтенія держатся почти всѣ переводчики, и, вмѣстѣ съ Штальбомомъ, не нахожу причины предпочитать его первому; потому что страдательнымъ *δοκιμασθῆναι* указывается на древній законъ, которымъ предписывалось вводить юношу въ званіе человека совершеннолѣтняго посредствомъ испытанія, *δοκιμασία εἰς ἀνδρα*. Это испытаніе, долженствовавшее дать юношѣ право на общественную службу и почести, состояло въ показаніи его происхожденія и законности его генеалогія, также въ изслѣдованіи его понятій о государственныхъ постановленіяхъ и вообще о добрѣ и злѣ. Юноши, выдержавшіе испытаніе, вносились въ особую книгу, *ἐκξιστορικῶν γραμματέων*, или *βιβλίον*. *Aeschin. adv. Timarch.* p. 26. ed. Bremi. Ἐπειδὴ δὲ ἔγραψεν τις εἰς τὸ ἐκξιστορικῶν γραμματέων, καὶ τοὺς νόμους εἰδὴ τοὺς τῆς πόλεως καὶ ἕδη δύναται διαλογίζεσθαι τὰ καλὰ καὶ τὰ μὲν, οὐκ ἔτι ἰστέον διακτελεῖται (ὁ νόμος ἐστίν). *Demosth. in Midiam.* C. 43. *Boeckh. de ephelia Attica*, въ книгѣ: *Neues Archiv für Philologie etc.* v. Seebode P. III. p. 18 sqq.

² *εἰς ἀποικίαν ἵεναι*. Выраженіе *εἰς ἀποικίαν ἵεναι*, значитъ, переселиться въ греческую и именно аѳинскую колонію, а *μετακτείνεσθαι* переѣхать въ другое, греческое или варварское государство.

- Е. домъ во всѣхъ отношеніяхъ, остался; тотъ у насъ почитается уже такимъ человекомъ, который далъ намъ согласіе на самомъ дѣлѣ — исполнять все, что бы ни было приказано, и если онъ не послушенъ, то мы признаемъ его *встройвѣ* виноватымъ: — и потому, что не повинуется намъ, какъ родителямъ, и потому, что оскорбляетъ насъ, какъ воспитателей, и потому, что согласившимся слушаться насъ, и не слушается и не показываетъ намъ, что мы въ чемъ-нибудь поступаемъ худо. Между тѣмъ какъ съ нашей стороны только предлагается, а не предписывается строго исполнять то, что приказываемъ, только позволяется одно изъ двухъ — или доказать намъ, или исполнить, — онъ не дѣлаетъ ни того ни другаго. Этимъ же обвиненіямъ подвергнешься и ты, Сократъ, какъ скоро совершишь то, что замышляешь, — подвергнешься и ты не только не менѣе прочихъ Аѳинянъ, но еще болѣе, чѣмъ они. А если бы я спросилъ ихъ: почему это такъ? — то они, можетъ быть, справедливо укорили бы меня и сказали: потому, что ты далъ намъ это согласіе предпочтительно В. предъ другими Аѳинянами. Они сказали бы: Сократъ! у насъ есть важныя доказательства, что и мы, и городъ — тебѣ нравились; потому что ты, вѣроятно, не жилъ бы здѣсь отлично отъ всѣхъ Аѳинянъ, если бы не имѣлъ столь же отличнаго расположенія къ мѣсту своего жительства. Ты никогда не оставлялъ города даже и для общественныхъ праздниковъ¹, развѣ только ходилъ на Истмъ; никогда не отправлялся и въ другія мѣста, развѣ сражаться; никогда не предпринималъ и путешествій, какъ дѣлаютъ многіе. У тебя не было охоты

¹ καὶ οὐτ' ἐπὶ θεορίαν. Разумѣются олимпійскія, немейскія, истмійскія и пнейскія игры, на которыя стекалась вся Греція. Слѣдующее: *развѣ только*, *ѣти мѣ* ἀπαξ, не должно быть смѣшиваемо съ *εἰ μὴ*. *Εἰ μὴ* есть формула просто исключительная, а *ѣти мѣ* исключаетъ только послѣ предшествующей отрицательной мысли. Напр. не хорошо было бы сказано: ἀπόλωτο πάντες, *ѣти мѣ* ἄλλοι τῆ φουῆ τέλειαι. Надобно сказать: οὐδεὶς ἐσώθη *ѣти мѣ* ἄλλοι τῆ φουῆ. Thucyd. L. IV. C. 94. οὐ παρεγένετο, *ѣти мѣ* ἄλλοι. Впрочемъ должно замѣтить, что *ѣти мѣ* часто употребляется вмѣсто *εἰ μὴ*, но *εἰ μὴ* — никогда вмѣсто *ѣти мѣ*, если не предшествуетъ отрицаніе.

познакомиться съ иными городами и иными законами ¹; мы и нашъ городъ удовлетворяли тебя. Вотъ какъ ты предпочиталъ насъ и соглашался управляться нами! Да и дѣтей родилъ здѣсь, потому что здѣшнее тебѣ нравилось. При томъ, во время самаго судопроизводства, если бы тебѣ хотѣлось, въ твоей власти было обречь себя на изгнаніе; — и тогда ты сдѣлалъ бы тоже самое съ согласіемъ города, что теперь предпочитаешь противъ его воли. Между тѣмъ, тогда ты показывалъ видъ, будто не оскорбляешься, если тебѣ надобно умереть, и говорилъ, что смерть предпочитаешь ссылкѣ: а теперь и тѣхъ словъ своихъ не стыдишься, и насъ — законовъ не совѣстишься, но умышляешь намъ погибель; теперь ты дѣлаешь то, что сдѣлалъ бы самый негодный рабъ, потому что рѣшаешься бѣжать, вопреки условіямъ и согласію управляться нами. Итакъ, сперва отвѣчай: правду ли мы говоримъ, утверждая, что ты обѣщался слѣдовать намъ, если не словомъ, то дѣломъ, или не правду? Что скажемъ на это, Критонъ? Не приходится ли согласиться?

Крит. Необходимо, Сократъ.

Сокр. Значитъ, ты нарушаешь заключенныя съ нами условія, сказали бы они, и забываешь о своемъ согласіи, которое далъ и не по необходимости, и не по дѣйствию обмана, и не потому, что имѣлъ мало времени для размышленія. Въ продолженіе семидесяти лѣтъ, тебѣ можно было бы удалиться, если бы мы не нравились, или, если бы твое согласіе казалось несправедливымъ. Такъ нѣтъ, ты не предпочелъ ни Лакедемона, ни Крита, которые всякій разъ признавалъ благоустроенными ², и никакого инаго эллинскаго или варварскаго города: ты рѣже оставлялъ свое отечество, чѣмъ храмы, слѣпыя и другіе калѣки. Очевидно, что тебѣ болѣе, нежели прочимъ Аѳинянамъ, нравились — нашъ городъ и мы

¹ По свидѣтельству Сенеки, Лаерція, Ливанія и др.: Сократъ отказался отъ многихъ иноземныхъ приглашеній, и между прочимъ отъ приглашенія Архелая, который звалъ его въ Македонію.

² Эти отзывы Сократа см. de Republ. VIII. p. 544. С. Legg. I. p. 634. sqq. Protag. p. 342. С. D. Alcib. I. p. 121.

законы; ибо кому понравился бы городъ безъ законовъ? И вотъ теперь однакожь ты не стоишь въ своихъ обѣщаніяхъ.— Нѣтъ, Сократъ, насъ-то ты слушаешься и не уйдешь изъ города, что бы сдѣлаться предметомъ смѣха. Разсмотри-ка хорошенько: совершивъ свое преступленіе и уклонившись отъ своего долга, какое благо доставишь ты себѣ, или друзьямъ своимъ? Что друзья твои подвергнутся также необходимости бѣжать и лишиться отечества, или потерять имущество, — это почти вѣрно. А самъ ты?—положимъ сперва придешь въ который-нибудь изъ ближайшихъ городовъ, — въ Фивы или Мегару, потому что оба они отличаются благоустройствомъ: но туда явишься ты, Сократъ, какъ врагъ ихъ учреждений; и тѣ, на которыхъ возложено попеченіе объ этихъ городахъ, будутъ смотрѣть на тебя съ недовѣрчивостію, какъ на разрушителя законовъ. Значить, твой поступокъ только подтвердитъ мнѣніе судей, что ихъ приговоръ надъ тобою, должно быть, справедливъ; ибо кто нарушаетъ законы, тотъ безъ сомнѣнія можетъ показаться развратителемъ юношей и безумцевъ. Положимъ опять, что ты постараяешься избѣгать городовъ благоустроенныхъ и людей порядочныхъ: но дѣлая это, стоитъ ли тебѣ жить на свѣтѣ? Приближаясь къ нимъ, развѣ тебѣ не стыдно будетъ собственныхъ своихъ словъ? — и какихъ словъ, Сократъ! — тѣхъ, которыя ты говорилъ здѣсь, что добродѣтель и справедливость, политическія учрежденія и законы — для людей весьма важны. Не ужели не думаешь, что тогда Сократъ явится человѣкомъ презрѣннымъ¹? И вѣдомо. Положимъ также, что, вырвавшись изъ этихъ мѣстъ, ты придешь въ Фессалию, къ Критоновымъ знакомымъ: тамъ-то уже величайшее неустройство и своеволие; тамъ, можетъ быть, не безъ удовольствія будутъ слушать, какъ забавно бѣжалъ ты изъ темницы, завернувшись въ какой-нибудь плащъ, или одѣвшись въ шубу, либо во что другое, по обычаю бѣглецовъ, и

¹ *ἄχι οὐκ οἴει—τὸ τοῦ Σωκράτους πρῶμα.* См. къ Протаг. р. 312 С.

такимъ образомъ измѣнивши свою наружность. Но и тамъ ужели никто не скажетъ, что ты, въ старыхъ лѣтахъ, доживая, по всей вѣроятности, небольшой остатокъ своего времени, дерзнулъ такою скользкою дорогою усиленно искать жизни и преступить великіе законы? Можетъ быть, — если никогда не оскорбишь: а не то, — услышишь, Сократъ, много и такого, что не достойно тебя. Ты будешь жить, принаровляясь ко всѣмъ людямъ и служа имъ. Да и что тебѣ дѣлать въ Фессалии, если не пировать, пріѣхавъ туда, будто на балъ? А тѣ рѣчи о справедливости и другихъ добродѣтеляхъ — куда дѣнутся у насъ? Но представимъ, что ты хочешь жить для дѣтей — съ цѣлію воспитать и образовать ихъ. Такъ чтожь? лучше ли воспитаются и образуются они, перешедши въ Фессалию и сдѣлавшись иностранцами, чтобы и этимъ быть обязанными тебѣ? или воспитаніе и образованіе ихъ при тебѣ пойдетъ нехорошо, но будетъ успѣшнѣе безъ твоего участія ^{54.} ¹, когда то-есть позаботятся о нихъ друзья твои? Но если твои друзья примутъ ихъ на свое попеченіе, по отшествіи твоёмъ въ Фессалию; то неужели не попекутся о нихъ, по отшествіи твоёмъ въ преисподнюю? И вѣдомо, что попекутся, лишь бы, называясь твоими друзьями, искренно хотѣли услужить тебѣ. Такъ, Сократъ; повинуюсь намъ — твоимъ воспитателямъ, не ставъ выше справедливости ни дѣтей, ни жизни и ни чего другаго, чтобы, сошедши въ преисподнюю, мочь въ свое оправданіе сказать все это властямъ ея. Твой поступокъ, видишь, и здѣсь не общааетъ и тебѣ и твоимъ ничего хорошаго, справедливаго и святаго; да и по пришествіи туда не обрадуетъ тебя ничѣмъ лучшимъ. Если ты теперь отойдешь; то отойдешь обиженнымъ — не отъ насъ законовъ, а отъ людей: напротивъ, если убъжишь, и такъ постыдно воздашь обиду за обиду, зломъ за

¹ Греческій текстъ въ этомъ мѣстѣ видимо перепутанъ. Онъ читается такъ: ἢ τοῦτο μὲν οὐ, αὐτοῦ δὲ τρεφόμενοι σοῦ ζώοντος βέλτιον ἐρίσεται καὶ παιδεύονται, μὴ ξυνόοντος σοῦ αὐτοῦ;?. Кажется, слѣдовало бы читать: ἢ τοῦτο μὲν οὐ, αὐτοῦ σοῦ ζώοντος, τρεφόμενοι δὲ βέλτιον ἐρίσεται καὶ παιδεύονται μὴ ξυνόοντος σοῦ αὐτοῦ;.

зло, нарушивъ свои обѣщанія и договоръ съ нами и сдѣлавъ зло тѣмъ, которые менѣе всего виноваты, то-есть, себѣ, друзьямъ, отечеству и намъ; то во время твоей жизни будемъ гнѣваться на тебя мы, а послѣ неблагосклонно примутъ тебя и наши братья — законы преисподней, зная, что ты, сколько отъ тебя зависѣло, умышлялъ на нашу гибель. Не вѣрь же Критону болѣе, чѣмъ намъ, и не дѣлай того, что онъ говоритъ.

Вотъ слова, любезнѣйшій другъ, Критонъ, которыя я, кажется, слышу, какъ кориванты слышатъ олейту ¹! Звуки этихъ словъ такъ поражаютъ меня, что я не могу внимать ничему другому. Знай же, что ты напрасно бы говорилъ, если бы сталъ утверждать что-нибудь противъ настоящаго моего мнѣнія. Впрочемъ, если можешь сказать болѣе, говори.

Крит. Нѣтъ, Сократъ, не могу.

Сокр. Такъ перестань, Критонъ; сдѣлаемъ то, къ чему ведетъ Богъ.

¹ ὡς περ οἱ κοριβαντιῶντες τῶν αὐτῶν δεομένων ἀκούειν. Кориванты, служители великой матери боговъ въ Фригiи. По свидѣтельству Страбона, они выражали присутствiе въ себѣ бога изступленною пляскою. *Strabo* X. p. 726. Отсюда *κοριβαντιῶν*—страдать воображаемою болѣзнию, называвшеюся въ древности *κοριβαντικισμός*.

ФЕДОНЪ.

ФЕДОНЪ

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемый здѣсь разговоръ Платона озаглавивается именемъ одного Сократова ученика, который, по свидѣтельству Цицерона ¹, находился въ дружеской связи съ Платономъ и, какъ извѣстно, послѣ смерти своего учителя основалъ особую философскую школу въ пелопоннескомъ городѣ Элидѣ.

Платоновъ Федонъ во всѣ времена почитаемъ былъ драгоценнымъ литературнымъ произведеніемъ древняго міра. Интересность его поддерживалась особенно тѣмъ, что въ немъ, какъ и во многихъ другихъ сочиненіяхъ Платона, предметъ философскаго изслѣдованія обрамленъ поразительнымъ историческимъ событіемъ, и что самое это событіе, служа практическимъ доказательствомъ раскрываемой въ немъ истины, значительно возвышаетъ свѣтъ ея и сообщаетъ ей теплоту убѣдительности. Сократъ, прославившійся своею мудростію, нравственно доброю жизнію и ревностію къ истиннымъ пользамъ общества, по навѣту враговъ, приговоренъ къ смерти и содержится въ аѳинской темницѣ. Черезъ нѣсколько часовъ, согласно съ опредѣленіемъ судей, онъ долженъ выпить ядъ и умереть. Друзья и ученики пришли проститься съ нимъ и видѣть его кончину; они со слезами окружаютъ темничный одръ своего учителя и готовы ловить каждое предсмертное его слово. Начинается бесѣда. Проникнутый разумною вѣрою въ бытіе жизни загробной, Сократъ обнаруживаетъ не страхъ смерти, а надежду на бессмертіе, не возмущеніе души, а спокойное ожиданіе лучшаго, и свое убѣжденіе старается

¹ *Cicer. de Nat. D.* 1, 33.

перелить въ скорбныя души друзей цѣлымъ рядомъ философскихъ размышленій о томъ, что за этою жизнію непремѣнно должна слѣдовать жизнь другая — лучшая и блаженнѣйшая. Такимъ образомъ въ Платоновомъ Федонѣ философскій предметъ оживляется соответствующимъ ему дѣйствіемъ, созерцательная истина получаетъ развитіе въ осязательной области чувства, отвлеченное изслѣдованіе идетъ въ связи съ судьбою изслѣдователя и направляется къ тому, чтобы въ олицетворенной Сократомъ человѣческой природѣ указать возможно твердую точку опоры для борьбы съ опасеніями и суемудріемъ скептицизма, обрекающаго разумную душу на смерть и уничтоженіе. Кратко: въ Платоновомъ Федонѣ выдержаны почти всѣ условія трагедіи. Мы видимъ здѣсь и драматическій узелъ—въ представленіи близкой Сократовой кончины, которая, не смотря на тожество своего значенія для всѣхъ, въ ученикахъ поддерживаетъ чувство скорби и сомнѣнія, а учителю общаетъ отрадную будущность. Мы видимъ здѣсь и развязку—въ торжествѣ философской надежды на безсмертіе, снимающей съ животнаго страха мрачныя покровы скорби, которыми слабая, поработанная плоть и невѣжественная душа облекается предъ образомъ смерти.

Эту прекрасную идею философской своей драмы Платонъ развилъ съ такимъ искусствомъ и такъ мастерски раскинулъ сѣть главныхъ ея мыслей, долженствовавшихъ постепенно и незамѣтно направлять читателя къ убѣжденію въ безсмертіи, что не знаешь, чему болѣе удивляться, вѣрности ли содержанія, или художественности плана.

Разговоръ начинается вопросомъ о смерти Сократа и о предсмертномъ собесѣдованіи его съ учениками. Желая удовлетворить любопытству своего друга, Эхекрата, Федонъ рассказываетъ ему о причинѣ, замедлившей исполненіе казни надъ Сократомъ, потомъ перечисляетъ тѣ лица, которые въ послѣдній день находились у своего учителя, и наконецъ говоритъ, какимъ образомъ они были впущены въ темницу, какъ нашли тамъ Ксантиппу, испускавшую вопли и рыданія,

и какъ Сократъ попросилъ Критона отослать ее домой. Это отдѣленіе діалога можно назвать *историческимъ вступленіемъ* въ бесѣду. Р 57—60 А.

Когда такимъ образомъ сцена дѣйствія была приготовлена, слѣдовало установить и показать предметъ его. Это начинается тѣмъ, что Сократъ, сейчасъ только освобожденный отъ оковъ, потираетъ себѣ ногу и говорить: «Какъ страннымъ кажется мнѣ то, что люди называютъ приятнымъ! Въ какой удивительной связи находится оно съ скорбію, хотя послѣдняя по видимому противоположна первой! Вотъ и самъ я отъ оковъ прежде чувствовалъ въ своей ногѣ боль, а теперь за болью, кажется, слѣдуетъ что — то приятное. Если бы моя мысль представилась Езопу, онъ сложилъ бы изъ нея басню.» — Услышавъ о Езопѣ, Кевисъ вдругъ припоминаетъ порученіе поэта Эвина — спросить у Сократа, что заставило его въ темницѣ перелагать въ стихи Езоповы басни. На вопросъ объ этомъ Сократъ отвѣчаетъ: «Такое дѣло внушено было мнѣ неоднократно сновидѣніемъ, которое повелѣвало заниматься музыкою. И я занимался; потому что безопаснѣе умереть, когда успокоена совѣсть послушаніемъ. Скажи же Эвину, чтобы и онъ потомъ бѣжалъ за мною.» — Это выраженіе Сократа: «ἐμὲ δὴοικειν ὡς τὰχιστα» Симмиасъ понялъ буквально и говоритъ, что Эвинъ не такой человѣкъ, — не послушается. — А развѣ онъ не философъ, спросилъ Сократъ? Если философъ, то послушается, хотя и не наложитъ на себя рукъ. — Изъ этихъ словъ Сократа естественно вытекаетъ вопросъ: какимъ образомъ можно слѣдовать за умирающимъ философомъ, не налагая на себя рукъ? — Сократъ отвѣчаетъ на него такъ: боги—наши попечители, а мы—одно изъ ихъ стяжаній. Но еслибы какое нибудь изъ твоихъ стяжаній, Кевисъ, захотѣло умертвить само себя, независимо отъ твоего соизволенія на эту смерть, то не прогнѣвался ли бы ты на него и не подвергъ ли бы его наказанію? Значить, благоразуміе требуетъ не умерщвлять себя прежде, пока Богъ не пошлетъ такой необходимости, въ какую теперь поставлены

мы. — Явно, что этимъ отвѣтомъ рѣшена только половина предложеннаго вопроса, то-есть — не должно налагать на себя рукъ; а другая остается еще безъ отвѣта. Повтому Кевись снова спрашиваетъ: за чѣмъ же однако философамъ желать смерти, особенно когда Богъ есть нашъ попечитель? За чѣмъ ты такъ равнодушно оставляешь и насъ и боговъ, которыхъ самъ же считаешь добрыми властителями? — Для защиты себя противъ такого обвиненія Сократъ обѣщается доказать, что по смерти онъ, можетъ-быть, увидится съ добрыми людьми и непременно предстанетъ предъ добрыхъ владыкъ — боговъ, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ гораздо лучше, нежели злымъ. Всю эту систему предварительныхъ мыслей, направленную къ установленію бесѣды, надобно почитать *прологомъ* Платонова Федона. Р. 60. В—64. А.

Установивъ тему разговора, Сократъ далѣе предлагаетъ цѣлый рядъ доказательствъ, что наша душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, вступить въ новый періодъ жизни и будетъ существовать вѣчно. Обозрѣвая эти доказательства, нельзя не замѣтить обширной сообразительности, которая связываетъ ихъ однѣ съ другими. Это не есть простое, численное показаніе, основаній, на которыхъ утверждается убѣжденіе въ безсмертіи: это—одна нераздѣльная ткань основныхъ идей, органически соединенныхъ въ цѣлое *философское изслѣдованіе*; такъ что каждая изъ нихъ, взятая сама по себѣ, можетъ казаться либо произвольною, либо одностороннею, либо неясною, а разсматриваемая всѣ вмѣстѣ и въ связи одна съ другой, онѣ постепенно растутъ, укрѣпляются, круглятся и всестороннимъ своимъ развитіемъ мало по малу разсѣваютъ недоумѣнія, относящіяся къ изслѣдываемому предмету.

Сократъ прежде всего опредѣляетъ, что такое смерть, и согласно со всеобщимъ убѣжденіемъ, почитаетъ ее отрѣшеніемъ души отъ тѣла. Потомъ онъ изслѣдываетъ отличительныя черты истиннаго философа и находитъ, что достойный своего имени мудрецъ во всю жизнь болѣе и болѣе отрѣшается отъ тѣла, потому что тѣло своими чувствами закры-

ваецъ отъ него истину и, требуя заботливости о себѣ и о своемъ, отвлекаетъ его отъ разумѣнія; безъ истины же и разумѣнія невозможно ни справедливое, ни доброе, поколику то и другое въ своей сущности созерцается душою,—невозможны ни мужество, ни разсудительность, поколику первое не должно связываться страхомъ смерти, а послѣдняя удовольствіями тѣлесными,—вообще невозможна никакая добродѣтель. Сократъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: «Не это ли, не отрѣшеніе ли души отъ тѣла называется смертію? Отрѣшить же душу всегда стараются преимущественно тѣ, которые истинно философствуютъ, поколику занятіе философа въ томъ и состоитъ, чтобы отрѣшать душу отъ тѣла. Слѣдовательно, не смѣшно ли было бы, если бы человѣкъ, своею жизнію приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла къ нему? Итакъ я справедливо не жалуясь и не скорблю, оставляя васъ, ибо надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми друзьями.» Р. 64. В—69. В.

Понятно, что это доказательство вполне оправдываетъ Сократа въ безтрепетномъ ожиданіи смерти, такъ какъ онъ во всю жизнь умиралъ, то есть, постепенно отрѣшался отъ всего тѣлеснаго. Но отсюда еще непосредственно не вытекаетъ истина о загробномъ существованіи души. Поэтому Кевисъ возражаетъ: душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, не разсѣется ли какъ воздухъ или паръ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Сократу надлежало доказать, что искомое философомъ разумѣніе, для котораго онъ старается очищать душу отъ всего чувственнаго, скрывается въ ней самой и не подлежитъ закону переворотовъ, называемыхъ жизнію и смертію. Доказательство его къ этой цѣли идетъ слѣдующимъ образомъ. Есть старинное преданіе, говоритъ онъ, что души, живущія на землѣ, перешли сюда изъ умершихъ. Преданіе это можно подтвердить наблюденіемъ надъ всѣми вещами природы. Въ природѣ все бываетъ такъ, что противное происходитъ изъ противнаго, на примѣръ большее изъ меньшаго, лучшее изъ

худшаго и на оборотъ. Притомъ, между противоположностями всегда есть состоянія среднія или точки переходенія одной противоположности въ другую; таковы на примѣръ между сномъ и бодрствованіемъ — засыпаніе и пробужденіе. Предположивъ это, какъ посылку, Сократъ напоминаетъ о взаимной противоположности жизни и смерти и о среднихъ или переходныхъ состояніяхъ первой и послѣдней, то есть, объ оживаніи и умираніи, и наконецъ заключаетъ: слѣдовательно изъ умершаго происходитъ живущее, а изъ живущаго умершее, и наши души съ одной стороны существовали до рожденія, съ другой — будутъ существовать и по смерти. Притомъ замѣтъ, продолжалъ Сократъ, что допущенныя нами противоположности непременно должны совершать кругъ, то есть, имѣть происхожденіе обоестороннее: въ противномъ случаѣ все перейдетъ въ одинъ и тотъ же видъ, и движеніе прекратится. Р. 69. С—72. D.

Этотъ развитый Сократомъ силлогизмъ составляетъ однакожь только первую половину предположеннаго имъ доказательства. Изъ него еще не видно, точно ли душа, переходя изъ смерти въ жизнь и изъ жизни въ смерть, сохраняетъ тожество своего разумѣнія и въ существѣ своемъ не зависитъ отъ переворотовъ тѣлеснаго бытія. Поэтому Сократъ далѣе старается доказать, что, не смотря на послѣдовательную противоположность состояній, душа постоянно носить въ себѣ однѣ и тѣ же идеи. Ученіе, говоритъ онъ, есть не иное что, какъ припоминаніе. Но припоминать значитъ воскрешать въ памяти то, что мы когда-то знали, только забыли. Остановившись на этой мысли, Сократъ подробно развиваетъ теорію такъ называемаго содружества идей и полагаетъ, что эта теорія основывается на предварительно полученномъ знаніи ихъ; положеніе свое подтверждаетъ онъ особенно тѣмъ, что для насъ не было бы вещей равныхъ и неравныхъ, подобныхъ и неподобныхъ, если бы въ нашей душѣ не обрѣталось готоваго знанія о равномъ и неравномъ, подобномъ и неподобномъ самомъ въ себѣ. И это

знаніе, говоритъ онъ, имѣемъ мы вовсе не отъ чувствъ, потому что всѣ чувственныя равенства и подобія далеко недостаточнѣе его. Дѣятельностію чувствъ только возбуждаются забытыя нами истины. Если же идеи, какъ знанія сами въ себѣ, получены нами не чрезъ чувства и предшествуютъ дѣятельности чувствъ; то мы должны были получить ихъ до рожденія. Слѣдовательно душа не только существовала въ міръ прежнемъ, но еще существовала съ тѣми самыми идеями, которыя пробуждаются въ ней теперь. Р. 72. Е—77. А.

Къ этому разсужденію о предсуществованіи душъ подалъ поводъ Симміасъ. Но прежнее возраженіе Кевиса: — душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, не разсѣется ли, какъ паръ? — все еще остается безъ отвѣта. Поэтому, успокоивъ перваго, Сократъ переходитъ теперь къ разрѣшенію недоумѣнія, возникшаго и въ послѣднемъ; то есть, доказавъ, что души существовали до рожденія, онъ намѣревается доказать и то, что онѣ равнымъ образомъ будутъ существовать и по смерти. Если вамъ угодно два послѣдовательно составленные нами умозаключенія соединить въ одно, говоритъ онъ: то загробное существованіе душъ уже доказано. Вы согласились, что душа, по закону всѣхъ вещей, изъ одного состоянія переходитъ въ другое противоположное и совершаетъ свое пережденіе кругообразно; потомъ вы приняли и другое положеніе, что души изъ прежней жизни чрезъ смерть перешли въ жизнь настоящую. Слѣдовательно необходимо уже допустить, что изъ настоящей жизни онѣ чрезъ смерть опять перейдутъ въ жизнь будущую. Не смотря однакожъ на это, Сократъ излагаетъ особое доказательство посмертнаго существованія души и говоритъ: Разрушиться свойственно тому, что сложно; а что не состоитъ изъ частей, то не можетъ быть подвержено разрушенію. Это *dictum de omni* есть основаніе новаго Сократова силлогизма. Для выведенія изъ него заключенія въ пользу безсмертія души и смертности тѣла слѣдовало только доказать, что душа не состоитъ изъ частей, а тѣло сложно. Важнѣйшую мысль, на которой должно опираться

это положеніе, философъ видитъ въ допущенномъ прежде тождествѣ хранящихся въ душѣ идей и нетождествѣ подлежащихъ чувству предметовъ. Равное само по себѣ, прекрасное само по себѣ, сущее само по себѣ, говоритъ онъ, — всегда то же и неизмѣнно: напротивъ вещи, подлежащія чувствамъ, ни какимъ образомъ не остаются тѣми же и неизмѣняются. Но тождественное есть нѣчто безвидное или безформенное, (*ἀειδές*), а нетождественное видимо. Къ предметамъ безвиднымъ относится душа, къ видимымъ — тѣло. Слѣдовательно тѣло по природѣ нетождественно и неизмѣнчиво, а душа — тождественна и неизмѣнна. Увлекаясь тѣломъ, она конечно возмущается и бываетъ какъ опьянѣлая; но, направляясь къ истинно сущему, остается тѣмъ, что она есть, — существомъ тождественнымъ. Притомъ душѣ свойственно управлять и господствовать, а тѣлу — управляться и служить. Но управляющее и господствующее уподобляется божественному, а управляемое и служащее — смертному. Итакъ тѣлу, какъ природѣ смертной, надлежитъ скоро разрушиться; а душа, какъ существо божественное, должна или остаться вовсе неразрушимой, или быть къ тому близкою. Р. 77. В—80. А.

Это заключеніе, выведенное въ формѣ сужденія раздѣлительнаго, или съ нѣкоторою нерѣшительностію, находится въ близкой зависимости между прочимъ отъ вставленной Сократомъ мысли, что душа, увлекаясь чувствами тѣла, можетъ и сама какъ бы отѣлестись, слѣдовательно въ извѣстной степени терять свою тождественность и свойственную существу божественному разумность. Такое представленіе разностепенной тождественности душъ въ мірѣ загробномъ должно было возбуждать вопросъ о различныхъ — низшихъ и высшихъ — формахъ существованія души, по отрѣшеніи ея отъ тѣла. Этого вопроса, хотя онъ и не имѣетъ прямаго отношенія къ главной темѣ разсужденія, Сократъ не могъ упустить изъ вида и оставить безъ рѣшенія, потому что рѣшеніе его должно было ученію о безсмертіи сообщить нравственную силу, а слушателей бесѣды о жизни загробной

утвердить на поприщѣ истинной философіи. И такъ онъ въ общихъ чертахъ описываетъ формы посмертной жизни, и въ его діалогѣ является интересный *эпизодъ* о переселеніи душъ и о высокой судьбѣ души философствующей. Если душа, говоритъ Сократъ, при отрѣшеніи отъ тѣла не увлекаетъ за собою ничего тѣлеснаго, потому что во всю жизнь размышляла только о томъ, какъ бы легче умереть; то съ этими свойствами отойдетъ она въ подобное себѣ безвидное мѣсто и будетъ наслаждаться блаженствомъ, проводя всю послѣдующую жизнь дѣйствительно съ богами. Напротивъ, если она отрѣшается грязною и неочищенною отъ тѣлесности, по колѣнку предавалась страстямъ и пожеланіямъ; то, переложенная тѣлособразными свойствами, окажется тяжелою и видимою, а потому, тяготя опять къ видимому, облечется, пожалуй, снова въ такое тѣло, котораго природа ближе согласуется съ направленіемъ господствующей ея страсти, напримеръ въ породу осла, волка, ястреба, либо въ образъ муравья, даже человѣка, если она привязана была къ политическимъ обычаямъ человѣческой жизни. Вотъ почему истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣлесныхъ пожеланій, не боятся никакихъ внѣшнихъ лишеній и свою душу, принужденную смотрѣть на все сквозь чувства, будто сквозь рѣшетку темницы, утѣшаютъ самостоятельностью и свободою мышленія, зная, что у всякаго удовольствія и у всякой скорби какъ будто есть гвоздь, которымъ онъ пригвозждаютъ душу къ тѣлу. Кто живетъ по внушеніямъ такой философіи, тому удивительно ли не страшиться смерти и думать, что его душа не разсѣется, какъ паръ, и не прекратитъ своего существованія? Р. 80. В—84. В.

Этимъ разсужденіемъ разговоръ по видимому долженъ былъ окончиться; ибо тверже того, что сказано, казалось, ничего нельзя было придумать. Не смотря однакожь на то, Симміасъ и Кевисъ о чемъ-то вполголоса говорятъ между собою и какъ будто высказываютъ другъ другу какія-то недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, бывъ вызваны Сократомъ къ

объясненію, они, одинъ послѣ другаго, объявляютъ своему учителю, чѣмъ именно колеблется ихъ увѣренность. Въ изложенномъ доказательствѣ безсмертія Сократъ къ тождеству и неизмѣнности души заключилъ отъ тождества и неизмѣнности находящихся въ душѣ идей. Но Симміасъ по видимому идетъ далѣе и спрашиваетъ: откуда же происходитъ тождественность и неизмѣнность самыхъ идей? Не суть ли онѣ выраженіе благонастроеннаго организма, какъ гармонія есть сліяніе звуковъ благонастроенной лиры? И потому не слѣдуетъ ли душу почитать просто гармонією тѣла и заключать, что какъ скоро тѣлесный инструментъ разрушается или перерѣзываются струны,—душа, въ значеніи происходящей изъ него гармоніи, должна тотчасъ же исчезнуть, гораздо прежде, чѣмъ исчезаетъ тѣло? Выслушавъ это недоумѣніе Симміаса, Сократъ потомъ выслушиваетъ и возраженіе Кевиса. Между тѣмъ какъ первый душу поставлялъ въ зависимость отъ тѣла, будто гармонію отъ лиры, и заключалъ къ ея разрушимости, послѣдній напротивъ почитаетъ зависимымъ тѣло отъ души и при всемъ томъ говоритъ, что нельзя быть увѣреннымъ въ ея безсмертіи. Душу представляетъ онъ, какъ ткача, соткавшаго и изнашившаго много платьевъ, хотя ткачъ умеръ прежде того, имъ же сотканнаго платья, въ которое одѣли его по смерти. То есть, душа могла развить и изнасить много тѣлъ: однакожь нельзя еще полагать, что она не умретъ прежде послѣдняго, развитаго ею тѣла. Нельзя думать, чтобы многократныя рожденія не изнауряли ея, и чтобы наконецъ при которой нибудь изъ смертей она и сама не уничтожилась. Р. 84. С—88. В.

Когда возраженія Симміаса и Кевиса были высказаны, души всѣхъ присутствовавшихъ возмущались крайнимъ сомнѣніемъ: теперь всѣ заключили, что либо они—плохіе судьи, либо предметъ надобно почитать неразрѣшимымъ, и повидимому возненавидѣли вообще философскія рассужденія. Замѣтивъ это, Сократъ начинаетъ бесѣдовать съ Федономъ и нечувствительно вводитъ въ діалогъ новый *эпизодъ* противъ

ненависти къ умственнымъ изслѣдованіямъ. Намъ непремѣнно надобно побѣдить Симміаса и Кевиса, говоритъ онъ; только смотри, чтобъ не сдѣлаться разсужденіе-ненавидцами, какъ дѣлаются человѣконенавидцами. Ненависть къ людямъ вообще рождается вслѣдствіе неблагоразумной и излишней довѣренности къ одному или нѣсколькимъ человѣкамъ, которые обманули насъ. Точно такъ же и ненависть къ изслѣдованіямъ вообще происходитъ отъ неблагоразумнаго и слѣпаго увлеченія рѣчами нѣкоторыхъ людей, тогда какъ впослѣдствіи онѣ оказались ложными. А кто въ этомъ случаѣ виновать? Гораздо больше тотъ, кто безусловно вѣритъ лжи. Поэтому ненавистникъ разсужденій не долженъ сваливать своей вины на разсужденія, но скорѣе долженъ ненавидѣть собственное увлеченіе и порицать себя. Итакъ прежде всего будемъ осторожны, говоритъ Сократъ; не пустимъ въ свою душу той мысли, что будто въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего здраваго: напротивъ сознаемся, что мы-то еще не здоровы, и постараемся приобрѣсть нужное намъ здоровье.—Сказавъ это, Сократъ приступаетъ къ рѣшенію предложенныхъ возраженій. Р. 88. С—91. С.

Сперва онъ опредѣляетъ *statum quaestionis*, то есть, кратко повторяетъ возраженіе Симміаса, что душа, не смотря на свое превосходство предъ тѣломъ, исчезнетъ первая, какъ нѣкоторый родъ гармоніи; — потомъ приступаетъ къ опроверженію мнѣнія Симміасова и опровергаетъ его на такомъ основаніи, которое уже прежде допущено, какъ несомнѣнное, то есть, на положеніи, что ученіе есть припоминаніе, или что душа существовала до рожденія. Напомнивъ объ этомъ положеніи, Сократъ показываетъ, что понятіе о душѣ, какъ о гармоніи тѣла, вовсе не гармонируетъ съ нимъ; потому что гармонія, будучи результатомъ тѣлеснаго настроенія, не могла и не можетъ существовать прежде тѣла или до его рожденія. Если же она существовала прежде тѣла и была гармоніею: то должна была состоять изъ такихъ частей, которыхъ еще не было. Поло-

жимъ однакожъ, что она въ самомъ дѣлѣ состоитъ изъ частей. Явно, что каково бы ни было настроеніе ихъ, — высоко или низко, хорошо или худо, — душа, какъ гармонія тѣла, во всякомъ случаѣ должна быть гармоніею. Но предположивъ это, мы не откроемъ различія между одною душою и другою, равно какъ между добромъ и зломъ; потому что въ такомъ случаѣ всякая душа, какъ гармонія, будетъ добро, а дисгармонія или зло не найдетъ въ ней себѣ мѣста. Да и то опять: само собою разумѣется, что душа, какъ гармонія тѣла, не можетъ разногласить съ тѣлесными частями, которыхъ напряженіе выражается этою самою гармоніею. Между тѣмъ мы видимъ, что она часто противится органическимъ дѣтелямъ — то строгими обузданіями ихъ, то скорбями, то врачебными средствами и тому подобнымъ. Слѣдовательно она есть нѣчто божественнѣе гармонія, есть начало господствующее надъ самыми тѣлесными частями, настроеніе которыхъ, по мнѣнію Симміаса, должно выражаться гармоніею. Р. 91. D—95. В.

Побѣдивъ сомнѣніе Симміаса и показавъ неосновательность его возраженія, Сократъ намѣревается потомъ рассмотреть мнѣніе Кевиса, чтобы и его также привести къ убѣжденію въ безсмертіи. Прежде всего онъ подробно раскрываетъ смыслъ Кевисова недоумѣнія, что хотя душа долговременнѣе тѣла, но не погибнетъ ли она, износивъ много тѣлъ и оставляя послѣднее, съ рожденіемъ котораго могло развиваться и усилиться въ ней сѣмя собственнаго ея разрушенія. Потомъ за опредѣленіемъ вопроса слѣдуетъ рѣшеніе его, и это дѣлаетъ Сократъ, какъ и прежде противъ Симміаса, посредствомъ обстоятельнаго и полнаго анализа такой мысли, которая давно уже принята была Кевисомъ, то есть, чрезъ разсматриваніе природы допущенныхъ въ душѣ идей. Надобно, говоритъ онъ, изслѣдовать первое основаніе, на которомъ утверждается жизнь души, коренной источникъ, изъ коего она прорастаетъ, и смотрѣть, — эмпирически ли — началами видимой природы, можно объяс-

нить это, или дуалистически—поставляя дѣятельность началъ природы подѣ управленіе ума, или идеально—находя въ самой душѣ залогъ вѣчнаго ея существованія. Но коснувшись способа эмпирическаго, Сократъ замѣчаетъ, что этимъ путемъ философъ не доходитъ до первыхъ началъ и блуждаетъ въ лабиринтѣ противорѣчій. Правда, говоритъ онъ, слѣдуя руководству опыта, я какъ будто знаю что-то, знаю, напримѣръ, что тѣло увеличивается отъ принятія пищи, что одинъ человекъ выше другаго головою, что единица, сложенная съ единицею, даетъ два, и т. п. Но такъ какъ это причины не первыя; то, остановившись на нихъ, я тотчасъ же начинаю противорѣчить самъ себѣ и полагаю, что между пищею и величиною нѣтъ ничего общаго, что голова не можетъ быть причиною высоты, что въ понятіи единицъ, сколько бы ихъ ни слагалось, не видно понятія двухъ. Такимъ образомъ оказывается, что я, пока держусь опыта,—вовсе ничего не знаю. Не успѣвшиѣ доходимъ мы до кореннаго источника жизни, опираясь и на началахъ дуалистическихъ. Дуалисты, какъ представляется на первый взглядъ, все хотятъ изъяснить изъ разумной и высшей причины вещей. Такъ Анаксагоръ намѣревался все изъяснить изъ ума. Это было бы и хорошо, потому-что тогда я зналъ бы мѣсто и значеніе каждой вещи, слѣдовательно зналъ бы, что хорошо и что худо: но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Въ системѣ Анаксагора умъ только полагается, какъ начало устрояющее, а дѣйствительными строителями почитаются дѣятели матеріальные, слѣдовательно опять опытные, которыхъ зависимость отъ ума нисколько не опредѣлена, и которые даже средства съ нимъ не имѣютъ, подобно тому, какъ жилы и кости—условія моего сидѣнія въ темницѣ—далеко не сродны съ опредѣленіемъ судьей, предписавшихъ мнѣ сидѣть здѣсь. Итакъ истинная причина жизни души ни для эмпиризма, ни для дуализма недоступна; чувствами видѣть ее нельзя, не подвергаясь опасности ослѣпнуть. Остается третій способъ—идеальный.

Но и тутъ опять затрудненіе: сущее само по себѣ, какъ послѣдняя причина жизни, не можетъ быть предметомъ непосредственнаго созерцанія. Чтобы созерцать его, необходимы образы мышленія (*τα εἶδη*), то-есть, идеи, которыми она отображается въ разсудкѣ. И если ты допустишь въ немъ бытіе этихъ образовъ или идей, напримѣръ, прекрасное само въ себѣ, доброе само въ себѣ и проч.; то я, говоритъ Сократъ, твердо докажу тебѣ истину безсмертія. р. 95 С—102 А.

На указываемомъ основаніи доказательство осуществляется слѣдующимъ порядкомъ мыслей. Все, что признается за прекрасное, надобно почитать прекраснымъ не отъ какихъ нибудь частныхъ свойствъ, а отъ прекраснаго самого въ себѣ, поколику первое принимаетъ участіе въ послѣднемъ. То же должно сказать и о всемъ прочемъ: великое велико отъ величины, малое мало отъ малости, высокое высоко отъ высокости, а не отъ чего другаго; равно какъ два суть два отъ двоицы, а не отъ сложенія или дѣленія единицъ. Однимъ словомъ: истинная причина того, что прекрасное прекрасно, великое велико, малое мало, двойственное двойственно и проч., есть прекрасное само въ себѣ, великое само въ себѣ, двоица сама въ себѣ и т. д., поколику, то-есть, что нибудь первое причастно соответствующему себѣ послѣднему, или поколику извѣстною дѣятельностію мы, какъ говорится, приближаемся къ идеѣ предмета и выражаемъ ее. При этомъ Сократъ намекаетъ на возможность хода какъ отъ предположенія къ слѣдствіямъ, такъ и отъ предположенія къ непредполагаемому или самодовольному (къ началу), то есть, намекаетъ на возможность методы аналитической и синтетической и говорить, что не должно хвататься то за ту, то за другую и смѣшивать ихъ между собою. Утвердивъ положеніе, что причина каждой вещи есть ея идея, поколику извѣстная вещь идеализуется, Сократъ далѣе переходитъ къ другому положенію, что идеѣ, какъ идеѣ, несвойственно принимать

въ себя что нибудь противоположное, либо самой переходить въ идею противоположную, но что, по приближеніи къ ней противоположнаго, она или удаляется, или исчезаетъ. Напримѣръ, черное само въ себѣ не можетъ перейти въ бѣлое само въ себѣ и на оборотъ; но когда къ бѣлому подошло черное, первое убѣгаетъ, не уничтожаясь: а иначе бѣлое сдѣлалось бы чернымъ и черное бѣлымъ, какъ Симіасъ, въ сравненіи съ Федономъ и Сократомъ, становится и низокъ и высокъ. При этомъ Сократъ замѣчаетъ, что вещь сама въ себѣ (идея) не должна быть смѣшиваема съ вещію въ явленіи: какъ явленіе, она можетъ переходить изъ одного состоянія въ другое противоположное; а сама въ себѣ не сдѣлается вещію или идеею противною. По раскрытіи этого втораго положенія въ ученіи о природѣ идей, идеологъ простирается далѣе, и въ идеяхъ находитъ еще одну отличительную черту, что онѣ не только сами по себѣ не превращаются—противная въ противную, но и не допускаютъ, чтобы даже какая нибудь частная вещь, получивъ общій характеръ извѣстной идеи, принимала въ себя нѣчто другое, хотя и не противное, однакожъ характеризующееся идеею противною. Мало того, напримѣръ, что четъ и нечетъ, какъ идеи взаимно противныя, не принимаютъ въ себя одинъ другаго: они не позволяютъ и того, чтобы два переходили въ три, либо три—въ два, хотя два и три не противоположны между собою, а только охарактеризованы противоположностями, то-есть, четомъ и нечетомъ. Однимъ словомъ: идея нетолько не принимаетъ въ себя идеи противной, но и всего непротивнаго, что приносить съ собою черты, принадлежащія противоположному. Изложивъ эти мысли, Сократъ вдругъ незамѣтнымъ для слушателей образомъ является на точкѣ заключенія и говорить: тѣлу, поколику оно становится живымъ, всегда сообщается душа, такъ что душа всегда приноситъ жизнь. Но жизни противоположна смерть, и смерти, какъ идеи противоположной, жизнь принять въ себя не можетъ. Слѣдо-

вательно душа, всегда приносящая жизнь, которая никогда не принимаетъ въ себя смерти, есть существо безсмертное. То-есть, душѣ хотя и не противоположна смерть, какъ тремъ не противоположенъ четъ, но принося съ собою жизнь, которой противоположна смерть, какъ три приносятъ съ собою нечетъ, которому противоположенъ четъ, она не приметъ смерти, а только устранился отъ нея, не переставая существовать въ собственномъ своемъ образѣ. Потому, когда тѣло принимаетъ образъ смерти, душа, приносящая съ собою жизнь, отрѣшается отъ тѣла и продолжаетъ сохранять свойственный себѣ образъ—жизнь. р. 102 В—107 А.

Этимъ важнѣйшимъ доказательствомъ безсмертія души Платонъ заключаетъ свое ученіе о философическихъ основаніяхъ, на которыхъ утверждаются надежды, что чловѣкъ будетъ наслаждаться жизнью и по смерти. Теперь повидимому слѣдовало бы ожидать эпилога, или заключительныхъ мыслей Сократовой бесѣды. Но мы видѣли, что Платонъ первую половину своего діалога окончилъ эпизодомъ о переселеніи душъ по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла. Соответственно этому, и вторая половина его заключается также *эпизодомъ* о посмертныхъ наградахъ и наказаніяхъ. Тамъ Сократъ пришелъ къ мысли, что формы существованія душъ, по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла, будутъ не однѣ и тѣ же; а здѣсь онъ начертываетъ картину этихъ формъ примѣнительно къ религиознымъ вѣрованіямъ своихъ соотечественниковъ и сказаніямъ греческой мифологіи. Душа, отрѣшившись отъ тѣла, говоритъ онъ, въ сопровожденіи приставленнаго къ ней духа, идетъ въ мѣсто, назначенное для произведенія надъ нею суда, а изъ этого мѣста, смотря по тому, какою оказалась она, начинается либо ея блужданіе и борьба съ оставшеюся въ ней плотностію, пока она не вселится въ сообразное себѣ тѣло, либо ея переходъ въ убѣжище покоя и блаженства. Но гдѣ такія мѣста и пристанища душъ?—Здѣсь Платонъ, повидимому, спускается до уровня народ-

ныхъ понятій и свою географію, согласно съ цѣлю эпизода, излагаетъ такъ: Земля стоитъ неподвижно въ центрѣ небесной сферы и окружена эфиромъ. Она очень велика и неизменности ея служатъ мѣстомъ осадковъ всего нечистаго и грязнаго, а возвышенности чисты и увѣнчаны звѣздами неба. Мы, люди, живемъ въ глубокихъ впадинахъ, и воздухъ называемъ небомъ, тогда какъ истинное небо и истинная земля — выше осадка, именуемаго воздухомъ. Въ мѣстахъ нашего жительства все повреждено и извѣдено: напротивъ на высотахъ, вытекающихъ изъ воздуха, все прекрасно и совершенно. На той высокой землѣ есть также животныя и люди, пользующіеся воздухомъ, какъ мы водою, и дышущіе эфиромъ, какъ мы — воздухомъ. Болѣзней они чужды, жизнь ихъ долговременна, въ храмахъ ихъ существенно обитаютъ боги. Та земля прорѣзана узкими или широкими прокопами, по которымъ льются обильныя воды. Подъ землю же есть множество вѣчно текущихъ рѣкъ воды теплой и холодной, есть даже рѣки огня и грязи. Одно изъ ущелій земли, прокопанное сквозь всю ее, называется тартаромъ, въ который сливаются и изъ котораго вытекаютъ всѣ рѣки. Тартаръ есть ущеліе бездонное, гдѣ воды находятся въ непрестанномъ колебаніи или движутся то къ одной поверхности, то къ другой. Отсюда необоримые вѣтры, разливы рѣкъ, образованіе озеръ и морей. Главныхъ водныхъ потоковъ четыре: Океанъ, окружающій землю снаружи, Ахеронъ, заливающійся въ озеро Ахерусію, Периолетонъ, текущій огнемъ и грязью, и Стиксъ или Коцитъ, обладающій чрезвычайною силою. Описавъ такимъ образомъ будущее жилище отшедшихъ душъ, Сократъ говоритъ, что души прежде всего приводятся къ Ахерону и, сѣвъ на колесницы, какія у которой есть, то есть, опираясь на свои добродѣтели и пороки, отправляются къ Ахерусіи. Здѣсь онѣ подвергаются суду, очищаются и потомъ пользуются свободою, либо получаютъ награды; а неисцѣлимые повергаются въ тартаръ, откуда однѣ

изъ нихъ никогда не выходятъ, другія же волнами выбрасываются въ Коцитъ, либо въ Пирифлегетонъ и, достигнувъ Ахерусіи, умоляютъ обиженныхъ или убитыхъ ими, чтобы они вошли въ озеро и взяли ихъ. Напротивъ люди, по святости жизни оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ и стремятся въ жилище чистое; очистившіеся же философіею переселяются въ мѣста, еще превосходнѣйшія тѣхъ, которыя описаны выше. Такъ вотъ побужденіе употреблять всѣ способы, чтобы быть въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ. Теперь, прибавилъ Сократъ, пора приступить къ омовенію и потомъ выпить ядъ Р. 107 В—115 А.

Когда Сократъ окончилъ свои разсужденія, Критонъ спрашиваетъ его: не сдѣлаетъ ли онъ имъ какихъ нибудь порученій?—Отвѣтъ Сократа на этотъ вопросъ составляетъ *эпilogъ* Платонова Федона. Критону хотѣлось знать, что завѣщаетъ имъ Сократъ касательно своихъ дѣтей и касательно его погребенія. Но на первую половину вопроса философъ отвѣчаетъ, что заботящійся о своей душѣ, то-есть, приготовляющій ее къ блаженной жизни за гробомъ, и безъ порученія сдѣлаетъ все и для всѣхъ; а не заботящійся объ этомъ, хотя бы и поручали ему, не сдѣлаетъ ничего и ни для кого. По отношенію же къ погребенію себя, Сократъ шутливо укоряетъ Критона, что бесѣда о безсмертіи души не убѣдила его въ умершемъ учителѣ видѣть не Сократа, а только тѣло Сократово; потомъ обращается къ другимъ ученикамъ и говоритъ имъ: Критонъ поручился судьямъ, что я не уйду изъ темницы; поручитесь теперь вы ему, что я уйду изъ этого брэннаго тѣла Р. 115 В.—116 А.

За этимъ *эпilogомъ* слѣдуетъ *историческое заключеніе* Федона. Сократъ удаляется въ другую комнату для омовенія. Когда оно было кончено, приводятъ къ нему дѣтей; онъ говоритъ съ ними и дѣлаетъ имъ наставленія. Потомъ, отпустивъ ихъ, возвращается къ ученикамъ и, не смотря на увѣреніе Критона, что солнце еще не совсѣмъ зашло,

приказываетъ подать себѣ ядъ, спокойно выпиваетъ его и самъ наблюдаетъ постепенное омертвѣніе своего тѣла. Р. 116 А—118 А.

Разсмотрѣвъ ходъ, послѣдовательность и связь мыслей въ Платоновомъ Федонѣ, мы должны еще обратить вниманіе на философскій характеръ ихъ и показать отношеніе этого діалога къ другимъ сочиненіямъ Платона.

Съ перваго взгляда представляется, что большая часть этого разговора состоитъ изъ положеній философіи пифагорейской, сродненныхъ съ неюкою Сократа. Ученіе о переселеніи душъ, понятіе о философіи, какъ о музыкѣ, мысль объ очищеніи (*καθαρσις*) или постоянномъ отрѣшеніи отъ тѣла, взглядъ на тѣло, какъ на темницу души, все это—положенія пифагорейскія; даже и бесѣдующія лица: Эхекратъ, Симміасъ и Кевисъ, были вѣкогда слушателями Пифагорейцевъ. Но въ Платоновомъ Федонѣ философы Пифагора направляются къ нравственной цѣли, къ возвышенію души подвигами добродѣтели, къ приготовленію ея для жизни блаженной. Замѣтно также намѣреніе Платона показать, что пифагореизмъ въ его время потерялъ древній идеально-религіозный характеръ. Извѣстно, что и Пифагоръ почиталъ душу гармонією; но подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ внутреннюю, математически опредѣляемую дѣятельность ея силъ. Напротивъ позднѣйшіе его ученики, потерявъ изъ виду идеальное начало своего учителя, уклонились къ эмпиризму и, не переставая понимать душу, какъ гармонію, производили ее уже, подобно Аристоксену (*Cicer. Tuscul. quaest. 1, 10*), изъ напряженія или смѣшенія стихій организма, а чрезъ то лишали ее самостоятельности. Такимъ образомъ душа, существенная или реальная гармонія Пифагорова, обратилась у нихъ въ формальную и стала въ аналогію съ гармонією лиры.

Сравнивая Федона съ другими діалогами Платона и, при сравненіи, обращая вниманіе на главнѣйшія и существенныя его мысли, мы скорѣе всего останавливаемся на Федрѣ.

Федонъ и первая половина Федра заключаютъ въ своемъ содержаніи столько общаго, что кажутся двумя вариациями одной и той же музыкальной темы; только въ Федрѣ больше лиризма, а Федонъ есть истинная философская драма: тамъ лиризмъ чрезвычайно веселъ и сопровождается почти непрерывною ироніею, а здѣсь иронія замѣняется ровнымъ и спокойнымъ движеніемъ развиваемаго предмета. По Федру, души въ надмірныхъ пространствахъ сопровождаютъ сонмъ боговъ и вмѣстѣ съ ними созерцаютъ истинное, доброе и прекрасное; но не умѣя управлять непослушными своими конями, падаютъ на землю, ломаютъ себѣ крылья и въ наказаніе поселяются въ смертныя тѣла. По Федону, онѣ жили гдѣ-то до рожденія и, оттуда принеся съ собою идеи истиннаго, добраго и прекраснаго, здѣсь на землѣ забыли небесныя свои стяжанія. Въ Федрѣ Сократъ говоритъ, что падшія души могутъ мало-по-малу выращивать свои крылья и возноситься надъ всѣмъ тлѣннымъ; въ Федонѣ, — что онѣ въ состояніи мало по малу припоминать домірныя свои идеи и оставлять все земное. Но первый разговоръ для выращенія крыльевъ почитаетъ полезною любовь къ прекрасному въ образахъ чувственныхъ; а послѣдній для припоминанія идей требуетъ постепеннаго отрѣшенія души отъ тѣла посредствомъ истинной философіи. Тамъ и здѣсь душа опредѣляется, какъ существо, заключающее въ себѣ самомъ источникъ непреходящей жизни; потому что въ существѣ ея сокрыты простыя и неизмѣняемыя истины, а въ простотѣ и неизмѣняемости этихъ истинъ лежитъ залогъ безсмертія. Такимъ образомъ и тамъ, и здѣсь человѣкъ есть фениксъ, возрождающійся изъ собственнаго праха и, среди безконечнаго ряда превращеній, по своей душѣ, существующій тождественно и неизмѣнно.

Теперь оставалось бы разсмотрѣть, въ какое время своей жизни Платонъ написалъ Федона. Но прямыхъ, историческихъ указаній на это нѣтъ ни въ самомъ діалогѣ, ни въ сочиненіяхъ другихъ древнихъ писателей. Исслѣдованія же

новѣйшихъ критиковъ не представляютъ въ этомъ отноше-
 нии заключеній вполне удовлетворительныхъ. Астъ (*de vita
 et script. Plat.* p. 157 sq.) полагаетъ, что Федонъ написанъ
 вскорѣ послѣ Протагора, Федра и Горгіаса: но разстояние
 между временами появленія этихъ трехъ разговоровъ слиш-
 комъ велико; по этому показаніе Аста ничего не опре-
 дѣляетъ. По Зохеру (въ книгѣ того же содержанія), выходъ
 Федона въ свѣтъ долженъ былъ относиться ко времени, слѣ-
 довавшемъ вскорѣ за смертію Сократа: но принимая въ со-
 ображеніе господствующій характеръ ученія въ этомъ діалогѣ,
 художественную отдѣлку его и особенности нѣкоторыхъ,
 введенныхъ въ разговоръ лицъ, нельзя согласиться и съ
 мнѣніемъ Зохера. Вскорѣ послѣ Сократовой смерти появи-
 лись, по всей вѣроятности, Критонъ и Апологія, такъ какъ
 эти сочиненія имѣютъ ближайшее отношеніе къ послѣднимъ
 днямъ афинскаго моралиста и какъ бы запечатлѣваютъ исто-
 рію его жизни. Но предметъ Федона — уже не жизнь земная,
 а надежды загробныя: здѣсь рѣшается вопросъ общій, ка-
 сающійся не лично Сократа, а всего человѣчества; притомъ
 здѣсь и самое ученіе характеризуется чертами философіи
 больше Платоновой, чѣмъ Сократовой. По этому нѣтъ ника-
 кой положительной причины думать, что Федонъ есть раннее
 произведеніе Платона, посвященное просто памяти Сократа
 и служащее къ сохраненію его мыслей о безсмертіи души.
 Можно догадываться, что этотъ діалогъ написанъ Плато-
 номъ уже послѣ перваго путешествія его въ Италію и Сици-
 лію, потому что, читая Федона, невольно замѣчаешь свѣжіе
 слѣды обстоятельнаго знакомства Платонова съ тогдашнимъ
 пифагорействомъ. Правда, не неизвѣстно было ему ученіе
 Пифагора и до того времени, какъ это ясно видно изъ его
 Федра; знаемъ также, что пифагорейскую догму о безсмертіи
 души высказалъ онъ уже въ Менонѣ (p. 81 A sqq. 86 A):
 но ни въ которомъ изъ этихъ разговоровъ философы Пифа-
 горейцевъ не сроднены такъ съ теоріею идей, какъ сроднены
 онъ въ Федонѣ. Мое мнѣніе о времени выхода въ свѣтъ Фе-

дона подтверждается и тѣмъ, что замѣчаемые въ этомъ діалогѣ слѣды пифагорейскаго ученія, подстроеннаго подъ взглядъ древней Академіи, могли быть выработаны чрезъ чтеніе сочиненій Филолая, который еще прежде смерти Сократа жилъ и училъ въ Эпихъ, и котораго сочиненія куплены были Платономъ въ Нижней Италіи (*Boeckh. Philol. p. 18 sqq. p. 22*). Повтому-то, вѣроятно, главными собесѣдниками Сократа въ день его смерти являются Симміасъ и Кевисъ — ученики Филолая, долженствовавшіе лично убѣдиться, что ученіе эпихскаго ихъ учителя не можетъ быть оправдано, если не найдетъ опоры въ основаніяхъ мудреца аеинскаго. Съ тою же конечно цѣлю вводится въ разговоръ и Эхекратъ, по свидѣтельству Ямблиха, тоже Пифагореецъ. Вообще, если въ Федонѣ много пифагорейскаго, а Аеины не видѣли въ своихъ стѣнахъ ни Филолая, ни другихъ Пифагорейцевъ, кромѣ Симміаса и Кевиса, то пифагорейское ученіе, по всей вѣроятности, принесено въ Атику Платономъ; а это ясно уже указываетъ на время, когда написанъ Федонъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ

СОКРАТЬ.	Кевисъ	} Оивяне, ученики пи- вагорейца Филолая. Аѳинянинъ, другъ и ученикъ Сократа.
ЭХЕКРАТЬ изъ Фліунта, Пи- вагореецъ.	Симміасъ	
Федонъ изъ Элиды.	Критонъ	
Аполлодоръ.	Приставъ одиннадцати судей.	

Эхекр. Самъ ты, Федонъ, былъ у Сократа въ тотъ день, 57. когда онъ въ темницѣ выпилъ ядъ, или слышалъ отъ кого другаго?

Фед. Я самъ былъ, Эхекратъ.

Эхекр. Что же говорилъ этотъ человѣкъ предъ смертію? и какъ скончался? Съ удовольствіемъ послушалъ бы. Вотъ уже давно и никто изъ Фліунтянъ не отправлялся ¹ пожить в. въ Аѳинахъ, и ни одинъ гость во все время не пріѣзжалъ изъ Аѳинъ, который могъ бы намъ рассказать объ этомъ ясно,—по крайней мѣрѣ болѣе того, что Сократъ выпилъ ядъ и умеръ; о прочемъ ничего не говорятъ.

Фед. Такъ вы не знаете и о томъ, какъ происходилъ надъ 58. нимъ судъ?

Эхекр. Да, намъ кто-то сказывалъ, и мы еще удивлялись, что онъ умеръ, кажется, спустя много времени по окончаніи суда. Отчего это было, Федонъ?

¹ ἐπιχωρίζει. Глаголь ἐπιχωρίζειν значитъ не просто перѣзжать куда нибудь, а переселяться, или перемѣнить мѣсто жительства. Valckenar. ad Herod. 1. 24, 4,

Фед. Это зависѣло отъ случая, Эхекратъ. Случилось, что наканунѣ осужденія увѣнчана была корма корабля, который Аѳиняне отправляютъ въ Делось.

Эхекр. А что это за корабль?

Фед. Это, по словамъ Аѳинянь, тотъ корабль, на которомъ Тезей, привезши нѣкогда въ Критъ тѣхъ извѣстныхъ четырнадцать человѣкъ, и ихъ спасъ, и самъ спасся. Рассказываютъ, будто Аѳиняне въ то время дали обѣтъ Аполлону, что они будутъ ежегодно отправлять въ Делось священное посольство, если спутники Тезея спасутся ¹. Такое-то посольство они всегда и отправляли, да и нынѣ еще ежегодно отправляютъ. Когда же наступитъ этотъ праздникъ, по ихъ закону, городъ соблюдается чистымъ, и публичныхъ смертныхъ казней не бываетъ, пока корабль не достигнетъ Делоса и не приплыветъ обратно. Иногда, если путешественниковъ задерживаютъ вѣтры, это плаваніе совершается въ довольно долгое время. Праздникъ начинается, какъ скоро жрецъ Аполлона увѣнчаетъ корму корабля, что случилось, какъ я сказалъ, наканунѣ осужденія. Поэтому для Сократа въ темницѣ промежутокъ между осужденіемъ и смертію былъ продолжителенъ.

Эхекр. Такъ что же скажешь ты о самой смерти его, Федонъ? Что было говорено и дѣлано? Кто изъ приближенныхъ находился при этомъ человѣкѣ? или архонты не позволяли приходить къ нему, и онъ умеръ, не видя друзей?

¹ Обычай Аѳинянь ежегодно отправлять въ Делось священное посольство основывался на слѣдующемъ мифѣ: Критскій царь Миносъ, въ отмщеніе за смерть своего сына Андрогейя, осадилъ Аѳины. Доведенные этою осадю до крайности, Аѳиняне вступили съ нимъ въ условія и, по его требованію, обѣщались чрезъ каждые восемь лѣтъ присылать на островъ Критъ по семи дѣвочекъ и по столько же мальчиковъ, для принесенія ихъ въ жертву Минотаврѣ, который и пожиралъ ихъ въ лабиринтѣ. Это обѣщаніе два осьмилѣтія исполнялось вѣрно. Но въ третье обреченныхъ аѳинскихъ жертвъ положено было отправить съ Тезеемъ, чтобы онъ убилъ Минотавра и избавилъ Аѳинянь отъ платежа этой кровавой дани. Посылая Тезея съ такою цѣлію, Аѳиняне дали обѣтъ ежегодно отправлять торжественное посольство въ дельфійскій храмъ Аполлона, если Тезей и самъ спасется, и его спутники. Plut. vit. Thesei p. 6 sq. Pausan. 1, 27. p. 67.

Фед. О, нѣтъ, съ нимъ были нѣкоторые, даже многіе. D.

Эхекр. Постарайся же рассказать намъ обо всемъ съ возможною подробностію, если ничто не отвлекаетъ тебя.

Фед. Я теперь свободенъ и расскажу вамъ тѣмъ охотнѣе, что и для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ вспоминать о Сократѣ, самъ ли говорю о немъ, или слушаю другаго.

Эхекр. Да и въ слушателяхъ своихъ, Федонъ, ты найдешь людей, подобныхъ тебѣ: такъ постарайся объяснить намъ все, сколько можешь, обстоятельнѣе.

Фед. Находясь у Сократа, я испыталъ что-то удивительное. Во мнѣ даже не возбуждалось и сожалѣніе о другѣ, тогда какъ онъ былъ столь близокъ къ смерти. Онъ казался мнѣ, Эхекратъ, блаженнымъ—и по состоянію его духа, и по словамъ: онъ умиралъ столь безтрепетно и великодушно, что и самое отшествіе его въ преисподнюю, думалъ я, совершается не безъ божественнаго жребія, что онъ и тамъ будетъ счастливѣе, нежели кто другой. Потому-то во мнѣ не возбуждалось ни особеннаго сожалѣнія, какому слѣдовало бы быть при тогдашнемъ бѣдствіи, ни удовольствія—отъ того, что мы по обыкovenію, философствовали: а разговоръ былъ въ самомъ дѣлѣ философскій. Напротивъ, живо представляя, что Сократъ долженъ скоро умереть, я питалъ какое-то странное чувство, какую-то необыкновенную смѣсь удовольствія и скорби. Да и всѣ присутствовавшіе были почти въ такомъ же расположеніи духа: то смѣялись, то плакали,—особенно одинъ изъ насъ, Аполлодоръ¹. Ты знаешь можетъ быть, этого человѣка и нравъ его.

Эхекр. Какъ не знать.

B.

¹ И Платонъ, и его современники описываютъ Аполлодора, какъ человека, сильно преданнаго Сократу и отличавшагося особенною живостию и чувствительностію. Поэтому онъ быстро переходилъ отъ радости къ печали и обратно, и нисколько не показывалъ мужскаго хладнокровія за что въ одномъ мѣстѣ Платонова Симпосіона (р. 173 D.) получилъ прозваніе τῷ μὲν. Характеръ его и сердце хорошо описываетъ Wolfius Praefat. ad Symp. р. 41). А Элианъ (V. Н. 1. 16) забавно рассказываетъ, что Аполлодоръ принесъ въ темницу прекрасное платье, чтобы Сократъ умеръ не иначе, какъ въ красивой одеждѣ.

Фед. Такъ вотъ онъ находился точно въ такомъ состояніи духа; да и самъ я былъ возмущенъ, и другіе.

Элекр. А кто тогда случился у него, Федонъ?

Фед. Изъ соотечественниковъ пришли: этотъ Аполлоторъ, Критовулъ и отецъ его Критонъ ¹, также Гермогенъ, Эпигенъ, Эскинъ ² и Антисѡенъ ³; пришли еще: Ктизиппъ ⁴ пэанскій, Менексенъ ⁵ и другіе соотечественники; а Платонъ, кажется, былъ нездоровъ.

Элекр. Были и какіе нибудь иностранцы?

Фед. Да; Симміасъ Фивянинъ, Кевисъ ⁶ и Федондъ, также Эвклидъ ⁷ изъ Мегары и Терпсионъ.

Элекр. А были ли Аристиппъ ⁸ и Клеомвротъ?

Фед. Ну нѣтъ; сказывали, что они находились въ Эгинѣ.

Элекр. Кто же еще былъ?

Фед. Кажется, почти только эти.

¹ Критонъ, именемъ котораго названъ одинъ изъ діалоговъ Платона, имѣлъ четырехъ сыновей: Критовула, Гермогена, Эпигена и Ктизиппа. См. *D. Laert.* 11. 121. Но упоминаемый здѣсь Гермогенъ, кажется, былъ сынъ Иппонима, братъ Калліаса, о которомъ *Heindorf.* ad *Cratyl.* § 3. И присутствовавшій тутъ Эпигенъ былъ не сынъ Критона, а безъ сомнѣнія тотъ, о которомъ упомянуто въ Апологіи Сократа (р. 33 E. et *Xenoph.* *memor.* III. 12.), и котораго отецъ былъ Антиѡонъ.

² Объ Эскинѣ сократическомъ см. *D. Laert.* II, 60—64.

³ Осюватель философской школы Киниковъ, подражатель Сократа въ его воздержаніи и презрѣніи удовольствій. *Diog. Laert.* VI, 1—19. *Aelian.* L. H. 17. 35a1.

⁴ Ктизиппъ пэанійскій, т. е. *ἐκ Παιανίας δῆμος τῆς Παυδονίδος φυλῆς*; см. *Euthyd.* р. 273 A. et *Lysid.* р. 206 B.

⁵ Именемъ этого самаго Менексена названъ извѣстный діалогъ Платона. Онъ происходилъ изъ благороднаго дома (см. *Lysid.* р. 207. C.), рано сталъ заниматься философіею и слѣдовалъ какъ другимъ союстамъ, такъ особенно Ктизиппу. *Lys.* р. 206.

⁶ Симміасъ и Кевисъ—ученики Филолая, были преданныѣшими друзьями Сократа (с. *Criton.* р. 45 B.).

⁷ Это тотъ самый Эвклидъ, который впоследствии основалъ Мегарскую школу, называвшуюся также эристическою или діалектическою. *D. Laert.* 11, 106—11. Онъ Терпсиону читаетъ разговоръ Сократа съ Тезтетомъ въ томъ діалогѣ, который написанъ именемъ Тезгета.

⁸ Извѣстный основатель киринейской школы. А о Клеомвротѣ говорятъ, что проитавъ Платонова Федона, онъ бросился въ море. Отсюда эпиграмма *Каллимха*). 24.

Эпекр. Такъ чтожь? о чемъ говорили?

Фед. Я постараюсь пересказать тебѣ все сначала. Мы D. всегда, и въ прежніе дни, имѣли обыкновеніе приходить къ Сократу, предварительно собравшись въ то судилище, въ которомъ происходилъ судъ, такъ какъ оно было близъ темницы. Здѣсь, разговаривая между собою, мы каждый разъ ожидали, пока отпустятъ темницу; ибо отпирали ее не рано: когда же она была отперта, входили къ Сократу и по большей части проводили съ нимъ цѣлый день. Но въ послѣдній разъ собрались мы гораздо ранѣе; потому что, выходя изъ темницы вечеромъ наканунѣ того дня, узнали, что корабль уже возвратился изъ Делоса, и дали другъ другу обѣщаніе E. сойтись въ извѣстномъ мѣстѣ какъ можно ранѣе. Пришли; но сторожь, обыкновенно отворявшій намъ дверь, вышелъ и сказалъ, чтобы мы подождали и не входили, пока Сократъ самъ не позоветъ насъ; потому что теперь, прибавилъ онъ, одиннадцать судей снимаютъ съ него оковы и объявляютъ, какую смертію въ этотъ день онъ долженъ умереть. Спустия немного послѣ того, сторожь опять вышелъ и приказалъ намъ войти. Входимъ и видимъ Сократа только что освобожден- 60. нымъ отъ оковъ; подлѣ него сидитъ Ксанטיפпа (ты, конечно, знаешь ее) и держитъ дитя. Какъ скоро она увидѣла насъ, тотчасъ подняла вопль и начала говорить все, что говорятъ женщины, на примѣръ: о Сократъ! вотъ друзья твои съ тобою и ты съ друзьями — бесѣдуете уже въ послѣдній разъ. Но Сократъ, взглянувъ на Критона, сказалъ: Критонъ! пусть кто нибудь отведетъ ее домой. Тогда нѣкоторые изъ Критоновыхъ слугъ повели ее, а она кричала и ударяла себя въ грудь.

Между тѣмъ Сократъ, приподнявшись на скамѣ, подогнулъ ногу, сталъ потирать ее рукою и, потирая, сказалъ: Друзья! какъ страннымъ кажется мнѣ то, что люди называютъ пріятнымъ! Въ какой удивительной связи находится оно съ скорбію, хотя послѣдняя, повидимому, противоположна первому! Взятая вмѣстѣ, они не уживаются въ человѣкѣ: но кто ищетъ и достигаетъ одного, тотъ почти

вынуждается всегда получать и другое, какъ будто эти двѣ крайности соединены въ одной вершинѣ ¹. Если бы С. такая мысль, продолжалъ Сократъ, представилась Езопу, то онъ, кажется, сложилъ бы басню, что Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, но не могши это сдѣлать, сростилъ ихъ вершины: слѣдовательно, кому досталась одна изъ нихъ, тотъ за нею получаетъ и другую. Вотъ такъ и самъ я—отъ оковъ прежде чувствовалъ въ своей ногѣ боль; а теперъ за болью, кажется, слѣдуетъ что-то пріятное.—Клянусь Зевсомъ, Сократъ, подхватилъ Кевисъ, ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ. Меня уже спрашивали и другіе, а недавно и Эвинъ, о тѣхъ D. стихотвореніяхъ, которыя ты написалъ, перелагая рассказы Езопа, и о прологѣ Аполлону: что это вздумалось тебѣ писать стихи, пришедши сюда, между тѣмъ какъ прежде ты никогда и ничего не писывалъ? Если, по твоему мнѣнію, мнѣ надобно отвѣчать Эвину, когда онъ опять спроситъ меня (а я вѣрно знаю, что спроситъ); то скажи, каковъ долженъ быть мой отвѣтъ.—Отвѣчай ему правду, Кевисъ, что я написалъ это, не думая быть соперникомъ ни ему, E. ни его твореніямъ,—ибо зналъ, что такое соперничество не легко,—но желая испытать значеніе нѣкоторыхъ сновъ и успокоить совѣсть,—не этою ли часто повелѣвалось мнѣ заниматься музыкою ². Дѣло вотъ въ чемъ. Въ протекшей моей жизни не рѣдко повторялся у меня сонъ, который,

¹ Точка зрѣнія Сократа здѣсь очевидно феноменальная, а заключение дѣлается къ началу ноуменальному. Съ этой точки зрѣнія человекъ—всегда въ противоположностяхъ, доказывающихъ ограниченность его природы самой въ себѣ, или то, что чувственное въ немъ ограничено духовнымъ, и наоборотъ. Это-то и есть сращеніе противоположностей въ вершинѣ. Отсюда Сократъ могъ бы также заключить, что чѣмъ живѣе чувствовалось удовольствие, тѣмъ сильнѣйшее готовится чувство скорби.

² Помню, что когда вышло первое изданіе моего перевода Платоновыхъ сочиненій, нѣкоторымъ читателямъ не понравилось употребленное здѣсь слово *Музіка* (*μουσική*): Теперь я замѣняю его словомъ *музыка*, но прошу замѣтить, что подъ именемъ музыки у Платона разумѣются всѣ занятія и искусства, относящіяся къ области Музъ, и что высшимъ изъ этихъ занятій—высшею музыкою онъ почиталъ философію: о гармоніи же звуковъ тутъ и рѣчи нѣтъ.

представляясь въ разныхъ видахъ, говорилъ всегда одно и то же: Сократъ! производи и преподавай музыку. И я въ прежнее время всёмъ занимался въ той мысли, что къ этому располагаетъ и возбуждаетъ меня сновидѣніе, что какъ на 61. скороходовъ имѣютъ вліяніе возбуждатели, такъ на меня, въ моей работѣ,—оно, повелѣвавшее заниматься музыкою; ибо философія, думалъ я, есть величайшая музыка, и ею долженъ я заниматься. Но потомъ, когда судъ былъ конченъ, а божій праздникъ препятствовалъ мнѣ умереть,—я подумалъ: ну что, если сонъ многократно возбуждалъ меня трудиться надъ народною музыкою? вѣдь надобно трудиться, а не отвергать внушенія; потому что безопаснѣе умереть, когда, повинуваясь сновидѣнію, успокоишь совѣсть чрезъ сочиненіе В. стихотвореній. Поэтому сначала я написалъ гимнъ богу, которому тогда приносима была жертва; а послѣ бога, разсудивъ, что поэту, если онъ хочетъ быть поэтомъ, надобно излагать не рассказы, а вымыслы, и не находя въ себѣ способности вымышлять, я переложилъ въ стихи первыя попавшіяся мнѣ изъ тѣхъ басенъ Эзопа, которыя были у меня подъ рукою и въ памяти. Такъ вотъ что отвѣчай Эвину, Кевись: да пусть онъ будетъ здоровъ и, если разсуждаетъ здраво, пусть скорѣе бѣжитъ за мною. Я, какъ видно, отхожу сегодня: такова воля Аѳинянъ.— С. Но Симміасъ сказалъ: что ты это, Сократъ, совѣтуешь Эвину? Вѣдь я уже много разъ разговаривалъ съ нимъ и, сколько понимаю, онъ охотно никакъ не послушаетъ тебя.— Почему же, возразилъ Сократъ? развѣ Эвинъ не философъ ¹?— Кажется, философъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Слѣдовательно захочетъ и Эвинъ, и всякій, достойно принимающій участіе въ этомъ дѣлѣ. Конечно, онъ, можетъ быть, не наложить на себя рукъ; ибо это, говорятъ, незаконно.— Тутъ Сократъ

¹ Эвинъ, — по роду своихъ сочиненій, поэтъ, тѣмъ не менѣе объявлялъ себя софистомъ и за уроки бралъ съ учениковъ по пяти мнѣй. *Аполог. Хеноръ.* с. IV. Такъ какъ софистовъ называли и философами, то Сократъ, принимаясь къ народному понятію, не безъ ироніи, конечно, даетъ ему это имя.

D. спустилъ ноги со скамьи на полъ и, сидя въ такомъ положеніи, продолжалъ бесѣдовать.

Кевисъ спросилъ его: ты говоришь, Сократъ, что наложить на себя руки незаконно, а между тѣмъ философу можно хотѣть слѣдовать за умирающимъ? — Такъ что же, Кевисъ? развѣ ты и Симміасъ не слышали объ этомъ отъ Филолая ¹, когда обращались съ нимъ? — По крайней мѣрѣ ничего яснаго, Сократъ. — Впрочемъ и я знаю только по слуху; однакожъ, что слышалъ, того не скрою. Да человѣку, собирающемуся перейти въ другую жизнь, и весьма прилично, можетъ быть, разсуждать ² и толковать о ней и о томъ,

E. какова она будетъ. Кто бы и сталъ дѣлать что-нибудь иное нынѣ до захожденія солнца? — Такъ почему же говорятъ, Сократъ, что лишать жизни самого себя незаконно? Теперешнее твое сужденіе я уже слышалъ и отъ Филолая, когда онъ жилъ у насъ; знаю и отъ другихъ, что дѣлать этого не надобно: но ясно ни отъ кого и никогда не слыхивалъ.

62. — Должно сильнѣе желать, сказалъ Сократъ; такъ авось услышишь. Можетъ быть, для тебя покажется удивительнымъ, что это одно изъ всего безусловно справедливо, и что не случается, какъ въ прочихъ дѣлахъ, чтобы только нѣкимъ людямъ и только иногда было лучше умереть, нежели жить, а другимъ другое. Если же человѣку лучше ³ умереть; то ты, вѣроятно, удивишься, почему бы онъ поступилъ нечестиво, благодѣтельствуя самому себѣ, и зачѣмъ бы ему ожидать дру-

¹ Филолай, родомъ Бротоонецъ, ученикъ Архита, знаменитый философъ пифагорейской школы, жилъ нѣсколько времени въ Фивахъ и преподавалъ свое ученіе. Здѣсь между прочими его слушателями были Симміасъ и Кевисъ, прежде чѣмъ стали они слушать Сократа.

² *Μετὰ θάνατον* въ этомъ контекстѣ значить не баснословить, а разсуждать о предметахъ темныхъ, сокровенныхъ или метафизическихъ. Сравни. Legg. 1. р. 632 E. Arolog. р. 39 E. Phaedr. р. 279 E. Въ этомъ же смыслѣ и выше (61. B) слово *μὲν*; противопоставляется *τῷ λόγῳ*.

³ Скрывающаяся въ этихъ словахъ мысль Сократа можетъ быть выражена слѣдующимъ силлогизмомъ: всѣ люди желаютъ себѣ самаго лучшаго (эта посылка Сократомъ опущена); но самое лучшее для людей есть посмертная жизнь; слѣдовательно всѣмъ людямъ лучше желать умереть.

гаго благодѣтеля.—Тутъ Кевисъ, слегка улыбнувшись, сказалъ: Зевсъ знаетъ, что говорить онъ!—Конечно, съ перваго взгляда это можетъ показаться безсмыслицей, замѣтилъ В. Сократъ; однакожь въ моихъ словахъ есть нѣкоторый смыслъ. Изреченіе, находящееся въ тайномъ ученіи, что мы, люди, живемъ въ какой-то темницѣ, а потому сами собою не должны освобождаться изъ нея и уходить, мнѣ представляется слишкомъ высокимъ и неудобо-разсмотримымъ: но то, Кевисъ, по моему мнѣнію, хорошо сказано, что боги суть наши попечители, а мы—одно изъ ихъ стяжаній. Или ты не такъ думаешь, Кевисъ?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Но если бы которое-нибудь изъ твоихъ стяжаній, продолжалъ Сократъ, захотѣло умертвить само себя, независимо отъ твоего соизволенія на эту смерть; то не прогнѣвался ли бы ты на него и не подвергъ ли бы его наказанію, какому можешь?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—Значить, благоразуміе требуетъ умерщвлять себя не прежде, какъ тогда, когда богъ пошлетъ необходимость, въ какую теперь поставлены мы.—Правда, что такъ, сказалъ Кевисъ; но то твое положеніе, Сократъ, кажется страннымъ, будто философамъ легко желать смерти, особенно когда мы одобрили мнѣніе, что Богъ есть нашъ попечитель, а мы его стяжаніе. Люди мудрѣйшіе не имѣютъ причины не скорбѣть, оставляя такое служеніе, къ которому они призваны самыми добрыми распорядителями вещей—богами; ибо вѣрно не думаютъ они, что, сдѣлавшись свободными, лучше позаботятся о самихъ себѣ. Глупый, можетъ быть, и возразить, что надобно бѣжать отъ господина, такъ какъ не умѣетъ размыслить, что отъ добраго бѣжать никакъ не должно, а должно тѣмъ болѣе оставаться съ нимъ, и что побѣгъ былъ бы дѣломъ безумнымъ: но мудрому, кажется, естественно желать всегда быть съ тѣмъ, кто лучше его. Такъ-то, Сократъ; мнѣ представляется противное тому, что сейчасъ говорилъ ты: людямъ мудрымъ при смерти прилично скорбѣть, а радоваться въ этомъ случаѣ свойственно лишь глупымъ.— Выслушавъ

63. это, Сократъ, казалось, былъ доволенъ изслѣдовательностію Кевиса и, взглянувъ на насъ, сказалъ: Кевисъ непременно всегда испытываетъ мысль и съ перваго раза никакъ не вѣритъ тому, что кто утверждаетъ. — Да и точно, Сократъ, подхватилъ Симміасъ, мнѣ самому думается, что Кевисъ, по крайней мѣрѣ теперь, говоритъ дѣло; ибо съ какою цѣлію люди мудрые могли бы бѣжать отъ господъ, дѣйствительно лучшихъ, нежели сами, и легкомысленно оставлять ихъ? Его рѣчь, повидимому, направлена противъ тебя, такъ какъ ты столь равнодушно оставляешь и насъ и боговъ, **В.** которыхъ самъ же считаешь добрыми властителями. — Вы правы, сказалъ Сократъ; я вижу цѣль вашихъ словъ: вамъ хочется, чтобы я защищался противъ этого обвиненія, какъ въ судѣ. — Совершенно такъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Хорошо, продолжалъ Сократъ; постараюсь оправдаться предъ вами успѣшнѣе, чѣмъ предъ судьями. Если бы я не думалъ, Симміасъ и Кевисъ, что, во-первыхъ, пойду къ инымъ мудрымъ и благимъ богамъ, во-вторыхъ, къ умершимъ людямъ, **С.** лучше, нежели эти; то былъ бы виноватъ, не скорбя при смерти. Но теперь—знайте, я надѣюсь увидѣться съ добрыми людьми, хотя не смѣю утверждать это слишкомъ рѣшительно; а что предстану предъ добрыхъ владыкъ, боговъ, — это, повѣрьте, могу доказать столь же рѣшительно, какъ что-либо другое. Потому-то и не скорблю, а надѣюсь, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ, какъ издревле говорится, гораздо лучше, нежели злымъ. — Такъ что же, Сократъ? сказалъ Симміасъ. Питая въ умѣ такую **В.** мысль, ужели ты отойдешь, не передавъ ея намъ? Вѣдь въ этомъ благѣ, думаю, мы всѣ должны имѣть свою часть. Притомъ, вотъ тебѣ и оправданіе, если убѣдишь насъ въ истинѣ своихъ словъ. — Хорошо, постараюсь, отвѣчалъ Сократъ. Но прежде посмотримъ, что такое давно уже, кажется, хочеть сказать мнѣ Критонъ. — Сказать нечего, Сократъ, кромѣ того, что человекъ, имѣющій дать тебѣ ядъ, безпре-
станно твердитъ мнѣ, чтобы ты какъ можно менѣе разго-

варивалъ; потому что разговаривающіе, по его словамъ, слишкомъ разгорячаются, а предъ принятіемъ яда этого быть не должно: въ противномъ случаѣ иногда бываетъ нужно E. повторять приемъ два и три раза ¹.—Оставь его, сказалъ Сократъ; пусть только готовитъ свое, чтобы дать мнѣ ядъ— и дважды, а если потребуется, и трижды. — Я-то почти зналъ это, отвѣчалъ Критонъ; да онъ непрестанно докучаетъ мнѣ.—Оставь его, сказалъ Сократъ.

Теперь я хочу дать отчетъ вамъ—моимъ судьямъ, что человекъ, искренно посвящающій жизнь свою философіи, встрѣтитъ смерть, какъ мнѣ кажется, мужественно и съ на- 64. деждою —по кончинѣ, за гробомъ, получить величайшія блага. А какъ это и почему такъ будетъ, Симміасъ и Кевисъ, постараюсь высказать. Для иныхъ, должно быть, незамѣтно, что люди, истинно преданные философіи, ничего другаго не имѣютъ въ виду, какъ только умирать и умереть. Если же такъ, то какая странность—желать этого весь вѣкъ и скорбѣть по достиженіи той цѣли, къ которой давно стремились и готовились!—Тутъ Симміасъ улыбнулся и сказалъ: влянусь Зевсомъ, Сократъ! ты заставляешь меня смѣяться, хотя те- В. перь я вовсе не расположенъ къ смѣху. Еслибы слышала тебя толпа, то мнѣніе твое о философахъ показалось бы ей, думаю, очень хорошимъ, и всѣ, по крайней мѣрѣ у насъ, похвалили бы ту мысль, что истинные философы желаютъ умереть; потому что и сами они признаютъ ихъ достойными такого жребія.—Да и справедливо похвалили бы, Симміасъ, если бы понимали свою похвалу: но они не знаютъ, умрутъ ли истинные философы, достойны ли они смерти, и какой именно достойны смерти. Оставимъ пока толпу, продолжалъ C. Сократъ, и будемъ разсуждать между собою. Почитаемъ ли

¹ Петитъ (Obsev. miscell. 1, 17), основываясь на одномъ мѣстѣ Плу- тарха, старался доказать, что упоминаемый здѣсь исполнитель смертнаго приговора одиннадцати судей хотѣлъ убѣдить Сократа, чтобы онъ меньше говорилъ, побуждаясь къ этому не состраданіемъ, а корыстію; ибо, по обычаю, долженъ былъ покупать ядъ на свои деньги и за каждый приемъ его платить двѣнадцать драхмъ.

- мы что-нибудь смертію?—Конечно, отвѣчалъ Симміасъ.—Не есть ли она отрѣшеніе души отъ тѣла? Умереть не то ли значить, что и тѣло, отрѣшенное отъ души, существуетъ особо, само по себѣ, и душа, отрѣшившаяся отъ тѣла, существуетъ сама по себѣ? Иное ли что-нибудь, или это называется смертію?—Это, а не иное, отвѣчалъ онъ.—Смотри же, добрякъ, не то ли покажется и тебѣ, что мнѣ: вѣдь отъ
- D. сюда-то особенно мы уразумѣемъ предметъ своего изслѣдованія. Думаешь ли, что философу свойственно заботиться о тѣхъ, тамъ называемыхъ, удовольствіяхъ, которыя состоятъ въ пищѣ и питъѣ?—Всего менѣе, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ.—Ну, а объ удовольствіяхъ любви?—Отнюдь нѣтъ.—Что еще? думаешь ли, что такой человѣкъ считаетъ уважительнымъ всякое другое попеченіе, относящееся къ тѣлу? Напримѣръ, цѣнить онъ или не цѣнить пріобрѣтеніе отличной одежды, обуви, и иныхъ украшеній тѣла, когда нѣтъ
- E. большой необходимости пріобрѣсть ихъ?—Истинный философъ, кажется, не цѣнить этого, сказалъ Симміасъ.—Слѣдовательно, тебѣ вообще кажется, продолжалъ Сократъ, что его дѣятельность направлена не къ тѣлу, что онъ, сколько возможно, удаляется отъ него и обращается къ душѣ?—Кажется.—Значить, философа можно узнать прежде всего по тому, что онъ-то особенно,—болѣе чѣмъ прочіе люди,
65. устраняетъ душу отъ сообщенія съ тѣломъ.—Повидимому такъ.—А вѣдь многимъ, Симміасъ, вѣроятно представляется, что безъ подобныхъ пріятностей и безъ участія въ нихъ не стоитъ жить, что не заботящійся объ удовольствіяхъ, относящихся къ тѣлу, живетъ близъ смерти.—Ты говоришь очень справедливо.—Но что думать о самомъ пріобрѣтеніи разумѣнія? Препятствуетъ, или нѣтъ, тѣло, когда кто беретъ
- V. его въ часть для такого пріобрѣтенія? Я хочу сказать,—зрѣніе и слухъ представляютъ ли людямъ какую-нибудь истину, какъ безпрестанно щебечутъ намъ по крайней мѣрѣ поэты? или мы не слышимъ и не видимъ ничего опредѣленнаго? Если же эти чувства невѣрны и неясны, то прочія и того менѣе;

ибо всё они, конечно, хуже этихъ. Или тебѣ не кажется?—
 Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Итакъ, когда же душа ка-
 сается истины? спросилъ Сократъ. Намѣреваясь вмѣстѣ съ
 тѣломъ изслѣдовать что-нибудь, она, очевидно, бываетъ имъ
 обманываема.—Твоя правда.—Слѣдовательно, если чѣмъ, С.
 то мышленіемъ открывается ей нѣчто существенное? —
 Да.—Но мыслить она лучше, вѣроятно, тогда, когда ничто
 не беспокоитъ ея,—ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удо-
 вольствіе, когда, оставивъ тѣло и, сколько возможно, удалив-
 шись отъ общенія съ нимъ, она бываетъ совершенно одна,
 сама по себѣ, и стремится къ сущему.—Такъ.—Значитъ, D.
 здѣсь душа философа вовсе не цѣнитъ тѣла и, убѣгая отъ
 него, старается быть сама съ собою?—Думаю.—А что ска-
 жешь на слѣдующіе вопросы, Симміасъ? Называемъ ли мы
 что-нибудь справедливымъ, или не называемъ?—Называемъ,
 клянусь Зевсомъ.—Равнымъ образомъ,—хорошимъ и доб-
 рымъ?—Какъ же.—Но такія вещи выдашь ли ты когда-ни-
 будь глазами?—Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—А касался ли
 ихъ которымъ-нибудь другимъ чувствомъ тѣла? (разумѣю
 все подобное, какъ-то: величину, здоровье, силу,—однимъ
 словомъ, сущность всего, т. е. что такое самъ по себѣ каж-
 дый изъ этихъ предметовъ). Тѣломъ ли созерцается истин- E.
 ная сторона ихъ, или это бываетъ такъ, что кто болѣе и
 основательнѣе приготовленъ къ уразумѣнію разсматривае-
 маго предмета, тотъ ближе и къ познанію его?—Безъ сомнѣ- 66.
 нія.—А подобное понятіе не тотъ ли приобрѣтаетъ чище, кто
 будетъ обращаться къ каждому предмету именно одною мыс-
 лью, не присоединяя къ размышленію зрѣнія и не увлекая за
 умомъ никакого другаго чувства, кто будетъ пользоваться
 просто мыслию, самою по себѣ, и постарается уловить каж-
 дое сущее, само по себѣ, непремѣнно отказавшись и отъ
 глазъ, и отъ ушей и, такъ сказать, отъ всего тѣла, поколику
 своимъ участіемъ оно возмущаетъ душу и не позволяетъ ей
 приобрѣсть истину и разумѣніе? Не этотъ ли болѣе, Сим-
 міасъ, чѣмъ кто другой, постигаетъ сущее?—Ты, Сократъ,

- говоришь чрезвычайно какъ справедливо, сказалъ Сим-
 В. міась.—Но изъ всего этого, продолжалъ Сократъ, у людей, сознательно философствующихъ, не должно ли образоваться нѣкоторое опредѣленное мнѣніе, такъ какбы они разсуждали между собою слѣдующимъ образомъ: вѣроятно, есть какая-то стезя, которая въ дѣлѣ изслѣдованія ведетъ насъ съ однимъ умомъ; потому что мы никогда не приобретаемъ вполне того, чего желаемъ и что называемъ истиною, пока облечены въ тѣло, и доколѣ наша душа смѣшана съ этимъ зломъ ¹? Въ самомъ дѣлѣ, тѣло запутываетъ насъ въ безко-
 С. нечныя хлопоты и ради того уже, что ему необходима пища; а иногда еще пристають болѣзни и возбраняютъ намъ входъ къ существу. Тѣло также наполняетъ насъ сладострастіемъ, пожеланіями, страхомъ, различными призраками и многими пустяками: повѣтому дѣйствительно правду говорятъ, что подъ вліяніемъ тѣла и размыслить о чемъ-нибудь некогда. Да и войны, и бунты, и битвы откуда происходятъ, какъ не отъ тѣла и его пожеланій? Въдь всѣ войны воспаляются
 D. для пріобрѣтенія имущества; а имущество мы понуждаемся пріобрѣтать въ пользу тѣла, которому рабски служимъ. Такимъ образомъ для философіи-то у насъ и не остается времени. Но послѣ всего, если и представляется намъ какой досугъ, и мы обращаемся къ разсматриванію чего-нибудь; то во время изслѣдованій тѣло непремѣнно опять припутается, произведетъ шумъ, замѣшательство и тревогу, такъ что мы и не можемъ уже видѣть истину, а только полагаемъ за вѣрное, что когда хотимъ что-нибудь узнать чисто, — должны отвязаться отъ тѣла и созерцать самыя вещи самою ² душою. Зна-

¹ Сократъ здѣсь стоитъ, очевидно, на пифагорейской точкѣ зрѣнія, утверждая, что тѣло есть положительное начало зла, а не просто — планетное препятствіе созерцать истину, сколько она доступна ограниченной человѣческой душѣ. Языческій взглядъ на человѣка не могъ возвыситься къ мысли объ источникѣ зла въ самой душевной его природѣ, независимо отъ тѣла, и ввести въ сознание порчу, которою заражена его душа, со всѣми ея силами и съ самымъ умомъ.

² Есть, то-есть, въ нашей душѣ нѣчто такое, долженъ былъ бы сказать

читъ, разумѣніе, которое почитаемъ предметомъ своего желанія и любви, мы, по всей вѣроятности, приобрѣтемъ тогда, Е. когда умремъ, а въ жизни не найдемъ его; потому что если съ тѣломъ нельзя ничего узнать чисто, то выходитъ одно изъ двухъ: знаніе или никогда не возможно, или возможно по смерти, такъ какъ по смерти, и не прежде, душа будетъ существовать сама по себѣ, безъ тѣла. Живя же, мы только въ той 67. мѣрѣ, какъ видно, становимся ближе къ знанію, въ какой наименѣе, кромѣ крайней необходимости, обращаемся и сообщаемся съ тѣломъ, и не оскверняемъ его природою, но очищаемся отъ него, доколѣ самъ Богъ не отрѣшитъ насъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ чистыми, чрезъ отрѣшеніе отъ безсмыслія тѣла, мы, вѣроятно, сойдемся и съ подобными намъ существами и сами собою узнаемъ все простое (а простое, В. навѣрно, и есть истина); ибо нечистымъ касаться чистаго едва ли позволено. Это-то, Симміасъ, должны говорить другъ другу и проповѣдывать всѣ, прямо любознательные. Или тебѣ не такъ кажется?—Всего болѣе, Сократъ.—Если же такъ, другъ мой, продолжалъ Сократъ; то, отходя туда, куда отхожу я, можно смѣло надѣяться, что тамъ скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, мы вполне приобрѣтемъ то, ради чего такъ много трудились въ протекшей своей жизни. Поэтому предписанное мнѣ теперь переселеніе сопряжено съ доброю С. надеждою для всякаго, кто увѣренъ, что его умъ какбы очищенъ и приготовленъ.—Безъ сомнѣнія, сказалъ Симміасъ.—А очищеніе не въ томъ ли состоитъ, какъ мы давно говоримъ, чтобы душа наиболѣе отдѣлялась отъ тѣла и привыкала изъ всѣхъ частей его собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ, чтобы, по мѣрѣ возможности, и въ настоящее время, и послѣ, жила она сама собою, освободившись отъ тѣла, какъ изъ темницы? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Но не это ли именно, не отрѣшеніе ли и отдѣленіе души отъ тѣла, называется смертію?—Разумѣется, сказалъ

Сократъ, что, не смотря на растлѣніе ея природы, нудятъ ее преслѣдовать истину, какбы законное ея достоиніе.

онъ.—Отрѣшить же ее, говоримъ, всегда стараются преимущественно тѣ, которые истинно философствуютъ, поопику занятіе философовъ въ томъ и состоитъ, чтобы отрѣшать и отдѣлять душу отъ тѣла ¹. Или нѣтъ? — Явно. — И такъ не смѣшно ли было бы, какъ я говорилъ сначала, еслибы человѣкъ, своею жизнію приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла

Е. бы къ нему? Не смѣшно ли было бы? — Какъ не смѣшно? — И въ самомъ дѣлѣ, Симміасъ, люди, истинно философствующіе стремятся умереть, и смерть имъ менѣе страшна, чѣмъ кому-нибудь. Суди по этому: кто непрестанно досадуетъ на свое тѣло и желаетъ имѣть душу саму по себѣ, а случись это, — боится и скорбитъ; тотъ не безуменъ ли, что безъ радости отходить туда, гдѣ есть надежда удовле-

68. творить желанію цѣлой жизни (предметомъ желанія было разумѣніе) и освободиться отъ сотоварища, на котораго онъ досадуетъ? Многие, разлученные смертію съ людьми, которыхъ они любили, — съ женою, съ дѣтьми, охотно согласились бы сойти въ преисподнюю, — въ той надеждѣ, что тамъ увидятся и будутъ вмѣстѣ съ милыми существами: какъ же скорбѣть и невесело отходить умирающему, когда онъ дѣйствительно любить разумѣніе и сильно проникнуть

В. тою надеждою, что оно нигдѣ не пріобрѣтается столь совершенно, какъ въ преисподней? Вѣдомо такъ, другъ мой, — лишь бы то былъ истинный философъ; ибо ему живо представляется, что чистое разумѣніе для него нигдѣ такъ не доступно, какъ тамъ. Если же сейчасъ сказанное мною справедливо; то не великое ли было бы безуміе такому человеку бояться смерти? — Въ самомъ дѣлѣ великое, клянусь

¹ Само собою разумѣется, что это — философія жизни, а не отвлеченная наука. У Сократа теорія и практика не должны были отдѣляться: знаніе безъ дѣла, по его мнѣнію, есть незнаніе, а дѣло безъ знанія есть произведеніе случая, или явленіе, происходящее *ἐκ τῆς τύχης*. Но чтобы мысль Сократа о философіи, какъ объ отдѣленіи души отъ тѣла, совершенно оправдалась, надлежало бы только сказать, что истинный философъ долженъ отрѣшать душу отъ пожеланій, направленныхъ къ тѣлу.

Зевсомъ, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Итакъ, не есть ли это для тебя достаточный признакъ, сказалъ Сократъ, что человекъ, скорбящій при смерти, былъ любителемъ не мудрости, а тѣла? Любитель же тѣла, извѣстно, любитъ С. и деньги и честь, то-есть, либо что-нибудь одно изъ двухъ, либо то и другое. — Конечно бываетъ такъ, какъ ты говоришь, отвѣчалъ онъ. — А не правда ли, Симміасъ, что людямъ съ философскимъ расположеніемъ очень свойственно и такъ называемое мужество? — Непремѣнно, сказалъ онъ. — Не имъ ли однимъ, — уничижителямъ тѣла, провождающимъ жизнь въ философіи, свойственна и рассудительность, которую многіе ставятъ именно въ томъ, чтобы не увлекаться пожеланіями, но вести себя скромно и благо- D. чинно? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Въдъ если ты захо- чешь представить себѣ мужество и рассудительность не въ такихъ людяхъ, продолжалъ Сократъ, то онѣ покажутся тебѣ чѣмъ-то странцымъ. — Почему же, Сократъ? — Знаешь ли, отвѣчалъ онъ, что смерть, по мнѣнію всѣхъ другихъ, есть одно изъ великихъ золъ? — И очень. — Значитъ, тѣ мужественные, когда подвергаются смерти, подвергаются ей изъ страха болѣе великихъ золъ? — Правда. — Слѣдатель- ю, всѣ, кромѣ философовъ, бываютъ мужественны изъ боязни и страха. А быть мужественнымъ по причинѣ стра- E. ха и робости въ самомъ дѣлѣ странно. — Безъ сомнѣнія. — Что еще? не таковы ли и благонравные между ними? то-есть, не изъ невоздержанія ли они рассудительны? Мы хотъ и говоримъ, что это невозможно, однакожъ, при такой нелѣпой рассудительности имъ свойственно нѣчто подобное; потому что, боясь лишиться однихъ удовольствій и желая ихъ, они, изъ угожденія имъ, воздерживаются отъ другихъ. Служеніе удовольствіямъ называется, конечно, невоздержаніемъ: и однакожъ, служа однимъ удовольствіямъ, они одерживаютъ верхъ надъ другими; а это и походитъ на сказанное 69. нами, что они бываютъ рассудительны какбы чрезъ невоздержаніе. — Въ самомъ дѣлѣ походитъ. — Между тѣмъ для

- добродѣтели, добрый Симміасъ, была бы правою не та мѣна, чтобы мѣнять удовольствія на удовольствія, скорби на скорби, страхъ на страхъ, большее на меньшее, будто монеты. Нѣтъ, настоящая монета, на которую надобно мѣнять все, здѣсь од-
- В.** на—разумѣніе: ею и за нее покупается и продается дѣйстви-тельно—и мужество, и разсудительность, и справедливость, и вообще истинная добродѣтель, независимо отъ того, чувствует-ся ли при этомъ удовольствіе, либо страхъ, и прочее тому по-добное, или не чувствуется. Когда же тѣ качества отдѣлены отъ разумѣнія и промѣниваются одно на другое, — подобная добродѣтель не будетъ ли обманчивымъ призракомъ, въ сущ-ности дѣломъ рабскимъ, не заключающимъ въ себѣ ничего
- С.** здраваго и истиннаго? Истинное-то не есть ли въ сущности очищеніе отъ всего такого? Не должно ли назвать и разсуди-тельность, и справедливость, и мужество, и самое разумѣ-ніе нѣкоторымъ очищеніемъ ¹? Надобно полагать, что и тѣ учредители таинствъ были не плохіе люди, когда давно уже гадали ², что кто сойдетъ въ преисподнюю неосвященнымъ и несовершеннымъ, тотъ будетъ лежать въ тинѣ, а очи-щенный и совершенный, пришедши туда, станетъ жить съ богами. Служители таинствъ говорятъ, что носителей баху-р.
- Д.** совыхъ жезловъ ³ много, да Бахусовъ-то мало. А эти, по моему мнѣнію, суть не кто другіе, какъ истинные философы. Отъ нихъ-то и я, сколько могъ, не отставалъ въ своей

¹ Очищеніе, по изслѣдованіямъ Крейцера (Symb. VI, 347), почиталось первою степенью посвященія въ таинства. Феонъ смирскій говоритъ (Mathem. p. 18), что такихъ степеней было пять: первая — *καθαρισμός*, вторая — *ἡ τῆς τελετῆς παράδοσις*, третья — *ἐποπτεία*, четвертая — *ἀνάδειξις καὶ στερματῶν ἐπίθεσις*, пятая — *τὸ θεοφιλὲς καὶ θεοῦ συνδιαίτητος εὐδαιμονία*.

² Олимпіодоръ полагаетъ, что здѣсь указывается на слова одного мисти-ческаго сочиненія, котораго авторомъ почитали Орфея. См. Fragment. *Orph.* p. 509. *Herm.* Numn. in Cerer. 485.

³ Вакхами называли также служителей и жрецовъ Діониса, совершав-шихъ его оргіи. Эти Вакхи, при совершеніи оргій, носили жезлы съ заж-женными факелами. *Ὁ βακχεὺς δ' ἔχων πυρῶδη φλόγα πύρακας ἐκ νάρθηκος ἀΐσσει...* Schol. ad Aristoph. Equit. 406. *Barnes.* ad Euripid. *Boeckh.* 145 sqq. Значе-ніе Платоновыхъ словъ *Фишера* выражаетъ такъ: *multi prae se ferunt amo-rem et studium philosophiae, sed pauci sunt vere philosophi.*

жизни, но всячески старался присоединиться къ нимъ. Стараніе мое было ли правильно и успѣшно — узнаемъ ясно, пришедши туда, — узнаемъ, какъ мнѣ кажется, скоро, если будетъ угодно Богу. Вотъ мое оправданіе, Симміасъ и Кевисъ, прибавилъ Сократъ. Я справедливо не жалуясь и не скорблю, оставляя васъ и здѣшнихъ господъ; ибо надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми ^{Е.} господами и друзьями, хотя толпѣ это и не вѣрится. Прекрасно было бы, если бы мое оправданіе убѣдило васъ болѣе, нежели аѳинскихъ судей.

Противъ этихъ словъ Сократа Кевисъ возразилъ: о всемъ прочемъ, Сократъ, ты говоришь хорошо; но что касается до души, то люди въ этомъ отношеніи очень недоумѣваютъ, — ^{70.} существуетъ ли она гдѣ-нибудь, по отрѣшеніи отъ тѣла, или разрушается и уничтожается въ тотъ самый день, въ который человѣкъ умеръ, то-есть, отрѣшившись отъ тѣла и вышедши изъ него, разсѣвается, какъ воздухъ или паръ, тотчасъ улетаетъ, и уже нигдѣ отъ нея и ничего нѣтъ. Конечно, еслибы она въ самомъ дѣлѣ сосредоточивалась въ себѣ и избавилась отъ тѣхъ золъ, о которыхъ ты теперь разсуждалъ; то мы имѣли бы великую и прекрасную надежду, что слова твои, Сократъ, истинны. Но для этого требуется, ^{В.} можетъ быть, не мало успокоенія и вѣры, что душа умершаго человѣка существуетъ, и что въ ней есть какая-то сила и разумѣніе. — Правда, Кевисъ, сказалъ Сократъ. Такъ чтоже дѣлать? не хочешь ли, потолкуемъ, вѣроятна моя мысль, или нѣтъ? — Что касается до меня, отвѣчалъ Кевисъ, то я съ удовольствіемъ послушалъ бы, каково твое объ этомъ мнѣніе? — Мнѣ кажется, никто, сказалъ Сократъ, даже и писатель комедій, слушая меня въ эту минуту, не скажетъ, что я пусто- ^{С.} словлю, — веду рѣчь не о томъ, о чемъ должно. Итакъ, если хочешь, надобно изслѣдовать. А изслѣдуемъ, существуютъ ли души умершихъ людей въ преисподней, или нѣтъ, вотъ какимъ образомъ. Есть преданіе, самое древнее, какое только помнимъ, что, переселившись туда, онѣ живутъ тамъ, и потомъ

опять приходятъ сюда и происходятъ изъ умершихъ. Если это справедливо, если, то-есть, живые происходятъ изъ умершихъ, D. то какъ же не существуютъ наши души тамъ? Вѣдь не существуя, онѣ не произошли бы; и мы имѣли бы достаточный признакъ тамошняго ихъ существованія, еслибы для насъ въ самомъ дѣлѣ было ясно, что онѣ перешли въ жизнь не откуда болѣе, какъ изъ умершихъ: а когда этого нѣтъ, то нужно какое-нибудь иное доказательство. — Безъ сомнѣнія, сказалъ Кевисъ. — Впрочемъ, чтобы легче понять это, наблюдай не только надъ людьми, продолжалъ Сократъ, но и надъ всѣми животными и растеніями, — вообще надъ всѣмъ, въ чемъ видимъ E. происходимость. Не такъ ли все бываетъ, что противное происходитъ изъ противнаго, если ему есть что-нибудь противуположное, какъ, на примѣръ, похвальное — постыдному, справедливое — несправедливому, каковыхъ противуположностей безчисленное множество? Разсмотримъ-ка, не необходимо ли, чтобы вещи, противныя чему-нибудь, происходили не изъ чего болѣе, какъ изъ противнаго себѣ. Если, на примѣръ, что-нибудь сдѣлалось бѣльшимъ, то не необходимо ли надлежало этому сперва быть меньшимъ, а потомъ возрасти 71. до бѣльшаго? — Да. — А когда что-нибудь есть меньшее, то сперва оно, конечно, было бѣльшимъ, потомъ уже стало меньшимъ? — Такъ, сказалъ онъ. — Подобнымъ образомъ изъ сильнѣйшаго происходитъ слабѣйшее, изъ быстрѣйшаго медленнѣйшее. — Безъ сомнѣнія. — Что же далѣе? Если вещь сдѣлалась хуже, то не изъ лучшей ли? — Изъ чего же иначе? — Значить, мы удовлетворяемся тѣмъ положеніемъ, заключилъ Сократъ, что все происходитъ такъ, — противное изъ противнаго ¹? — Безъ сомнѣнія. — Но что еще? нѣтъ ли чего-

¹ Въ этомъ мѣстѣ Платонъ почитаетъ необходимымъ происхождение противнаго изъ противнаго въ смыслѣ происхожденія матеріальнаго, а не формальнаго. По матеріи, вещи непрестанно измѣняются — увеличиваются и уменьшаются: но причина того, что онѣ — велики или малы, заключается не въ матеріи, а въ идѣ величины или малости, покольку та или другая идея становится формою извѣстной вещи *чрезъ присущіе* (*διὰ τῆς παρουσίας*). Малое не мало безъ великаго; малое мало и не изъ великаго: но какъ скоро съ

нибудь, занимающаго средину между всѣми парами противуположностей, такъ какъ при двухъ противныхъ бываетъ два перехода, то-есть, отъ перваго противнаго во второе, и отъ В. втораго въ первое? Напримѣръ, между бѣльшимъ и меньшимъ есть и возрастаніе и умаленіе, и мы говоримъ, что одно растеть, другое умалается.—Да, отвѣчалъ онъ.—Значить, и раздѣляться, и смѣшиваться, и охлаждаться, и согрѣваться—все такимъ же образомъ. Хотя словами мы иногда и не выражаемъ этого, однакожъ на дѣлѣ необходимо, чтобы одно взаимно происходило изъ другаго и чтобы переходъ былъ обоюдный.—Конечно, сказалъ онъ.—Что же те С. перь? продолжалъ Сократъ: жизни противупологается ли нѣчто такъ, какъ бодрствованію — сонъ? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — А что именно? — Смерть, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, жизнь и смерть, если онѣ взаимно противуположны, происходятъ обоюдно, и между ними двумя бываетъ двоякое происхожденіе?—Какъ же иначе? — Итакъ я, сказалъ Сократъ, приведу тебѣ одну изъ такихъ паръ, о которыхъ сейчасъ упоминалъ, и укажу на ея переходы; а ты приведи другую. Я говорю: «сонъ и бодрствованіе», и утверждаю, что изъ сна бываетъ бодрствованіе, а изъ бодрствованія—сонъ; происхожденія же ихъ суть: дремать и про D. буждаться. Довольно для тебя, или нѣтъ? спросилъ онъ. — Очень довольно.—Скажи же и ты такъ о жизни и смерти. Не говорилъ ли ты, что жизнь противна смерти? — Говорилъ.—И онѣ бывають одна изъ другой?—Да.—Что же бываетъ изъ живущаго?—Умершее, сказалъ онъ. — А потомъ изъ умершаго, спросилъ Сократъ?—Необходимо согласиться, что живущее, отвѣчалъ Кевисъ.—Значить, изъ умершихъ, Кевисъ, бывають вещи живыя и существа живущія? — Кажется, сказалъ онъ.—Слѣдовательно, наши души находятъ E. ся въ преисподней ¹? заключилъ Сократъ. — Вѣроятно. —

чѣмъ-нибудь, что не считаетъ себя малымъ, сопоставляется великое, — изъ того, что не считало себя малымъ, тотчасъ является малое.

¹ Изложенное здѣсь доказательство безсмертія души основывается на гипотезѣ до-мірнаго существованія душъ, которую Пифагоръ и Платонъ при-

Равнымъ образомъ и изъ двухъ происхожденій не явно ли по крайней мѣрѣ одно? Напримѣръ, умираніе явно или нѣтъ? — Конечно явно, отвѣчалъ онъ. — Такъ что же намъ сдѣлать? продолжалъ Сократъ: не придать ли ему происхожденія противоположнаго? Неужели въ этомъ отношеніи природа хрома? Умиранію не необходимо ли противоположить какое-нибудь происхождение? — Совершенно необходимо, сказалъ онъ. — Какое же? — Оживаніе. — Но если

72. есть оживаніе, продолжалъ Сократъ; то оно, — это оживаніе, не будетъ ли переходеніемъ мертвыхъ въ существа живущія? — Конечно, будетъ. — Значитъ, мы согласились и въ томъ, что существа живущія не менѣе бываютъ изъ мертвыхъ, какъ и умершія изъ живущихъ? А если такъ, то, кажется, имѣемъ достаточный признакъ, что души умершихъ необходимо должны гдѣ-нибудь существовать, откуда могли бы снова произойти. — Изъ признанныхъ положеній, Сократъ, повидимому, необходимо слѣдуетъ. — И замѣть, Кевисъ, сказалъ онъ, что тѣ положенія мы признали, думаю, не безразсудно. Вѣдь если не противопоставить одного происхожденія другому, такъ, чтобы они совершали кругъ, но допустить производимость только въ одностороннемъ направленіи — отъ противнаго къ противоположному, не поворачивая ея снова отъ послѣдняго на первое; то знай, что наконецъ все будетъ имѣть одинъ и тотъ же

знавали какъ несомнѣнную истину. Они предполагали, что души всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, какія были, есть и будутъ, суть жительницы міра духовнаго или ноуменальнаго, и число ихъ — опредѣленное, всегда одно и то же, не увеличивается и не уменьшается. Эти души переходятъ въ міръ явленій по зачатіи и чрезъ рожденіе тѣла, а по разрушеніи тѣлеснаго состава, опять возвращаются въ свое отечество — міръ ноуменальный, но возвращаются уже съ нажитыми на землѣ нравственно-хорошими, или нравственно-худыми свойствами, и потому послѣ смерти получаютъ или награды, или наказанія. Теорію о до-мірномъ существованіи душъ Платонъ основывалъ на теоріи идей, которыя приписывалъ душѣ, какъ нѣчто предметное, полученное ею въ міръ духовномъ, и которыя возбуждаются въ ней чрезъ припомнаніе. Отсюда, философски изслѣдывать истину значить припоминать ее, или вводить въ сознаніе богатство познаний, которыми душа наслаждалась въ царствѣ ноуменовъ.

видъ, все придетъ въ одно и тоже состояніе, — и происхожденія прекратятся. — Какъ это говоришь ты, спросилъ онъ? — Мои слова понятъ не трудно, отвѣчалъ Сократъ. Если бы, напримѣръ, засыпаніе существовало, а противоположнаго ему, то-есть, пробужденія отъ сна не было: то, знаешь, сказаніе объ Эндиміонѣ ¹ показалось бы наконецъ С. пустымъ и потеряло бы смыслъ; потому что и все прочее, подобно ему, находилось бы вѣчно въ состояніи сна. Когда же бытія только смѣшивались бы, а не раздѣлялись, — вскорѣ вышло бы Анаксагорово: «всѣ вещи вмѣстѣ» ². Такъ-то и здѣсь, любезный Кевисъ: еслибы все живущее умп- D. рало и, умерши, сохраняло свой образъ смерти, а не оживало снова; то не необходимо ли, чтобы наконецъ все умерло и ничто не жило? Пусть одно живущее происходитъ отъ другаго: но какъ скоро оно умираетъ, то какииъ способомъ и всему не сдѣлаться бы жертвою смерти? — Миѣ кажется, нѣтъ такого способа, Сократъ, отвѣчалъ онъ. По моему миѣнію, ты говоришь совершенно справедливо. — Да, Кевисъ, продолжалъ Сократъ, это, думаю, вѣрише всего, и мы не обманываемся, допуская такую истину. Въ самомъ дѣлѣ есть и оживаніе и происхожденіе живаго изъ мертваго; есть и души умершихъ, и добрымъ изъ нихъ E. хорошо, а злымъ худо.

Да то же самое, Сократъ, вытекаетъ и изъ другаго основанія, подхватилъ Кевисъ, если только справедливо, что ты часто говаривалъ, то-есть, что ученіе есть не болѣе, какъ припоминаніе. Отсюда, кажется, необходимо слѣдуетъ, что то, что теперь припоминаемъ, мы знали когда-то прежде; а это было бы

¹ Эндиміонъ, по сказанію греческой мифологіи, взятъ былъ Зевсомъ на небо; но потомъ, за связь съ Діаною, сброшенъ оттуда на землю и погруженъ въ вѣчный сонъ.

² Анаксагоръ училъ, что прежде существованія отдѣльныхъ вещей всѣ разнородныя стихіи матеріальнаго міра, или такъ называемыя оміомеріи, находились въ состояніи совершенной слитности. Объ этомъ онъ написалъ книгу, которая начиналась такъ: *ὅμοι πάντα ἔρχεται εἶναι, νόσος δ' αὐτῶν ἀείρεται καὶ διακρίματα* Diog. Laert. 11 6.

Соч. Плат. Т. II.

невозможно, еслибы наша душа до своего явленія въ образѣ 73. челоуѣка нигдѣ не существовала. Такъ вотъ и поэтому она должна быть нѣчто безсмертное.—Но чѣмъ же это доказывается, Кевисъ? спросилъ Симміасъ. Приведи мнѣ на память, потому что въ настоящее время я не очень помню. — Это доказывается однимъ прекраснымъ основаніемъ, сказалъ Кевисъ, что люди, когда хорошо предлагаютъ имъ вопросы, сами рѣшаютъ ихъ, какъ надобно, чего они, конечно, не могли бы сдѣлать, еслибы не имѣли въ себѣ знанія и В. правильнаго смысла. Особенно, когда приводятъ ихъ къ чертежамъ и другому тому подобному,—тотчасъ же видно, что дѣло такъ бываетъ ¹. — А если не убѣждаешься этимъ, Симміасъ, сказалъ Сократъ, то смотри, не согласишься ли съ нами, изслѣдывая предметъ вотъ какимъ образомъ. Ты вѣдь не вѣришь, что такъ называемое ученіе есть припоминаніе? — Не то что не вѣрю, отвѣчалъ Симміасъ, но имѣю нужду именно въ томъ, о чемъ теперь рѣчь, — въ припоминаніи. Впрочемъ изъ словъ Кевиса я уже почти вспомнилъ и убѣжденъ, хотя тѣмъ не менѣе послушалъ бы, какъ ты будешь С. объ этомъ говорить.—Вотъ какъ, отвѣчалъ онъ. Мы, конечно, согласимся, что тотъ, кто припоминаетъ что-нибудь, прежде когда-то долженъ былъ знать это.—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — Значить, согласимся также, что приобретенное этимъ способомъ знаніе есть припоминаніе. А какой способъ я разумѣю? Кто, или увидѣвъ, или услышавъ, или принявъ что-нибудь инымъ чувствомъ, узналъ не одно это, но пришелъ къ мысли и о другомъ, знаніе чего не то же, а отлично отъ перваго; тому не въ правѣ ли мы приписать воспоминаніе о вещи, пришедшей ему на мысль?—Какъ это D. говоришь ты, Сократъ? — Напримѣръ такъ: знаніе челоуѣка и лиры, вѣрно, различно?—Какъ же не различно?—А не извѣстно ли тебѣ, что друзья, видя лиру, платье, или что другое, обыкновенно употребляемое ихъ любезными, испытыва-

¹ Кевисъ, повидимому, указываетъ здѣсь на извѣстное мѣсто въ Платоновомъ Менонѣ р. 31 sqq.

ють слѣдующее: они узнають лиру и въ мысляхъ представляютъ любимаго человѣка, которому принадлежитъ она? Не есть ли это припоминаніе? Такимъ же образомъ, кто часто видитъ Симміаса, тотъ вспоминаетъ и о Кевисѣ. Подобныхъ примѣровъ можно найти множество. — Да, очень много, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — Такъ не есть ли это нѣкоторое припоминаніе, спросилъ Сократъ, — особенно когда оно испытывается въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ, по давности времени и отсутствію мысли, мы уже забыли? — Безъ сомнѣнія отвѣчалъ, онъ. — Чтожь? продолжалъ Сократъ: значить, при видѣ нарисованнаго коня или нарисованной лиры, можно вспомнить о человѣкѣ, и при видѣ нарисованнаго Симміаса — о Кевисѣ. — Конечно. — Но нельзя ли, при видѣ нарисованнаго Симміаса, вспомнить и о самомъ Симміасѣ? — Разумѣется, можно, сказалъ онъ. — И припоминаніе о всемъ этомъ не вызывается ли какъ подобными, такъ и неподобными предметами? — Вызывается. — А когда кто вспоминаетъ о чемъ-нибудь по подобію¹; тогда не необходимо ли ему притомъ думать, чего недостаетъ, либо что есть подобнаго въ той вещи, о которой онъ вспомнилъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Смотри же, продолжалъ Сократъ, такъ ли это? Мы вѣдь говоримъ, что есть нѣчто равное — разумію не кусокъ дерева, равный другому куску, или камень — камню или что-нибудь иное въ этомъ родѣ; нѣтъ, а отличное отъ всего этого, — равное само по себѣ, самое понятіе равенства:

¹ По ученію Платона, міръ видимый есть отпечатокъ, или проявленіе міра невидимаго, ноуменальнаго. Въ мірѣ ноуменальномъ все отдѣльное существуетъ, какъ бытіе само въ себѣ — идеально. Душа въ домірномъ своемъ бытіи созерцала всѣ вещи въ идеяхъ; — и теперь, въ мірѣ явленій, предметы своими свойствами только возбуждаютъ въ ней эти идеальные прототипы. Но бывъ возбуждены, они въ свою очередь служатъ для человѣка масштабомъ, или началомъ повѣрки свойствъ, обнаруживаемыхъ здѣшними явленіями. Само собою разумѣется, что этимъ ученіемъ совершенно изгоняется отвлеченное понятіе. Никакая общность не происходитъ изъ частныхъ, а только возбуждается ими. Равенство не есть отвлеченіе отъ нѣсколькихъ вещей, найденныхъ равными; а напротивъ, онъ признаются равными или неравными отъ пробудившейся идеи равенства.

- В. говоримъ или нѣтъ? — Разумѣется, говоримъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — И мы знаемъ его, — это равное само по себѣ? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Откуда же у насъ это знаніе? Не изъ того ли, о чемъ сейчасъ упоминали? Именно, не чрезъ знаніе ли равныхъ, или деревъ, или камней, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, пришли мы къ тому, отличному отъ перваго знанія? Или оно, по твоему мнѣнію, не отлично? Разсуди еще такъ: не правда ли, что равные камни и деревья иногда хоть и тѣ же самыя, а принимаютъ различный видъ и являются то равными, то неравными? — Безъ сомнѣнія. — Чтожъ? значить, равное само по себѣ иногда кажется тебѣ неравнымъ? равенство — не равенствомъ? — Отнюдь нѣтъ, Сократъ. — Такъ видно, равныя и равное само по себѣ — не одно и то же? сказалъ онъ. — По мнѣ, никакъ не одно, Сократъ. — Однакожъ знаніе о томъ равномъ, продолжалъ онъ, ты придумалъ и получилъ именно изъ этихъ равныхъ, отличныхъ отъ перваго? — Твои слова очень справедливы, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — И притомъ, оно или подобно тѣмъ, или неподобно? — Конечно. — Но это все равно, заключилъ онъ: во всякомъ случаѣ, если, видя одно, ты
- Д. вмѣстѣ придумываешь другое, подобное ли то, или неподобное; то твое придумываніе необходимо должно быть воспоминаніемъ. — Безъ сомнѣнія ¹. — А что такое вотъ это? спросилъ онъ. Не испытываемъ ли мы чего-нибудь такого и въ деревьяхъ и въ томъ, что сейчасъ называли равнымъ: въ самомъ ли дѣлѣ они представляются намъ столь же совершенно равными, какъ равное само по себѣ? Не недостаетъ ли имъ чего-нибудь, чтобы быть такими, каково послѣднее? Или въ нихъ есть все? — Многого недостаетъ имъ, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, согласишься ли ты, что когда кто-нибудь, видя извѣстную вещь, размышляетъ: этой вещи, которую я теперь вижу, хочется походить на нѣчто другое существую-

¹ Слова «И притомъ оно» до «Безъ сомнѣнія» нѣкоторыми критиками признаются за неподлинныя. См. *Hermann Schmidt Kritischer Commentar. an Platos Phaedon* (Halle 1850) стр. 60—66.

щее, но ей чего-то недостаетъ, она не можетъ сдѣлаться та- Е.
кою, какъ это нѣчто, она хуже его; — то размышляющій не
необходимо ли долженъ напередъ знать то, къ чему она хотя и
приближается, однакожь уступаетъ этому?—Необходимо.—
Чтожь? а мы, въ отношеніи къ вещамъ равнымъ и равному
самому по себѣ, испытываемъ это, или нѣтъ?—Непремѣнно
испытываемъ.—Значить, мы необходимо должны знать рав-
ное прежде того времени ¹, когда, увидѣвъ въ первый разъ
вещи равныя, размышляемъ, что всѣ онѣ, хотя и стре-
мится быть какъ равное, но что имъ чего-то недостаетъ.— 75.
Правда.—Впрочемъ, пожалуй, и то допустимъ, что равнаго
мы не придумываемъ и не можемъ придумать иначе, какъ
чрезъ зрѣніе, осязаніе или какое другое чувство, — разу-
мѣю всѣ ихъ тождественными.—Въ отношеніи къ цѣли на-
стоящей рѣчи они въ самомъ дѣлѣ тождественны, Сократъ.
—Стало быть, чувства-то и приводятъ насъ къ мысли, что
въ нихъ все стремится къ существенно равному и все не-
достаточнѣе его. Не такъ ли мы говоримъ?—Такъ.—Зна- В.
читъ, прежде, нежели мы начали видѣть, слышать, или
какъ иначе чувствовать, намъ надлежало уже имѣть зна-
ніе равнаго самаго по себѣ, что такое оно, — если о ве-
щахъ, равныхъ по свидѣтельству чувствъ, надобно было

¹ Платонъ своимъ образомъ высказываетъ здѣсь то же самое о необходи-
мости идей въ душѣ, предшествующихъ всякому чувственному усмотрѣнію,
что говоримъ мы о безусловной всеобщности отвлеченныхъ понятій. Сколь бы
ни малъ былъ кругъ предметовъ, отъ которыхъ сдѣлано нами отвлеченіе,—
понятіе наше по формѣ бываетъ не менѣе обще, какъ и то, которое основыва-
лось бы на отвлеченіи повсюдномъ. Находя равными, напримѣръ, только
два предмета, мы вносимъ ихъ въ ту же самую форму равенства, въ кото-
рую внесли бы и всѣ равные предметы. Изъ этого Логика обыкновенно за-
ключаетъ, что причина общности зависить не отъ отвлеченія, но предше-
ствуетъ ему и бываетъ необходимымъ его условіемъ, безъ котораго оно не-
возможно. Это самое Платонъ говоритъ и о равенствѣ вещей. Онѣ никогда
не бываютъ совершенно равны; имъ всегда чего-то недостаетъ, чтобы
быть совершенно равными. Но мы никакъ не могли бы судить о недоста-
точности равенства въ нихъ, еслибы напередъ уже не знали равенства са-
мага въ себѣ, которое поэтому есть необходимое условіе нашего сужденія
о всѣхъ равномъ и неравномъ.

- заклѣчить, что все въ нихъ стремится быть такимъ, какъ то равное, и что онѣ все однакожь хуже его. — Изъ сказаннаго это необходимо, Сократъ. — А не тотчасъ ли по рожденіи мы и видѣли, и слышали, и другими дѣйствовали чувствами? — Конечно. — Между тѣмъ знаніе равнаго, говоримъ, должны были получить все-таки прежде чувствъ? — Да. — Такъ выходитъ, что это знаніе мы получили до рожденія. — Выходитъ... — Если же получили его до рожденія и родились, уже обладая имъ, то и до рожденія и тотчасъ по рожденіи знали не только равное, бѣльшее и меньшее, но и все того же рода; ибо теперь у насъ рѣчь не болѣе о равномъ, какъ и о прекрасномъ самомъ по себѣ, и о добромъ самомъ по себѣ, и о справедливомъ, и о святомъ, и,
- D. какъ сказано, обо всемъ, чему мы даемъ имя сущности, — и въ вопросахъ, когда спрашиваемъ, и въ отвѣтахъ, когда отвѣчаемъ; то-есть, знаніе всего этого необходимо должно было принадлежать намъ еще до рожденія. — Правда. — И еслибы, получивъ эти знанія, мы не забывали ихъ; то, раждаясь знающими, знали бы ихъ во всю жизнь, потому что знать есть удерживать прибрѣтенное знаніе, не теряя его. Развѣ не потеря знанія, Симміасъ, называется забываніемъ? — Безъ сомнѣнія, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — Но какъ скоро полученное до рожденія, родившись, мы потеряли, а потомъ дѣятельностію чувствъ, направленныхъ къ утраченному, снова прибрѣтаемъ тѣ самыя знанія, которыя имѣли прежде; то занятіе, называемое ученіемъ, не есть ли возвращеніе собственнаго нашего знанія? и не справедливо ли мы дадимъ ему имя припоминанія? — Конечно справедливо. — Вѣдь нашли же мы возможнымъ, что-
- E. бы человѣкъ, постигая какой-нибудь предметъ или зрѣніемъ, или слухомъ, или инымъ чувствомъ, обращался мыслію и на иѣчто другое, что было имъ забыто, но къ чему чувствуемое приближается или сходствомъ или несходствомъ. Поэтому, говорю, одно изъ двухъ: или мы родились знающими и въ продолженіе жизни уже знаемъ; или
- 76.

люди, какъ говорится, учащіяся, въ послѣдствіи только при-
 поминаютъ, и ученіе есть воспоминаніе.—Разумѣется такъ,
 Сократъ.—Что же ты избереешь, Симміасъ?—то ли, что мы
 родились знающими, или то, что въ послѣдствіи припоминаемъ
 вещи, о которыхъ прежде знали? — Въ настоящее время, В.
 Сократъ, я не могу избрать.—Отчего же? избереешь. Какъ
 тебѣ покажется вотъ это? Человѣкъ знающій въ состояніи
 ли дать отчетъ въ томъ, что знаетъ, или не въ состояніи?
 — Непремѣнно въ состояніи, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — А
 думаешь ли, что всѣ въ состояніи дать отчетъ въ томъ,
 о чемъ мы сейчасъ говорили? — Желательно бы, сказалъ
 Симміасъ; но я очень боюсь, что завтра поутру уже не
 будетъ ни одного человѣка, кто сдѣлалъ бы это, какъ дол-
 жно.—Слѣдовательно, по твоему мнѣнію, Симміасъ, не всѣ С.
 имѣютъ это знаніе, заключилъ Сократъ.—Никакъ не всѣ.
 — Стало быть, только припоминаютъ, что когда-то знали?
 — Необходимо. — Когда же именно наши души получили
 знаніе о тѣхъ предметахъ? Ужь вѣрно не тогда, когда мы
 родились людьми?—Разумѣется не тогда.—Значить, преж-
 де? — Да. — Поэтому наши души, Симміасъ, существовали
 прежде, чѣмъ начали существовать въ образѣ человѣка, и
 существовали безъ тѣлъ, но имѣли разумѣніе. — Да, если
 только своихъ знаній, Сократъ, мы не получили въ самый
 мигъ рожденія; этотъ мигъ еще остается для предположе-
 нія. — Хорошо, другъ мой; но въ какое же другое время D.
 они теряются? Вѣдь сейчасъ допущено, что мы раждаемся,
 не имѣя ихъ? Такъ неужели тогда и теряемъ, когда по-
 лучаемъ? Или укажешь на какое-нибудь иное время?—От-
 нудь нѣтъ, Сократъ; я самъ не замѣтилъ, какъ сказалъ
 вздоръ.—Значить такъ и будетъ, Симміасъ, продолжалъ онъ.
 Если прекрасное, доброе и всякая сущность, о которой у
 насъ непрестанно толкъ, дѣйствительно существуетъ, и если
 отъ чувствъ мы все возводимъ къ ней, находи, что она и
 прежде была нашею, и сравниваемъ съ нею чувственыя E.
 впечатлѣнія; то не необходимо ли, чтобы какъ это, такъ

и наша душа, имѣли бытіе до нашего рожденія? Когда же этого нѣтъ, — о настоящемъ предметѣ не надлежало ли бы говорить иначе? Не такъ ли, не съ равною ли необходимостію, допуская это, надобно допустить и существованіе нашихъ душъ до нашего рожденія, а отвергая первое, отвергнуть и послѣднее?—Эта необходимость, Сократъ, мнѣ кажется чрезвычайною, сказалъ Симміасъ, и твои слова весьма кстати, что наша душа, такъ же какъ и сущность,

77. о которой ты теперь говоришь, имѣла бытіе до нашего рожденія. Для меня нѣтъ ничего яснѣе, что это истинно въ высочайшей степени, что таково и прекрасное, и доброе, и все, сейчасъ упомянутое тобою. Я чувствую себя совершенно убѣжденнымъ.

А Кевисъ-то? сказалъ Сократъ. Вѣдь надобно убѣдить и Кевиса: — Я думаю, отвѣчалъ Симміасъ, что онъ достаточно убѣжденъ, хоть и нѣтъ человѣка упорнѣе его въ невѣріи доказательствамъ. Мнѣ кажется, и для него не слава. бо основаніе, что наши души существовали до нашего рожденія. Развѣ то еще, даже по моему мнѣнію, Сократъ, не доказано, что онѣ будутъ существовать и послѣ нашей смерти. Есть въ народѣ мнѣніе, и о немъ-то сейчасъ говорилъ Кевисъ, что съ смертію человѣка душа его разсѣвается, и тутъ конецъ ея бытія; ибо что препятствуетъ ей произойти и образоваться гдѣ-нибудь индѣ и существовать до вшествія въ человѣческое тѣло, а потомъ, вышедши и отрѣшившись отъ него, скончаться и исчезнуть? —

с. Ты хорошо говоришь, Симміасъ, примолвилъ Кевисъ. Доселѣ доказана какъ будто половина того, что доказать надлежало: доказано, то-есть, что наши души существовали до нашего рожденія;—а надобно еще доказать, что онѣ не менѣе будутъ существовать, какъ и прежде, чѣмъ мы родились. Тогда уже доказательству конецъ. — Доказано и это, Симміасъ и Кевисъ, сказалъ Сократъ, если вамъ угодно настоящее разсужденіе свести въ одно съ принятымъ прежде, то-есть, что все живущее происходитъ изъ умср-

шаго: Вѣдь когда душа существовала прежде, а для рожденія и вступленія въ жизнь принуждена была выйти изъ смерти и изъ состоянія мертвенности; то не необходимо ли ей существовать и по смерти, чтобы опять родиться? Значить, то, о чемъ вы говорите, уже доказано. Впрочемъ ты и Симміасъ, кажется, охотно изслѣдовали бы этотъ предметъ еще болѣе, страшась, какъ дѣти, чтобы въ самомъ дѣлѣ вѣтеръ на развѣялъ и не разсѣялъ души, когда она будетъ выходить изъ тѣла, особенно если кому случится умирать не въ тихую погоду, а въ сильную бурю. — Тутъ Кевисъ улыбнулся и сказалъ: постарайся же, Сократъ, убѣжденіемъ разогнать нашъ страхъ, или лучше не нашъ страхъ, а страхъ скрывающагося въ насъ дитяти ¹. Попытайся внушить ему, что не должно бояться смерти, будто пугалища. — Да, надобно обаять ² его каждый день, пока не изгоните, примолвилъ Сократъ. — Но гдѣ намъ взять такихъ сильныхъ 78. обаяній, Сократъ, когда ты оставляешь насъ? спросилъ онъ. — Эллада велика, Кевисъ, отвѣчалъ Сократъ; въ ней, вѣроятно, есть добрые люди: да много и варварскихъ народовъ. Ища такого обаянія, должно прослѣдить всѣ ихъ, не щадя ни денегъ ни трудовъ; ибо нѣтъ предмета, для котораго бы деньги могли быть употреблены пригоднѣе. Надобно также искать обаянія и другъ у друга, потому что, можетъ быть, не легко вамъ найти кого-нибудь, кто могъ бы сдѣлать это лучше васъ. — Именно такъ и будетъ, сказалъ Кевисъ. Но возвратимся къ тому, отъ чего уклонились, если тебѣ В. угодно. — Конечно угодно; почему не возвратиться? — Вотъ и

¹ Подъ именемъ скрывающагося въ насъ дитяти Кевисъ разумѣетъ, конечно, животную природу, которая, будучи тѣсно связана съ интересами чувственной жизни, боится за нее и не внимаетъ никакимъ представленіямъ разума.

² Обаять — то же что заговаривать или изгонять недугъ посредствомъ заговоровъ, подъ которыми въ этомъ мѣстѣ Платонъ разумѣетъ умныя философскія бесѣды, направляемыя противъ недуговъ чувственности. То же самое см. Чапм. 155. D. E. и 157. Греческому *ἐπάδω* еще ближе соотвѣтствуетъ у насъ слово «напѣвать»; только оно употребляется обыкновенно въ дурную сторону.

хорошо, примолвилъ онъ. — И такъ, мы должны сдѣлать себѣ, вѣроятно, слѣдующій вопросъ, продолжалъ Сократъ: чему свойственно впадать въ такое состояніе, то-есть, въ состояніе исчезновенія? и въ отношеніи къ какимъ вещамъ мы боимся его, въ отношеніи къ какимъ—нѣтъ? А потомъ разсмотримъ: душа относится ли къ этому роду вещей, и робѣтъ ли намъ за нее, или не робѣтъ?—Ты справедливо говоришь, сказалъ онъ. — Смотри же, не тому ли, что слагается и сложно по природѣ, свойственно вступать въ это состояніе, то-есть, раздѣляться на свои начала, какъ сложному? и не правда ли, что одному несложному такое состояніе неприлично—болѣе, чѣмъ всякой другой вещи? — Мнѣ кажется такъ, отвѣчалъ Кевисъ. — Но всегда то же и существующее тѣмъ же образомъ не есть ли несложное? а бывающее иногда такъ, иногда иначе, и никогда не остающееся тѣмъ же, не есть ли сложное?—Кажется. — Ну, такъ пойдемъ къ тому, сказалъ онъ, къ чему шли въ прежнемъ разсужденіи. Сущность сама по себѣ, которой бытіе своими вопросами и отвѣтами мы опредѣлили, одинакимъ ли всегда существуетъ образомъ, или иногда такъ, иногда иначе? Равное само по себѣ, прекрасное само по себѣ, сущее само по себѣ, поколику оно есть, подлежитъ ли хоть какому измѣненію? или каждая изъ вещей сущихъ, сама по себѣ однородная, продолжаетъ быть тою же и такимъ же образомъ, не подлежитъ никогда, никакъ и никакой перемѣнѣ?—Необходимо тою же и такимъ же образомъ, Сократъ, отвѣчалъ Кевисъ. — А что скажешь о многихъ прекрасныхъ предметахъ, какъ то: о людяхъ, лошадяхъ, платьяхъ и другихъ тому подобныхъ, или о равныхъ, похвальныхъ и всѣхъ соименныхъ имъ? Одинаково ли они существуютъ, или, въ противность первымъ, несогласны ни съ самими собою, ни между собою, и никогда, ни подъ какимъ видомъ, можно сказать, не остаются тѣми же?—Опять такъ, отвѣчалъ Кевисъ; никогда не остаются тѣми же. — И не правда ли, что послѣдніе ты можешь постигать осязаніемъ, зрѣніемъ и другими чувствами, а первые, существующіе одинакимъ образомъ, можно

постигать не иначе, какъ умомъ, поколику они не имѣютъ вида и не подлежатъ зрѣнію? — Совершенно справедливо, сказалъ онъ. — И такъ положимъ, если угодно, два рода существъ, продолжалъ Сократъ: одинъ родъ существъ видимыхъ, другой безвидныхъ. — Положимъ, отвѣчалъ Кевисъ. — И существа безвидныя всегда одинаковы, а видимыя никогда не остаются тѣми же. — И это положимъ, прибавилъ онъ. — Хорошо, сказалъ Сократъ. Есть ли въ насъ что-нибудь, кромѣ тѣла и души! — Ничего нѣтъ болѣе, отвѣчалъ онъ. — Которому же роду подобіе и сроднѣе, по нашему мнѣнію, тѣло? — Очень ясно, сказалъ онъ, что роду существъ видимыхъ. — А душа? — роду видимыхъ или безвидныхъ? — По крайней мѣрѣ люди не видятъ ее, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — Но о видимомъ и безвидномъ мы говоримъ вѣдь относительно къ природѣ человѣческой. Или, думаешь, къ какой другой? — Къ человѣческой. — Такъ что же сказать о душѣ? видима она, или невидима? — Невидима. — Значить, безвидна? — Да. — Следовательно, она болѣе, чѣмъ тѣло, походитъ на существо безвидное, а тѣло на видимое? — Крайне необходимо, Сократъ. — Но прежде не допустили ли мы также, что, пользуясь тѣломъ, для наблюденія чего-нибудь посредствомъ зрѣнія, слуха, или другаго чувства (ибо наблюдать тѣлесно — значитъ употреблять чувства), душа бываетъ увлекаема тѣломъ къ такимъ предметамъ, которые никогда не существуютъ одинакимъ образомъ, и что, касаясь ихъ, она и сама блуждаетъ, возмущается и шатается, какъ опьянѣлая? — Конечно допустили. — Напротивъ, дѣлая наблюденія сама собою, она спѣшитъ туда, къ чистому, всегда сущему, безсмертному, тожественному и, какъ сродная ему, всегда съ нимъ живетъ, поколику живетъ и можетъ жить сама по себѣ, перестаетъ блуждать и, касаясь предметовъ, всегда существующихъ одинакимъ образомъ, становится тою же, и это ея свойство названо разумностію. — Ты въ полномъ смыслѣ прекрасно объясняешь истину, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — И такъ душа, на основаніи прежде сказанныхъ и настоящихъ положеній, е.

- которому роду подобіе и сроднѣ?—Этотъ ходъ изслѣдованія, Сократъ, кажется, всякаго, даже самаго упорнаго чловѣка, заставитъ согласиться, что душа несравненно подобіе существу, всегда тождественному, чѣмъ противному. — Ну а тѣло? — Существу другаго рода. — Смотри же и на то, что душа и тѣло составляютъ одно существо, и что послѣднему
80. природа повелѣваетъ служить и управляться, а первой управлять и господствовать. Поэтому, которая сторона опять кажется тебѣ подобною божественному и которая смертному? Не то ли у тебя въ умѣ, что божественному свойственно управлять и начальствовать, а смертному — управляться и служить?—То самое.—На что же походить душа?—Ужъ явно, Сократъ, что душа походить на божественное, а тѣло—на смертное.—Такъ смотри, Кевисъ, продолжалъ онъ, изъ всего сказаннаго не вытекаетъ ли слѣдующее: душа весьма подобна божественному, бессмертному, мысленному, однородному, неразрушаемому, всегда тождественному, существующему всегда одинакимъ образомъ; а тѣло опять весьма подобно чловѣческому, смертному, несмысленному, многообразному, разрушаемому, никогда не существующему одинакимъ образомъ. Можемъ ли сказать что-нибудь иное, кромѣ этого, любезный Кевисъ, и доказать, что это не такъ? — Не можемъ. — Чтожь? если это такъ, то тѣлу не надлежитъ ли скоро разрушиться, а душѣ или оставаться вовсе неразрушимую, или быть къ тому близкою?—Какъ не надлежитъ?—
- с. Ты, конечно, замѣчаешь, продолжалъ Сократъ, что по смерти чловѣка тѣло, сторона его видимая, на виду лежащая и называемая мертвою,—та сторона, которой надобно разрушиться, распасться и рассыпаться, подвергается всему этому не вдругъ, а сохраняется довольно долгое время, особенно когда кто умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, съ тѣломъ еще необезображеннымъ; потому что и одряхлѣвшее, но только набальзамированное, какъ бальзамируются тѣла у Египтянъ, оно удерживаетъ свою цѣлость почти на неопредѣленное—
- д. *всегда*. Впрочемъ, пусть цнныя части его и сгниваютъ: за то

кости, жилы и прочіе, подобныя этимъ, члены, можно сказать, безсмертны. Или нѣтъ?—Да.—Ну, а душа, это существо безвидное, по своемъ отшествіи въ другое, столь же доблестное, чистое и безвидное мѣсто, просто сказать, въ преисподнюю (*εις Ἄιδου, ὡς ἀληθῶς* ¹), къ доброму и мудрому Богу, куда, если угодно ему, сейчасъ должно идти и мой, — такъ эта-то душа, имѣющая такія качества и одаренная такими свойствами, по разлученіи съ тѣломъ, неужели вдругъ, какъ утверждаетъ толпа, развѣется и исчезнетъ? Далеко Е. не то, любезные мои, Симміасъ и Кевисъ, а скорѣе вотъ что: если душа отрѣшается чистою и не увлекаетъ за собою ничего тѣлеснаго, поколику въ жизни не имѣла произвольнаго общенія съ тѣломъ, но избѣгала его и сосредоточивалась въ самой себѣ, постоянно размышля объ этомъ (что и значить истинно философствовать), — размышляя, какимъ бы 81. образомъ въ самомъ дѣлѣ легче умереть, — или не это называется размышлять о смерти?—Именно это.—То съ подобными свойствами не отойдетъ ли она въ подобное себѣ безвидное мѣсто, гдѣ находясь, будетъ наслаждаться блаженствомъ, какъ чуждая и заблужденій, и безумія, и страха, и неистовой любви, и другихъ человѣческихъ золъ, и всю послѣдующую свою жизнь, согласно съ тѣмъ, что рассказываютъ о посвященныхъ, станетъ дѣйствительно проводить съ богами? Такъ ли скажемъ, Кевисъ, или иначе?—Такъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Кевисъ.—Напротивъ, если душа, думаю я, отрѣшается грязною и неочищенною отъ тѣла, поколику находилась во всегдашнемъ общеніи съ нимъ, служила ему, любила его, была очаровываема пожеланіями и страстями, такъ что ничего не почитала истиннымъ, кромѣ тѣлообразнаго, что можно осязать, видѣть, пить, ѣсть и при-

¹ У Платона здѣсь этимологическая игра словъ, которую въ русскомъ переводѣ удержать невозможно. Душа, существо безвидное, τὸ ἀειδὲς, переходитъ въ соответственное себѣ безвидное мѣсто: εἰς τοιοῦτον τόπον ἀειδὲς, то-есть, по истинѣ εἰς Ἄιδου τόπον; но Ἄιδος, которое Платонъ производитъ отъ ἀειδὲς, есть уже преисподняя.

- лагать къ дѣламъ любовнымъ, а темнаго для глазъ и безвиднаго, мыслимаго и одобряемаго философіею обыкновенно не
- С. терпѣла, боялась и убѣгала, — такая душа, какъ ты думаешь? безъ примѣси ли, одна, сама по себѣ, оставитъ тѣло? — Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Такъ видно будетъ она переложена тѣлообразными свойствами, вѣдренными въ нее жизнь и общеніемъ тѣла, которое пользовалось всегдашнимъ ея вниманіемъ и великою заботливостію? — Конечно. — Должна же быть она вѣсома, тяжела, земнородна и видима, другъ мой; а съ такими свойствами тяготѣеть и влечется опять къ видимому, боясь міра безвиднаго и преисподней, и блуждая,
- Д. какъ говорятъ, около склеповъ и гробницъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ видали тѣлообразныя явленія душъ, какими дѣйствительно представляются образы ихъ, когда онѣ не чисто отрѣшились, но удержали въ себѣ видимое, вслѣдствіе чего и бываютъ видимы. — Вѣроятно, Сократъ. — Конечно вѣроятно, Кевисъ; и это — души людей не добрыхъ, а худыхъ, принужденныя блуждать около такихъ мѣстъ въ наказаніе за прежнее дурное свое поведеніе. И блуждаютъ онѣ дотолѣ, пока, сопровождаемыя пожеланіемъ тѣлообразнаго, не облечутся
- Е. въ новое тѣло. А облакаются онѣ, должно быть, въ такіе виды, къ какимъ пристрастны были въ жизни. — Какіе же разумѣешь ты, Сократъ? — Напримѣръ, души, пристрастившіяся къ обжорству, похотливости, бражничеству, и неостерегавшіяся этого, вѣроятно, облакаются въ породу ословъ и другихъ подобныхъ животныхъ. Или ты не думаешь? —
82. Дѣло очень вѣроятное. — А души, предпочитавшія несправедливость, властолюбіе и хищничество, — въ породу волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Или во что иное, скажемъ, переселяются онѣ? — Пожалуй, что въ это, отвѣчалъ Кевисъ. — Такъ не ясно ли, куда переходятъ и прочіи, смотря по сходству заботливости каждой? — Конечно, какъ не ясно? сказалъ онъ. — Не гораздо ли уже счастливѣе ихъ и не лучшее ли получаютъ мѣсто упражнявшіяся въ народной и
- В. политической добродѣтели, которую называютъ разсудитель-

ностию и справедливостию, зависящею отъ нрава и усердія, хотя еще не отъ философіи и разума?—Какъ жѣ онъ счастливѣе? — Такъ, что имъ свойственно снова войти въ породу общежительную и кроткую, напримѣръ, въ пчелъ, осъ, муравьевъ, или даже опять въ поколѣніе человѣковъ и сдѣлаться людьми порядочными.—Вѣроятно.—Но вступить въ общество боговъ нельзя никому, кромѣ любознательнаго, то есть, кромѣ человѣка, любящаго мудрость и отходящаго со с. вершено чистымъ. А для этого, любезные мои, Симміасъ и Кевисъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣлесныхъ пожеланій, не поддаются имъ и мужаются, не страшась ни домашняго разстройства, ни скудости, какъ страшатся многіе и именно корыстолюбивые люди, не боясь ни безславія, ни укора въ неизвѣстности, какъ боятся властолюбцы и честолюбцы. Повторяю: они воздерживаются отъ этого.—Да и не прилично было бы имъ, Сократъ, примолвилъ Кевисъ.—Клянусь Зевсомъ, неприлично, продолжалъ d. онъ. Потому-то, Кевисъ, всѣ, сколько-нибудь заботящіеся о своей душѣ и целелѣющіе тѣла, раскланиваются съ подобными людьми, не идутъ по одной съ ними дорогѣ, такъ какъ эти люди сами не знаютъ, куда лежитъ путь ихъ. Вѣря, что не должно противодѣйствовать философіи и избѣгать предлагаемаго ея освобожденія и очищенія, они слѣдуютъ за философіею и направляются туда, куда она ведетъ ихъ.—Какъ это, Сократъ?—Я объяснюсь, отвѣчалъ онъ. Любознательные понимаютъ, что философія, находя ихъ душу заключенною e. въ тѣлѣ и будто связанною, принужденною смотрѣть на существующее не чрезъ самое себя, а сквозь тѣло, какъ сквозь решетку темницы, и вращаться во всякомъ невѣжествѣ, и видящую, что эта темница укрѣпляется пожеланіями, располагающими узника еще тѣснѣе вѣзать самого 83. себя,—любознательные, говорю, понимаютъ, что философія, находя ихъ душу въ такомъ состояніи, понемногу утѣшаетъ ее и старается доставить ей свободу, показывая, что наблюденіе и посредствомъ глазъ, и посредствомъ ушей, и

посредствомъ другихъ чувствъ, крайне обманчиво, что надобно отходить отъ нихъ, какъ скоро они перестаютъ быть необходимо нужными, надобно собираться и сосредоточиваться въ себѣ и не вѣрить ничему, кромѣ того, что сама

в. она мыслить о томъ, что есть само по себѣ, наблюдаемое же посредствомъ инаго и существующее въ иномъ не признавать за истину. И это иное есть чувственное и видимое; а что созерцаетъ душа сама по себѣ, то называется мыслимымъ и безвиднымъ. Душа истиннаго философа, видя, что не должно противодѣйствовать этому освобожденію, удерживаетъ себя, сколько можно, отъ удовольствій и пожеланій, отъ скорби и страха, — въ той мысли, что человѣкъ, сильно возмущаемый либо удовольствіемъ, либо страхомъ, либо скорбію, либо пожеланіями, подвергается чрезъ нихъ не тому только злу, о которомъ думаетъ, на-

с. примѣръ, болѣзни или обнищанію, производимому страстями, но злу самому великому и крайнему, о которомъ не думаетъ. — Какому же это, Сократъ? спросилъ Кевисъ. — Сильно радуясь, или о чемъ-нибудь скорбя, душа всякаго человѣка бываетъ принуждена вмѣстѣ думать о томъ, что особенно чувствуетъ, какъ яснѣйшее и несомнѣнно истинное, почему это не таково. А предметъ ея радости или скорби большею частію видимый или нѣтъ? — Конечно видимый. — Слѣдовательно, при этомъ чувствованіи душа больш-

д. шею частію бываетъ связана тѣломъ. — Какимъ же образомъ? — Такимъ, что у всякаго удовольствія и у всякой скорби какъ будто есть гвоздь, которымъ онѣ пригвождаютъ и прикрѣпляютъ душу къ тѣлу и дѣлаютъ ее тѣловидною¹,

¹ Сократъ старается здѣсь объяснить то, какимъ образомъ душа постепенно оземляивается, и отчего среди радостей чувственной жизни скорбитъ, а испытывая чувственные скорби, можетъ радоваться. Ища источника удовольствій въ тѣлѣ, она, при этомъ поискѣ, не въ состояніи разстаться съ благородными и духовными своими стремленіями, но ими-то именно и входитъ въ тѣлесную жизнь, чтобы ихъ, будто сосуды, назначенные для храненія истиннаго, добраго и прекраснаго, наполнить предметами радости непостоянными и измѣняющимися. Чувственность дѣйствительно слагаетъ въ нихъ свои дары и этими дарами, будто гвоздями, закрѣпляетъ ихъ, а съ

черезъ который, то-есть, душа представляетъ себѣ истиннымъ только то, о чемъ свидѣтельствуеетъ ей тѣло. По сочувствію же съ тѣломъ, она должна уже раздѣлять и его радости, значить, сойтись съ нимъ въ обычаѣ и пицѣ, и явиться въ преисподней отнюдь не чистою, но непременно полною тѣлесности, а потому вскорѣ снова упасть въ иное тѣло и прозябнуть, будто изъ сѣмени, лишаясь права на жизнь божественную, чистую и однородную.—Твои слова, Е. Сократъ, весьма справедливы, сказалъ Кевисъ.—Такъ вотъ причина, Кевисъ, по которой люди истинно любознательные отличаются скромностію и мужествомъ, а не та, которую представляетъ себѣ народъ. Или ты думаешь?—Отнюдь нѣтъ.—Да и дѣло; душа философа конечно разсудить и не придетъ къ мысли, что между тѣмъ какъ философіи предлежитъ доставлять ей свободу, сама она, освобожденная философіею, должна предаваться удовольствіямъ и скорбямъ и, снова связывая себя, дѣлать собственную работу безуспѣшною, подобно Пенелопѣ, принимавшейся ткать въ противную сторону¹. Нѣтъ, успокоивъ эти чувства, избравъ руководителемъ разсудокъ, постоянно занимаясь созерцаніемъ истиннаго, божественнаго, вышешнѣннаго² и въ этомъ находя свою пищу, она увѣрена, что именно такъ должно жить, пока живется, а послѣ смерти перейти къ сродному и подобному себѣ, и избавиться отъ человѣческихъ золъ. Кто питается этою пищею, тому удивительно ли не бояться, Симмиасъ и

ними и душу, — за собою. Такимъ образомъ душа въ духовныхъ своихъ стремленіяхъ болѣе и болѣе оземленѣваетъ. Но между тѣмъ какъ это происходитъ, тѣ драгоценные сосуды, на которыхъ какъ бы написано: «для истиннаго, добраго и прекраснаго», — вовсе не наполняются, а только сквернятся; такъ какъ положенное въ нихъ гниетъ и превращается въ прахъ. Отсюда чувственная радость отравляется скорбію, и человѣкъ становится Танталомъ, который по горло стоитъ въ водѣ и не можетъ утолить своей жажды, потому что для утоленія ея требуется не такое питье.

¹ Пенелопа сколько успѣвала соткать днемъ, столько ткала назадъ ночью.

² Вышешнѣнное, *ὑπεράσπετον*, есть знаніе, приобретаемое чрезъ созерцаніе идей, знаніе несомнѣнное, *πιστόν*, которому противоплагается *δόξα*, или мнѣніе, получаемое посредствомъ чувствъ, и потому ненадежное, измѣнчивое.

Кевись, что душа его, приготовившаяся подобнымъ образомъ, по отрѣшеніи отъ тѣла, расторгнется, развѣется вѣтромъ, исчезнетъ и не будетъ продолжать нигдѣ никакого существованія?

- С. Послѣ этихъ разсужденій Сократа настало долгое молчаніе. И самъ онъ, какъ было замѣтно, и многіе изъ насъ размышляли о сказанномъ. Между тѣмъ Кевись и Симміасъ о чемъ-то немного между собою поговорили, и Сократъ, взглянувъ на нихъ, спросилъ: Что? какъ вамъ кажутся наши разсужденія? видно неудовлетворительны? Въ нихъ и въ самомъ дѣлѣ нашлось бы еще много сомнительнаго и подверженнаго возраженіямъ, когда бы кто-нибудь вздумалъ разсмотрѣть ихъ надлежащимъ образомъ. Итакъ, если вы разсуждаете о чемъ другомъ — не говорю ни слова; а когда
- Д. имѣете недоумѣнія, относящіяся къ нашему предмету, — не полѣнитесь и сами высказать и разобрать ихъ, какъ можете сдѣлать это лучше, и меня примите въ свою бесѣду, какъ скоро со мною надѣтесъ бѣльшихъ успѣховъ. — Да, Сократъ, скажу тебѣ правду, отвѣчалъ Симміасъ. Оба мы волнуемся недоумѣніями, и давно уже побуждаемъ и заставляемъ другъ друга спросить тебя, чтобъ узнать твой отвѣтъ; но удерживаемся, боимся наскучить и въ настоящія минуты сдѣлать тебѣ неудовольствіе. — Услышавъ это, Сократъ слегка улыб-
- Е. нулся и сказалъ: Ахъ, Симміасъ! другихъ людей, конечно трудно было бы мнѣ убѣдить, что нынѣшняго случая я не почитаю бѣдственнымъ; но мои убѣжденія слабы даже и для васъ: вы боитесь, что теперь я брюзгливъ, чѣмъ въ прежней своей жизни. Въ дѣлѣ предсказанія для васъ я, кажется, хуже лебедей, которые поютъ во всю жизнь, а почувствовавъ приближеніе смерти, поютъ долѣе и чаще — на радости, что отходятъ къ богу, которому служатъ. Боясь смерти за себя, люди лгутъ и на лебедей, когда утверждаютъ, что ихъ пѣніе есть выраженіе предсмертной скорби, — лгутъ, не разсудивъ, что ни одна птица не поетъ, когда алчетъ, забнетъ, или стѣсняется иною скорбію. Да и

соловей, и ласточка, и удождъ, которыхъ пѣніемъ, говорятъ, выражается плачь, мнѣ кажется, поютъ не отъ скорби, какъ и лебеди, которые, будучи птицами Аполлона, имѣютъ, думаю, даръ предчувствія и поютъ въ тотъ день годов. раздо болѣе, нежели во время своей жизни, — отъ радости, предчувствуя блага преисподней. Я считаю и себя сослуживцемъ лебедей и жрецомъ того же бога, и думаю, что получилъ отъ своего владыки даръ предсказанія не хуже, чѣмъ они, а потому и не малодушнѣе ихъ расстаюсь съ жизнью. Итакъ, вы можете разсуждать и спрашивать меня о чемъ угодно, пока придутъ одиннадцать афинскихъ судей. — Ты говоришь прекрасно, примолвилъ Симміасъ: я открою тебѣ свое недоумѣніе; скажетъ и онъ, въ чемъ несогласенъ съ твоими мыслями. Касательно предмета настоящей нашей рѣчи, Сократъ, мнѣ представляется, можетъ быть, то же, что и тебѣ, а именно: имѣть въ этой жизни ясное объ этомъ предметѣ познаніе или невозможно, или очень трудно; однакожъ не изслѣдывать относящихся къ нему мыслей всѣми способами и отказываться отъ изысканій прежде, нежели вниманіе будетъ совершенно утомлено, свойственно опять человѣку весьма слабому. Въ этомъ отношеніи надобно достигнуть безъ сомнѣнія чего-нибудь одного: либо узнать и открыть, какъ дѣло обстоитъ, либо, когда это невозможно, принять самое лучшее и непровержимое человѣческое слово, и на немъ, будто на доскѣ, попытаться переплыть жизнь, если кто не можетъ переплыть ее безопаснѣе и вѣрнѣе на твердѣйшемъ суднѣ, на какомъ-нибудь словѣ божіемъ ¹. Итакъ, я не постыжусь теперь вопрошать тебя, когда и ты то же говоришь, и не буду винить себя впоследствии, что не объявилъ своего

¹ Чтобы убѣдиться въ истинѣ безсмертія, Симміасъ почитаетъ необходимымъ какое-нибудь слово божіе: кто не слышитъ его, тотъ долженъ слѣдовать по крайней мѣрѣ наилучшему и непровержимому слову человѣческому. Этимъ положеніемъ ясно указывается на два источника истины, которыхъ требовала философія Сократа, — на божественное откровеніе и философское изслѣдованіе. О первомъ Сократъ говаривалъ: «меня надумливаетъ бо-

миѣнія. Да, Сократъ, разсуждая о твоихъ словахъ и самъ съ собою, и вмѣстѣ съ Кевисомъ, я нахожу ихъ не очень Е. удовлетворительными.—Можетъ быть, и справедливо, другъ мой, молвилъ Сократъ. Но скажи миѣ, почему они неудовлетворительны?—Потому, продолжалъ онъ, что это самое основаніе можно приложить и къ гармоніи, и къ лирѣ, и къ струнамъ, что то-есть гармонія отъ настроенной лиры есть нѣчто невидимое и безтѣлесное, нѣчто прекрасное и божественное, а самая лира и струны суть тѣла, предметы 86. тѣловидные, сложные, земляные и сродные смерти. Итакъ, что еслибы кто разбилъ лиру или перерѣзалъ, либо изорвалъ струны, а другой сталъ бы доказывать, какъ ты, что та гармонія не уничтожилась, но непременно существуетъ? Вѣдь никакъ невозможно, чтобы лира съ изорванными струнами и смертоподобныя струны еще существовали, а гармонія, однородная съ божественнымъ и подобная безсмертному, погибла прежде смертнаго? Что еслибы кто сказалъ, что гармонія должна продолжать свое бытіе, что прежде должны сгнить дерево и струны, нежели испытаетъ что-нибудь гармонія? Ты, Сократъ, думаю, и самъ знаешь, какъ мы большею частію разумѣемъ душу. Тѣло наше какъ будто натянута и держится теплотою и холодомъ, сухостию и влажностію, и такъ далѣе; а душа наша есть смѣшеніе и гармонія этихъ началъ, зависящая отъ хорошаго и мѣрнаго соединенія ихъ между собою. Если же душа есть гармонія, то явно, что съ непомѣрнымъ ослабленіемъ нашего тѣла, или съ его напряженіемъ отъ болѣзней и прочихъ золъ, она, не смотря на свою божественность, должна тотчасъ уничтожиться, подобно тому, какъ уничтожаются и другія гармоніи, напримѣръ, въ звукахъ и во всѣхъ произ-

жественное» — и потому самъ убѣждалъ слушателей одно дѣлать, другаго не дѣлать—не иначе, какъ по внушенію божественнаго (*Хепоръ*. тетог. 1, 14.). Но этотъ голосъ божественнаго внушенія, по ученію Сократа, яснѣе постигаетъ тотъ, кто философируетъ, то-есть, опирается на твердѣйшее челоуѣческое слово.

веденіяхъ художниковъ, между тѣмъ какъ остатки каждаго тѣла могутъ сохраниться долгое время, пока не сгорятъ D. или не сгниютъ. Теперь смотри, что сказать намъ на это основаніе, когда кто-нибудь захочетъ утверждать, что душа, будучи смѣшеніемъ тѣлесныхъ началъ, во время такъ называемой смерти уничтожится первая? — Тутъ Сократъ, почти по всегдашнему своему обыкновенію, пристально посмотрѣлъ на насъ и, улыбувшись, сказалъ: Симміасъ говоритъ въ самомъ дѣлѣ справедливо; такъ отвѣчайте ему, кто изъ васъ способнѣе меня. Вѣдь онъ, кажется, не худо задѣлъ мое основаніе. Впрочемъ, прежде нужно, думаю, знать, въ чемъ еще Кевисъ обвиняетъ его, чтобы, воспользовавшись этимъ временемъ, поразсудить, что сказать намъ, а потомъ, выслушавъ его, или уступить имъ, если ихъ мысли хорошо настроены, или уже защищать свое разсужденіе, если нѣтъ. Итакъ, говори-ка, Кевисъ, продолжалъ онъ, что въ моей рѣчи беспокоитъ тебя и заставляетъ сомнѣваться. — Готовъ говорить, отвѣчалъ Кевисъ. Мнѣ кажется, она доселѣ стоитъ у насъ на одномъ мѣстѣ и подвергается тому самому осужденію, о которомъ сказано было прежде. Что наша душа существовала до своего вступленія въ на- 87. стоящій видъ, — тому я не противорѣчу и не говорю, будто этотъ предметъ не очень ловко и, не во гнѣвъ молвить, не очень достаточно доказанъ: а что она и послѣ нашей смерти гдѣ-нибудь существуетъ, — въ томъ я неслишкомъ убѣжденъ, хотя и не соглашаюсь съ возраженіемъ Симміаса, будто душа не сильнѣе и не долговѣчнѣе тѣла, потому что, мнѣ кажется, она превосходнѣе всѣхъ подобныхъ вещей. Такъ въ чемъ же ты еще сомнѣваешься? скажутъ мнѣ. Если видишь, что по смерти чловѣка не перестаетъ существовать даже слабѣйшая часть его; то не допустишь ли, что въ продолженіе того же времени долж- B. на сохраняться долговѣчнѣйшая? На это вотъ что: смотри, дѣло ли я говорю. Кажется, и мнѣ, подражая Симміасу, надобно употребить какое-нибудь подобіе. Настоящая рѣчь, по

- моему мнѣнію, очень походить на то, какъ еслибы кто-нибудь, говоря объ умершемъ старомъ ткачѣ, сталъ утверждать, что онъ не уничтожился, но, вѣроятно, гдѣ-нибудь существуетъ, и въ доказательство указывалъ бы на одежду, въ которую одѣтъ именно тотъ, кто выткалъ ее, и которая сохранилась, не исчезла. Когда же не повѣрили бы ему, — онъ спросилъ бы: что долговѣчнѣе, природа человека, или природа платя, которое употребляется и носится? и изъ отвѣта, что природа человека гораздо долговѣчнѣе, вывелъ бы заключеніе: если и кратковременнѣйшее не уничтожилось, то тѣмъ болѣе цѣль человека. Но это, Симміасъ, думаю, не такъ. Смотри-ка и ты, что я говорю. Всякій можетъ понять, что, утверждая подобныя вещи, мы утверждали бы нелѣпость. Правда, что тотъ ткачъ, износивъ и соткавъ много подобныхъ платьевъ, пересталъ
- Д. существовать, хотя позднѣе первыхъ, однакожь раньше послѣдняго: но отсюда не слѣдуетъ, что человекъ хуже и слабѣе платя. Этимъ самымъ подобіемъ можетъ, по видимому, выразаться отношеніе души къ тѣлу: кто говорилъ бы о нихъ именно это, тотъ, по моему мнѣнію, говорилъ бы вѣрно, что, то-есть, душа долговременнѣе, а тѣло слабѣе и кратковременнѣе, хотя также въ правѣ
- Е. былъ бы прибавить, что каждая душа изнашиваетъ много тѣлъ, особенно когда проживаетъ много лѣтъ; ибо если при жизни человека тѣло течетъ и исчезаетъ, а душа непрестанно воспроизводитъ изнашивающуюся ткань, то, при уничтоженіи своемъ, находясь въ послѣдней, она погибаетъ прежде одной этой. Когда же душа исчезла, тогда-то уже тѣло обнаруживаетъ свойство собственной слабости, то-есть, предается гніенію и скоро распадается. Значить, основываясь на этомъ доказательствѣ, еще нельзя быть вполне
88. увѣреннымъ, что послѣ смерти наша душа гдѣ-нибудь существуетъ. Положимъ, иной допустить и болѣе, нежели сколько ты утверждаешь, — допустить, что душа не только существовала до времени нашего рожденія, но что нѣтъ

препятствія быть ей чьєю-нибудь душею и послѣ нашей смерти, то-есть, часто раждаться и опять умирать; ибо природа ея такъ крѣпка, что можетъ перенести и многократное рожденіе: но, допустивъ это, онъ все-таки не согласится, чтобы многократныя рожденія не изнурили ея, и чтобы наконецъ при которой-нибудь изъ смертей она вовсе не уничтожилась; а о такой смерти и о такомъ разрушеніи тѣла, которое принесетъ душѣ гибель, никто, скажетъ онъ, не знаетъ, потому что никто не можетъ этого чувствовать. Если же такъ, то избѣгая безразсудной отважности, не надобно бросаться на смерть, пока нельзя доказать, что душа совершенно бессмертна и не подлежитъ гибели: напротивъ, приближаясь къ смерти, должно всегда бояться за свою душу, какъ бы она, въ настоящемъ своемъ соединеніи съ тѣломъ, вовсе не погибла. В.

По выслушаніи этихъ разсужденій, всѣмъ намъ, какъ С. открылось послѣ изъ взаимныхъ объясненій, было неприятно; потому что сильно убѣжденные прежнимъ доказательствомъ, теперь мы, казалось, снова возмутили свой умъ и сомнѣвались уже не только въ томъ, что было сказано, но и въ томъ, что могло быть сказано впоследствии: выходило, то-есть, что или мы—ничтожныя судьи, или предметъ неизслѣдимъ и самый предметъ.

Эпекр. Ради боговъ, прощаю вамъ, Федонъ. Слушая сей-часъ тебя, я подумалъ самъ въ себѣ: какому же еще повѣримъ мы доказательству? Предложенное Сократомъ было вѣдь очень убѣдительно, и вотъ оно теперь лишилось вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что наша душа есть нѣкоторая гармонія, мнѣ всегда чрезвычайно нравилась, и тотъ, кто высказалъ ее, напомнилъ только о собственномъ моемъ убѣжденіи. Значитъ, я опять въ началѣ дѣла, и имѣю великую нужду въ какомъ-нибудь новомъ основаніи, которое бы убѣдило меня, что съ смертію человѣка душа его не умираетъ. Скажите же мнѣ, ради Зевса, съ какой еще стороны Сократъ подошелъ къ этому предмету? Неужели, D.

Е. скажешь, и онъ, подобно вамъ, обнаружилъ нѣкоторое неудовольствіе? или, напротивъ, съ кротостію помогъ изслѣдованію? Притомъ достаточна ли была его помощь, или недостаточна? Расскажи намъ обо всемъ, сколько можно подробно.

Фед. Хотя я и часто, Эхекратъ, удивлялся Сократу, но никогда не былъ восхищенъ имъ такъ, какъ въ настоящемъ 89. случаѣ. Въ томъ-то, можетъ-быть, нѣтъ ничего страннаго, что онъ умѣлъ отвѣчать на возраженія: меня особенно изумило въ немъ во первыхъ то, съ какою охотою, кротостію и любовію выслушалъ онъ разсужденія молодыхъ людей; во вторыхъ то, какъ мѣтко понялъ онъ болѣзнь, произведенную въ насъ изложенными основаніями; въ третьихъ то, какъ прекрасно исцѣлилъ ее, останавливая насъ, будто бѣглецовъ или побѣжденныхъ, и побуждая къ изслѣдованію и дружному разсматриванію предмета.

Эхекр. А какъ именно?

В. *Фед.* Я скажу. Мнѣ случилось сидѣть на подножной скамейкѣ возлѣ кровати, по правую руку Сократа: значить, Сократъ сидѣлъ гораздо выше меня. Итакъ, поглаживая мою голову, и собравши на затылкѣ мои волосы (которыми иногда имѣлъ привычку играть), онъ сказалъ: завтра, Федонъ, ты, можетъ быть, острижешь эти прекрасные локоны.—Вѣроятно, Сократъ, отвѣчалъ я.—Нѣтъ, не завтра, если хочешь меня послушаться.—А что? спросилъ я.—Сегодня, сказалъ онъ, и я—свои, и ты—свои, сегодня, С. если только наше разсужденіе умретъ, и мы не найдемъ силъ оживить его. Да, будь я на твоемъ мѣстѣ и лишись возможности возстановить изслѣдованіе, тотчасъ бы далъ клятву, подобно Аргивянамъ ¹, не прежде отпустить локоны, какъ послѣ побѣды надъ доказательствами Симміаса и Кевиса.—Но съ двумя, примолвилъ я, говорятъ, и Ираклъ не могъ справиться.—Такъ пригласи меня, будто Юлая,

¹ Аргивяне, бывъ разбиты Лакедемонянами, рѣшились дотолѣ не отращать волосъ, пока не одержатъ надъ ними побѣды. Herod. 1, 81.

пока солнце не сѣло. — Прошу, сказалъ я, но не какъ Иракль, а какъ Юлай—Иракла.— Это будетъ все равно, отвѣчалъ онъ. Но поостережемся, чтобы и съ нами чего-нибудь не приключилось. — Что же? спросилъ я. — Чтобы намъ не сдѣлаться разсужденіе-ненавидцами, какъ дѣлаются человѣконенавидцами, сказалъ онъ. Никто не терпитъ ¹ такого зла, какое терпятъ ненавистники разсужденій. Разсужденіе-ненавидѣніе и человѣконенавидѣніе происходятъ однимъ и тѣмъ же образомъ, а именно: послѣднее рождается въ душѣ отъ сильнаго къ кому-нибудь довѣрія, не основывающагося на искусной разсудительности, когда, то-есть, мы почитали человѣка совершенно справедливымъ, искреннимъ и вѣрнымъ, а потомъ, немного спустя, нашли его лукавымъ, невѣрнымъ, и тому подобное. И кто испытывалъ это часто, особенно же отъ тѣхъ, которыхъ считалъ самыми близкими и короткими друзьями, тотъ, многократно ^{В.} обманутый, наконецъ ненавидитъ всѣхъ и увѣряется, что ни въ комъ нѣтъ искренности. Или, по твоему мнѣнію бываетъ не такъ?—Конечно такъ, отвѣчалъ я.—А не душно ли это, спросилъ онъ, и не явно ли, что такой человекъ беретъ имѣть дѣло съ людьми, не владея искусствомъ, челоѣкознанія? Вѣдь еслибы обращеніе съ ними онъ основывалъ, какъ слѣдуетъ, на искусствѣ; то держался бы тѣ мысли, что добросердечныхъ и лукавыхъ очень немного, а ^{90.} среднихъ между ними весьма много.—Какъ это понимаешь ты, спросилъ я?—Такъ же, какъ очень малое и очень великое, отвѣчалъ онъ. Представишь ли ты себѣ что-нибудь рѣже, какъ отыскать очень великорослаго или очень малорослаго, также очень быстро или очень медленнаго, очень безобразнаго или очень красиваго, очень бѣлаго или очень чернаго человѣка, собаку и пр.? Не замѣчаешь ли, что предѣльныя точки всѣхъ этихъ крайностей весьма рѣдки, немногочисленны, а вещей, занимающихъ средину между ними—великое множество?—Конечно, отвѣчалъ я. — И не думаешь ли, сказалъ онъ, что еслибы мы предложили да ^{В.}

же состязаніе въ лукавствѣ, то и тогда открылось бы весьма немного лукавцевъ перваго разряда? — Вѣроятно, отвѣчалъ я. — Да, вѣроятно, примолвилъ онъ. Но въ этомъ-то разсужденіи не походятъ на людей (теперь вѣдь я слѣдовалъ за тобою, какъ за предводителемъ), а походятъ въ томъ, что человѣкъ, не имѣющій искусства разсуждать о предметѣ, вѣритъ какому-нибудь изъ разсужденій, какъ истинному, и потомъ, немного спустя, оно представляется ему ложнымъ, иногда справедливо, иногда и нѣтъ, вообще — то такимъ, то инымъ. Между тѣмъ ты знаешь, что тѣ-то особенно, которые занимаются разсужденіями противорѣчущими, — тѣ-то и почитаютъ себя людьми мудрѣйшими; они-то одни-де и понимаютъ, что нѣтъ ничего здраваго и твердаго ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, что все существующее, точно какъ въ Эврипѣ ¹, вращается то туда, то сюда, ни на минуту не останавливаясь на одномъ мѣстѣ. — Ты очень справедливо говоришь, сказалъ я. — Такъ не жалкое ли было бы состояніе, Федонъ, продолжалъ онъ, когда бы кто, при существованіи разсужденія справедливаго и основательнаго, которое можно себя прояснить, случайно услышавъ о томъ же предметѣ другія, кажущіяся то справедливыми, то ложными, обвинялъ не самаго себя и не свою неловкость, но, отъ досады, общественную вину слагалъ бы на разсужденія, и потому, ненавидя и браня ихъ, на всю остальную жизнь лишалъ бы истины и знанія о вещахъ существующихъ? — Гочно, жалкое было бы состояніе, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ я. — Итакъ, прежде всего будемъ осторожны, продолжалъ онъ, не пустимъ въ свою душу той мысли, что будто въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего здраваго: напротивъ

¹ Эврипъ — проливъ между Бэотіею и Эвбею, замѣчательный между прочимъ потому, что днемъ и ночью волны въ немъ идутъ преемственно то въ одну, то въ другую, — противоположную сторону. Stallb. I, II, p. 164.

скорѣе сознаемъ, что мы-то еще не здоровы, а потому должны мужественно дѣйствовать и стараться приобрести здоровье, ты и прочіе — для послѣдующей вашей жизни, а я — для самой смерти; иначе, въ отношеніи къ 91: предмету нашего изслѣдованія, я похожу теперь, должно быть, не на философа, а на спорщика, какими бываютъ большіе невѣжды, которые, о чемъ-нибудь разсуждая, заботятся не объ уразумѣніи разсматриваемаго предмета, а о томъ, какимъ бы образомъ свое предположеніе показать присутствующимъ со стороны выгодной. Въ настоящемъ случаѣ я буду отличаться отъ нихъ, кажется, только тѣмъ, что, не стараясь выставять свои слова истинными (развѣ мимоходомъ) для присутствующихъ, стану заботиться, какъ бы ихъ выставить именно такими для самаго себя; ибо расчитываю, любезный другъ, — и смотри, В. какъ своекорыстно: если утверждаемое мною въ самомъ дѣлѣ справедливо, то хорошо повѣрить; а когда умершему не будетъ ничего, то въ послѣднее время, предъ смертію, я своею скорбію по крайней мѣрѣ не наведу скуки на присутствующихъ. Впрочемъ, это ненавидѣніе не умереть со мною; иначе было бы худо: нѣтъ, оно скоро исчезнетъ. Приготовившись такимъ образомъ, Симміасъ и Кевисъ, молвилъ онъ, я приступаю къ разсужденію. Вы же, если хотите меня послушаться, заботьтесь не о Сократѣ, а С: гораздо болѣе объ истинѣ. Найдете слова мои справедливыми, — соглашайтесь; не найдете, — противорѣчьте имъ, сколько можете — въ той мысли, чтобы, по ревности къ моему убѣжденію, я не обманулъ себя и васъ, я, какъ пчела, не улетѣлъ, оставивъ свое жало.

Итакъ начнемъ, сказалъ онъ. Прежде всего напомнимъ мнѣ, что говорили вы, если я самъ не въ состояніи буду вспомнить. Симміасъ, кажется, не вѣрить — изъ опасенія, что душа, не смотря на свою божественность и превосходство предъ тѣломъ, исчезнетъ первая, какъ нѣкоторый родъ гармоніи. А Кевисъ, помнится, уступилъ мнѣ,

- что душа долговременнѣе тѣла: только то, говоритъ, никому неизвѣстно, не погибнетъ ли она теперь, можетъ быть, износивъ уже не разъ много тѣлъ и оставляя послѣднее; не это ли именно и называется смертію — гибель души, между-тѣмъ какъ тѣло непрестанно погибаетъ? Это, или что другое, должны мы изслѣдывать, Симміасъ и Кевисъ? — Оба согласились, что это. — Но въ
- В. прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ, спросилъ онъ, все ли вы отвергаете, или иное отвергаете, иное нѣтъ? — Да; иное — такъ, отвѣчали они, а иное нѣтъ. — Напримѣръ, какъ вы думаете о нашемъ мнѣніи, продолжалъ онъ, что ученіе есть припоминаніе? и если признаете его справедливымъ, то не необходимо ли вамъ допустить, что наша душа гдѣ-то существовала еще до своего вшествія въ тѣло? —
92. Что касается до меня, сказалъ Кевисъ, то я и тогда чрезвычайно вѣрилъ этой мысли и теперь держусь ее болѣе, чѣмъ всякой другой. — Да и я такъ думаю, примолвилъ Симміасъ, и удивительно было бы, еслибы объ этомъ предметѣ мнѣ понравилось что-нибудь иное. — Однакожь тебѣ, еивскій нашъ гость, вѣрно нравится что-нибудь иное, возразилъ Сократъ, когда ты держишься того мнѣнія, что гармонія есть вещь сложная, и что душа есть нѣкоторая гармонія, происходящая отъ напряженія тѣлесныхъ элементовъ; ибо ты вѣроятно самъ не согласишься съ собою, когда будешь говорить, что гармонія составилаcь прежде существованія тѣхъ частей, изъ которыхъ ей надлежало составиться; или согласишься? — Конечно, не соглашусь, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — А замѣчаешь ли, спросилъ Сократъ, что тебѣ надобно утверждать это, если говоришь, что душа существовала до принятія человѣческаго вида и тѣла; стало быть, она была сложена изъ частей, еще не существовавшихъ? Вѣдь она уже не походитъ у тебя на приведенное подобіе — гармонію; потому что для гармоніи сначала получаютъ бытіе и лира, и струны, и звуки, пока
- С. негармоническіе, а гармонія и послѣ всего является, и

прежде всего исчезаетъ. И такъ, какимъ же образомъ одно изъ твоихъ мнѣній согласуется съ другимъ? — Никакъ не согласуется, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Однакожь въ рѣчи о гармоніи, замѣтилъ Сократъ, всего приличнѣе быть гармоніи. — Конечно, всего приличнѣе, сказалъ послѣдній. — Такъ вотъ твое разсужденіе и безъ гармоніи. Смотри же, что ты изберешь: то ли, что ученіе есть припоминаніе, или то, что душа есть гармонія? — Гораздо лучше первое, D. Сократъ, отвѣчалъ онъ; потому что послѣднее у меня ничѣмъ не доказывается, а только представляется правдоподобнымъ, бросается въ глаза, потому-то многимъ и нравится. Между тѣмъ я знаю, какъ обманчивы бываютъ разсужденія, въ которыхъ доказательства основываются на подобіи: не поостерегись отъ нихъ кто-нибудь, тотчасъ обманется — и въ геометріи и во всемъ другомъ. Напротивъ разсужденіе о припоминаніи и ученіи утверждается на основаніи достовѣрномъ; ибо сказано было, что наша душа и до вшествія въ тѣло существовала, такъ какъ ей принадлежитъ сущее, то-есть то, что выражается названіемъ сущности. E. Такимъ образомъ у меня не остается сомнѣнія, что предложенная мысль принята мною основательно и правильно. Слѣдовательно, я ли сказалъ бы, или кто другой, что душа есть гармонія, — этого мнѣнія мнѣ, думаю, принимать не надобно. — Но какъ ты думаешь, Симміасъ? спросилъ Сократъ: кажется ли тебѣ, что гармонія, или какое-нибудь другое сочетаніе должны находиться въ состояніи, отличномъ отъ состоянія частей, входящихъ въ сочетаніе? — Не 93. кажется. — Значитъ, первыя и дѣйствуютъ и страдаютъ только такъ, какъ дѣйствуютъ и страдаютъ послѣднія. — Подтвердилъ. — Поэтому гармонія остается не управлять тѣми началами, изъ которыхъ она образуется, а слѣдовать имъ. — Согласился. — Значитъ, гармонія никакъ не можетъ находиться въ движеніи, издавать звуки, вообще проявляться иначе, вопреки частямъ своимъ. — Конечно не можетъ, отвѣчалъ онъ. — Но что? всякая гармонія не такъ ли есть

- В. гармонія, какъ бываетъ настроена?—Я не понимаю этого, сказалъ онъ. — Если, то-есть, строй выше и болѣе, лишь бы позволялъ инструментъ; то не выше ли и не болѣе ли также гармонія? Напротивъ, когда строй ниже и менѣе; то не ниже ли и не менѣе ли проявляется послѣдняя? — Конечно. — А можно ли сказать это о душѣ? Можно ли утверждать, чтобы одна душа хотя самаалѣйшимъ образомъ имѣла болѣе и въ большей степени, нежели другая душа, самое это свойство — быть душею? — Никакъ нельзя,
- С. отвѣчалъ онъ. — Хорошо, продолжалъ Сократъ: скажи же теперь, ради Зевса, не говорятъ ли, что иная душа отличается умомъ, добродѣтелію, благостію, а другая — безуміемъ, порочностію, зломъ? и не справедливо ли говорятъ это? — Конечно справедливо. — Итакъ, если душу называютъ гармонією; то чѣмъ почитаютъ упомянутыя — добродѣтель и зло? Не иною ли гармонією и дисгармонією? Когда, то-есть, душа настроена, то бываетъ доброю и въ самой своей гармоніи заключаетъ другую гармонію; а когда она не настроена, то другой гармоніи не имѣетъ? — Не знаю, что сказать на это, отвѣчалъ Симміасъ. — Однако
- Д. человекъ, слѣдующій такому предположенію, очевидно долженъ бы сказать нѣчто подобное. Впрочемъ, мы еще прежде согласились, что одна душа не можетъ быть душею ни болѣе, ни менѣе другой души; а это значить, что одна гармонія не выше и не болѣе, или не ниже и не менѣе другой. Не такъ ли? — Конечно такъ. — Гармонія же, которая не ниже и не выше другой, должна быть и настроена равнымъ образомъ не выше и не ниже. Правда ли? — Правда. — Но настроенная не выше и не ниже, можетъ ли она заключать въ себѣ гармоніи болѣе или
- Е. менѣе? или заключаетъ ее ровно?—Ровно.—Итакъ, если одна душа не болѣе и не менѣе другой души обладаетъ этимъ свойствомъ — быть душею, то одна не болѣе и не менѣе другой настроена? — Такъ. — Находясь же въ такомъ состояніи, одна не можетъ имѣть болѣе, нежели

другая, — либо дисгармоніи, либо гармоніи? — Конечно не можетъ. — И дагѣ: находясь въ такомъ состояніи, одна изъ нихъ будетъ ли болѣе причастна злу, либо добро- 309.
дѣтели, чѣмъ другая, если зло есть дисгармонія, а добродѣтель — гармонія? — Никакъ не болѣе. — Такъ вотъ безъ сомнѣнія вѣрное заключеніе, Симміасъ, что никакая душа не причастна злу, какъ скоро душа есть гармонія; потому что гармонія, оставаясь совершенно этимъ самымъ — гармоніею, не можетъ вмѣщать въ себѣ дисгармоніи. — Конечно не можетъ. — Значитъ и душа, оставаясь совершенно душею, не вмѣщаетъ въ себѣ зла. — Какъ же иначе, судя потому, что сказано выше?—Да, изъ нашего разсужденія слѣдуетъ, что души всѣхъ живыхъ существъ равно добры, если всѣ онѣ именно это самое — души. — Миѣ кажется такъ, Сократъ, сказалъ онъ. — А хорошо ли, думаешь, утверждать подобное мнѣніе, спросилъ Сократъ, и дошло ли бы наше разсужденіе до такого заключенія, когда бы предположеніе, что душа есть гармонія, было справедливо?—Никакъ не дошло бы, отвѣчалъ онъ.— Но что? продолжалъ Сократъ: изъ всего, находящагося въ человѣкѣ, называешь ли ты господствующимъ что-нибудь, кромѣ души, особенно когда она благоразумна? — Не называю. — А душа, господствуя, пожеланіямъ тѣла, или противится имъ? Разумѣю вотъ что. Когда, напримѣръ, мучитъ зной и жажда, — душа иногда влечетъ къ противному — не пить; а когда томитъ голодъ, — она побуждаетъ къ противному — не ѣсть. Видимъ множество и другихъ примѣровъ, какъ она противится тѣлу. Или нѣтъ? — Конечно видимъ. — Однакожь не согласились ли мы прежде, что если душа есть гармонія, то она не можетъ разногласить съ тѣми составными частями, которыя сообщаютъ ей напряженность, ослабленіе, движеніе и все, свойственное имъ самимъ, и что она должна не управлять, а управляться ими? — Согласились, отвѣчалъ онъ; какъ не согласиться? — Чтожь? а теперь

она дѣлаетъ, по видимому, противное, то-есть, управляетъ всѣмъ тѣмъ, изъ чего, говорятъ, составлена; теперь D. она противостоитъ почти всему во всю жизнь и господствуетъ всячески, иногда строгими обузданіями и посредствомъ скорбей, напримѣръ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, либо въ врачебныхъ средствахъ, иногда кроткими внушеніями, грозя пожеланіямъ, гнѣву и трусости, и разумляя ихъ такъ, какъ бы разговаривала съ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ себя, подобно Омиру, который говорить объ Одиссѣѣ:

E. Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло....

Думаешь ли, что Омиръ сложилъ эти стихи, почитая душу гармонією, управляемою пожеланіями тѣла? Не мыслилъ ли онъ напротивъ, что душа управляетъ и владываетъ ими, и что она есть нѣчто гораздо божественнѣе гармоніи? ¹ — Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, мнѣ кажется. — Итакъ, вовсе не хорошо намъ, почтеннѣйшій, называть душу гармонією; иначе мы, по всей вѣроятности, не сойдемся ни съ Омиромъ, божественнымъ поэтомъ, ни сами съ собою. — Правда, сказалъ онъ. —

Хорошо, продолжалъ Сократъ; съ еивскою Гармонією у насъ, кажется, сладилось: теперь что дѣлать съ Кадомомъ ², Кевисъ? Какъ и какимъ словомъ преклонить его?—

¹ Душа, по своему существу, конечно не есть гармонія; однакожъ ни что не мѣшаетъ ей быть гармонически или дисгармонически настроенною. Еслибы она была чистымъ и совершеннымъ духомъ, въ которомъ нельзя отличать явленія отъ бытія; то понятіе о гармоніи къ ней было бы дѣйствительно неприменимо. А такъ какъ, существуя сама въ себѣ, она въ то же время рефлектируетъ сама себя и становится явленіемъ; то въ значеніи явленія ей необходимо обнаруживать тотъ или другой строй,—тѣмъ необходимѣе, что въ ея существо, чего Сократъ конечно не предполагалъ, — входитъ начало нетолько жизни духовной, но и чувственной, и какъ то, такъ и другое привноситъ въ нее свой законъ дѣятельности. Примѣнительно къ этимъ-то законамъ, смотря по тому, который изъ нихъ господствуетъ, душа настроитъ нетолько свои силы, но чрезъ нихъ—и самое тѣло.

² Какъ Симміасъ, такъ и Кевисъ были Фивяне. Поэтому опровергнувъ мнѣніе Симміаса, Сократъ говоритъ, что съ еивскою гармонією теперь кон-

Вѣроятно, найдешь какъ, отвѣчалъ Кевисъ. Настоящее твое разсужденіе противъ гармоніи было чрезвычайно, я не ожидалъ этого; ибо когда Симміасъ высказалъ свое сомнѣніе, — мнѣ казалось очень удивительнымъ, еслибы кто вздумалъ опровергать его. Поэтому я вдругъ весьма в. изумился, когда онъ не могъ выдержать и перваго натиска твоей рѣчи. Стало быть, нѣтъ ничего страннаго, что и Кадмово слово подвергнется той же участи. — Не превозноси меня, добрый человекъ, сказалъ Сократъ, чтобы какая-нибудь зависть не унизила того разсужденія, которое сейчасъ будетъ предложено. Лучше припишемъ это попеченію божію, а сами омировски¹ обратимся къ предмету и посмотримъ, дѣло ли ты говоришь. Сущность твоего вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: ты считаешь нужнымъ доказать, что наша душа непричастна гибели и бессмертна, и что философъ, приближающійся къ смерти, надѣясь за гробомъ вступить въ состояніе гораздо лучшее, въ сравненіи съ состояніемъ людей, жившихъ иначе, питается надеждою не безразсудною, не нелѣпою. Доказательство же, что душа есть нѣчто сильное и богообразное, что она существовала прежде, нежели мы стали людьми, не мѣшаетъ, говоришь, отвергать ея бессмертіе. Позволительно, правда, приписывать ей долговѣчность, что, то-есть, она и до земной жизни имѣла бытіе неопредѣленно продолжительное, многое знала и дѣлала; но отсюда еще не вытекаетъ мысль о ея бессмертіи; ибо самое вшествіе D. ея въ человѣческое тѣло, подобно зародышу болѣзни, могло быть началомъ ея гибели. И вотъ она настоящую свою жизнь проводитъ скорбно, а въ минуту такъ называемой смерти и окончательно исчезаетъ. Въ отношеніи къ нашей боязни, ты думаешь, все равно, однажды ли душа входитъ

чeno. Но въ миеологiи была своя еивская Гармонiя, жена еивскаго царя Кадма; — отсюда острота Сократа: мы разсмотрѣли дѣло Гармонiи; надобно разсмотрѣть и дѣло Кадма.

¹ Омировски, то-есть, по обычаю Омировыхъ героевъ,—смѣло и мужественно.

въ тѣло, или много разъ; ибо кто не знаетъ и не можетъ доказать ея безсмертіе, тотъ, если только не безразсуденъ, долженъ постоянно находиться въ опасеніи. Вотъ почти Е. буквально твои слова, Кевись. Я нарочно нѣсколько разъ повторилъ ихъ, чтобы ничто не ускользнуло отъ насъ, если бы ты хотѣлъ прибавить къ нимъ, или отнять отъ нихъ что-нибудь. — Но въ настоящемъ случаѣ, примолвилъ Кевись, мнѣ нечего ни отнимать отъ нихъ, ни прибавлять къ нимъ: тутъ все, что я говорю.

Послѣ этого Сократъ долго молчалъ, размышляя самъ съ собою, и потомъ продолжалъ: Ты не бездѣлицы требуешь, Кевись; надобно вѣдь вообще разсмотрѣть причину рожденія и разрушенія. Хочешь ли, я расскажу, что въ 96. этомъ отношеніи случилось съ самимъ мною? И если въ моихъ словахъ иное покажется тебѣ полезнымъ для подтвержденія собственной твоей мысли, то воспользуйся этимъ. — Разумѣется, весьма охотно, сказалъ Кевись.— Слушай же, что буду говорить. Находясь еще въ молодости¹, я удивительно какъ жаденъ былъ до той мудрости, которую называютъ исторіею природы: мнѣ представлялось дѣломъ блистательнымъ знать причину всякой вещи, отъ чего каждая рождается, отъ чего погибаетъ и отъ чего существуетъ. Часто волновался я недоумѣніемъ, изслѣдывая В. во-первыхъ то, въ самомъ ли дѣлѣ иные справедливо утверждаютъ, что когда холодное и теплое предаются нѣкоторому гніенію, тогда получаютъ образованіе животныя, и чѣмъ мы мыслимъ, — кровію ли, воздухомъ, огнемъ, или не это, но мозгъ даетъ намъ чувства и слуха, и зрѣнія, и обонанія, изъ которыхъ происходятъ память и мнѣніе, а изъ памяти и мнѣнія, доведеннаго до постоянства, рождается знаніе? Замѣчая опять, что все это подлежитъ раз-

¹ Рассказъ Сократа, что онъ въ своей молодости стремился все объяснить изъ идей ума, надобно относить не къ Сократу, а къ Платону. Это ясно открывается далѣе на стр. 109 В., гдѣ на ученіе объ идеяхъ указывается, какъ на теорію прежнюю, обыкновенную, много разъ толкованную, чего Сократу приписать никакъ невозможно.

рушенію, и видя измѣняемость неба и земли, наконецъ я С. показался самъ себѣ столь неспособнымъ для подобныхъ изысканій, что ивъ рукъ вонъ (ὡς οὐδὲν χρήμα). И вотъ тебѣ достаточный признакъ: прежде я кое-что ясно-таки зналъ, какъ и мнѣ самому казалось, и другимъ; а послѣ, чрезъ свои изслѣдованія, дошелъ до такой слѣпоты, что даже разучился знать вещи, дотогѣ мнѣ извѣстныя. Не говоря о множествѣ ихъ, укажу только на одну: отчего человѣкъ растетъ? Передъ тѣмъ временемъ я считалъ очевиднымъ D. для всякаго, что это бываетъ отъ пищи и питья. Когда, то есть, чрезъ пищу плоть прибавляется къ плоти, кости къ костямъ, и такимъ же образомъ все прочее, что съ чѣмъ сродно; тогда небольшая тяжесть становится уже большею, а слѣдовательно изъ малорослаго человѣка образуется великорослый. Такъ думалъ я прежде, и—какъ тебѣ кажется? — не ладно ли? — Мнѣ кажется, ладно, отвѣчалъ Кевись. — Смотри-ка и на это еще. По моему мнѣнію, достаточно правильнымъ казалось мнѣ, что когда великорослый человѣкъ станетъ возлѣ малорослаго, тогда бываетъ выше его цѣлою головою, равно какъ и конь выше коня. А и того яснѣе, что десять болѣе восьми, ибо прибавилось E. два,—и два локтя болѣе одного, потому что превышаютъ его половиною. — Да теперь-то, спросилъ Кевись, какъ же ты думаешь объ этомъ? — Теперь, клянусь Зевсомъ, я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ извѣстны; теперь я не могу даже увѣриться въ томъ, какимъ образомъ бываетъ, что когда кто приложилъ единицу къ единицѣ, то или единица, къ которой приложено, превратилась въ два, или приложенная и та, къ которой приложено, 97. чрезъ приложеніе одной къ другой, сдѣлались двумя. Для меня удивительно вотъ что: доколѣ каждая изъ единицъ существовала отдѣльно,—каждая была единицею, тогда онѣ не были двумя; а когда сблизились между собою, то вдругъ сближеніе ихъ стало причиною — сдѣлаться имъ двумя. Не понимаю также и того, какимъ образомъ, когда кто

- разсѣкъ одно, — самое разсѣченіе послужило причиною бытія двухъ. Вѣдь причина двухъ здѣсь противоположна
- В. причинѣ двухъ тамъ: тамъ стало два отъ взаимнаго сближенія и сложенія одного съ другимъ; а здѣсь произошло два отъ удаленія и раздѣленія одного отъ другаго. Равнымъ образомъ я не могу увѣриться и въ томъ, извѣстно ли мнѣ, откуда единица. Однимъ словомъ: не могу понять вообще, какъ что-нибудь этимъ путемъ рождается, исчезаетъ, или существуетъ. Самъ я напрасно ищу другаго, а показанный вовсе не нравится. Между тѣмъ однажды мнѣ кто-то сказалъ, будто онъ читалъ, говорить, въ книгѣ
- С. Анаксагоровой, что распорядитель и причина всего есть умъ. Тогда я радъ былъ этой причинѣ; мнѣ казалось, какъ-то хорошо, что причина всего есть умъ. Если это справедливо, думалъ я; то умъ, распоряжая всѣмъ, указываетъ мѣсто каждой вещи тамъ, гдѣ быть ей всего лучше. Поэтому кто захотѣлъ бы искать причину всякаго предмета, какъ онъ происходитъ, уничтожается, либо существуетъ; тотъ долженъ бы вывести ее изъ того, какъ ему
- Д. лучше существовать, страдать, или дѣйствовать. На этомъ-то основаніи человѣку надлежало бы уже и отъ самаго себя, и отъ прочихъ предметовъ требовать только превосходнѣйшаго и наилучшаго, хотя тотъ же самый человѣкъ по необходимости зналъ бы и худшее; потому что знаніе того и другаго есть одно и то же. Размышляя объ этомъ весело, я думалъ, что касательно причины вещей въ Анаксагорѣ нашель учителя по душѣ себя, что онъ сперва
- Е. скажетъ мнѣ о землѣ,—плоска ли она, или кругла, а сказавъ это, откроетъ причину и необходимость, дѣйствительно ли онъ излагаетъ самое лучшее мнѣніе, и точно ли землѣ всего лучше быть такою,—откроетъ также въ срединѣ ли она находится, и объяснитъ, почему ей лучше быть въ срединѣ. Если онъ объявитъ мнѣ это, думалъ я, то
98. рѣшусь не желать другой, инородной причины. Было у меня намѣреніе узнать отъ него такимъ же образомъ и о солн-

цѣ, и о лунѣ, и о прочихъ звѣздахъ, что касается до ихъ относительной скорости, поворотовъ и другихъ свойствъ, то есть, какое бы дѣйствіе или страданіе для всякаго изъ этихъ предметовъ могло быть самымъ лучшимъ. Утверждая, что все устроено умомъ, онъ конечно, думалъ я, не станетъ искать для этихъ вещей иной причины, кромѣ той, что быть имъ въ такомъ состояніи, въ какомъ онѣ находятся, всего лучше. Нашедши же причину предметовъ, в. взятыхъ порознь и вообще, онъ покажетъ, какъ мнѣ казалось, и самое лучшее для cadaго изъ нихъ, и общее благо для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И я не хотѣлъ дешево отдать своихъ надеждъ, но съ жаромъ ухватился за книги, намѣреваясь прочитать ихъ какъ можно скорѣе, чтобы какъ можно скорѣе узнать, что всего лучше и что хуже. Но столь удивительныя надежды, другъ мой, не долго оставались со мною. Продолжая читать, я вижу, что умомъ этотъ человѣкъ нисколько не пользуется, и порядка вещей не изъясняетъ никакими причинами: напротивъ въ основа- с. нии всего полагаетъ воздухъ, эфиръ, воду и много другихъ странностей. Онъ точно такъ поступаетъ, думаю я, какъ еслибы кто, положивъ, что Сократъ все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ умомъ, началъ потомъ приводить причины cadaго моего дѣла и сказалъ, напримѣръ, будто я потому теперь сижу здѣсь, что мое тѣло состоитъ изъ костей и жилъ, что кости тверды и отдѣлены одна отъ другой с. ставами, а жилы имѣютъ способность растягиваться и ослабляться, и лежатъ около костей вмѣстѣ съ плотію и ко- D. жею, которая все обхватываетъ; а такъ какъ кости могутъ быть поднимаемы въ ихъ составахъ, то растягивающіяся и ослабляющіяся жилы даютъ мнѣ возможность сгибать члены,—и вотъ, согнувшись, я и сижу здѣсь. Пожалуй, и теперешній разговоръ нашъ онъ произвелъ бы изъ по- добныхъ причинъ, напримѣръ, изъ голоса, воздуха, слуха и изъ множества другихъ того же рода, не обративъ вни- E. манія на причины истинныя, что Аѳиняне сочли за луч-

шее осудить меня, что повѣтому мнѣ показалось лучше сидѣть здѣсь и, слѣдуя справедливости, терпѣливо подвергнуться казни, которой они требуютъ. Вѣдь клянусь собакою, что и жилы мои, и кости, увлекаясь мнѣніемъ лучшаго, давно бы, думаю, были гдѣ-нибудь въ Мегарѣ или Бвотіи ¹, еслибы, вмѣсто того, чтобы бѣжать и скрыться, я не почелъ дѣломъ болѣе справедливымъ и честнымъ принять отъ города назначенную мнѣ казнь. Приводить подобныя причины вовсе не годится. Конечно, кто сказалъ бы, что безъ такихъ вещей, какъ кости, жилы и другія мои принадлежности, я не могъ бы дѣлать, что мнѣ угодно, тотъ сказалъ бы правду: но говорить, будто всѣ свои дѣла я дѣлаю умомъ, потому что у меня есть жилы и кости, а в. не потому, что избираю самое лучшее, было бы глупо вдоль и поперекъ ². Это значило бы не умѣть отличить, что другое дѣло.— причина, и другое дѣло—то, безъ чего причина не могла бы быть причиною. И мнѣ кажется, многіе, мысля будто оцѣпью впотьмахъ, употребляютъ вовсе не тѣ имена для названія дѣйствительныхъ причинъ. Повѣтому одинъ окружаетъ землю круговоротомъ, посредствомъ котораго небо предписываетъ ей стоять неподвижно; другой подпираетъ ее, какъ широкую квашню, с. воздухомъ: а силы, которою все, что гдѣ теперь стоитъ, поставлено самымъ лучшимъ образомъ,—такой силы никто и не ищетъ, и не усваиваетъ ей божественнаго могущества. Люди предпочли выдумать Атланта, который былъ бы могущественнѣе и безсмертнѣе той силы, и все связывалъ бы наилучшимъ образомъ, а истинное благо и союзъ, дѣйствительно все связующій и сохраняющій, вмѣнили ни во что. Итакъ мнѣ пріятно было бы поступить къ кому-нибудь въ ученики, что-д. бы узнать эту причину. Но, не владѣя ею и не имѣя воз-

¹ Это тѣ самыя мѣста, куда ученики уговаривали Сократа бѣжать изъ темницы.

² Было бы глупо вдоль и поперекъ, по гречески: πολλήν ἄν καὶ μακρὰ ῥαβδίαν εἶη τοῦ λόγου. Не хочу доказывать, что русское выраженіе здѣсь вполнѣ соответствуетъ греческому; но подойти ближе къ подлиннику я не могъ.

возможности открыть ее самъ, или перенять у другаго, хочешь ли, Кевись, я покажу тебѣ новую, употребляемую мною попытку ¹ отыскать ее? — Чрезвычайно хочу, отвѣчалъ онъ. — Послѣ того мнѣ показалось, продолжалъ Сократъ, что, утомившись въ изслѣдованіи истины, я долженъ остерегаться, какъ бы непотерпѣть такого же несчастія, какому подвергаются люди при разсматриваніи и наблюденіи солнечнаго затмѣнія. Вѣдь иные, смотря на солнце, а не на подобіе его въ водѣ, или въ чемъ другомъ, В. портятъ зрѣніе. Размысливъ объ этомъ, я испугался, не ослѣпнуть бы и мнѣ душою, созерцая эти предметы очами и рѣшаясь касаться ихъ каждымъ своимъ чувствомъ. Поэтому я вздумалъ прибѣгнуть къ мышленію и въ немъ наблюдать истину сущаго. Впрочемъ моя мысль, можетъ быть, не во все соотвѣтствуетъ тому, чему она уподобляется: вѣдь я не согласенъ, что человѣкъ, созерцая сущее въ мышленіи, ² 100. созерцаетъ его образнѣе, чѣмъ созерцающій на самомъ дѣлѣ. Итакъ я поспѣшилъ обратиться къ своему собственному способу, то-есть, предполагая всякій разъ извѣстное основаніе, которое находилъ самымъ твердымъ, я принималъ за истину все, что казалось согласно съ нимъ,—причина ли то была, или иное что-нибудь, — и отвергалъ, какъ невѣрное, что съ нимъ не согласовалось. Хочется высказать тебѣ это яснѣе; думаю, ты не понимаешь меня. — Да, не очень, клянусь В. Зевсомъ, отвѣчалъ Кевись. — Впрочемъ, я говорю не по-

¹ *Новую попытку*, въ подлинникѣ *τὴν δεύτερον πλοῦν*—греческая пословица моряковъ, выражающая ту мысль, что, когда нѣтъ благоприятнаго вѣтра, приходится лавировать. Ruhnken. ap. Wyttenb. Adn. p. 243.

² Выраженіе Платона въ этомъ мѣстѣ: *τὸν (ἄνθρωπον) ἐν τοῖς λόγοις σκοπεῖν*, значитъ то же, что *созерцающая въ идеяхъ*. Но идеи, по Платону, если не были вещи или предметы, усматриваемые чувствами, то не могли быть названы также и подобіями ихъ, или образами: въ другихъ мѣстахъ его сочиненій идеи называются *τὰ παραδείγματα ἐν τῇ φύσει*. Parm. 132 D.,—дѣйствительными существами, но отнюдь не понятіями разсудка и не вещами. Поэтому великое само по себѣ, малое само по себѣ, равное само по себѣ и проч.—все это—не понятія и не вещи, а идеи, чрезъ присутствіе или общеніе которыхъ являются уже относительныя величины, имѣющія значеніе понятій.

вое, продолжалъ Сократъ, но то же самое, о чемъ не переставалъ говорить всегда,—и въ другихъ случаяхъ, и въ нынѣшней бесѣдѣ. Мнѣ предстоитъ показать родъ употребляемой мною причины; для этого я снова иду къ тому, о чемъ уже было много толковано, и начинаю съ положенія, что есть нѣчто само въ себѣ прекрасное, доброе, великое и иное прочее. Если въ этомъ ты уступишь мнѣ и согласишься со мною; то отсюда надѣюсь показать тебѣ и причину мою, и вывести заключеніе о безсмертіи души. — Будь увѣренъ въ моемъ согласіи и не медли своимъ заключеніями, отвѣчалъ Кевись. — Смотри же, что выдетъ далѣе, сказалъ Сократъ: такъ ли покажется и тебѣ, какъ мнѣ?

Мнѣ кажется, что если есть нѣчто прекрасное, кромѣ прекраснаго самаго въ себѣ, то оно прекрасно не по чему иному, какъ по своему участію въ томъ прекрасномъ. То же говорю я и о всемъ. Согласенъ ли ты на эту причину?—Согласенъ, отвѣчалъ онъ. — Хорошо же, продолжалъ Сократъ. Теперь я не знаю и не хочу знать никакихъ другихъ мудрыхъ причинъ, и если кто скажетъ мнѣ, что прекрасное прекрасно или отъ красиваго цвѣта, или отъ вида, D. или отъ чего иного; то я, боясь потеряться во множествѣ подобныхъ основаній, распрощусь со всѣми ими, и просто, безъискусственно, пожалуй, можетъ-быть, и глупо, буду держаться одного, что прекрасное происходитъ не отъ чего другаго, какъ или отъ присутствія, или отъ общенія, или отъ инаго участія въ немъ того прекраснаго: ибо это или-или я еще не рѣшилъ, а то рѣшилъ, что всякія прекрасныя вещи бываютъ прекрасны отъ прекраснаго. Последній отвѣтъ, кажется, безопаснѣе и для меня самаго, E. и для другаго: держась этой мысли, мы вѣроятно никогда не уронимъ себя, но и я, и другой—можемъ надежно отвѣчать, что прекрасныя вещи бываютъ прекрасны отъ прекраснаго. Не такъ ли и ты думаешь?—Такъ.—Значитъ, и все великое бываетъ велико и болѣе больше отъ велико-

сти, а меньшее меньше—отъ малости?—Да.—Поэтому ты не согласишься, когда кто скажетъ, что одинъ большій болѣе другаго головою, а другой меньшій—менѣе тѣмъ же 101. самымъ; но будешь утверждать, что все, что больше другаго, больше не чѣмъ инымъ, какъ величиною,—что болѣе больше отъ величины, равно какъ и меньшее не отъ чего инаго меньше, какъ отъ малости,—будешь утверждать это конечно изъ опасенія, чтобы не встрѣтить противорѣчія, почитая кого-нибудь больше или меньше головою: вѣдь В. тогда болѣе было бы больше, а меньшее меньше отъ одной и той же причины; притомъ болѣе было бы болѣе такую малую вещь, какъ голова. Да странно и подумать, что нѣчто великое велико малымъ. Или ты не опасешься этого?—Опасаясь, отвѣчалъ Кевисъ, улыбаясь.—Поэтому ты равнымъ образомъ побоишься сказать, что десять больше осьми двумя, что не количествомъ и не по причинѣ количества, а двумя и отъ двухъ первое больше послѣдняго. Побоишься также сказать, что двухлоктевое пространство больше однолоктеваго—не величиною, а половиною; ибо и здѣсь то же самое опасеніе.—Конечно, С. отвѣчалъ онъ.—Но что? не поопасешься ли ты утверждать, что когда единица сложена съ единицею, то причина двухъ есть сложеніе, или, когда раздѣлено что-нибудь, то причина частнаго есть дѣленіе? Не закричишь ли ты, что не знаешь, какъ иначе сдѣлаться всякой вещи, если не чрезъ участіе ея въ сродной ей сущности? Найдешь ли ты иную причину и двухъ, кромѣ той, что два причастны двоицѣ, что въ двоицѣ должно получить участіе все, имѣющее быть двумя, равно какъ въ единицѣ—все, чему надобно быть однимъ? А съ этими дѣленіями, сложеніями и другими подобными хитростями ты конечно распрощаешься, предоставивъ отдѣлываться ими людямъ, которые по D. мудрѣе тебя. Боясь, по пословицѣ, собственной своей тѣни и неопытности, ты будешь держаться за упомянутое твердое основаніе. Если же оно сдѣлается предметомъ нападе-

нія; то ты оставишь возражателя и не будешь отвѣчать ему, пока не размотришь, что вытекаетъ изъ твоего начала,—и слѣдствія изъ него, по твоему мнѣнію, согласны ли между собою, или несогласны. Когда же предстояло бы дать въ немъ отчетъ, то дашь его такъ: прищешь предположеніе, которое было бы между болѣе общими лучшее, и будешь идти далѣе, поступая подобнымъ образомъ, пока не достигнешь до чего-нибудь удовлетворительнаго. Притомъ, желая найти нѣчто истинное, ты не по-
 Е. зволишь себѣ смѣшенія, какъ дѣлаютъ спорщики, и не станешь бросаться въ разговоръ то къ началу, то къ слѣдствіямъ. У спорщиковъ нѣтъ объ этомъ ни рѣчи, ни заботы: довольные своею мудростію, они взбуровливаютъ все вмѣстѣ, лишь бы только нравиться самимъ себѣ. На-
 102 противъ ты, если хочешь быть въ числѣ философовъ, конечно будешь дѣлать такъ, какъ я говорю.—И ты говоришь очень справедливо, отвѣчали Симміасъ и Кевисъ.

Эхекр. Въ самомъ дѣлѣ, клянусь Зевсомъ, Федонъ; мнѣ кажется, это разсужденіе Сократа удивительно какъ ясно— даже для человѣка съ небольшимъ умомъ.

Фед. Конечно, Эхекратъ; такимъ показалось оно и всѣмъ бывшимъ тогда у Сократа.

Эхекр. Да и намъ,—хотя мы не были у него, а только слушаемъ. Ну что же говорено было далѣе.

Фед. Помнится, когда въ этомъ уступили ему и согласились, что каждая изъ идей имѣетъ значеніе сама по себѣ, и что все другое, являющееся подъ ними, отъ нихъ заимствуетъ и названіе; то онъ вслѣдъ за тѣмъ спросилъ: если же ты думаешь такъ, то, говоря, что Симміасъ болѣе Сократа и менѣе Федона, не приписываешь ли Симміасу того и другаго,—и великорослости, и малорослости? — Приписываю.—Однакожь смотри, продолжалъ онъ: усвоивъ Симміасу преимущество предъ Сократомъ, согласенъ ли ты, что это—правда не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Вѣдь Симміасу, должно быть, естественно являться выше не потому, что

онъ Симміасъ, а по свойственной ему величинѣ. И опять, С. онъ—выше не потому, что Сократъ есть Сократъ, а потому, что Сократу, въ сравненіи съ ростомъ Симміаса, принадлежитъ малорослость. — Справедливо. — Такимъ же образомъ Симміасъ—ниже Федона не потому, что Федонъ есть Федонъ, а потому, что Федону, въ сравненіи съ малорослостію Симміаса, свойственна великорослость. — Такъ. — Слѣдовательно Симміасъ получаетъ названіе малорослаго и великорослаго, поколику находится между обоими, доставляя случай одному изъ нихъ быть выше своей малорослости великорослостію, а другому стоять ниже своей великорослости малорослостію. И тутъ же ¹, улыбнувшись, прибавилъ: я выражаюсь конечно съ судейскою точностію; однакожь это такъ, какъ говорю. — Кевись согласился. — И говорю это съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мое мнѣніе сдѣлалось твоимъ; ибо мнѣ кажется, что не только великость сама по себѣ никогда не желаетъ быть вмѣстѣ великою и малою, но и великость наша не принимаетъ малаго и не хочетъ превосходить малости. Тутъ одно изъ двухъ; она или убѣгаетъ и удаляется, когда подходитъ противное ей е. малое; или исчезаетъ, когда послѣднее уже подошло. Пусть она даже терпитъ и принимаетъ малость: но все не хочетъ быть инымъ, чѣмъ была прежде. Напримѣръ, я принялъ и терплю малость, и пока продолжаю быть тѣмъ, что есмь, я малъ; а то великое само по себѣ не смѣетъ превратиться въ малое, равно какъ и малое не хочетъ сдѣлаться или быть великимъ. Такимъ же образомъ и всѣ другія противоположности, оставаясь тѣмъ, чѣмъ были, не хотятъ сдѣлаться или быть противными тому, но въ этомъ состояніи или устраниются, или исчезаютъ. — Мнѣ 103. кажется, совершенно такъ, отвѣчалъ Кевись. — Услышавъ это, кто-то изъ присутствовавшихъ сказалъ (кто та-

¹ Συυραζικίς, этимъ словомъ указывается на точность, съ какою обыкно венно пишутся судейскія, или дѣловыя бумаги—συυραζικί. Сравни. Gorg, p. 451 В. εἰπομε ἄν ἄσπερ οἱ ἐν τῷ δῆμῳ συυραζόμενοι.

- кой, не помню хорошенько): ради боговъ! да въ прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ развѣ не было допущено, совершенно вопреки настоящему положенію, что изъ меньшаго происходитъ большее, а изъ большаго меньшее, и что именно такимъ образомъ противныя происходятъ изъ противныхъ? а теперь, по видимому, говорится, что этого никогда не бываетъ. — Сократъ наклонилъ голову и, выслушавъ, сказалъ: браво, что вспомнилъ! только ты не понялъ различія между тѣмъ, что теперь говорится, и тѣмъ, что было говорено тогда. Тогда было говорено, что противная вещь бываетъ изъ противной, а теперь, что противное само по себѣ ни въ насъ, ни въ природѣ, никогда не можетъ сдѣлаться противнымъ самому себѣ. Тогда, другъ мой, мы разсуждали о предметахъ, заключающихъ въ себѣ противное, и на этомъ основаніи называли ихъ своими именами; а теперь разсуждаемъ о томъ, что, сообщаясь предметамъ, называемымъ противными, даетъ имъ имя ¹ противныхъ.
- С. Этому - то мы никогда не приписывали рожденія одного отъ другаго. И вдругъ, взглянувъ на Кевиса, спросилъ: не пугаетъ ли и тебя, Кевисъ, что-нибудь подобное словамъ его? — Нѣтъ, отвѣчалъ Кевисъ, я уже не прежній,

¹ Чтобы яснѣе понять различіе, какое указываетъ Сократъ между прежнимъ положеніемъ, что изъ меньшаго происходитъ большее, а изъ большаго меньшее, или вообще — что противныя происходятъ изъ противныхъ, — и между послѣднимъ, что противоположности не хотятъ перейти въ противное себѣ, надобно представить, что всякая вещь имѣетъ матерію и форму. Но форма обыкновенно принимается въ двухъ значеніяхъ: одна — въ значеніи видовомъ, а другая — въ родовомъ; первая заключаетъ въ себѣ признаки, отличающіе ее отъ другихъ вещей того же рода, и слѣдовательно указываетъ на разницы матеріальныя, а послѣдняя характеризуется примѣтами, отличающими ее отъ другихъ родовъ, слѣдовательно ничего матеріальнаго въ себѣ не имѣетъ. Формы въ послѣднемъ смыслѣ Платонъ называетъ идеями и говорятъ, что онѣ одна въ другую не переходятъ и не принимаютъ въ себя ничего противнаго: напротивъ отдѣльныя вещи, означаемыя частными именами и опредѣляемыя формами матеріальными, измѣняютъ свои свойства и дѣлаются малыми изъ великихъ, или великими изъ малыхъ, смотря по тому, какой идеѣ становятся причастными. Иначе сказать: вещи, по матеріи, одна другой не противны; противоположность ихъ зависитъ отъ того, въ какой идеѣ, или родовой формѣ онѣ содержатся. Какъ по матеріи не про-

хотя отнюдь не говорю, что не пугаетъ меня многое.—Слѣдовательно мы согласны другъ съ другомъ, сказалъ онъ,—согласны именно въ томъ, что противное само по себѣ никогда не будетъ противнымъ самому себѣ. — Безъ сомнѣнія.—Изслѣдуй же мнѣ еще вотъ что, продолжалъ онъ: не согласишься ли со мною? Ты называешь что-нибудь теплотою и холодомъ? — Называю. — Не снѣгъ ли это и огонь?—О, совсѣмъ нѣтъ.—Значить, теплота, сама по себѣ, отлична отъ огня, а холодъ, самъ по себѣ, —отъ снѣга?— D. Да.—Тебѣ, думаю, кажется также, что снѣгъ, въ состояніи снѣга, принимая въ себя теплоту, какъ прежде говорили, никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ,—снѣгомъ и теплотою, но, по присоединеніи къ нему теплоты, или устраняется отъ нея, или пропадаетъ. — Конечно. — Тоже и огонь, по приближеніи къ нему холода, либо отступаетъ, либо исчезаетъ, и никакъ не осмѣливается, принявъ въ себя холодъ, оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ,—огнемъ и холодомъ. Ты правду говоришь, отвѣчалъ Кевись.—Бываетъ, стало- E. быть, продолжалъ онъ, въ отношеніи къ кое-чему подобному, что не только самъ родъ навсегда удерживаетъ свое имя, но и нѣчто другое, чтѣ хотя отлично отъ этого рода, однакожь постоянно является въ его образѣ, пока сохраняетъ свое бытіе. Смыслъ моихъ словъ, можетъ быть, сдѣлается яснѣе вотъ на чемъ. Нечету вѣроятно всегда должно при-

тивныя, онѣ происходятъ одна отъ другой; относительно же къ идеѣ, происхождение ихъ одной отъ другой невозможно. Но между идеею и матеріею вещи, по ученію Платона, есть нѣчто среднее: это—та видовая форма (*морфѣ*) которою обозначается общеніе вещи съ извѣстною идеею, или которая есть какъ бы запечатлѣніе матеріи, не позволяющее ей принимать въ себя не только противнаго идеѣ, давшей вещи образъ, но и тѣхъ свойствъ, какія могли бы быть внесены въ этотъ образъ противною идеею. Треугольникъ, по содержанію, не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго четырехугольнику; такъ что величина перваго можетъ быть превращена въ величину послѣдняго. Но идея треугольника никогда не уступитъ своего значенія идеѣ четырехугольника и не приметъ его въ себя. И когда эту идею сообщена матеріи форма опредѣленныхъ тремя линиями трехъ угловъ, тогда треугольникъ въ этой формѣ не только не приметъ идеи четырехугольника, но и тѣхъ свойствъ, которыя могли бы быть внесены ею въ его образъ.

Сократъ, и подражая мнѣ, отвѣчай не то, о чемъ я буду спрашивать, а другое. Я предлагаю тебѣ дѣлать отвѣты не такіе, какъ прежде, имѣя въ виду, кромѣ прежнихъ безопасныхъ отвѣтовъ, найти другую безопасность. Если бы ты вздумалъ спросить меня: что сообщится тѣлу, когда кому сдѣлается тепло? то я далъ бы тебѣ не тотъ безопасный и простоватый отвѣтъ, что сообщится теплота, но, приспособительно къ теперешнему нашему разговору, отвѣчалъ бы хитрѣе, что огонь. Равно, еслибы ты спросилъ: что сообщится тѣлу, когда оно заболѣетъ? то въ отвѣтъ я указалъ бы не на болѣзнь, а на лихорадку. Или на вопросъ: что сообщится числу, когда оно станетъ нечетомъ? я поставилъ бы на видъ не нечетность, а единицу. Такимъ образомъ и все. Смотри же, достаточно ли понялъ ты теперь, чего я хочу? — Весьма достаточно, сказалъ онъ. — Такъ отвѣчай, продолжалъ Сократъ, что должно сообщиться тѣлу, чтобы ему сдѣлать-

D. ся живымъ? — Должна сообщиться душа, отвѣчалъ онъ. — И это всегда такъ бываетъ? — Какъ же не всегда? сказалъ онъ. — Значитъ душа, чѣмъ бы она ни владѣла, всему и всегда приноситъ жизнь? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — А жизни есть что-нибудь противное, или нѣтъ? — Есть, сказалъ. — Что такое? — Смерть. — Но изъ того, въ чемъ мы недавно согласились, не слѣдуетъ ли, что душа никогда не приметъ противнаго тому, что она всегда приноситъ? — Непремѣнно слѣдуетъ, отвѣчать Кевисъ. — Что же теперь? скажи-ка, чѣмъ мы называемъ то, что не принимаетъ идеи чета? — Нечетомъ, отвѣчалъ онъ. — А то, что не принимаетъ справедливости и музыкальности? — Одно немзыкальностію, другое несправедливостію, сказалъ онъ. — Хорошо; какъ же мы называемъ то, что не принимаетъ смерти? Безсмертнымъ. — Но душа не принимаетъ смерти? — Нѣтъ. — Слѣдовательно душа безсмертна? — Безсмертна. — Хорошо, примолвилъ онъ; можешь ли теперь считать это доказаннымъ? Или какъ тебѣ кажется? — Да и очень достаточно, Сократъ.

— Такъ что же, Кевисъ? продолжалъ онъ: еслибы нечету необходимо было не погибать; то неужели и три оста- 106.
 валось бы негибнущимъ? — Какъ же иначе? — Значить, еслибы и нетеплому надлежало не погибать; то какъ скоро кто вздумалъ бы къ снѣгу приблизить теплоту, онъ устранился бы безвредно и не растаялъ? Вѣдь снѣгъ не можетъ погибнуть, а удерживая свое существованіе, не можетъ принять теплоту. — Твоя правда, сказалъ онъ. — Еслибы, думаю также, и нехолодному надобно было не погибать; то какъ скоро кто приблизилъ бы къ огню что-нибудь холодное, огонь не потухъ бы и не погибъ, но отошелъ бы не-вредимымъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Но не необходимо ли сказать то же самое и о безсмертномъ? спросилъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, если безсмертное есть вмѣстѣ и в. негибнущее, то душѣ, когда приближается къ ней смерть, погибнуть невозможно; потому что смерти, по вышесказанному, она вѣрно не приметъ и не будетъ мертвою, равно какъ число три, сказали мы, не будетъ четомъ, хотя оно и не есть нечетъ самъ по себѣ, или какъ огонь не будетъ холодомъ, хотя онъ и не есть теплота въ огнѣ. Впрочемъ, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: что препятствуетъ нечету, — хотя, по приближеніи къ нему чета, какъ найдено, онъ и не дѣлается четомъ, — что препят- С.
 ствуетъ нечету уничтожиться и вмѣсто себя дать мѣсто чету? Кто сказалъ бы это, съ тѣмъ мы не могли бы спорить, что нечетъ не уничтожается; потому что нечетъ не есть нѣчто негибнущее. А будь это намъ извѣстно, мы легко спорили бы, что, по приближеніи чета, и нечетъ и три тотчасъ уходятъ. Точно также могли бы спорить и объ огнѣ, и о теплотѣ, и о всемъ другомъ. Не правда ли? — Конечно. — То самое теперь и о безсмертномъ: если намъ извѣстно, что оно не гибнетъ, то душа нетолько безсмертна, но и не гибнетъ; а когда не такъ, то нужно иное доказательство. — Нѣтъ, для этого-то не нуж- D.
 но, сказалъ онъ; ибо едва ли что-нибудь не разрушится,

если даже бессмертное и вѣчное подвергнется разрушенію. — Я думаю, всѣ будутъ согласны, продолжалъ Сократъ, что и Богъ, и самая идея жизни, и все, что есть бессмертное, никогда не гибнетъ. — Это, клянусь Зевсомъ, по моему мнѣнію, извѣстно всѣмъ людямъ, отвѣчалъ Кевись, а еще болѣе извѣстно богамъ. — Но когда бессмертное вмѣстѣ и неразруσιμο; то душа, существо бессмертное, вѣрно есть и существо негибнущее? — Крайне необходимо. — Слѣдовательно, по пришествіи смерти къ человѣку, смертное его, должно быть, умереть, а бессмертное, устранившись отъ смерти, отойдетъ невредимымъ и неразрушимымъ. — Явно. — Итакъ, Кевись, прибавилъ онъ, душа, безъ

107. всякаго сомнѣнія, есть существо бессмертное и негибнущее, и наши души непременно будутъ въ преисподней. — Да и я, Сократъ, ничего не могу сказать кромѣ этого, заключилъ Кевись: какъ не вѣрить словамъ твоимъ! Но если Симміасъ, или кто другой, имѣетъ сдѣлать замѣчаніе, то хорошо бы не молчать имъ: кто желаетъ говорить или слушать объ этомъ предметѣ; тотъ, не знаю, какое лучшее время могъ бы избрать для удовлетворенія своему желанію, какъ не настоящее. — Но вѣдь и самъ я, по крайней мѣрѣ послѣ того, что было сказано, не могу уже не вѣрить, примолвилъ Симміасъ. Одно лишь величіе предмета, о которомъ шла рѣчь, и несоразмѣрная съ нимъ человѣческая слабость удерживаютъ меня въ недоумѣніи касательно бывшаго разсужденія. — Нетолько касательно бывшаго, Симміасъ, сказалъ Сократъ: твои слова годились бы и въ отношеніи къ прежнимъ нашимъ положеніямъ; то-есть, сколь бы достовѣрными они ни казались вамъ, все однакожъ надобно изслѣдовать ихъ яснѣе, и если достаточно изслѣдуете, то, думаю, убѣдитесь въ моемъ словѣ, сколько возможно убѣждаться человѣку. А когда это для васъ прояснится, тогда ни о чемъ болѣе не будете спрашивать. — Ты правду говоришь, сказалъ онъ. —

Но вотъ о чемъ еще нужно размыслить, друзья, про-

должалъ Сократъ: если душа безсмертна, то должно имѣть С. о ней попеченіе въ отношеніи не къ одному тому времени, въ которомъ мы, какъ говорится, живемъ, но ко всему; и тотъ, по видимому, подвергнется страшной опасности, кто вознерадитъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы смерть была оставленіемъ всего, то для людей злыхъ какая бы находка, — оставляя вмѣстѣ съ тѣломъ и душу, оставить злыя дѣла свои! Но когда открывается, что душа безсмертна, — ей вѣдь нѣтъ инаго избавленія отъ золь, нѣтъ инаго спасенія, какъ сдѣлаться наилучшею и разумнѣй- D. шею; ибо, отходя въ преисподнюю, она не уноситъ ничего, кромѣ образованія и пищи своей ¹; а это умирающему, говорятъ, тотчасъ же, въ самомъ началѣ его отшествія, или очень полезно, или очень вредно. Сказываютъ такъ ²: каждаго умирающаго духъ ³, которому онъ въ жизни достался, беретъ для отведенія въ нѣкое мѣсто, гдѣ собравшіеся подвергаются суду и идутъ въ преисподнюю, — всякій съ своимъ вожатымъ, кому кого велѣно отсюда перевести туда. Достигнувъ назначеннаго мѣста E. и пробывъ въ немъ опредѣленное время, всякій, подъ руководствомъ уже другаго вожатаго, опять идетъ, — и это совершается въ большіе и длинные періоды. Впрочемъ такое шествіе не походитъ на описываемое Эсхиловымъ ¹⁰⁸. Тилефомъ. Послѣдній говоритъ, что въ преисподнюю ведетъ простая стезя; а мнѣ кажется, что она и не проста и не одна: иначе на что бы и вожатаго; ибо гдѣ дорога одна, тамъ никто и никогда не заблудится. Нѣтъ, на этой

¹ Кромѣ образованія и пищи, *πῶς τῆς παιδείας καὶ τροφῆς*. Само собою разумѣется, что *τροφῆ* принимается здѣсь въ смыслѣ метафорическомъ, какъ пища душъ, или приобрѣтенныя ими познанія.

² Разсужденія Сократа о судьбѣ отшедшихъ душъ въ преисподнюю называются у Аполлодора *μυθῆαι*, или рассодіями изъ одиннадцатой пѣсни Омировой Одиссеи. Такихъ рассодій въ сочиненіяхъ Платона три: въ Федонѣ, Горгіасѣ (р. 512 sqq.) и Государствѣ (X р, 614.)

³ Платонъ допускаетъ, что каждый человѣкъ проводитъ жизнь подъ покровительствомъ приставленнаго къ нему духа (*δαιμόνιον*), который сопровождаетъ его и въ жизнь загробную, Cratyl. р. 397. Symp. р. 262. Tim. р. 40 al.

дорогѣ должно быть много перекрестковъ и обходовъ: я вывожу свое заключеніе изъ священныхъ церемоній и уставовъ ¹. Душа благонравная и умная вступаетъ въ путь, и новое настоящее не незнакомо ей: а пристрастная къ тѣлу, какъ я прежде сказалъ, долго витаетъ около

В. него и около видимаго мѣста и, чрезвычайно упорствуя и много страдая, насильно, едва-едва уводится приставленнымъ къ ней духомъ. Когда же она приходитъ туда, куда и другія; тогда отъ ней, нечистой, надѣлавшей столько грѣховъ, связанной неправедными убійствами, или совершившей иное тому подобное и подобнымъ душамъ свойственное, — отъ ней всѣ убѣгаютъ и отвращаются, никто не хочетъ быть ни ея спутникомъ, ни проводникомъ, — и она

С. блуждаетъ въ самомъ жалкомъ состояніи, пока не пройдетъ извѣстное время, послѣ котораго самая уже необходимость влечетъ ее въ приличное жилище. Напротивъ всякая душа, прошедшая жизнь чисто и воздержно, имѣетъ сопутниками и проводниками боговъ, и переходитъ въ пристойное для себя мѣсто. А на землѣ есть много удивительныхъ мѣстъ, и она, по своимъ свойствамъ и величинѣ, какъ меня увѣряли, не такова, какою обыкновенно почитаютъ ее землеописатели. — Что же ты говоришь это,

Д. Сократъ? спросилъ Симміасъ. О землѣ вѣдь я и самъ много-таки слышалъ, однако не то, въ чемъ ты увѣренъ; повтому съ удовольствіемъ послушалъ бы. — Но вѣдь не съ Главконовымъ искусствомъ надобно, кажется, рассказывать это ², Симміасъ. Правду молвить, тутъ требуется искусство потрудитѣ Главконова. Можетъ быть, это было бы даже

¹ Здѣсь Платонъ разумѣетъ, кажется, ту часть языческихъ обрядовъ, которыми указывается на многоразличные пути въ преисподнюю. Сюда относятся слова *Олимпіодора* у Виттенбаха: *ἀλλὰ καὶ τῶν ἀποικονίμων ψυχᾶς τριχῆ θεοκρίουσι ἄλλως μὲν τὰς τῶν παναγῶν ἱερῶν, ἄλλως δὲ τὰς τῶν βροτανάτων* (насилственно убитыхъ) *καὶ ἐτι ἄλλως τὰς τῶν πολλῶν.*

² Съ Главконовымъ искусствомъ всего не расскажешь, — пословица. Она примѣняется къ такимъ вещамъ, которыя требуютъ немного ума и соображенія. А въ происхожденіи этой пословицы критики несогласны между собою. *Хеторф.* Метог. 1, 7, 3.

выше моихъ силъ; а еслибы я и могъ, то жизни моей, Симмиасъ, не достало бы для разсужденія столь обширнаго. Что же касается до идеи земли, какую мнѣ передали, и до мѣстъ ея, то объ этомъ ничто не мѣшаетъ побесѣдовать. — Да и того довольно, сказалъ Симмиасъ. — Итакъ меня увѣряли, продолжалъ Сократъ, во-первыхъ въ томъ, что если земля вращается въ центрѣ неба, то ей нѣтъ надобности ни въ воздухѣ, ни въ какомъ иномъ основаніи, чтобы не упасть: для поддержанія ея достаточно повсюду-наго самоподобія неба и равновѣсія земли; ибо равновѣсная вещь, поставленная, въ срединѣ чего-нибудь самоподобнаго, нимаго не можетъ отступить въ которую-либо сторону, но, какъ самоподобная пребываетъ неуклонно. Такъ вотъ въ чемъ увѣряли меня, сказалъ онъ. — И правильно, замѣтилъ Симмиасъ. — Сверхъ того, продолжалъ Сократъ, земля очень велика, и мы, отъ Фасиса до Геркулесовыхъ В. столповъ, занимаемъ малѣйшую часть ея, живя около моря¹, какъ муравьи и лягушки около болота. Другія подобныя мѣста заселены иными многими жителями. Есть же вокругъ по землѣ очень довольно впадинъ, различныхъ и по виду, и по величинѣ, въ которыя стекаются—и вода, и облака, и воздухъ. А сама настоящая земля стоитъ чистая въ чистомъ небѣ,—тамъ, гдѣ звѣзды. У многихъ, занимающихся этимъ предметомъ, небо называется также С. ээиромъ, котораго осадокъ есть все, стекающее въ земныя впадины. Мы не замѣчаемъ, что живемъ въ земныхъ впадинахъ, и думаемъ, будто наше жилище—на земной поверхности, уподобляясь тому, кто, обитая въ самой глубинѣ моря, представлялъ бы, что онъ обитаетъ на морѣ и, сквозь воду взирая на солнце и другія звѣзды, море почиталъ бы небомъ. По своей медленности и слабости, онъ никогда D. не поднимался бы до морской поверхности и не видалъ бы ея;

¹ Живя около моря—разуиется море Средиземное. Мѣстность, о которой говоритъ Сократъ, простирается отъ востока къ западу и лежитъ между Чернымъ моремъ и Гибралтаромъ.

ему даже не пришлось бы слышать ни отъ какого очевидца, во сколько чище и прекраснѣе тотъ міръ, который выдается изъ моря въ верхнее пространство. Точно въ такомъ состояніи находимся и мы: живя въ какой-то впадинѣ земли, мы думаемъ, что живемъ на ея поверхности, воздухъ называемъ небомъ и представляемъ, что звѣзды текутъ именно по этому небу. А все отъ того, Е. что слабость и медленность не позволяютъ намъ вознестись до предѣловъ воздуха: иначе, кто поднялся бы до его высоты, или взлетѣлъ къ ней, окрилившись; тотъ, изникнувъ, какъ вынырнувшія изъ моря рыбы видятъ надводное, увидѣлъ бы все тамошнее и, лишь бы только природа его могла выдержать созерцаніе, узналъ бы, что тамъ-то истинное небо, истинный свѣтъ и истинная земля. Вѣдь 110. эта земля, эти камни, и вообще все здѣшнее повреждено и извѣдено, подобно вещамъ, извѣденнымъ морскою горечью; такъ что въ морѣ этомъ и ничего порядочнаго не растетъ, и, можно сказать, ничего нѣтъ совершеннаго, а только рытвины, песокъ, безконечный илъ и грязь — вездѣ, гдѣ есть земля ¹, и все это нисколько не идетъ въ сравненіе съ тѣмъ, что у насъ почитается красотою. Напротивъ тамъ, на этой чистой землѣ, нашлось бы много вещей далеко превосходнѣе нашихъ. Да, Симміасъ, если полезно рассказывать и хорошія басни; то вѣрно стѣбитъ труда послушать, В. что находится на землѣ поднебесной. — О, конечно, Сократъ; мы съ удовольствіемъ выслушали бы это сказаніе, примолвилъ Симміасъ. — Говорятъ, другъ мой, продолжалъ Сократъ, во-первыхъ, что эта самая земля, если смотрѣть на нее сверху, походить на двѣнадцатигранный ² кожаный мячъ,

¹ Вездѣ, гдѣ есть земля.—Поэтому Сократъ долженъ былъ полагать, что въ морѣ земля—не вездѣ, что по мѣстамъ есть бездонныя массы воды.

² По примѣру Пифагорейцевъ, Платонъ природу вещей въ ихъ образахъ и явленіяхъ опредѣлялъ геометрическими фигурами и, между прочимъ, міръ уподоблялъ двѣнадцатистороннику, землю — кубу, огонь — пирамидѣ, и т. д. *Iambli. vit. Pythag.* § 8.

раскрашенный цвѣтами, которыхъ образчики суть цвѣта, употребляемые живописцами; только тамъ изъ подобныхъ, даже изъ гораздо прелестнѣйшихъ и чистѣйшихъ цвѣтовъ С. состоитъ вся земля. Тамъ иная часть ея пурпуровая, красоты удивительной, иная златовидная, а иная такъ бѣла, что бѣлѣе гипса и снѣга. Есть на ней и другіе цвѣта, притомъ въ гораздо большемъ количествѣ и превосходнѣе тѣхъ, какіе мы видали. Да и самыя эти впадины ея, полныя воды и воздуха, блистаютъ какою-то пестротой D. цвѣтовъ; такъ что въ единствѣ ея вида является непрерывное разнообразіе. Если же такова земля; то аналогически таковы на ней и растенія, то-есть деревья, цвѣты, плоды, таковы на ней и горы, таковы, по своей гладкости, прозрачности и отличной цвѣтности, самыя камни, — и ихъ-то частицы суть любимыя у насъ камешки: сердоликъ, яспись, смарагдъ и другіе подобные. Тамъ нѣтъ ничего, что было бы хуже ихъ: напротивъ все гораздо лучше, — и E. причина та, что тѣ камни чисты, не изъѣдены и не повреждены, какъ здѣшніе, отъ гнили, отъ соли и отъ всего, что сюда стекается, и что камнямъ, землѣ, животнымъ и растеніямъ сообщаетъ безобразіе и болѣзни. Укра- 111. шаясь всѣмъ этимъ, та земля украшается еще золотомъ, серебромъ и иными подобными вещами. Тамъ рождается этого очень много, въ большихъ массахъ и по всей землѣ, отчего она представляетъ зрѣлище, достойное созерцателей блаженныхъ. На той землѣ есть множество и прочихъ животныхъ, есть и люди, изъ которыхъ одни обитаютъ въ средоземліи, другіе около воздуха, какъ мы — около моря, а иные на островахъ, лежащихъ близъ твердой земли и окруженныхъ воздухомъ. Однимъ словомъ: что у насъ вода и море для нашего употребленія, то у нихъ воздухъ; а что у насъ воздухъ, то у нихъ эфиръ. В. Времена же года такъ уравновѣшены, что тѣ люди не подвергаются болѣзнямъ, живутъ гораздо долѣе, нежели здѣшніе, и во столько выше насъ зрѣніемъ, слухомъ, обо-

няніемъ и прочими чувствами, во сколько воздухъ чище воды, а вѣнрь чище воздуха. Есть у нихъ также кумиры и храмы боговъ, и въ этихъ храмахъ существенно обитаютъ боги, бываютъ божественныя изреченія, предсказанія, видѣнія и обращенія людей съ богами. А солнце, луну и звѣзды видятъ они въ самой ихъ природѣ и сообразно съ этимъ наслаждаются всякимъ другимъ блаженствомъ. Такъ-то все на той землѣ и около той земли! Соразмѣрно съ числомъ ея впадинъ, на ней кругомъ много мѣстъ,—то болѣе глубокихъ и отверзтыхъ, нежели на обитаемой нами, то хотя и глубокихъ, но имѣющихъ меньшія, въ сравненіи съ нашими, ущелія; а есть мѣста и не столь глубокиа, какъ здѣсь, за то обширнѣйшія. Всѣ они подъ землею соединены многими узкими или широкими прокопами и приведены въ сообщеніе посредствомъ каналовъ, которыми обильныя воды льются изъ однихъ въ другія, какъ въ чаши. Подъ землею есть также необозримое множество вѣчно текущихъ рѣкъ воды теплой и холодной; есть много и огня, — великія огненныя рѣки, много рѣкъ и болотистыхъ, то болѣе чистыхъ, то болѣе грязныхъ, какъ въ Сициліи рѣки грязи ¹, предшествующія огненному потоку, и самый потокъ. Ими наполняется каждое мѣсто, и каждому по временамъ случается испытывать ихъ разливы. Все это движется вверхъ и внизъ, какъ будто въ землѣ есть какое-то качаніе. Не происходитъ ли оно отъ слѣдующей причины? Одно изъ ущелій земли особенно велико и прокопано насквозь чрезъ всю

112. землю — то самое, о которомъ упоминаетъ Омиръ ², говоря:

Въ даль необъятную, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна,
и которое въ различныхъ мѣстахъ, какъ онъ, такъ и мно-

¹ Явно, что здѣсь говорится объ изверженіяхъ Этны и о потокахъ извергаемой ею лавы.

² Указывается на мѣсто Илиады въ книгѣ восьмой ст. 13.

гіе другіе поѣты называютъ тартаромъ. Въ это именно ущелье вливаются и изъ него опять выливаются всѣ рѣки. Причемъ каждая становится такою, какова земля, по которой она течетъ. Причина же, почему всѣ рѣки отсюда вытекаютъ и сюда стекаются, состоитъ въ томъ, что эта В. жидкость не имѣетъ ни дна, ни опоры, и потому находится въ состояніи качанія и поднимается вверхъ и внизъ. То же дѣлаютъ вокругъ ея самый воздухъ и вѣтеръ; ибо и они слѣдуютъ за нею. Когда вода стремится сперва къ одной, потомъ къ другой земной оконечности; тогда, какъ дышущіе всегда выдыхаютъ и вдыхаютъ въ себя потокъ воздуха, такъ и тамъ воздухъ, увлекаемый качаніемъ воды, при входѣ и выходѣ, производитъ ужасные, необоримые вѣтры. Доходя въ своемъ стремленіи до мѣста, называющагося С. нижнимъ, вода разливается по рѣкамъ, текущимъ изнутри земли и наполняетъ ихъ, подобно наливальщикамъ, а убѣгая оттуда и притекая сюда, опять обогащаетъ здѣшніе потоки, которые отъ избытка водъ вливаются и въ каналы, и въ землю, и, достигнувъ до извѣстныхъ мѣстъ по принятому направленію, образуютъ моря, озера, рѣки и источники. Отсюда уже, обращаясь подъ землю, по совершеніи путей—то должайшихъ и большихъ, то кратчайшихъ и меньшихъ, потоки снова изливаются въ тартаръ — одни D. очень низко, въ сравненіи съ истокомъ, другіе не такъ; впрочемъ устья всѣхъ ихъ вообще ниже истока. Притомъ нѣкоторые изъ нихъ вытекаютъ со стороны противоположной своему впаденію, а нѣкоторые съ той же. Есть и такіе, которые, трижды или много разъ обошедши вокругъ земли и обвивши ее змѣеобразно, опускаются до крайней возможной глубины, и потомъ опять вливаются. Возможно же этимъ водамъ достигнуть лишь средоточія земли съ той E. и другой стороны, а далѣе стремиться онѣ не могутъ; потому что вода, откуда бы ни втекала, за средоточіемъ непремѣнно пойдетъ уже вверхъ. Такихъ-то водныхъ потоковъ много -- и великихъ, и различныхъ: но между мно-

гими есть еще четыре особенные. Изъ этихъ четырехъ самый большой и снаружи обтекающей землю есть такъ называемый океанъ. Прямо противъ него, въ противоположномъ направленіи, течетъ Ахеронъ, пробѣгающей по пустыннымъ мѣстамъ, а потомъ уходящей подъ землю и

113. изливающейся въ озеро Ахерусію, куда приходятъ души многихъ умершихъ, и гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются на predetermined время—то должайшее, то кратчайшее, а потомъ посылаются опять въ порожденія животныхъ. Третья рѣка выходитъ среди ихъ и, недалеко отъ истока, вступивъ въ большое пространство, горящее великимъ пламенемъ, образуетъ озеро обширнѣе нашего ¹ моря, кипящее водою и грязью. Оттуда, мутная и грязная,

В. совершаетъ она свой кругъ, обходитъ различныя мѣста и достигаетъ до послѣднихъ предѣловъ Ахерусіи, но не смѣшивается съ нею водъ своихъ. Наконецъ, сдѣлавъ много изворотовъ подъ землею, она изливается въ самыя низкія мѣста тартара. Эту-то рѣку называютъ Пирифлегетономъ, и изъ нея-то огненные потоки, иногда появляющіеся на землѣ, заимствуютъ свое вещество. Прямо противъ нея выходитъ четвертая и направляется сперва въ мѣсто, какъ

С. говорятъ, страшное и дикое. Она имѣетъ вполне цвѣтъ сафира и называется Стигійскою, а озеро, образуемое ею при впаденіи,—Стиксомъ. Впадая въ него и обладая чрезвычайною силою своей воды, она течетъ подъ землю, изворачиваясь, идетъ противъ Пирифлегетона и встрѣчается съ нимъ въ Ахерусіи. Ея вода не смѣшивается также ни съ какою другою, но, совершивъ свой кругъ, вливается въ тартаръ противъ Пирифлегетона. Поэты даютъ ей имя Кодоцита. При такомъ устройствѣ преисподней, умершіе приходятъ на мѣсто, куда cadaго ведетъ духъ, и прежде всего подвергаются суду, кто изъ нихъ жилъ хорошо и свято, кто нѣтъ. Тѣ, которыхъ жизнь оказывается посредствен-

¹ Средиземнаго.

ною, идутъ къ Ахерону и, сѣвъ на колесницы, какія у кого есть, отправляются на нихъ къ озеру. Тамъ они обитаютъ и очищаются и, вытерпѣвъ наказаніе за свои неправды, становятся свободными отъ проступковъ, а за сдѣ- Е. ланное добро по заслугамъ получаютъ награду. Людей же, по великости грѣховъ оказавшихся неисцѣлимыми, либо многократно осквернившихъ себя важными святохищеніями, либо совершившихъ многія неправедныя и незаконныя убійства, либо сдѣлавшихъ что-нибудь иное тому подобное,—этихъ людей судьба, приведши, бросаетъ въ тартаръ, откуда они уже не выходятъ. Но люди, совершившіе грѣхи, хотя и исцѣлимые, однакожь великіе, напримѣръ, въ гнѣвъ сдѣлавшіе насиліе отцу, либо матери, и прожившіе остальную жизнь въ раскаяніи, или понесшіе пятно человеко- 114. убійства какимъ-нибудь другимъ образомъ,—эти люди необходимо-таки низвергаются въ тартаръ; только по прошествіи годичнаго времени ихъ тамъ пребыванія, волна выбрасываетъ человекоубійць въ Коцитъ, а согрѣшившихъ противъ родителей—въ Пирифлегетонъ. И когда они приносятся бывають въ озеро Ахерусію, тогда кричатъ и зовутъ—одни тѣхъ, кого убили, другіе тѣхъ, кого оскорбили; призвавъ же, просятъ и умоляютъ, чтобы они соизволили войти къ нимъ въ озеро и приняли ихъ. И если убѣдятъ, то В. выходятъ и избавляются отъ золь; а когда нѣтъ, — опять уносятся въ тартаръ и изъ тартара снова въ рѣки,—и эти страданія ихъ могутъ прекратиться только по смягченіи обиженныхъ. Такое ужъ наказаніе опредѣлено имъ судіями. Напротивъ люди, по святости жизни, оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ, какъ изъ темницы, прибываютъ въ жилище чистое и обитаютъ С. надъ землею. Впрочемъ и между ними, лишь души, достаточно очистившіяся философією, живутъ вовсе безъ тѣлъ во всю вѣчность и вселяются въ жилища прекраснѣе земныхъ,—въ такія жилища, какія теперь изобразить и не легко и некогда. Такъ вотъ по той-то, сейчасъ нами раскры-

той причинѣ, Симміасъ, надобно употребить всѣ способы, чтобы сдѣлаться въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ:

- D. хороша вѣдь награда и велика надежда. Конечно, утверждать рѣшительно, что все это произойдетъ не иначе, какъ я рассказалъ, человѣку умному не годится: но что, касательно нашихъ душъ и ихъ жилища, будетъ нѣчто такое или тому подобное,—въ то вѣрить, при явномъ безсмертіи души, кажется, и слѣдуетъ, и можно рѣшиться; ибо эта рѣшимость прекрасна, и ею надобно какъ бы обаять себя. Потому-то я и распространился въ рассказѣ объ этомъ мнѣ. А когда такъ, то человѣкъ долженъ быть спокоенъ за
- E. свою душу, если въ жизни онъ распростился съ нѣкоторыми удовольствіями и украшеніями тѣла, будто съ вещами себѣ чуждыми и приносящими больше вредъ. Стараясь искать удовольствія въ познаніи, и украшая душу не чуждыми, но дѣйствительно ей свойственными украшеніями, то-есть, здравомысліемъ, справедливостію, мужествомъ, сво-
115. бодою и истиною, онъ ждетъ путешествія въ преисподнюю и готовъ идти туда по зову судьбы. Вотъ и вы, Симміасъ и Кевисъ, продолжалъ онъ, и всѣ другіе, какъ-нибудь и когда-нибудь отойдете: а меня теперь же зоветъ судьба, сказалъ бы трагикъ, и мнѣ почти пора уже приступить къ омовенію; ибо выпить ядъ, кажется, лучше, вымывшись, чтобы не доводить женщинъ до труда омыwać умершаго.

Когда онъ сказалъ это, Критонъ примолвилъ: пусть в. такъ, Сократъ; но что поручишь ты имъ или мнѣ касательно своихъ дѣтей, либо чего другаго? Поручи какое-нибудь дѣло, которое исполнивъ, мы могли бы тѣмъ выразить тебѣ благодарность.—Говорю то же самое, Критонъ, что всегда: ничего новаго, отвѣчалъ онъ. Если вы будете заботиться о себѣ, то что бы ни сдѣлали, сдѣлаете добро и для меня, и для моихъ, и для васъ самихъ, хотя бы теперь и не обѣщались: а когда вознедрите о себѣ и не захотите жить по сказаннымъ нынѣ и въ прежнее время словамъ моимъ, — будто ходить по

проложенной стезѣ; то, хотя бы теперь многое и съ увѣ- С.
ренностію общали, ничего не сдѣлаете.—Мы вѣрно бу-
демъ такъ поступать, продолжалъ Критонъ: но какимъ
образомъ похоронить тебя? — Какимъ вамъ угодно, если
только схватите меня, и я не убѣгу отъ васъ. Тутъ слегка
засмѣявшись и взглянувъ на насъ, онъ сказалъ: не вѣ-
рить мнѣ Критонъ, друзья, что настоящій Сократъ—тотъ,
который теперь разговариваетъ и поставляетъ въ порядокъ
каждое свое слово, а не тотъ, котораго онъ скоро уви-
дитъ мертвымъ, и спрашиваетъ, какъ меня похоронить. D.
Видно, говоря такъ долго, что, выпивши ядъ, я не оста-
нусь съ вами, но отожду въ счастливой жизни блажен-
ныхъ,—видно, эти мои слова, по его мнѣнію, сказаны
были только для утѣшенія васъ и меня. Дайте же за
меня Критону ручательство, противное тому, какое онъ
далъ моимъ судьямъ. Онъ поручился, что я останусь, а
вы поручитесь, что послѣ смерти не останусь, но уйду:
тогда ему будетъ легче перенести это; тогда, видя мое E.
тѣло сожигаемымъ или загапываемымъ, онъ устыдится
своей скорби, какъ будто я потерпѣлъ нѣчто жестокое,
и при погребеніи не скажетъ, что кладетъ, выносить и
погребаютъ Сократа. Да, знай, добрый Критонъ, продол-
жалъ Сократъ, что нехорошее объ этомъ слово не только
унизительно для самаго дѣла, но и вредно для душъ.
Нѣтъ, надобно быть спокойнымъ и говорить, что ты погре-
баешь мое тѣло; и погребай, какъ тебѣ угодно, особенно 116.
же какъ думаешь совершить это согласнѣе съ закономъ.

Сказавъ такимъ образомъ, онъ всталъ и пошелъ въ
другую комнату мыться. Критонъ послѣдовалъ за нимъ,
а намъ приказано остаться. Оставшись, мы разговарива-
ли между собою о сказанномъ, возобновляли въ памяти
бывшее разсужденіе и наконецъ, пришедши къ мысли о
предстоявшемъ намъ несчастіи, живо вообразили себѣ,
что, лишившись Сократа, будто отца, мы въ дальнѣйшей
своей жизни будемъ сиротами. Едва онъ омылся, какъ B.

принесли къ нему дѣтей,—у него было два маленьких сына. да одинъ большой, — и пришли домашнія женщины ¹. Поговоривъ съ ними въ присутствіи Критона и давъ имъ наставленіе, какое хотѣлъ, онъ приказалъ удалиться и женщинамъ, и дѣтямъ, а самъ вошелъ къ намъ. Между тѣмъ приближалось захожденіе солнца; ибо онъ долго оставался во внутренней комнатѣ. Вошедши, онъ сълъ омытый, и тутъ уже разговаривалъ немного. Потомъ пришелъ приставъ одиннадцати судей и, ставъ предъ нимъ, С. сказалъ: Сократъ! на тебя конечно я не буду жаловаться, какъ жалуюсь на другихъ, которые бранятъ меня и проклинаютъ, когда я, по приказанію судей, объявляю имъ, что надобно выпить ядъ. Въ продолженіи этого времени я и вообще узналъ тебя, какъ человѣка благороднѣйшаго, кротчайшаго и добрѣйшаго изъ всѣхъ, какіе когда-нибудь сюда приходили, а теперь еще яснѣе вижу, что ты будешь досадовать не на меня,—ибо знаешь виноватыхъ, — а на нихъ. Итакъ ты конечно догадываешься, съ какою вѣстію я пришелъ къ тебѣ: будь счастливъ и постарайся Д. подвергнуться необходимости. При этихъ словахъ онъ заплакалъ и, повернувшись, ушелъ. А Сократъ, взглянувъ на него, сказалъ: будь счастливъ и ты, и мы тоже будемъ. Потомъ, обратившись, примолвилъ: какой обходительный человѣкъ! онъ во все это время прихаживалъ ко мнѣ и иногда разговаривалъ; человѣкъ очень добрый! вотъ и теперь искренно оплакиваетъ меня. Ну-ка послушаемся его, Критонъ: пусть кто-нибудь принесетъ ядъ, если онъ стертъ; а если нѣтъ, то пусть сотрутъ ². — Но я думаю, Сократъ, сказалъ Критонъ, что Е. на вершинахъ горъ солнце еще свѣтитъ, не закатилось.

¹ Нѣкоторые критики, основываясь на этомъ мѣстѣ, не въ шутку доказывали, что у Сократа было двѣ жены: Ксантиппа и Миртона. Они подтверждали свое мнѣніе значеніемъ слова *γυναῖκες*, будто бы, то-есть, оно означаетъ не женщину, а жену: — явная ложь. Притомъ здѣсь упоминаются не *αἰθροὶ γυναῖκες*, а *οἰκίαι γυναῖκες*, то-есть домашнія женщины.

² Ядъ добывается былъ изъ сѣмянъ цикуты, которыя для этого растизались и давали убійственный сокъ.

Притомъ знаю, что другіе, по выслушаніи объявленія, выпивали ядъ очень поздно, ибо много ѣли и долго пиروвали; а иные даже удовлетворяли сладострастнымъ своимъ пожеланіямъ съ бывшими у нихъ любезными. Такъ не спѣши,— время еще позволяетъ. —Тѣ, о которыхъ ты говоришь, Критонъ, сказалъ Сократъ, по крайней мѣрѣ не безъ причины такъ поступали; въ этихъ дѣйствіяхъ они думали найти свою пользу: напротивъ я не имѣю причины поступить такимъ образомъ; потому что, принявъ ядъ нѣсколько позднѣе, ничего не выиграю, а только буду смѣшонъ самому себѣ, то-есть, буду привязываться къ жизни и беречь ее, когда она для меня ничто. Такъ послушайся же, сдѣлай, что я говорю.—Выслушавъ это, Критонъ далъ знакъ близъ стоявшему мальчику. Мальчикъ вышелъ и черезъ нѣсколько времени возвратился, ведя за собою челоуѣка, долженствовавшего дать ядъ и державшаго къ рукѣ чашу. Увидѣвъ его, Сократъ сказалъ: хорошо, добрый челоуѣкъ; что же мнѣ надобно дѣлать? ты вѣдь знатокъ этого.—Болѣе ничего, отвѣчалъ онъ, какъ вышить и ходить, пока не почувствуешь тяжести въ ногахъ; потомъ В. лечь: такъ и будетъ дѣйствіе,—и тутъ же подаль Сократу чашу. Сократъ принялъ ее съ видомъ чрезвычайно спокойнымъ, безъ трепета, не измѣнившись ни въ цвѣтѣ, ни въ лицѣ; только, по обыкновенію, взглянувъ изподлобья на этого челоуѣка, спросилъ: что ты скажешь? сдѣлать бы отъ этого напитка кому-нибудь возліаніе; можно или нѣтъ?—Мы столько стерли, Сократъ, сколько надобно выпить, отвѣчалъ онъ.—Понимаю, примолвилъ Сократъ; по С. краей мѣрѣ вѣдь молить боговъ о благополучномъ переселеніи отсюда туда и позволительно и должно: такъ вотъ я и молюсь, чтобы такъ было. Сказавъ это, онъ въ ту же минуту поднесъ чашу къ устамъ и безъ всякаго принужденія, весьма легко выпилъ ее. До этой минуты многіе изъ насъ имѣли довольно силы удерживаться отъ слезъ; но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ и выпилъ, то уже

нѣтъ: даже у меня самаго насильно и ручьями полились слезы; такъ что я закрылся плащемъ и оплакивалъ свою участь, — да, именно свою, а не его, потому что лишался такого друга. Что же касается до Критона, то, не могли удержать слезъ, онъ всталъ еще прежде меня. А Аполлдоръ и прежде не переставалъ плакать; но тутъ уже зарыдалъ, завопилъ и такъ терзался, что никто изъ присутствовавшихъ, кромѣ одного Сократа, не могъ не сокрушаться его страданіями. — Что вы дѣлаете, странные люди? сказалъ онъ. Я для того между прочимъ отослалъ женщинъ, чтобы онѣ не произвели чего-нибудь подобнаго; ибо Е. слышалъ, что умирать надобно съ добрымъ словомъ. Пожалуйста успокойтесь и удержитесь. — Услышавъ это, мы устыдились и удержали слезы; а онъ ходилъ и, почувствовавъ, что его ноги отяжелѣли, легъ навзничъ, — такъ приказалъ тотъ человекъ. Вскоръ онъ же, давшій ядъ, оцупывая Сократа, по временамъ наблюдалъ его ноги и голени и наконецъ, сильно подавивши ногу, спросилъ: чувствуешь ли? — Нѣтъ, отвѣчалъ Сократъ. — Вслѣдъ за этимъ оцупывалъ онъ бедра и, такимъ образомъ восходя выше, показывалъ намъ, какъ онъ постепенно холодѣетъ и окостенѣваетъ. Сократъ осязалъ и самъ себя и примолвилъ, что когда дойдетъ ему до сердца, — онъ отойдетъ. Между тѣмъ всѣ нижнія части тѣла его уже охолодѣли; тогда, раскрывшись (ибо былъ покрытъ), онъ сказалъ (это были послѣднія слова его): Критонъ! мы должны Асклепію пѣтухомъ; не забудьте же отдать. — Хорошо, сдѣлаемъ, отвѣчалъ Критонъ; но смотри, не прикажешь ли чего другаго? — На эти слова уже не было отвѣта; только, немного спустя, онъ вздрогнулъ, и тотъ человекъ открылъ его: уста и глаза остановились. Видя это, Критонъ закрылъ ихъ.

Таковъ былъ конецъ нашего друга, Эхекратъ, — человекъ, можно сказать, самаго лучшаго, какъ между извѣстными намъ его современниками, такъ и вообще мудрѣйшаго и справедливаго.

М Е Н О Н Ъ.

М Е Н О Н Ъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Главная тема Менона ничѣмъ не отличается отъ вопроса, разрѣшаемаго въ Протагорѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ предметъ изслѣдованія—добродѣтель, то-есть, изучается ли она, или получается отъ природы. Поэтому вѣроятно покажется страннымъ, что я не поставилъ Менона въ непосредственную связь съ Протагоромъ, или по крайней мѣрѣ Эвтидемомъ, но между этими разговорами помѣстилъ Лахеса, Хармида, Эвтифрона и проч., въ которыхъ разсматриваются только виды добродѣтели. Вотъ мое основаніе: въ Протагорѣ Платонъ не высказалъ послѣдняго результата, откуда и какимъ образомъ пріобрѣтается добродѣтель; цѣль его тамъ была—не научить, а обличить софиста въ незнаніи того самаго предмета, по отношенію къ которому онъ почиталъ себя мудрецомъ и лучшимъ изъ всѣхъ преподавателемъ. Въ томъ же namъреніи изложенъ разговоръ Сократа съ Лахесомъ и Никіасомъ о мужествѣ, съ Хармидомъ и Критіасомъ—о разсудительности, съ Эвтифрономъ—о святости, съ Иппіасомъ—о справедливости. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ не видно прямого указанія на положительную мысль сына Софронискова: къ ней ведутъ только намеки; ее обличаетъ только умозаключеніе. Напротивъ въ Менонѣ, послѣ долговременной борьбы съ ученикомъ Горгіаса, и по опроверженіи софистическихъ его понятій о

о существѣ и происхожденіи добродѣтели, Сократъ довольно опредѣленно высказываетъ и собственную свою мысль о ней. Посему на Менона должно смотрѣть, какъ на заключеніе Сократовой иеики, какъ на окончательное раскрытіе нравственности, которую аѳинскій мудрецъ столь неутомимо преподавалъ своимъ соотечественникамъ. Притомъ нельзя не замѣтить, что въ Менонѣ къ ученію Сократа Платонъ уже привилъ нѣсколько и своихъ собственныхъ идей, которыми этотъ разговоръ поставляется въ отношеніе къ Федону, Федру, Горгіасу и Теэтету. Такъ напримѣръ, ученіе о познаніи въ смыслѣ припоминанія вещей, которыя душа видѣла въ до-мірномъ своемъ существованіи, очевидно объясняется исторією человѣческаго духа, миѳически изложенною въ Федрѣ; а математическія понятія о фигурѣ, физиологическіе толки Эмпедокла о чувственныхъ представленіяхъ, и мысль о правильномъ мнѣніи, указываютъ на основанія въ Теэтетѣ и Горгіасѣ. Впрочемъ общее всегда позволительно предпочитать частному: общая тема Менона даетъ ему большее право на связь съ Протагоромъ, нежели нѣкоторыя частныя мысли — на сближеніе съ этими послѣдними разговорами.

Приступая къ разбору этого сочиненія, мы прежде всего видимъ, что въ немъ нѣтъ обыкновеннаго въ Платоновыхъ разговорахъ вступленія, въ которомъ нашъ философъ драматически излагаетъ всѣ обстоятельства, предуготовляющія къ изслѣдованію извѣстнаго предмета. Здѣсь бесѣда начинается вдругъ вопросомъ: «скажи мнѣ, Сократъ, можно ли изучать добродѣтель? или она не изучается, а пріобрѣтается подвигами? или—и не изучается и не пріобрѣтается подвигами, а получается отъ природы?» Такое нечаянное, не приготовленное начало заставляло нѣкоторыхъ критиковъ сомнѣваться въ подлинности Менона. Это сомнѣніе, по видимому, тѣмъ основательнѣе, чѣмъ нужнѣе было бы здѣсь вступленіе. Потребность его становится ощутительною особенно въ томъ случаѣ, когда Сократъ вдругъ обращается къ новому собесѣднику, Аниту, о присутствіи, или прибытіи котораго

прежде было вовсе неизвѣстно, если не на это указывается словами: *εις καλον ημιν Αυτος οδε παρεκαθεζετο*. Но одного недостатка драматическаго вступленія, по нашему мнѣнію, еще нельзя почитать признакомъ подложности разговора—во-первыхъ потому, что и другія нѣкоторыя бесѣды Платона, въ подлинности которыхъ никто не сомнѣвался, оставлены также безъ вступленій, каковы, на примѣръ, Кратиль и Филебъ; во-вторыхъ потому, что недостатокъ приступа можетъ только приводить къ вопросу, вполне ли извѣстный разговоръ дошелъ до насъ, не былъ ли онъ отрывкомъ иного, болѣе обширнаго сочиненія, которое впоследствии потерялось, или, не входилъ ли онъ въ какую-нибудь тетралогію Платоновыхъ разговоровъ.

Сомнѣвались также и касательно главной темы Менона: спрашивали, что именно изслѣдывается въ немъ,—то ли, какъ надобно понимать добродѣтель, или то, какимъ образомъ она пріобрѣтается? Это недоумѣніе основывалось на самомъ ходѣ разсматриваемой бесѣды. Она естественно дѣлится на четыре части.

Первая часть начинается вопросомъ Менона: можно ли изучать добродѣтель, или надобно почитать ее даромъ природы? А такъ какъ, для рѣшенія его, по замѣчанію Сократа, нужно напередъ знать, что должно разумѣть подъ именемъ добродѣтели; то Менонъ старается опредѣлить ее, и однакожь никакъ не можетъ всѣ виды ея подвести подъ одинъ родъ. Вотъ его опредѣленія:

- а. Всякому возрасту, полу и состоянію прилична своя добродѣтель; а потому понятія о добродѣтели относительно различны: но Сократъ требуетъ одного общаго. 70—73.
- б. Добродѣтель есть умѣнье управлять людьми: но Сократъ замѣчаетъ, что дѣти и рабы повтому не могутъ быть добродѣтельны. Притомъ, чтобы умѣнье управлять было добродѣтелию, надобно представлять себѣ управленіе справедливое; а справедливость есть только часть добродѣтели. 74—76.

с. Быть добродѣтельнымъ значить—радоваться хорошему и имѣть для него способность: но Сократъ доказываетъ, что всякій радуется хорошему, хотя бы кто находилъ хорошее въ дѣятельности совершенно злой; а потому людей злыхъ нѣтъ,—всѣ добрые. Притомъ радоваться хорошему можно справедливо или несправедливо, разумительно или неразумительно; а это значить—имѣть дѣло не съ добродѣтелію, но съ частію добродѣтели. 77—79. Послѣ этого Менонъ прибѣгаетъ подъ защиту извѣстнаго въ древности софизма, что опредѣлять нельзя ни того, что знаешь, ни того, чего не знаешь.

Во второй части Сократъ доказываетъ Менону, что неизвѣстное общее можно опредѣлять посредствомъ предварительнаго возбужденія частныхъ познаній (*ἐνῆσαν αὐτῶν αἱ δόξαι*); потому что всякое познаніе есть не болѣе, какъ припоминаніе вещей, видѣнныхъ душою во время до-мірнаго ея существованія. Это доказательство производится посредствомъ возбужденія геометрическихъ понятій въ мальчикѣ, который никогда не учился геометріи. 80 — 86.

Въ третьей части Сократъ, на принятой мысли, что общее понятіе о добродѣтели, какъ припоминаніе, для человѣка возможно, хочетъ изслѣдовать вмѣстѣ съ Менономъ, какъ надобно понимать добродѣтель: но ученикъ Горгіаса требуетъ рѣшенія прежняго вопроса и, вмѣсто необходимаго въ этомъ случаѣ основанія, соглашается допустить только предположеніе, что добродѣтель есть знаніе. Изъ этого предположенія очевидно вытекаетъ ея изучимость⁴: но Сократъ опровергаетъ слѣдствіе тѣмъ, что нѣтъ учителей добродѣтели; такъ что наконецъ добродѣтель представляется и не даромъ природы, поколику она есть знаніе, и не плодомъ науки,

⁴ Считаемо нужнымъ замѣтить, что выводъ изучимость добродѣтели изъ понятія о ней, какъ о знаніи, Сократъ отнюдь не излагаетъ собственнаго мнѣнія, а приспособляется къ убѣжденію софистовъ, и дѣлаетъ это для того, чтобы на ихъ же основаніяхъ показать независимость добродѣтели отъ природы.

поколикѣ ни одинъ добродѣтельный человѣкъ не въ силахъ передать ее другому. 87—96.

Въ четвертой части Сократъ находитъ другое предположеніе для рѣшенія Меноновой задачи. Добродѣтель, говоритъ онъ, есть не только знаніе, но и справедливое мнѣніе; потому что послѣднее точно такъ же руководствуетъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ, какъ и первое. Но знаніе, само по себѣ, не даетъ добродѣтели; а справедливое мнѣніе, припоминаемое душою (85. С), само по себѣ походитъ на прорицаніе мужей богодухновенныхъ, которые говорятъ много истиннаго, не зная того, что говорятъ. Посему добродѣтель и не изучается, и не есть даръ природы, а посылается отъ Бога. Вотъ что вытекаетъ изъ настоящихъ основаній! заключаетъ Сократъ: но ясно мы узнаемъ это тогда, когда оснуемъ свою мысль о происхожденіи добродѣтели не на предполагаемомъ понятіи о ней, а на изслѣдованіи сущности ея. 97—100.

Изъ такого хода разговора ясно открывається, что метода его изложенія—аналитическая; то-есть, Платонъ старается рѣшить предложенный вопросъ на основаніи вѣрнаго понятія объ изслѣдываемомъ предметѣ. Посему критики, доказывавшіе, что въ Менонѣ главное вниманіе писателя обращено было на опредѣленіе добродѣтели,—очевидно принимали основаніе за слѣдствіе и давали особенный вѣсъ не тому, для чего что изслѣдывается, а тому, о чемъ большею частію говорится.

Изъ такой ошибки сама собою проистекла и другая: Арнольдъ и Штальбомъ доказываютъ, что слово Платона о добродѣтели, какъ даръ Божию, надобно принимать въ смыслѣ ироническомъ, и что послѣдняго результата, что такое добродѣтель, Платонъ въ своемъ Менонѣ не высказалъ; а Астъ, испугавшись мысли Сократа о божественномъ ея происхожденіи, и думая, будто сынъ Софрониска противорѣчить этому положенію въ Протагорѣ, равно какъ показаніямъ Ксенофонта и Аристотеля, относитъ Менона къ числу сочиненій подложныхъ.

Мы имѣемъ причины не допускать ни того, ни другаго

заключенія. И во-первыхъ, изъ представленія истинно добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ политиками по одному правильно-му мнѣнію, Сократъ такъ прямо и опредѣленно выводитъ слѣдствіе, что добродѣтель достается людямъ *Ἐπεὶ μοίρα, ἀνευ νοῦ*, что тутъ не можетъ быть мѣста ироніи. Платонъ допускалъ добродѣтели юридическія и, для совершенія ихъ, признавалъ достаточными законы отечества, образованіе, науку; но подъ этимъ отнюдь не разумѣлъ онъ добродѣтели нравственной, тождественной съ мудростію: первыя онъ почиталъ только полезными, послѣднюю—добромъ, и обыкновенно заключалъ, что все доброе полезно, но не все полезное—добро. И такъ, если политикъ производитъ истинное добро, если онъ въ самомъ дѣлѣ мудрецъ; то своимъ добромъ обязанъ и не природѣ, и не наукѣ, а внушенію Божію. Эта самая мысль повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, напримѣръ, въ Политикѣ (р. 309. С): «истинно и непреложно мнѣніе, что прекрасное, справедливое и доброе, входя въ души, въ родѣ, причастномъ Божеству, бываетъ божественнымъ;» и въ Государствѣ (р. 493 А): «надобно твердо помнить, что кто соблюдалъ себя и остался, какимъ должно, въ подобномъ состояніи общества; тотъ успѣлъ въ этомъ по жребію божественному.» Положеніе, что въ Менонѣ Сократъ не иронически, а серьезно производитъ добродѣтель отъ Бога, весьма сильно поддерживается также Фюллеборномъ¹, Фишеромъ², и Тидеманомъ³.

Но что сказать противъ основаній Аста? — только то, что онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ⁴, неправильно понимаетъ значеніе разумности (*φρόνησις*), поколику Сократъ разумѣетъ подъ нимъ добродѣтель. Въ введеніи къ

¹ Symbolae ad histor. phil. P. X. p. 143 sqq.

² Ad Aeschin. Socrat. p. 21.

³ Argumenta diall. Plat. p. 129.

⁴ Брандисъ (Musei Rhenani vol. 1. p. 131) говоритъ: tugendhaft handelt, nach Socrates Lehre, wer mit deutlichem zum Begriff gesteigerten Bewusstsein von der Sittlichkeit und Pflicht und mit Einsicht handelt. На какихъ словахъ Сократа или Платона опирается это, по всему нѣмецкое умствованіе?

Протагору было уже доказано, что, по мнѣнію Сократа, добродѣтель нравственная отнюдь не есть нѣчто изучимое, слѣдовательно не есть и знаніе (*ἐπιστήμη*). Поэтому въ Менонѣ, производя ее отъ Бога, Платонъ нисколько не противорѣчитъ Сократову убѣжденію, наменнутому въ Протагорѣ. Асть ссылается на Ксенофонта (*Mem. Socr. III. 9*): но въ этомъ мѣстѣ говорится, что и справедливость, и всякую другую добродѣтель, Сократъ почиталъ мудростію (*σοφία*), и кто не имѣетъ мудрости, тотъ не умѣетъ совершить ничего добраго и похвальнаго. Но что такое мудрость, по смыслу Сократа? «Мудрость, говоритъ онъ, есть знаніе наилучшаго» (*ἡ τοῦ βελτίστου ἐπιστήμη. Alcib. 145. C*); «имя мудрости, мнѣ кажется, есть имя великое, приличествующее одному Богу» (*τὸ μὲν σοφὸν καλεῖν ἔμογε μέγα εἶναι δοκεῖ καὶ θεῶν μόνῳ πρέπειν. Phaedr. 278. D*); «мудрствуетъ тотъ, кто познаетъ самаго себя» (*τὸ ἑαυτὸν γινώσκειν, ἐστὶ σωφρονεῖν. Amat. 138. A*). Эти выраженія показываютъ, что знаніе, въ смыслѣ мудрости или добродѣтели, по мнѣнію Сократа, не есть теоретическое развитіе ума, обогащающее его различными познаніями ¹, а есть гармоническое и сознательное направленіе всѣхъ силъ души,—ума, чувства и воли, къ высочайшей цѣли, которая отразилась въ человѣческомъ существѣ чѣмъ-то божественнымъ, и которая проявляется истинно добрыми дѣлами, или добродѣтелію (*φρόνησις*).

Отсюда становятся понятны условія, требуемыя греческою нѣжкою для совершенія добродѣтели, и указываемыя въ самомъ началѣ Менона,—то-есть, природа, ученіе, подвигъ, *φύσει παρασκευόμενον, διδακτόν, ἀσκητόν*, или, по Аристотелю (*Polit. VII. 13. с. 12*), *φύσις, λόγος, ἔθος*, иначе: *φύσις, μάθησις, ἀσκησις* ². Софистъ спрашиваетъ Сократа: которое изъ этихъ условій нужно, чтобы произошла добродѣтель?—Сократъ въ концѣ

¹ Эту именно мысль выражаетъ Сократъ, говоря: «а что исполнять правильно дѣла своя нельзя тому, кто неблагоуразуменъ,—на это мы, по видимому, напрасно согласились.»

² Сравн. *Хенорф. Mem. Socr. II. 6. 39. III. 9. 1. 2. 3. IV. 1. 3. 4. IV. 22. Diog. Laert. V. 18.*

разговора выводитъ заключеніе, что ни одво изъ нихъ само по себѣ не достаточно для этой цѣли, что добродѣтель дается Богомъ, что знаніе (*ἐπιστήμη*) и справедливое мнѣніе (*ἐπιεικεία*) тогда только могутъ руководствовать къ ней, когда будутъ соединяемы размышленіемъ (*λογισμῶν*), то-есть, когда справедливое мнѣніе, безотчетно припоминаемое душою, сочетается съ знаніемъ, или войдетъ въ сознаніе. Поэтому Сократовы условія добродѣтели суть—знаніе, справедливое мнѣніе и размышленіе, и послѣднее, какъ союзъ двухъ первыхъ, развивается только въ области философіи.

Изъ этого понятна и цѣль разсматриваемаго разговора. Платонъ вводитъ въ собесѣдованіе съ Сократомъ двухъ мужей, пользовавшихся извѣстностію. Одинъ изъ нихъ, Менонъ Тессалиецъ, другъ Аристиппа и ученикъ Горгіаса, слѣдовательно чело­вѣкъ на­питанный началами ученія софистическаго: а если предположимъ, что о немъ именно говорится въ Отступленіи Ксенофоновомъ; то къ личнымъ его свойствамъ придадимъ еще и безпокойный характеръ. Другой, Анитъ Аѳинянинъ, имѣвшій значительное вліяніе на своихъ согражданъ, какъ политикъ. По свидѣтельству Атенея и Діогена Лаерція, онъ былъ тотъ самый, который, вмѣстѣ съ Мелитомъ и Ликономъ, обвинялъ Сократа предъ народомъ и судьями. Каждый изъ этихъ собесѣдниковъ понималъ добродѣтель согласно съ духомъ своего сословія: Менонъ, какъ плодъ науки, знаніе или умѣнье бороться и ладить съ чело­вѣческими страстями; Анитъ, какъ силу, или значимость въ обществѣ, основывающуюся на юридической расчитанности дѣйствій и обнаруживающуюся участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но какъ то, такъ и другое понятіе о добродѣтели было далеко ниже истиннаго ея значенія и, распространиаясь между людьми, портило ихъ нравы. Поэтому Платонъ въ своемъ Менонѣ имѣлъ цѣлю показать — во-первыхъ превратность софистическихъ понятій о добродѣтели, во-вторыхъ невѣжество и слѣпоту политиковъ даже въ такихъ поступкахъ, которые, по отношенію къ обществу, оказыва-

ются добрыми, и наконецъ зависимость истинной добродѣтели отъ Бога и способъ приближаться къ ней посредствомъ философскаго размышленія.

Остается по возможности опредѣлить время, въ которое Менонъ могъ быть написанъ. Признаками для этого отчасти служатъ: выраженное въ разговорѣ непріязненное отношеніе Анита къ Сократу, угроза перваго послѣднему и упоминаніе о недавней, по видимому, смерти Протагора. Анитъ представляется въ разговорѣ оскорбившимся, когда Сократъ примѣрами знаменитѣйшихъ мужей Греціи доказалъ неизучимость добродѣтели, то-есть безсиліе ихъ передать свою добродѣтель дѣтямъ. Изъ этого видно, что будущій обвинитель Сократа уже считалъ себя между людьми, въ республикѣ значительными, что случилось незадолго до доноса, сдѣланнаго Мелитомъ на сына Софронискова. Слова Анита: «можетъ быть и въ другомъ родѣ легче бываетъ дѣлать людямъ зло, чѣмъ добро, а здѣсь и того болѣе; ты самъ, думаю, знаешь это» — какъ будто указываютъ на Сократовыхъ злоумышленниковъ, даже едва ли не на самаго Мелита. Но съ другой стороны, Сократъ говоритъ съ Анитомъ такъ спокойно и учтиво, что въ послѣднемъ никакъ нельзя видѣть явнаго уже врага его. Все это заставляетъ думать, что Менонъ написанъ или незадолго до Мелитова доноса, или вскорѣ послѣ того. А такъ какъ Сократъ умеръ въ 1, 95 олимп.; то Менонъ могъ выйти въ свѣтъ не позднѣе половины 94 и не ранѣе 2, 92 олимп.; потому что къ этому году относится смерть Протагора, о которой въ разговорѣ упоминается, какъ о событіи прошедшемъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ, МЕНОНЪ, АНИТЬ И СЛУГА МЕНОНА.

70 *Менонъ.* Скажи мнѣ, Сократъ, можно ли изучать добродѣтель, или она не изучается, а пріобрѣтается подвигами? или и не изучается, и не пріобрѣтается подвигами, а получается отъ природы, либо достается какъ иначе?

Сократъ. Менонъ! Тессалійцы прежде славились и удивляли Грековъ верховою ѣздою и богатствомъ, а теперь, какъ видно, славятся и мудростію; теперь жители Лариссы не хуже твоего друга Аристиппа. Этимъ вы обязаны Горгіасу. Пріѣхавъ въ вашъ городъ ¹, онъ нашелъ себѣ любителей мудрости въ знаменитѣйшихъ лицахъ изъ дома Алевадовъ, къ которому принадлежитъ другъ твой Аристиппъ, и въ иныхъ Тессалійцахъ. Черезъ него-то въ самомъ дѣлѣ вошло у васъ въ привычку на всѣ вопросы отвѣчать безбоязненно

¹ То-есть въ Лариссу, которая въ то время была мѣстопробываніемъ Алевадовъ. *Wachsmuth. Antiquitt. Hellen. T. II. vol. 1. p. 106. sq.* О фамиліи Алевадовъ писали многіе. *Valkenar. ad Herod. VII. 6. Boeckh. ad Pind. Pyth. X. p. 331. Meineck. commentt. Miscell. fasc. 1. c. 5.* и проч. Изслѣдованія ихъ показываютъ, что Алевады славились покровительствомъ наукамъ и искусствамъ, а особенно честили Горгіаса. Къ дому ихъ принадлежалъ и Аристиппъ, другъ Менона,—только не Киринейскій, бывшій ученикомъ Сократовымъ, а скорѣе тотъ, котораго Ксенофонтъ (*Anab. I, 1. 10.*) называетъ другомъ Кира Младшаго, и который на помощь ему, во время внутреннихъ безпокойствъ, отправилъ четыре тысячи наемнаго войска. Съ домою Алевадовъ едва ли не былъ въ родствѣ и Менонъ, сынъ Алексидема (р. 76 Е), гость Анига (р. 90 В. 92. D).

и свысока, какъ прилично людямъ знающимъ; да и самъ онъ С. позволяялъ каждому изъ Грековъ спрашивать себя, о чемъ кто хочетъ, и никому не отказывалъ въ отвѣтѣ. Между тѣмъ здѣсь, любезный Менонъ, произошло противное: у насъ случилась какая-то засуха мудрости; мудрость изъ этихъ 71. мѣстъ переселилась едва ли не къ вамъ. Итакъ, если ты кому-нибудь изъ здѣшнихъ захочешь предложить подобный вопросъ; то всякій засмѣется и скажетъ: Иностранецъ! видно я кажусь тебѣ человѣкомъ талантливымъ ¹, который знаетъ, изучается ли добродѣтель, или достается другимъ образомъ; между тѣмъ какъ мнѣ неизвѣстно не только то, изучима она, или нѣтъ, но даже и то, что надобно разумѣть вообще подъ именемъ добродѣтели. Таковъ-то и я, Менонъ; В. и я въ этомъ дѣлѣ раздѣляю бѣдность своихъ согражданъ и обвиняю себя въ незнаніи добродѣтели вообще. А не зная, что такое она, какъ могу знать ея свойства? Развѣ ты думаешь, что незнающій Менона вообще, кто онъ, можетъ знать, хорошъ ли Менонъ, богатъ ли онъ и благороденъ, или имѣетъ противоположныя свойства? Возможно ли это, по твоему мнѣнію?

Мен. По моему, нѣтъ. Но ты, Сократъ, въ самомъ дѣлѣ не знаешь, что такое добродѣтель? А что, если мы скажемъ С. объ этомъ дома ²?

Сокр. Не только объ этомъ, другъ мой, но и о томъ, что мнѣ, кажется, никогда не случалось встрѣчать и другаго, кто зналъ бы это.

Мен. Какъ? Развѣ ты не встрѣчалъ Горгіаса, когда онъ былъ здѣсь?

Сокр. Встрѣчалъ.

Мен. Такъ неужели, думаешь, и онъ не зналъ?

¹ Видно я кажусь тебѣ человекомъ талантливымъ, κενδοπέως σοί δοκῆν μακάριος τις εἶναι. Такъ у Грековъ иногда употреблялось слово μακάριος. Подобнымъ образомъ въ Менексенѣ (р. 249 D.) Аспазія называется μακαρία — по той причинѣ, что могла сочинять прекрасныя рѣчи.

² То-есть, въ Фессалии, нашемъ отечествѣ, гдѣ разумѣютъ тебя, какъ мудреца?

Сокр. Не очень помню, Менонъ, и потому теперь не могу сказать, какъ мнѣ тогда казалось. Можетъ быть, и онъ
 D. зналъ, и тебѣ извѣстны его мысли. Напомни же мнѣ, какъ онъ говорилъ, а не то,—скажи самъ; потому что ваши мнѣнія, вѣроятно, сходны.

Мен. Конечно.

Сокр. Ну такъ мы оставимъ его,—тѣмъ болѣе, что онъ въ отсутствіи. Скажи ты самъ, Менонъ, ради боговъ, чтó называешь добродѣтелию,—скажи не отговариваясь, чтобы мой обманъ вышелъ самымъ счастливымъ, и открылось, что ты и Горгіасъ знаете, между тѣмъ какъ я утверждалъ, будто мнѣ никогда и никого не случилось встрѣтить, кто бы зналъ это.

E. *Мен.* Сказать не трудно, Сократъ. И во-первыхъ, если тебѣ угодно знать о добродѣтели мужчины, то явно, что она есть способность исполнять общественныя должности и, исполняя ихъ, доброхотствовать друзьямъ, вредить врагамъ и смотрѣть, какъ бы не обидѣть самаго себя ¹. А когда ты хочешь опредѣлить добродѣтель женщины; то не трудно разобратъ, что ея дѣло—хорошо править домою, сберегая, чтó въ немъ находится, и слушаясь мужа. Такимъ же образомъ иная добродѣтель бываетъ дитяти, какъ мальчика, такъ и дѣвочки, иная — старика, иная, если хочешь, добродѣтель
 72. свободнаго, и иная—раба. Есть множество и другихъ добродѣтелей; такъ что ты не затруднишься сказать, что такое добродѣтель; ибо, по различію занятій и возрастовъ, у каждаго изъ насъ и для всякаго дѣла она — особая. Такъ я думаю, Сократъ, и о злѣ.

¹ Дѣлать добродѣтель на виды, или разсматривать относительно, значить, ниводить ее на степень добродѣтелей юридическихъ. О такихъ-то добродѣтеляхъ говорятъ здѣсь Менонъ. Впрочемъ и политическое общество, управляющееся мудрыми законами, не только не признаетъ добродѣтелию самоуправства, или стремленія вредить врагамъ, но еще наказываетъ за подобныя поступки. Изъ этого видно, какъ бессильно было гражданское законодательство во времена Горгіаса и подобныхъ ему соеистовъ, внушавшихъ публично неуваженіе къ отечественнымъ постановленіямъ.

Сокр. Видно же я очень счастливъ, Менонъ, когда, ища одной добродѣтели, нашелъ ихъ у тебя въ запасѣ цѣлый рой. Однакожь, еслибы мнѣ вздумалось, выдерживая это самое подобіе роя, спросить тебя о природѣ пчелы, что такое она, **В.** а ты сказалъ бы, что ихъ много и онѣ разнообразны; то какой бы далъ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: въ томъ ли отношеніи ты приписываешь пчеламъ многочисленность, разнообразіе и взаимное различіе, что онѣ пчелы? или различіе ихъ зависитъ не отъ этого, а отъ чего-нибудь иного, напри- мѣръ, отъ красоты, величины и другихъ подобныхъ свойствъ? Скажи, какъ отвѣчалъ бы ты на это?

Мен. Я отвѣчалъ бы, что онѣ, какъ пчелы, ничѣмъ не отличаются одна отъ другой.

Сокр. Но еслибы потомъ я спросилъ тебя: скажи же **С.** мнѣ, Менонъ, то самое, чѣмъ пчелы не отличаются одна отъ другой, или въ чемъ всѣ онѣ—одно и то же? Могъ ли бы ты какъ-нибудь отвѣчать мнѣ?

Мен. Могъ бы.

Сокр. Вотъ такъ-то и о добродѣтеляхъ: хотя ихъ много, и онѣ разнообразны, однакожь всѣ составляютъ, конечно, одинъ родъ, по которому называются добродѣтелями, и на который хорошо бы смотрѣть тому, кто своимъ отвѣтомъ на вопросъ хочетъ опредѣлить существо добродѣтели. Или ты не понимаешь, о чемъ я говорю?

Мен. Кажется, понимаю; впрочемъ вопросъ твой все еще **Д.** не такъ для меня ясенъ, какъ бы мнѣ хотѣлось.

Сокр. Но только ли добродѣтель, Менонъ, ты считаешь—иною у мужчины, иною у женщины и иною у другихъ, или такимъ же образомъ думаешь и о здоровьѣ, и о величинѣ, и о силѣ? То-есть, иное ли, по твоему мнѣнію, здоровье у мужчины, а иное у женщины? или, по роду, оно вездѣ то же самое—и у женщины, и у всѣхъ, лишь бы только было здо- ровье?

Мен. Мнѣ кажется, здоровье—одно и у мужчины, и у женщины.

Е. *Сокр.* Слѣдовательно—и величина и сила? То-есть, если женщина сильна; то она сильна тѣмъ же самымъ родомъ, тою же самою силою? А когда я говорю: тою же самою силою; тогда силу, въ смыслѣ силы, нахожу безразличною, мужчинѣ ли она принадлежитъ, или женщинѣ. Но тебѣ кажется она чѣмъ-то различнымъ?

Мен. Нѣтъ.

73. *Сокр.* А добродѣтель, въ смыслѣ добродѣтели, различается ли чѣмъ-нибудь, — дитяти ли она принадлежитъ или старику, женщинѣ или мужчинѣ?

Мен. Мнѣ какъ-то представляется, Сократъ, что добродѣтель не походитъ на все это.

Сокр. Однакожь, не говорилъ ли ты, что хорошо управлять городомъ есть добродѣтель мужчины, а домою—добродѣтель женщины?

Мен. Говорилъ.

Сокр. Но тотъ можетъ ли править городомъ, домою, или чѣмъ другимъ—хорошо, кто не умѣетъ править разсудительно и справедливо?

В. *Мен.* Конечно не можетъ.

Сокр. А кто править разсудительно и справедливо, тотъ править разсудительностію и справедливостію?

Мен. Необходимо.

Сокр. Слѣдовательно разсудительность и справедливость равно нужна обоимъ—и мужчинѣ и женщинѣ, если они хотятъ быть добрыми.

Мен. Кажется.

Гокр. Что же далѣе? Дитя и старикъ, положимъ, дерзкіе и несправедливые, могутъ ли быть добрыми?

Мен. Нѣтъ.

Сокр. А разсудительные и справедливые?

Мен. Могутъ.

С. *Сокр.* И такъ всѣ люди добры одинакимъ образомъ, потому что бываютъ добрыми при однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Еслибы, то-есть, добродѣтель ихъ была не одна и та же; то они были бы добры не одинакимъ образомъ?

Мен. Конечно.

Сокр. А когда добродѣтель у всѣхъ одна и та же, — по-старайся сказать и припомнить, что такое она, по мнѣнію Горгіаса и твоему собственному.

Мен. Что другое, какъ не умѣнье управлять людьми, если только ищешь ты чего-то одного во всемъ?

Сокр. Да, ищутъ-таки. Но ужели и дитяти и рабу, Менонъ, свойственна эта самая добродѣтель управлять господиномъ? Не думаешь ли, что и рабъ есть правитель?

Мен. Вовсе не думаю, Сократъ.

Сокр. Да и несообразно было бы, почтеннѣйшій. И то еще смотри: дѣло управленія ты называешь способностію, — не нужно ли присоединить къ этому: управленія справедливаго, а не несправедливаго?

Мен. Конечно нужно, Сократъ; потому что справедливость есть добродѣтель.

Сокр. Но добродѣтель ли она, Менонъ, или нѣкоторая добродѣтель?

Мен. Какъ это?

Сокр. Какъ и другое что-нибудь. Напримѣръ, говоря о круглотѣ, я могъ бы, если угодно, назвать ее нѣкоторою фигурою, а не просто фигурою, и назвалъ бы нѣкоторою — потому, что есть и инныя фигуры.

Мен. Да, ты говоришь вѣрно. Я и самъ допускаю не одну справедливость, но и инныя добродѣтели.

Сокр. Скажи же, какія именно. Вотъ я готовъ перечестъ 74 тебѣ всѣ фигуры, если прикажешь: перечти же и ты мнѣ всѣ добродѣтели.

Мен. По моему мнѣнію, добродѣтели суть: мужество, рассудительность, мудрость, великолѣпіе¹, и множество другихъ.

¹ *Великолѣпіе, μεγαλοπρέπεια* — добродѣтель соеинствова, повидимому, соответствовавшая нашему педагогству, или способность, какъ говорится, бросать

Сокр. Но опять та же бѣда, Менонъ: опять нашлось много добродѣтелей; а искали одной, — только тогда иначе, нежели теперь. Одной же добродѣтели, которая была бы во всѣхъ, никакъ не находимъ.

- В. *Мен.* Да, Сократъ; схватить, согласно съ твоимъ желаніемъ, одну добродѣтель во всѣхъ, я что-то не могу; это не такъ, какъ въ другихъ вещахъ.

Сокр. И естественно; однакожъ я постараюсь, если только буду въ состояніи, подвинуть наши изслѣдованія впередъ. Тебѣ, можетъ быть, извѣстно, что все бываетъ слѣдующимъ образомъ: пусть бы кто-нибудь спросилъ тебя, о чемъ и я недавно говорилъ: что такое фигура, Менонъ? Ты, положимъ, отвѣчалъ бы: фигура есть круглота. Потомъ, пусть предложили бы тебѣ другой вопросъ, подобный моему: круглота—фигура ли, или нѣкоторая фигура? Ты вѣроятно назвалъ бы ее нѣкоторою фигурою.

Мен. Конечно.

Сокр. Не потому ли, что существуютъ и другія?

- С. *Мен.* Да.

Сокр. А когда послѣ того спросили бы тебя: какія именно?—сказалъ ли бы ты?

Мен. Сказалъ бы.

Сокр. Равнымъ образомъ, еслибы спросили тебя, что такое цвѣтъ, и ты назвалъ бы его бѣлизною; то на другой вопросъ: бѣлизна—цвѣтъ ли, или нѣкоторый цвѣтъ?—ты конечно отвѣчалъ бы: нѣкоторый; потому что есть и другіе.

Мен. Отвѣчалъ бы.

Сокр. И когда попросили бы тебя перечислить ихъ; то перечислилъ бы всѣ, которымъ, какъ и бѣлому, прилично названіе цвѣта?

- Д. *Мен.* Перечислилъ бы.

Сокр. А еслибы кто-нибудь, какъ и я, изслѣдывая пред-

пыль въ глаза. Сравни., что выше сказано о Горгіасѣ, который училъ юношей *ἀρετῆς καὶ μεγαλοπρεπείας* (смысла и самонадѣянно) *ἀποκρίνεσθαι*.

метъ, сказалъ: мы все приходимъ къ чему-то многому; между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы не того: но такъ какъ многое ты называешь однимъ какимъ-нибудь именемъ и говоришь, что изъ этого множества нѣтъ ничего, что не носило бы названія фигуры, хотя бы каждая изъ нихъ была даже противуположна другой; то опредѣли мнѣ вещь, которая равно заключала бы въ себѣ и круглосту и прямоту, и которую ты называешь фигурою, разумѣя подъ этимъ именемъ фигуру, какъ круглую, такъ и прямую. Или твои мысли не таковы?

Мен. Таковы.

Сокр. А думая такъ, круглотою назовешь ли ты не болѣе круглосту, какъ и прямоту, и прямою—не болѣе прямоту, какъ и круглосту?

Мен. Не назову, Сократъ.

Сокр. Между тѣмъ фигура-то, по твоему мнѣнію, есть не болѣе круглостя, какъ и прямота; такъ что одна не исключаетъ другой ¹.

Мен. Правда.

Сокр. Попытайся же сказать, что бы такое было, чему ты даешь имя фигуры. Еслибы кто подобнымъ образомъ спросилъ тебя о фигурѣ или цвѣтѣ, а ты отвѣтилъ бы ему: я не понимаю, добрый человекъ, чего тебѣ хочется и о чемъ ты спрашиваешь; то онъ можетъ быть удивился бы и сказалъ: такъ ты не понимаешь, что я во всемъ этомъ ищу одного и того же? Неужели, Менонъ, у тебя не было бы силъ отвѣчать, когда бы предложили тебѣ слѣдующій вопросъ: что такое одно и то же во всемъ—и въ круглостѣ, и въ прямостѣ, и въ прочемъ, заключающемся подъ словомъ «фигура?» Попытайся сказать, чтобы приготовиться къ отвѣту о добродѣтели.

Мен. Нѣтъ, скажи самъ, Сократъ.

В.

¹ Доказательство идетъ слѣдующимъ образомъ: хотя круглое ты считаешь круглымъ, а прямое—прямымъ, и одно отдѣляешь отъ другаго; однакожъ какъ круглое, такъ и прямое, тѣмъ не менѣе называешь фигурою.

Сокр. А хочешь ли, я доставлю тебѣ это удовольствіе?

Мен. И очень.

Сокр. Но согласишься ли и ты сказать мнѣ о добродѣтели?

Мен. Соглашусь.

Сокр. Такъ надобно постараться;—да и стоитъ.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Хорошо; попытаемся же сказать тебѣ, что такое фигура. Смотри не примешь ли слѣдующаго: фигура, положимъ, есть то, что одно изъ сущаго всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ. Довольно ли для тебя, или потребуешь какого-нибудь другаго опредѣленія? Я былъ бы радъ, еслибы ты хоть такъ опредѣлилъ мнѣ добродѣтель.

C. *Мен.* Но вѣдь это-то, Сократъ, простовато.

Сокр. Какъ?

Мен. По твоимъ словамъ, фигура есть то, что всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ; — положимъ: но еслибы кто сказалъ, что онъ не знаетъ цвѣта и сомнѣвается въ немъ такъ же, какъ и въ фигурѣ, — что отвѣтилъ бы ты ему?

Сокр. Отвѣтилъ бы правду. Когда вопрошатель былъ бы изъ числа мудрецовъ, любящихъ спорить и состязаться, — я сказалъ бы ему, что это дѣйствительно мои слова, и если онъ несправедливъ, — твое дѣло войти въ разговоръ и опровергнуть ихъ. А когда собесѣдники захотятъ разговаривать дружески, какъ я и ты, — имъ надобно отвѣчать на вопросы спокойнѣе и согласнѣе съ діалектикою¹; діалектика же, вѣроятно, требуетъ, чтобы отвѣты были не только справедливы, но и въ связи съ понятіями вопрошателя. Вотъ и я постараюсь говорить съ тобою такимъ образомъ. Отвѣчай-ка

¹ Разговоръ діалектическій здѣсь, какъ и въ Тевтетѣ (167 E), противуполагается просто ученому спору τῶν ἱριστικῶν καὶ ἀγωνιστικῶν: потому что въ первомъ собесѣдники говорятъ дружески, выслушиваютъ одинъ другаго и соблюдаютъ всѣ правила діалектики; напротивъ во второмъ всякій имѣетъ въ виду только свое положеніе, не обращаетъ вниманія на мнѣнія другихъ, и не заботится ни о вѣрности опредѣленій, ни о точности раздѣленій, произносимыхъ собесѣдникомъ. Эристика основывается на эгоизмѣ, діалектика — на любви къ истинѣ.

мнѣ: называешь ли ты что-нибудь концомъ, то-есть, что-нибудь такимъ, какъ предѣлъ и крайность?—По моему мнѣнію, всѣ эти слова тождественны, хотя Продигъ, можетъ быть, и нашелъ бы между ними различіе.—Такъ приписываешь ли ты чему-нибудь предѣльность и законченность?—Я говорю это просто, безъ затѣй ¹.

Мен. Конечно приписываю и, кажется, понимаю тебя.

Сокр. Что? называешь ли ты одно поверхностью, а другое—твердостью, напримѣръ, въ геометріи? 76.

Мен. Называю.

Сокр. Ну вотъ изъ этого и можешь понять, что я разумѣю подъ именемъ фигуры. Въдь во всякой фигурѣ фигурою я называю то, чѣмъ оканчивается твердость; стало быть, принимая это вмѣстѣ, могу назвать ее предѣломъ твердости.

Мен. А что называешь цвѣтомъ, Сократъ?

Сокр. Ты назойливъ, Менонъ, — на человѣка стараго заваливаешь трудъ отвѣчать на вопросы ², а самъ не хочешь припомнить и сказать, въ чемъ Горгіасъ поставляетъ добро- В. дѣтель.

Мен. Нѣтъ, я скажу, Сократъ, когда отвѣтишь на мой вопросъ.

Сокр. Съ кѣмъ ты разговариваешь, Менонъ; тотъ, и закрывъ глаза, узнаетъ въ тебѣ красавца, у котораго есть угодники.

Мен. Отчего жъ это?

Сокр. Оттого, что въ разговорѣ ты только приказываешь; а такъ поступаютъ люди избалованные, которые, пока С.

¹ *Просто, безъ затѣй, οὐδὲν ποικίλον*, по вѣрному истолкованію Гейндорфа, nihil varium subdolumque, quod ambagibus facile deludat et difficilem habeat explicatum. См. Symp. p. 182. 13. Tim. p. 59. С. Phileb. p. 53. E. Cratyl. p. 393. E.

² *Заставляешь отвечать на вопросы, πράγματα προστάτεις ἀποκρίνεσθαι*, то-есть, навязываешь мнѣ трудъ отвѣчать. Таково въ этомъ мѣстѣ значеніе слова *πράγμα*. Для объясненія его, Гейндорфъ весьма кстати приводятъ слова Ксенофонта (Oecon. 17. 11): *τοῖς ἀδικοῦστέροις πᾶσι μίμν προστάτεις πράγματα*. Повтому Асть несправедливо изгоняетъ *πράγματα* изъ настоящаго текста.

цвѣтутъ красотою, бываютъ самовластными повелителями. Можетъ быть, тобою замѣчено, что и я не могу противиться красавцамъ? Изволь, сдѣлаю тебѣ удовольствіе, буду отвѣчать.

Мен. Конечно сдѣлай.

Сокр. Но хочешь ли, отвѣчу мнѣніемъ Горгіаса, чтобы для тебя было понятнѣе?

Мен. Хочу; почему же не такъ?

Сокр. Не правда ли, что вы, по ученію Эмпедокла, допускаете какія-то истеченія изъ всего сущаго?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. И поры, въ которыя и чрезъ которыя эти истеченія проходятъ?

D. *Мен.* Конечно.

Сокр. И однѣ изъ истеченій соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ порамъ, а другія менѣе, или болѣе ихъ?

Мен. Такъ.

Сокр. Но ты называешь что-нибудь и зрѣніемъ?

Мен. Называю.

Сокр. Ну такъ пойми изъ этого, что я говорю, сказала Пиндаръ¹. Цвѣтъ есть истеченіе фигуръ, соотвѣтствующее зрѣнію и осязаемое для него.

Мен. Этотъ отвѣтъ, Сократъ, кажется, весьма хорошъ.

Сокр. Можетъ быть, оттого, что онъ—по твоему образу мыслей; сверхъ сего ты, по видимому, надѣешься вывести отсюда значеніе голоса, обонянія и многое тому подобное.

E. *Мен.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Да, Менонъ; это—отвѣтъ трагическій², когда онъ нравится тебѣ болѣе отвѣта о фигурѣ.

¹ См. fragmenta Pindari у Бекка N. 71. Такое же опредѣленіе цвѣта встрѣчается въ Тимей р. 68. С.

² τραγική ἔστιν ἡ ἀπόκρισις, то-есть, напыщенный, произносимый свысока,—такой, какіе давалъ Эмпедоклъ. А въ рѣчи Эмпедокла, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (VIII. 70), всегда замѣчали τραγικὸν τόρον. Въ этомъ же смыслѣ τραγικὸς λόγος употребляется de Rep. VIII. р. 545. Е. гдѣ, для объясненія, прибавлено ὑψηλολογεῖσθαι.

Мен. Конечно болѣе.

Сокр. А по моему убѣжденію, сынъ Алексидема, такъ онъ не таковъ; тотъ лучше. Даже, думаю, и тебѣ не показался бы онъ, еслибы ты, по вчерашнимъ твоимъ словамъ, не имѣлъ надобности отправиться отсюда прежде мистерій, но, оставшись здѣсь, посвятился бы въ нихъ ¹. 77.

Мен. Да, я остался бы, Сократъ, еслибы ты говорилъ мнѣ много такихъ вещей.

Сокр. Въ желаніи-то говорить недостатка не будетъ — и ради тебя, и ради меня самого. Но что, какъ не съумѣю высказать много такихъ вещей! Однако смотри же, постарайся и ты исполнить свое обѣщаніе—опредѣлить добродѣтель вообще, что такое она; перестань дѣлать многое изъ одного ², какъ всегда говорятъ въ шутку о тѣхъ, которые что-нибудь переламываютъ; оставь добродѣтель цѣлою и здоровою, и скажи, что она такое. Въдѣ примѣры-то я предложилъ В. тебѣ.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, что быть добродѣтельнымъ, значить, по словамъ поэта, радоваться хорошему и имѣть для того способность ³. Поэтому я опредѣляю добродѣтель слѣдующимъ образомъ: она есть желаніе хорошаго и способность производить его.

¹ Сократъ, по замѣчанію Гедике, употребляетъ здѣсь метонимическую игру словъ, какъ въ *Symp.* р. 209 E., разумя подъ мистеріями собственное свое ученіе. Какбы такъ сказалъ онъ: ты обѣщался ухватить изъ Аевны прежде празднованія мистерій; но еслибы тебѣ угодно было остаться и посвятиться въ таинства моего ученія, то опредѣленіе фигуры ты нашелъ бы лучшимъ, нежели опредѣленіе цвѣта. Впрочемъ эти слова дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что начало Менона потеряно, и что до насъ дошла только часть его.

² πολλὰ ποικίλιν ἐκ τοῦ εἴδους.—шуточная поговорка, о которой см. *Schoff. adagg.* Gr. 1101 *Erasm. adagg.* р. 266. ed. Steph. Впрочемъ она объясняется словами самого Платона, *Phaedr.* р. 265. D. τὸ πάλιν κατ' εἶδη δυνάσθαι τέμνειν κατ' ἄρδρα, ἢ πέριξεν, καὶ μὴ ἐπιχειρεῖν καταγυῖναι μέρος μηδέν, κοκοῦ μαγεύου τρέφει χρόμενον.

³ И имѣть для него способность, καὶ δύνασθαι, то-есть κατὰ р. 79. В. С. Въ греческомъ языкѣ глаголы, требующіе различныхъ падежей, нерѣдко соединяются въ одну и ту же конструкцію; такъ напр. ниже р. 78. A. τί γὰρ ἄλλο ἐστὶν εὖλογον εἶναι ἢ ἐπιθυμεῖν τι τῶν καλῶν καὶ ἀγάθων, то-есть αὐτά.

Сокр. Но желать хорошаго, значить ли, по твоему мнѣнію, желать добраго?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. Вѣрно потому, что одни изъ людей желаютъ зла, а другіе добра? Вѣдь не всѣ же, почтеннѣйшій, представляются стремящимися къ добру?

Мен. Конечно нѣтъ.

С. *Сокр.* Напротивъ, нѣкоторые къ злу.

Мен. Да.

Сокр. Потому ли, скажешь, что зло почитаютъ добромъ, или, и сознавая его, какъ зло, тѣмъ не менѣе стремятся къ нему?

Мен. Мнѣ кажется то и другое.

Сокр. И тебѣ, Менонъ, въ самомъ дѣлѣ кажется, что сознающій зло, какъ зло, тѣмъ не менѣе желаетъ его?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. Чего же, по твоему мнѣнію, желаетъ онъ? чтобы приключилось ему зло?

Мен. Чтобы приключилось; чего же болѣе?

Д. *Сокр.* Съ тою ли мыслию, что человѣку, которому приключается, оно приноситъ пользу, или въ томъ сознаніи, что каждый, подвергающійся ему, терпитъ вредъ?

Мен. Есть люди, которые думаютъ, что зло пользуетъ, есть и такіе, которые знаютъ, что оно вредитъ.

Сокр. Кажется ли тебѣ, что люди, почитающіе зло полезнымъ, сознаютъ, что оно — зло?

Мен. Этого-то мнѣ не кажется.

Е. *Сокр.* Слѣдовательно люди, несознающіе зла, очевидно, желаютъ не зла, а того, что почитали добромъ, и что на самомъ дѣлѣ есть зло, то-есть, несознающіе зла и почитающіе его добромъ, стремятся видимо къ добру. Или нѣтъ?

Мен. Должно быть, такъ.

Сокр. Что же далѣе? люди, желающіе, какъ ты говоришь, зла, и однакожь думающіе, что зло вредитъ тому, кому приключается, можетъ быть, сознаютъ, что они получаютъ отъ него вредъ?

Мен. Необходимо.

Сокр. А тѣхъ, которые получаютъ вредъ, не почитаютъ ли они людьми жалкими, поколику имъ что-нибудь вредно?

Мен. И это необходимо.

Сокр. А людей жалкихъ не называютъ ли они несчастными? 78.

Мен. Я думаю.

Сокр. Но есть ли такой человекъ, который хочетъ быть жалкимъ и несчастнымъ?

Мен. Кажется нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно никто не хочетъ зла, Менонъ, если не хочетъ быть такимъ. Да и что иное значить быть жалкимъ, какъ не хотѣть зла и не приобрѣтать его?

Мен. Ты, должно быть, говоришь правду, Сократъ. Въ В. самомъ дѣлѣ никто не хочетъ зла.

Сокр. А не сказалъ ли ты недавно, что быть добродѣтельнымъ, значить хотѣть добра и имѣть способность для него?

Мен. Конечно сказалъ.

Сокр. Если же сказалъ; то хотѣть его свойственно вѣдъ всѣмъ, и въ этомъ отношеніи одинъ вѣрно ничѣмъ не лучше другаго?

Мен. Видимо.

Сокр. Между тѣмъ явно, что какъ скоро одинъ лучше другаго, то лучшимъ былъ бы онъ по способности къ добру.

Мен. Конечно.

Сокр. Значить, по твоему понятію, добродѣтель, видно, есть способность производить добро.

Мен. Я думаю совершенно такъ, какъ ты, Сократъ, теперь предполагаешь.

Сокр. Посмотримъ же и на это, справедливы ли слова твои. Можетъ быть, ты говоришь и хорошо. Вѣдь возможность производить добродѣтель у тебя называется добромъ?

Мен. Да.

Сокр. Но добро, по твоему мнѣнію, не есть ли, напримеръ, здоровье и богатство?—разумѣю также приобрѣтеніе

золота, серебра, почестей и власти въ обществѣ. Или ты считаешь добромъ что-нибудь иное, а не это?

Мен. Нѣтъ не иное, но все это.

- Д. *Сокр.* Хорошо; пускай добываніе золота и серебра есть добродѣтель, какъ говоритъ Менонъ, отечественный иностранецъ великаго царя ¹. Однакожъ съ этимъ добываніемъ соединяешь ли ты, Менонъ, понятія—*справедливо* и *свято*, или для тебя это все равно? Еслибы, то-есть, кто-нибудь добывалъ и несправедливо,—ты тѣмъ не менѣе называлъ бы это добродѣтелию?

Мен. Ну нѣтъ, Сократъ; называлъ бы порокомъ.

- Сокр.* Слѣдственно къ этому добыванію, по видимому, непременно надобно присоединить либо справедливость, либо Е. разсудительность, либо святость, либо какую-нибудь другую часть добродѣтели; а иначе оно не будетъ добродѣтель, хотя и производить добро.

Мен. Да безъ этого какъ же быть добродѣтели?

Сокр. А не добывать золота и серебра ни себѣ, ни другому, когда это несправедливо, — такое именно недобываніе не есть ли добродѣтель?

Мен. Видимо добродѣтель.

Сокр. Слѣдовательно добываніе подобныхъ благъ — не больше добродѣтель, какъ и недобываніе ихъ: видно, что сопровождается справедливостію, то будетъ добродѣтель; а что бываетъ безъ всего подобнаго, то — порокъ?

79. *Мен.* Мнѣ кажется, необходимо думать такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Но каждую изъ этихъ вещей, — то-есть, справедливость, разсудительность и все подобное, немного прежде не называли ли мы частію добродѣтели?

Мен. Да.

Сокр. Такъ ты, Менонъ, шутишь надо мною?

¹ То-есть, единоплеменникъ Грековъ, состоящій однакожъ на службѣ великаго царя, слѣдовательно бывшій для него иностранцемъ, или гостемъ,

Мен. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Недавно я просилъ тебя не ломать и не раздроблять добродѣтели, и предложилъ примѣры, какъ надлежало отвѣчать: а ты, пренебрегши этимъ, сказалъ мнѣ, что добродѣтель есть возможность производить добро справедливо; справедливость же призналъ частію добродѣтели. В.

Мен. Конечно.

Сокр. Но изъ признанныхъ тобою положеній слѣдуетъ, что быть добродѣтельнымъ; значить, дѣлать, что бы кто ни дѣлалъ, съ одною частію добродѣтели, потому что справедливость, равно какъ и прочее въ томъ же родѣ, ты называешь частію добродѣтели.

Мен. Такъ что же?

Сокр. То, что я просилъ тебя опредѣлить цѣлую добродѣтель; а ты отнюдь не сказалъ, что она такое, и называешь добродѣтелию всякое дѣло, какъ скоро оно производится частію добродѣтели. Ты какъ бы такъ говоришь: С. добродѣтель въ цѣломъ я узнаю и изъ того уже, когда она будетъ раздроблена на части. И такъ тебѣ, любезный Менонъ, кажется, нуженъ снова тотъ же вопросъ: что такое добродѣтель? а иначе всякое дѣло съ частію добродѣтели будетъ добродѣтель. Въдь это именно можно говорить, когда бы кто говорилъ, что всякое дѣло съ справедливостію есть добродѣтель. Или ты не считаешь нужнымъ возвратиться къ прежнему вопросу, а думаешь, что иной знаетъ, что такое часть добродѣтели, не зная самой добродѣтели?

Мен. Нѣтъ, я не думаю этого.

Сокр. Особенно если помнишь, что, когда предъ этимъ D. я отвѣчалъ тебѣ о фигурѣ,—мы того отвѣта не одобрили; потому что онъ основывался на понятіи еще изслѣдываемомъ, а не признанномъ.

Мен. И справедливо не одобрили, Сократъ.

Сокр. Не думай же и ты, почтеннѣйшій, объяснить кому-нибудь добродѣтель чрезъ указаніе на ея части, ко-

гда только еще изслѣдывается, что такое она въ цѣломъ, или дознать что другое, говоря такимъ образомъ; иначе всегда потребуется прежній вопросъ: на какомъ понятіи о Е. добродѣтели основывается то, что ты говоришь о ней. Или мои слова, по твоему мнѣнію, ничего не значать?

Мен. Мнѣ кажется, они справедливы.

Сокр. Отвѣчай же опять сначала: что называете вы добродѣтелию—ты и другъ твой?

Мен. Сократъ! слыхалъ я и прежде, чѣмъ встрѣтился 80. съ тобою, что ты не дѣлаешь ничего болѣе, какъ самъ недоумѣваешь, и другихъ вводишь въ недоумѣніе; вижу и теперь, что ты чаруешь меня, обворожаешь, просто — околдовываешь, такъ что я полонъ сомнѣнія. Ты и видомъ и всѣмъ другимъ, если можно позволить себѣ шутку, кажется, совершенноходишь на широкую морскую рыбу, торпиль ¹. Вѣдь и она приближающагося и прикасающагося къ себѣ человѣка приводитъ въ оцѣпенѣніе; В. и ты сегодня сдѣлалъ со мною, по видимому, нѣчто подобное, — оцѣпенилъ меня. Да, я истинно нахожусь въ оцѣпенѣніи — и по душѣ и по языку, такъ что не могу сказать тебѣ. О добродѣтели я бесѣдовалъ тысячекратно, продолжительно, со многими и, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ казалось, не безъ успѣха: а теперь даже не могу отвѣчать, что такое она вообще. Кажется, хорошо дѣлаешь ты, что и не отплываешь и не уѣзжаешь отсюда; потому что въ другомъ городѣ, будучи чужестранцемъ и поступая такимъ образомъ, тотчасъ бы заключенъ былъ, какъ чародѣй.

Сокр. Хитрецъ ты, Менонъ! едва не обманулъ меня.

¹ Ты и видомъ и всѣмъ другимъходишь на широкую морскую рыбу торпиль. Свойства этой рыбы описываютъ *Oppianus* *Halient.* II. 56 — 85-III. 149. sqq. *Aristoteles* *Hist. an.* IX. 37. *Aelianus* *N. A.* 1. 36. IX. 14. *Plinius* *A. N.* XXXII. 1. *torpedo etiamsi procul et e longinquo, vel si hasta virgave attingatur, quamvis praevalidi lacerti torrescunt.* IX. 42; *Novit torpedo vim suam ipsa non torrescens etc.* Менонъ уподобляетъ Сократа этой рыбѣ τὸ εἶδος, вѣроятно по широкому, силенообразному лицу его, каковымъ оно описывается въ *Sympos.* p. 215. A. sqq.

Мен. Что еще, Сократъ?

С.

Сокр. Знаю, для чего прискалъ мнѣ это подобіе.

Мен. А для чего, думаешь?

Сокр. Для того, чтобы я и тебя уподобилъ. Мнѣ вѣдь извѣстно, что всѣмъ красавцамъ нравится быть уподобляемыми. Это имъ выгодно; потому что къ людямъ красивымъ подбираются и подобія красивыя. Однакожь я не уподоблю тебя. Если твоя торпиль, приводя въ оцѣпенѣніе другихъ, и сама цѣпенѣтъ; то я похожу на нее: а когда нѣтъ; то не похожу. Вѣдь я привожу другихъ въ недоумѣніе — не потому, что самъ разумѣю дѣло; а потому, напротивъ, заставляю другихъ сомнѣваться, что самъ сомнѣваюсь. D. Вотъ и теперь, что касается до добродѣтели, я не знаю, въ чемъ состоитъ она; а ты, прежде чѣмъ сошелся со мною, можетъ быть, зналъ, — и вдругъ уподобился незнающему. Впрочемъ, мнѣ все-таки хочется вмѣстѣ съ тобою разсмотрѣть и изслѣдовать, что она такое.

Мен. Но какимъ образомъ, Сократъ, ты будешь изслѣдывать то, чего не можешь опредѣлить вообще? Какою предположишь себѣ вещь, которой не знаешь, а ищешь? Даже, еслибы ты и встрѣтился съ нею, — какъ узнаешь, что это она, когда не зналъ ея¹?

Сокр. Понимаю, что хочешь ты сказать, Менонъ. Видишь, какое спорное приводишь положеніе! Какъ будто человѣкъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ изслѣдывать — ни того, что знаетъ, ни того, чего не знаетъ: не можетъ изслѣдывать того, что знаетъ, такъ какъ знаетъ, и не имѣетъ нужды въ такомъ именно изслѣдованіи; не можетъ

¹ Этотъ софизмъ, отвергающій всякую возможность синтетическаго познанія, нѣкоторые критики производятъ отъ мегарскихъ философовъ. Но такое мнѣніе — анахронизмъ; потому что Менонъ, какъ доказано въ введеніи, написанъ еще при жизни Сократа, слѣдовательно до существованія Мегарской школы. Съ большимъ правдоподобіемъ можно производить его отъ учениковъ Протагора; потому что подобные софизмы встрѣчаются и въ Эвтидемѣ р. 275 D. E., въ которомъ безвдуютъ съ Сократомъ Протагоровы послѣдователи.

изслѣдывать и того, чего не знаетъ, такъ какъ не знаетъ,
81. что изслѣдывать.

Мен. Но развѣ, по твоему мнѣнію, Сократъ, это нехорошо говорится?

Сокр. Конечно нехорошо.

Мен. И ты можешь сказать, почему?

Сокр. Могу. Въдѣ я слушалъ мужчинъ и женщинъ, мудрыхъ въ отношеніи къ дѣламъ божественнымъ.

Мен. Что же говорятъ они?

Сокр. Кажется, все истинное и хорошее.

В. *Мен.* А что именно? и кто говорить?

Сокр. Говорятъ нѣкоторые жрецы и жрицы ¹, старающіеся о томъ, чтобы умѣть дать отчетъ въ своихъ обязанностяхъ; говорить также Пиндаръ ², говорятъ и многіе другіе поэты, называющіеся божественными; а говорятъ они вотъ что. Впрочемъ смотри самъ, истинными ли кажутся тебѣ слова ихъ. По ихъ ученію, человѣческая душа бессмертна и—то скончается, что называютъ они смертію, то снова рождается, но никогда не исчезаетъ. Поэтому надобно проводить свою жизнь какъ можно святѣе; «такъ какъ *Ферсефона* (Прозерпина) въ тѣхъ людей, которыхъ подвергла казни за древнее блдствіе, на выпрєннемъ солнцѣ, въ девятомъ году снова вселяетъ души; потомъ изъ нихъ С. выходятъ знаменитые цари, отличные силою и великіе мудростію мужи; а въ послѣднія времена между людьми они называются непорочными героями.» Если же душа, будучи

¹ Происхожденіе ученія о переселеніи душъ доселѣ не рѣшено. Если предположимъ, что у Грековъ оно разсматривалось двоякимъ образомъ: какъ предметъ религіознаго вѣрованія, и какъ задача философская; то Платонъ разумѣетъ его здѣсь, очевидно, въ первомъ смыслѣ и имѣетъ въ виду или ораическія мистеріи (см. *Lobeck. Aglaophan.* Т. II. р. 796. sqq.), въ которыхъ оно преподавалось, или даже Эмпедокла, учителя Горгіасова, который не только принималъ метемпсихозу, но и по жизни, и по виду, и по дѣятельности походилъ на великаго жреца. *Quintil.* III. 1. *Sturz. de Empedoc.* р. 443. sqq. *Rittm.* Истор. Фил. Ч. I. стр. 450 сл.

² Говоритъ также Пиндаръ. См. *Boeckh. ad Fragm. Pindari* р. 623 *Dissen.* Vol. II. р. 632.

бессмертною и часто раждаясь, все видѣла и здѣсь и въ преисподней, такъ что нѣтъ вещи ¹, которой бы она не знала; то неудивительно, что въ ней есть возможность припоминать и добродѣтель, и другое, что ей извѣстно было прежде. Вѣдь такъ какъ въ природѣ все имѣетъ сродство и душа знала всѣ вещи; то ничто не препятствуетъ ей, D. припомнивъ только одно, — а такое припоминаніе люди называютъ наукою, — отыскивать и прочее, лишь бы чело- вѣкъ былъ мужественъ и не утомлялся изслѣдованіями. Да и въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе и изученіе есть совершенное воспоминаніе ². Итакъ не должно вѣрить тому спорному положенію: оно можетъ сдѣлать насъ лѣнивыми и бываетъ пріятно для слуха людей изнѣженныхъ; а это располагаетъ къ трудамъ и изысканіямъ. Вѣря ему, я дѣйстви- E. тельно хочу разсмотрѣть вмѣстѣ съ тобою, что такое добродѣтель.

Мен. Да, Сократъ; но какъ ты говоришь, будто мы ничего не изучаемъ, и будто то, что называется наукою, есть воспоминаніе? Можешь ли научить меня, что это дѣйствительно такъ?

Сокр. Я недавно сказалъ, что ты, Менонъ, хитрецъ: вотъ и теперь спрашиваешь, могу ли я научить тебя, какъ будто не мною было положено, что нѣтъ науки, а есть припоминаніе. Ты хочешь чтобы я тотчасъ же противо- 82. рѣчилъ самому себѣ.

Мен. О нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ. Спрашивая тебя, я не имѣлъ этого въ виду, я сказалъ по привычкѣ.

¹ Такъ что нѣтъ вещи, которой. . . . και πάντα χρήματα, οὐκ ἔστιν ὅ τι. . . . Выраженіе και πάντα χρήματα значитъ у Платона—и вообще, или однимъ словомъ. См. Schaefer. ad Demosth. Appar. T. I. p. 305. Fritsch. Quaest. Lucian. p. 67: Stallbaum ad Gorg. p. 465. В.

² Очевидно, что Сократъ доказываетъ здѣсь возможность синтетическаго познанія, или изслѣдованія вещей, взятыхъ порознь,—на томъ основаніи, что всѣ вещи мы нѣкогда видѣли, слѣдовательно идея всего находится въ нашей душѣ, надобно только ввести ее въ сознаніе посредствомъ возбужденія частныхъ представленій, что Платонъ называетъ припоминаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если можешь объяснить мнѣ, что бываетъ именно такъ, какъ ты говоришь; то объясни.

Сокр. Но вѣдь это не легко: впрочемъ для тебя — по-стараясь; только позови сюда, кого хочешь, одного изъ этого множества слугъ твоихъ ¹, чтобы на немъ показать тебѣ.

Мен. Изволь.—Поди сюда.

Сокр. Но Грекъ ли ² онъ и говоритъ ли погречески?

Мен. Даже очень изрядно;—въ моемъ домѣ и родился.

Сокр. Замѣчай же, какъ тебѣ покажется: станетъ ли онъ припоминать, или будетъ учиться у меня?

Мен. Хорошо, буду замѣчать.

Сокр. Скажи-ка мнѣ, мальчикъ: знаешь ли ты, что четверугольное пространство таково ³?

¹ Такъ какъ Менонъ принадлежалъ къ знаменитому и богатому дому; то, по обычаю древнихъ аристократовъ, за нимъ всюду слѣдовала цѣлая толпа слугъ. Сравни прим. къ Протагору. стр. 52.

² Но Грекъ ли онъ? ἄλλην μὲν ἔστι; частицу μὲν я выражаю союзомъ *но*. Такъ употребляется она въ рѣчи вопросительной, когда предложенье, въ которомъ должно бы стоять μὲν, умалчивается. Поэтому μὲν, находясь въ апотазисѣ, служитъ намекомъ на пропущенный протазисъ. Сократъ какъ бы такъ говоритъ: ἄλλοτὸς μὲν, ἀλλ' ἢ ἄλλην ἔστι; подобное употребленіе частицы μὲν см. Charn. 153. С. и мое примѣч. къ сему мѣсту. Theat. p. 161. E. Aristoph. Avv. v. 1214 Eurip. Med. v. 976. 1119.

³ Этимъ вопросомъ начинается доказательство Сократа, что человѣкъ не познаетъ, а только припоминаетъ частныя истины. Нѣтъ сомнѣнія, что Платонъ, въ угодность своимъ началамъ, предлагалъ его прямо и серьезно, а не иронически, какъ кажется Штальбому и нѣкоторымъ другимъ критикамъ. Между тѣмъ, кто не видитъ, что мальчикъ, неучившійся геометріи, схватываетъ геометрическія истины, только чрезъ особенную ясность и вразумительность Сократовыхъ вопросовъ? Такимъ доказательствомъ — и еще съ большимъ правомъ — могъ бы воспользоваться Кантъ въ своей теоріи пространства и времени, какъ субъективныхъ формъ нашего духа; потому что пространство и время, откуда бы впрочемъ они ни происходили, неизменно лежатъ въ основаніи не только математическихъ, но и всѣхъ дискурсивныхъ познаній. Чтобы вѣрно понять, какимъ образомъ Сократъ возбуждалъ въ мальчикѣ сознаніе геометрическихъ началъ, надобно представить, что сперва онъ начерталъ на пескѣ какой нибудь квадратъ *abcd* и, предположивъ, что каждая сторона его равняется двумъ футамъ, нашель, что площадь его равна четыремъ футамъ. Потомъ спросилъ: каковы должны быть стороны квадрата, который былъ бы вдвое больше этого? Мальчику должно было показаться, что двойное пространство должно происходить и отъ удвоенныхъ сторонъ. Тогда Сократъ въ самомъ дѣлѣ удвоилъ стороны и построилъ квадратъ *aefg*, про-

Мал. Знаю.

Сокр. Слѣдовательно четвероугольное пространство есть то, которое имѣетъ всѣ эти линіи равныя, а именно четыре? 0.

Мал. Конечно.

Сокр. Значить, и эти, проведенныя по срединѣ, также равны?

Мал. Да.

Сокр. Но это пространство не можетъ ли быть болѣе и менѣе?

Мал. Можетъ.

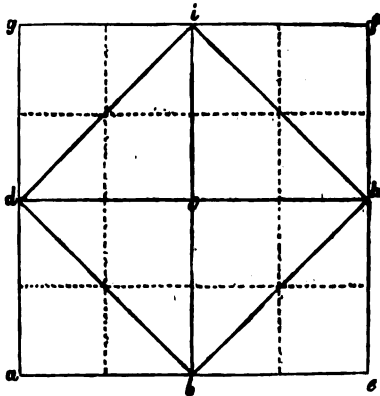
Сокр. Итакъ, еслибы эта сторона равнялась двумъ футамъ, и эта двумъ; то сколько футовъ заключалось бы въ цѣломъ? Смотри сюда: еслибы въ этой сторонѣ было два фута, а въ этой—только одинъ; то все пространство не равнялось ли бы однажды двумъ футамъ?

Мал. Равнялось бы.

Сокр. А такъ какъ и эта сторона въ два фута; то цѣлое D не равно ли дважды двумъ?

Мал. Равно.

пространствомъ своимъ равняющійся первому, умноженному на 4. Такимъ образомъ открывается, что чрезъ удвоеніе сторонъ вышелъ квадратъ не въ восемь, а въ шестнадцать футовъ. Наконецъ, чтобы найти линію квадрата, котораго площадь была бы вдвое болѣе взятаго прежде, Сократъ проводитъ въ немъ діагональ bd и построитъ новый квадратъ $bdih$, состоящій изъ діагоналей всѣхъ четырехъ квадратовъ, слѣдовательно равняющійся восьми футамъ.

Сокр. Слѣдовательно въ немъ заключается дважды два фута?

Мал. Да.

Сокр. А сколько будетъ —дважды два фута? Подумай и скажи.

Мал. Четыре, Сократъ.

Сокр. Но не можетъ ли быть другаго пространства вдвое болѣе этого,—и притомъ такого, въ которомъ всѣ линіи были бы также равны?

Мал. Можетъ.

Сокр. Сколько же въ немъ будетъ футовъ?

Мал. Восемь.

Е. *Сокр.* А ну-ка, попробуйся сказать мнѣ, велика ли будетъ въ томъ пространствѣ каждая линія: въ этомъ по два фута, а въ томъ двойномъ—по скольку?

Мал. Очевидно вдвое, Сократъ.

Сокр. Видишь ли, Менонъ? я ничему не учу его, а все спрашиваю; и вотъ онъ приписываетъ себѣ знаніе о величинѣ той линіи, отъ которой произойдетъ восьмифутовое пространство. Или тебѣ не кажется?

Мен. Нѣтъ, кажется.

Сокр. Итакъ онъ знаетъ?

Мен. Ну нѣтъ.

Сокр. По крайней мѣрѣ думаетъ, что оно произойдетъ отъ удвоенной?

Мен. Да.

Сокр. Наблюдай же: онъ будетъ припоминать по порядку, что слѣдуетъ далѣе. А ты говори мнѣ: утверждаешь ли, что отъ удвоенной линіи происходитъ двойное пространство?—разумѣю не такое, которое съ одной стороны длиннѣе, съ другой короче, а равностороннее кругомъ, какъ это, только двойное въ сравненіи съ этимъ, — въ восемь футовъ. Такъ смотри: еще ли тебѣ кажется, что оно произойдетъ отъ удвоенной линіи?

Мал. Мнѣ кажется.

Сокр. И та линия будетъ двойною вразсужденіи этой,— такъ какъ бы мы прибавили сюда другую такую же?

Мал. Конечно.

Сокр. А изъ ней, говоришь, составитъ восьмифутовое пространство, если будутъ таковы всѣ четыре?

Мал. Да.

Сокр. Проведемъ же отъ ней четыре равныя. Не это ли в. называешь ты восьмифутовымъ пространствомъ?

Мал. Конечно.

Сокр. Но въ этомъ четверугольникѣ не четыре ли такихъ линіи, изъ которыхъ каждая равна этой четырехфутовой?

Мал. Да.

Сокр. Сколько же всего? — не четырежды ли столько?

Мал. Какъ же иначе?

Сокр. Итакъ четырежды столько составитъ пространство двойное?

Мал. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Во сколько же большее?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Слѣдовательно изъ линіи удвоенной, мальчикъ, с. произойдетъ пространство не двойное, а четверное.

Мал. Правда.

Сокр. Потому что четырежды четыре—шестнадцать. Не такъ ли?

Мал. Такъ.

Сокр. А восьмифутовое пространство произойдетъ отъ какой линіи? Вотъ отъ этой происходитъ вѣдь въ четыре раза большее?

Мал. Да.

Сокр. Четырехфутовое же произошло отъ половины этой?

Мал. Точно.

Сокр. Пусть; а восьмифутовое не есть ли двойное вразсужденіи послѣдняго и половинное вразсужденіи перваго?

Мал. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно оно не произойдетъ ни изъ большей, или этакой линіи, ни изъ меньшей, или этакой. Не D. правда ли?

Мал. Кажется, такъ.

Сокр. Хорошо; отвѣчай же, что тебѣ кажется, и говори: одна линія была не въ два ли фута, а другая—не въ четыре ли?

Мал. Да.

Сокр. Поэтому, линія восьмифутоваго пространства должна быть больше этой линіи, двухфутовой, и меньше этой, четырехфутовой?

Мал. Должна быть.

E. *Сокр.* Попытайся же сказать, сколь велика она, по твоему мнѣнію.

Мал. Въ три фута.

Сокр. А если въ три фута; то не выйдетъ ли трехъ футовъ, когда мы возьмемъ половину этой? — потому что здѣсь два, да здѣсь одинъ. Равнымъ образомъ и съ этой стороны: два здѣсь, да одинъ здѣсь. И вотъ тебѣ то пространство, о которомъ ты говоришь.

Мал. Такъ.

Сокр. Но если въ этой сторонѣ три, и въ этой три; то въ цѣломъ пространствѣ не трижды ли три фута?

Мал. Видимо.

Сокр. А трижды три—сколько составитъ футовъ?

Мал. Девять.

• *Сокр.* Между тѣмъ какъ двойному пространству сколько надлежало бы заключать въ себѣ футовъ?

Мал. Восемь.

Сокр. Слѣдовательно пространство восьмифутовое происходитъ, видно, не изъ трехфутовой линіи.

Мал. Видно, не изъ трехфутовой.

Сокр. Изъ какой же? Попробуйся сказать намъ точнѣе, 84. и если не хочешь высчитать, то хоть покажи, сколь велика она должна быть.

Мал. Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, что не знаю.

Сокр. Замѣчаешь ли опять, Менонъ, до какой степени воспоминанія наконецъ дойдено? Онъ и прежде конечно не зналъ, что за линія восьмифутоваго пространства, равно какъ и теперь не знаетъ: но тогда былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что знаетъ ее, — смѣло отвѣчалъ, какъ человѣкъ знающій, и не думалъ сомнѣваться; напротивъ теперь уже считаетъ нужнымъ сомнѣніе и, такъ какъ не знаетъ, то и увѣренъ въ своемъ незнаніи ¹.

Мен. Правда.

В.

Сокр. И настоящее его состояніе не лучше ли въ отношеніи къ тому предмету, котораго онъ не знаетъ?

Мен. Кажется, и это такъ.

Сокр. Слѣдовательно, приводя его въ недоумѣніе и оцѣпнения, какъ оцѣпняетъ торпиль, мы вѣрно не повредили ему?

Мен. Думаю, нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, кажется, приготовили его къ тому, чтобы онъ могъ открыть, въ чемъ состоитъ дѣло. Теперь, не зная, онъ вѣдь съ удовольствіемъ станетъ изслѣдывать; а тогда былъ бы увѣренъ, что легко, часто и многимъ въ состояніи прекрасно говорить, будто двойное пространство ^{С.} должно происходить отъ линіи, имѣющей двойную длину.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Итакъ думаешь ли, что онъ рѣшился бы изслѣдывать, или изучать то, въ чемъ представляетъ себя знающимъ, не зная, пока не впалъ бы въ недоумѣніе и, увѣрившись въ своемъ незнаніи, не пожелалъ бы узнать?

¹ Сократъ видитъ успѣхи мальчика именно въ томъ, что онъ наконецъ сознается въ своемъ незнаніи. Такова вообще цѣль Сократовой философіи — увѣриться чрезъ усилія ума въ его бессиліи и почувствовать жажду знанія, — цѣль совершенно противусоенствительная; потому что и древніе и нынѣшніе софисты главнымъ дѣломъ поставляютъ увѣренность въ собственномъ знаніи, между тѣмъ, какъ на опытѣ оказывается, что въ знаніи-то именно у нихъ недостатокъ.

Мен. Не думаю, Сократъ.

Сокр. Значить, быть въ оцѣпененіи—полезно ему?

Мен. Кажется.

Сокр. Наблюдай же, что найдетъ онъ ¹, начавъ такимъ сомнѣніемъ и изслѣдывая вмѣстѣ со мною; хотя я буду только спрашивать, а не учить. Слѣди, откроешь ли, что я учу и изъясняю, или только требую его мнѣнія. Говори-ка мнѣ: это пространство не четырехугольное ли! Понимаешь?

Мал. Да.

Сокр. И мы можемъ приложить ² къ нему другое, ему равное?

Мал. Можемъ.

Сокр. И третье, равное каждому изъ нихъ?

Мал. Да.

Сокр. А нельзя ли намъ дополнить пространство въ этомъ углѣ?

Мал. Можно.

Сокр. Не вышло ли отсюда четырехъ равныхъ пространствъ?

Е. *Мал.* Вышло.

Сокр. Ну чтожь? Это цѣлое пространство во-сколько болѣе этого?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Но вѣдь мы должны были получить двойное. Или ты не помнишь?

Мал. Конечно двойное.

Сокр. Вотъ эта линія, проведенная изъ одного котораго-нибудь угла къ другому, не разсѣкаетъ ли каждое изъ этихъ
85. пространствъ на двѣ части?

Мал. Разсѣкаетъ.

¹ *Наблюдай же, что найдетъ онъ, σκίψαι δὲ—δ τι καὶ ἀνευρίσκει.* Такъ, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ и Штальбомомъ, читаю я и перевожу *δ τι*, вмѣсто *δτι*; потому что иначе *ἀνευρίσκει* оставалось бы безъ винительнаго падежа, что не нравится; притомъ послѣ *σκίψαι* должно бы стоять не *δτι*, а *ὡς*.

² *Προσθεῖμεν αὖν*, кажется правильнѣе было бы читать: *προσθεῖμεν*.

Сокр. Не происходят ли отсюда четыре линіи равныхъ, связывающихъ собою это пространство?

Мал. Происходятъ.

Сокр. Смотри же, сколь велико это пространство.

Мал. Не знаю.

Сокр. Но каждая изъ этихъ линій пополамъ ли разсѣкла каждое изъ начертанныхъ четырехъ пространствъ, или нѣтъ?

Мал. Пополамъ.

Сокр. Сколько же такихъ пространствъ въ этомъ?

Мал. Четыре.

Сокр. А сколько въ этомъ?

Мал. Два.

Сокр. Но сколько составляютъ дважды четыре?

Мал. Вдвое.

Сокр. Значитъ, сколько тутъ будетъ футовъ? В.

Мал. Восемь.

Сокр. Отъ какой линіи происходят они?

Мал. Отъ этой.

Сокр. То-есть, отъ линіи четырехъфутоваго пространства, идущей изъ одного угла къ другому?

Мал. Да.

Сокр. Такую линію геометры называютъ діаметромъ (діагональю); такъ что, если ея имя—діаметръ, то отъ діаметра, какъ сказалъ ты, мальчикъ Менона, и должно произойти двойное пространство.

Мал. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Ну, какъ тебѣ кажется, Менонъ? произнесъ ли онъ какое-нибудь не свое мнѣніе?

Мен. Нѣтъ, всѣ его. С.

Сокр. Однако онъ не зналъ же, какъ мы говорили недавно.

Мен. Твоя правда.

Сокр. И между тѣмъ эти мнѣнія были-таки у него, или нѣтъ?

Мен. Были.

Сокр. Слѣдовательно у челоуѣка, который не знаетъ того, чего можетъ не знать, есть вѣрныя понятія о томъ, чего онъ не знаетъ.

Мен. Видимо.

Сокр. И теперь они вдругъ возбуждаются у него, какъ сновидѣніе. Если же кто-нибудь начнетъ часто и различнымъ образомъ спрашивать его о томъ самомъ предметѣ; то согласись, что наконецъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ знать о немъ ничѣмъ не хуже другаго.

D. *Мен.* Вѣроятно.

Сокр. Повтому будетъ знать, не учась ни у кого, а только отвѣчая на вопросы; то-есть, почерпнетъ знаніе въ самомъ себѣ?

Мен. Да.

Сокр. Но почерпать знаніе въ самомъ себѣ, не значитъ ли—припоминать?

Мен. Конечно.

Сокр. И припоминать не то ли знаніе, которымъ онъ обладаетъ теперь, которое приобрѣлъ когда-то, или имѣлъ всегда?

Мен. Да.

Сокр. Но какъ скоро онъ имѣлъ его всегда, то всегда былъ и знающимъ: а если допустимъ, что приобрѣлъ когда-нибудь, то приобрѣлъ конечно не въ этой жизни. Развѣ кто выучилъ его геометріи? Вѣдь онъ въ отношеніи къ этой наукѣ будетъ дѣлать то самое, что и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ. Итакъ кто же научилъ его? Ты безъ сомнѣнія долженъ знать это, особенно когда онъ и рожденъ и вскормленъ въ твоёмъ домѣ.

Мен. Да, я знаю, что его никто и никогда не училъ.

Сокр. Однакожъ онъ имѣетъ эти мнѣнія, или нѣтъ?

Мен. По видимому, необходимо допустить, Сократъ.

Сокр. Такъ не очевидно ли, что, не получивъ ихъ въ
86. настоящей жизни, онъ имѣлъ и узналъ ихъ въ какое-то другое время?

Мен. Явно.

Сокр. И не то ли это время, когда онъ не былъ человѣкомъ?

Мен. Да.

Сокр. Если же въ то время, когда онъ былъ, но не былъ человѣкомъ, долженствовали находиться въ немъ истинныя мнѣнія, которыя, будучи возбуждаемы посредствомъ вопросовъ, становятся познаніями; то душа его не будетъ ли познавать въ продолженіе всего времени? Вѣдь явно, что она существуетъ всегда, хотя и не всегда человѣкъ.

Мен. Явно.

Сокр. А когда истина сущаго всегда находится у насъ в. въ душѣ; то не безсмертна ли эта душа ¹? такъ что, не зная теперь, то-есть, не припомнивъ чего-нибудь, ты долженъ смѣло рѣшиться изслѣдывать и припоминать.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, ты говоришь такъ хорошо, что я и не знаю.

Сокр. Да и мнѣ то же кажется, Менонъ. Впрочемъ о дальнѣйшемъ болѣе надлежащаго утверждать не могу; а за то, что признавая нужнымъ изслѣдывать, чего кто не знаетъ, мы были бы лучше, мужественнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ тогда, когда бы думали, что чего не знаемъ, того и нельзя найти, и не должно изслѣдывать,—за это я, сколько достанетъ С. силъ, буду стоять и словомъ и дѣломъ.

¹ Такое доказательство безсмертія нѣкоторые критики почитаютъ страннымъ; потому что Платонъ выводитъ истину безсмертія души изъ одного созерцанія вещей въ до-мірномъ ея существованіи. Но признаюсь, я не нахожу тутъ ничего страннаго. Если душа, живя нѣкогда въ хорѣ боговъ, какъ говорится въ Федрѣ, видѣла все, и, если это все, ею видѣнное, есть истина сущаго, оставшаяся въ ней и вошедшая въ ея существо; то какъ же она не безсмертна? Мы обыкновенно признаемъ безсмертіе души, *ut statum futurum*, потому что почитаемъ душу твореніемъ современнымъ созданію природы; по нашему понятію, безсмертіе ея основывается на благодати Творца, который даровалъ ей свой образъ и подобіе, а потомъ это подобіе возстановилъ и обновилъ благодатию яскупленія. Напротивъ Платонъ разумѣлъ безсмертіе души *ut statum praeteritum*, или лучше, *anteactum*, и въ основаніе будущаго ея безсмертія полагалъ бытіе до-мірное. Если, то-есть, въ существѣ души есть идея *прежнѣю безсмертія*, то ея существо, уже по силѣ этой самой идеи, должно быть безсмертно и *всѣмъ*. Впрочемъ см. Phaedon p. 91 D sqq.

Мен. Вотъ и это, мнѣ кажется, хорошо складано, Сократъ.

Сокр. Если же мы согласны между собою, что надобно изслѣдывать предметъ, котораго кто-нибудь не знаетъ; то хочешь ли, приступимъ съобща къ изслѣдованію того, что такое добродѣтель?

Мен. Безъ сомнѣнія. Однакожъ я гораздо охотнѣе разсматривалъ бы и слушалъ то, Сократъ, о чемъ сначала спрашивалъ, а именно: къ добродѣтели должно ли приступать, какъ къ чему-то изучимому, или какъ къ такому предмету, D. который дается природою, либо достается людямъ какимъ-нибудь инымъ образомъ?

Сокр. А еслибы я управлялъ — не только собою, да и тобою, Менонъ; то мы разсмотрѣли бы, изучима ли добродѣтель, или не изучима, — уже по рѣшеніи вопроса, чтѣ она такое. Но такъ какъ ты собою-то управлять не хочешь, потому что свободенъ, а мною и хочешь и управляешь; то я E. уступлю тебѣ. Да, что дѣлать? Видно приходится разсматривать, каково что-нибудь, прежде нежели знаемъ, чтѣ это такое. Или ужъ, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ немного ослабь свою власть и позволь мнѣ разсмотрѣть, изучима ли добродѣтель, или достается какъ иначе, — на основаніи предположенія. А разсматривать на основаніи предположенія, по моему мнѣнію, значитъ то же, что часто дѣлаютъ геометры. Если спрашиваютъ ихъ, напримѣръ, о пространствѣ, можетъ ли хотъ вотъ это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ¹; то всякій изъ нихъ от-

¹ *Можетъ ли это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ? εἰ οὖν τε ἐς τότε τὸν κύκλον τότε τὸ χωρίον τρίγωνον ἐπιπέσει;* Почти воѣ истолкователи Платона переводятъ эти слова такъ: можетъ ли этотъ треугольникъ (τὸτε τὸ χωρίον τρίγωνον) быть наложенъ на этотъ кругъ? Но тогда стояло бы: τότε τὸ τρίγωνον χωρίον, между тѣмъ какъ здѣсь τρίγωνον очевидно есть слово объясняющее, предикатъ въ отношеніи къ слову τὸ χωρίον. Поэтому смыслъ рѣчи долженъ быть такой, какъбы Платонъ сказывалъ: εἰ οὖν τε τότε τὸ χωρίον εἰς τότε τὸν κύκλον ἐπιπέσει ὡς τρίγωνον; Сократъ вѣроятно указалъ Менону на начертанный прежде на песокъ квадратъ и спросилъ: можетъ ли этотъ квадратъ, обращенный въ равный себѣ тре-

вѣчаетъ, что ему еще неизвѣстно, такъ ли это будетъ, — тутъ 87. предварительно требуется, думаю, нѣкоторое предположеніе. Какъ скоро это пространство таково, что данная его линія, и по протяженіи, сколько бы она протянута ни была останется короче такого пространства ¹; то выйдетъ нѣчто иное: и онять иное, когда послѣднее окажется несообразнымъ. Итакъ я В. хочу сказать тебѣ на основаніи предположенія, что должно выдти, при наложеніи треугольника на кругъ, — возможно ли то, или нѣтъ. То же самое — и о добродѣтели: не зная, что такое и какова она, мы будемъ разсматривать на основаніи предположенія, можно ли изучать ее, или нельзя. Объяснимся такъ: предположимъ, что добродѣтель есть нѣчто относящаяся къ душѣ; въ такомъ случаѣ изучима она, или нѣтъ? И во-первыхъ, если подъ нею разумѣется нѣчто, отличное отъ знанія; то изучать ее нельзя ², но, какъ теперь же сказали, надобно только припоминать: — нѣтъ нужды, какое бы слово мы тутъ ни употребили. Такъ изучима ли добродѣтель? или всякому понятно, что человѣкъ ничего не изучаетъ, кромѣ знанія ³.

Мен. Кажется.

Сокр. Если же, напротивъ, добродѣтель есть знаніе, то явно, что ей можно учиться.

угольникъ, бытъ вписанъ въ этомъ кругъ, такъ чтобы углы перваго касались окружности послѣдняго? Въ такомъ именно значеніи слово *ἐγγράφειν* употребляется и у Эвклида (Elem. IV).

¹ Если это пространство таково, что данная его линія, и по протяженіи, останется короче того пространства, которое будетъ написано, *εἰ μὲν ἔστι τοῦτο τὸ χωρίον τοιοῦτον, οἷον παρὰ τὴν δοξίαν αὐτοῦ γραμμῆν παρατείναντα ἑλλείπειν τοιοῦτο, αἶψα ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ᾖ*. Эти слова Платона весьма затрудняютъ переводчиковъ. Во-первыхъ *παρατείναντα* стоитъ внѣ всякой конструкціи и, по всей вѣроятности, повреждено: лучше бы, кажется, читать *παρατείναν* и относить его къ существительному *τὸ χωρίον*. Во-вторыхъ *οἷον ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ᾖ* относится ли къ треугольнику, или кругу? Основываясь на значеніи слова *παρατείναν* въ формѣ *παρατείναν*, я отношу это послѣднее выраженіе къ треугольнику.

² Въ подлинникѣ стоитъ: *ἄρα διδακτὸν ἢ οὐ*; но кажется, согласіе было бы съ ходомъ Платоновыхъ мыслей читать: *ἄρα οὐ διδακτὸν*.

³ Это мѣсто по всей вѣроятности или повреждено, или вошло въ текстъ е *marginе*, какъ замѣтка какого-нибудь поверхностнаго читателя.

Мен. Какъ не мочь?

Сокр. Значить, отъ этого мы вдругъ отдѣляемся: когда она такова, то изучима; а когда такова, то нѣтъ ¹.

Мен. Конечно.

Сокр. Такъ видно, послѣ этого надобно разсмотрѣть, добродѣтель есть ли знаніе, или она отлична отъ знанія.

Мен. Мнѣ кажется, послѣ этого нужно именно такое изслѣдованіе.

D. *Сокр.* Чтожъ теперь? не назовемъ ли мы добродѣтели самымъ добромъ, оставаясь вѣрными тому предположенію, что она есть самое добро?

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но если есть какое-нибудь добро, отдѣльное отъ знанія; то вотъ добродѣтель и не будетъ уже знаніемъ. Напротивъ, когда нѣтъ ничего добраго, что не давалось бы знаніемъ, — не справедливо ли гадали бы мы, что она есть знаніе?

Мен. Такъ.

Сокр. Однакожъ мы добры вѣдь добродѣтелию?

Мен. Да.

E. *Сокр.* А когда добры, то и полезны; потому что все доброе — полезно. Не такъ ли?

Мен. Да.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель и полезна?

Мен. Изъ допущеннаго необходимо.

Сокр. Возьмемъ же все порознь и разсмотримъ, въ чемъ состоитъ та польза, которую она приноситъ намъ. — Въ здоровѣ, скажемъ мы, въ силѣ, красотѣ, богатствѣ ²: вотъ

¹ А когда такова, то нѣтъ, τοιοῦτε δ', οὐ. Бутманъ остроумно замѣчаетъ, что Сократъ остерегается, какъ бы не назвать добродѣтели незнаніемъ, и потому употребляетъ выраженіе *ἄλλοτεν ἐπιστήμης*, равно какъ и здѣсь — не говоритъ: *μη τοιοῦτε*, но въ обоихъ членахъ дѣленія повторяетъ *τοιοῦτε*. Отсюда видно, какъ несправедлива критика Аста, когда онъ навязываетъ Сократу мысль, что добродѣтель не есть знаніе.

² Подъ эти именно четыре вида древніе Греки подводили всѣ высшія блага. Вотъ схолія Симонида, или Эпихарма: *ὕγιαίνεν μὲν ἀρίστον ἀνδρὶ εὐκέρει*

это и другое тому подобное мы называемъ полезнымъ. Не такъ ли?

Мен. Да.

Сокр. Но тому же самому иногда приписываемъ и вредъ. 88. Такъ ли бы ты сказалъ, или иначе?

Мен. Не иначе, а такъ.

Сокр. Смотри же: когда и подъ какимъ управленіемъ каждая изъ этихъ вещей бываетъ полезна намъ, когда и подъ какимъ — вредить? Не тогда ли полезна, когда правильно употребляется, и не тогда ли вредить, когда—неправильно?

Мен. Конечно.

Сокр. Разсмотримъ еще и то, что есть въ нашей душѣ. Ты допускаешь разсудительность, справедливость, мужество, образованность, память, великолѣпіе и другое тому подобное?

Мен. Допускаю.

В.

Сокр. Вникни же, которая изъ этихъ вещей кажется тебѣ не знаніемъ, а чѣмъ-то отличнымъ отъ знанія; и не таковы ли онѣ, что иногда вредять, а иногда приносятъ пользу, каково, напримѣръ, мужество, когда оно не есть разсудительность, а походить на дерзость? Не правда ли, что человѣкъ смѣлый, безъ ума, получаетъ вредъ, а съ умомъ—пользу?

Мен. Да.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и разсудительность, и образованность? познаваемое и исполняемое съ умомъ полезно, а безъ ума—вредно.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Слѣдовательно всѣ вообще преднамѣренія и усилія С. души, подъ руководствомъ разумности, оканчиваются счастіемъ, а подъ руководствомъ безумія—противнымъ тому?

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Если же добродѣтель принадлежитъ къ тому, что находится въ душѣ, и необходимо полезна; то надобно,

δευτερον δε καλον φραν γενεσθαι, το τρίτον δε πλουτειν ἀδολως, και το τέταρτον ἡβαν μετὰ τῶν φίλων. См. *Jacobs. ad Antholog. gr. T. I. p. 208. sq.*

чтобъ она была разумною; такъ какъ всё, находящееся въ душѣ, само по себѣ и не полезно, и не вредно, а вмѣстѣ съ D. разумностію или безуміемъ, либо вредно, либо полезно. На этомъ основаніи добродѣтель, признанная полезною, должна имѣть нѣкоторую разумность.

Мен. Мнѣ кажется.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и прочее, о чемъ мы недавно упоминали, то-есть, богатство и другое тому подобное—иногда благодѣтельно, иногда вредно? Какъ разумность, управляющая иными свойствами души, дѣлаетъ ихъ полезными, а безуміе—вредными: не такъ ли душа поступаетъ и съ ними? употребляя и распредѣляя ихъ справедливо, она дѣлаетъ ихъ полезными, а несправедливо—вредными.

Мен. Конечно.

Сокр. Но справедливо-то управляется разумный, а погрѣшительно—неразумный?

Мен. Такъ.

Сокр. Не то же ли надобно сказать и вообще? Все прочее въ человѣкѣ, чтобы быть ему добрымъ, зависитъ отъ души, 89. а все душевное—отъ разумности. По этой причинѣ разумность должна быть полезна. Но мы и добродѣтель назвали полезною?

Мен. Конечно.

Сокр. А разумность назвали добродѣтелию — всецѣлою, или нѣкоторою ея частію?

Мен. Слова твои, Сократъ, мнѣ кажется, весьма хороши.

Сокр. Если же такъ; то добрые—добры не отъ природы.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Да пусть бы и это было. Еслибы добрые были в. добры отъ природы; то между нами нашлись бы люди, которые юношей, добрыхъ по природѣ, узнали бы; а мы, по указанію этихъ людей, взяли бы ихъ и берегли въ крѣпости ¹,

¹ Государственнымъ драгоцѣнностямъ Аѳинъ обыкновенно сохранялись въ агрополисѣ. См. *Восскъ. de Oecon. Att. 11. p. 203. Cenf. T. I. p. 473.*

запечатавши тщательнѣе, чѣмъ золото, чтобы никто не развратилъ ихъ и чтобы, пришедши въ возрастъ, они благодѣтельницами городамъ.

Мен. Слѣдовало бы-таки, Сократъ.

Сокр. Но когда добрые — добры не отъ природы; то видно, — отъ науки?

Мен. Миѣ кажется, это уже необходимо. Да и изъ пред-О. положенія видно, Сократъ, что, намъ скоро добродѣтель есть знаніе, то она изучима.

Сокр. Можетъ быть, клянусь Зевсомъ; но не худо ли мы сдѣлали, что согласились?

Мен. Однако сей-часъ намъ казалось это хорошимъ.

Сокр. Да хорошо сказанное должно быть таково не только сей-часъ, но и теперь, и послѣ, — если въ немъ есть нѣчто здравое.

Мен. Такъ чтожъ? съ какой стороны это не нравится Д. тебѣ и заставляеть не вѣрить, что добродѣтель есть знаніе ¹?

Сокр. Я скажу, Менонъ. Не хочу переименовывать свое мнѣніе, будто нехорошо утверждаютъ, говоря, что какъ скоро добродѣтель есть знаніе, то она изучима: но смотри, справедливо ли, по твоему мнѣнію, я не вѣрю, что добродѣтель есть знаніе. Скажи-ка миѣ вотъ что: если не только добродѣтель, но и какая бы то ни была вещь, — изучима; то не необходимы ли, въ отношеніи къ ней, какъ учителя, такъ и ученики?

Мен. Кажется.

Сокр. А когда напротивъ для вещи нѣтъ ни учителей, ни Б. учениковъ; то не хороша ли была бы догадка, еслибы мы догадывались, что она не изучима?

Мен. Такъ; но учителей добродѣтели развѣ, ты думаешь, нѣтъ?

¹ И заставляетъ не верить, что добродѣтель есть знаніе? ἀπιστεῖς, μή οὐκ ἀπιστεῖμι γ. Послѣ глагола ἀπιστεῖς и имени ἀπιστία Платонъ весьма нерѣдко употребляетъ двойное отрицаніе, и именно въ томъ случаѣ, когда эти слова заключаютъ въ себѣ понятіе страха, или опасенія. Сравни Phaed. 70. А.

Сокр. Да, я часто ищу, есть ли какіе-нибудь учителя добродѣтели,—все дѣлаю; но не могу найти. Притомъ ищу вмѣстѣ со многими, и особенно съ такими людьми, которыхъ почитаю опытнѣйшими въ этомъ отношеніи. Вотъ и теперь, Менонъ, вѣсьма кстати подсѣлъ къ намъ именно такой человекъ, которому можно сообщить свой вопросъ. — Да сообщь 90. ему было бы и справедливо ¹; потому что Анитъ во-первыхъ сынъ богатаго и мудраго отца, Анееміона, который сдѣлался богатымъ не по случаю и не отъ щедрости другаго, какъ недавно Исменіасъ Фивянинъ, получившій имѣніе Поликрата, но собралъ богатство своею мудростію и стараніемъ; во-вторыхъ онъ по всему кажется гражданиномъ не гордымъ, не надутымъ и не спѣсивымъ, но человекъ виднымъ В. и показнымъ; потомъ онъ, по мнѣнію аѳинскаго народа, прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына ², за что Аѳиняне избираютъ его въ важныя правительственныя должности. Итакъ справедливо изслѣдовать вмѣстѣ съ нимъ, есть ли учителя добродѣтели, или нѣтъ, и кто такіе. Помогни же, Анитъ, мнѣ и твоему гостю, Менону, въ рѣшеніи вопроса объ этомъ предметѣ, то-есть, кто бы могъ быть учителемъ. А разсматривай вотъ какъ: еслибы мы захотѣли сдѣлать этого Менона хорошимъ врачомъ; то къ какимъ бы послали его учителямъ? не правда ли, что къ врачамъ?

¹ Сообщить ему было бы справедливо, *εἰκότως δ' αὖ μεταδοίμεν ἄν.* Бутманъ замѣчаетъ, что *αὖ* послѣ *εἰκότως* вовсе не имѣетъ значенія,—и это справедливо. Повидному, переписчикъ не дописалъ слова *αὐτῷ*, которое было бы здѣсь очень кстати.

² Прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына. Сократъ превозноситъ похвалами Анитова отца — преимущественно въ томъ отношеніи, что онъ былъ не гордъ, не надутъ, не спѣсивъ, и прекрасно воспиталъ своего сына, а между тѣмъ ниже доказываетъ, что и самые добродѣтельные мужи не могутъ передать дѣтямъ собственной добродѣтели. Изъ этого не трудно замѣтить, что Сократовъ отзывъ о прекрасномъ воспитаніи Анита есть иронія, намекающая на недостатки въ немъ добрыхъ качествъ отца, то-есть, на его гордость, надутость и спѣсивъ. На это же указываетъ оговорка Сократа, что Анитъ получилъ прекрасное воспитаніе, по мнѣнію аѳинскаго народа, которому, то-есть, онъ былъ преданъ во время борьбы съ тридцатью тираннами. *Lucas. de Socrate Cive p. 132. sq.*

Ан. Конечно.

С.

Сокр. А когда бы пожелали, чтобъ онъ былъ хорошимъ башмачникомъ, то вѣрно—къ башмачникамъ?

Ан. Да.

Сокр. И такъ во всемъ?

Ан. Конечно.

Сокр. Скажи мнѣ опять вотъ что о томъ же предметѣ. Посылая его, какъ говоримъ, къ врачамъ, мы хорошо поступили бы, если хотимъ, чтобъ онъ былъ врачомъ. Но говоря это, не разумѣемъ ли, что мы благоразумнѣе сдѣла- D. емъ, когда отправимъ его къ такимъ врачамъ, которые почитаются представителями искусства, берутъ за то плату и объявляютъ себя учителями всѣхъ, желающихъ ходить къ нимъ и учиться, нежели къ такимъ, которыхъ не почитаютъ представителями? Не на это ли смотря, мы поступили бы хорошо?

Ан. Да.

Сокр. Не такъ же ли касательно игры на флейтѣ и дру- E. гихъ предметовъ? Великая была бы глупость, желая когонибудь сдѣлать флейщикомъ, не хотѣть посылать его къ людямъ, которые обѣщаются научить этому искусству и берутъ за то плату, а возлагать хлопоты о томъ на другихъ,—отправлять охотника къ тѣмъ, которые и не выдаютъ себя за учителей, и не имѣютъ ни одного ученика въ такомъ предметѣ, какому посылаемый, по нашему изволенію, долженъ учиться. Не великое ли это, думаешь, было бы безразсудство?

Ан. Да, клянусь Зевсомъ, — даже невѣжество ¹.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Значить, теперь можешь, 91. вмѣстѣ со мною, судить объ этомъ иностранцѣ Менонѣ.

¹ *Даже и невѣжество, καὶ ἀμαθία γὰρ πρός. 'Αμαθία значить болѣе, чѣмъ κλοῦρα, безразсудство. Последнее выражаетъ неправильность мышленія о какомъ-нибудь предметѣ, логическую ошибку, или даже дѣятельность, не рассчитанную здравымъ размышленіемъ: напротивъ первое указываетъ на недостатокъ способностей, на самое безсиліе λογικότερον λέγειν τε καὶ ἐργάζεσθαι. Hemsterhus. ad Arist. Plut. p. 385. Wolf. de Demosth. Lept. p. 99.*

Видишь, Анитъ; онъ уже давно твердитъ мнѣ, что ему хочется такой мудрости и добродѣтели, посредствомъ которой люди хорошо управляютъ домою и городомъ, служатъ своимъ родителямъ, умѣютъ, какъ прилично доброму человѣку, принимать и отпускать согражданъ и иностранныхъ гостей. Такъ вотъ смотри-ка,—для такой-то добродѣтели къ кому бы намъ вѣрнѣе отправить его: не явно ли изъ предъидущаго, что къ тѣмъ, которые вызываются быть учителями добродѣтели и, объявляя себя общими для каждаго изъ Эллиновъ, желающаго учиться, назначаютъ за то плату и берутъ ее?

Ан. Но кого же, Сократъ, считаешь ты такими учителями?

Сокр. Вѣроятно знаешь и ты, что люди называютъ ихъ софистами.

С. *Ан.* О Иракль! говори лучше, Сократъ. Никто—ни изъ сродниковъ, ни изъ домашнихъ, ни изъ друзей, ни изъ Аеянъ, ни изъ иностранцевъ, не достигъ до такого безумія, чтобы пойти къ нимъ и развратиться. Вѣдь они—явная порча и язва своихъ близкихъ.

Сокр. Что ты говоришь, Анитъ? Неужели софисты, одни изъ людей, приписывающихъ себѣ какое-нибудь умѣнье благодѣтельствовать, такъ различаются отъ всѣхъ, что тому, что имъ ввѣрено, не только не приносятъ пользы, подобно прочимъ, но даже причиняютъ вредъ и за то еще открыто изволятъ брать деньги? Вотъ ужъ не знаю, какъ тебѣ вѣрить. А мнѣ извѣстенъ былъ одинъ человѣкъ, Протагоръ ¹, который такую мудростію нажилъ себѣ больше денегъ, чѣмъ Фидіасъ, дѣлавшій столь отлично прекрасныя вещи, и вмѣстѣ съ нимъ другіе десять скульпторовъ. Да и странно: еслибы люди, занимающіеся починкою старыхъ башмаковъ и зашиваньемъ платья, возвращали то и дру-

¹ Объ урокахъ Протагора и цѣнѣ, какую онъ бралъ за нихъ см. прим. къ Протаг. р. 328 В.

гее въ худшемъ состояніи, чѣмъ приняли; то они не укрывались бы и въ продолженіе тридцати дней, но чрезъ такіе поступки скоро умерли бы съ голоду. Напротивъ Протагоръ, развращая приближенныхъ и отпуская ихъ худшими, чѣмъ принималъ, укрывался отъ всей Греціи въ продолженіе сорока лѣтъ; потому что умеръ, думаю, почти уже лѣтъ семидесяти отъ роду, а занимался своимъ искусствомъ около сорока, и во все это время, даже до настоящаго дня, не потерялъ своей славы. И только ли Протагоръ?—много и другихъ, изъ которыхъ иные жили прежде его, а иные живутъ еще и теперъ. Итакъ скажемъ ли, согласно съ твоимъ мнѣніемъ, что они сознательно обманываютъ и развращаютъ юношей, или дѣлаютъ это безъ сознанія? И такимъ образомъ признаемъ ли безумными тѣхъ, которыхъ называютъ людьми мудрѣйшими?

Ан. Они-то не безумны, Сократъ: гораздо безумнѣе ихъ юноши, дающіе имъ деньги; а еще болѣе безумны родственники, ввѣряющіе имъ своихъ дѣтей; безумнѣе же всѣхъ народа, позволяющіе имъ вступать въ свои предѣлы, и не изгоняющіе — иностранца ли то, или Аѳиняна, какъ скоро онъ рѣшается на такіе поступки.

Сокр. Что? тебя, Анить, обидѣлъ кто-нибудь изъ софистовъ, или—почему ты такъ сердитъ на нихъ?

Ан. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; я и самъ никогда, ни съ кѣмъ изъ нихъ не имѣлъ дѣла, и никому изъ своихъ не позволилъ бы этого.

Сокр. Слѣдовательно ты вовсе незнакомъ съ ними?

Ан. И быть тому такъ.

Сокр. Но какимъ же образомъ, чудный человекъ, ты можешь знать объ этомъ предметѣ, заключаетъ ли онъ въ себѣ что-нибудь доброе, или худое, когда вовсе не знакомъ съ нимъ?

Ан. Легко. Знакомъ ли я съ ними, или нѣтъ,—мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, кто они.

Сокр. Ты, Анить, можетъ быть прорицатель; потому что

иначе, судя по твоимъ словамъ, удивительно, какъ бы-таки тебѣ знать о нихъ. Впрочемъ мы ищемъ вѣдь не тѣхъ, которыхъ посѣщая, Менонъ сдѣлался бы худымъ: такіе-то люди, D. пожалуй, пусть будутъ софисты. Назови же намъ другихъ и окажи благодареніе этому отечественному гостю: объяви ему, къ кому онъ долженъ отправиться въ столь обширномъ городѣ, чтобы въ добродѣтели, которая недавно разсматриваема была мною, выдти человѣкомъ, стоющимъ имени.

Ан. А почему самъ ты не объявишь ему?

Сокр. Я уже сказалъ, кого почиталъ учителями въ этомъ предметѣ; но изъ твоихъ словъ видно, что мною ничего не E. сказано. Можетъ быть, это и правда. Скажи же и ты въ свою очередь, къ кому изъ Аѳинянъ идти ему; назови, чье хочешь, имя.

Ан. Къ чему слышать имя одного человѣка? Съ кѣмъ бы изъ Аѳинянъ хорошихъ и добрыхъ ни сошелся онъ, всякій научить его лучше, нежели софисты, если найдетъ въ немъ довольно послушанія.

Сокр. Но эти хорошіе и добрые стали такими неужели случайно, не учась ни у кого? И какимъ образомъ тому, чему сами не учились, могутъ они учить другихъ?

93. *Ан.* Они, пожалуй, учились у своихъ предковъ, которые были столь же хороши и добры. Развѣ не кажется тебѣ, что въ этомъ городѣ бывало много людей добрыхъ?

Сокр. Мнѣ-то кажется, Анитъ, что здѣсь и теперь есть люди добрые по дѣламъ политическимъ, и бывало ихъ не меньше, чѣмъ нынѣ. Но были ли они, говорю, и добрыми наставниками въ своей добродѣтели? Вопросъ, о которомъ B. идетъ у насъ рѣчь, состоитъ вѣдь не въ томъ, есть ли здѣсь добрые люди, или нѣтъ, и не въ томъ, бывали ли они прежде: мы давно уже разсматриваемъ, изучима ли добродѣтель. А разсматривая это, разсматриваемъ вотъ что: добрые люди настоящаго и прежнихъ временъ умѣли ли ту добродѣтель, по которой были сами добры, передать и другому, или она не передается человѣкомъ и не переходитъ отъ лица къ ли-

цу? Это-то давно уже изслѣдываемъ мы — я и Менонъ. Такъ смотри сюда изъ своихъ основаній. Не сказалъ ли бы ты, что **Θемистоклъ** былъ человѣкъ добрый?

Ан. Конечно сказалъ бы, — и добрѣ всѣхъ.

С.

Сокр. Значить, если кто другой могъ учить своей добродѣтели, то онъ былъ конечно хорошимъ учителемъ?

Ан. Думаю, еслибы только захотѣлъ.

Сокр. А думаешь ли, что онъ не хотѣлъ сдѣлать хорошимъ и добрымъ не только кого-нибудь, но даже и собственного сына? Или, по твоему мнѣнью, **Θемистоклъ** завидовалъ ему и умышленно не передалъ добродѣтели, по которой самъ **Д.** былъ добрымъ? Развѣ ты не слышалъ, что онъ образовалъ своего сына, **Клеофанта**, добрымъ всадникомъ; такъ что послѣднй держался на конѣ стоя, стоя на конѣ срѣлялъ и дѣлалъ много другихъ чудесъ? Всему этому отецъ научилъ его и сдѣлалъ мудрецомъ, сколько зависѣло отъ добрыхъ учителей. Или ты не слышалъ объ этомъ отъ стариковъ?

Ан. Слыхалъ.

Сокр. Слѣдовательно никто не могъ обвинять природу его сына въ тупости.

Ан. Можетъ быть.

Е.

Сокр. Но что потомъ? слыхалъ ли ты когда-нибудь отъ юношей, или стариковъ, что **Клеофантъ**, сынъ **Θемистокла**, былъ добръ и мудръ въ томъ, въ чемъ отецъ его?

Ан. Ну нѣтъ.

Сокр. Неужели же мы подумаемъ, что тому-то онъ старался научить своего сына, а въ этой мудрости, въ которой самъ былъ мудрецомъ, не сдѣлалъ бы его лучше сосѣдей, еслибы добродѣтель была дѣйствительно изучима?

Ан. Можетъ быть, не подумаемъ, клянусь **Зевсомъ**.

Сокр. Итакъ вотъ тебѣ учитель добродѣтели, котораго и **94.** ты относишь къ числу отличнѣйшихъ между предками. Посмотримъ еще на другаго, — на **Аристиду**, сына **Лизимахова**: не согласишься ли ты, что онъ былъ добръ?

Ан. Совершенно согласенъ.

Сокр. И этотъ сына своего Лизимаха, сколько зависѣло отъ учителей, воспиталъ лучше всѣхъ Аѳинянъ¹: а какъ тебѣ кажется? сдѣлалъ ли его лучшимъ человѣкомъ? Вѣдь ты бываешь съ нимъ вмѣстѣ и видишь, каковъ онъ. Возьми, по-В. жалуй, хотъ Перикла, столь великолѣпно-мудраго мужа: знаешь ли, что онъ воспиталъ двухъ сыновей, Паралоса и Ксантиппа?

Ан. Знаю.

Сокр. Вѣдь они, какъ и тебѣ извѣстно, выучены вѣдять верхомъ не хуже Аѳинянъ, и никого не хуже знаютъ музыку, гимнастику и все другое, зависящее отъ искусствъ. Но неужели Периклъ не хотѣлъ образовать ихъ добрыми людьми? Мнѣ кажется, хотѣлъ; да видно это неизучимо. А чтобы ты не подумалъ, будто немногіе и притомъ самыя худыя С. Аѳиняне² не могутъ сдѣлаться такими, то замѣть, что и Фукидидъ воспиталъ двухъ сыновъ, Мелисіаса и Стефана, которые прекрасно были наставлены и въ прочихъ искусствахъ, а въ гимнастическихъ упражненіяхъ превосходили всѣхъ Аѳинянъ; потому что Фукидидъ одного изъ нихъ ввѣрилъ Ксантіасу, а другаго — Эвдору, которые считались тогда отличнѣйшими бойцами. Или ты не помнишь?

Ан. Знаю—по слуху.

Сокр. Такъ не явно ли, что научивъ дѣтей своихъ тому, D. что требовало издержекъ, онъ еще охотнѣе сдѣлалъ бы ихъ добрыми людьми, для чего издержекъ не нужно, еслибы это изучалось? Впрочемъ, можетъ быть, Фукидидъ былъ человѣкъ маловажный и не имѣлъ довольно друзей между Аѳинянами и союзниками ихъ? — Нѣтъ, онъ и принадлежалъ къ большому дому, и много могъ, какъ въ отечествѣ, такъ и у другихъ Грековъ; значить, еслибы это было изучимо, нашелъ бы

¹ См. Лах. 179. С. D. и мое прим. къ этому мѣсту.

² И притомъ самыя худыя Аѳиняне. Этимъ отнюдь не указывается на Аристиды и Фемистокла, какъ подозреваетъ Шлейермахеръ: Платонъ говоритъ общее положеніе, или новую мысль, которая не должна имѣть связи съ предыдущею.

людей—между соотечественниками, или иностранцами, которые сдѣлали бы его сыновей добрыми, хотя бы общественныя занятія и не давали досуга ему самому. Такъ нѣтъ, любезный Анитъ, видно добродѣтели учить нельзя.

Ан. Тебѣ, кажется, нетрудно, Сократъ, худо отзываться о людяхъ. Но, если хочешь послушаться меня,—совѣтую быть осторожнѣе. Можетъ быть, и въ другомъ городѣ легче бываетъ дѣлать имъ зло, чѣмъ добро ¹, а здѣсь—тѣмъ болѣе. Ты и самъ, думаю, знаешь это.

Сокр. Менонъ! Анитъ-то, кажется, сердить на меня,—да 95. и неудивительно; потому что во-первыхъ почитаетъ меня порицателемъ такихъ людей, во-вторыхъ относитъ и себя къ числу ихъ. Но если онъ узнаетъ, что значить говорить худо, то перестанетъ сердиться: теперь ему это еще неизвѣстно. Скажи мнѣ ты, есть ли и у васъ хорошіе и добрые люди.

Мен. Конечно.

Сокр. Чтожъ? хотятъ ли они выдавать себя юношамъ за в. учителей? хотятъ ли объявлять себя учителями, или добродѣтель — изучимою?

Мен. Нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ; но иногда слышишь отъ нихъ, что добродѣтель изучима, а иногда, — что нѣтъ.

Сокр. Итакъ назовемъ ли ихъ преподавателями самаго предмета, когда они даже и въ этомъ между собою несогласны?

Мен. Кажется, нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Что еще? эти софисты—одни, вызывающіеся учить добродѣтели, могутъ ли, по твоему мнѣнію, учить ей?

Мен. Я и Горгіаса люблю особенно за то, Сократъ, что С.

¹ Легче бываетъ дѣлать имъ зло, чѣмъ добро, ῥᾶν ἔστι κακῶς ποιεῖν ἀνθρώπους ἢ εὖ. Такъ читаю я, вмѣстѣ съ Бутманомъ, Шлейермахеромъ, Беккеромъ и Штальбомомъ, вмѣсто вульгатнаго чтенія ῥᾶδιον; потому что иначе ἢ εὖ было бы неумѣстно, отчего вѣроятно въ списокѣ ватиканскомъ оно и выпущено.

ты никогда не услышишь отъ него подобнаго обѣщанія. Онъ даже смѣется и надъ другими, когда они обѣщаютъ это, а только вызывается сдѣлать человѣка сильнымъ въ словѣ.

Сокр. Такъ софистовъ ты не считаешь учителями?

Мен. Я не могу сказать этого, Сократъ; но чувствую то же, что и многие: иногда почитаю, иногда нѣтъ.

D. *Сокр.* А знаешь ли, что не только ты и другіе политики — почитаете добродѣтель иногда изучимою, иногда нѣтъ, но и поэтъ Теогнисъ говорить то же самое?

Мен. Въ какихъ стихотвореніяхъ?

Сокр. Въ элегіяхъ, гдѣ сказано ¹: *«У тѣхъ пей и пшъ, съ тѣми сиди и тѣмъ нравься, которые имѣютъ великую силу; потому что отъ добрыхъ добру и научишься: а связавшись съ худыми, потеряешь и наличный умъ.»* Видишь ли? здѣсь Е утверждается, что добродѣтель изучима.

Мен. Да и явно.

Сокр. Напротивъ въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько далѣе онъ говоритъ такъ: *«Еслибы возможно было сотворить и вложить умъ въ человѣка; то великую и важную награду получили бы люди, сдумавшіе сдѣлать это: тогда отъ добраго отца не происходилъ бы худой сынъ, въря разумнымъ 96. его наставленьямъ. Но посредствомъ науки, человѣка худого, видно, не сдѣлаешь добрымъ.»* Замѣчаешь ли, что, говоря объ одномъ и томъ же предметѣ, онъ противорѣчить самому себѣ?

Мен. Кажется.

Сокр. Итакъ можешь ли указать мнѣ на какое-нибудь иное дѣло, въ которомъ люди, выдающіе себя за учителей, не только не признаются учителями другихъ, но и сами считаются невѣждами, сами худы въ томъ дѣлѣ, въ отношеніи къ которому носятъ имя учителей, — а тѣ, кого почитаютъ

¹ Ся. Theognidea v. 33. sqq. ed. Becker. Эти стихи приводятся и Ксенофонтомъ, Mem. Socr. 1. 2. 20. Слѣдующіе далѣе E. Theogn. v. 435. въ томъ же изданіи.

дѣйствительно хорошими и добрыми, иногда причисляютъ это дѣло къ предметамъ изучимымъ, иногда нѣтъ? Сказалъ ли бы ты, что люди, находящіеся въ такомъ недоумѣніи касательно этого предмета, суть именно его преподаватели?

Мен. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Если же ни софисты, ни даже хорошіе и добрые люди не могутъ быть преподавателями этого дѣла, то видно—и никто другой?

Мен. Кажется, никто.

Сокр. А если ужъ нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Выходитъ такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Значитъ, мы согласились, что тотъ предметъ, въ отношеніи къ которому нѣтъ ни учителей ни учениковъ, С. не можетъ быть изучимъ?

Мен. Согласились.

Сокр. А для добродѣтели нигдѣ не открывається учителей?

Мен. Такъ.

Сокр. Если же нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Явно.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель неизучима?

Мен. Невѣроятно, хотя наши изслѣдованія и правильны. Я все еще удивляюсь, Сократъ, какъ бы и быть когда-нибудь добрымъ людямъ, или, какимъ бы образомъ сдѣлаться добрыми тѣмъ, которые сдѣлались.

Сокр. Оба мы, Менонъ, должно быть, люди плохіе. Видно, тебя Горгіасъ, а меня Продикъ, не довольно научили. Итакъ намъ нужно обратить вниманіе и изслѣдовать самимъ, можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими какимъ-нибудь однимъ образомъ¹. Говорю это, имѣя въ виду прежній во-Е. прось. Какъ смѣшно утаилось отъ насъ, что у человѣка,

¹ 96. D. *Можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими, ὅστις ἡμᾶς βελτίους ποιήσει.* Такъ я перевожу, основываясь на значеніи изъявительнаго ποιήσει, хотя въ такомъ случаѣ должно бы стоять ἅρα τις ἡμᾶς и проч. Притомъ явно, что сила мысли здѣсь—въ словахъ ἐνὶ γε τῷ τρόπῳ, а не въ ποιήσει; иначе послѣ ζητήτωνъ надлежало бы писать ποιήσει. Дальнѣйшихъ словъ E. *когда же не допустили—и другое кое-что, εἰ μὴ τοῦτο δοίημεν—ἄλλῃ τινας*, во многихъ

подъ руководствомъ не одного знанія, совершаются дѣла справедливыя и добрыя! Если же не допустимъ, что, кромѣ знанія, для этой цѣли необходимо и другое кое-что; то можетъ быть и не уразумѣемъ, какимъ образомъ люди дѣлаются добрыми.

Мен. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Вотъ какъ: мы вѣдь правильно согласились, что люди добрые должны приносить пользу; это-то иначе и быть не можетъ. Не правда ли?

97. *Мен.* Да.

Сокр. И что они будутъ приносить пользу, когда станутъ правильно вести свои дѣла: вѣдь и это мы, кажется, хорошо допустили?

Мен. Да.

Сокр. А что правильно вести свои дѣла нельзя тому, кто неразуменъ,—на это мы, какъ будто неправильно согласились.

Мен. Но что выражаешь ты словомъ «правильно?»

Сокр. Я скажу тебѣ. Еслибы кто-нибудь, зная дорогу въ Лариссу, или куда угодно въ иное мѣсто, самъ шелъ и другихъ велъ по ней; то правильно и хорошо велъ бы?

Мен. Конечно.

В. *Сокр.* Но что, еслибы кто-нибудь имѣлъ хоть и правильное мнѣніе объ этой дорогѣ, однакожь самъ еще не ходилъ по ней и не знаетъ ея:—не могло ли бы быть правильнымъ и его водительство?

Мен. Конечно могло бы.

Сокр. Значить, пока онъ имѣетъ правильное мнѣніе о томъ предметѣ, о которомъ у другаго есть знаніе; дотолѣ, обладая истиннымъ мнѣніемъ, а не разумностію, будетъ руководствовать не хуже, чѣмъ разумный.

Мен. Конечно не хуже.

спискахъ вовсе нѣтъ, да и Фидинъ не выразилъ ихъ въ своемъ переводѣ. Впрочемъ ходу мыслей онъ не мѣшаютъ.

Сокр. Слѣдовательно истинное мнѣніе для правильности дѣла есть руководитель не хуже разумности. Такъ вотъ это-то пропустили мы при изслѣдованіи вопроса, какова добродѣтель. По нашимъ словамъ, одна разумность должна была руководствовать къ правильной дѣятельности; а тутъ нужно и истинное мнѣніе.

Мен. Вѣрно.

Сокр. Поэтому правильное мнѣніе не менѣе полезно, какъ и знаніе.

Мен. По крайней мѣрѣ столько полезно, Сократъ, что обладающій знаніемъ всегда можетъ достигнуть цѣли, а имѣющій правильное мнѣніе иногда достигаетъ ея, иногда нѣтъ.

Сокр. Какъ ты говоришь? чтобы тотъ, кто всегда имѣетъ правильное мнѣніе, не всегда достигалъ цѣли, пока думаетъ правильно?

Мен. Съ тобою, кажется, необходимо согласиться: но когда это такъ, то я удивляюсь, Сократъ, почему знаніе цѣнится гораздо выше правильнаго мнѣнія, и чѣмъ одно изъ нихъ отлично отъ другаго.

Сокр. А знаешь ли, почему ты удивляешься, или сказать тебѣ это?

Мен. Конечно скажи.

Сокр. Потому, что не обратилъ вниманія на Дедаловы статуи¹. Да у васъ, можетъ быть, и нѣтъ ихъ.

Мен. Къ чему же ты говоришь это?

Сокр. Къ тому, что и онѣ, пока не связаны, бѣгутъ и убѣгають, а связанные, стоятъ неподвижно.

Мен. Такъ чтожь?

Сокр. Приобрѣсть развязанное произведеніе Дедала немного значить, равно какъ и приобрѣсть бѣлаго человѣка; потому что онъ не остается на одномъ мѣстѣ: напротивъ связанное — дорого; такія произведенія прекрасны. На что же я мѣчу своими словами?—на истинныя мнѣнія; ибо и ис-

¹ На Дедаловы статуи. См. прим. къ Эвтиерону р. 11. С.

тинныя мнѣнія—прекрасное дѣло, и производять все доброе, пока бываютъ постоянны. Но онѣ не хотятъ долго оставаться неизмѣняемыми; онѣ убѣгають изъ человѣческой души и потому нецѣльны, пока кто-нибудь не свяжетъ ихъ размысленіемъ о причинѣ. А это, любезный Менонъ, и есть припоминаніе, — въ чемъ мы прежде согласились. Когда же истинныя мнѣнія бываютъ связаны; тогда онѣ сперва становятся знаніями, а потомъ упрочиваются. Отъ этого-то знаніе и цѣннѣе правильнаго мнѣнія; узамы-то и различается первое отъ послѣдняго¹.

Мен. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ; дѣйствительно походить на что-то такое.

В. Сокр. Впрочемъ я и выдаю это не за извѣстное, а за похожее. Что же касается до различія между правильнымъ мнѣніемъ и знаніемъ; то оно, думаю, уже не есть ничто похожее: но еслибы я приписалъ себѣ какія-нибудь знанія, — а приписалъ бы ихъ себѣ немного,—то упомянутое было бы однимъ изъ тѣхъ, которыя имѣю.

Мен. Да и правильно говоришь, Сократъ.

Сокр. Чтожъ? а то неправильно, что истинное мнѣніе, управляя совершеніемъ cadaго дѣла, управляетъ не хуже знанія?

Мен. Кажется, и то вѣрно.

С. Сокр. Значить, правильное мнѣніе, если оно не хуже знанія, и въ дѣятельности будетъ не менѣе полезно; значить, и

¹ Явно, что на истинныя мнѣнія Сократъ смотритъ здѣсь относительно къ систематическому ихъ построению. Сами по себѣ, независимо отъ формы науки, онѣ—только матеріалъ, неупорядоченный, неразработанный, безсвязный, измѣнчивый, часто состоящій изъ противорѣчущихъ элементовъ. Головы, наполненныя такимъ матеріаломъ, всегда готовы судить о всемъ, но никогда не въ состояніи представить достаточную причину, почему такъ думаютъ; ибо мнѣнія ихъ разобщены, носятя, будто отдѣльные атомы въ хаотическомъ броженіи вещества, не связаны единствомъ взгляда на міръ и жизнь. Одна только идея, развитая въ систему, каждому изъ нихъ сообщаетъ надлежащую прочность, даетъ приличное мѣсто и значеніе въ цѣломъ, подобно тому, какъ сила органическая соединяетъ въ одинъ составъ безчисленное множество разнообразныхъ орудій и живетъ въ каждомъ самостоятельномъ нервѣ.

человѣкъ, обладающій правильнымъ мнѣніемъ, не хуже того, который обладаетъ знаніемъ.

Мен. Такъ.

Сокр. Между тѣмъ мы согласились, что добрый человѣкъ полезенъ намъ.

Мен. Да.

Сокр. А такъ какъ добрые люди, если они есть, должны быть полезны городамъ не только своимъ знаніемъ, но и правильнымъ мнѣніемъ, и оба эти средства — знаніе и истинное мнѣніе, и не даются людямъ природою, и не приобретаются.... Или ты думаешь, что которое-нибудь изъ нихъ получается отъ природы?

Мен. Не думаю.

Сокр. А если они—не отъ природы; то и доброе—не отъ природы.

Мен. Разумѣется.

Сокр. Когда же не отъ природы, то вотъ мы и разсматривали¹, изучимо ли это.

Мен. Да.

Сокр. И не показалось ли намъ, что добродѣтели можно бы учиться, какъ скоро она была бы разумностію?

Мен. Показалось.

Сокр. А еслибы добродѣтель была разумностію, то ей можно было бы учиться?

Мен. Конечно.

Сокр. И еслибы, въ отношеніи къ ней, дѣйствительно существовали учителя, то она почиталась бы изучимою, а—не существовали,—оставалась бы неизучимою?

¹ То есть мы и разсматривали, *ископѣмен* то метъ тойто. Штальбомъ догадывается, что надлежало бы читать *схопѣмен*, и удивляется, какъ могло *ископѣмен* вырастаться во всѣ списки. По моему, это очень неудивительно; потому что и въ самомъ дѣлѣ надобно читать *ископѣмен*. Сократъ говорить здѣсь очевидно о прежнемъ ироническомъ доказательствѣ, что добродѣтель приобретается наукою, а не о послѣдующемъ, котораго вовсе нѣтъ. Платонъ видимо обозрѣваетъ весь ходъ разговора и приближается къ заключенію.

Мен. Такъ.

Сокр. Но мы согласились, что въ отношеніи къ ней нѣтъ учителей?

Мен. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно согласились и въ томъ, что она и неизучима, и не есть разумность?

Мен. Конечно.

Сокр. Однакожь мы допустили, что она все-таки есть добро?

Мен. Да.

Сокр. А полезнымъ и добрымъ называется то, что правильно руководствуетъ?

Мен. Конечно.

99. *Сокр.* Собственно же правильными руководителями признаны только два: истинное мнѣніе и знаніе; и кто обладаетъ ими, тотъ руководствуется правильно. Вѣдь происходящее случайно, зависитъ не отъ человѣческаго руководства: а то, посредствомъ чего самъ человѣкъ дѣлается руководителемъ къ правильному, есть истинное мнѣніе и знаніе.

Мен. Мнѣ кажется, такъ.

Сокр. Но какъ скоро добродѣтель не изучается, то она уже не бываетъ и знаніемъ?

Мен. По видимому, нѣтъ.

В. *Сокр.* Итакъ одинъ изъ двухъ добрыхъ и полезныхъ руководителей развзанъ, то-есть, знаніе не можетъ руководствовать въ дѣлахъ политическихъ.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Стало быть, такіе люди, каковъ Фемистоклъ и подобные ему, недавно упомянутые Анизомъ, управляютъ городами не посредствомъ какой-нибудь мудрости и не какъ мудрецы. Потому-то имъ и нельзя было сдѣлать другихъ такими, каковы были сами, такъ какъ они сдѣлались такими не чрезъ знаніе.

С. *Мен.* Походить на то, что ты говоришь, Сократъ.

Сокр. Если же не чрезъ знаніе, — то остается доброе мнѣніе, пользуясь которымъ, политики правятъ городами и, въ отношеніи къ разумности, ничѣмъ не отличаются отъ прорицателей и мужей богодухновенныхъ; потому что и послѣдніе говорятъ много истиннаго, а не знаютъ того, что говорятъ.

Мен. Должно быть, такъ.

Сокр. Поэтому не должно ли, Менонъ, называть этихъ мужей божественными, когда они, дѣлая и говоря что-нибудь независимо отъ ума, производятъ много великаго?

Мен. Конечно.

Сокр. Да, если мы справедливо называемъ божественными D. ихъ, о которыхъ сей-часъ упомянули, то-есть прорицателей, вѣщунговъ и людей съ даромъ повѣстическимъ; то не меньшее имѣемъ право называть божественными и восторженными самыхъ политиковъ, какъ скоро они, вдохновленные и наитствованные Богомъ, совершаютъ посредствомъ слова много великихъ дѣлъ, хотя и не знаютъ, что говорятъ.

Мен. Конечно.

Сокр. Вѣдь и женщины, Менонъ, добрыхъ мужей именуютъ божественными; и Лакедемоняне, когда хотятъ кого прославить добрымъ человѣкомъ, говорятъ: это — человѣкъ божественный.

Мен. И говорить-то, кажется, справедливо, Сократъ; E. хоть Анить за такія слова, можетъ быть, и сердится на тебя.

Сокр. Нужды нѣтъ; съ нимъ мы еще поговоримъ, Менонъ. Теперь же — если во всемъ этомъ разсужденіи наши изслѣдованія и рѣчи были хороши; то добродѣтель и не получается отъ природы, и не приобрѣтается ученіемъ, но дается божественнымъ жребіемъ, независимо отъ ума, — тому, 100. кому дается, какъ скоро нѣтъ политика, который могъ бы и другаго сдѣлать политикомъ. А когда бы онъ былъ, — между живыми можно бы считать его почти тѣмъ же, чѣмъ меж-

ду мертвыми Омиръ¹ представляет Тиресіаса, говоря: «онъ мыслить» въ преисподней, «а прочія тѣни летаютъ». Таковъ-то былъ бы и этотъ человѣкъ, какова дѣйствительная вещь въ сравненіи съ тѣнью, поколику разсматривается добродѣтель.

В. *Мен.* По моему мнѣнію, ты прекрасно говоришь, Сократъ.

Сокр. Итакъ, Менонъ, изъ настоящихъ основаній вытекаетъ, что добродѣтель дается божественнымъ жребіемъ тому, кому дается. Но ясно мы узнаемъ это тогда, когда, прежде чѣмъ изслѣдуемъ образъ дарованія оной людямъ, рѣшимся изслѣдовать, что такое добродѣтель. Теперь мнѣ уже пора кое-куда идти; а ты, въ чемъ самъ убѣдился, постарайся убѣдить и своего гостя Анита, чтобы онъ былъ покротче:

С. если убѣдишь его, то сдѣлаешь пользу и Аѳинянамъ.

¹ Приведенныя слова Омира см. *Одысс.* X. в. 492. sqq.

ГОРГИАСЪ.

ГОРГІАСЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Заглавіе этого разговора указываетъ на знаменитаго, современнаго Платону софиста, Горгіаса леонтинскаго. Бывъ съмолоду ученикомъ элейскаго философа Эмпедокла, Горгіасъ, вѣроятно, пользовался въ своемъ отечествѣ именемъ человека образованнаго, и на второмъ году 88 олимпіады отправленъ былъ въ Аѣины въ качествѣ посланника. Въ Аѣинахъ—тогдашнемъ средоточіи греческихъ наукъ и искусствъ, онъ вполне оправдалъ довѣріе отечественнаго своего города и притомъ прослылъ отличнымъ говоруномъ. Рѣчь его была нѣсколько высокопарна, характеризовалась поэтической обработкою выраженій, изобиловала эпитетами и метафорами, особенно же антитезами и необыкновенными оборотами; такъ-что у Грековъ вошло въ пословицу: *γοργιάζειν, γοργία ρήματα και σήματα*. Замѣтивъ, что Аѣиняне восхищаются его краснорѣчіемъ, онъ счелъ полезнымъ объявить себя учителемъ юношества, и этимъ занятіемъ собралъ великое богатство ¹. Главнымъ положеніемъ его ученія было то, что истины нѣтъ нигдѣ, что все зависитъ отъ убѣжденія въ извѣстномъ мнѣніи, и что слѣдовательно искусство убѣждать—то самое искусство, которое онъ преподавалъ,—долж-

¹ *Philostrat. vitt. Sophist. p. 501.*

но быть поставляемо выше всего. Противъ этого-то положенія Платонъ написалъ предлагаемый здѣсь разговоръ.

Коренная мысль, около которой вращается изслѣдованіе Платона въ его Горгіасѣ, можетъ быть выражена такъ: чтобы убѣждать народъ, ораторъ долженъ быть воодушевленъ знаніемъ истиннаго, добраго и справедливаго, или долженъ въ самомъ дѣлѣ философствовать, а не казаться философомъ. Какимъ образомъ Платонъ доказываетъ эту мысль и въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ его доказательства, — мы увидимъ ясно, подвергнувъ его разговоръ строгому и отчетливому анализу.

Бесѣда начинается на афинской площади. Сократъ и преданный ему ученикъ Херефонъ встрѣчаются съ Калликломъ, усерднымъ почитателемъ таланта Горгіасова и хозяиномъ того дома, въ которомъ Горгіасъ квартируетъ. Калликлъ очень жалѣетъ, что встрѣтившіеся съ нимъ друзья не пришли къ нему пораньше; — тогда они имѣли бы удовольствіе слышать декламацию Горгіаса, — и такъ-какъ Херефонъ выразилъ при этомъ свою увѣренность, что софистъ не откажется показать себя и имъ, то Калликлъ приглашаетъ ихъ къ себѣ (р. 447). Это—историческое вступленіе, или поводъ къ бесѣдѣ объ искусствѣ Горгіаса.

На пути къ Горгіасу Сократъ какбы составляетъ планъ собесѣдованія съ нимъ и поручаетъ Херефону открыть разговоръ вопросомъ: кто онъ таковъ, или именемъ какой науки называется? Когда же они пришли, — на этотъ вопросъ Сократова ученика весьма самонадѣянно взялся отвѣчать ученикъ Горгіаса, Полосъ; но говоря съ важностію, сказалъ только то, что Горгіасова наука превосходна. По этому Сократъ, замѣтивъ неудовлетворительность Полосова отвѣта, проситъ софиста, чтобы онъ самъ потрудился рѣшить задачу Херефона, — и Горгіасъ говоритъ, что онъ учитъ риторику и называется риторомъ (448 — 449 С). Это можно назвать философскимъ вступленіемъ въ разговоръ, въ которомъ не только указывается на главный предметъ его, но и съ

драматическою ловкостію обрисовываются характеры дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь Херефонъ является намъ скромнымъ и умнымъ молодымъ человѣкомъ, который въ предложеніи вопросовъ совершенно усвоилъ себѣ методу учителя и превосходно владѣеть любимую имъ индукціею: напротивъ въ Полосѣ мы видимъ юношу заносчиваго и вмѣстѣ весьма поверхностнаго, который, не умѣя отвѣчать дѣльно, хочетъ прикрыть свое невѣжество софистическою изысканностію выраженій и наборомъ пустыхъ словъ. Чтò же касается до самаго Горгіаса, то въ немъ тотчасъ узнаешь безстыднаго хвастуна, который не столько говоритъ о превосходствѣ своей науки, сколько о превосходствѣ себя самого въ наукѣ.

Когда Горгіасъ приписалъ себѣ имя риторика и преподавателя риторики, — Сократъ своими вопросами начинаетъ незамѣтно направлять его къ ограниченію той области, въ которой дѣйствуетъ риторика, чтобы въ этомъ именномъ или формальномъ понятіи науки уловить ея содержаніе. Онъ спрашиваетъ Горгіаса, чему учить риторика, и выслушавъ его отвѣтъ, что она есть наука о рѣчахъ, искусно заставляеть его ограничить самое понятіе рѣчи. Если риторика есть наука о рѣчахъ, говоритъ онъ, то и всякую другую науку можно назвать риторикою; потому-что всякая изъ нихъ учить составлять рѣчи о томъ, чему учить. Для отраженія этого возраженія, софистъ долженъ былъ отличить риторику прежде всего отъ ремесла — именно тѣмъ, что послѣднія учать говорить рѣчи для произведенія того или другаго дѣла, а первая поставляетъ свое дѣло только въ рѣчахъ. Такимъ ограниченіемъ риторики, казалось бы, можно было довольствоваться Сократу, какъ впоследствии довольствовались имъ не только Греки и Римляне, но и образованные народы временъ схоластическихъ: однакожь Сократъ не остановился на этомъ. Онъ всѣ науки дѣлитъ на два класса: одні, говоритъ, дѣйствуютъ молча и почти не требуютъ рѣчей; а другія выражаются рѣчами и почти не обнаруживаютъ никакого дѣла. Послѣднихъ, равно какъ и первыхъ, не мало: на-

прим., ариѳметика, геометрія, астрономія и проч. О какихъ же рѣчахъ учить риторика? — Этотъ вопросъ побуждаетъ Горгіаса еще тѣснѣе ограничить предметъ риторики, и онъ отвѣчаетъ, что риторика имѣетъ въ виду рѣчи, касяющіяся великихъ и важнѣйшихъ дѣлъ человѣческихъ. — Великія и важнѣйшія дѣла! Но вѣдь и это понятіе весьма неопредѣленно, замѣчаетъ Сократъ. Всякому человѣку собственное его занятіе кажется важнѣе всѣхъ и, по его мнѣнію, составляетъ величайшее благо человѣчества. О которыхъ же важнѣйшихъ и величайшихъ дѣлахъ учить говорить рѣчи риторика, и которыя изъ нихъ почитаетъ величайшимъ благомъ? На этотъ вопросъ отвѣчая прямымъ ограниченіемъ, софистъ желалъ бы сказать, что дѣло риторики — говорить рѣчи о такихъ вещахъ, которыя важны и велики, по собственному мнѣнію оратора, такъ какъ бы собственное его мнѣніе было величайшимъ добромъ; но онъ ту же самую мысль высказалъ нѣсколько мягче и прикровеннѣе: моя наука, говорить, посредствомъ рѣчей, умѣетъ убѣждать судей и народъ въ томъ, что мнѣ нравится, и такимъ образомъ господствуетъ надъ общественнымъ мнѣніемъ. Явно, что послѣднимъ своимъ отвѣтомъ Горгіасъ открылъ уже нравственно-слабую сторону софистической риторики, и Сократу теперь нетрудно было показать, сколь губительно должно быть ея вліяніе на общество; однакожь онъ не хотеть предупреждать слѣдствій и незамѣтно заставляетъ софиста уклониться подъ защиту такой мысли, которая въ своемъ развитіи должна противорѣчить эгоистической его цѣли. Если риторика, говоритъ онъ, направляется къ убѣжденію судей и народа въ мнѣніи оратора, то она не отличается ни отъ какой другой науки; потому что всякая изъ нихъ убѣждаетъ судей и народъ именно въ томъ, чему учить. Послѣ сего какою еще чертою оставалось Горгіасу охарактеризовать риторику? Онъ поставляется въ необходимость отступить къ послѣдней опорѣ всѣхъ политическихъ рѣчей — справедливости и несправедливости, и полагаетъ, что его наука убѣждаетъ относительно дѣлъ

справедливыхъ и несправедливыхъ (449 В — 454 С). Итакъ теперь Сократъ вынудилъ у своего противника два окончательныхъ положенія касательно риторики: первое, что риторика учить составлять рѣчи для убѣжденія народа въ мнѣніи оратора; второе, что риторика учить убѣждать рѣчами въ справедливости или несправедливости чего-либо. За эти два положенія хватается онъ, какъ за посылки, и чрезъ развитіе ихъ приходитъ къ заключенію, обличающему софиста въ явномъ противорѣчїи собственнымъ его мнѣніямъ. Послѣдуемъ за нимъ.

Сократъ прежде всего различаетъ знаніе и вѣрованіе — на томъ основаніи, что первое всегда истинно, а послѣднее можетъ быть и истиннымъ и ложнымъ. Соответственно же различію между знаніемъ и вѣрованіемъ, онъ полагаетъ и два рода убѣжденія: одно — дающее вѣру безъ знанія, а другое — то, которымъ сообщается знаніе, и потомъ спрашиваетъ Горгіаса: которую убѣдительность приписываетъ онъ рѣчамъ ораторскимъ? Горгіасъ, не рѣшаясь приписать имъ знаніе, отвѣчаетъ, что риторика убѣждаетъ вѣрить, и такимъ образомъ, самъ не замѣчая, начинаетъ удаляться отъ основанія справедливости и несправедливости, состоящаго только въ знаніи. Чтобы заставить его еще далѣе пройти по этому пути и высказать яснѣе отступленіе его отъ собственного его положенія, Сократъ указываетъ ему для примѣра на нѣсколько случаевъ, въ которыхъ правительство города призываетъ на совѣщаніе не ораторовъ, умѣющихъ убѣждать къ вѣрѣ, а мастеровъ, владѣющихъ знаніемъ того, о чемъ идетъ дѣло; но какбы нарочно избираетъ такіе случаи, которые подавали поводъ софисту — исторически подтвердить то мнѣніе, что риторика, убѣждая своими рѣчами къ вѣрѣ безъ знанія, торжествуетъ надъ самымъ знаніемъ. Ты самъ, Сократъ, прекрасно привелъ меня къ этому, говоритъ Горгіасъ: вѣдь конечно знаешь, что ваши гавани, ваши стѣны и пристани сооружены по совѣту Перикла иThemistocles, а не мастеровыхъ; и думая, что уже побѣдилъ Сократа, начи-

наетъ хвастливо рассказывать о томъ, какъ онъ ораторскими убѣжденіями заставлялъ больныхъ принимать лекарства, къ чему не могли убѣдить ихъ сами врачи, и изъ этого заключаетъ, что искусный въ риторикѣ въ состояніи предъ толпою народа говорить убѣдительное всякаго художника. Впрочемъ, продолжаетъ онъ, какбы вовсе забывъ свое положеніе, что риторика учитъ убѣждать въ справедливомъ и несправедливомъ, — учитель риторики не отвѣчаетъ, если его ученики, получивъ способность убѣждать народъ во всемъ, въ чемъ захотятъ, будутъ пользоваться ею несправедливо и наносить другимъ обиды. Явно, что это положеніе софиста стоитъ въ совершенномъ противорѣчій съ вышеупомянутымъ его положеніемъ. Посему Сократъ, какбы не желая выводить наружу и безъ того очевидную несообразность допущенныхъ имъ понятій о риторикѣ, предлагаетъ оставить, если угодно, дальнѣйшія слѣдствія; а Горгіасъ, все еще не понимая, какимъ образомъ возможно обличеніе его положеній, и вмѣстѣ какбы опасаясь Сократовой діалектики, самъ стыдится сойти съ арены и объявляетъ свою готовность замолчать только по снисхожденію къ слушателямъ, какъ бы, то-есть, не утомить и не задержать ихъ слишкомъ длинною бесѣдою. Но когда ученики изъявили пламенное желаніе внимать своимъ корифеямъ, Горгіасъ уже не могъ отказаться отъ собесѣдованія, и Сократъ эротематически заставляеть софиста повторить первое изъ его положеній, что риторикѣ нѣтъ надобности знать самое дѣло, — ей нужно только найти нѣкоторый способъ убѣжденія, чтобы незнающіе явились болѣе знающими, чѣмъ знающіе; а потомъ новымъ вопросомъ переводить его и ко второму, что кто не знаетъ, въ чемъ состоитъ истинное, доброе и справедливое, тотъ и этому можетъ научиться изъ риторики. Но послѣднее положеніе очевидно приводило къ слѣдствію, что ораторъ необходимо справедливъ и дѣлаеть другихъ справедливыми; тогда какъ, развивая первое, Горгіасъ утверждалъ, что ораторъ не отвѣчаетъ, если, посредствомъ его искусства, эти другіе, то-есть

его ученики, будутъ дѣлать несправедливости. Показавъ на видъ такія противорѣчущія слѣдствія изъ софистическаго понятія объ одной и той же наукѣ, Сократъ заключаетъ: для надлежащаго разсмотрѣнія всего, что тутъ есть, клянусь собакою, Горгіасъ, нужна не краткая бесѣда! (454 Д—461 А). И этою Сократовою эпифонемою Платонъ оканчиваетъ первый отдѣлъ своего діалога.

Видя, что Горгіасъ запутался въ противорѣчія, и замѣтивъ, что онѣ проистекли отъ присвоенія оратору знанія истины, добра и красоты, Полосъ рѣшается защитить своего учителя, и подстрекаемый прекрасною ироніею Сократа, самъ начинаетъ предлагать ему вопросы. Рѣчь опять открывается тѣмъ же: что такое риторика?—и Сократъ, не удостоивая ея имени искусства, называетъ ее навыкомъ представлять нравящееся и возбуждать удовольствіе. При этомъ онъ съ удивительною тонкостію обнаруживаетъ непослѣдовательность и неопытность вопрошателя, такъ что ведетъ его какбы на помочахъ. Ухватившись за слова: *представлять нравящееся, возбуждать удовольствіе*, Полосъ съ юношескою опрометчивостію тотчасъ называетъ риторику наукою прекраснаго; но Сократъ, слегка замѣтивъ, что нравящееся не всегда прекрасно, говоритъ, что риторика главнымъ своимъ дѣломъ почитаетъ ласкательство, и въ этомъ общемъ объемѣ занятій ласкательствующихъ имѣетъ видовое значеніе. Мысль свою онъ раскрываетъ слѣдующею классификаціею искусствъ. Соотвѣтственно двумъ сторонамъ человеческой природы—душѣ и тѣлу, есть, говоритъ, и два искусства: политическое и врачебное. Послѣднее является въ двухъ видахъ—медицинѣ и гимнастикѣ; и первое равнымъ образомъ имѣетъ два вида—законодательство и правовѣдѣніе. Подъ эти четыре дѣйствительно полезныя искусства поддѣлалось ласкательство и раздѣлилось также на четыре части; съ медициною вступила въ состязаніе кухня, съ гимнастикою—косметика, съ законодательствомъ софистика, а съ правовѣдѣніемъ—риторика. И всѣ эти поддѣль-

ныя искусства, какъ виды одного и того же ласкательства, отличаются отъ подлинныхъ своею безотчетностію, или незнаніемъ причины своихъ дѣйствій, а потому и не заслуживаютъ имени искусствъ, равно какъ и тѣмъ, что доставляютъ людямъ удовольствіе, тогда какъ подлинныя заботятся объ ихъ улучшеніи (461 В—466). На этихъ страницахъ разговора устанавливается положительное понятіе Сократа о софистической риторикѣ, или тема, которую въ дальнѣйшемъ ходѣ бесѣды онъ долженъ защитить отъ возраженій и чрезъ то раскрыть основную свою мысль во всѣхъ ея подробностяхъ.

Слыша, что Сократъ подвелъ риторикѣ подъ категорію занятій ласкательствующихъ, Полось намѣревается опровергнуть его положеніе и спрашиваетъ: неужели риторы считаются въ городѣ людьми презрѣнными и неимѣющими никакой силы, тогда какъ они и умерщвляютъ, кого хотятъ, и изгоняютъ изъ города, кого покажется? На этотъ вопросъ Сократъ отвѣчаетъ, что въ городѣ въ самомъ дѣлѣ они не имѣютъ никакой силы, если имѣть силу есть нѣчто доброе для сильнаго. Полось, не вникнувъ въ значеніе и важность прибавленнаго условія, тотчасъ соглашается на него и этимъ подаетъ Сократу основаніе для доказанія той истины, что софисты въ городѣ дѣйствительно ничтожны; ибо, замѣтивъ въ вопросѣ Полоса два неоднозначущихъ выраженія: умерщвляютъ, кого *хотятъ*, и изгоняютъ, кого *покажется*, которые онъ произнесъ, какъ однозначущія, Сократъ говоритъ, что риторы ничего почти не дѣлаютъ, что имъ кажется, какъ наилучшее, и умозаключаетъ такъ: дѣлающій что-нибудь для чего-нибудь хочетъ не того, что дѣлаеть, а того, для чего дѣлаеть. То, для чего онъ дѣлаеть, есть добро; а то, что дѣлаеть для чего-нибудь, не есть ни добро, ни зло. Но убиваніе, или высыланіе изъ города есть только то, что дѣлается, а не то, для чего дѣлается. Слѣдовательно убиваніе, или высыланіе изъ города не есть ни добро, ни зло. Стало быть, риторы дѣлаютъ не то, чего хотятъ, а то, что имъ кажется: они могутъ совершать зло вмѣсто добра и добро вмѣ-

сто зла; а такимъ людямъ конечно нельзя приписать великой силы въ городѣ. — Видя свое положеніе о могуществѣ риторовъ опровергнутымъ, Полосъ однакожь упорствуетъ и, не замѣчая свойства Сократовыхъ основаній, старается защищаемую имъ мысль оправдать примѣрами опыта. Что же? спрашиваетъ онъ Сократа, — видно ты не согласился бы принять власть въ городѣ, и не позавидовалъ бы тому, кто можетъ умертвить, кого вздумается, лишить имущества, или заключить въ оковы? — Не согласился бы, отвѣчаетъ Сократъ, если при этомъ надобно дѣйствовать несправедливо; потому что дѣйствующій несправедливо жалокъ и несчастенъ — несчастіе того, кому онъ наноситъ обиды. — Стало быть, нынѣшній правитель Македоніи, Архелай, надѣлавшій столько зла, умертвившій столько родственниковъ, думаешь, жалокъ и несчастенъ? — Отвѣчая на это возраженіе Полоса, Сократъ полагаетъ, что человѣкъ несправедливый во всякомъ случаѣ несчастенъ; но онъ еще несчастіе, если, нанося обиды, не подвергается суду и наказанію, и, — какъ Полосъ не согласился съ такимъ положеніемъ, доказываетъ сперва ту мысль, что наносить обиды — больше зла, чѣмъ принимать ихъ, потомъ — вторую, что не быть наказываемымъ за нанесеніе обидъ — больше зла, чѣмъ получить за то наказаніе. Доказывая первое положеніе, онъ опровергаетъ Полоса, утверждавшаго, что больше зла принимать обиду и больше стыда наносить ее, и свое опроверженіе основываетъ на нераздѣльности прекраснаго и добраго, равно какъ постыднаго и злаго. Но съ особенною ловкостію раскрыто имъ доказательство послѣдняго положенія. Пользуясь индукціею, онъ приходитъ къ общему заключенію, что какъ дѣйствующее дѣйствуетъ, такъ страдающее страдаетъ, и что слѣдовательно, какъ одинъ, въ смыслѣ чловѣка дѣйствующаго, наказываетъ, такъ другой, въ смыслѣ лица страдающаго, получаетъ наказанія: если, то-есть, наказывающій наказываетъ справедливо, то принимающій наказанія принимаетъ справедливое. Но справедливое есть пре-

красное и доброе; слѣдовательно, принимающій наказанія принимаетъ добро; а принимающій добро тѣмъ самымъ избавляется отъ величайшаго зла—отъ худости души. Поэтому самый несчастный человѣкъ—тотъ, кто несправедливъ и не избавляется отъ этого зла, или, что то же,—кто, будучи несправедливымъ, не подвергается за то наказанію.—Этими доказательствами опровергнувъ возраженія Полоса, Сократъ въ заключеніе обращается къ риторикѣ и говоритъ, что послѣ допущенныхъ имъ положеній, риторика не можетъ быть полезна въ обществѣ; потому что теперь всякій долженъ оберегать самъ себя и, если нанесъ кому обиду, долженъ тотчасъ идти къ судѣ и просить себѣ наказанія. Она развѣ тогда только могла бы быть отчасти полезна, когда ея рѣчи служили бы намъ къ убѣжденію судей въ томъ, что мы дѣйствительно виноваты и заслужили наказаніе, или въ томъ, что человѣкъ, нанесшій намъ обиду, не долженъ быть подвергаемъ наказанію, но долженъ умереть ненаказаннымъ (461 А—481 В). Итакъ положеніе Сократа, что риторы въ городѣ не имѣютъ никакой силы, если имѣть силу есть добро для сильнаго, окончательно доказано, и недоумѣніе Полоса въ этомъ отношеніи разрѣшено.

Но сколь ни вѣрны мысли Сократа, сколь ни строго логически выведены онѣ изъ несомнѣнныхъ основаній,—обыденная жизнь тогдашняго Аѳинянина никакъ не могла примириться съ ними. Проникнутая духомъ высокой нравственности, Сократова философія въ тѣ времена всеобщаго стремленія избалованныхъ Грековъ къ удовольствіямъ и личному интересу казалась пугалищемъ толпы, которое съ одной стороны изумляло ее своею истиною, а съ другой ужасало своими требованіями. Противъ этой строгой, или, какъ тогда казалось, дикой философіи не было оружія, кромѣ того, которымъ развращали и наконецъ совершенно погубили Эллиновъ новые ихъ философы, софисты. Поблажая ихъ страстямъ, но не зная, чѣмъ извинить развратную ихъ жизнь предъ судомъ гражданскихъ законовъ, они отличали требо-

ванія природы отъ постановленій политическихъ, и въ природѣ учили видѣть покровительницу всѣхъ самыхъ низкихъ пороковъ, преслѣдуемыхъ общественнымъ законодательствомъ. За это-то именно оружіе хватается теперь въ Платоновомъ Горгіасѣ восторженный любитель софистической мудрости, Калликлъ. Бывъ свидѣтелемъ діалектическаго пораженія, которому подвергся сперва Горгіасъ, потомъ Полосъ, и удивляясь необычайности Сократовыхъ положеній, походившихъ на парадоксы, онъ рѣшается поддержать дѣло Полоса, какъ Полосъ прежде хотѣлъ поддержать Горгіаса, и спрашиваетъ Сократа: какъ намъ понимать твои слова,—въ смыслѣ ли рѣчи серьезной, или шуточной?—Моя любезная философія говоритъ не шута и всегда твердитъ одно и то же, отвѣчаетъ Сократъ; поэтому ты, или опровергни ее, или, не опровергнувъ, всегда будешь въ противорѣчій съ самимъ собою. Это Сократово напоминаніе о противорѣчій самому себѣ наводитъ Калликла на мысль—указать самый источникъ противорѣчій. Люди противорѣчатъ самимъ себѣ оттого, замѣчаетъ онъ, что колеблются между взаимно-противными внушеніями природы и закона, какъ, по словамъ Полоса, колебался Горгіасъ, сказавъ только отъ стыда, что человѣка, незнающаго, въ чемъ состоитъ справедливость, онъ научить и справедливости, или, какъ теперь пошатнулся самъ Полосъ, допустивъ—тоже отъ стыда,—что наносить обиды постыднѣе, чѣмъ принимать ихъ. По природѣ это вовсе не постыдно, а постыдно только по закону. Между-тѣмъ, я думаю, продолжаетъ онъ, что налагатели законовъ—такіе же слабые люди, какъ и чернь; поэтому, постановляя законы, то-есть, одно хваля, а другое порицая, они имѣютъ въ виду себя и свою пользу. Это ты узнаешь, Сократъ, если, оставивъ философію, перейдешь къ чему-либо важнѣйшему. Хорошо, конечно, заняться и философіею, сколько это нужно для образованія; и мальчику пофилософствовать не мѣшаетъ: но кто уже состарѣлся, а все еще философствуетъ, тотъ дѣлаетъ себя предметомъ, достойнымъ

смѣха. Я говорю это тебѣ, Сократъ, отъ добраго расположенія и искренно; не сердись же на меня, но оставь свою философію и занимайся дѣлами благоприличными. На такое увѣщаніе Калликла, въ которомъ Платонъ превосходно обрисовалъ смѣлую и откровенную, но въ то же время сильно обезображенную софистическими лжемудрствованіями, душу юнаго ученика Горгіасова, Сократъ отвѣчаетъ удивительно ловкою и съ неподражаемымъ искусствомъ раскрытою ироніею. Я нашелъ въ тебѣ, Калликлѣ, самый лучшій оселокъ для испытанія достоинства моихъ убѣжденій; ты имѣешь всѣ необходимыя къ этому принадлежности, именно, — знаніе, благорасположеніе и откровенность. Итакъ, на чтò въ продолженіе разговора ты дашь мнѣ свое согласіе, то будетъ уже достаточно испытаннымъ мною и тобою, и того уже не понадобится пробовать на иномъ оседкѣ. Вотъ ты говорилъ, что, по природѣ, высшій располагаетъ дѣлами низшихъ, лучшій начальствуетъ надъ худшими, сильнѣйшій преобладаетъ въ сравненіи съ слабѣйшимъ: но высшій, лучшій и сильнѣйшій—одно ли и то же, или все это различно?—Когда Калликлѣ сказалъ, что—одно и то же, Сократъ беретъ большее число въ сравненіе съ единицею, и снова спрашиваетъ: большее число не выше ли одного? если же выше, то и законоположеніе большаго числа не есть ли законоположеніе высшихъ? а когда высшихъ, то и не лучшихъ ли? и потому не есть ли законоположеніе, по природѣ, прекрасное? Между-тѣмъ большее-то число думаетъ, что постыднѣе наносить обиду, чѣмъ принимать ее; слѣдовательно это внушается не закономъ только, но и природою, и ты видно обманываешь меня, говоря, что законъ и природа взаимно противны. Явно, что развитымъ теперь рядомъ слѣдствій показано, вопреки мнѣнію Калликла, что лучшими и высшими природа велитъ почитать не сильнѣйшихъ; значитъ, вопросъ состоитъ о томъ, кто же высшіе и лучшіе, если не сильнѣйшіе? Чтобы рѣшить его, Сократъ искуснымъ оборотомъ наводитъ своего собесѣдника на мысль, не разумнѣй-

шихъ ли надобно признавать такими людьми, и Калликлъ, смѣло схвативъ ее, полагаетъ, что дѣйствительно справедливо, по природѣ, лучшему и разумнѣйшему начальствовать и преобладать надъ худшими. Но въ чемъ разумнѣйшему? и въ какомъ отношеніи преобладать?—въ медицинѣ ли, чтобы откладывать себѣ наибольшее количество пищи и тѣмъ повредить своему здоровью?—въ приготовленіи ли одежды или обуви, чтобы надѣвать на себя одеждъ и сапоговъ больше, чѣмъ другіе?—Нѣтъ, Сократъ, отвѣчаетъ Калликлъ, я называю лучшими людей умныхъ въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ, и не только умныхъ, но и мужественныхъ, способныхъ осуществлять свои помыслы о томъ, какъ бы получше жить; имъ-то свойственно по справедливости начальствовать надъ городами.—А надъ собою, Калликлъ, надъ своими пожеланіями и страстями должны они начальствовать, или нѣтъ? возражаетъ Сократъ.—Надъ своими пожеланіями и страстями? отвѣчаетъ софистъ. Пожеланій обуздывать они не должны, а должны оставлять ихъ во всей силѣ и готовить имъ удовлетвореніе, откуда бы то ни было. Въ этомъ именно, по смыслу природы, состоитъ добродѣтель (481 С—492 Д). Этими словами Калликлъ, слѣдуя за вопросами Сократа, совершенно закончилъ очеркъ наилучшаго человѣка, какимъ вызывались сдѣлать его въ школахъ своей риторики софисты, или какимъ, говорили они, человѣкъ долженъ быть по природѣ. Къ этому чертежу болѣе прибавить было нечего, и Сократу теперь оставалось только обнаружить безобразіе нарисованной Калликломъ картины и показать, до какой степени неосновательны и неослѣдовательны умствованія софистовъ о предметѣ настоящей бесѣды.

Изъ послѣдняго нелѣпаго положенія Калликлова Сократъ, чтобы показать нелѣпость его, выводитъ ложную мысль: если, то-есть, по словамъ Калликла, пожеланій обуздывать не должно; то людей, ничего не требующихъ, надобно считать несчастными. Но ученикъ Горгіаса не затрундяется

признать ее вѣрною, и тѣмъ подаетъ поводъ Сократу чело-
вѣка воздержнаго уподобить бочкѣ крѣпкой, изъ которой на-
литое въ нее не вытекаетъ, а невоздержнаго—бочкѣ дыря-
вой, въ которую сколько ни лей, никогда не наполнишь ея.
Этимъ подобіемъ Сократъ старался внушить своему собе-
сѣднику ту истину, что необузданность пожеланій есть не-
прерывное мученіе людей, преданныхъ страстямъ. Но Кал-
лигъ не вѣритъ такимъ началамъ нравственности и про-
должаетъ утверждать, что жизнь безъ притоковъ походила
бы на жизнь мертвеца или камня, и что жить счастливо—
значитъ позволять себѣ всѣ вообще пожеланія и, удовле-
творяя имъ, радоваться. Поэтому Сократъ оставляетъ те-
перь иносказанія и, взявшись снова за методу эротемати-
ческую, излагаетъ цѣлый рядъ доказательствъ на то, что
удовольствіе отлично отъ добра, или, что люди, удовлетво-
ряющіе своимъ пожеланіямъ, не суть люди наилучшіе. Во-
первыхъ, онъ говоритъ, что если наилучшая жизнь состоитъ
въ томъ, чтобы алкая ѣсть или жаждающая пить; то и людей
въ чесоткѣ, поколику они имѣютъ побужденіе чесаться, на-
добно почитать людьми счастливыми и наилучшими, чего
конечно допустить нельзя; а слѣдовательно нельзя допустить
и того, что удовольствіе есть добро. Во-вторыхъ, продол-
жаетъ Сократъ, знаніе и удовольствіе отличны одно отъ
другаго, и мужество также отлично отъ удовольствія: но
знаніе и мужество суть добро; слѣдовательно удовольствіе
отлично отъ добра. Въ-третьихъ, бываютъ, говоритъ онъ,
явленія, по своей противоположности, въ одномъ и томъ же
человѣкѣ несомѣстимыя. Къ числу такихъ явленій отно-
сятся благополучіе и неблагополучіе, здоровье и болѣзнь,
сила и слабость и т. п. Сюда же, безъ сомнѣнія, надобно
отнести добро и зло; ибо, по явленіи въ человѣкѣ зла, до-
бро отъ него убѣгаетъ, и наоборотъ. Но если такъ, то все,
что можетъ находиться въ немъ совокупно, что вмѣстѣ при-
ходитъ и уходитъ,—не есть ни добро, ни зло. А при удов-
летвореніи пожеланій именно это и бываетъ, то-есть, бы-

вають явленія противныя, которыя однакожь не убѣгають одно отъ другаго, но вмѣстѣ и рождаются и исчезаютъ. Напримѣръ, чувствовать голодь тягостно, а чувствовать голодь и ѣсть пріятно; однакожь, вмѣстѣ въ утоленіемъ голода, какъ чего-то тягостнаго, исчезаетъ и пріятность. Слѣдовательно удовольствіе или удовлетвореніе пожеланій не есть ни добро, ни зло. Въ-четвертыхъ, часто случается, что человѣкъ злой болѣе радуется, либо скорбитъ, чѣмъ добрый. Такъ, напримѣръ, трусь, при наступленіи непріятеля, обнаруживаетъ болѣе безпокойства, а при отступленіи его,—болѣе радости, чѣмъ мужественный. Поэтому, еслибы удовольствіе и добро были—одно и то же, то слѣдовало бы, что человѣкъ злой, радуясь больше добраго, былъ бы и добрѣе его. — Доведенный этими доказательствами до невозможности долѣе защищать свое положеніе, Калликлъ какбы хватается за соломенку и говоритъ, что одни изъ удовольствій почитаетъ онъ хорошими, а другія худыми. И это мнѣніе Сократъ одобряетъ, но тотчасъ же искусно направленными вопросами переходитъ къ мысли, что цѣль человѣческихъ дѣйствій есть не удовольствіе, а добро: ибо если удовольствія надобно дѣлить на добрыя и худыя, а добрыя потому добры, что полезны, худыя же потому худы, что вредны; то первыхъ только надобно желать, а отъ послѣднихъ—отвращаться. Слѣдовательно не только ничего не должно дѣлать для удовольствія, но и самыя удовольствія надлежитъ позволять себѣ для добра (492 E—500 A). Итакъ теперь доказано, что люди наилучшіе—не тѣ, которые удовлетворяютъ всѣмъ своимъ желаніямъ и предаются удовольствіямъ; теперь и Калликлъ столь же рѣшительно опровергнуть, какъ прежде опровергнуть былъ Полось, и добродѣтель, освобожденная отъ постыдныхъ софистическихъ ограниченій, получила истинное свое значеніе и поставлена цѣлюю всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Послѣ сего Сократу оставалось обратиться къ риторикѣ и сдѣланныя доселѣ изслѣдованія приложить къ подтвержденію того, что прежде было касательно

ея постановлено, и такимъ образомъ раскрытъ истинное понятіе о ней.

Вспомнимъ же теперь слова мои, сказанныя Горгіасу и Полосу, говорить Сократъ, что есть упражненія, изъ которыхъ инья доходятъ до удовольствія и стремятся къ одному этому, лучшаго же и худшаго не знаютъ, а другія понимаютъ, что добро и что зло. И такъ какъ настоящая наша беѣда имѣеть въ виду предметъ самый важный, то-есть, какъ надобно жить,—заниматься ли риторикою или философіею; то не шути надо мною, но изслѣдуй, какое различіе между этими родами жизни, и которому изъ нихъ надобно слѣдовать. Помнишь ли, мы говорили, что есть занятія, поддѣлывающіяся подъ истинныя искусства, — такія занятія, которыя, не изслѣдывая природы вещей, основываются только на навыкѣ и заботятся объ однихъ удовольствіяхъ, а о пользѣ и добродѣтели вовсе не думаютъ. Одни изъ такихъ занятій, какъ напримѣръ, вухонное, относятся къ пробужденію удовольствій тѣлесныхъ, а другія имѣють въ виду—душевныя. Къ этому роду поддѣльныхъ или лъстящихъ душѣ искусствъ должно причислить, на примѣръ, игру на флейтѣ и на цитрѣ, хористіку, поэзію диеирамвическую и даже трагическую. А если отъ произведеній поэтическихъ мы отнимемъ метръ и риемъ, то сюда же отойдутъ и рѣчи; потому что поэзія есть также своего рода ораторство. Но что такое — самая, столько уважаемая Аѣнинами, риторика? Къ тому ли направляются рѣчи риторовъ, чтобы сколько можно лучшими сдѣлать гражданъ, или къ тому, чтобы, не ваботясь объ общемъ благѣ, доставить сколько можно болѣе удовольствій самимъ себѣ? Отвѣчая на этотъ вопросъ Сократа, Калликъ говоритъ, что между риторами есть и такіе, и другіе: одни дѣйствительно имѣють въ виду общее благо, а другіе—собственную пользу. Сократъ одобряетъ дѣленіе Калликла, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что исторія еще не указываетъ ни на одного ритора, который поставлялъ бы своею цѣлю улучшить Аѣнианъ; ибо, бывъ обязаны говорить въ пользу

добра и въ то же время желая, чтобы ихъ рѣчь отличалась изящною либо ученою формою, риторы вводятъ много словъ пустыхъ и мало думаютъ о мысли. Вотъ врачи и учителя гимнастики имѣютъ въ виду упорядочивать и укрѣплять тѣло. Такъ-то и риторы, считающіе своею обязанностію заботиться о душѣ, должны бы вселять нѣе порядокъ и красоту, то-есть, внушать ей справедливость и разсудительность. А между тѣмъ они не только не питаютъ ее этими добродѣтелями, но еще, поглажая ея страстямъ, увлекаютъ ее къ невоздержанію и несправедливости, то-есть, говорятъ что не надобно обуздывать пожеланій наказаніями, и не вѣрятъ, что исправленіе посредствомъ наказанія для души лучше ненаказанности. Не такъ ли и ты утверждалъ, Калликль? — Обличенный столь явно Сократовою діалектикою, ученикъ Горгіаса наконецъ отказывается отвѣчать на предлагаемые ему вопросы и, только изъ послушанія учителю, соглашается принимать участіе въ Сократовомъ изслѣдованіи (500 В — 506 В).

Показавъ такимъ образомъ истинное значеніе и направленіе софистической риторики, Сократъ теперь обращается къ раскрытію общей темы діалога и доказываетъ, что гражданскимъ занятіямъ риторовъ надобно предпочитать жизнь философскую, или, что ораторы, если они хотятъ быть дѣйствительно полезными для общества, должны основываться на твердыхъ началахъ философіи. Такъ какъ добро отлично отъ удовольствія, и мы все обязаны дѣлать для добра, говорить онъ, то главная задача нашей жизни есть—сдѣлаться добрыми. Но доброе бываетъ добромъ по добродѣтели; добродѣтель же обнаруживаетъ себя порядкомъ, правильностію и искусствомъ. Поэтому душа добродѣтельная есть душа прекрасная (*καθαρὴ*); поэтому также ей свойственна и разсудительность; а будучи разсудительною, она въ отношеніи къ богамъ и людямъ дѣлаетъ, что нужно, слѣдовательно бываетъ благочестива и справедлива. Въ этомъ-то случаѣ — не чужда она и мужества, потому что не поддается удоволь-

ствію и скорби, и знаетъ, чего бояться и чего нѣтъ. И такъ душа добродѣтельная есть душа добрая, а когда добрая, то и счастливая. Приобрѣтеніе такого счастья, по моему мнѣнію, должно быть цѣлью каждаго человѣка. И я, какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ занятіяхъ, считаю своимъ долгомъ, обуздывая силу страстей, стремиться къ справедливости и разсудительности, и чрезъ то, подражая богамъ, входить съ людьми въ искреннее содружество. Если же несомнѣнно, что люди дѣлаются счастливыми чрезъ справедливость и разсудительность, а несчастными—отъ неправды и необузданности пожеланій; то несомнѣнны и прежнія мои положенія, что гораздо хуже наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ, и что ораторъ долженъ знать, какое дѣйствіе справедливо и какое несправедливо. А что ты, Калликлъ, укорялъ меня въ безсиліи помочь себѣ и другимъ противъ наносимыхъ обидъ; то мнѣ кажется, не тотъ бѣденъ, кого обижаютъ, а тотъ, кто, обижая, не несетъ за то наказаній, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше приближается къ гибели. Но если больше зла наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ; то избѣжаніе золь зависитъ отъ насъ, а отраженіе ихъ требуетъ нѣкоторой власти и искусства: надобно, то-есть, либо самому управлять обществомъ, либо умѣть понравиться правителямъ и чрезъ нихъ получить силу въ обществѣ. Представь же, что правитель жестокъ и необразованъ: чтобы жить безопасно, необходимо принаравливаться къ его образу мыслей и дѣйствій; а дѣлая это для избѣжанія зла, надобно совершить еще больше золь,—надобно позволить себѣ множество несправедливостей и поступковъ безразсудныхъ. Явно, что человѣкъ мудрый на это никакъ не рѣшится; потому что, получая обиды отъ жестокаго правителя, онъ не такъ жалокъ, какъ самъ, несправедливо обижающій его, правитель. Посему и пользоваться тѣми искусствами, при помощи которыхъ можно избавиться отъ опасностей, чтобы жить какъ можно долѣе (развѣ то будетъ искусство кораблеплавателя или врача), думаю, мудреца не достойно. Слѣдо-

зательно онъ не будетъ заниматься и риторикою съ цѣлю защищать себя; ибо старается не о томъ, какъ бы долѣе пожить, но, вѣряя свою жизнь Богу, думаетъ, какъ бы время своей жизни употребить для улучшения себя. (506 D — 513 C).

Сколь ни правдоподобнымъ казалось Каллиглу это разсужденіе Сократа о необходимости добродѣтельной жизни для счастья и о неприложимости софистической риторики къ этой цѣли, — онъ все еще не рѣшается противорѣчить большинству человѣческихъ мнѣній и, вопреки имъ, вѣрить одному Сократу. Посему Сократъ, желая совершенно убѣдить Калликла въ своихъ положеніяхъ, кратко повторяетъ все, что прежде было допущено, и отсюда еще яснѣе выводитъ слѣдствія; такъ что на эту часть діалога можно смотрѣть, какъ на заключительное обзорнѣе всего, что въ немъ было разсмотрѣно. Помнишь, говоритъ Сократъ, мы назвали два способа попеченія какъ о тѣлѣ, такъ и о душѣ: одинъ происходитъ отъ ласкательства и направляется къ удовольствію, а другой имѣетъ въ виду наилучшее. Поэтому, если мы въ обществѣ домогаемся власти, то непременно должны стараться сдѣлать гражданъ наилучшими; ибо бесполезно благодѣтельствовать человѣку, неотличающемуся честностію и добротою. Но какъ другими искусствами никто не въ состояніи правильно пользоваться, не зная ихъ природы и не изучивъ способовъ ихъ употребленія: такъ и въ искусствѣ гражданскомъ никто не можетъ почитаться опытнымъ, не представляя какихъ-нибудь превосходныхъ образцовъ своей опытности. Итакъ, допустивъ, что люди государственные должны сдѣлать гражданъ наилучшими, надобно изслѣдовать, были ли между ними дѣйствительно такіе. Но разматривая политическіе подвиги даже тѣхъ, которые больше другихъ превозносятся у насъ похвалами, ты найдешь, что они не только не сдѣлали Аѳинянъ лучшими, но еще изнѣжили, развратили и пріучили ихъ къ удовольствіямъ. Потому-то Аѳиняне, какъ уже испорченные ими, на нихъ же и проявили

свое злонавіе, то-есть, однихъ оштрафовали, другихъ оскорбили, иныхъ изгнали, и риторика имъ въ этомъ случаѣ нисколько не помогла. Да и странно слышать, когда говорятъ, что риторы, или народные вожди то или другое несправедливо потерпѣли отъ народа. Съ чего бы взялъ народъ сдѣлать имъ зло, еслибы они въ самомъ дѣлѣ старались учить его добру? Вѣдь это то же, что жалобы софистовъ, которые, принявъ на себя званіе учителей добродѣтели и потомъ жалуясь, что ихъ ученики поступаютъ съ ними не добродѣтельно, этимъ самымъ доказываютъ, что наука ихъ бесплодна. Впрочемъ софисты и вообще сродны съ риторамъ и даже имѣютъ преимущество предъ послѣдними, какъ законодательство преимуществуетъ предъ законовѣденіемъ и гимнастика предъ медициною. Итакъ теперъ скажи мнѣ, Калликлъ, продолжаетъ Сократъ, къ чему ты приглашаешь меня: къ службѣ ли, въ которой надобно бороться съ Аѳинянами, чтобы сдѣлать ихъ лучшими, или къ прислуживанію, которое состоитъ въ ласкательствѣ?—По моему убѣжденію, я долженъ служить. Служба, соединенная съ борьбою, конечно можетъ подвергнуть меня великимъ опасностямъ: но тотъ, кто будетъ обвинять меня предъ судомъ, окажется человѣкомъ злымъ; потому что добрый не захочетъ доносить на невиннаго. Нѣтъ также ничего удивительнаго, что мнѣ, по опредѣленію суда, придется и умереть; потому что въ судѣ я не въ состояніи буду указать на какія-нибудь доставленныя мною Аѳинянамъ удовольствія, которыя они привыкли почитать благодѣянiami и пользами. А между тѣмъ мнѣ скажутъ, что я порчу, какъ юношей—недоумѣніями, такъ и мужей—высказываніемъ горькаго слова; и я, сознавая справедливость этихъ словъ и не умѣя внушить моимъ согражданамъ, что все это было для ихъ пользы, долженъ буду молчать и терпѣть, что ни случится. Тогда я не укроюсь подъ покровительство льстивой риторики, чтобы она помогла мнѣ: за то моею помощію будетъ моя правда предъ людьми и богами, и съ нею я перенесу смерть равнодушно; ибо вѣрю, что по

смерти душа моя сойдетъ въ преисподнюю и, представъ предъ судей въ совершенной наготѣ, признана будетъ ими достойною жребія душъ благочестивыхъ. Итакъ, я не долженъ, по твоему совѣту, Калликлъ, съ помощію риторики, домогаться чести отъ народа, но считаю долгомъ соблюдать истину, чтобы и жить и умереть человѣкомъ наилучшимъ. Къ этому же приглашаю и другихъ, и тебя самого, боясь, что иначе ты не въ состояніи будешь помочь себѣ, когда станешь на судъ къ Эаку. Указанный мною образъ жизни, безъ сомнѣнія, долженъ быть лучше вашего; потому что вы, люди мудрѣйшіе, не могли доказать, что надобно вести жизнь другую, а не ту, которая приноситъ пользу и по смерти. Всѣ ваши положенія опровергнуты; уцѣлѣло только одно,— что надобно больше остерегаться дѣлать обиду, чѣмъ быть обижаемымъ, и не казаться, а дѣйствительно быть добрымъ. Послушайся же меня и иди этимъ путемъ. Потрудившись на такомъ поприщѣ, мы потомъ уже, если покажется нужнымъ, приступимъ и къ дѣламъ политическимъ, и будемъ подавать совѣты, какъ совѣтники лучшіе, чѣмъ каковы мы теперь (513 D—527 E).

Обозрѣвъ ходъ и послѣдовательное развитіе частей Платонова Горгіаса, мы теперь можемъ ясно опредѣлить цѣль этого діалога. Надобно припомнить, что послѣ персидскихъ войнъ нравственное и политическое состояніе Грековъ начало клониться къ упадку. Разбивъ и изгнавъ изъ своихъ предѣловъ огромныя персидскія арміи, Греки потомъ чрезъ долгое время наслаждались совершеннымъ миромъ и, гордясь воспоминаніями о блистательныхъ успѣхахъ своего оружія, о подвигахъ знаменитыхъ своихъ вождей, предалися гражданской дремотѣ, оставили прежнюю простоту своей жизни и устремились ко всѣмъ родамъ удовольствій. Имѣя въ виду этотъ нравственный переворотъ своихъ соотечественниковъ, Платонъ причину его указываетъ въ тѣхъ самыхъ народныхъ вождяхъ, которые, своими побѣдами прославивъ греческое общество, во время мира не заботились держать его

въ предѣлахъ добродѣтели и умѣренности, но развили въ немъ роскошь и любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ, разумѣется, требовавшимъ много денегъ, а для денегъ, позволявшимъ всевозможныя несправедливости, — и оттого первые испытали на самихъ себѣ дѣйствіе общественнаго разврата и безумія. Такую слабость въ управленіи болѣе всѣхъ обнаруживалъ знаменитый Периклъ. Управляя Аѳинянами почти сорокъ лѣтъ, онъ развилъ въ юномъ поколѣніи столько легкомыслія, что послѣ его смерти всѣ, получившіе какое-нибудь образованіе, начали считать себя способными къ занятію высшихъ должностей въ республикѣ и, окрыляемые честолюбіемъ, наперерывъ стремились предвосхитить другъ у друга право администраціи. Эти администраторы не испытывали себя добросовѣстно, — имѣютъ ли они въ самомъ дѣлѣ потребныя качества и познанія для управленія народною толпою, но представляли только личныя выгоды отъ прохожденія той или другой государственной должности, и чтобы достигнуть ихъ, старались, вопреки совѣсти, сколько можно пріятнѣе льстить народу и поглажать его страстямъ. Такая лесть ихъ, по условіямъ республиканской формы правленія, расточаема была обыкновенно съ аѳинской трибуны и украшалась именемъ гражданскаго краснорѣчія. Отсюда произошла потребность учиться хорошо говорить политическія рѣчи, — и между тогдашними софистами не замедлили явиться профессеры риторики, вызывавшіеся всякому преподавать искусство — двигать, посредствомъ слова, души слушателей, направлять ихъ, куда и къ чему угодно. Эта наука ихъ дѣйствительно могла своимъ adeptамъ приносить не маловажную пользу, ибо работывала языкъ и устанавливала правила декламаціи; но аѳинскому обществу она дѣлала много вреда, потому что истину обезображивала софизмами, для личныхъ интересовъ оратора потворствовала страстямъ народа, благосклонность его пріобрѣтала чрезъ пожертвованіе справедливостію, и такимъ образомъ становилась самымъ разрушительнымъ ору-

діемъ для истребленія добрыхъ началъ народной нравственности. Противъ этого-то гибельнаго направленія софистической риторики Платонъ возстае въ своемъ Горгіасѣ и главною цѣлю поставляетъ — пустому, софистическому ораторству, льстящему страстямъ гражданъ, противоположить науку истинную, достойную философа и ревнующую о добродѣтели и честности, чтобы чрезъ это, по возможности, остановить губительный разливъ порчи въ нравственной жизни Грековъ. Онъ хочетъ внушить своимъ современникамъ, что вожди народа должны забыть о личной своей пользѣ и стараться болѣе объ улучшеніи согражданъ, чѣмъ объ увеличеніи своего богатства; потому что счастье для человѣка невозможно, если оно не соединено съ добродѣтелию и основывается не на добродѣтели. Гдѣ нѣтъ доброй нравственности, гдѣ дѣлами общества управляетъ невоздержаніе, несправедливость, криводушіе и развратъ; тамъ быстро зрѣетъ и общественное и частное зло, тамъ все идетъ къ разрушенію и гибели.

Но имѣя въ виду эту главную цѣль при развитіи своего Горгіаса, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ себѣ и цѣли второстепенныя. Говоря объ одномъ общемъ, онъ любилъ высказывать и раскрывать кстати ту или другую частную истину во многихъ своихъ разговорахъ, и по своему обычаю не упустилъ то же сдѣлать и здѣсь. Въ Горгіасѣ главнымъ его дѣломъ было, какъ мы сказали, обличить господствовавшую въ его время софистическую риторику и доказать, что ораторъ, не зная, въ чемъ состоитъ справедливое и несправедливое, не можетъ сдѣлать изъ нея никакого хорошаго и истинно полезнаго употребленія. Но изслѣдывая это, онъ, не безъ особеннаго намѣренія, вдается также въ длинныя разсужденія о различіи между справедливымъ и пріятнымъ, о цѣли человѣческихъ дѣйствій, о твердости добраго и честнаго человѣка въ перенесеніи обидъ, и о многомъ другомъ. Особенно же преднамѣренными и знаменательными кажутся тѣ мѣста въ его разговорѣ, гдѣ Со-

врать гадаеть о возможности попасть ему подъ судъ и, по опредѣленію суда, умереть. Читая этотъ отдѣлъ Горгіаса, невольно приходишь къ мысли, что, при изложеніи его, цѣлю Платона было между прочимъ оправдать Сократа въ памяти тѣхъ людей, которые не понимали важности простаго и иногда досадительнаго, но въ высшей степени полезнаго и благодѣтельнаго его философствованія. Очень правдоподобно, что смерть его многимъ тогдашнимъ софистамъ и ихъ ученикамъ представляла случай смѣяться надъ строгими правилами и высокими нравственными идеями сократической философіи, чтобы вовсе заглушить посѣянные имъ въ умахъ современниковъ сѣмена здраваго мышленія объ истинныхъ пользахъ греческаго общества. Повтому Платонъ хотѣлъ и долженъ былъ защитить своего учителя отъ нареканій, и моѣ написать Горгіаса, какъ апологію, съ намѣреніемъ пробудить въ Аѣинянахъ, по крайней мѣрѣ, позднее раскаяніе въ неблагодарности къ Сократу. Читая этотъ разговоръ, Аѣиняне должны были увѣриться, что вліяніе софистовъ на дѣла политическія было весьма гибельно, и что наилучшимъ политикомъ надлежало бы почитать имъ Сократа, который своею ироніею преслѣдовалъ этихъ развратителей юношества и предостерегалъ отъ нихъ юное поколѣніе.

Полагая, что такова именно была цѣль, для которой написанъ Горгіасъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, опредѣлить и время изданія его въ свѣтъ. Платонъ написалъ своего Горгіаса, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти Сократа, то есть послѣ 1, 95 олимп. Къ этому заключенію приводитъ насъ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ историческихъ соображеній, особенное сходство разсматриваемаго діалога съ Платоновымъ Менономъ, который, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ (соч. Плат. II, 155), написанъ незадолго до смерти Сократа. Сходство ихъ и по содержанію, и по намѣренію писателя, и по личности собесѣдниковъ, въ томъ и другомъ сочиненіи разговаривающихъ съ Сократомъ, таково, что эти

сочиненія, по всей вѣроятности, должны были излиться изъ души Платона не чрезъ долгое время одно послѣ другаго. Въ Менонѣ доказывается, что риторы и такъ называемые политики неспособны учить народъ гражданскимъ добродѣтелямъ, потому что не имѣютъ знанія объ истинѣ: почти то же самое говорится и въ Горгіасѣ, — что софистическая риторика, безъ честности и справедливости, есть орудіе, разрушающее гражданское общество. Въ Менонѣ шаткимъ и неопредѣленнымъ мнѣніямъ политиковъ противопоставляется знаніе философа: такимъ же образомъ и въ Горгіасѣ постыдному и гибельному искусству политическихъ говоруновъ представляется въ обличеніе справедливости, честности и воздержанія челоуѣка истинно мудраго. Въ Менонѣ выставлены, какъ лица разговаривающія, — ученикъ Горгіаса Менонъ, и другъ его Анить, изъ которыхъ первый защищаетъ дѣло софистовъ, а послѣдній — подвиги политиковъ: подобное видимъ мы и въ Горгіасѣ, гдѣ сперва самъ софистъ, потомъ ученикъ его Полось ратуетъ за силу и достоинство риторики; когда же положенія ихъ были опровергнуты, вступаетъ въ состязаніе съ Сократомъ Калликъ и, подобно Аниту, превозноситъ вліяніе Горгіасовой науки на дѣла гражданскія и на успѣхи людей, стремящихся къ занятію правительственныхъ должностей въ обществѣ. Все это неволью ведетъ къ заключенію, что написаніе Горгіаса должно было послѣдовать вскорѣ за изданіемъ Менона и, по всей вѣроятности, либо послѣ того, какъ Сократъ произнесъ уже въ судѣ свою апологію, — на что отчасти указываютъ слова его (522 А), — либо даже тотчасъ послѣ его смерти. Впрочемъ нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на свидѣтельствѣ самого Сократа (473 Е), что «въ прошломъ году онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло» (сбирать голоса), полагаютъ, что изданіе Горгіаса надобно относить 4, 93 олимп.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

КАЛЛИКЛЪ, СОКРАТЪ, ХЕРЕФОНЪ, ГОРГІАСЪ, ПОЛОСЪ.

Калл. Такъ-то можно бы придти, Сократъ, только на войну, да въ сраженіе ¹.

Сокр. Что? неужели, по пословицѣ, мы поспѣли на праздникъ къ шапочному разбору? ²

Калл. Да еще на праздникъ торжественный! Вѣдь вотъ сейчасъ только Горгіасъ показалъ намъ такъ много прекраснаго ³.

¹ Πολέμου καὶ μάχης χρῆσαι οὕτω μεταλαχθένειν. — Поговорка, означающая, что не спѣшить, или приходитъ поздно, можно бы только къ дѣламъ опаснымъ и непріятнымъ. Такъ объясняетъ это выраженіе и схоліа Олимпіодора (ms. Siz): *φασι γὰρ ὅτι, εἰ ἦν πόλεμος, εἶδει σὲ ὑστερήσαι, ἵνα μὴ φρονεῖσθῃς*. Подобное значеніе имѣла у Афинянъ поговорка: *οὐ πόλεμόν γε ἀγγέλλεις* (Phaedr. p. 242. В. *Erasm. adag.* p. 527).

² Греч. *κατόπιν ἑορτῆς ἤκομεν καὶ ὑστεροβύμεν*, собственно значить: мы пришли позади, или послѣ праздника, и не застали его. Эта пословица, по Схолиасту и Олимпіодору, прилагалась *ἐπὶ τῶν ἐπὶ τινὶ καλῶ πράγματι ἀπολιμπανῶ μένων*. У насъ однозначительна съ нею: придти къ шапочному разбору.

³ Горгіасъ былъ софистъ, родомъ изъ Леонтины. Послѣ смерти Перикла, Леонтинцы отправили его посломъ въ Афины — съ тою цѣлію, чтобы онъ примирилъ съ ними Афинянъ. Это посольство относится ко 2 году 88 олимп. *Diodor.* XII. 52. Прибывъ въ мѣсто своего назначенія, Горгіасъ къ должности посла присоединилъ профессію софиста и своимъ краснорѣчіемъ до того увлекалъ афинское юношество, что тотъ день почитался праздничнымъ, въ который предлагалъ онъ свои декламации. Способъ собирать къ себѣ слушателей состоялъ у него въ объявленіи, что въ означенное время онъ будетъ отвѣчать на всѣ предлагаемые себѣ вопросы и разсуждать о всякомъ предметѣ, по желанію посѣтителей. На такой зовъ праздные люди стекались къ нему толпами и за находчивость его ума, за гибкость и изворотливость его

• *Сокр.* Въ этомъ, Калликлъ ¹, виноватъ именно Херефонъ ²: онъ заставилъ насъ провести нѣсколько времени на площади.

Хереф. Нѣтъ нужды, Сократъ; я же и поправлю дѣло. Вѣдь Горгіасъ мнѣ другъ; такъ онъ покажетъ себя, если угодно, хоть сегодня, а когда хочешь, — и въ другое время.

Калл. Чтò ты, Херефонъ? неужели Сократъ захочетъ слушать Горгіаса?

Хереф. Да вѣдь мы для того и пришли.

Калл. А когда хотите, — не угодно ли пойти ко мнѣ домой ³; вѣдь Горгіасъ квартируетъ у меня и покажетъ вамъ свое искусство.

Сокр. Ты хорошо сказалъ, Калликлъ. Но согласится ли С. онъ бесѣдовать съ нами? Вѣдь я хочу спросить у него, въ чемъ состоитъ сила его искусства? Чтò такое то, о чемъ онъ объявляетъ и чему учитъ? А иной опытъ рѣчи пусть онъ отложитъ, какъ ты говоришь, до другаго времени.

Калл. Нѣтъ ничего лучше, какъ спросить его объ этомъ, Сократъ; потому что одна похвальба его къ этому именно и относится; нынѣ же приказывалъ онъ всякому, кто тутъ былъ, спрашивать себя, о чемъ кому угодно, и вызывался отвѣчать на все.

слова платили большія деньги. Дѣлать подобные опыты разсужденій называлось у софистовъ *ἐπιδείκνυσθαι*, т. е. показывать себя, или свое искусство, дебютировать (*Gresollius Theatr. Rhetor.* III, 5. sqq).

¹ *Калликлъ* — молодой Афинянинъ, воспитанный въ духъ тогдашней софистической школы, весьма занятый своею способностію говорить, ничего не зная основательно, вѣдающійся эгоистическими расчетами, ищущій собственной пользы, богатства и политическаго значенія въ обществѣ, а справедливость, общее благо, знаніе дѣла почитающій идеями устарѣлыми и даже смѣшными. Подъ собственнымъ именемъ Калликла Платонъ могъ разумѣть все юное, испорченное и развратившееся поколѣвіе тогдашней Греціи.

² О Херефонѣ см. *Apol. Socr.* 21 E. *Charm.* 353 B. и введене въ Симпосіонъ.

³ *Ὁμοίον ἔστιν βούλησθαι πᾶρ' ἐμὲ ἤκειν οἴχθαι.* Здѣсь неокончателное *ἤκειν* напрасно принимаютъ нѣкоторые въ смыслъ повелительнаго. Ясно, что приведенное выраженіе сокращено: для полноты его, надлежало бы повторить сослагательное *βούλησθαι*.

Сокр. Куда хорошо говоришь ты! Спроси его Херефонъ.

Хереф. О чемъ?

Сокр. Кто онъ таковъ.

Хереф. Какъ это?

Сокр. А вотъ какъ: еслибы онъ былъ мастеръ шить обувь, то вѣроятно отвѣчалъ бы тебѣ, что онъ башмачникъ. Или и теперь не понимаешь, что я говорю?

Хереф. Понимаю и спрошу. — Скажи мнѣ ¹, Горгиасъ! правду ли говоритъ этотъ Калликлъ, будто ты вызываешься отвѣчать на все, о чемъ бы ни спросили тебя?

448. *Горг.* Правду, Херефонъ; вѣдь я нынѣ же объявлялъ это и утверждаю, что въ продолженіе многихъ лѣтъ еще никто не спросилъ меня о чемъ-нибудь новомъ.

Хереф. Такъ видно тебѣ легко отвѣчать, Горгиасъ.

Горг. Можешь узнать это на опытѣ, Херефонъ.

Пол. И клянусь Зевсомъ, лишь бы только ты хотѣлъ, — отъ меня, Херефонъ; потому что Горгиасъ, мнѣ кажется, въ волю наговорился, — онъ сейчасъ много рассуждалъ.

Хереф. Что ты, Полось ²? неужели думаешь, что будешь отвѣчать лучше Горгиаса?

Пол. Какая нужда, лишь бы для тебя-то было довольно.

В. *Хереф.* Никакой. Отвѣчай, если хочешь.

Пол. Спрашивай.

Хереф. А вотъ спрашиваю. Еслибы Горгиасъ былъ знатокъ того искусства, которое знаетъ братъ его Иродикъ ³; то

¹ Доселѣ собесѣдники разговаривали, повидимому, предъ домомъ Калликла, а теперь уже вошли въ домъ и увидѣлись съ Горгиасомъ.

² Полось Агригентскій риторъ, былъ слушателемъ Горгиаса и, какъ человекъ, по свидѣтельству Филострата, чрезвычайно богатый, платилъ ему за наставленія огромную сумму. V. *Philostr.* vit. Sophist. L. 1. p. 500. О немъ Платонъ упоминаетъ также въ Теагѣ (p. 128 A) и Федрѣ (p. 267 C), гдѣ мѣтко осмѣивается изысканность софистическихъ его выраженій.

³ Объ Иродикѣ Schol: οὗτος οὐχ ὁ Ἐπιλυρριανός ἐστιν Ἠρόδικος, ἀλλ' ὁ Ἀστυνός, Γοργίου ἀδελφός. О Сидмврійскомъ упоминается въ Протагорѣ (316 E) и Федрѣ (227 D). Оба они называются врачами, и потому неудивительно, что нѣкоторыми принимаемы были за одно лице. *Routhius* ad h. I. и *Wytttenbach.* ad *Plutarch.* de S. N. V. p. 50, см. *Prinsterer von Groen* Prosopogr. Plat. p. 393. *Heindorf.* ad *Phaedr.* § 2.

чѣмъ мы по справедливости назвали бы его? Не тѣмъ ли, чѣмъ и брата?

Пол. Конечно.

Хереф. Стало быть, мы хорошо сказали бы, когда бы назвали его врачомъ?

Пол. Да.

Хереф. Еслибы также онъ былъ опытенъ въ искусствѣ Аристофона ¹ сына Аглаофонова, или брата его; то какос бы правильно дали ему имя?

Пол. Явно, что имя живописца.

С.

Хереф. Но теперь, такъ какъ Горгіасъ—знатокъ какого-то искусства; то какимъ именемъ можно бы правильно назвать его?

Пол. О Херефонъ! У людей изъ опыта опытно изобрѣтено много искусствъ. Опытъ ведетъ нашъ вѣкъ путемъ искусства, а неопытность — путемъ случая ². И изъ всѣхъ искусствъ, иными владѣютъ иные иначе, превосходнѣйшими же—превосходнѣйшіе. Къ числу ихъ относится и этотъ Горгіасъ и владѣетъ искусствомъ прекраснѣйшимъ.

Сокр. Видно, Горгіасъ, что Полосъ дѣйствительно хорошо и приготовленъ вести рѣчь; однакожъ не дѣлаетъ того, что обѣщаль Херефону.

¹ О живописцѣ Аристофонѣ упоминаетъ Плиніи. Н. Н. XXXVII. Живописцевъ Аглаофоновъ было два; см. *Interpr. ad Plin.* Н. Н. XXXV. 9. Упоминаемый здѣсь былъ отецъ и вѣсть учитель Полигнота. *Suidas* S. V. Πολύγνωτος.

² Эти слова Платонъ, по всей вѣроятности, заимствовалъ изъ книги Полоса; потому что онъ, какъ Полосовы, приводятся и у Аристотеля (*Metaph.* I, 1): *ή μιν γάρ εμπειρία τέχνην ποιοῦσι, ὡς γησι Πάλος, ἄρθως λέγων, ή δ'ἀπειρία τέχνην.* То же и у Стобея (*Floril. vegm.* IV). А что Полосъ дѣйствительно писалъ, см. ниже р. 462. Но чтобы опредѣлить, до какой степени вѣрна мысль союста, надобно обратить вниманіе на значеніе словъ *ἐμπειρία* и *ἀπειρία*. Если неопытность, по его мнѣнію, ведетъ путемъ случая; то *ἀπειρία* значить у него то же, что *ἀμαθία*—незнаніе. Но въ такомъ смыслѣ, слову *ἀπειρία* должно быть противоположно не *ἐμπειρία*, такъ какъ *ἐμπειρία* нерѣдко бываетъ чужда знанія, а *ἐπιστήμη*, которая дѣйствительно ведетъ путемъ искусства. Дальнѣйшія выраженія: «изъ всѣхъ искусствъ, иными владѣютъ иные иначе, превосходнѣйшими же—превосходнѣйшіе»—суть софистическій подборъ словъ.

Горг. Чего же лучше, Сократъ?

Сокр. Да кажется, отвѣчаетъ не совсѣмъ на вопросъ.

Горг. Такъ спроси его, если хочешь, самъ.

Сокр. Нѣтъ, самъ-то я охотнѣе спросилъ бы тебя, если-бы только ты согласился отвѣчать мнѣ. Вѣдь уже и изъ сказанныхъ словъ Полоса видно, что онъ занимался болѣе такъ называемою риторикою, чѣмъ искусствомъ разговари-вать.

Е. *Пол.* Почему же это, Сократъ?

Сокр. Потому, Полосъ, что когда Херефонъ спросилъ, въ какомъ искусствѣ Горгіасъ знатокъ, — ты началъ превозно-сить Горгіасово искусство, какъ будто кто порицаетъ его, а въ чемъ оно состоитъ, не отвѣтилъ.

Пол. Да развѣ я не отвѣтилъ, что оно самое прекрас-ное?

449. *Сокр.* О, конечно; но вѣдь никто не спрашивалъ, каково Горгіасово искусство, а спрашивали, чтò такое оно, и чѣмъ надобно назвать Горгіаса. Прежде этого на вопросы Херефо-на ты отвѣчалъ хорошо и коротко: скажи же и теперь такъ, чтò это за искусство, и чѣмъ должны мы назвать Горгіаса. Или лучше скажи ты самъ, Горгіасъ, чѣмъ тебя называть и какого искусства почитать тебя знатокомъ.

Горг. Риторики, Сократъ.

Сокр. Стало быть, надобно называть тебя риторомъ?

Горг. Да, и хорошимъ, Сократъ, если только угодно тебѣ назвать меня тѣмъ, чѣмъ я хвалюсь, говоря словами Омира.

Сокр. Конечно угодно.

Горг. Такъ называй же.

Сокр. Но должны ли мы говорить, что ты и другихъ мо-жешь дѣлать риторами?

В. *Горг.* Да вѣдь я объявляю это не только здѣсь, но и въ иныхъ городахъ ².

¹ Говорятъ, Горгіасъ долго жилъ въ Фессаліи и тамъ съ великою похва-лою преподавалъ другимъ свою мудрость. Поэтому онъ здѣсь могъ указывать на фессалійскіе свои уроки. Plat. Menon. p. 70 A.

Сокр. Такъ не хочешь ли, Горгіасъ, продолжать бесѣдовать съ нами, какъ теперь, то-есть, иногда спрашивать, иногда отвѣчать, а такую длинную рѣчь, какую началъ Полось, отложить до иного времени? И ужъ что пообщаешь, — не обмани, но рѣшишь коротко отвѣчать на вопросы.

Горг. Нѣкоторые отвѣты таковы, Сократъ, что необходимо бываетъ излагать ихъ въ длинной рѣчи. Впрочемъ, я все-таки постараюсь отвѣчать какъ можно короче; ибо въ мое объявленіе входитъ и то, что на одинъ и тотъ же предметъ никто не можетъ сказать короче, чѣмъ я.

Сокр. Это-то и нужно намъ, Горгіасъ: въ этомъ именно покажи мнѣ себя—въ краткословіи, а длиннословіе—до другаго времени.

Горг. Изволь, покажу, — и ты согласишься, что не слыхивалъ, кто бы говорилъ такъ коротко.

Сокр. Давай же. Такъ какъ ты называешь себя знаткомъ Д. риторскаго искусства и вызываешься сдѣлать риторомъ и другаго; то конечно скажешь, какому дѣйствительному предмету учить риторика — подобно тому, на примѣръ, какъ швейное искусство учить готовить платья. Не правда ли?

Горг. Да.

Сокр. Или, какъ музыкальное учить сочинять пѣсни.

Горг. Да.

Сокр. Клянусь Ирою, Горгіасъ, я очень радъ этимъ отвѣтамъ, — что ты отвѣчаешь какъ можно короче.

Горг. И вѣдь мои отвѣты, думаю, очень удовлетворительны, Сократъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Отвѣчай же мнѣ такъ и касательно риторики: о какомъ дѣйствительномъ предметѣ она есть наука?

Горг. О рѣчахъ.

Сокр. О какихъ это, Горгіасъ? не о тѣхъ ли, которыми объявляется больнымъ, какой должны они сохранять образъ жизни, чтобы выздоровѣть?

Горг. Нѣтъ.

С оч . Плат . Т . II .

Сокр. Такъ видно риторика занимается не всѣми рѣчами?

Горг. Конечно не всѣми.

Сокр. Однакожь дѣлаетъ людей сильными въ рѣчи?

Горг. Да.

Сокр. И не правда ли, что эти люди разумѣютъ то, о чемъ говорятъ?

Горг. Какъ же не разумѣть?

450. *Сокр.* Но и врачебное искусство, о которомъ мы теперь только говорили, развѣ не дѣлаетъ людей сильными въ разумѣніи и въ рѣчи о больныхъ?

Горг. Необходимо.

Сокр. Поэтому и врачебное искусство, какъ видно, есть наука о рѣчахъ.

Горг. Да.

Сокр. Именно о рѣчахъ касательно болѣзней?

Горг. Непремѣнно.

Сокр. Не есть ли и гимнастика также наука о рѣчахъ, касательно хорошаго и дурнаго состоянія тѣлъ?

Горг. Конечно.

в. *Сокр.* Да таковы вѣдь и всѣ прочія искусства, Горгіасъ. Каждое изъ нихъ занимается тѣми рѣчами, которыя касаются предмета, рассматриваемаго извѣстнымъ искусствомъ.

Горг. Видимо.

Сокр. Почему же бы прочихъ наукъ, разсуждающихъ о рѣчахъ, не назвать тебѣ риториками, если эту, занимающуюся также рѣчами, ты называешь риторикою?

Горг. Потому, Сократъ, что все занятіе прочихъ искусствъ касается, такъ сказать, ремесль и подобныхъ тому дѣлъ, занятіе же риторики—отнюдь не ремесло; ея работа и служеніе совершается посредствомъ рѣчей. Оттого, называя риторику искусствомъ о рѣчахъ, я называю ее, говорю тебѣ, правильно.

Сокр. Такъ неужели я понимаю, какую хочешь ты назвать ее? Но вотъ тотчасъ узнаю это яснѣе. Отвѣчай-ка. У насъ есть искусство. Не такъ ли?

Горг. Да.

Сокр. Изъ всѣхъ искусствъ иныя, думаю, состоятъ большею частію въ руководѣльѣ и требуютъ не много рѣчей, а нѣкоторыя даже и не требуютъ, но во всемъ ограничиваются художествомъ и производятся молча, какъ на примѣръ, живописное, ваятельное и многія другія. Такія-то, кажется, D. разумѣешь ты искусства, касательно которыхъ, говоришь, нѣтъ риторики. Не такъ ли?

Горг. Ты весьма хорошо понимаешь, Сократъ.

Сокр. А есть и другія искусства, которыя во всемъ ограничиваются рѣчью, дѣла же, можно сказать, или вовсе не требуютъ, или очень мало, напр. ариеметика, счетоводство, геометрія, игра въ кости и многія иныя; такъ что нѣкоторыя изъ нихъ допускаютъ столько же рѣчей, сколько дѣлъ, E. а другія гораздо больше, и вообще все ихъ занятіе и служеніе совершается посредствомъ рѣчей.

Горг. Справедливо говоришь.

Сокр. Но и изъ нихъ также ни одного, думаю, не захочешь ты назвать риторикою, хотя буквально и выходитъ, что искусство, служащее посредствомъ рѣчи, есть риторика. Иной, желая говорить на перекоръ твоимъ словамъ, пожалуй, возразитъ: неужели ариеметику, Горгіасъ, ты называешь риторикою? Нѣтъ, ни ариеметики, не геометріи, думаю, не назовешь риторикою.

Горг. Да, ты правильно думаешь и вѣрно понимаешь, 451. Сократъ.

Сокр. Ну теперь закончи же и ты свой отвѣтъ на мой вопросъ. Такъ какъ риторика есть одно изъ тѣхъ искусствъ, которыя пользуются по большей части рѣчью, а такія искусства бывають и кромѣ этого; то потрудись сказать, въ отношеніи къ чему служеніе рѣчами есть риторика. Если бы, на примѣръ, кто спросилъ меня о которомъ-нибудь изъ упомянутыхъ мною теперь же искусствъ: Сократъ, что есть искусство ариеметическое?—Я отвѣчалъ бы ему, какъ сейчасъ в. ты, что оно принадлежитъ къ числу наукъ, служащихъ по-

средствомъ рѣчей.—А когда бы тотъ опять спросилъ: чему она служить?—Я сказалъ бы: чету и нечету, опредѣляя, что такое оба они.—Потомъ, пусть бы онъ еще спросилъ: а счетоводство какимъ называешь ты искусствомъ?—Я отвѣчалъ бы, что и оно изъ числа искусствъ, исполняющихъ все рѣчью.—А когда бы тотъ опять спросилъ: что оно исполняетъ?—Я сказалъ бы: то же, что собирающій голоса въ народной сходкѣ¹; а вразсужденіи другихъ дѣлъ, оно таково, какъ и с. арифметика, ибо занимается тѣмъ же предметомъ—четомъ и нечетомъ, съ тою лишь разницею, что счетоводство наблюдаетъ надъ четомъ и нечетомъ, имѣя въ виду отношеніе ихъ величинъ возвратное и взаимное.—Равнымъ образомъ, еслибы спросили меня объ астрономіи и, выслушавъ мой отвѣтъ, что она все свое служеніе совершаетъ словомъ, опять предложили вопросъ: о чемъ говорить астрономія, Сократъ?—Я сказалъ бы, что о движеніи звѣздъ, солнца и луны, какова, то-есть, относительная скорость ихъ.

д. *Горг.* Да и правильно сказалъ бы, Сократъ.

Сокр. Ну, а ты, Горгиасъ? Вѣдь настоящая-то риторика принадлежитъ къ числу искусствъ, все совершающихъ и служащихъ рѣчью. Не такъ ли?

Горг. Такъ.

Сокр. Скажи же, о чемъ она. Что за предметъ, около котораго вращаются рѣчи, употребляемая риторикой?

Горг. Величайшія и превосходнѣйшія изъ дѣлъ человѣческихъ, Сократъ.

е. *Сокр.* Но и это, Горгиасъ, подлежитъ спору и сказано во-

¹ *Οἱ ἐν τῷ δήμῳ συλλεγόμενοι.* Схоластикъ къ этому мѣсту говоритъ: «въ собраніяхъ, когда требуются голоса или устанавливаются законы, герольдъ, при подачѣ перваго голоса или закона, провозглашалъ имя подавшаго голоса или предложившаго законъ, съ означеніемъ имени его отца и деды, которой онъ житель; напр. Димосеенъ сынъ Димосеена, Певаніецъ, даетъ мнѣніе такое-то. Если же тотъ самый гражданинъ вздумалъ бы подать новый голосъ по прежнему предмету, — герольдъ говорилъ ему, чтобы лишняго не толковать, подавая объ одномъ и томъ же предметѣ то одно, то другое мнѣніе. Такъ вотъ дѣло, о которомъ здѣсь говорится.

все не ясно. Я думаю, ты слыхалъ, какъ на пирахъ люди поютъ хитро сложенную пѣсню ¹ и перечисляютъ въ ней блага жизни; именно: первое благо — быть здоровымъ, второе — быть прекраснымъ, а третье, какъ говорить сочинитель пѣснии, — быть богатымъ безъ дурныхъ средствъ.

Горг. Конечно слыхалъ. Но къ чему ты сказалъ это?

Сокр. Къ тому, что производители благъ, восхваляемыхъ ⁴⁵² сочинителемъ пѣснии, — врачъ, гимнастикъ ² и ростовщикъ, могутъ тотчасъ прійти къ тебѣ, и врачъ первый скажетъ: Сократъ! Горгіасъ обманываетъ тебя; не его, а мое искусство имѣетъ предметомъ величайшее благо людей. И еслибы я спросилъ его: кто же ты, что такъ говоришь? — Онъ, можетъ быть, отвѣчалъ бы: врачъ. — Такъ что жъ? неужели дѣло твоего искусства есть величайшее благо? — Да здоровье какъ не благо, Сократъ, можетъ быть, сказалъ бы онъ? для людей ^В какое благо выше здоровья? — Потомъ за нимъ сталъ бы говорить гимнастикъ: какъ удивился бы я, Сократъ, еслибы Горгіасъ умѣлъ показать тебѣ больше блага отъ своего искусства, чѣмъ я отъ своего! — Но мнѣ вздумалось бы спросить и этого: а ты-то что за человекъ? какое твое дѣло? — Я гимнастикъ, отвѣчалъ бы онъ, и мое дѣло — доставлять людямъ тѣлесную красоту и силу. — Наконецъ, послѣ гимнастика, ду-

¹ Τοῦτο τὸ σκολιόν. По замѣчанію схолиаста, одни приписываютъ ее Симониду, другіе — Эпихарму. *Clem. Alex. Strom.* IV. p. 575. *Theodoret. Serm.* II. p. 83. sq.). Текстъ ея — слѣдующій: Ὑγιαίνειν μὲν ἄριστον ἀνδρὶ θνατῷ. Δεύτερον δὲ φίλον καὶ ἄλλο γενέσθαι. Τὸ δὲ τρίτον πλουτεῖν ἀδόλοως. Τέταρτον δὲ ἔρβαν μετὰ φίλων. То-есть: смертному человѣку всего лучше быть здоровымъ; потомъ, имѣть прекрасную наружность; въ-третьихъ, безукоризненно богатѣть; и наконецъ, въ-четвертыхъ, веселиться съ друзьями. — Это четвертое благо, какъ не отъ носившееся къ цѣли разсматриваемаго вопроса, Платонъ оставилъ. Содержаніе упомянутой пѣснии онъ приводитъ также *Legg.* 1, 631. С. II, 661. А.

² Платонъ въ этомъ мѣстѣ называетъ гимнастика παιδοτριβήс — словомъ, по русски непереводаемымъ. Должность педотрива состояла въ укрѣпленіи и развитіи тѣла дѣтей чрезъ натираніе ихъ масломъ (отъ παῖс; и τριβω). Слѣдовательно это дѣло относилось къ гимнастикѣ, какъ видъ къ роду. Олимпіодоръ между врачомъ и педотривомъ поставляетъ такое различіе, что ὁ μὲν ἰατρός; περὶ τὰ στοιχικά; αὐτὰ καὶ ἑαυτὰ καταγύγνεται, ὁ δὲ παιδοτριβήс περὶ τῶν συνθεσίων; αὐτῶν; καὶ τῶν τῶν μαρίων; συνθέσεων; καὶ τὸ κάλλος; αὐτῶν.

- маю, съ совершеннымъ презрѣніемъ ко всѣмъ, началъ бы говорить и ростовщикъ: смотри-ка, Сократъ, покажется ли тебѣ какое Горгіасово, или чье бы-то ни было благо больше богатства.—А мы сказали бы ему: что это? развѣ ты мастеръ производить богатство?—Онъ подтвердилъ бы.—Кто же ты? — Ростовщикъ. — Такъ что жъ? неужели, думаешь, богатство есть величайшее благо для людей, спросили бы мы его?—Да какъ же не благо, отвѣчалъ бы онъ?—Однакожъ этотъ Горгіасъ спорить, что его искусство есть причина бѣдшаго блага, чѣмъ твое, сказали бы мы.—Явно, что под слѣ сего онъ спроситъ: какое же это благо? пусть Горгіасъ уважаетъ его своимъ отвѣтомъ.—Такъ вотъ, Горгіасъ; представляя, что тебя спрашиваютъ и они, и я, отвѣчай, что такое то, что ты называешь величайшимъ благомъ и чего производителемъ считаешь самого себя.

Горг. Это, Сократъ, по истинѣ, величайшее благо и причина какъ свободы самихъ людей, такъ и власти ихъ надъ другими въ каждомъ городѣ.

- Е. *Сокр.* Что жъ это говоришь ты?

Горг. То, что рѣчами можно убѣждать и судей въ судебномъ мѣстѣ, и совѣтниковъ въ совѣтѣ, и членовъ въ зазданіи, и всѣхъ во всякомъ собраніи, какое бы то ни было гражданское собраніе. Владѣя такою силою, ты будешь имѣть раба и во врачѣ, раба и въ гимнастикѣ; а тотъ ростовщикъ будетъ приносить доходы не себѣ, а другому—именно тебѣ, могущему говорить и убѣждать народъ.

- Сокр.* Теперь, Горгіасъ, ты, кажется, ближе объяснилъ, 453. какимъ искусствомъ считаешь риторику. Сколько я понимаю, ты говоришь, что риторика—мастерица убѣждать, и что въ этомъ главнымъ образомъ заключается все ея дѣло. Или у тебя есть намѣреніе сказать, что она въ состояніи сдѣлать нѣчто болѣе, чѣмъ внушить убѣжденіе душамъ слушателей?

Горг. Отнюдь нѣтъ, Сократъ. Ты, кажется, достаточно опредѣлилъ ее. Въ этомъ именно состоитъ главное ея дѣло.

- В. *Сокр.* Послушай же, Горгіасъ. Твердо знай, что если кто,

разговаривая съ другимъ, желаетъ именно понять, о чемъ у нихъ идетъ рѣчь; то, по внутреннему убѣжденію, однимъ изъ такихъ я почитаю и себя, да и тебѣ приписываю это самое.

Горг. Такъ что же, Сократъ?

Сокр. Сейчасъ скажу. Будь увѣренъ, что убѣжденія, производимаго риторикою, какимъ, то-есть, ты называешь его, и къ чему относишь, какъ убѣжденіе, ясно я не понимаю. Впрочемъ, мысленно догадываясь, что такое оно, по твоимъ словамъ, и съ чѣмъ имѣетъ дѣло, тѣмъ не менѣе спрашиваю, что называешь ты убѣжденіемъ, которое про- С. изводится риторикою, и къ какимъ оно относится предметамъ. Почему же, догадываясь, я спрашиваю тебя, а не говорю самъ? — Это дѣлается не ради тебя, а ради бесѣды. Она должна идти такъ, чтобы ея ходъ показывалъ намъ въ совершенной ясности, о чемъ у насъ рѣчь. Смотри-ка, по твоему мнѣнію, имѣю ли я право давать тебѣ вопросы? Если бы мнѣ случилось спросить тебя, кто таковъ между живописцами Зевксисъ, — и ты отвѣчалъ бы, что это портретистъ животныхъ; то не имѣлъ ли бы я права предложить тебѣ новый вопросъ: какихъ животныхъ и въ какомъ родѣ¹ портретистъ?

Горг. Конечно. D.

Сокр. Не потому ли, что есть и другіе портретисты, пишущіе много иныхъ животныхъ?

Горг. Да.

Сокр. А не будь другаго портретиста, кромѣ Зевксиса, — твой отвѣтъ былъ бы хорошъ.

Горг. Какъ не хорошъ!

Сокр. Ну такъ скажи и о риторикѣ, одна ли только риторика, по твоему мнѣнію, производитъ убѣжденіе, или и

¹ Въ Платоновомъ текстѣ этотъ вопросъ выражается однимъ словомъ καὶ πῶς? которое здѣсь никакъ неумѣстно. Надобно полагать, что оно, по ошибкѣ переписчиковъ, поставлено вмѣсто какого-нибудь другаго. Не лучше ли будетъ читать καὶ, и разумѣть подъ этимъ стилъ Зевксисовой живописи?

другія искусства?—Я разумѣю слѣдующее: кто учитъ чему-нибудь,—убѣждаетъ ли въ томъ, чему учитъ, или нѣтъ?

Горг. Какъ же нѣтъ, Сократъ? Всего болѣе убѣждаетъ.

Е. *Сокр.* Обратимся опять къ тѣмъ самымъ искусствамъ, о которыхъ сей-часъ говорили. Ариѳметика, или ариѳметистъ не учитъ ли насъ всему тому, что касается чисель?

Горг. Конечно учитъ.

Сокр. Стало быть, и убѣждаетъ?

Горг. Да.

Сокр. Слѣдовательно и ариѳметика—мастерица убѣждать?

Горг. Явно.

Сокр. Посему, когда спрашиваютъ насъ, какія ея убѣжденія и въ чемъ, — мы конечно отвѣчаемъ: во всемъ томъ, 454. что преподается относительно чета и нечета. Подобнымъ образомъ можемъ показать, что и всѣ прочія недавно упомянутыя искусства производятъ убѣжденіе именно такое-то и въ томъ-то.

Горг. Да.

Сокр. Значить, не одна риторика мастерица убѣждать.

Горг. Правда.

Сокр. Если же не одна она производитъ это дѣло, но и другія; то, какъ спрашивали о живописцѣ, мы теперь по справедливости можемъ спросить своего собесѣдника, — по В. отношенію къ какому убѣжденію и въ чемъ риторика есть искусство. Или тебѣ не кажется, что мы имѣемъ право предложить этотъ новый вопросъ?

Горг. Кажется.

Сокр. Отвѣчай же, Горгиасъ, когда уже и тебѣ самому такъ кажется.

Горг. Я говорю объ убѣжденіи, Сократъ, которое, какъ недавно мною сказано, производится въ судахъ и другихъ народныхъ собраніяхъ,—объ убѣжденіи въ томъ, что справедливо и несправедливо.

Сокр. Я-таки и догадывался, Горгиасъ, что это именно разумѣешь ты убѣжденіе, и въ этомъ отношеніи. Но не

удивляйся, если и немного послѣ я буду спрашивать тебя о подобныхъ вещахъ.—Дѣло-то, кажется, очевидно; а я спрашиваю,—и спрашиваю, какъ уже сказалъ, не для тебя, а для того, чтобы наша бесѣда шла къ концу послѣдовательно, чтобы мы, догадываясь, не привыкали перехватывать рѣчь другъ у друга, и чтобы ты, согласно съ своею цѣлю, доводишь свои положенія до послѣднихъ заключеній, какъ самъ хочешь.

Горг. Да и хорошо, кажется, дѣлаешь, Сократъ.

Сокр. Давай же рассмотримъ слѣдующее: допускаешь ли ты слово — *узнать*?

Горг. Допускаю.

Сокр. Ну, а *повѣрить*?

D.

Горг. И это.

Сокр. Но тождественными ли тебѣ кажутся слова: *узнать* и *повѣрить*, — знаніе и вѣра, или различными?

Горг. Я-то думаю, Сократъ, что онѣ различны.

Сокр. И хорошо думаешь; — узнаешь это вотъ изъ чего. Еслибы кто спросилъ тебя: бываетъ ли, Горгиасъ, вѣра истинная и ложная?—Ты, какъ мнѣ кажется, отвѣчалъ бы положительно.

Горг. Да.

Сокр. Ну, а знаніе—бываетъ ли ложное и истинное?

Горг. Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Стало быть явно, что они не тождественны.

Горг. Правда.

E.

Сокр. Но убѣжденными бываютъ одни — именно-таки знающіе, а другіе вѣрующіе.

Горг. Такъ.

Сокр. Чтожь, хочешь ли, постановимъ два рода убѣжденія: одинъ, который даетъ вѣру безъ знанія, а другой — знаніе?

Горг. И очень.

Сокр. Такъ если риторика и въ судахъ, и въ другихъ народныхъ собраніяхъ производитъ убѣжденіе въ отношеніи

къ справедливому и несправедливому; то то ли это убѣжденіе, изъ котораго рѣждается вѣра безъ знанія, или то, изъ котораго проистекаетъ знаніе?

455. *Горг.* Ужъ явно, Сократъ, что то, изъ котораго — вѣра.

Сокр. Стало быть, риторика, какъ видно, мастерица производить убѣжденіе вѣровательное ¹, а не учительное касательно того, что справедливо и несправедливо.

Горг. Да.

Сокр. Слѣдовательно риторъ есть не учитель судебныхъ мѣстъ и другихъ народныхъ собраній относительно справедливаго и несправедливаго, а только увѣритель. Да вѣдь и невозможно такую многочисленную толпу научить столь великимъ предметамъ въ короткое время.

В. *Горг.* Конечно невозможно.

Сокр. Пусть такъ. Посмотримъ, что-то мы скажемъ наконецъ о риторикѣ. Вѣдь я и самъ-таки не въ состояннн понять, что говорю. Когда въ городѣ открыто собраніе для избранія либо врачей, либо кораблестроителей, либо какого другаго рабочаго народа; тогда-то знатокъ риторики — неправда ли? — не будетъ совѣтовать. Явно вѣдь, что, при каж-

¹ Это Горгиасово понятіе о риторикѣ, какъ о наукѣ, убѣждающей вѣрять безъ знанія, проистекаши изъ школы софистовъ, мало по малу утвердилось и обобщилось до того, что и въ наше время едва ли не такъ же понимаютъ риторику. Между тѣмъ еще Квинтиліанъ замѣтилъ (*Instit.* II, 18): *Gorgias apud Platonem persuadendi se artificem in iudiciis et aliis coetibus esse ait; de justis quoque et injustis tractare: cui Socrates persuadendi non docendi concedit facultatem*, и, доказавъ, прибавимъ мы, что убѣжденіе безъ знанія того, въ чемъ убѣждаешь, приноситъ обществу больше вреда, чѣмъ пользы. Риторика только тогда можетъ быть полезна, когда бываетъ орудіемъ знанія, пріобрѣтаемаго глубокимъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ предмета. Даже и по формѣ своихъ рѣчей, она не можетъ быть наукою самостоятельною, но должна развивать свои произведенія въ зависимости отъ необходимыхъ законовъ мышленія, желанія и чувствованія, слѣдовательно основываться на началахъ логики, этики и эстетики. Почти тоже самое говорятъ и Аристотель, полагая, что убѣждаетъ не риторика, а знаніе: *τὸ πείθει οὐκ ἔργον Ῥητορικῆς εἶναι, ἀλλὰ τὸ ἰδίῃ ὑπάρχοντα πείθειν καὶ περὶ ἕκαστον* *Rhet.* 1, 14.

² По свидѣтельству Казавбона (*ad. Strat.* IV, p. 181), въ греческихъ республикахъ врачи для государственной службы избираемы и нанимаемы были публично, въ народныхъ собраніяхъ.

домъ такомъ избраніи, избирателемъ долженъ быть человекъ самый опытный въ искусствахъ. Да и въ томъ случаѣ, когда разсуждается о постройкѣ стѣнъ, либо объ отдѣлкѣ пристаней и гаваней, — не онъ будетъ совѣтовать, а архитекторы. Равнымъ образомъ, когда бываетъ совѣщаніе о избраніи начальниковъ, либо о вооруженіи противъ непріятеля, либо о занятіи областей, — совѣтуютъ военачальники, а риторы — нѣтъ. Или какъ говоришь ты объ этомъ, Горгіасъ? Вѣдь С. если ты называешь себя риторомъ и берешься сдѣлать другихъ риторамъ; то прилично спросить тебя о предметѣ твоего искусства. Думай такъ, что въ эту минуту я забочусь именно о твоей пользѣ. Можетъ быть, между присутствующими здѣсь кто-нибудь, желая сдѣлаться твоимъ ученикомъ... впрочемъ замѣчаю, что нѣкоторые, — даже почти всѣ, только вѣроятно стыдятся, а спросили бы тебя. Итакъ, принимая D. мои вопросы, представляй, что они предлагаются и этими людьми: что выиграемъ мы, Горгіасъ, если станемъ слушать тебя? о чемъ будемъ въ состояніи совѣтовать городу? только ли о справедливомъ и несправедливомъ, или и о томъ, о чемъ сей-часъ говорилъ Сократъ? — Постарайся же отвѣчать имъ.

Горг. Да, постараюсь, Сократъ, ясно открыть тебѣ всю силу риторикъ. Ты самъ прекрасно привелъ меня къ этому. Вѣдь тебѣ должно быть извѣстно, что эти гавани, эти стѣны афинскія и пристани сооружены по совѣтуThemistocle, — E. другія же — по совѣту Перикла, а не художниковъ.

Сокр. О Themistocle такъ говорятъ, Горгіасъ; а что касается до Перикла, то я самъ слышалъ, какъ онъ совѣтовалъ намъ построить поперечную стѣну¹.

¹ Начало укрѣпленія Афинъ стѣнами положено послѣ персидской войны, по распоряженію Themistocle. Themistocle поставилъ обнести стѣнами не только самый городъ, но и Пирей, въ который перевелъ потомъ и флотъ, до того времени стоявшій въ эалерскомъ портѣ (*Plut. et Nepot. vitt. Themistocle. et Justin. II, 13*). Стѣны, окружавшія Афины и пирейскую гавань, назывались *μακρὰ τεῖχος* и *εὐκλή*. Одна изъ нихъ носила имя сѣверной, τὸ βόρειον, а другая — южной, τὸ νότιον. Говорятъ, что основаніе имъ положилъ Кимонъ, а окончательно построилъ ихъ Периклъ; работами же управлялъ архитекторъ

456. *Горг.* Вотъ видишь ли,—когда бываютъ избранія-то, о которыхъ говоришь ты,—совѣтниками, побѣдоносно защищающими свои мнѣнія, являются риторы.

Сокр. Удивляясь именно этому, Горгіасъ, я давно спрашиваю, въ чемъ состоитъ сила риторики. Поражая меня своимъ величіемъ, она представляется мнѣ дѣломъ какого-то генія.

Горг. А еслибы ты, Сократъ, еще все-то зналъ, что то есть она владѣетъ всѣми могуществами.... Но я скажу тебѣ
 В. одно великое доказательство. Много разъ случалось мнѣ съ братомъ и другими врачами приходиться въ такому больному, который либо не хотѣлъ принимать лѣкарства, либо не позволялъ врачу подвергнуть себя операціи и прижиганію ¹.
 Врачъ не въ силахъ былъ убѣдить его; а я убѣждалъ,—и не инымъ искусствомъ, какъ риторикою. Говорю тебѣ, что если бы и въ какой угодно городъ пришли знатокъ риторики и врачъ, и должны были въ общественномъ мѣстѣ, либо въ какомъ иномъ собраніи состязаться посредствомъ рѣчей о томъ, кого изъ нихъ слѣдуетъ избрать,—ритора или врача;—врачъ
 С. показался бы человѣкомъ ничтожнымъ, и избранъ былъ бы, еслибы захотѣлъ, владѣющій силою слова. Пусть бы онъ равномерно вступилъ въ борьбу и съ другимъ какимъ бы то ни было художникомъ:—риторъ болѣе, чѣмъ кто иной, убѣдилъ бы избрать себя; ибо нѣтъ предмета, о которомъ искусный въ риторикѣ не могъ бы говорить предъ толпою народа убѣдительное всякаго другаго художника. Такова-то и такъ-то велика сила этого искусства. Впрочемъ риторикою надобно пользоваться, какъ и всякимъ инымъ способомъ состязанія.
 D. Въдѣ прочіе способы извѣстный человѣкъ долженъ употреб-

Каллипрать. Кромѣ этихъ внѣшнихъ стѣнъ, Периклъ построилъ еще поперечную—въ Мунихіи, которою соединялись внѣшнія и которая простиралась отъ Пирея до Фалеры. *Нарростат.* v. *διὰ μέτρου ταίχος.*

¹ Подвергнуть себя операціи и прижиганію. У Грековъ должность оператора не отдѣлялась отъ должности врача. *Wossius De natura artium V, 8 § 7. 10 § 6.* Прижиганіе производилось раскаленнымъ желѣзомъ для унітія вровотеченія послѣ операціи.

лять противъ всѣхъ людей не для того, что онъ умѣетъ биться на кулакахъ, искусенъ во всѣхъ родахъ борьбы и можетъ сражаться оружіемъ, такъ что превосходить друзей и враговъ. Это не даетъ ему права бить, колоть и убивать ближнихъ. Притомъ, клянусь Зевсомъ, — если кто, посѣщая палестру, выйдетъ крѣпокъ тѣломъ и, сдѣлавшись кулачнымъ бойцомъ, начнетъ потомъ бить отца, мать, или другаго кого изъ домашнихъ и друзей; то за это не должно ненавидѣть и изгонять изъ города гимнастиковъ и людей, научающихся сражаться оружіемъ: потому что учителя преподали ученику свое искусство для справедливаго пользованія имъ противъ враговъ и обидчиковъ, — для защищенія себя, не для нападенія; а онъ наоборотъ — пользуется своего силою и искусствомъ несправедливо. Итакъ не учителя худы, и искусство поэтому не есть ни ^{457.} причина зла, ни нѣчто злое; худы, думаю, несправедливо пользующіеся искусствомъ. То же должно сказать и о риторикѣ. Риторъ конечно силенъ противъ всѣхъ и можетъ сильно говорить о всемъ, такъ что весьма скоро убѣдитъ толпу, въ чемъ бы ни захотѣлъ; однакожь это не даетъ ему нисколько права уничтожать славу врачей и другихъ художниковъ, — единственно ^{В.} потому, что онъ въ состояннн унижить ихъ: напротивъ и риторикою, какъ другими способами борьбы, онъ долженъ пользоваться справедливо. Если же кто-нибудь, думаю, сдѣлавшись искуснымъ въ риторикѣ, будетъ этою силою и этимъ искусствомъ наносить обиды; то учителя не слѣдуетъ ненавидѣть и изгонять изъ города: ибо послѣдній преподалъ риторикѣ ^{С.} съ тѣмъ, что она будетъ употребляема справедливо, а первый пользуется ею — напротивъ. Итакъ справедливость требуетъ ненавидѣть, изгонять и убивать того, кто несправедливо пользуется ею, а не того, кто преподаетъ ее ^{1.}

¹ Это разсужденіе Горгіаса съ перваго взгляда можетъ казаться справедливымъ; а между тѣмъ оно есть не иное что, какъ развитіе соеизма, который въ логикѣ называется *fallacia figurae dictionis*. Въ немъ представляются тождественными два положенія, вовсе нетождественныя: риторика и риторъ, или учитель риторики. Риторика, какъ наука убѣждать, сама по себѣ, въ

- Сокр.* Я полагаю, Горгіасъ, что и ты дѣлывалъ наблюденія надъ многими разговорами, стало быть замѣчалъ въ нихъ слѣдующее: учащіеся и учащіе, о чемъ бы ни вздумали разговаривать, не могли легко понять другъ друга, остав-
 D. ляютъ бесѣду. Но если они о чемъ-нибудь спорять, и одинъ говоритъ, что слова другаго либо несправедливы, либо неясны; то оба досаждаютъ, и каждый питаетъ мысль, что себе-сѣдникъ его настаиваетъ на своемъ по ненависти,—спорить, а не изслѣдываетъ предмета рѣчи. Нѣкоторые, при этомъ, расходятся даже самымъ постыднымъ образомъ, говоря другъ другу и выслушивая одинъ отъ другаго столь грубыя ругательства, что и присутствующіе досаждаютъ на себя, зачѣмъ они стали слушать такихъ людей. Для чего же я говорю это?—
 E. Для того, что теперешнія твои слова, мнѣ кажется, несовсѣмъ послѣдовательны и несогласны съ тѣмъ, что ты прежде говорилъ о риторикѣ. Боюсь обличать тебя, чтобы ты не вообразилъ, будто я прекословляю не для пользы предмета, желая способствовать къ его разъясненію, а для тебя. Итакъ, если и ты изъ тѣхъ людей, изъ которыхъ я; то мнѣ пріятно
 458. было бы предложить тебѣ вопросъ: а когда нѣтъ, — пожалуй оставлю. Изъ какихъ же я людей?—Изъ тѣхъ, которые съ удовольствіемъ принимаютъ обличеніе, какъ скоро говорятъ что-нибудь не такъ, и съ удовольствіемъ обличаютъ, если кто другой говоритъ неправду,—которымъ, то-есть, не менѣе пріятно быть обличаемымъ, какъ и обличать,—думаю, потому,
 B. что первое благо во столько больше, во сколько лучше избавиться отъ величайшаго зла самому, чѣмъ избавить другаго;

значеніи науки, не виновата, если употребляютъ ее во зло;—и Горгіасъ въ отношеніи къ этому своему положенію правъ. Но преподавателя риторики оправдать нельзя, если его ученики научились у него убѣждать слушателей въ несправедливомъ или постыдномъ; потому что онъ—не наука, не теорія, а живой органъ понятія о добромъ и зломъ, необходимо переливающій это понятіе во всякую преподаваемую имъ теорію. По ученію Сократа, знаніе безъ дѣла не есть знаніе; слѣдовательно, если риторъ передаетъ своимъ ученикамъ первое, то долженъ отвѣчать и за послѣднее. Съ этой точки зрѣнія надобно смотрѣть и на всѣ прочія науки и отноудь не принимать ихъ за одно и то же съ преподавателями.

ибо, по моему мнѣнію, нѣтъ для человѣка зла столь великаго, какъ ложное мнѣніе о предметѣ настоящаго нашего разговора. Итакъ, угодно тебѣ подтвердить, что и ты таковъ, — будемъ разговаривать; а полагаешь, что надобно оставить, — распрощаемся съ нашимъ изслѣдованіемъ и прекратимъ бесѣду.

Горг. Да, подтверждаю, Сократъ, что и самъ я таковъ, какой тебѣ нуженъ. Впрочемъ, можетъ быть, надобно подумать и о присутствующихъ. Вѣдь я уже много и долго разсуждалъ съ ними еще до вашего прихода; долго, по видимому, будетъ тянуться и настоящая наша бесѣда о томъ, о чемъ мы разговариваемъ: такъ надобно обратить вниманіе и на нихъ, какъ бы кого не задержать, кто хотѣлъ бы сдѣлать и что-нибудь другое.

Херэф. Вы сами, Горгіасъ и Сократъ, слышите шумъ этихъ людей, что они готовы слушать, пока вы будете о чемъ-нибудь разговаривать. Лично же у меня не можетъ быть такого недосуга, который бы настоятельно требовалъ отъ меня какого другаго дѣла, когда я занятъ такими и такъ раскрываемыми рѣчами.

Калл. Да, клянусь богами, Херэфонъ. Бывалъ я уже при многихъ разсужденіяхъ; но не знаю, чувствовалъ ли когда такое наслажденіе, какое теперъ. Поэтому, если вы захотите разговаривать и цѣлый день, все будетъ пріятно.

Сокр. Чтò касается до меня, Калликлъ, то препятствія нѣтъ, если только согласится Горгіасъ.

Горг. Теперъ уже стыдно было бы не согласиться, Сократъ, когда я самъ объявилъ, что всякій можетъ спрашивать меня, о чемъ угодно. Если имъ нравится, разговаривай и спрашивай, о чемъ хочешь.

Сокр. Такъ послушай, Горгіасъ, чтò удивляетъ меня въ твоихъ словахъ. Очень можетъ быть, что ты и правду говоришь, да я неправильно понимаю. Ты сказалъ, что можешь сдѣлать риторомъ всякаго, кто захочетъ тебя слушать?

Горг. Да.

Сокр. Риторомъ, который, не уча, убѣдитъ народъ во всемъ вѣроятномъ?

459. *Горг.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Даже говорилъ, что и въ отношеніи къ здоровью, риторъ будетъ убѣдительнѣе, чѣмъ врачъ.

Горг. Конечно говорилъ, — по крайней мѣрѣ, для народа.

Сокр. Это: «для народа», не значитъ ли — для невѣждъ? потому что для людей знающихъ, вѣроятно, онъ не будетъ убѣдительнѣе врача.

Горг. Ты правду говоришь.

Сокр. А если онъ будетъ убѣдительнѣе врача, то не сдѣлается ли, стало быть, убѣдительнѣе человѣка знающаго?

Горг. Конечно.

В. *Сокр.* Не будучи однако врачомъ, — такъ ли?

Горг. Да.

Сокр. И, какъ не врачъ, не зная того, что знаетъ врачъ.

Горг. Явно, что такъ.

Сокр. И, не зная, будетъ для незнающихъ убѣдительнѣе того, кто знаетъ, если только риторъ убѣдительнѣе врача. Это ли выдетъ, или что другое?

Горг. Въ этомъ случаѣ именно это.

Сокр. Не то же ли отношеніе ратора и риторики и ко всѣмъ прочимъ искусствамъ? Риторикѣ, то-есть, нѣтъ надобности знать самое дѣло, ей нужно только найти нѣкоторый способъ убѣжденія, чтобы незнающіе явились болѣе знающими, чѣмъ знающіе.

Горг. Не великое ли облегченіе, Сократъ, — не зная прочихъ искусствъ, а зная только одно это, быть ничѣмъ не ниже мастеровъ?

Сокр. Ниже ли риторъ, будучи такимъ, или не ниже ихъ, — это мы тотчасъ увидимъ, если только нашъ разговоръ къ чему-нибудь полезенъ намъ. Но сперва рассмотримъ, — таковъ же ли риторъ въ отношеніи къ справедливому и несправедливому, постыдному и прекрасному, доброму и злему, каковъ въ отношеніи къ здоровью и предметамъ другихъ искусствъ,

что, то-есть, не зная, что́ добро и что́ зло, что́ прекрасно и что́ постыдно, справедливо и несправедливо, а только выдумавъ способъ убѣждать въ этомъ, онъ, безъ знанія, покажется для незнающихъ больше того, кто знаетъ? Или это нужно ему знать и, напередъ узнавши, ходить къ тебѣ съ намѣреніемъ учиться риторикѣ? Если же не знаетъ,—ты, учитель риторики, не научишь приходящаго ничему такому, потому что не обязываешься къ этому, а только сдѣлаешь, что и безъ знанія тѣхъ предметовъ онъ будетъ казаться толпѣ знатокомъ ихъ, и безъ добра представится добрымъ? Или ты во все не можешь научить его риторикѣ, не предполагая въ немъ знанія истины о всемъ томъ? Или — какъ понимаешь это, Горгіасъ? Открой намъ, ради Зевса, тайну своей науки, какъ ты недавно обѣщался ¹; скажи, въ чемъ состоитъ ея сила.

Гор. Я полагаю, Сократъ, что кому не случилось знать о тѣхъ вещахъ, тотъ и о нихъ получить отъ меня познаніе.

Сокр. Помни же это; — вѣдь твое мнѣніе прекрасно: кого сдѣлаешь ты риторомъ; тотъ, учась у тебя, ранѣе или позднѣе непременно узнаетъ, что́ справедливо и несправедливо.

Гор. Ужъ конечно.

Сокр. Такъ что жъ? человѣкъ, изучившій плотническое искусство,—плотникъ, или нѣтъ?

Гор. Плотникъ.

Сокр. А изучившій музыку—музыкантъ?

Гор. Да.

Сокр. А изучившій врачебное искусство—врачъ?—и все такимъ же образомъ. Изучившій каждую отдѣльную науку,—таковъ, какимъ дѣлаетъ его эта наука?

Гор. Ужъ конечно.

Сокр. Поэтому, изучившій и справедливое не будетъ ли справедливъ?

Гор. Непременно.

¹ Указывается на обѣщаніе Горгіаса, высказанное на стр. 455 D.

- С. *Сокр.* А справедливый и дѣлаетъ справедливо?
Гор. Да.
Сокр. Стало быть, риторъ необходимо справедливъ; а будучи справедливымъ, хочетъ и дѣлать справедливо?
Гор. Очевидно.
Сокр. Но справедливый-то никогда не согласится нанести обиду.
Гор. Необходимо.
Сокр. А риторъ, по нашему умоаключенію, справедливъ.
Гор. Да.
Сокр. Слѣдовательно риторъ никогда не согласится нанести обиду.
- Д. *Гор.* Конечно не согласится.
Сокр. Но помнишь ли, ты недавно сказалъ, что не должно обвинять и изгонять изъ города палестристовъ, если кулачный боецъ нехорошо пользуется кулачнымъ искусствомъ и наноситъ обиду? Не то же ли самое,—если и риторъ неправильно пользуется риторскимъ искусствомъ? Не учителя надобно обвинять и изгонять изъ города, а того, кто обижаетъ и неправильно употребляетъ это искусство. Сказано это, или нѣтъ?
- Е. *Гор.* Сказано.
Сокр. А теперь этотъ самый риторъ, видно, уже никогда не обижаетъ;—или не видно?
Гор. Видно.
Сокр. Въ прежней бесѣдѣ говорено было также, Горгіасъ, что риторика разсуждаетъ не о четѣ и нечетѣ, но о справедливомъ и несправедливомъ; не правда ли?
Гор. Да.
Сокр. Такъ вотъ, слыша эти слова твои, я тогда предположилъ, что риторика, неизмѣнно разсуждая о справедливости, ни въ какомъ случаѣ не бываетъ дѣломъ несправедливымъ. Но когда, немного спустя, ты началъ говорить, что риторъ можетъ и злоупотребить риторикою, — я удивился

и, замѣтивъ, что послѣднія твои слова не созвучны съ первыми, сказалъ: если и ты, какъ я, находишь пользу въ обличеніяхъ, — стоить разговаривать; а когда нѣтъ, — лучше распрощаться. Потомъ въ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ, ты и самъ видишь вновь данное тобою согласіе, что риторъ не можетъ злоупотреблять риторикою и рѣшаться на обиду. Для надлежащаго разсмотрѣнія всего, что тутъ есть, клянусь собакою ¹, Горгіасъ, нужна не краткая бесѣда. В.

Пол. Ну что же, Сократъ? такъ ли и ты мыслишь о риторикѣ, какъ теперь говоришь о ней? Неужели, думаешь, Горгіасъ не отъ стыда согласился съ тобою, что риторъ знаетъ также справедливое, прекрасное и доброе, и еслибы кто пришелъ къ нему, не зная этого, былъ бы въ состояніи самъ потомъ научить его? Можетъ быть, изъ этого-то согласія и произошло въ словахъ его то противорѣчіе, которое ты такъ любишь и до котораго самъ же доводишь своими вопросами. Кого ты найдешь, кто сталъ бы отказывать себѣ въ знаніи справедливаго и въ способности научить этому другихъ? но наклонять разговоръ къ такимъ мелочамъ — не малая грубость. С.

Сокр. Ахъ, прекрасный Полось! для того-то нарочно и приобретаемъ мы друзей и сыновей, чтобы, когда сами состарѣмся и начнемъ спотыкаться, — вы, молодые люди, находясь при насъ, поддерживали нашу жизнь дѣлами и словами. Вотъ и теперь, — если я и Горгіасъ въ своихъ разсужденіяхъ ошибаемся, — ты, находясь здѣсь, поправляй насъ; тебѣ это слѣдуетъ. И я позволяю всѣ допущенныя положенія, если думаешь, что онѣ допущены несправедливо, измѣнить, какъ тебѣ угодно, лишь бы только удержался ты отъ одного. D.

Пол. Отъ чего это?

Сокр. Отъ длиннословія, Полось, которымъ ты началъ нашу бесѣду. Постарайся обуздать его.

¹ О клятвѣ Сократа собакою см. Аполлог. Сокр. р. 22 А.

Пол. Что же тутъ? развѣ нельзя мнѣ говорить, сколько хочу?

Е. *Сокр.* Для тебя въ самомъ дѣлѣ обидно, другъ мой, что, пришедши въ Аѳины, гдѣ гораздо болѣе свободы говорить, чѣмъ во всей Греціи, ты одинъ здѣсь не получаешь ея. Но представь, что твои разсужденія длинны, и что тебѣ не угодно отвѣчать на вопросы: — не было ли бы тогда обидно для меня, которому нельзя ни уйти, ни слушать тебя? Итакъ, 462. если ты заботишься о нашемъ собесѣдованіи и хочешь поправлять его; то, измѣняя въ немъ, какъ я сейчасъ сказалъ, что тебѣ угодно, опровергай и принимай опроверженія, подобно мнѣ и Горгіасу, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Вѣдь и ты знаешь то же, что Горгіасъ, — не правда ли?

Пол. Конечно знаю.

Сокр. Стало быть, и ты велишь спрашивать себя, о чемъ кто хочетъ, и готовъ отвѣчать на вопросы?

В. *Пол.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Дѣлай же теперь то, либо другое; спрашивай, либо отвѣчай.

Пол. Такъ и будетъ. Отвѣчай мнѣ, Сократъ: если Горгіасъ, какъ тебѣ кажется, недоумѣваетъ относительно риторики; то самъ ты чѣмъ называешь ее?

Сокр. Спрашиваешь, какимъ я называю ее искусствомъ?

Пол. Да.

Сокр. Она не представляется мнѣ никакимъ, Полось, если ужъ сказать тебѣ правду.

Пол. Такъ что же, по твоему мнѣнію, риторика?

Сокр. Нѣчто, чему ты далъ имя искусства въ своемъ, недавно прочитанномъ мною, сочиненіи.

С. *Пол.* А ты какъ понимаешь это?

Сокр. Я — нѣкоторою опытностію.

Пол. Стало быть, риторика, по твоему мнѣнію, есть опытность?

Сокр. Да, если ты не разумѣешь ничего другаго.

Пол. Въ чемъ опытность?

Сокр. Въ представленіи чего-нибудь нравящагося и въ возбужденіи удовольствія.

Пол. Стало быть, риторика кажется тебѣ дѣломъ прекраснымъ, если она можетъ нравиться людямъ?

Сокр. Чтò ты, Полось? тебѣ уже сказано, чѣмъ я называю ее. Зачѣмъ же и послѣ того спрашиваешь, прекраснымъ ли дѣломъ она мнѣ кажется?

Пол. Не слышалъ ли я отъ тебя, что ты называешь ее нѣкоторою опытностію?

Сокр. Но если умѣнье нравиться ты ставишь высоко; то не угодно ли немножко понравиться мнѣ?

Пол. Пожалуй.

Сокр. Такъ спрости меня: кухонное дѣло какимъ кажется мнѣ искусствомъ?

Пол. Изволь, спрашиваю: кухонное дѣло — какое искусство?

Сокр. Никакое, Полось.

Пол. Скажи же, чтò такое оно?

Сокр. Я говорю, что оно — нѣкоторая опытность.

Пол. Скажи еще: въ чемъ опытность?

Сокр. Я говорю: въ доставленіи пріятности и удовольствія, Полось.

Пол. Стало быть, кухонное дѣло и риторика — одно и то же?

Сокр. Отнюдь нѣтъ; только часть одного и того же занятія.

Пол. О какомъ занятіи говоришь ты?

Сокр. Чтобъ не сказать мнѣ грубости, говоря правду! Опасаюсь ради Горгіаса, какъ бы онъ не подумалъ, будто я осмѣиваю его занятіе. Я не знаю, риторика ли то, чѣмъ занимается Горгіасъ: изъ продолжавшагося доселѣ разговора не открылось ясно, чтò онъ разумѣетъ подъ нею. Но я риторигу называю частію такого дѣла, которое не относится къ дѣламъ прекраснымъ.

Горг. Какого дѣла, Сократъ? говори, не стыдись меня.

- Сокр.* Мнѣ кажется, Горгіасъ, что это есть не искусственное занятіе, но бесѣда догадливой, мужественной и по природѣ сильной души съ людьми. Главное дѣло въ немъ я в. называю ласкательствомъ. Такого занятія, мнѣ кажется, много и другихъ частей, изъ которыхъ одна—дѣло кухни: это занятіе представляется искусствомъ; но, по моему мнѣнію, оно—не искусство, а опытность и навыкъ. Частями его я почитаю также риторику, косметику и софистику. Названные четыре части занимаются и четырьмя предметами.
- с. Итакъ, если Полосу угодно спрашивать, пусть спрашиваетъ; потому что еще не изслѣдовано, какою частію ласкательства называю я риторику. Онъ не замѣтилъ, что на это отвѣта доселѣ не было, а между тѣмъ даетъ уже новый вопросъ,—не называю ли я риторику дѣломъ прекраснымъ. Нѣтъ, не буду отвѣчать ему,—прекраснымъ ли чѣмъ, или постыднымъ почитаю я риторику, пока не отвѣчу, чтò такое она. Вѣдь не слѣдуетъ, Полосъ. Ежели хочешь спрашивать, спрашивай, какою частію ласкательства называю я риторику.

Пол. Пожалуй спрошу, а ты отвѣчай, какою частію.

- д. *Сокр.* Но поймешь ли, когда я отвѣчу: риторика, по моему мнѣнію, есть образъ части политической?

Пол. Что жъ? хороша она, по твоему, или дурна?

Сокр. По моему, дурна; ибо все злое я называю дурнымъ, если долженъ отвѣчать тебѣ такъ, какъ бы ты понималъ слова мои.

Гор. Клянусь Зевсомъ, Сократъ, ужъ я и самъ не понимаю, чтò ты говоришь.

- е. *Сокр.* Да и естественно, Горгіасъ; потому что въ словахъ моихъ нѣтъ ничего яснаго. Но этотъ Полосъ молодъ и быстръ ¹.

¹ Πολός δὲ ἄρα νῆος ἐστὶ καὶ δέους. Свида объясняетъ: ἀμαθὴς ἀληθινῶς καὶ πραπίτης, то-есть, глупъ и дерзокъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ словахъ Сократа нельзя не замѣтить весьма тонкой насмѣшки. Не невѣроятна также и догадка Шлейермахера, что Сократъ здѣсь принаровняется къ самому имени Πολός—ослеенокъ, мальчишка.

Горг. Оставь-ка его и скажи мнѣ, какъ риторику называешь ты образомъ части политической.

Сокр. Пожалуй, попытаюсь высказать, чѣмъ именно представляется мнѣ риторика; а если сказанное будетъ невѣрно, — Полось опровергнуть. Ты вѣроятно называешь нѣчто тѣломъ и душею?

Горг. Какъ не называть?

Сокр. И въ обоихъ считаешь нѣчто благосостояніемъ? 464.

Горг. Почитаю.

Сокр. Что?—и благосостояніемъ кажущимся, не дѣйствительнымъ? Разумѣю слѣдующее: многимъ кажется, что у нихъ тѣло здорово, и никому не легко вразумить ихъ, что они въ худомъ состояніи, кромѣ врача, или какого-нибудь гимнастика.

Горг. Твоя правда.

Сокр. Это бываетъ, говорю, въ отношеніи къ тѣлу и къ душѣ. Что-то заставляетъ думать, будто и тѣло и душа находятся въ хорошемъ состояніи, хотя въ нихъ нѣтъ ничего хорошаго.

Горг. Такъ.

Сокр. Постой-ка, не могу ли я раскрыть свою мысль яснѣе. Такъ какъ у насъ два предмета, то допускаю и два искусства¹: одно, относящееся къ душѣ, называю я политикою; но другаго, которое касается тѣла, не могу тебѣ означить также однимъ именемъ. Въ немъ, какъ въ общемъ

¹ Квинтилиану (Inst. Orat. 11, 15; 24 sq.) не нравится, что нѣкоторые, основываясь на показанной здѣсь классификаціи наукъ, называютъ риторику не наукою, а нѣкоторымъ навыкомъ доставить слушателямъ удовольствіе, и защищаетъ риторику тѣмъ, что въ другихъ сочиненіяхъ Платона говорится о ней иначе. Но Платонъ даетъ риторикѣ такое значеніе, поскольку она принимается была Горгиасомъ въ смыслъ искусства убѣждать безъ знаній; а когда риторика основывается на познаніи истиннаго, добраго и справедливаго, то есть, на началахъ философскихъ, — онъ не отвергаетъ ея достоинства. Поэтому-то немного далѣе Платонъ приводитъ и причину, по которой риторику относить къ числу занятій ласкательствующихъ: это занятіе, говоритъ онъ, не можетъ дать отчета, отчего достойно принятія то, къ чему оно убѣждаетъ слушателя, и потому справедливо называется *ἡγορὸν πρῶγμα* (465 A).

служеніи тѣлу, я вижу двѣ части: гимнастику и медицину. Въ искусствѣ же политическомъ гимнастикѣ противуполагается законодательство, а медицинѣ — правовѣденіе.

- С.** И эти части, взятые по двѣ, относясь къ одному и тому же предмету, находятся во взаимномъ общеніи, — медицина съ гимнастикою, а правовѣденіе съ законодательствомъ, хотя онѣ и отличаются одна отъ другой. Но между тѣмъ какъ эти искусства, числомъ четыре, всегда служатъ наилучшимъ образомъ, — однѣ тѣлу, другія душѣ, — ласкательство, замѣтивъ то, не посредствомъ знанія, говорю, а по догадкѣ, раздѣлилось и само на четыре вида и, поддѣлываясь подъ
- Д.** каждую изъ частей, представляется тѣмъ, подъ что поддѣлалось. О наилучшемъ оно нисколько не заботится, но всегда уловляетъ и обманываетъ безуміе удовольствіемъ до того, что кажется дѣломъ величайшей важности. Итакъ подъ медицину поддѣлалась кухня и выдаетъ себя за знатока наилучшихъ кушаньевъ для тѣла; такъ что, еслибы у дѣтей, либо у подобныхъ дѣтямъ несмысленныхъ людей, повару и врачу надлежало вступить въ состязаніе, кто изъ нихъ — врачъ или поварь — имѣетъ лучшее понятіе о хорошихъ и худыхъ кушаньяхъ, первому пришлось бы умереть съ
- Е.** голоду. Вотъ что я называю ласкательствомъ, и утверждаю, что оно постыдно, Полось, — это уже для тебя говорится,
465. ибо метитъ на пріятное, а не наилучшее, — и такое ласкательство почитаю не искусствомъ, а навыкомъ; такъ какъ оно не можетъ дать отчета въ свойствѣ тѣхъ вещей, которыя предлагаетъ, чтобы то-есть въ состояніи было наименовать причину каждой. Дѣло же безъ причины я не называю дѣломъ искусства; и если ты не соглашаешься въ этомъ, — готовъ доказать. Такъ подъ медицину, какъ я сказалъ, под-
- В.** дѣлывается ласкательство кухонное, а подъ гимнастику точно такимъ же образомъ — косметическое, занятіе злодѣйское, обольстительное, неблагородное, низкое, обманывающее видомъ, прикрасами, легкостію и нарядами, однимъ словомъ — дѣлающее то, что люди, заимствуя чужую красоту, нера-

дять о красотѣ, доставляемой гимнастикою. Чтобы не говорить много, употреблю выраженіе геометровъ; можетъ быть, наконецъ поймешь. Какъ ласкательство косметическое относится къ гимнастикѣ, такъ кухонное—къ медицинѣ; или лучше,—какъ ласкательство косметическое относится къ гимнастикѣ, такъ софистическое—къ законодательству, и какъ ласкательство кухонное относится къ медицинѣ, такъ риторское—къ правовѣденію. Таково-то, говорю я, естественное между ними различіе. Поколикъ же дѣло софистическое и риторское близки одно къ другому; то софисты и риторы, занимаясь въ то же время тѣми же предметами, смѣшиваются и, какъ сами не знаютъ, что изъ себя дѣлать, такъ и другіе, — чѣмъ ихъ почитать ¹. Да что еще? — еслибы душа не господствовала надъ тѣломъ, но послѣднее управлялось бы само собою, еслибы она не созерцала и не различала дѣла кухоннаго и медицины, но судьбою было бы тѣло и взвѣшивало бы ихъ тѣмъ, что нравится ему самому; то выраженіе Анаксагора, любезный Полось, — ты вѣдь опытенъ въ такихъ вещахъ,—получило бы обширнѣйшее значеніе: все смѣшалось бы въ одно, и предметы медицины, здравія и кухоннаго дѣла не были бы различаемы ². Теперь ты

¹ Софисты въ греческихъ республикахъ почитались просто людьми учеными и брались воспитывать юношество. Но воспитывая молодое поколѣніе, каждый изъ нихъ судилъ и ридилъ о государственныхъ постановленіяхъ согласно съ своимъ взглядомъ на вещи, каждый толковалъ либо о недостаточности и тиранническомъ духѣ общественныхъ законовъ, либо о своекорыстіи и притязательности законодателей. Поэтому въ республикѣ болѣе строгой, напримеръ, лакедемонской, имъ даже не позволено было и являться. Изъ такого направленія и духа греческой софистики видно, что Сократъ правильно называетъ ее занятіемъ, поддѣлывающимся подъ законодательство. Напротивъ риторы, хотя также напитаны были началами софистическими, но имѣли въ виду болѣе выгоды жизни практической и довольны были тѣмъ, если могли готовые гражданскіе законы объяснять и направлять къ своей пользѣ. Очень несудивительно, что черни не было извѣстно это тонкое различіе между софистами и риторами, и она легко могла принимать ихъ однихъ за другихъ.

² Здѣсь Сократъ приводитъ причину, почему софистика и риторика смѣшиваются между собою, тогда какъ занятія, служащія тѣлу (кухонное и косметическое), ясно отличаются одно отъ другаго. Причину эту весьма хоро-

слышалъ, чѣмъ я называю риторикѣ: она—то же въ душѣ, что дѣло кухонное—въ тѣлѣ. Можетъ быть, я поступилъ
 Е. нелѣпо, что тебѣ не позволилъ говорить длинныхъ рѣчей, а самъ произнесъ цѣлое разсужденіе: но меня надобно извинить; потому что краткихъ моихъ словъ ты не понималъ и не зналъ, что тебѣ дѣлать съ моими отвѣтами; слѣдовательно имѣлъ нужду въ объясненіи. Такъ-то, если и
 466. я не въ состояніи буду понять твой отвѣтъ, ты распространи свою рѣчь; а когда въ состояніи,—предоставь мнѣ понимать его. Это совершенно справедливо. Теперь дѣлай съ моимъ отвѣтомъ, что можешь сдѣлать.

Пол. Что это говоришь ты? риторика кажется тебѣ ласкательствомъ?

Сокр. Частію ласкательства, сказалъ я. Такъ молодъ, Полось, а не помнишь. Чтò же будешь дѣлать послѣ, (доживъ до старости)?

Пол. Неужели тебѣ представляется, что въ городахъ хорошіе риторы ¹, какъ ласкатели, считаются людьми презрѣнными?

шо раскрываетъ Олимпіодоръ. «Стоитъ изслѣдовать, говоритъ онъ, почему софистика и риторика сливаются, а косметика и кухонное дѣло — нѣтъ. Мы говоримъ, что кухонное дѣло и косметика суть идолы тѣла. Поэтому, еслибы распознавало ихъ тѣло, то и они сливались бы; ибо какимъ образомъ различать ихъ тѣлу, обладаемому дѣйствіемъ подлежащихъ различенію предметовъ?—Нѣтъ, такъ какъ тѣ занятія суть идолы тѣла, а различаетъ ихъ душа; то будучи опредѣляемы душою, они и не сливаются. Напротивъ риторика и софистика суть идолы души. Поэтому душа, въ отношеніи къ нимъ имѣющая состояніе страдательное, слѣдовательно обладаемая и порабоченная ими, можетъ ли различать ихъ? — Оттого-то онъ и смѣшиваются.» Мнѣніе Анаксагора о смѣшеніи стихій до образованія міра см. въ прим. къ Фелону р. 72 С. Слова Сократа: *ты вѣдь опытенъ въ такихъ вещахъ*, указываютъ на то, что Полоса причисляла къ школѣ Анаксагоровой, какъ Горгіаса—къ Эмпедокловой. Scholiast.

¹ Ἄρχοι ῥήτορες. Слово ἀρχός у Грековъ имѣло значеніе обширнѣе того, какое мы соединяемъ съ словомъ «хорошій»: имъ выражалось и нравственное качество лица — доброта, и достоинство челоуѣка, относительно къ его работѣ; напримѣръ, по нашему, хорошаго живописца они называли также ἀρχὸν ζωγράφου. Отъ этой двузнаменательности слова ἀρχός; произошло здѣсь недоумѣніе Полоса, который ἀρχὸν ῥήτορα понималъ въ значеніи хорошаго

Сокр. Это вопросъ? или начало какой-нибудь рѣчи?

Пол. Вопросъ.

Сокр. Я думаю, они и не считаются.

Пол. Какъ не считаются? Развѣ въ городахъ не велика ихъ сила?

Сокр. Нѣтъ, если только имѣть силу, по твоему мнѣнію, есть нѣчто хорошее для сильнаго.

Пол. Да это и есть мое мнѣніе.

Сокр. Такъ риторы въ числѣ жителей города, мнѣ кажется, весьма мало значать. С.

Пол. Что ты? развѣ они, подобно тираннамъ, и не умерщвляютъ, кого хотять, и не отнимаютъ имущества, и не изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется?

Сокр. Клянусь собакою, Полось, что я недоумѣваю, самъ ли ты говоришь, говоря о чемъ-нибудь, и свою ли мысль высказываешь, или спрашиваешь меня.

Пол. Да, я спрашиваю тебя.

Сокр. Положимъ, другъ мой. Такъ ты даешь мнѣ два вопроса.

Пол. Какъ два?

Сокр. Не сказалъ ли ты мнѣ сейчасъ, что риторы, подобно тираннамъ, и умерщвляютъ, кого хотять, и отнимаютъ имущество, и изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется? D.

Пол. Сказалъ.

Сокр. Такъ я тебѣ говорю, что тутъ два вопроса ¹, и буду отвѣчать на оба. Скажу, Полось, какъ сей-часъ сказалъ, что и риторы и тиранны имѣютъ въ городахъ мало-

ритора, тогда какъ Сократъ подъ словоу *ἀγροῖς*; хочеть разумѣть *ἀγαθότητι* — въ смыслѣ нравственноу.

¹ Полось спрашивалъ: развѣ риторы не умерщвляютъ, *кого хотять*, и не изгоняютъ изъ городовъ, *кого покажется*? Изъ этихъ двухъ вопросовъ на послѣдній — *ὅτι ἐν πόλει εὐταῖς* — Сократъ отвѣчаетъ положительно, а на другой — *ὅτι ἐν βουλευτικῇ* — отрицательно; потому что софисты не знаютъ того, чего хотять, или для чего въ чемъ-нибудь убѣждаютъ, то-есть, не знаютъ природы истиннаго, добраго и справедливаго.

важную силу, ибо ничего почти не дѣлають, чего хотять, но дѣлають, что имъ кажется, какъ наилучшее.

Пол. А это развѣ не значить—имѣть великую силу?

Е. *Сокр.* Не значить: по крайней мѣрѣ какъ говорить Полось.

Пол. Мнѣ не говорить? Конечно говорю.

Сокр. Клянусь ¹, ты не говоришь, когда утверждаешь, что имѣть великую силу, по твоему мнѣнію, есть нѣчто хорошее для сильнаго.

Пол. Да, это мое мнѣніе.

Сокр. Но хорошее у тебя бываетъ не тогда ли, когда кто дѣлаеть, что ему кажется, какъ наилучшее, не имѣя ума? и не это ли, по твоему, значить обладать великою 467. силою?

Пол. Это.

Сокр. Такъ опровергая меня, докажешь ли, что риторы имѣють умъ, и что риторика — искусство, а не ласкательство? Если же я останусь непровергнутымъ,—риторы и тиранны, дѣлая въ городахъ, что имъ кажется, не приобрѣтутъ ничего хорошаго. Хотя обладать силою, какъ говоришь ты, и есть нѣчто хорошее; но дѣлать, что кажется,—безъ ума, даже по твоему согласію,—зло. Не правда ли?

Пол. Да, и по моему.

Сокр. Какимъ же образомъ риторы и тиранны могутъ имѣть въ городахъ великую силу, если Полось не опровергнетъ В. Сократа и не научитъ, что они дѣлають, что хотять?

Пол. Этотъ человѣкъ ²...

Сокр. Я говорю, что они дѣлають не то, что хотять. Опровергай меня.

¹ Клянусь — *μὰ τὸν*, эллиптический образъ клятвы, употреблявшійся древними Греками. Scholiast. Aristoph. ad Ran. v. 1421: ἠλλεκτηκῶς ὀμνῶσι, καὶ οὕτως ἔθος ἐστὶν ἀρχαίως, ἐνίοτε μὴ προστιθέναι τὸν θεὸν εὐλαβείας χάριν, εἰώθασι δὲ τοῖς τοιοῦτοις ἔργοις χρῆσθαι ἑπευφημιζόμενοι, ὥστε εἰπεῖν μὲν, *μὰ τὸν*, ἔνθα δὲ μάλιστα προστίθει, καὶ Πλάτωνι δὲ τῷ τοιοῦτον κεχρησθαι.

² Это—такъ называемая фигура умолчанія, выражающая удивленіе и негодованіе; а здѣсь она выражаетъ еще больше—ненаходчивость Полоса.

Пол. Не сейчас ли, только передъ этимъ, соглашался ты, что они дѣлають, что имъ кажется, какъ наилучшее?

Сокр. Да и теперь соглашаюсь.

Пол. Стало быть, они дѣлають, что хотятъ.

Сокр. Нѣтъ.

Пол. Но вѣдь дѣлають, что имъ кажется?

Сокр. Да.

Пол. Жалки и странны слова твои, Сократъ.

Сокр. Не вини меня, добрый Полось, — говорю въ твоёмъ С. вкусѣ; но если ты намѣренъ предлагать мнѣ вопросы, докажи, что я лгу; а не намѣренъ — самъ отвѣчай.

Пол. Готовъ отвѣчать, лишь бы только видѣть, что ты тутъ разумѣешь.

Сокр. Какъ тебѣ кажется? — люди того ли хотятъ, что всякій разъ дѣлають, или того, для чего дѣлають то, что дѣлають? Напримѣръ, пьющіе лѣкарство, по предписанію врачей, того ли, думаешь, хотятъ, что дѣлають, то-есть, пить лѣкарство и страдать, или того, для чего пьютъ, то-есть, — быть здоровыми? D.

Пол. Очевидно, — того, для чего пьютъ, то-есть, быть здоровыми.

Сокр. Не такъ же ли и плавающіе, и ищущіе себѣ барышей другимъ образомъ — хотятъ не того, что всякій разъ дѣлають, — ибо кому хочется плавать, подвергаться опасностямъ и безпокойствамъ? — а того, думаю, для чего плавають, то-есть, быть богатыми? Вѣдь плавають для богатства.

Пол. Конечно.

Сокр. Не то же ли и вообще? дѣлающій что-нибудь для чего-нибудь, хочетъ не того, что дѣлаеть, а того, для чего дѣлаеть?

Пол. Да. E.

Сокр. Теперь, есть ли что-нибудь такое, что не было бы либо добро, либо зло, либо среднее между ними — ни добро, ни зло?

Пол. Быть чему-нибудь изъ этого совершенно необходимо, Сократъ.

Сокр. Добромъ не называешь ли ты мудрости, здоровья, богатства и другихъ, подобныхъ тому вещей, а зломъ—противныхъ имъ?

Пол. Называю.

Сокр. Ни доброе же, ни злое—не то ли, по твоему мнѣ-
468. нію, что иногда причастно добру, иногда—злу, а иногда ни тому ни другому, какъ напр. сидѣть, ходить, бѣжать, плавать, или каковы — камни, дерева и другія подобныя вещи? Это ли называешь ты ни добромъ, ни зломъ, или что иное?

Пол. Не иное, а это.

Сокр. Но среднее ли тутъ дѣлають для добра, когда дѣлають, или добро—для средняго?

Пол. Ужъ вѣроятно среднее для добра.

в. *Сокр.* Стало быть, и когда ходимъ,—мы ходимъ, какъ бы гонялись за добромъ, думая, что это лучше; и когда стоимъ,—стоимъ опять для того же, то-есть, для добра. Не правда ли?

Пол. Да.

Сокр. Не потому ли и умерщвляемъ, если кого умерщвляють, и изгоняемъ, и отнимаемъ имущество, что признаемъ за лучшее для себя дѣлать это, чѣмъ не дѣлать?

Пол. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно дѣлающіе все это—дѣлають для добра.

Пол. Согласенъ.

Сокр. Но не согласились ли мы, что хотимъ не того, что
с. дѣлаемъ для чего-нибудь, а того, для чего что-нибудь дѣлаемъ?

Пол. Весьма охотно.

Сокр. Стало быть, ни умерщвлять, ни изгонять изъ городовъ, ни отнимать имущества мы не хотимъ просто такъ: напротивъ хотимъ дѣлать это, если такое дѣйствіе полезно, и не хотимъ, когда оно вредно; потому что хотимъ добра,

сказалъ ты, а что ни добро, ни зло, того не хотимъ. Такъ ли? вѣрно ли, кажется тебѣ, Полось, говорю я, или нѣтъ? D. Отвѣчай же.

Пол. Вѣрно.

Сокр. А если соглашаешься въ этомъ, то умерщвляющій кого-нибудь, либо изгоняющій изъ города, либо отнимающій имущество,—тираннъ ли то будетъ, или риторъ,—какъ скоро онъ думаетъ, что это для него лучше, а выходитъ хуже,—дѣлаетъ вѣроятно то, что ему кажется. Не такъ ли?

Пол. Да.

Сокр. Неужели же въ этомъ случаѣ дѣлаетъ онъ, что хочеть, если это дѣло дурно?—Отвѣчай-ка.

Пол. Нѣтъ, онъ дѣлаетъ, кажется, не то, что хочеть.

Сокр. Такъ можетъ ли быть, чтобы онъ имѣлъ великую силу въ томъ городѣ, если имѣть великую силу, по твоему E. мнѣнію, есть нѣчто доброе?

Пол. Невозможно.

Сокр. Слѣдовательно я правду сказалъ, говоря, что человѣкъ, какъ скоро въ городѣ дѣлаетъ онъ, что ему кажется, не имѣеть великой силы и не дѣлаетъ того, что хочеть.

Пол. Такъ видно ¹, власти—дѣлать въ городѣ, что тебѣ кажется, ты скорѣе не принялъ бы. Сократъ, чѣмъ принялъ бы ее, и не позавидовалъ бы тому, кто можетъ умертвить, кого вздумается, лишить имущества, или заключить въ оковы.

Сокр. Справедливо, то-есть, или несправедливо?

Пол. Такъ или сякъ, но въ обоихъ случаяхъ не завидно ли это?

Сокр. Говори лучше, Полось.

Пол. А что?

469.

¹ *Такъ видно...* Въ подлинникѣ — ὡς δὲ выражаетъ тонъ вопроса, предлагаемаго съ нѣкоторою насмѣшливостію. Подобнымъ образомъ—ниже (499 В): ὡς δὲ τὸ βίαιον ἐστὶν... и въ другихъ мѣстахъ.

Сокр. Людямъ, и невозбуждающимъ зависти, и жалкимъ, завидовать не должно, а надобно жалѣть о нихъ.

Пол. Что ты? неужели, думаешь, таково состояніе тѣхъ людей, о которыхъ я говорю?

Сокр. Да какъ же не таково?

Пол. Значитъ, всякій, умерщвляющій, кого ему кажется, справедливо представляется тебѣ человѣкомъ несчастнымъ и достойнымъ сожалѣнія?

Сокр. Нѣтъ; — однакожь и не такимъ, чтобы онъ возбуждалъ зависть.

Пол. Не сейчасъ ли ты сказалъ, что онъ несчастенъ?

В. *Сокр.* Да, умерщвляющій несправедливо, другъ мой, сверхъ того и жалокъ; когда же справедливо, — онъ не возбуждаетъ зависти.

Пол. Ну, а умирающій-то несправедливо, вѣроятно, жалокъ и несчастенъ.

Сокр. Менѣе, Полось, чѣмъ умерщвляющій, и менѣе, чѣмъ умирающій справедливо.

Пол. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Такъ, что самое великое изъ золъ есть нанесеніе обиды.

Пол. Да это ли самое великое? Не большее ли зло — терпѣть обиду?

Сокр. О, всего менѣе!

Пол. Стало быть, ты лучше хотѣлъ бы терпѣть обиду, чѣмъ обижать?

С. *Сокр.* Я не хотѣлъ бы ни того ни другаго; но еслибы необходимо было либо обидѣть, либо потерпѣть обиду, то скорѣе избралъ бы послѣднее, чѣмъ первое.

Пол. Поэтому, ты не согласился бы тиранствовать?

Сокр. Нѣтъ, если только подъ именемъ тиранніи ты разумѣешь то же, что я.

Пол. Я разумю то же, что сейчасъ, — власть дѣлать въ городѣ, что кажется; умерщвлять и совершать все по собственному усмотрѣнію.

СТВ

• *Сокр.* Выслушай-ка меня, счастливецъ, и лови на словѣ. Еслибы я вышелъ на площадь во время стеченія народа D. и, держа скрытно кинжалъ, сказалъ тебѣ: Полось! теперь въ моихъ рукахъ удивительное могущество и тираннія. Вѣдь покажись мнѣ, что изъ видимыхъ тобою здѣсь людей кто-нибудь сейчасъ долженъ умереть,—и тотъ, на кого пало бы это мнѣніе, умереть. Покажись мнѣ также, что у кого-нибудь изъ нихъ должна быть разсѣчена голова,—и она немедленно будетъ разсѣчена, либо—разодрано платье,—и оно будетъ вдругъ разодрано. Такъ велика моя сила въ этомъ E. городѣ! А еслибы тебѣ не вѣрилось,—я показалъ бы кинжалъ,—и ты, видя его, вѣроятно сказалъ бы мнѣ: Сократъ! такимъ-то образомъ всѣ могутъ имѣть великую силу; такимъ образомъ ты могъ бы, на примѣръ, еслибы тебѣ показалось, поджечь дома, аѳинскую гавань, трехмачтовья суда и всѣ, какъ общественные, такъ и частные корабли. Но дѣлать это, то-есть, дѣлать, что кажется, вѣдь не значить имѣть великую силу. Или ты такъ думаешь?

Пол. Ужъ вѣроятно не такъ.

470.

• *Сокр.* А можешь ли сказать, за что порицаешь такую силу?

Пол. Могу.

Сокр. Скажи же.

Пол. За то, что поступающій такимъ образомъ необходимо долженъ вредить.

Сокр. А вредить—не есть ли дѣлать зло?

Пол. Конечно.

Сокр. Поэтому, имѣть великую силу, почтеннѣйшій, у тебя значить опять то, что дѣлающій, что ему кажется, расположенъ совершать полезное и быть добрымъ. Это-то, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ великую силу; а безъ этого, великая твоя сила будетъ зло и безсиліе. Разсмотримъ еще в. слѣдующій вопросъ: не согласимся ли мы, что дѣлать то, о чемъ теперь говоримъ, то-есть умерщвлять, либо изгонять людей и отнимать у нихъ имущество, иногда бываетъ больше доброе дѣло, а иногда нѣтъ?

Пол. Конечно.

Сокр. И въ этомъ-то, вѣроятно, согласимся оба мы, — ты и я.

Пол. Да.

Сокр. Когда же, думаешь, дѣлать это бываетъ больше добро? Скажи, что здѣсь полагаешь ты предѣломъ?

Пол. На это, Сократъ, отвѣчай ужъ ты самъ.

Сокр. Если угодно тебѣ, Полось, слышать отъ меня, то я скажу, что когда дѣлаютъ справедливо, — это бываетъ больше добро, а когда несправедливо, — больше зло.

Пол. Хоть неприятно опровергать тебя, Сократъ; но не докажетъ ли тебѣ и дитя, что ты говоришь несправедливо?

Сокр. И я буду весьма благодаренъ этому дитяти, равно какъ и тебѣ, если обличишь меня и избавишь отъ пустословія. Не затруднись облагодѣтельствовать любимаго тобою человѣка; обличи его.

Пол. Ужъ конечно нѣтъ никакой надобности опровергать тебя, Сократъ, древними событіями; достаточно и недавнихъ происшествій ¹, чтобы обличить тебя и доказать, что многіе несправедливые люди наслаждаются счастьемъ.

Сокр. Какія же это происшества?

Пол. Напримѣръ, не видишь ли, что этотъ Архелай ², сынъ Пердикки, — теперь правитель Македоніи?

¹ Ἐχθίς καὶ πρόχθις ἡμεροῦντα ταῦτα ἰκάνει. Ἐχθίς καὶ πρόχθις — поговорка, указывающая на недавно случившееся событие; по-русски — на дняхъ. У насъ соответствуетъ ей присловіе: «сегодня — завтра», только русскимъ присловіемъ мы означаемъ время наступающее, а греческимъ означалось едва прошедшее.

² Полось говоритъ здѣсь, что Архелай, сынъ Пердикки, совершалъ одни только злодѣянія и не испукалъ ихъ никакими добродѣтелями. Но, по свидѣтельству Фукидида (II, 100), онъ украсилъ и усилилъ царство Македонское, а наукамъ и ученымъ такъ покровительствовалъ, что многихъ мужей, славившихся своими дарованіями и познаніями, принималъ у себя съ отличными почестями. Такого вниманія удостоился отъ него, между прочими, и Еврипидъ (v. Aelian. V. II. 11. 21. XIII. 14). Атений даже порицаетъ Платона, что онъ въ своемъ Горгіасѣ позволилъ себѣ охуждать поступки Архелая, тогда какъ этотъ государь былъ, говоритъ, въ дружескихъ къ нему отношеніяхъ (XI, 15 p. 506). Элианъ свидѣтельствуетъ, что Архелай пригла-

Сокр. Если не вижу, такъ слышу.

Пол. Чтожъ? счастливъ онъ, или несчастливъ, по твоему мнѣнію?

Сокр. Не знаю, Полось; потому что еще не познакомился съ этимъ человѣкомъ.

Пол. Какъ? развѣ для узнанія этого нужно знакомиться? Е. развѣ иначе, самъ собою, ты не знаешь, что онъ счастливъ?

Сокр. Клянусь Зевсомъ, что нѣтъ.

Пол. Такъ явно, Сократъ, что ты откажешься отъ знанія даже о счастіи великаго царя.

Сокр. Да и справедливо откажусь, потому что не знаю ни воспитанія его, ни правосудія.

Пол. Что ты? развѣ въ этомъ-то все счастье?

Сокр. Чтò касается до моего мнѣнія, Полось, то я говорю, что человѣкъ прекрасный и добрый (то же и о женщинѣ)—счастливъ, а несправедливый и злой несчастливъ.

Пол. Слѣдовательно Архелай, по твоему мнѣнію, несчастенъ? 471.

Сокр. Если только онъ несправедливъ, другъ мой.

Пол. Да какъ же не несправедливъ! Вѣдь ему нисколько не принадлежитъ нынѣшняя его власть; потому что онъ родился отъ женщины, бывшей рабою Алкета, брата Пердиккина, и, по всей справедливости, находился въ числѣ Алкетовыхъ рабовъ. Еслибы онъ захотѣлъ поступить справедливо, то рабствовалъ бы Алкету и, по крайней мѣрѣ, по твоему образу мыслей, былъ бы счастливъ; а теперь, совершивъ величайшія несправедливости, сталъ удивительно какъ несчастенъ. Во-первыхъ, пригласивъ къ себѣ В. этого самаго господина и дядю, — какбы желалъ сдать ему власть, которую отнялъ у него Пердикка, Архелай угостилъ его, напоилъ вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ, двоюроднымъ своимъ братомъ и ровесникомъ и, положивъ

шалъ къ себѣ и Сократа; но сынъ Соэрониска отказался ѣхать къ нему — будто бы потому, что не уважалъ его (V. 11. XIV. 17).

ихъ на телѣгу, ночью вывезъ изъ дворца, потомъ удавилъ и скрылъ обоихъ. Совершивъ такое преступленіе, онъ самъ не замѣтилъ, что сдѣлался человѣкомъ несчастнѣйшимъ, и не раскаялся, но немного спустя, подобнымъ образомъ по-
 с. ступилъ и съ роднымъ своимъ братомъ, сыномъ Пердикки, почти семилѣтнимъ мальчикомъ, которому власть принадлежала по всей справедливости. Онъ не захотѣлъ, какъ слѣдовало, ввѣрить и сдать ему эту власть, и быть счастливымъ, но задушилъ его и бросилъ въ колодезь, а матери Клеопатрѣ сказалъ, что сынъ ея гвался за гусемъ; да упалъ туда и умеръ. За то-то, видно, что имъ надѣлано въ Македоніи столько величайшихъ несправедливостей, онъ теперь не самый счастливый, а самый несчастный человѣкъ изъ всѣхъ Македонянъ; такъ что иные Аѳиняне, начиная съ тебя, можетъ быть, скорѣе согласились бы сдѣ-
 D. латься какимъ-нибудь другимъ Македоняниномъ, чѣмъ Архедаемъ.

Сокр. Еще вначалѣ изслѣдованія я хвалилъ тебя, Полось, и говорилъ, что, по моему мнѣнію, ты хорошо наученъ риторикѣ, только пренебрегъ діалектикою. Это ли у тебя то разсужденіе, которымъ могъ бы опровергнуть меня и ребенокъ, и которымъ, какъ ты думаешь, опровергнуто настоящее мое мнѣніе, что причиняющій обиду несчастливъ? Совсѣмъ нѣтъ, добрякъ; вѣдь я не соглашаюсь ни на одну, сказанную тобою мысль.

Пол. Потому что не хочешь, хотя тебѣ дѣйствительно кажется то же, что мнѣ.

Е. *Сокр.* Ты надѣешься, счастливецъ, опровергнуть меня риторически, подобно тѣмъ, которые считаютъ себя опровергателями въ судахъ. Тамъ одни, по видимому, опровергаютъ другихъ, когда, для подтвержденія своихъ положеній, представляютъ многихъ и достовѣрныхъ свидѣтелей; между тѣмъ какъ говорящій противное — кого-нибудь одного, либо вовсе не представляетъ. Но такое опроверженіе,
 472. въ отношеніи къ истинѣ, ничего не значитъ; потому что

многіе, показные свидѣтели, иногда могутъ о комъ-нибудь свидѣтельствовать ложно. Вотъ и настоящія твои слова, пожалуй, подтвердятъ почти всѣ Аѳиняне и иностранцы. Если хочешь выставить противъ меня свидѣтелей и доказать, что я говорю несправедливо, будутъ тебѣ свидѣтельствовать, когда угодно, Никіасъ, сынъ Никирата ¹, и его братья, которыхъ треножники наконецъ поставлены въ храмѣ Діониса; будетъ, когда угодно, — Аристократъ, сынъ Скемлія ², сдѣлавшій также прекрасное приношеніе храму Пивѣйскому; В. будетъ, когда угодно, — весь домъ Перикла и всякое другое семейство, какое вздумалось бы тебѣ выбрать здѣсь. Но я одинъ не соглашаюсь съ тобою; потому что ты не доказываешь мнѣ, а устраниаешь меня отъ сущности ³ и истины представлениемъ множества лжесвидѣтелей. Кажется, и мнѣ не опредѣлить ничего дѣльнаго о предметѣ нашего разсужденія, если я не представлю въ свидѣтели и не заставлю согласиться съ своимъ положеніемъ — одного тебя; да и ты С. не достигнешь этого, пока не примешь свидѣтельства только моего, а прочихъ свидѣтелей не оставишь въ покоѣ. Бываетъ конечно и такой образъ опроверженія, какой разумѣешь ты и многіе другіе: но бываетъ и иной, какой понимаю я. Сравнимъ же ихъ и разсмотримъ, чѣмъ они раз-

¹ Знаменитый аѳинскій военачальникъ. Аѳиняне предписали ему совершить экспедицію противъ Сициліи: но онъ, равно какъ и Сократъ, по свидѣтельству Алкивіада у Плутарха (р. 199 E), не одобрялъ этого предпріятія. Впрочемъ, уступая волѣ правительства, Никіасъ отправился и, безъ всякой пользы для отечества, принесъ ему въ жертву свою жизнь, потому что взять былъ въ плѣнъ и убитъ Сицилійцами (*Plutarch. v. Nic. p. 512 A. Thucyd. VII, 86*). Въ этомъ мѣстѣ Фукидидъ говоритъ о Никіасѣ, какъ о человѣкѣ весьма набожномъ, который дѣлалъ великія приношенія въ храмъ Діониса.

² Объ этомъ Аристократъ есть комическіе стихи (*Aristoph. Av. 123. sq*) ἀριστοκράτης εἶμι δῆλος εἰ ζῶντων. *Euclep. ἐγὼ; ἄλλα, καὶ τὸν Σκελλίου βδελύττομαι.* О немъ упоминаетъ также Фукидидъ (VIII, 89). См. Phaedon. p. 69 C.

³ Ἐκβάλλεις μὲ ἐκ τῆς οὐσίας. Словомъ *ἐκβάλλειν* Сократъ дѣлаетъ аллюзію на прежнюю мысль Полоса, что риторы изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется; поэтому и слово *οὐσία* употребляетъ здѣсь двузначнаательно, то-есть, въ значеніи имущества и въ значеніи вещи самой въ себѣ, какъ бы говоря такъ: ты, привыкши ораторскими рѣчами отнимать (*ἐκβάλλειν*) у другихъ имущество (*οὐσία*), теперь хочешь отнять у меня и истину (*ἐκβάλλειν ἐκ τῆς οὐσίας*).

личаются между собою. Вѣдь предметы нашего спора немаловажны: они — именно то, что знать прекрасно, а не знать постыдно; потому что главное здѣсь — знать или не знать, кто счастливъ и кто нѣтъ. Въ настоящемъ нашемъ

D. разсужденіи первое мѣсто занимаетъ твое положеніе, что человекъ несправедливый и наносящій обиды можетъ быть счастливъ, если только Архелай по твоему мнѣнію, точно несправедливъ, и однакожь счастливъ. Такъ ли должны мы понимать твою мысль?

Пол. Конечно.

Сокр. Но я говорю, что это невозможно, — и вотъ предметъ нашего спора. Хорошо. Человекъ именно несправедливый будетъ ли счастливъ, если онъ подлежитъ суду и наказанію?

Пол. Всего менѣе; такъ-то онъ былъ бы самымъ несчастнымъ.

E. *Сокр.* Слѣдовательно, по твоему мнѣнію, счастливъ онъ, когда не подлежитъ суду и наказанію?

Пол. Да.

Сокр. А по моему-то мнѣнію, Полось, человекъ несправедливый и наносящій обиды, хоть конечно во всякомъ случаѣ несчастенъ; но онъ гораздо несчастнѣе, если, нанося обиды, не подвергается суду и не получаетъ наказанія, и менѣе несчастенъ, если подпадаетъ подъ судъ и терпитъ наказаніе отъ боговъ и людей.

473. *Пол.* Какія странныя вещи говоришь ты, Сократъ!

Сокр. Такъ я постараюсь сдѣлать, любезный, чтобы и ты говорилъ то же самое; ибо почитаю тебя своимъ другомъ. Теперъ видно, въ чемъ состоитъ наше разногласіе. Смотри же и ты; кажется, я уже прежде сказалъ, что обижать — гораздо больше зла, чѣмъ быть обижаемымъ.

Пол. Конечно.

Сокр. А ты утверждалъ, что гораздо больше зла — быть обижаемымъ.

Пол. Да.

Сокр. И обижающихъ я называлъ несчастными, а ты опровергъ меня.

Пол. Да, клянусь Зевсомъ.

В.

Сокр. По крайней мѣрѣ такъ тебѣ кажется, Полось.

Пол. И можетъ быть ¹, кажется справедливо.

Сокр. Самъ же ты счастливыми считаешь обидчиковъ, если они не наказываются.

Пол. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Напротивъ я признаю ихъ несчастнѣйшими, а наказываемыхъ—менѣе. Хочешь ли и это опровергнуть?

Пол. Куда! опровергнуть это, Сократъ, еще труднѣе, чѣмъ прежде.

Сокр. Не труднѣе, Полось, а просто невозможно; потому что истина никогда не опровергается.

Пол. Чтò ты говоришь? если человѣка, домогающагося тиранской власти, уличаютъ въ нанесеніи несправедливостей и, уличивъ его, пытаются и расчленяютъ; если выжигаютъ ему глаза и причиняютъ, какъ самому, множество другихъ великихъ и различныхъ оскорбленій, такъ въ виду его и дѣтямъ; если наконецъ пригвождаютъ его ко кресту, либо обливаютъ смолою ²: то онъ будетъ счастливѣе тирана, который, избѣжавъ такихъ мученій, проводитъ жизнь въ управленіи городомъ и, дѣлая, чтò хочетъ, становится предметомъ зависти и примѣромъ счастья для согражданъ и, сверхъ того, для иностранцевъ? Этого ли, говоришь, не возможно опровергнуть?

D.

¹ Можетъ быть — *Itaque* здѣсь обнаруживаетъ тонъ ироническій, соответственно латинскому *fortasse*; потому что Полосу его положеніе представляется несомнѣннымъ.

² *Κατακλιτὸν* εἴς. Глаголь *κατακλιτὸν* εἴς значитъ намазывать смолою и сожигать — дѣйствіе, бывшее орудіемъ смертной казни. Vid. *Victor. var. lectt.* VIII, 14. Объ этомъ орудіи говорится такъ (*Routhius ad. h. I*): *mibi quidem designari hoc loco videtur id genus supplicium, quod veteres tunicam molestat nuncupabant, cuius meminerunt inter alios Iuvenalis (sat. VIII. v. 235). Martial (Epigr. X, 25) Haec nimirum ignium alimentis illita et intexta, ac mox succensa, dire obvolutos noxios, qui sceleris gravioris comperti forent, incendio absumebat.*

Сокр. Ты опять пугаешь, а не опровергаешь, благородный Полось. Давно ли приводилъ свидѣтелей! Напомни-ка немного: сказалъ ли ты, — если несправедливо домогается тиранской власти?

Пол. Сказалъ.

Сокр. Итакъ человѣкомъ счастливѣйшимъ не будетъ ни тотъ, ни другой, — ни достигшій тиранской власти несправедливо, ни получившій наказаніе; потому что въ числѣ двухъ несчастныхъ нельзя найти болѣе счастливаго, болѣе же несчастенъ тотъ, кто избѣжалъ наказанія и тиранствуетъ.

Е. Что, Полось, смѣешься? Не на этотъ ли видъ опроверженія указываютъ, когда говорятъ: онъ осмѣиваетъ, а не опровергаетъ?

Пол. Не думаешь ли, Сократъ, что говоря то, чего не скажетъ ни одинъ человѣкъ, ты опровергъ мое положеніе? Спроси кого-нибудь изъ нихъ.

Сокр. Я не изъ политиковъ, Полось. Въ прошедшемъ году, когда на очереди правленія былъ мой округъ, и мнѣ, 474. избранному въ совѣтники, надлежало собирать голоса, — произошелъ смѣхъ; потому что я не зналъ, какъ приняться за дѣло. Не заставляй же меня и теперь собирать голоса присутствующихъ и, если не имѣешь опроверженія лучше этого, то право опровергать, какъ я говорилъ, передай мнѣ, и узнай изъ опыта, каково должно быть предполагаемое мною опроверженіе. Въ подтвержденіе своихъ словъ я умѣю представлять одного свидѣтеля, — того самаго, съ которымъ веду рѣчь, а многихъ оставляю въ покоѣ; я ссылаюсь на мнѣніе одного собесѣдника, а со многими даже и не раз-
В. говариваю. Смотри же, хочешь ли мнѣ предоставить право опроверженія и отвѣчать на вопросы? Я думаю такъ, что и для меня, и для тебя, и для другихъ людей больше зла — наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ, больше зла — не быть наказываемымъ, чѣмъ быть.

Пол. А я-то не думаю этого ни за себя, ни за другихъ

людей. Вотъ ты конечно согласился бы лучше принимать обиды, чѣмъ наносить ихъ?

Сокр. Да и ты, и всѣ прочіе.

Пол. Ну, далеко до этого; напротивъ ни я, ни ты, ни кто другой.

Сокр. Такъ готовъ ли отвѣчать? С.

Пол. Безъ сомнѣнія; ибо сильно желаю знать, что будешь ты говорить.

Сокр. А если желаешь знать, то представляй, Полось, какбы я спрашивалъ тебя сначала, и скажи мнѣ: больше зла, по твоему мнѣнію, наносить ли обиду, или принимать ее?

Пол. По моему мнѣнію, принимать.

Сокр. А въ чемъ больше стыда-то? Наносить обиду, или принимать ее? Отвѣчай.

Пол. Наносить.

Сокр. Но если больше стыда, то больше и зла.

Пол. Всего менѣе.

Сокр. Понимаю; видно, прекрасное и доброе, злое и по- D. стыдное считаешь ты не однимъ и тѣмъ же.

Пол. Отнюдь не однимъ.

Сокр. А какъ это-то? Все прекрасное,—и тѣла, напримеръ, и цвѣта, и формы, и звуки, и обычаи, называешь ты прекраснымъ всегда ли, безъ всякаго ли отношенія? Во-первыхъ, хоть бы прекрасныя тѣла называешь ты прекрасными не ради ли употребленія ихъ, смотря на то, къ чему каждое полезно, либо не ради ли какого удовольствія, поколику, то-есть, созерцаніе ихъ радуетъ созерцающихъ? Можешь ли ты сказать что-нибудь о красотѣ тѣла независимо отъ этого?

Пол. Не могу. Е.

Сокр. Не такъ же ли и все прочее, — формы и цвѣта, именуешь ты прекрасными либо ради какого удовольствія, либо ради пользы, либо ради того и другаго?

Пол. Согласенъ.

Сокр. Не такъ же ли и звуки, и все относящееся къ музыкѣ?

Пол. Да.

Сокр. Да и согласные съ закономъ обычаи прекрасны не независимо отъ этого, но или по своей пользѣ, или по удовольствію, или по тому и другому.

475. *Пол.* Мнѣ кажется, что не независимо.

Сокр. Не то же ли должно сказать о красотѣ наукъ?

Пол. Конечно. Опредѣляя прекрасное удовольвіемъ и добромъ, ты хорошо-таки опредѣляешь ¹ его, Сократъ.

Сокр. А постыдное не слѣдуетъ ли опредѣлить противнымъ—скорбію и зломъ?

Пол. Необходимо.

Сокр. Итакъ если изъ двухъ прекрасныхъ предметовъ одинъ прекраснѣе, то прекраснѣе по избытку либо чего одного, либо того и другаго, то-есть, либо удовольвія, либо пользы, либо и удовольвія и пользы.

Пол. Конечно.

Сокр. Равнымъ образомъ, если изъ двухъ постыдныхъ В. предметовъ одинъ постыднѣе; то постыднѣе будетъ по избытку либо скорби, либо зла. Не необходимо ли?

Пол. Да.

Сокр. Ну, хорошо. Какъ же было у насъ недавно говорено о нанесеніи и полученіи обидъ? Не говорилъ ли ты, что получать обиды больше зла, а наносить ихъ больше стыда?

Пол. Говорилъ.

¹ Въ понятіи о прекрасномъ софисты далеко расходились съ Сократомъ и Платономъ. Платонъ понималъ прекрасное, какъ пріятное выраженіе истиннаго и добраго; а софисты разумѣли его, какъ причину удовольвія и пользы. То-есть, первый опредѣлялъ его тѣмъ, изъ чего оно рождается, а послѣдніе—тѣмъ, что изъ него рождается. Слѣдовательно Платоновое понятіе о прекрасномъ есть идеальное, а софистическое—имѣетъ характеръ матеріальный. Полось, очевидно, обманывается здѣсь двузначительнымъ словомъ *ὀφείλει*, принимая его въ смыслъ пользы матеріальной, и потому одобряетъ опредѣленіе Сократа; тогда какъ Сократъ подъ словомъ *ὀφείλει* разумѣетъ пользу нравственную, то-есть, истинное и доброе.

Сокр. Но если наносить обиды — больше стыда, чѣмъ получать ихъ; то больше стыда по избытку либо досады и скорби, либо зла, либо того и другаго. Не необходимо ли и это?

Пол. Ужъ какъ не необходимо!

Сокр. Разсмотримъ же прежде, нанесеніе обидъ не скорбю ли избыточествуетъ предъ полученіемъ ихъ, и обижающіе не больше ли горюють, чѣмъ обижаемые?

Пол. Этого-то отнюдь не бываетъ, Сократъ.

Сокр. Стало быть, скорбію-то не избыточествуетъ?

Пол. Совсѣмъ нѣтъ.

Сокр. Но если не скорбію, такъ не избыточествуетъ ли еще тѣмъ и другимъ?

Пол. Явно, что нѣтъ.

Сокр. Видно же послѣднимъ, что остается?

Пол. Да.

Сокр. Зломъ?

Пол. Должно быть.

Сокр. Итакъ нанесеніе обидъ, избыточествующее зломъ, будетъ заключать въ себѣ больше зла, чѣмъ полученіе ихъ?

Пол. Явно, что больше.

D.

Сокр. Но не согласились ли мы прежде и за многихъ людей, и за тебя, что наносить обиды больше стыда, чѣмъ получать ихъ?

Пол. Да.

Сокр. А теперь въ этомъ же самомъ открывается больше зла?

Пол. Должно быть.

Сокр. Что же угодно тебѣ предпочесть, — больше зла, или больше стыда? Не затрудняйся отвѣтомъ, Полось, — вреда не будетъ; отвѣчай, открываясь слову, какъ врачу, — благородно; скажи на вопросъ либо да, либо нѣтъ.

Пол. Но тутъ я ничего не могу предпочесть, Сократъ. Е.

Сокр. Видно, предпочтетъ кто-нибудь другой?

Пол. Судя по тому, что сказано, не думаю.

Сокр. Стало быть, мое слово было справедливо, что ни я, ни ты, ни кто другой изъ людей не предпочтетъ нанесенія обиды полученію ея; потому что первое заключаетъ въ себѣ больше зла.

Пол. Явно.

Сокр. Такъ видишь, Полось, — это опроверженіе, сравненное съ другимъ, нисколько на него не походить. Вѣдь съ тобою всѣ согласны, кромѣ меня; напротивъ мнѣ достаточ-
476. но согласія и свидѣтельства только отъ тебя одного, и я ссылаюсь только на твое мнѣніе, а другихъ оставляю въ покоѣ. Пусть это будетъ у насъ такъ; теперь рассмотримъ другой предметъ своего недоумѣнія: то ли самое великое зло, когда наносящій обиды получаетъ наказаніе, какъ думалъ ты, или больше будетъ то, если онъ не получаетъ наказанія, какъ полагалъ я? Разсмотримъ это слѣдующимъ образомъ: получить наказаніе и быть наказаннымъ справедливо за нанесеніе обидъ — одно ли и то же, по твоему мнѣнію?

Пол. Одно и то же.

В. Сокр. Такъ-то ты можешь говорить, что даже и все справедливое, поколику справедливое, не прекрасно! Подумай-ка и скажи.

Пол. Да, мнѣ кажется, Сократъ.

Сокр. Разсмотри еще и это: когда кто дѣлаетъ что-нибудь, — въ зависимости отъ того дѣлающаго не необходимо ли быть чему-либо страдающему?

Пол. Мнѣ кажется.

Сокр. И это страдающее, производимое дѣлающимъ, не таково ли будетъ, какимъ производитъ его дѣлающее. Разумѣю такъ: когда ударяютъ, не необходимо ли быть ударяемому?

Пол. Необходимо.

С. *Сокр.* И если ударяющій ударяетъ сильно, либо скоро; то точно также ударяется и ударяемое?

Пол. Да.

Сокр. Слѣдовательно ударяемое получаетъ такое страданіе, какое сообщаетъ ему ударяющее?

Пол. Конечно.

Сокр. Не необходимо ли также,—когда кто жжетъ, быть жгомому?

Пол. Какъ не необходимо!

Сокр. И если жжетъ сильно, либо мучительно, то и жгомое жжется, какъ жжетъ жгущее?

Пол. Конечно.

Сокр. Не то же ли будетъ, когда кто и рѣжетъ? Вѣдь что-нибудь рѣжется?

Пол. Да.

Сокр. И если порѣзъ великъ, глубокъ, болѣзненъ; то и рѣжаемое рѣжется тѣмъ порѣзомъ, какимъ рѣжетъ рѣжущее? D.

Пол. Явно.

Сокр. Смотри же вообще, — согласишься ли въ томъ, что подтвердилъ касательно всего, сейчасъ сказаннаго: какъ что дѣлаетъ дѣлающее, такъ страдаетъ и страдающее?

Пол. Да, соглашаюсь.

Сокр. На основаніи этого согласія, получать наказаніе значить—страдать или дѣлать?

Пол. Необходимо страдать, Сократъ.

Сокр. Отъ кого-нибудь дѣлающаго?

Пол. Какъ же иначе? отъ наказывающаго.

Сокр. Но правильно наказывающій по справедливости ли наказываетъ?

Пол. Да.

Сокр. Его дѣйствіе справедливо, или нѣтъ?

Пол. Справедливо.

Сокр. И наказываемый, подвергаясь страданію, справедливо ли страдаетъ?

Пол. Явно.

Сокр. А справедливое признали мы, помнится, прекраснымъ?

Пол. Конечно.

Сокр. Стало быть, одинъ изъ нихъ дѣлаеть прекрасное, а другой, наказываемый, своимъ страданіемъ принимаетъ его?

Пол. Да.

Сокр. Если же прекрасное, то и доброе? Вѣдь оно либо 477. пріятно, либо полезно ¹.

Пол. Необходимо.

Сокр. Поэтому наказываемый, находясь въ состояніи страданія, принимаетъ добро?

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Слѣдовательно получаетъ пользу?

Пол. Да.

Сокр. И ту пользу, которую я разумѣю? то-есть, будучи наказываемъ, онъ становится добрѣе по душѣ?

Пол. Это вѣроятно.

Сокр. Стало быть, принимающій наказаніе освобождается отъ душевнаго зла?

Пол. Да.

Сокр. И не отъ величайшаго ли освобождается онъ зла? Разсматривай такъ: въ отношеніи къ деньгамъ, замѣчаешь ли В. ты въ человѣкѣ какое-нибудь другое зло, кромѣ бѣдности?

Пол. Нѣтъ, именно бѣдность.

Сокр. А въ отношеніи къ тѣлу, — что такое? не назовешь ли зломъ слабости, болѣзни, безобразія и подобнаго тому?

Пол. Назову.

Сокр. Не допускаешь ли также какой худости и въ душѣ?

Пол. Какъ не допускать!

Сокр. И этой худости не называешь ли несправедливостію, невѣжествомъ, трусостію, и тому подобнымъ?

Пол. Безъ сомнѣнія.

¹ Сократъ ссылается на допущенное выше положеніе Полоса (474 D sqq.), или на понятіе о прекрасномъ. Доказательство идетъ такъ: все постыдное бываетъ постыдно либо по причинѣ скорби, которую оно наводитъ, либо по причинѣ вреда, который причиняетъ, либо по причинѣ того и другаго. Но злокачественность души есть дѣло самое постыдное; слѣдовательно злокачественность души соединена бываетъ или съ скорбію, или со вредомъ, или съ тѣмъ и другимъ.

Сокр. Итакъ въ отношеніи къ деньгамъ, тѣлу и душѣ,—тремъ предметамъ, ты указалъ и три зла: бѣдность, С. болѣзнь и несправедливость?

Пол. Да.

Сокр. Но изъ этихъ худыхъ качествъ, которое — самое постыдное? Не несправедливость ли, и вообще — не злокачественность ли души?

Пол. И очень.

Сокр. Если же самое постыдное, то и самое злое?

Пол. Чтò ты говоришь, Сократъ?

Сокр. Вотъ чтò: по силѣ прежнихъ нашихъ соглашеній, дѣло самое постыдное — всегда самое постыдное потому, что влечетъ либо величайшую скорбь, либо вредъ, либо то и другое.

Пол. Непремѣнно.

Сокр. А теперь мы согласились, что дѣло самое постыдное есть несправедливость и всякое худое состояніе души?

Пол. Конечно согласились. D.

Сокр. Самое же постыдное не есть ли либо самое скорбное, поколику избыточествуетъ скорбію, либо самое вредное, либо то и другое?

Пол. Необходимо.

Сокр. Такъ не болѣе ли скорби возбуждаетъ состояніе несправедливости, распутства, трусости и невѣжества, чѣмъ бѣдности и болѣзни?

Пол. Изъ этого-то, Сократъ, мнѣ кажется, — болѣе.

Сокр. Стало быть, злокачественность души есть самое постыдное изъ всѣхъ состояній — по избытку не скорби, какъ говоришь ты, а какого-то чрезвычайнаго и великаго вреда, Е. какого-то зла удивительнаго.

Пол. Явно.

Сокр. Но то именно, чтò избыточествуетъ величайшимъ вредомъ, конечно есть и величайшее изъ всѣхъ золъ.

Пол. Да.

Сокр. Слѣдовательно несправедливость, распутство и вся-

кая другая злокачественность души есть величайшее изъ всѣхъ золъ?

Пол. Явно.

Сокр. А какое искусство избавляетъ отъ бѣдности? не барышничество ли?

Пол. Да.

Сокр. Какое—отъ болѣзни? не медицинское ли?

Пол. Необходимо.

Сокр. Какое—отъ злокачественности и несправедливо-
478. сти?—Если отвѣчать на это вдругъ не можешь, то размотри такъ: куда и къ кому ведемъ мы тѣхъ, кто болѣвъ тѣломъ?

Пол. Къ врачамъ, Сократъ.

Сокр. А куда несправедливыхъ и распутныхъ?

Пол. Къ судьямъ, разумеешь ты?

Сокр. Не для наказанія ли?

Пол. Согласенъ.

Сокр. Но правильно наказывающіе не руководствуются ли въ наказаніи какимъ-нибудь правосудіемъ?

Пол. Очевидно.

Сокр. Такимъ образомъ искусство барышническое избавляетъ отъ бѣдности, медицинское—отъ болѣзни, а судебное—отъ распутства и несправедливости.

Пол. Явно.

Сокр. Которое же изъ нихъ называешь ты самымъ прекраснымъ?

Пол. Изъ чего именно?

Сокр. Изъ барышническаго, медицинскаго и судебного.

Пол. Судебное, Сократъ, много выше.

Сокр. А если оно—самое прекрасное, то не потому ли опять, что доставляетъ либо удовольствіе, либо пользу, либо то и другое?

Пол. Да.

Сокр. Приятно ли лечиться? и врачующіе радуются ли?

Пол. Мнѣ кажется, нѣтъ.

Сокр. Но полезно. Не такъ ли?

Пол. Да.

Сокр. Потому что человекъ избавляется отъ великаго зла; такъ что ему выгодно переносить страданіе и возвращать здоровье.

Пол. Какъ не выгодно!

Сокр. Однакожъ этого ли человекъ — врачуемаго, въ отношеніи къ тѣлу, должно почитать самымъ счастливымъ, или того, кто вовсе не хворалъ?

Пол. Очевидно—того, кто вовсе не хворалъ.

Сокр. Вѣдь счастье состоитъ вѣроятно не въ томъ, чтобы избавиться отъ зла, а въ томъ, чтобы вовсе не имѣть его?

Пол. Конечно такъ.

Сокр. Что жъ? изъ двухъ человекъ, носящихъ зло — въ D. тѣлѣ ли то, или въ душѣ, — который несчастнѣе: врачующійся и избавляющійся отъ зла, или не врачующійся и имѣющій его?

Пол. Явно, что не врачующійся.

Сокр. Но быть наказываемымъ не значило ли у насъ освобождаться отъ величайшаго зла — отъ злокачественности?

Пол. Значило.

Сокр. Вѣдь наказаніе вѣроятно благоразсудительно — дѣлаетъ людей болѣе справедливыми и бываетъ врачевствомъ злокачественности.

Пол. Да.

Сокр. Поэтому-то человекъ самый—счастливый—тотъ, у E. кого въ душѣ нѣтъ зла; ибо душевное зло признали мы величайшимъ изъ золъ.

Пол. Очевидно.

Сокр. А на второй степени будетъ стоять вѣроятно избавляющійся.

Пол. Должно быть.

Сокр. Но избавляется тотъ, кто принимаетъ внушенія, укоризны и наказаніе.

Пол. Да.

Сокр. Стало быть, самую несчастную жизнь проводить

человѣкъ, когда онъ несправедливъ и не избавляется отъ этого зла.

Пол. Явно.

Сокр. А это—не тотъ ли, кто, нанося величайшія обиды и совершая величайшія несправедливости, поставилъ себя въ такое положеніе, что не подвергается ни внушеніямъ, ни взысканію, ни наказанію? (Это—не такой ли человѣкъ), ка-кимъ ты считаешь Архелая и прочихъ тиранновъ,—риторовъ и властелиновъ.

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Вѣдь дошедшіе до этого состоянія почти таковы, почтеннѣйшій, каковъ въ своемъ состояніи человѣкъ, одержимый величайшими болѣзнями. Онъ не расположенъ рассчитывать предъ врачомъ за тѣлесные свои грѣхи,—не расположенъ лечиться, боясь, подобно дитяти, что его будутъ в. жечь, рѣзать, что это будетъ больно. Не кажется ли и тебѣ такъ?

Пол. Да, и мнѣ.

Сокр. Должно быть, онъ не знаетъ, что такое — здоровье и сила тѣла. Судя по допущеннымъ нами теперь положеніямъ, едва ли не то же, Полосъ, дѣлають и избѣгающіе наказанія: они смотрять на скорбную его сторону, а въ отношеніи къ полезной — слѣпы; они не знаютъ, восколько хуже болѣзненнаго тѣла жить съ душою, не пользующеюся здрав. с. віемъ, но испорченною, несправедливою и печестивою. Поэтому они все дѣлають, чтобы не получить наказанія и не избавиться отъ величайшаго зла: для этого готовятъ и деньги, и друзей, и способность какъ можно убѣдительно говорить. Но если все допущенное нами справедливо, то догадываешься ли, Полосъ, что слѣдуетъ изъ нашихъ словъ? Не хочешь ли, выведемъ эти слѣдствія?

Пол. Если самому тебѣ не иначе кажется.

Сокр. Такъ слѣдуетъ ли, что быть несправедливымъ и наносить обиды есть величайшее зло?

Пол. Это-то явно.

Сокр. И что принять наказаніе есть средство избавиться отъ этого зла?

Пол. Едва ли не такъ.

Сокр. А непринятіе наказанія будетъ упорство во злѣ?

Пол. Да.

Сокр. Стало быть, нанесеніе обидъ, по великости, занимаетъ второе мѣсто въ ряду золъ; а наносить обиды и не получать наказанія—есть зло первое и изъ всѣхъ самое великое.

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Но не въ томъ ли, другой мой, состоялъ споръ нашъ, что Архелая, поколику онъ наноситъ величайшія обиды и не получаетъ никакого наказанія, ты называлъ счастливымъ, а я напротивъ утверждалъ, что и Архелай, и всякій другой человѣкъ, какъ скоро онъ, нанося обиды, не наказывається, по этому самому долженъ быть несчастливъ прочихъ, и что вообще — наносящій обиды несчастливъ обижаемаго, а не наказываемый несчастливъ наказываемаго? Не это ли говорилъ я?

Пол. Да.

Сокр. Такъ не доказано ли, что я говорилъ правду?

Пол. Явно, что доказано.

Сокр. Пускай. Но если это справедливо, Полосъ; то въ чемъ будетъ состоять великая польза риторики? Вѣдь по силѣ допущенныхъ нами теперь положеній, всякій долженъ оберегать самъ себя, чтобы не нанести обиды и не причинить себѣ порядочнаго зла. Не такъ ли?

Пол. Конечно.

Сокр. А если ужъ обидѣлъ кто-нибудь либо самъ, либо другой, пользующійся его попеченіемъ; то по собственной

¹ *Въ чемъ будетъ состоять великая польза риторики?* Изъ допущенныхъ доселѣ положеній Сократъ заключаетъ, что искусство ораторское не только бесполезно, но и вредно; потому что оно прилагается къ защищенію или извиненію худыхъ дѣлъ. Еслибы люди были разсудительнѣе, говоритъ онъ, то скорѣе прилагали бы его къ исцѣленію болѣзней души чрезъ наказаніе, какъ медицина прилагается къ уврачеванію болѣзней тѣлесныхъ посредствомъ нужныхъ операций.

воля долженъ идти туда, гдѣ можетъ въ скорѣйшемъ времени получить наказаніе, то есть, спѣшить къ судѣ, какъ къ врачу, чтобы болѣзнь несправедливости, застарѣвъ, не покрыла души язвами, не сдѣлала ея неисцѣлимою. Такъ ли скажемъ мы, Полось, если прежде допущенное нами остается въ своей силѣ? Съ принятыми положеніями не необходимо ли согласуется это, а не иное?

Пол. Чтó же болѣе сказать, Сократъ?

Сокр. Слѣдовательно, для защищенія несправедливости, сдѣланной либо кѣмъ самимъ, либо его родителями, друзьями, дѣтьми, отечествомъ, риторика намъ, Полось, нисколько не полезна. Вотъ развѣ кто составилъ бы о ней понятіе, противное тому:—что она должна обвинять его самого, потомъ его родныхъ, либо кого изъ друзей, когда бы кто изъ нихъ совершалъ несправедливости; что ея обязанность—не скрывать неправдъ, а выводить ихъ наружу, чтобы человѣкъ несправедливый былъ наказанъ и получилъ исцѣленіе; что, по ея принужденію, и самъ онъ, и другіе должны не робѣть, но съ закрытыми глазами, какъ бы ввѣряя себя врачу для вырѣзыванія раны, мужественно стремиться къ доброму и прекрасному, а не рассчитывать боли. Если, то-есть, обидчикъ заслужилъ побои,—пусть представитъ себя для побоевъ; если оковы—для оковъ; если штрафъ—для штрафа; если ссылку—для ссылки; если смерть—для смерти. Пусть прежде всего будетъ онъ обвинителемъ самого себя и, кромѣ того,—своихъ родственниковъ, и въ этомъ случаѣ воспользуется риторикою, чтобы, обнаруживъ сдѣланныя неправды, избавиться отъ величайшаго зла—несправедливости. Скажемъ ли такъ, Полось, или не скажемъ?

Пол. Странными право, Сократъ, кажутся мнѣ слова твои, хотя съ прежними они, можетъ быть, у тебя и согласны!

Сокр. Такъ не должно ли намъ либо отъ тѣхъ отказаться, либо по необходимости согласиться на послѣднія?

Пол. Да, дѣло-то именно таково.

Сокр. И напротивъ, кто принялъ направленіе обратное и

долженъ сдѣлать зло либо врагу, либо кому другому, — лишь бы только врагъ-то не нанесъ обиды ему самому, — этого надобно опасаться; тотъ, какъ скоро врагомъ нанесена кому обида, спѣшитъ всячески, — словами и дѣлами, склонить обстоятельства къ тому, чтобы обидчикъ не подпалъ подъ наказаніе и не пошелъ къ судѣ, а когда пошелъ, будетъ придумывать средства, какъ бы ему уйти и остаться ненаказаннымъ. Пусть бы, на примѣръ, врагъ похитилъ много золота и не возвратилъ его, но владѣя имъ, несправедливо и безбожно истратилъ его для себя и для своихъ; пусть бы также своими обидами заслужилъ онъ смерть: — желающій сдѣлать ему зло позаботится, чтобы онъ не умеръ, и даже, чтобы никогда не умеръ, но съ дурными своими поступками остался безсмертнымъ; а если не то, — чтобы въ такомъ состояніи прожилъ, по крайней мѣрѣ, какъ можно долѣе. Вотъ для чего, Полось, риторика кажется мнѣ полезною; а человѣку, не намѣревающемуся обижать, по моему мнѣнію, не велика отъ ней польза, если даже и есть какая-нибудь. По крайней мѣрѣ изъ прежнихъ нашихъ разсужденій не открылось никакой.

Калл. Скажи мнѣ, Хересфонъ, серьезно говоритъ это Сократъ, или шутить?

Хересф. Кажется, чрезвычайно серьезно, Калликлъ. Впрочемъ весьма хорошо было бы спросить его самого ¹.

Калл. Клянусь богами, — я спрошу. Скажи мнѣ, Сократъ, С. какъ намъ понимать твои слова: въ смыслѣ рѣчи серьезной, или шуточной? Если ты говоришь не шутя, и то, что говоришь, истинно; то человѣческая жизнь не будетъ ли у насъ на-выворотъ, и мы, какъ видно, все дѣлаемъ вопреки тому, что должны дѣлать?

Сокр. Калликлъ! еслибы люди не имѣли свойства об-

¹ *Весьма хорошо было бы спросить его самого, οὐδὲν οἶον τὸ αὐτὸν ἐρωτᾶν, —* идиотизмъ, часто употреблявшійся въ рѣчи простой и разговорной. См. выше р. 447 С. *Aristoph. Lysistr.* v. 135 и др. Впрочемъ по-русски онъ можетъ быть выраженъ и ближе къ буквальному значенію οἶον: *нѣтъ ничего невозможнаго* и проч.

щаго, которое у однихъ обнаруживается такъ, у другихъ— иначе, но каждый обладалъ своимъ частнымъ, отличнымъ отъ
 D. свойствъ, принадлежащихъ прочимъ людямъ; то не легко было бы показать другому собственное его свойство. Говорю это, поколику замѣчаю, что мнѣ и тебѣ свойственно теперь одно и то же: оба мы любимъ, но каждый свое; я—Алкивиада, сына Клиніасова, и философю, а ты—аѳинскій народъ и сына Пирилампова ¹. Знаю, что всякій разъ, когда твой любезный скажетъ, что этому быть такъ,—ты, не смотря на силу своего краспорѣчя, противорѣчить не можешь, но вертишься туда и сюда. Въдъ и въ народной сходкѣ, когда аѳинскій народъ на слова твои говоритъ, что это не такъ,—ты
 E. вдругъ перемѣняешься и начинаешь утверждать, что ему угодно. Таковъ ты и въ отношеніи къ упомянутому красавцу, сыну Пирилампову: желаніямъ и словамъ любезнаго противиться не можешь; такъ что человѣку, который удивлялся бы всегда высказываемымъ ради нихъ твоимъ мнѣніямъ, какъ онѣ нелѣпы, — ты, еслибы только захотѣлъ, отвѣчалъ бы: пока, по чьему-нибудь приказанію, не перестанетъ утверждать это твой любезный, — не перестанешь утверждать то же самое и ты. Думай же, что и отъ меня слышишь подобное и не удивляйся, если я говорю такія рѣчи, но вели, чтобы перестала говорить ихъ моя любезная философія. А она, милый другъ, всегда утверждаетъ то, что теперь слышишь отъ меня; она совсѣмъ не такъ перемѣнчива, какъ другіе любезные. Вотъ, напримѣръ, этотъ сынъ Клиніасовъ ² иногда говоритъ одно, иногда другое; а Фило-

482.

¹ А ты — аѳинскій народъ и сына Пирилампова — οὐ δὲ τοῦ τε Ἀθηναίου δῆμον καὶ τοῦ Πυριλάμπου. Здѣсь игра въ двузначенательности слова δῆμος; то-есть Сократъ разумѣетъ подъ нимъ и народъ, которому Каллигъ такъ расположенъ былъ ласкательствовать, и собственное имя — δῆμον τοῦ Πυριλάμπου, φίλου καὶ καλίστου. Casaubon. ad Athenaeum IX, 12 p. 397. Эта игра словомъ δῆμος по-русски, разумѣется, невыразима.

² Этотъ сынъ Клиніасова, то-есть Алкивиадъ, нерѣдко представляемъ былъ Сократомъ, какъ образецъ легкомыслія и неостойчивости. Symon. p. 216. C. et alib.

софія—всегда одно и то же, говоритъ именно тѣ рѣчи, которыми ты удивляешься и которыя лично слышалъ. Итакъ, вѣлико опровергни ее и, вопреки моимъ словамъ, докажи, что наносить обиды и, обижая, не подвергаться наказанію не есть крайне великое зло; либо, если оставишь это не опровергнутымъ, — клянусь египетскимъ богомъ, собакою, что съ тобою, Калликль, не будетъ въ согласіи Калликль, и что его разногласіе продолжится во всю жизнь. А я думаю, почтеннѣйшій, что пусть лучше разстроится и разногласитъ моя лира, пусть лучше произойдетъ разладица между мною и моимъ хоромъ, пусть лучше не соглашаются съ моими мыслями многіе люди, чѣмъ быть мнѣ въ разногласіи съ самимъ собою и говорить противное самому себѣ.

Калл. Сократъ! ты, кажется, хочешь забавлять насъ своими рѣчами, какъ настоящій балагуръ. Теперешнія твои разноглагольствія происходятъ вслѣдствіе такой же погрѣшности Полоса, въ какой онъ, благодаря тебѣ, обвинилъ Горгіаса. Полосъ говорилъ, что на твой вопросъ Горгіасу: научить ли онъ риторикѣ того, кто, пришедши къ нему для полученія уроковъ въ его искусствѣ, не зналъ бы, въ чемъ состоитъ справедливое? Горгіасъ только отъ стыда сказалъ, Д. что научить, — сказалъ ради привычки людей досадовать, если кто не приписываетъ себѣ этого. Между тѣмъ такое-то признаніе, продолжалъ Полосъ, и заставило его противорѣчить самому себѣ; а ты и обрадовался. Тогда онъ, какъ мнѣ кажется, довольно посмѣялся надъ тобою, а теперь и самъ потерпѣлъ то же; и я не хвалю его за то особенно, что онъ уступилъ тебѣ, будто наносить обиды — постыднѣе, чѣмъ Е. принимать ихъ. Чрезъ это именно согласіе, произнесенное отъ стыда—сказать, что думалось, ты запуталъ его словами и зажалъ ему ротъ. Въ самомъ-то дѣлѣ, Сократъ, въ такія трудности и площадное балагурство увлекаешь ты общаніемъ изслѣдовать истину, которая прекрасна не по природѣ, а по закону. Но такъ какъ это — законъ и природа — большею частію противны одно другому; то кто стыдится и не

- смѣть сказать, что думаетъ, тотъ бываетъ принужденъ противорѣчить себѣ. Вотъ что считаешь ты за хитрость и чѣмъ злонамѣренно изворачиваешься въ своихъ разсужденіяхъ. Если, то-есть, кто-нибудь говоритъ тебѣ въ смыслѣ закона, — ты спрашиваешь его въ смыслѣ природы; а когда другіе — въ смыслѣ природы, ты — въ смыслѣ закона. Точно такъ и теперь, касательно положенія: «наносить обиды и получать ихъ.» У Полоса выраженіе: «болѣе стыда» принимается было въ смыслѣ закона, а ты законъ разсматривалъ въ смыслѣ природы. Вѣдь и дѣйствительно, по природѣ, все болѣе злое болѣе и постыдно, какъ напримѣръ получать
- В. обиды; а по закону, большее зло — наносить ихъ. Да такое-то состояніе — получать обиды — мужу даже и не свойственно, а свойственно рабу, для котораго лучше умереть, чѣмъ жить; потому что, обижаемый и оскорбляемый, онъ не можетъ помочь ни самому себѣ, ни другому, въ комъ принимаетъ участіе. / Я думаю, что налагатели законовъ — такіе же слабые люди, какъ и чернь; поэтому, постановляя законы, то-есть, одно хваля, а другое порицая, они имѣютъ въ виду себя и свою пользу. Движимые опасеніемъ въ отношеніи къ людямъ
- С. сильнѣйшимъ, какъ бы, имѣя возможность преобладать, эти люди не преобладали надъ ними, налагатели законовъ говорятъ, что преобладаніе постыдно и несправедливо, и что домогаться большаго предъ другими значить — наносить имъ обиду. Сами будучи хуже, они конечно довольны, когда всѣ имѣютъ поровну. Посему искать большаго предъ многими, въ смыслѣ закона, называется несправедливымъ и постыднымъ; это значить, говорятъ, наносить обиды: а самая-то природа провѣща-
- Д. ваетъ, думаю, то, что лучшему справедливо будетъ преобладать предъ худшимъ и сильнѣйшему предъ безсильнымъ. Что это вѣрно, — явствуетъ изъ многаго: и между прочими животными, и между людьми во всѣхъ городахъ и поколѣніяхъ замѣчается такое сужденіе о справедливомъ, по которому лучший имѣетъ власть и преобладаніе надъ худшимъ. На какомъ понятіи о справедливости основывался Ксерксъ, когда

вооружился противъ Эллады, или—отецъ его, когда напалъ на Скиевъ? И такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. И думаю, что это дѣлали они по природѣ и — клянусь Зевсомъ — по закону природы, а не по тому, который лѣпимъ и постановляемъ мы, когда, принимая людей отличныхъ и сильнѣйшихъ еще съ измолода, очаровываемъ ихъ волшебными своими напѣвами, какъ львовъ, и поработивъ ихъ себѣ, говоримъ: надобно всѣмъ имѣть по- ровну, въ этомъ состоитъ прекрасное и справедливое. Если же, думаю, родился бы мужъ съ достаточною природою; то, страхнувъ, расторгши и прогнавъ все это, поправъ наши харти, чары, обаянія и всѣ противные природѣ законы, онъ возсталъ бы и изъ рабовъ сдѣлался бы нашимъ господиномъ, и отсюда просіяло бы право природы. Эту мою мысль выражаетъ въ своей пѣсни, кажется, и Пиндаръ, когда говорить: «законъ есть царь всѣхъ смертныхъ и бессмертныхъ: онъ-то верховною десницею облакаетъ въ правду избытокъ силы и ведетъ природу¹;—свидѣтельствуюсь дѣлами Иракла, когда не купленныхъ...» словъ пѣсни не припомню, а мысль такова: когда Иракль угналъ воловъ Ирiona, не купивъ ихъ и не получивъ въ даръ; либо по природѣ справедливо, что- бы и волъ, и всякое стяжаніе людей худшихъ и низшихъ принадлежали лучшимъ и высшимъ. Да такъ именно и бываетъ: ты узнаешь это, если, оставивъ философію, перейдешь къ чему-либо важнѣйшему. Философія-то, Сократъ, конечно дѣло пріятное, когда кто умѣренно знакомится съ нею

¹ Здѣсь указывается на fragmentum Pindari, читаемый въ III томѣ его сочиненій, 76. ed. Neup. также во II т. р. 640, ed. Voekh. Но тамъ стоитъ: *ἄνευ βίας τὸ δικαιότατον*, то-есть, безъ прибавки *κατὰ φύσιν*. Между тѣмъ Калликлъ учитъ теперь, что право сильнаго покровительствуется природою; да и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона, напр. Protag. р. 337 D. Legg. III. р. 690 B. IV р. 714 D эти самыя слова Пиндара приводятся съ прибавкою выраженія *κατὰ φύσιν*. Посему я вношу ее въ свой переводъ Пиндарова стиха и въ настоящемъ случаѣ, полагая, что софисты, съ цѣлію примѣнить его къ подтвержденію своего положенія, могли Пиндаровъ стихъ дополнить словами *κατὰ φύσιν*.

въ юности ¹: но она гибельна для людей, предающихся ей болѣе надлежащаго; ибо кто, даже и при отличныхъ способностяхъ, философствуетъ долѣе юношескаго возраста, тотъ

D. по необходимости бываетъ неопытенъ во всемъ, въ чемъ долженъ имѣть опытность, если хочетъ быть человѣкомъ прекраснымъ, добрымъ и славнымъ. Такіе люди неопытны и въ законахъ, которыми управляется общество; неопытны и въ искусствѣ слова, которымъ надобно пользоваться въ судебныхъ мѣстахъ, вступая съ другими въ бесѣду частную и общественную; неопытны и въ человѣческихъ удовольствіяхъ и пожеланіяхъ,—вообще незнакомы ни съ какими нравами. Посему, когда они приступаютъ къ извѣстному

E. частному, либо гражданскому дѣлу, то бываютъ весьма смѣшны, вѣроятно какъ и политики, если они мѣшаются въ ваши разсужденія и умствованія. Тогда оправдывается мысль Еврипида ²:

¹ Не вдругъ можно понять, что разумѣтъ Калликль подъ именемъ философіи, когда занятіе ею почитаетъ дѣломъ благовременнымъ и пріятнымъ только въ юности. Извѣстно, что софисты, какъ показываетъ самое имя ихъ, преподавали дѣтямъ науку мудрости, которую они понимали въ значеніи навыка о всемъ разсуждать и все либо доказывать, либо опровергать, не смотря на природу предмета, а слѣдуя собственному произволу. Такое направленіе софистики, кромѣ многихъ другихъ мѣстъ въ діалогахъ Платона, особенно ясно и опредѣленно указывается въ его Эвтидемѣ. Поэтому философію Калликль разумѣлъ, какъ діалектическую игрушку, назначенную для развитія въ дѣтяхъ способности умничанья и изворотливости въ мышленіи, причѣмъ не только позволялось, но и требовалось искусство быстро составлять всевозможные софизмы. Явно, что это шутовское умничанье, вовсе не имѣвшее въ виду истиннаго и добраго, скорѣе достойно было наказанія, чѣмъ имени философіи, и нисколько не походило на философію Сократа, которая стремилась истину сроднить съ жизнію и вездѣ искала добродѣтели и знанія въ совершенной гармоніи.

² Эти стихи Еврипида взяты изъ его Антиопы. Они высказаны Зиномъ брату его Амеіону, что встаетъ изъ Schol. и Olimpiodor. Валькснарій (Diatrib. p. 70) устанавливаетъ ихъ такъ:

— ἐν τούτῳ γέ τοι

Λαμπρός δ' ἔπιστος καὶ πὶ ταῦτ' ἐπέειπται.

Νέμων τὸ κλειστόν ἤμεις τούτῳ μέρος,

ἴν' αὐτὸς αὐτοῦ τυγχάνει κρείττος ὄν.

Отличный въ какомъ-нибудь дѣлѣ
 Къ нему и стремится,
 Ему посвящаетъ часть большую дня,
 Чтобъ быть самого себя превосходнѣй.

А въ чемъ кто слабъ, отъ того убѣгаетъ, то бранить 485.
 и, по благосклонности къ самому себѣ, хвалить другое, полагая, что такимъ образомъ хвалить самого себя. Между тѣмъ, по моему мнѣнію, дѣло самое правильное — имѣть знакомство съ тѣмъ и другимъ. Хорошо заняться и философією, сколько это нужно для образованія, и мальчику пофилософствовать не мѣшаетъ: но кто уже состарѣлся, а все еще философствуетъ, тотъ дѣлаетъ себя, Сократъ, предметомъ, достойнымъ смѣха; подобные философы возбуждаютъ во мнѣ такое же чувство, какое болтуны и шуты. Если в. болтливость и шутки я слышу отъ дитяти, къ которому такой разговоръ идетъ, то радуюсь, — эта развязность мнѣ нравится и дѣтскому возрасту кажется приличною; между тѣмъ какъ рѣчь основательная съ его стороны показалась бы дѣломъ неприятнымъ, оскорбила бы слухъ мой и была бы чѣмъ-то рабскимъ. Напротивъ, когда болтливость и шутки слышишь отъ человѣка возмужалаго, то представ. С. ляешь его смѣшнымъ, незрѣлымъ и заслуживающимъ тѣлеснаго наказанія. Точно такое же чувство возбуждается во мнѣ и по отношенію къ людямъ философствующимъ. Видя философію въ ранней юности, я восхищаюсь; — тогда она кажется благовременною — и человѣка философствующаго въ этомъ возрастѣ почитаю какъ-то развязнымъ, а не философствующаго неразвязнымъ и неготовымъ ни къ какому хорошему и благородному дѣлу: напротивъ, когда вижу, что философствовать не перестаетъ и старикъ, тогда в. думаю, Сократъ, что онъ стоить тѣлеснаго наказанія. Въдъ я сейчасъ говорилъ, что человѣкъ, даже и съ отличными способностями, не имѣетъ зрѣлости мужа, если бѣгаетъ общественныхъ сходбищъ и площадей, гдѣ, по сло-

вамъ поэта, ¹, мужи приобрѣтають знаменитость; но спрятавшись въ углу, проводятъ остальную жизнь въ шопотѣ съ тремя или четырьмя мальчишками, а слова открытаго, великаго и полезнаго никогда не произносятъ. Я расположенъ къ тебѣ, Сократъ, весьма дружески, и питаю едва ли не такое же чувство, какое въ помянутомъ стихотвореніи Еврипида питалъ Зиѳъ къ Амфіону ²; потому что и самъ долженъ сказать то же самое тебѣ, что тотъ сказалъ своему брату, то-есть: ты не заботишься, Сократъ, о томъ, о чемъ надлежало бы заботиться, и «столь благородную природу души украшаешь какою-то дѣтскою забавою; въ судебныхъ мѣстахъ ты не предлагаешь дѣльной рѣчи, не

¹ По словамъ поэта, разумѣется Омира; потому что его часто означали просто нарицательнымъ именемъ «поэтъ». Здѣсь имѣются въ виду слова *Iliad.* IX в. 441.

Въ сонмахъ совѣтныхъ не опытенъ, гдѣ прославляются мужи.

² Въ Еврипидовой Антиопѣ братья Зиѳъ и Амфіонъ порицають другъ друга за привычныя имъ занятія: Амфіонъ Зиѳа — за преданность его корыстолюбію, а Зиѳъ Амфіона — за любовь его къ музыкѣ. Валькенаръ (*Diatrib.* p. 75) читаетъ эти стихи такъ:

Ἄμφιον, ἀμειλίξ ὢν ἐπιμελειῶσαι σὲ δεῖ,
 Ἄτυχρῶς τε, ψυχῆς ὡς γενναία φύσις,
 Γυναικομίμῳ διαπρέπεις μορφώματι.

И слѣдующія далѣе слова: οὐτ' ἂν δίκης βούλαισι и проч. имѣють также характеръ поэтической и взяты, равнымъ образомъ, изъ Еврипида. Валькенаръ излагаетъ ихъ такъ:

Οὐτ' ἐν δίκης βούλαισιν ὀρθῶς ἂν λόγον
 Προβέλο πειθάνῳ, οὐτ' ἂν ἀσπίδος ποτὲ
 Κύτει γ' ὀμιλήσεις, οὐτ' ἄλλῳ ὑπερ
 Νεανικὸν βούλευμα βούλευσαι τι.
 — — — ἀλλ' ἐμοὶ πειθῶ,
 Παῦσαι δ' ἄκοιδῶν· πολεμίων δ' ἐὺμουσίαν
 Ἄσχει. Τοιαῦτ' ἄειδε καὶ ὀξείας φρονεῖν,
 Σχᾶπτων, ἄρων γῆν, ποιμνίοις ἐπιστατῶν,
 Ἄλλοις τὰ κομψὰ ταῦτ' ἄφεις σοφίσματα,
 Ἵς ὢν κενόεισιν ἐγκατοιχήσεις δόμοις.

Всѣ эти убѣжденія Зиѳа Калликъ принялъ какбы за самую приличную тему для изложенія своихъ убѣжденій Сократу и для отклоненія его отъ философіи, къ которой онъ имѣлъ столь же мало сочувствія, сколь мало сочувствовалъ Зиѳъ музыкѣ Амфіона.

берешь чего-либо вѣроятнаго и правдоподобнаго, и ловкимъ совѣтомъ не становишься выше другаго.»—И въ правду, любезный Сократъ, — да не сердись на меня, потому что говорю отъ добраго къ тебѣ расположенія,—ужели не стыдно находится тебѣ въ такомъ состояніи, въ какомъ, по моему мнѣнію, находитесь — ты и другіе, всегда далеко простирающіе свою философію? Вѣдь еслибы тебя, либо иного такого же, кто взялъ и отвелъ въ тюрьму, говоря, что ты обидѣлъ его,—хотя вовсе не обижалъ;—будь утѣренъ, тебѣ не найтись бы, какъ тутъ поступить: ты занялся бы, разинулъ бы ротъ и не могъ бы ничего сказать; В. потомъ, приведенный въ судъ, — предположимъ, что твой обвинитель—человѣкъ очень дурнаго и злаго сердца,—ты умеръ бы, лишь бы только онъ захотѣлъ приговорить тебя къ смерти. Такъ мудро ли это, Сократъ, когда и прекрасное по природѣ искусство дѣлаетъ человѣка худшимъ ¹, безсильнымъ для поданія помощи самому себѣ и для избавленія отъ величайшихъ опасностей—себя ли то, или кого другаго, такъ что враги разграбляютъ все его достояніе, и онъ живетъ въ обществѣ, будто человѣкъ безчестный? Да такого,—не взыщи за грубость выраженія,—можно да С. же ударить по щекѣ, не подвергаясь за то наказанію. И такъ послушайся меня, добрякъ, перестань обличать, занимайся дѣлами благоприличными, чѣмъ обнаруживалось бы твое благоразуміе, а этотъ высокопарный вздоръ, эти, какъ бы ихъ назвать, мечты или болтовню, съ которою

¹ Когда и прекрасное по природѣ искусство дѣлаетъ человѣка худшимъ. Эти слова Валькенаръ почитаетъ также заимствованными изъ Еврипида и излагаетъ ихъ такъ:

Καὶ πῶς σφδὸν τοῦτ' ἔστιν, εἴ τιν' εὐφυῆ
 Λαβούσα τέχνη ζῶτα ἔθηκε χείρονα
 — — Μῆτ' αὐτῶν αὐτῶν δυνάμενον γ' ἐπαρξέται.

Валькенариево мнѣніе подтверждается и употребленіемъ словъ ἔθηκε χείρονα вмѣсто ἐποίησε χείρονα, также ζῶτα вмѣсто ἀνθρώπων; потому что указанные слова въ такихъ сочетаніяхъ имѣютъ характеръ поэгическій.

придется жить «въ пустыхъ домахъ,» предоставь другимъ. Подражай не тѣмъ, которые обличаютъ эти мелочи, а тѣмъ, D. которые наслаждаются и жизнью, и славою, и многими другими благами.

Сокр. Еслибы мнѣ случилось имѣть душу золотую, Калликль, — не обрадовался ли бы я, думаешь, нашедши превосходнѣйшей изъ тѣхъ камней, которыми пробуютъ золото, чтобы, потерявъ его своею душею и удостовѣрившись въ ея добротѣ, мнѣ знать, что такая душа для меня достаточна, и что другаго оселка не нужно?

E. *Калл.* Къ чему жъ это такой вопросъ, Сократъ?

Сокр. Сейчасъ скажу. Встрѣтившись съ тобою, кажется, я попалъ точно на такую находку.

Калл. На какую именно?

Сокр. Я увѣренъ, что тѣ помыслы моей души, съ которыми ты соглашаешься, будутъ вѣрнѣе истинны; 487. ибо понимаю, что кто намѣренъ попробовать, хорошо ли, правильно ли живетъ онъ по душѣ, или нѣтъ, тотъ долженъ имѣть три принадлежности, которыя всѣ у тебя есть, именно: знаніе, благорасположеніе и откровенность. Сталкиваюсь я со многими; но они не могутъ пробовать меня, B. потому что не мудры, какъ ты. А эти иностранцы,—Горгиасъ и Полось, хоть и мудры, и дружны со мною, да имъ недостаетъ смѣлости ¹, они стыдливы болѣе надлежащаго. Какъ же! — дошли до такой стыдливости, что каждый изъ нихъ отъ стыда рѣшается, въ присутствіи многихъ людей, противорѣчить самому себѣ, и притомъ касательно предметовъ особенной важности! Напротивъ у тебя есть все, чего другіе не имѣютъ. Ты достаточно ученъ, что могутъ подтвердить многіе Аѳиняне, и расположенъ ко мнѣ. А на C. какомъ основаніи такъ думаю, скажу тебѣ. Я знаю васъ, Калликль, четырехъ товарищей по мудрости: тебя, Ти-

¹ *Имъ не достаетъ смѣлости—παρρησία;* указываетъ на безстыдство Калликла, съ которымъ онъ говорилъ о философіи и личности Сократа.

зандра афиднейскаго ¹, Андрона сына Андротиона и Пав-
зикида холаргейскаго. Когда-то слышалъ я, какъ вы
разсуждали, до какой степени надобно заниматься мудро-
стію, и знаю, что въ то время у васъ побѣда осталась на
сторонѣ мнѣнія, что не должно пускаться въ философскія
тонкости; тогда вы убѣждали другъ друга остерегаться, D.
какъ бы, сдѣлавшись мудрѣе надлежащаго, вамъ невзначай
не погибнуть. Поэтому, слыша, что ты и мнѣ то же совѣ-
туешь, что совѣтовалъ самымъ короткимъ своимъ друзьямъ,
я почитаю это достаточнымъ признакомъ твоего ко мнѣ
расположенія. А что въ тебѣ есть способность откровенни-
чать и не стыдиться, — говоритъ за тебя та самая рѣчь,
которую ты сейчасъ сказалъ мнѣ. Итакъ касательно это-
го предмета наше дѣло теперь будетъ состоять въ слѣду- в.
ющемъ. На что въ продолженіе разговора ты дашь мнѣ
свое согласіе, то будетъ уже достаточно испытаннымъ мною
и тобою, и того уже не понадобится пробовать на иномъ
осеянкѣ. Вѣдь ты никогда не уступалъ мнѣ ни по недостат-
ку мудрости, ни по избытку стыдливости, ни по тому, что
хотѣлъ бы обмануть меня; ибо самъ же говоришь, что пи-
таешь ко мнѣ чувство дружбы. Стало-быть мое и твое со-
гласіе несомнѣнно закончить истину. Но вопросъ изъ всѣхъ
самый прекрасный, по поводу котораго ты укорялъ меня,
Калликлъ, есть слѣдующій: какимъ надобно быть чело-
вѣку старому и молодому? что долженъ онъ дѣлать и до
какой степени? Вѣдь если я въ своей жизни дѣлаю что-ни- 488.
будь не такъ; — знай, что погрѣшаю не по охотѣ, а по
моему невѣжеству. Такъ ты, начавъ вразумлять меня, не
отставай, но достаточно покажи, что такое долженъ я дѣ-
лать и какимъ образомъ дойти до этого. И если увидишь,
что теперь я согласился съ тобою, а въ послѣдующее вре-
мя не дѣлаю того, въ чемъ согласился, — почитай меня со-

¹ Тизандра афиднейскаю. Афидны и Холаргисъ были два аттичскія се-
ленія: одно—въ трибѣ Эантидской, другое—въ Акамантидской. Schol. ad. h. I.
Объ Андронѣ см. Протаг. 315 С.

В. вершеннымъ лѣнтяемъ и уже никогда не наставляй, какъ человѣка ничего не стоящаго. Возми же сначала: Какъ это ты и Пиндаръ говорили о справедливомъ по природѣ? такъ ли, что высшій располагаетъ дѣлами низшихъ, лучшій начальствуетъ надъ худшими, сильнѣйшій преобладаетъ въ сравненіи съ слабѣйшимъ? Иное-ли что нибудь называешь ты справедливымъ, или я вспомнилъ вѣрно?

Калл. Да, это самое и тогда говорилъ я, и теперь говорю.

С. *Сокр.* Но лучшимъ и высшимъ одного ли и того же называешь ты? Вѣдь тогда-то я не могъ узнать, что ты говоришь. Сильнѣйшіе не получаютъ ли у тебя и имени высшихъ, которыхъ должны слушаться низшіе? Тогда, какъ мнѣ кажется, было тобою доказываемо, что большіе города по природѣ справедливо нападаютъ на малые, потому что они выше и сильнѣе; а высшее, сильнѣйшее и лучшее—одно и то же. Или лучшему можно быть низшимъ и слабѣйшимъ, а высшему — худшимъ? Одно ли и то же D. опредѣленіе лучшаго и высшаго? Опредѣли мнѣ ясно: высшее, лучшее и сильнѣйшее есть ли то же самое, или все это различно?

Калл. Ясно говорю тебѣ, что то же самое.

Сокр. Но большинство, по природѣ, не выше ли одного? И оно-то, какъ ты самъ сейчасъ говорилъ, даетъ законы одному.

Калл. Какъ же иначе!

Сокр. Слѣдовательно законоположеніе большинства есть законоположеніе высшихъ.

Калл. Конечно.

Е. *Сокр.* Стало быть, и лучшихъ? ибо высшіе, по твоему мнѣнію, много лучше.

Калл. Да.

Сокр. Но законоположеніе ихъ, такъ какъ они и высшіе, не есть ли законоположеніе, по природѣ, прекрасное?

Калл. Согласенъ.

Сокр. А большинство не такъ ли думаетъ, какъ ты сейчасъ же говорилъ, что, то-есть, справедливо имѣть поровну, и что постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду? Такъ или нѣтъ? Смотри, какъ бы тебѣ не попасться въ стыдѣ. Думаетъ ли большинство, или не думаетъ, что справедливо имѣть поровну, а не болѣе, и что постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду? Не отказывайся отвѣчать мнѣ на это, Калликлъ, чтобы, если ты согласишься со мною, я могъ сослаться на тебя, какъ на человѣка, признавшаго себя способнымъ различать вещи.

Калл. Большинство-то конечно такъ думаетъ.

Сокр. Стало-быть, не по закону только постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду, и справедливо имѣть поровну;—этого требуетъ и природа. Такъ ты предъ этимъ говорилъ вѣроятно неправду и напрасно осуждалъ меня на томъ основаніи, будто законъ и природа взаимно противны, и будто бы, зная это, я злоупотребляю словами, то-есть, когда кто говоритъ по природѣ,—навожу на законъ, а какъ скоро разсуждаютъ по закону,—обращаюсь къ природѣ.

Калл. Этотъ человѣкъ не перестанетъ пустословить! Скажи мнѣ, Сократъ, не стыдно ли тебѣ быть такимъ, — ловить слова и, если кто ошибся въ выраженіи, считать это находкою? Можешь ли ты полагать, что высшими я с. называю кого-нибудь, кромѣ лучшихъ? Не говорилъ ли я давно, что лучшее и высшее, по моему мнѣнію, — одно и то же? Какъ тебѣ думать, будто законоположеніемъ я сочту даже слова грязной толпы рабовъ и кое-какихъ людей, не имѣющихъ въ себѣ ничего, кромѣ, можетъ быть, тѣлесной силы?

Сокр. Положимъ, мудрѣйшій Калликлъ. Такъ это твоя мысль?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Я и самъ давно уже догадываюсь, счастливецъ, д. что подъ именемъ высшаго ты разумѣешь что-нибудь этакое, и своими вопросами добиваюсь только яснаго о томъ понятія. Ужъ тебѣ ли конечно признать лучшими, двухъ

чѣмъ одного, и рабовъ своихъ—лучшими, чѣмъ ты, поколику они сильнѣе тебя! Такъ скажи опять сначала, что разумѣешь ты подъ словомъ «лучше», если не разумѣешь сильнѣйшихъ? Да преподай мнѣ это спокойнѣе, чудный человекъ, чтобы я не ушелъ отъ тебя.

Калл. Шутишь, Сократъ.

Сокр. Нѣтъ, Калликлъ, клянусь Зиѳомъ, именемъ котораго ты сейчасъ долго шутилъ надо мною. Скажи-ка, пожалуй-ста, кого называешь ты лучшими?

Калл. Я—превосходнѣйшихъ.

Сокр. Видишь ли? самъ только перебираешь имена, ничего не объясняя. Не бойсь, не скажешь, что лучшими и высшими называешь либо умнѣйшихъ, либо кого другаго?

Калл. Но клянусь Зевсомъ, что этихъ-то именно я и разумѣю.

Сокр. Слѣдовательно иногда одинъ умный, по твоему
490. мнѣнію, выше тысячи неразумныхъ, и первый долженъ быть начальникомъ, а послѣдніе — подчиненными; начальнику же слѣдуетъ преобладать предъ подчиненными. Это-то, кажется, хочешь ты сказать,—и тутъ я не ловлю словъ,—если одинъ выше тысячи.

В. *Калл.* Да, это самое говорю я; ибо это самое почитаю справедливымъ по природѣ, чтобы, то-есть, лучшій и разумнѣйшій начальствовалъ и преобладалъ предъ тѣми, которые хуже его.

Сокр. Помни же это и смотри, что ты опять говоришь. Еслибы всѣ люди, какъ и мы теперь, находились въ одномъ мѣстѣ, и у всѣхъ насъ вообще было много пищи и питья, а между тѣмъ наше общество состояло бы изъ лицъ разнаго рода,—изъ людей сильныхъ и слабыхъ, и одинъ изъ насъ, какъ врачъ, былъ бы въ этомъ отношеніи умнѣе, хотя сравнительно съ иными имѣлъ бы больше, а съ другими—меньше силы; то не правда ли, что этого умнѣйшаго изъ насъ въ упомянутомъ отношеніи надлежало бы почитать лучшимъ и высшимъ?

Калл. Конечно.

Сокр. Но, какъ лучший, долженъ ли онъ изъ этой пищи С. имѣть часть болѣе нашей, или какъ начальникъ, обязанъ раздѣлить все, раздѣляя же и употребляя все, не откладывать болѣе части для собственнаго тѣла, если не хочеть повредить себѣ, но однимъ давать болѣе, другимъ менѣе, и если наилучшему случится быть слабѣе всѣхъ, то меньше всѣхъ ему и достанется, Калликлъ? Не такъ ли, добрякъ?

Калл. Ты говоришь о пищѣ и питьѣ, о врачахъ и пустякахъ; а я—не о томъ.

Сокр. Но не говоришь ли ты, что кто умнѣе, тотъ лучше? Да, или нѣтъ? D.

Калл. Да.

Сокр. А лучший не долженъ ли имѣть больше?

Калл. Однакожъ не пищи и не питья.

Сокр. Понимаю; такъ, можетъ быть, одежда? Поэтому имѣть самое большое платье и ходить въ многочисленныхъ и самыхъ красивыхъ одеждахъ слѣдуетъ наилучшему ткачу?

Калл. Чтò за одежды!

Сокр. Ну такъ явно,—обуви. То-есть, имѣть ея больше долженъ умнѣйшій въ этомъ отношеніи и лучший. Значить, прогуливаться въ самыхъ большихъ сапогахъ и надевать ихъ много слѣдуетъ сапожнику. E.

Калл. О какой обуви болтаешь ты?

Сокр. А если не это твоя мысль, такъ, можетъ быть, слѣдующая: не разумѣешь ли ты умнаго въ отношеніи къ землѣ, то-есть прекраснаго и добраго земледѣльца? видно, онъ-то долженъ имѣть болѣе сѣмянъ и какъ можно болѣе употреблять ихъ для своей земли?

Калл. Ты, Сократъ, всегда толкуешь одно.

Сокр. Не только одно, Калликлъ, но и объ одномъ.

Калл. Клянусь богами, ты просто-таки не перестаешь 491. говорить о башмачникахъ, валяльщикахъ, поварахъ, да врачамъ, какъ будто о нихъ у насъ рѣчь.

Сокр. Такъ не объявишь ли, въ отношеніи къ чему высшій и умнѣйшій имѣетъ право преобладать? Или ты и моихъ предположеній не примешь, и самъ не скажешь?

Калл. Да вѣдь давно уже говорю ¹. И во-первыхъ, высшими, какіе есть, я называю не сапожниковъ и поваровъ, а тѣхъ людей, которые умны въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ,—какимъ бы образомъ получше жить, и не только умны, но и мужественны, способны осуществлять свои помыслы, а не утомляться отъ слабодушія.

Сокр. Замѣчаешь ли, наилучшій человекъ, Калликъ, что ты упрекаешь меня не въ томъ, въ чемъ я тебя? Ты утверждаешь, что я говорю всегда одно, и за то порицаешь меня; а я осуждаю въ тебѣ противное, что объ одномъ и томъ же ты никогда не говоришь одного и того же. Лучшими и высшими сперва называлъ ты сильнѣйшихъ, потомъ умнѣйшихъ, а теперь хочешь назвать опять кого-то другаго, — теперь подъ именемъ высшихъ и лучшихъ разумѣешь какихъ-то мужественныхъ. Скажи же окончательно, добрый Калликъ, кого и въ чемъ называешь ты лучшими и высшими?

Калл. Но я уже сказалъ, что это—люди умные и мужественные въ дѣлахъ гражданскихъ. Имъ-то свойственно начальствовать надъ городами, и они-то по справедливости должны преобладать предъ другими, какъ начальники предъ подчиненными.

Сокр. Что жъ? а въ отношеніи къ себѣ, другъ мой, начальниками ли должны быть они, или подчиненными?

Калл. Какъ это?

Сокр. Я говорю, что каждый начальствуетъ самъ надъ

¹ Да вѣдь давно уже говорю. Между тѣмъ Калликъ говорить здѣсь совсѣмъ не то, что прежде. Такова бываетъ вообще увертливость дерзкаго, но неосновательнаго мышленія! Притомъ, настоящую свою рѣчь онъ начинаетъ словомъ: и *во-первыхъ*, послѣ котораго надлежало ожидать *во-вторыхъ*, и такъ далѣе, — вообще, какого-то порядка мыслей: а между тѣмъ соединяетъ пугаетъ только словами, на самомъ же дѣлѣ первый вопросъ Сократа обнаруживаетъ крайнюю непоследовательность друга Горгиасава.

собою. Или начальствовать самому надъ собою не нужно, а только надъ другими?

Калл. Чтò ты говоришь, — начальствовать надъ собою?

Сокр. Ничего хитраго. Я говорю, какъ обыкновенно говорятъ: быть разсудительнымъ, удерживать самого себя, начальствовать надъ своими страстями и пожеланіями. Е.

Калл. Куда ты любезень! простаковъ называешь разсудительными.

Сокр. Какъ? совсѣмъ нѣтъ. Всякій знаетъ, что я не это разумѣю.

Калл. Именно это самое, Сократъ. Да какъ быть счастливымъ челоуѣку, который чему-нибудь рабствуетъ? Теперь говорю тебѣ смѣло: по природѣ то-то и прекрасно, то-то и справедливо, что намъ ревающійся жить надлежащимъ образомъ собственныя пожеланія оставляетъ во всей силѣ и не обуздываетъ ихъ, но, сколь бы велики они ни были, удовлетворяетъ имъ посредствомъ мужества и благоразумія и осуществляетъ все, чего бы ни захотѣлось. Для черни это, думаю, невозможно. Посему, прикрывая свое безсиліе, она отъ стыда бранить такихъ людей, и невоздержаніе называетъ, конечно, дѣломъ постыднымъ. Такъ я и прежде говорилъ: поработивъ себя людямъ, по природѣ лучшимъ, и не будучи въ состояніи сама удовлетворить своимъ похотямъ, она хвалитъ разсудительность и справедливость ради собственного малодушія. Но кому сначала пришлось бы либо быть дѣтьми царей, либо, обладая естественными способностями, самимъ достигнуть какой-нибудь власти, тиранніи, или господства; для тѣхъ, по истинѣ, чтò было бы постыднѣе и хуже разсудительности и справедливости? Кто имѣетъ возможность наслаждаться благами безъ всякой помѣхи, тѣмъ нужно ли поставлять надъ собою господиномъ законъ, толки и порицаніе простаго народа? Да и какъ не жадки были бы они съ этою прекрасною справедливостію и разсудительностію, когда бы, даже облеченные властію надъ городомъ, не могли друзьямъ своимъ дать болѣе,

чѣмъ врагамъ! По существу-то истины, которой ты ищешь, Сократъ, должно быть такъ: роскошь, невоздержаніе и свобода, если онѣ имѣютъ опору,—вотъ добродѣтель и счастье! а всѣ прочія размалеванныя представленія, всѣ эти противныя природѣ сплетенія есть нестоющая вниманія человѣческая болтовня.

- D. *Сокр.* О, да ты свою рѣчь, Калликль, развиваешь довольно отважно; потому что высказываешь теперь то, о чемъ другіе хоть и мыслятъ, но чего говорить не рѣшаются. Прошу же тебя отнюдь не спускаться, чтобы въ самомъ дѣлѣ обнаружилось, какъ надобно жить. Скажи же мнѣ: пожеланій, говоришь ты, обуздывать не должно, если хочешь быть какимъ слѣдуетъ, а должно оставлять ихъ во всей силѣ и готовить имъ удовлетвореніе, откуда бы то ни было,—и это называешь добродѣтелию?

Калл. Я говорю такъ.

- E. *Сокр.* Слѣдовательно люди, ничего не требующіе, несправедливо называются счастливыми ¹?

Калл. Да тогда-то самыми счастливыми существами были бы камни и мертвецы.

Сокр. Однакожъ и такая жизнь, какую ты разумѣешь, весьма бѣдственна. По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, нечему удивляться, если слѣдующіе стихи Еврипида ² заключаютъ въ себѣ истину:

Кто знаетъ: жизнь не есть ли смерть,
А смерть не есть ли жизнь?

¹ Люди, ничего не требующіе, несправедливо называются счастливыми?—Этотъ отрицательный вопросъ указываетъ на положительное мнѣніе Сократа, о которомъ говоритъ Ксенофонтъ (Мемог. 1, 6. 5): не имѣть ни въ чемъ нужды свойственно богамъ, а имѣть нужду въ немногомъ—свойственно тѣмъ, которые приближаются къ Богу. Впрочемъ, это ученіе частію приписывается философамъ школы кирической.

² Эти стихи, по Схоластику, заимствованы изъ басни *Φρίξος*; но съ болѣею вѣроятностію они могутъ быть найдены въ *Πολυίδος. Gataker. Advers. Misc. I. X. p. 523.*

Можетъ быть, мы и въ самомъ дѣлѣ умерли, что я уже и 493. слышалъ отъ одного мудреца, по словамъ котораго, мы теперь мертвы, и тѣло—нашъ гробъ, а часть души, заключающая въ себѣ пожеланіе, есть какбы нѣчто измѣняющееся въ своихъ убѣжденіяхъ (*ἀναπειδεσθαι*), нѣчто перепадающее (*μεταπίπτειν*) туда и сюда. Это-то конечно одинъ високоумный мужъ ¹ изъ баснослововъ,—Сицилиецъ ли онъ, или Италиянецъ—измѣнивъ немного имя и приспособляясь къ словамъ *πίθανον* и *πιστικόν* (удобоубѣдимость и довѣрчивость), назвалъ *πίθον* (бочкою), а безсмысленнымъ далъ названіе *ἀρμότων* — непосвященныхъ или незагражденныхъ; въ непосвященныхъ же в. или незагражденныхъ часть души, содержащую въ себѣ пожеланія, то-есть невоздержность и незамкнутость силы пожелательной, за ея ненасытность, уподобилъ дыривой бочкѣ. Такимъ образомъ онъ доказываетъ противное тебѣ, Калликъ. Въ адѣ,—а адъ, по его мнѣнію, есть нѣчто невидимое ²—эти непосвященные (т. е. незакупоренные), должно

¹ Одинъ високоумный мужъ, по всей вѣроятности, Эмпедоклъ. *Sturzium* in *Empedocle* p. 13. sqq. et 19 sqq. То же замѣчаютъ Схолиастъ и Олимпіодоръ: *οἷον Ἐμπεδοκλῆς Πυθαγόρειος γὰρ ἦν οὗτος, ἠπέρχετο δὲ Ἀκραχυντινός*. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, по словамъ Симплиція (ad *Aristot. de Coel.* p. 129), онъ училъ *μαθητῶντων ὡς ποικίλως*. Да и не безъ причинъ, конечно, Платонъ здѣсь указываетъ на него. Известно, что Горгіасъ считался любителемъ Эмпедокловыхъ представлений, на что Сократъ шутливо намекаетъ и въ Менонѣ (p. 76 A). Поэтому, приводя мнѣическое сказаніе Эмпедокла, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ ссылается какбы на убѣжденіе самого Горгіаса и его учениковъ, и оттого-то, можетъ быть, о високоученомъ мужѣ-баснословѣ говорить съ нѣкоторою неопредѣленностію,—Сицилиецъ ли онъ, или Италиянецъ; ибо Горгіасъ, по рожденію, происходилъ изъ Сициліи, а по ученію, казался Италияцемъ, то-есть, чрезъ Эмпедокла, походилъ на послѣдователя Пиеагорова.

² *Ἄδης* есть нѣчто невидимое, τὸ ἀκρίδης δὴ λέγουσιν. То-есть, адомъ Сократъ называетъ мѣсто не мрачное, а невидимое; такъ что τὸ ἀκρίδης и Ἄδης противуполагается τῷ ὄρατῷ. Это прибавляетъ онъ съ цѣлію — научить, что изложенный мнѣ говоритъ о жалкой участи въ адѣ людей, преданныхъ пожеланіямъ; потому что, непрестанно стремясь удовлетворить имъ, они тамъ никогда не въ состояніи утолить своей жадны. *Crescit indulgens sibi dirus hydrops, nec sitim pellit, nisi causa morbi fugerit venis*. О такомъ же наказаніи нечестивыхъ приводятся рассказы поэтовъ и въ Платоновомъ Государствѣ (II. p. 363 D).

быть, весьма несчастны: они въ дырявую бочку носятъ воду другою дырявою вещію—рѣшетомъ. Подъ словомъ же «рѣшето», по объясненію моего собесѣдника, разумѣется душа; и душу людей неммысленныхъ, какбы дырявую, онъ уподобилъ рѣшету, поколику она, страдая непостоянствомъ (*διἀπιστίας*) и забвеніемъ, не можетъ быть закупорена. Все это конечно страшновато, однакожъ ясно открываетъ, что хотѣлъ бы я доказать тебѣ, еслибы могъ убѣдить тебя перемѣниться и, вмѣсто жизни ненасытной и невоздержной, избрать жизнь благонравную и всегда довольствующуюся настоящимъ. Но буду ли я убѣдительно? перемѣнишь ли ты свой образъ мыслей и примешь ли мнѣніе, что благонравные счастливѣе невоздержныхъ? Или напротивъ — сколько бы

D. мнѣ ни пересказать подобныхъ басенъ, ты нисколько не перемѣнишься?

Калл. Последнее больше вѣрно, Сократъ.

Сокр. Постой однакожъ; я раскрою тебѣ еще одно подобіе изъ той же школы, изъ которой взято и это. Смотри-ка: жизни разсудительной и жизни невоздержной не найдешь ли ты похожими на то, какъ еслибы у каждаго изъ двухъ чловѣкъ было множество бочекъ? У одного они пусть будутъ

E. цѣлы и наполнены то виномъ, то медомъ, то молокомъ, вообще—многія многими, рѣдкими и нелегко приобретаемыми жидкостями, изъ которыхъ всякая, то-есть, приобретается тяжелыми и великими трудами: стало быть, наполнивъ ихъ, онъ уже и не доликаетъ, не заботится, но въ отношеніи къ нимъ покоенъ. У другаго напротивъ жидкости столь же-таки неудобоснискиваемы и съ трудомъ приобретаются, какъ и у перваго, да еще и сосуды-то дырявы, — протекаютъ: поэто-

499. му онъ принужденъ доливать ихъ денно и ношно, или испытывать крайнее мученіе. Если же жизнь того и другаго дѣйствительно такова, то которую назовешь ты болѣе счастливою,—жизнь ли чловѣка невоздержнаго, или благонравнаго? Говоря это, расположу ли я тебя къ согласію, что благонравный живетъ лучше невоздержнаго, или не расположу?

Калл. Не расположишь, Сократъ; потому что тотъ, съ полными бочками, уже не чувствуетъ никакого удовольствія, но какъ я сейчасъ сказалъ, живетъ подобно камню, то-есть, наполнивъ ихъ, и не радуется и не скорбитъ. Жизнь прі- В. ятная напротивъ могла бы быть та, въ которой совершалось бы наиболѣе притоковъ.

Сокр. Но не необходимо ли, по крайней мѣрѣ, чтобы, при множествѣ втеченій, много и уходило, и для истоковъ были какой-нибудь величины скважины?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Стало быть, ты говоришь о жизни не мертвеца и не камня, а турухтана. ¹ Скажи мнѣ, не поставляешь ли ты жизни и въ томъ, чтобы алкать и, алкая, ѣсть?

Калл. Да.

Сокр. Чтобы жаждать и, жаждая, пить?

Калл. Говорю тебѣ, что счастливо жить—значить имѣть С. всѣ вообще пожеланія и, бывъ въ состояніи удовлетворять имъ, радоваться.

Сокр. Прекрасно, добрякъ, продолжай, какъ началъ; только бы не стыдиться. Впрочемъ и я, какъ видно, стыдиться не долженъ. Во-первыхъ, скажи мнѣ: быть въ чесоткѣ, чувствовать зудъ, имѣть возможность чесаться, сколько угодно, и проводить жизнь въ чесаніи себя—значить ли жить счастливо?

Калл. Какъ это нелѣпо, Сократъ! ты просто площадной D. рассказчикъ.

Сокр. Да, Калликъ, Полоса и Горгіаса, можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ изумилъ и привелъ въ стыдъ: а тебя, не бойсь, не изумишь и не пристыдишь; ты мужественъ. Отвѣчай однако.

¹ *Турхтанъ* — *χαρδριός*, птица, живущая въ разъяннхъ горъ и чрезвычайнo прожорливая, по Схоластиу, *δὲ ἀμα τῶ ἰσθίειν ἐκκρίνει*. *Ruhnken*. ad Tim. Glossar. p. 273. *Aristot.* Hist. an. VIII. p. 358. Поэтому Платонъ весьма правильно смотритъ на нее, какъ на символъ нравственной ненасытности.

Калл. Изволь, говорю, что человекъ чешущійся можетъ жить пріятно.

Сокр. А если пріятно, то и счастливо?

Калл. Конечно.

- Е. *Сокр.* Тогда ли только, когда у него чешется голова, или и еще о чемъ-нибудь спросить тебя? Смотри, Калликль, что будешь ты отвѣчать, если кто-либо вздумаетъ спрашивать тебя по порядку о всемъ, что находится въ связи съ этимъ? Вѣдь отсюда главное слѣдствіе—то, что эта жизнь грязныхъ развратниковъ и неужасна, и непостыдна, и не-жалка. Но осмѣлишься ли назвать ихъ счастливыми, если у нихъ много того, что имъ требуется?

Калл. Не стыдно ли тебѣ, Сократъ, наклонять разговоръ къ такимъ предметамъ!

- Сокр.* Да къ этому направляю его, благородный Калликль, развѣ я, а не тотъ, кто прямо такъ и утверждаетъ, что люди радующіеся, только бы радовались, суть люди
495. счастливые, не ограничивая, какія удовольствія хороши и какія дурны? Скажи-ка еще: пріятное и доброе—одно ли и то же, или между удовольствіями бываютъ и такія, которыхъ нельзя назвать добромъ?

Калл. Чтобы моя рѣчь не опровергала сама себя, если въ пріятномъ и добромъ найду различіе, — я называю ихъ однимъ и тѣмъ же.

Сокр. Ты портишь прежній разговоръ, Калликль, и уже не можешь удовлетворительно изслѣдывать со мною предметъ, если говоришь вопреки собственному убѣжденію.

- В. *Калл.* Но вѣдь и ты, Сократъ.

Сокр. Да, и я не правъ, если это дѣлаю, и ты. Однако согласись, почтеннѣйшій, что добро состоитъ не въ томъ, чтобы непременно радоваться. Вѣдь если это такъ, то вотъ и теперь уже вошло много намековъ на вещи постыдныя, а можно ввести еще болѣе.

Калл. Какъ тебѣ угодно, Сократъ.

Сокр. Ты въ самомъ дѣлѣ утверждаешь это, Калликль?

Калл. Въ самомъ дѣлѣ.

Сокр. Слѣдовательно мы можемъ начать разговоръ, принимая твои слова за серьезныя?

Калл. Да и очень.

Сокр. Хорошо же. Если тебѣ такъ кажется,—разбери мнѣ слѣдующее: вѣроятно ты называешь что-нибудь знаніемъ?

Калл. Называю.

Сокр. А не говорилъ ли теперь только о какомъ-то мужествѣ съ знаніемъ?

Калл. Конечно говорилъ.

Сокр. Если же говорилъ объ этихъ двухъ, то не правда ли, что мужество почиталъ отличнымъ отъ знанія?

Калл. Да и очень.

Сокр. Что жъ? а удовольствіе и знаніе—то же ли, или отличное?

Калл. Отличное, мудрѣйшій человѣкъ.

Сокр. Не отлично ли и мужество отъ удовольствія?

Калл. Какъ не отлично!

Сокр. Постой же; не забыть бы намъ, что Калликлъ ахарнейскій¹ удовольствіе и добро называетъ однимъ и тѣмъ же, а знаніе и мужество отличными — и между собою, и отъ добра.

Калл. Но Сократъ алопекскій въ этомъ не соглашается съ нами. Или соглашается?

Сокр. Не соглашается. Да не согласится, думаю, и Калликлъ, если вѣрнѣе разсмотритъ самъ себя. Скажи-ка мнѣ: люди, живущіе благополучно, не въ противоположномъ ли состояніи находятся съ людьми, живущими неблагополучно?

Калл. Полагаю.

Сокр. А когда эти состоянія взаимно противны, то не необходимо ли поставяты ихъ въ такое же отношеніе между собою, въ какомъ находятся здоровье и болѣзнь? потому

¹ *Калликлъ ахарнейскій.* Имя селенія, изъ котораго Калликлъ происходилъ, Сократъ прибавляетъ въ тонѣ шуточномъ, подражая официальнымъ формамъ торговыхъ сдѣлокъ.

что человѣкъ вѣроятно не бываетъ вмѣстѣ и здоровъ и боленъ, равно, какъ не оставляетъ вмѣстѣ здоровья и болѣзни.

496. *Калл.* Какъ это?

Сокр. Возьми, напримѣръ, какую хочешь, часть тѣла, и смотри. Вѣдь страдаетъ иногда человѣкъ глазами, что называется воспаленіемъ глазъ?

Калл. Какъ не страдать!

Сокр. Такъ въ отношеніи къ глазамъ, онъ въ то же время конечно не пользуется здоровьемъ?

Калл. Никакъ.

Сокр. Ну, а когда избавляется отъ глазной боли, избавляется ли вмѣстѣ и отъ здоровья глазъ, такъ чтобы наконецъ оставить то и другое?

Калл. Всего менѣе.

Сокр. Вѣдь это, думаю, странной безтолково. Не правда ли?

в. *Калл.* Да и очень.

Сокр. Напротивъ, то и другое получаетъ и оставляетъ, должно быть, попеременно?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не такъ же ли сила и слабость?

Калл. Да.

Сокр. Скорость и медленность?

Калл. Конечно.

Сокр. Не попеременно ли такимъ же образомъ получаетъ и оставляется добро и счастье съ противными имъ зломъ и бѣдствіемъ?

Калл. Совершенно справедливо.

Сокр. Стало-быть, если мы найдемъ что-либо, что человѣкъ и оставляетъ и вмѣстѣ имѣетъ, то найденное, очевидно, не будетъ ни добро ни зло. согласишься ли на это? Разсмотри получше и отвѣчай.

Калл. Чрезвычайно соглашаюсь.

Сокр. А ну-ка теперь—къ прежде допущеннымъ положеніямъ. Чувство голода удовольствіемъ ли называешь ты, или тягостію?—разумѣю самое чувство.

Калл. Тягостію. Но чувствуя голодъ, ѣсть — приятно.

Сокр. Понимаю. А самое чувство-то голода приятно, или д. нѣтъ?

Калл. Тягостно.

Сокр. Не такъ же ли и чувство жажды?

Калл. Да и очень.

Сокр. Предлагать ли тебѣ еще болѣе вопросовъ, или ты согласенъ, что всякое неимѣніе и желаніе тягостно?

Калл. Согласенъ; повтому не предлагай вопросовъ.

Сокр. Пусть такъ. Но, чувствуя жажду, пить, не называлъ ли ты удовольствіемъ?

Калл. Называлъ.

Сокр. Однакожъ въ этомъ, произнесенномъ тобою, положеніи чувство жажды не есть ли чувство скорбное?

Калл. Да.

Сокр. А пить — есть восполненіе недостатка и неудовольствія?

Калл. Да.

Сокр. Такъ поколику пьютъ, говоришь, радуются?

Калл. Непремѣнно.

Сокр. А поколику чувствуютъ жажду...

Калл. Говорю.

Сокр. Скорбятъ?

Калл. Да.

Сокр. Такъ замѣчаешь ли, что вышло? Если ты говоришь: чувствуя жажду, пить; то вмѣстѣ полагаешь: чувствуя скорбь, радоваться. Или хочешь сказать, что это бываетъ не въ томъ же мѣстѣ и времени — и по отношенію къ душѣ, и по отношенію къ тѣлу? Вѣдь тутъ, я думаю, все равно. Такъ, или нѣтъ?

Калл. Такъ.

Сокр. Однакожъ ты говорилъ, что человѣку, живущему благополучно, невозможно вмѣстѣ жить неблагополучно.

Калл. Да, говорю.

497. *Сокр.* А между тѣмъ согласился, что человекъ скорбащій можетъ радоваться.

Калл. Кажется.

Сокр. Стало быть, радоваться не значитъ—жить благополучно, и скорбѣть не значитъ—вести жизнь неблагополучную; такъ что удовольствіе бываетъ отлично отъ добра.

Калл. Не понимаю твоего умничанья, Сократъ.

Сокр. Понимаешь, Калликлъ; да только притворяешься непонимающимъ ¹. Иди-ка еще далѣе,—и увидишь, какъ ты бываешь мудръ, когда вразумляешь меня. Не перестаетъ ли каждый изъ насъ жадать и чувствовать удовольствіе, какъ скоро пьетъ?

Калл. Не знаю, что ты говоришь.

Горг. Нѣтъ, нѣтъ, Калликлъ, отвѣчай и для насъ, чтобы изслѣдованіе было доведено до конца.

Калл. Да, Сократъ всегда таковъ, Горгиасъ: спрашиваетъ о вещахъ маловажныхъ и выводитъ заключенія изъ пустяковъ.

Горг. Какая тебѣ нужда? Это вовсе не твоя бѣда ², Калликлъ. Предоставь Сократу выводить заключенія, какъ онъ хочетъ.

C. *Калл.* Ну ужъ спрашивай объ этихъ мелочахъ и низкихъ предметахъ, если такъ угодно Горгиасу.

Сокр. Счастливъ ты, Калликлъ, что въ великія таинства посвященъ прежде, чѣмъ въ малыя ³. А я думалъ, что это незаконно. Отвѣчай же, на чемъ остановился. Каждый изъ

¹ Да только притворяешься непонимающимъ — ἀλλ' ἀκκίζει. Olympiodorus: Ἄκκω γέγονε γυνή τις μωρὰ καὶ ἀνόητος. Φήσιν οὖν ὁ Σωκράτης, ὅτι οἶσθα τί λέγω, ἀλλὰ ἀκκίζει, ἀντὶ τοῦ ἀλλὰ προσποιῆ μωρίαν καὶ τὸ μὴ εἰδέναι. Слѣдующія далѣе слова: ὅτι ἔχων ληρεῖς вовсе не умѣстны въ текстѣ и внесены въ него, вѣроятно, е margine, какъ замѣтка какого-нибудь объяснителя, хотѣвшаго этимъ выраженіемъ истолковать мысль, заключающуюся въ глаголѣ ἀκκίζειν.

² Это вовсе не твоя бѣда, — πάντως οὐ σὴ αὐτῆ ἢ τιμῆ: выраженіе, какъ догадывается Гейндорфъ, повидному, нѣкто слугу пословицы.

³ Въ великія таинства посвященъ прежде, чѣмъ въ малыя. Schol. Διττά ἦν τὰ μυστήρια παρ' Ἀθηναίους, καὶ τὰ μὲν μικρὰ ἱκαλεῖτο, ἅπερ ἐν ἄσπει ἐτέλουσιν, τὰ δὲ μεγάλα, ἅπερ Ἐλευσίνι ἤγαστο. Καὶ πρότερον ἴδει τὰ μικρὰ μυσθῆναι εἶτα τὰ μεγάλα κ. τ. λ.

насть не перестаетъ ли вмѣстѣ жаждасть и чувствовать удовольствіе?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не перестаетъ ли также чувствовать голодь и прочія пожеланія и удовольствія?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не вмѣстѣ ли слѣдовательно прекращается въ немъ пріятное и непріятное?

Калл. Да.

D.

Сокр. Между тѣмъ ты соглашаешься, что вмѣстѣ также прекращаются добро и зло. Или теперь уже не соглашаешься?

Калл. Соглашаюсь. Такъ что же?

Сокр. То, другъ мой, что добро съ удовольствіемъ и зло съ скорбію — не одно и то же, что попокику они взаимно различны,—одно изъ нихъ прекращается, а другое — нѣтъ. Да и какъ быть тождественнымъ пріятному съ добрымъ и непріятному съ злымъ? А если хочешь, размотри предметъ и слѣдующимъ образомъ, — потому что это, кажется, еще не удовлетворитъ тебя. Сообрази-ка: добрыхъ называешь е. ты добрыми не по присутствію ли въ нихъ добра, подобно тому, какъ прекрасныхъ называешь прекрасными по присутствію въ нихъ красоты?

Калл. Конечно.

Сокр. Что жъ? люди бессмысленные и трусливые получаютъ ли у тебя имя людей добрыхъ?—Прежде не получали, прежде добрыми ты называлъ мужественныхъ и благоразумныхъ. Не ихъ ли признаешь добрыми?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Что жъ? видалъ ли ты бессмысленное еще дитя — въ радости?

Калл. Видалъ.

Сокр. А чтобы радовался бессмысленный человекъ зрѣлаго возраста,—еще не видалъ?

Калл. Я думаю;—но что жъ въ этомъ?

Сокр. Ничего; только отвѣчай.

498. *Калл.* Видалъ.

Сокр. Ну, а человѣка съ умомъ—въ въ скорби и радости?

Калл. Полагаю.

Сокр. Болѣе ли радуются и скорбятъ умные, или безумные?

Калл. Я думаю, тутъ не много различія.

Сокр. Но довольно и этого. А на войнѣ видалъ ли человѣка трусливаго?

Калл. Какъ не видать.

Сокр. Ну что жъ? Когда непріатели отступаютъ,—кто, по твоему мнѣнію, болѣе радуется, трусливые или мужественные?

Калл. Мнѣ кажется, больше тѣ и другіе ¹; а если нѣтъ,—то почти равно.

В. *Сокр.* Какая нужда! Такъ радуются и трусливые?

Калл. И очень.

Сокр. Ужъ вѣроятно и безумные?

Калл. Да.

Сокр. А когда непріатели наступаютъ, — печальными становятся только трусы, или и мужественные?

Калл. Тѣ и другіе.

Сокр. Неужели равно?

Калл. Можетъ быть, трусы—болѣе.

Сокр. Но при отступленіи непріателей не они ли болѣе радуются?

Калл. Можетъ быть.

Сокр. Итакъ печалятся и радуются, говоришь ты, почти

¹ *Больше тѣ и другіе* — ἀμρότεροι ἐμοί τε μᾶλλον. Кораесъ правильно замѣчаетъ, что Калликлаъ παῖζων τοῦτο λέγει· καὶ οἱ δειλοὶ ἰδόντων μοι χαίρειν μᾶλλον τῶν ἀνδρείων καὶ οἱ ἀνδρεῖοι μᾶλλον τῶν δειλῶν. Сила доказательства состоитъ въ слѣдующемъ: οἱ κακοὶ εὐφραδῶν μᾶλλον ἀγαθοί, поколику μᾶλλον χαίρουσιν, и ἔτι μᾶλλον κακοί, поколику μᾶλλον λυποῦνται, такъ какъ, по мнѣнію Калликла, добры тѣ, которые чувствуютъ удовольствіе; напротивъ злы—тѣ, которые скорбятъ. Но отсюда явно вытекаетъ слѣдствіе: ὁμοίως γίνεσθαι καὶ οἱ ἀγαθοὶ τῷ ἀγαθῷ ἢ καὶ μᾶλλον ἀγαθός ὁ κακός, то-есть, явно открывается негѣдность Калликлесова мнѣнія, что добрые бываютъ добрыми отъ удовольствія, а злые — злыми отъ непріятностей.

равно,—какъ безумные, такъ и умные, — какъ трусы, такъ и мужественные; однакожъ трусы — болѣе мужественныхъ?

Калл. Полагаю.

С.

Сокр. Но умные-то и мужественные добры, а трусы и безумные злы?

Калл. Да.

Сокр. Слѣдовательно почти равно радуются и печалятся—какъ добрые, такъ и злые?

Калл. Полагаю.

Сокр. Значитъ, добрые и злые почти равно добры и злы? или злые еще больше добры и злы?

Калл. Но клянусь Зевсомъ, что не понимаю твоихъ D. словъ.

Сокр. Не понимаешь, что добрыхъ ты называешь добрыми, по присутствію въ нихъ добра, а злыхъ—злыми, по присутствію зла? и что добро суть удовольствія, а зло — неприятности?

Калл. Я такъ думаю.

Сокр. Но радующимся не присуще ли добро, то-есть удовольствіе, если только они радуются?

Калл. Какъ не присуще!

Сокр. А когда имъ присуще добро, то радующіеся не добры ли?

Калл. Да.

Сокр. Ну теперь — огорчающимся не присуще ли зло, то-есть неудовольствіе?

Калл. Присуще.

E.

Сокр. Злыхъ-то ты называешь вѣдь злыми по присутствію въ нихъ зла. Или еще не утверждаешь этого?

Калл. Утверждаю.

Сокр. Слѣдовательно добры тѣ, которые радуются, а злы, — которые скорбятъ?

Калл. И очень.

Сокр. И кто больше, — больше; кто меньше, — меньше, кто почти равно, — почти равно?

Соч. Плат. Т. II.

Калл. Да.

Сокр. А не говоришь ли ты, что разумные и неразумные, робкіе и мужественные почти равно радуются и печалятся, или даже робкіе — еще больше?

Калл. Говорю.

Сокр. Выводи же теперь вмѣстѣ со мною, что слѣдуетъ изъ допущенныхъ нами положеній. Вѣдь даже дважды и 499. трижды прекрасно говорить и рассуждать о прекрасномъ¹. Мы сказали, что быть разумнымъ и мужественнымъ есть дѣло доброе. Не такъ ли?

Калл. Да.

Сокр. А неразумнымъ и робкимъ — злое?

Калл. И очень.

Сокр. И что радующійся добръ?

Калл. Да.

Сокр. А огорченный — золь?

Калл. Необходимо.

Сокр. Огорчаться же и радоваться есть дѣло равно доброе и злое, а можетъ быть еще больше злое!

Калл. Да.

Сокр. Стало быть, доброму не подобенъ ли злой и добрый, в. или даже злой еще не больше ли добръ? Не это ли слѣдуетъ, и не прежнее ли, если удовольствіе и добро ты признаешь тожественнымъ? Не необходимо ли это, Каллигль?

Калл. Давно-таки я слушаю тебя, Сократъ, и соглашаюсь, думая самъ въ себѣ, что ты, — уступи тебѣ что-либо, хоть шутя, — съ радостію схватываешь это, какъ ребенокъ. Тебѣ, должно быть, кажется, что ни я, ни иной кто-нибудь не почитаетъ однихъ удовольствій лучшими, другихъ — худшими.

¹ Вѣдь даже дважды и трижды прекрасно говорить о прекрасномъ. Schol. Δις καὶ τρίς τὸ καλόν, ὅτι χρὴ περὶ τῶν καλῶν πολλάκις λέγειν. Ἐπιδοκίλους τὸ ἔπος, ἀφ' οὗ καὶ ἡ παροιμία· φησὶ γάρ· καὶ δις γάρ, ὃ δεῖ, καλόν ἐστιν εἰσπεῖν. См. Phileb. p. 50 E. Legg. XII. p. 956 E. VI, p. 754 B. *Erasm. adagg. Chil. 1. Cent. II, p. 68.*

Сокр. Охъ, охъ, Калликъ, какъ ты лукавъ! — поступаешь со мною, какъ съ ребенкомъ: то говоришь это такъ, то иначе, — обманываешь меня. А вѣдь сначала я, право, не думалъ — отъ тебя, какъ отъ моего друга, быть умышленно обманутымъ. Нѣтъ, — ошибся; видно, по старой пословицѣ, надобно хвататься за соломенку и брать, что даешь ¹. А эта соломенка есть вѣроятно то, что ты теперь говоришь, то-есть, — одни удовольствія бываютъ хороши, а другія худы. Не такъ ли?

Калл. Да.

Сокр. Хорошія же полезны, а худыя вредны? С.

Калл. И очень.

Сокр. Но полезныя конечно производятъ что-либо доброе, а вредныя — что-либо злое?

Калл. Полагаю.

Сокр. А допускаешь ли тѣ, — разумѣю относящіяся къ тѣлу, о которыхъ мы недавно говорили, именно — удовольствія въ нищѣ и питѣ? Если, то-есть, они производятъ въ тѣлѣ либо здоровье, либо силу, либо иное совершенство, то бываютъ хорошими: противныя же имъ — худыми?

Калл. Конечно.

Сокр. Не такъ ли и скорби? — одиѣ изъ нихъ благодѣтельны, а другія зловредны?

Калл. Какъ не такъ!

Сокр. А удовольствія и скорби благодѣтельныя надобно избирать и осуществлять?

Калл. Конечно.

Сокр. Зловредныхъ же не надобно?

¹ *Надобно хвататься за соломенку*—*παρὸν εἰ ποτὶν*. Это выраженіе, буквально означающее: «пользоваться настоящимъ», у Грековъ имѣло силу пословицы. Я полагаю, что ей соответствуетъ наша: хвататься за соломенку; потому что греческая пословица указывала на необходимость—въ крайнихъ обстоятельствахъ прибѣгать къ средствамъ настоящей минуты. *Hemstergus. ad. Lucian. Nescio. T. I. p. 485 § 21.* Значеніе пословицы имѣло также и выраженіе *δέχεται τὸ δειδόμενον*, — брать синицу лучше, чѣмъ полагаться на обѣщаніе получить соловья. См. *Erasm. Adagg. W. 1.*

Калл. Само собою разумѣется.

Сокр. Потому что — помнишь, какъ показалось мнѣ и Полосу — все должно дѣлать для добра. Такъ ли и тебѣ кажется, что цѣль всѣхъ дѣйствій есть добро, и что все должно
500. производиться ради его, а не ради чего другаго? Присоединяешься ли и ты третій къ нашему мнѣнію?

Калл. Да, и я.

Сокр. Стало быть, надобно доставлять себѣ и удовольствія, и все прочее — ради добра, а не добро — ради удовольствій.

Калл. Конечно.

Сокр. Но каждый ли человекъ можетъ избирать, что между удовольствіями — добро, и что — зло, или въ отношеніи ко всякому изъ нихъ нуженъ искусникъ?

Калл. Искусникъ.

Сокр. Вспомнимъ же теперь, что говорилъ я Полосу и Горгиасу. Помнишь ли, я говорилъ, что есть упражненія.
В. изъ которыхъ инныя доходятъ до удовольствія и стремятся только къ одному этому, лучшаго же и худшаго не знаютъ; а другія понимаютъ, что — добро и что — зло? Къ тѣмъ, которыя имѣютъ въ виду удовольствія, и притомъ тѣлесныя, я отнесъ поварскую привычность, — но не въ смыслѣ искусства; а къ знатокамъ добра — врачебное искусство. И — ради покровителя дружбы¹, Калликъ, ты и самъ не почитай долгомъ шутить надо мною, — не давай отвѣтовъ, когда слу-
С. читается, вопреки своему убѣжденію, да и моихъ словъ не принимай за шутку. Видишь ли, у насъ идетъ рѣчь о такомъ предметѣ, болѣе котораго ничто не можетъ занимать человека, если у него есть хоть немного ума? Мы разсматриваемъ, какимъ образомъ надобно жить: такъ ли, какъ ты убѣждаешь меня, — то-есть, дѣйствовать мужески, говорить въ народныхъ собраніяхъ, упражняться въ риторикѣ и чрезъ

¹ Ради покровителя дружбы — πρὸς φιλίου. Olimpiodorus: ἐπὶ τὸν ἄρρον τῆς φιλίας φέρει αὐτὸν, ἵνα εἰδῶς, ὅτι θεὸς ἔστιν ὁ τῆς φιλίας ἐπιστάτης, μηδὲν καίτη. См. ниже р. 519 Е.

то входить въ дѣла общественныя, какъ вы теперь входите; или посвятить свою жизнь философіи и смотрѣть, что въ этой послѣдней жизни отлично отъ первой? Можетъ быть, весьма хорошо было бы отдѣлять ихъ, чего я сейчасъ хотѣлъ; отдѣливши же и согласившись между собою, что это точно два рода жизни, изслѣдовать, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другаго, и который изъ нихъ заслуживаетъ предпочтенія. Но, можетъ быть, ты еще не понимаешь, что я говорю.

Калл. Не очень.

Сокр. Такъ я скажу тебѣ яснѣе. Мы согласились между собою, что иное есть доброе, а иное пріятное, что пріятное отлично отъ добраго, и что въ отношеніи къ обоимъ есть также нѣкоторое занятіе или упражненіе, и одно такое занятіе ищетъ удовольствія, а другое — добра. Прежде всего на Е. это самое — да или нѣтъ. Да?

Калл. Конечно да.

Сокр. Ну, согласись же со мною и въ слѣдующемъ, что я говорилъ имъ, если только слова мои тогда казались тебѣ справедливыми. Я говорилъ, что кухонное дѣло почитаю не искусствомъ, а навыкомъ; но медицину—такъ: по- 501. тому что медицина-то разсматриваетъ и природу того, чему служить, и причину того, что дѣлаетъ, и во всемъ этомъ можетъ дать отчетъ; напротивъ первое, заботящееся объ удовольствіи, къ которому направлено все его служеніе, идетъ къ нему совершенно безъ искусства,—не разсматриваетъ ни природы удовольствія, ни причины, и, поколику вовсе безмысленно, просто сказать, ничего не рассчитываетъ,—это наметанность и привычность, которая только помнить, какъ и что обыкновенно бываетъ, чѣмъ возбуждаются удовольствія. Итакъ сперва наблюдай, удовлетвори- В. тельными ли тебѣ кажутся слова мои, и нѣтъ ли въ отношеніи къ самой душѣ какихъ-нибудь такихъ занятій, что одни изъ нихъ искусственны и показываютъ какую-либо заботливость о наилучшемъ для души, а другія мало

цѣнять наилучшее и, равно какъ тамъ, имѣютъ въ виду только душевное удовольствіе, какимъ бы образомъ оно ни получалось, не разбирая, какое удовольствіе лучше или хуже, и думая только о томъ, чтобы было пріятно, лучше ли С. выйдетъ изъ того, или хуже. По моему мнѣнію, Калликлъ, такія занятія дѣйствительно есть, и я называю ихъ ласкательствомъ—въ отношеніи къ тѣлу, въ отношеніи къ душѣ и въ отношеніи ко всему, чему кто-либо старается доставить удовольствіе, не разбирая, которое изъ нихъ лучше и которое хуже. Ну, а ты, касательно этого, сходишься ли съ нами въ своемъ мнѣніи, или намѣренъ противорѣчить?

Калл. Нѣтъ, я соглашаюсь,—чтобы разговоръ твой привести къ концу и угодить Горгиасу.

Д. *Сокр.* Но это ласкательство съ одною ли только душою имѣетъ дѣло, а съ двумя и со многими не имѣетъ?

Калл. Нѣтъ,—и съ двумя, и со многими.

Сокр. Стало быть, не разбирая, что наилучше, угрождаетъ всѣмъ вдругъ?

Калл. Я думаю.

Сокр. Такъ можешь ли сказать, что за занятія, которыя дѣлаютъ это? Или лучше, если хочешь, позволь мнѣ спрашивать тебя,—и, какія изъ нихъ, по твоему мнѣнію, относятся сюда, утверждай, а не относятся,—не утверждай.

Е. Во-первыхъ разсмотримъ игру на флейтѣ. Не кажется ли она тебѣ, Калликлъ, чѣмъ-то такимъ, что гоняется за однимъ удовольствіемъ, а больше ни о чемъ не заботится?

Калл. Да, мнѣ кажется.

Сокр. И всѣ подобныя тому; напр. игра на цитрѣ во время общественныхъ игръ ¹?

¹ *Игра на цитрѣ во время общественныхъ игръ.* Schol. Ἀυλητικὴν μὲν πάναν ἐκβάλλει τῶν ἑρῶν πολιτείων, κιθαριστικὴν δὲ οὐ πάναν, ἀλλὰ τὴν ἐν τοῖς ἀγῶσι μόνον· οἷοι γὰρ ἄλλην, ἣν σώζειν τὰς πολιτείας νενομικεν. Эта мысль взята изъ третьей книги De Rep. p. 399 С. Если, то-есть, музыка располагаетъ къ однимъ удовольствіямъ, то ее надобно почитать только какъ παίγνιον τι οὐ σπουδῆς χάριν, ἀλλὰ παιδείας ἕνεκα, какъ говорится въ Polit. p. 288 С. Итакъ должно строго обращать вниманіе на риземъ, подъ вліяніемъ котораго юноши

Калл. Да.

Сокр. Ну, а изученіе хоровъ и повзія дионирамвическая ¹ не такимъ же ли кажется тебѣ занятіемъ? Думаешь ли, что Кинисіасъ, сынъ Мелиса, сколько-нибудь заботится, какъ бы высказать что-либо такое, чрезъ что его слушатели сдѣлались бы лучшими? Или онъ старается только угодить ^{502.} толпѣ зрителей?

Калл. Что касается до Кинисіаса, Сократъ, то ужь очевидно, что послѣднее.

Сокр. Ну, а его отецъ Мелисъ?—Кажется ли тебѣ, что онъ имѣлъ въ виду наилучшее, когда пѣлъ подъ звуки цитры?—Или, напротивъ, не возбуждалъ даже и удовольствія, потому что своимъ пѣніемъ мучилъ слушателей? Смотри же теперь, — всякое пѣніе подъ звуки цитры и повзія дионирамвическая не кажутся ли тебѣ изобрѣтеніемъ для удовольствія?

Калл. Кажутся.

Сокр. Но что теперь эта важная и дивная повзія трагическая? О чемъ она заботится? Къ тому ли, думаешь, направлено ея намѣреніе и стараніе, чтобы только угодить зрителямъ, или она употребляетъ всѣ силы, какъ бы не сказать чего-нибудь, хоть и пріятнаго имъ и нравящагося, но вреднаго, — какъ бы все говорить и пѣть, хоть иногда и непріятное, да полезное, будутъ ли они рады тому, или

дѣйствительно могутъ улучшаться. Въ общество слѣдуетъ допускать только тѣ роды речей, которые суть βίου ρημάτων καὶ ἀνδρείου. De Rep. III. p. 399 E. А всѣ гармонія, противорѣчущія честности и добродѣтели, и поблажающія страстямъ, надобно изгонять.

¹ *Изученіе хоровъ и повзія дионирамвическая.* О хорахъ, по мнѣнію Платона, см. *Вал. дисп. de naturae simplicitate in Euripidis Oreste.* Дионирамвичи назывались стихи въ честь Бахуса и отличались сляпою и стремительною рѣчи, допускавшею свободу слововыраженія. Поэтому Гораций (Od. IV. 2. 10) говоритъ: seu per audaces nova dithyrambos verba devolvit numerisque fertur lege solutis. Надъ поэтами дионирамвическими смѣется Аристофанъ *Авр. в. 1885 sqq.*, гдѣ досталось и Кинисіасу. Кинисіасъ понимаемъ былъ, какъ поэтъ весьма дурнаго тона, и сужденіе Платона о немъ совершенно справедливо; ибо и Лизіасъ называетъ его ἀσεβήτατον καὶ παρρησιότατον. *Нарпросат. в. в. Κινισίας.*

нѣтъ? Къ чему, кажется тебѣ, расположена повѣія трагическая?

С. *Калл.* Это-то явно, Сократъ, что она стремится болѣе къ удовольствію и къ угожденію зрителямъ ¹.

Сокр. А не это ли, Калликлъ, недавно назвали мы ласкательствомъ?

Калл. Конечно.

Сокр. Представь же, что кто-нибудь отъ повѣического сочиненія отнялъ и напѣвъ, и риѣмъ ², и метръ: не правда ли, что въ немъ тогда остались только рѣчи?

Калл. Необходимо.

Сокр. И эти самыя рѣчи произносятся толпѣ и народу?

Калл. Полагаю.

Д. *Сокр.* Стало быть, повѣія есть нѣкотораго рода ораторство.

Калл. Явно.

Сокр. Но ораторство есть риторика. Развѣ не кажется тебѣ, что поѣты въ театрахъ риторствуютъ?

Калл. Кажется.

Сокр. Слѣдовательно теперь мы нашли какую-то риторику для такого народа, который состоитъ изъ дѣтей, женщинъ и мужчинъ, изъ рабовъ и свободныхъ, и этой риторикѣ не очень рады, потому что признали ее ласкательствомъ.

Калл. Конечно.

Сокр. Пускай. Но что же такое — риторика для афин-

¹ Трагикъ позволяютъ себѣ ложь и такіе обороты рѣчи, которыми легче поправиться народу, и отъ которыхъ зрители *ἀμα χαιρόντες κλάουσι*. См. *Cratyl.* р. 408 С. *Phileb.* р. 48 А. А такъ какъ видимое нами на сценѣ не чувствительно видрается въ душу и дѣлаетъ насъ похожими на тѣхъ героевъ и героинь, которыми мы любуемся (см. *Protag.* р. 314 В.. de *Rep.* X, р. 666); то и не удивительно, что Платонъ имѣлъ невыгодное понятіе о трагедіи, такъ что изгналъ ее изъ идеальнаго своего государства, вѣдѣвъ съ комедіею.

² Напѣвъ или мелодія — *μέλος* есть модуляція голоса. *Legg.* II. р. 669 D. Различіе между риѣмомъ и гармоніею показывается въ *Legg.* II. р. 655 А. *τῆ δὲ τῆς κινήσεως τάξει ῥυθμὸς ὅμοιος ἔστω, τῆ δὲ αὐτῆς φωνῆς, τοῦ τε δέξιός καὶ ἀριστεροῦ συλλεχόμενον, ἕρμους ὅμοια πρὸς ἀλλήλους.*

скаго народа и для другихъ по городамъ народовъ, состоящихъ изъ людей свободныхъ? Что такое у насъ эта риторика? Кажется ли тебѣ, что риторы всегда говорятъ для наилучшаго и мѣтятъ на то, какъ бы гражданъ, посредствомъ своихъ рѣчей, сдѣлать наилучшими? или они такъ же стремятся угождать гражданамъ и, ради частной своей пользы, уничтожая благо общее, бесѣдуютъ съ народами, какъ съ дѣтьми, и стараются только доставлять имъ удовольствіе, а лучшими ли чрезъ то сдѣлаются они, или худшими, нисколько не заботятся?

Кал. Этотъ вопросъ твой еще не простъ: потому что 503. есть риторы, которые, что ни говорятъ, говорятъ по благопопечительности о народѣ; а есть и такіе, какихъ разумѣешь ты.

Сокр. Довольно. Какъ скоро и тутъ—два рода; то одинъ изъ нихъ вѣроятно—ласкательство и постыдное красноречіе, а другой—дѣло прекрасное, направляющееся къ тому, чтобы души гражданъ оказались наилучшими: это—усиліе говорить о вещахъ наилучшихъ, приятно ли то будетъ слушателямъ, или не приятно. Но подобной риторики ты никогда не знавалъ; а если о такомъ риторѣ можешь сказать, то почему не объявишь и мнѣ, кто онъ?

Кал. Да, клянусь Зевсомъ, я не могу указать тебѣ ни на одного изъ нынѣшнихъ риторовъ.

Сокр. Что жъ? а изъ древнихъ можешь ли указать на какого-нибудь, чрезъ котораго Аѳиняне, какъ скоро онъ началъ ораторствовать, имѣли причину сдѣлаться лучшими, тогда какъ прежде были хуже? Я-то, по правдѣ, не знаю, кто былъ бы таковъ.

Кал. Какъ? развѣ не слыхалъ о доблестномъ мужѣThemistocles, о Кимонѣ, Мильтиадѣ и Периклѣ, который умеръ¹ недавно и котораго самъ ты слушалъ?

¹ Такъ какъ этотъ разговоръ представляется происходившимъ еще при жизни Архелая, то отъ времени смерти Перикла тогда надлежало считать около двадцати трехъ лѣтъ.

Сокр. Да, если то, что прежде называлъ ты добродѣтелию, — разумію удовлетвореніе собственнымъ пожеланіямъ и страстямъ другихъ, — есть истинная добродѣтель. А когда не такъ, когда истинно — другое, что принуждены были мы допустить въ послѣдующемъ разговорѣ? то-есть, когда D. пожеланіямъ, которыя, бывъ удовлетворены, дѣлаютъ человека лучшимъ, надобно удовлетворять, а худшимъ — не надобно, и для этого требуется какое-то искусство? Такого въ числѣ упомянутыхъ мужей можешь ли ты найти?

Калл. Не знаю, какъ сказать.

Сокр. Однакожь, если станешь искать хорошо, то найдешь. Начнемъ-ка такъ-себѣ спокойно разсматривать, и увидимъ, былъ ли таковъ кто-нибудь изъ нихъ. Напримѣръ, человекъ добрый и говорящій для наилучшаго, что бы онъ ни говорилъ, будетъ ли износить пустяки, не имѣя въ виду ничего? Равно какъ и всѣ художники, каждый смотря на свое дѣло, не наобумъ станеть выбирать нѣчто и прилагать къ собственной работѣ, что прилагаетъ, но будетъ дѣлать это съ цѣлю, чтобы своему произведенію сообщить извѣстный образъ. Вотъ, если хочешь, посмотри на живописцевъ, домостроителей, корабельныхъ мастеровъ и на всѣхъ другихъ художниковъ, — на любого изъ нихъ, какъ всякій, что ни владеть, — владеть въ какой-либо порядокъ и требуетъ, чтобы одно было прилажено и подстроено подъ другое, пока цѣлое 504. не придетъ въ состояніе упорядоченнаго и благоустроеннаго произведенія. А какъ поступаютъ именно эти, теперь только упомянутые художники, такъ поступаютъ съ нашимъ тѣломъ врачи и гимнастики, то-есть извѣстнымъ образомъ устрояютъ его и упорядочиваютъ. Согласимся ли, что это такъ, или не согласимся?

Калл. Пусть это будетъ такъ.

Сокр. Слѣдовательно домъ, въ которомъ замѣчается порядокъ и благоустроенность, долженъ быть домъ хорошій; а когда — безпорядокъ, то худой?

Калл. Полагаю.

Сокр. Не то же ли и корабль?

Калл. Такъ.

В.

Сокр. Да то же, сказали мы, и наши тѣла?

Калл. Конечно.

Сокр. Ну, а душа? при безпорядкѣ ли будетъ она хороша, или при какомъ-нибудь порядкѣ и благоустроенности?

Калл. На основаніи прежнихъ положеній необходимо допустить и это.

Сокр. Но какое имя дается тѣлу по причинѣ существующаго въ немъ порядка и благоустройства?

Калл. Ты разумѣешь, можетъ быть, здоровье и силу?

Сокр. Да. А какъ называется то, что отъ порядка и благоустроенности бываетъ въ душѣ? Постарайся найти и сказать, какое бы этому имя?

Калл. Почему не скажешь самъ, Сократъ?

Сокр. Да если тебѣ угодно, — я скажу; а ты, — поважуются слова мои хорошими, — подтверди, а не то, — обличи и не допускай. По моему мнѣнію, добropорядочности тѣлесной имя — благосостояніе, отъ котораго въ тѣлѣ-происходитъ здоровье и всякое другое тѣлесное совершенство. Такъ или нѣтъ?

Калл. Такъ.

Сокр. А добropорядочности и благоустроенности душевной названіе — законность и законъ, откуда — законныя и благонравныя дѣйствія, или справедливость и разсудительность. Подтверждаешь, или нѣтъ?

Калл. Пусть такъ.

Сокр. Не на это ли смотри, тотъ риторъ, — искусный и добрый, — будетъ принаровлять къ другимъ и рѣчи, которыя говоритъ, и всё дѣла? Даетъ ли онъ даръ, — дастъ, отнимаетъ ли что, — отниметъ, не то ли всегда имѣя въ виду, чтобы въ душахъ его гражданъ жила справедливость, а неправда была изгоняема, — жила разсудительность, а безразсудность и необузданность была оставляема, — жила и всякая другая добродѣтель, а зло удалялось? Соглашаешься или нѣтъ?

Калл. Соглашаюсь.

Сокр. Вѣдь какая польза, Калликлъ, — тѣлу, страдающему и разстроенному, давать пищу въ большомъ количествѣ, хотя бы и самую пріятную, равно какъ питье и другія вещи, которыя принесутъ ему не пользу, но по всей справедливости — скорѣе противное тому, или даже и того менѣе? Такъ ли?

505. *Калл.* Пусть такъ.

Сокр. Я не думаю, что человѣку съ разстроеннымъ тѣломъ жить выгодно; потому что такъ и жизнь необходимо разстроится. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Не правда ли также, что здоровому врачи большею частію позволяютъ исполнять желанія, напримѣръ, голодень, — ѣсть, жаждеть, — пить, сколько хочется; больному же просто запрещаютъ удовлетвореніе пожеланій? Это допускаешь ли?

Калл. Допускаю.

В. *Сокр.* А касательно души, почтеннѣйшій, не то же ли самое? Доколѣ она худа, то-есть, несмысленна, развратна, несправедлива и нечестива, — не должно ли обуздывать ея пожеланія и позволять ей дѣлать только то, отъ чего она вышла бы лучшею? Полагаешь, или нѣтъ?

Калл. Полагаю.

Сокр. Такъ-то вѣдь и самой душѣ вѣроятно будетъ лучше?

Калл. Конечно.

Сокр. Но обуздывать пожеланія не значитъ ли — исправлять наказаніемъ?

Калл. Да.

Сокр. Стало быть, исправленіе посредствомъ наказанія для души лучше ненаказанности, какъ недавно тебѣ казалось?

Калл. Не знаю, что ты говоришь, Сократъ; спрашивай кого-нибудь другаго.

Сокр. Этотъ человѣкъ не терпитъ своей пользы и того

состоянія, о которомъ идетъ рѣчь, то-есть, исправленія чрезъ наказаніе ¹.

Калл. Да мнѣ—таки и надобности нѣтъ до твоихъ рѣчей. И то я отвѣчалъ тебѣ единственно для Горгіаса.

Сокр. Пускай. Такъ что же мы будемъ дѣлать? оставимъ свою бесѣду на половинѣ?

Калл. Чтò самъ знаешь.

Сокр. Но вѣдь и басень, говорятъ, на срединѣ не прерываютъ, а приставляютъ къ нимъ голову, чтобы онѣ безъ D. головы не ходили. Отвѣчай-ка мнѣ и на дальнѣйшіе вопросы; пусть наша бесѣда получить голову.

Калл. Какъ ты настойчивъ, Сократъ! Но если угодно меня послушаться, то оставь этотъ разговоръ, или по крайней мѣрѣ разговаривай съ кѣмъ-нибудь другимъ.

Сокр. Да кто же захочетъ? Нѣтъ ужъ, мы своей бесѣды не оставимъ неоконченною.

Калл. А самъ ты не можешь привести ее къ концу, либо говоря одинъ, либо отвѣчая самому себѣ?

Сокр. Чтобы надо мной сбылись слова Эпихарма ²: «о Е. чемъ прежде говорили двое, на то станеть меня одного.»— Но это вѣроятно была бы уже крайняя необходимость. Если же и сдѣлаемъ такъ,—все—таки мы должны, думаю, другъ предъ другомъ стараться узнать, чтò въ предметъ нашей рѣчи истина и чтò ложь; ибо въ этомъ очевидно—общее всѣхъ благо. Итакъ я, пожалуй, раскрою предметъ собственною рѣчью, какъ о немъ думаю: но если кому изъ васъ покажется, что я неправильно соглашаюсь съ собою,—вы должны возразить и обличить меня; ибо все, чтò гово-

¹ *Исправленія чрезъ наказаніе, κολαζόμενον.* О значеніи глагола *κολλάζεσθαι* см. *Aristot. Rhetor. I, 10, 17. διαφέρει δε τιμωρία καὶ κόλασις· ἡ μὲν γὰρ κόλασις τοῦ πάσχοντος ἕνεκα ἐστίν, ἡ δὲ τιμωρία τοῦ ποιούντος, ἕνα ἀποπληρωθῆναι.* То-есть *κόλασις* есть наказаніе для исправленія виновнаго; а *τιμωρία* есть наказаніе обидчика, для удовлетворенія за обиду. *Wittenbach. ad Select. Princ. Hist. p. 372.*

² Здѣсь Сократъ имѣеть въ виду стихъ Эпихарма у Атеней (*Deipnosoph. VII c. 16*). *ἰγὼ δὲ κατὰ τὸν σερδὸν Ἐπίχαρμον, μηδὲν ἀποκρινάμενον τοῦ κυνός. Τὰ πρὸ τοῦ δὴ ἄνδρες ἔλεγον, εἰς ἰγὼν ἀποχρῆται.*

рю, говорю вѣдь не какъ знатокъ, а только изслѣдываю вмѣстѣ съ вами; такъ что возражатель едва лишь начнетъ утверждать дѣлс,—я первый уступлю ему. А говорить буду я для того, что вы считаете нужнымъ довести нашу бесѣду до конца. Если же не хотите этого, — оставимъ ее и В. разойдемся.

Горг. Нѣтъ, Сократъ, мнѣ кажется, что уходить не надобно; ты долженъ раскрыть предметъ собственною рѣчью. Да то же, думаю, кажется и другимъ. Признаться, я и самъ хотѣлъ бы послушать, какъ раскроешь ты остальное.

Сокр. Правду сказать, Горгиасъ, мнѣ пріятно было бы продолжать разговоръ съ Калликломъ, чтобы наконецъ на слова Зиеа ¹ отвѣчать ему изреченіемъ Амеіона: но такъ какъ ты, Калликлъ, не хочешь окончить бесѣды, то по крайней мѣрѣ слушай меня и возражай, если покажется С. тебѣ, что говорю не хорошо. Обличенный тобою, я не разсержусь на тебя, какъ ты на меня, а напротивъ запишу тебя, какъ великаго моего благодѣтеля ².

Калл. Говори самъ, добрякъ, и окончи.

Сокр. Слушай же. Я поведу рѣчь съ начала.—Пріятное и доброе одно ли и то же?—Не одно и то же, какъ согласились я и Калликлъ.—Пріятное ли надобно дѣлать для добраго, или доброе — для пріятнаго? — Пріятное для добраго.—Но пріятное есть то, отъ присутствія чего мы чувствуемъ удовольствіе, а доброе—то, отъ присутствія чего D. мы добры? — Конечно. — Добры же мы, какъ и всѣ про-

¹ Калликлъ прежде принялъ (р. 185 E. sqq.) лице Зиеа и убѣждалъ Сократа оставить философію, подобно тому, какъ Зиеа убѣждалъ Амеіона оставить музыку: а теперь — наоборотъ, Сократъ хотѣлъ бы взять сторону Амеіона и расположить Калликла къ философіи.

² Имя *благодѣтеля* — *εὐεργέτου* у Грековъ было именемъ столь почетнымъ, что его нерѣдко спрашивали у нихъ вожди другихъ націй. Если же Аеніане кого-нибудь удостоивали такого титула, то это называлось *ἀναγράζειν* или *ἀνακηρύττειν τινὰ εὐεργέτην τῆς πόλεως*. См. Wolf. ad Demosth. Leptin. p. 285. Это названіе вошло у нихъ въ пословицу, о чемъ см. Hemsterhus. ad Lucian. Dial. Mort. p. 367. Plat. Apolog. Socr. p. 36 D.

чіе, бываемъ тогда, когда имѣется какая-нибудь добродѣтель? — По мнѣ, это необходимо, Калликль. — А добродѣтель-то каждой вещи, — и сосуда, и тѣла, и души, и всякаго животнаго, — имѣется въ ней не какъ нѣчто прекрасное безъ пути, но обнаруживается порядкомъ, правильностію и искусствомъ, что сообщается всѣмъ имъ. Не такъ ли? — Я полагаю, что непременно такъ. — Следовательно добродѣтель каждаго есть нѣчто, введенное въ Е. порядокъ и благоустройство? — Могу полагать. — Стало быть, каждое сущее дѣлается добрымъ отъ собственнаго каждому и находящагося въ каждомъ благоустройства? — Мнѣ кажется. — И душа, имѣющая свое благоустройство, значить, лучше неблагоустроенной? — Необходимо. — Но вѣдь имѣя благоустройство-то, она — благонравна? — Да какъ не быть? — А будучи благонравною-то, она разсудительна? — Совершенно необходимо. — Следовательно душа разсудительная—добра.—Противъ этого я ничего не могу сказать, любезный Калликль. А ты,—если можешь, научи.

Калл. Говори, добрякъ.

Сокр. Говорю, что если душа разсудительная добра, то по своимъ качествамъ противная разсудительной — зла: а такую не была ли у насъ душа бессмысленная и необузданная? — Конечно. — Но разсудительный-то, въ отношеніи къ богамъ и людямъ, дѣлаетъ, что нужно; ибо дѣлающій не то, что нужно, не былъ бы и разсудительнымъ. — Это необходимо такъ. — Дѣлающій же, что нужно въ отношеніи къ лю- В. дямъ, дѣлаетъ справедливое, а въ отношеніи къ богамъ—благочестивое. А кто дѣлаетъ справедливое и благочестивое, тотъ необходимо справедливъ и благочестивъ. — Правда. — Стало быть необходимо также и мужественъ. Вѣдь человѣку разсудительному несвойственно ни преслѣдовать, ни убѣгать, чего не нужно, но свойственно и преслѣдовать и убѣгать, что должно, въ отношеніи и къ дѣламъ, и къ людямъ, и къ удовольствіямъ, и къ непріятностямъ; такъ что рассу- С. дительному, какъ мы раскрыли, Калликль, если онъ чело-

- вѣкъ справедливый, мужественный и благочестивый, крайне необходимо быть совершенно добрымъ; а доброму, все, что ни дѣлаетъ онъ, — дѣлать хорошо и прекрасно; дѣлающему же хорошо — наслаждаться блаженствомъ и счастьемъ, равно какъ злему и дѣлающему дурно — быть несчастнымъ. Но такой-то, противоположный разсудительному, есть тотъ ненаказываемый, котораго ты хвалишь. — Я именно такъ полагаю и говорю, что это справедливо. — Если же справедливо, то желающій быть счастливымъ, очевидно, долженъ претрусовать и подвизаться въ разсудительности, а ненаказанности избѣгать, сколько у каждаго изъ насъ сила, и приводить себя въ такое состояніе, чтобы не имѣть нужды въ наказаніи; кто же, либо самъ, либо другой—его ближній, частный человекъ или цѣлый городъ, имѣетъ въ этомъ нужду и хочетъ быть счастливымъ, того предавать суду и наказанію. Это-то, мнѣ кажется, — цѣль, которую въ жизни надобно имѣть передъ глазами и относить къ ней все, — какъ свое такъ и общественное; чтобы то-есть стремящійся къ блаженству не разлучался съ справедливостію и разсудительностію, — вообще не позволялъ себѣ необузданныхъ пожеланій и жизни разбойнической, старающейся удовлетворять имъ, — этому ненавистному злу. Вѣдь такой человекъ не можетъ быть приятель ни другому человеку, ни Богу; потому что онъ не способенъ къ общенію: а у кого нѣтъ общительности, у того нѣтъ и дружбы. Мудрецы говорятъ ¹, Калликлъ, что общительность, дружба, благонравіе, разсудительность
508. и справедливость сохраняются на небѣ и на землѣ, у боговъ и у людей, и что по этой причинѣ, другъ мой, міръ назы-

¹ Кто эти мудрецы? Schol. Σοφοὺς ἐνταῦθα τοὺς Πυθαγορείους φησὶ καὶ διαφέροντες τὸν Ἐμπεδοκλῆα, φάσκοντα τὴν φιλίαν ἐνοῦν τὴν στρατιαν ἐνοποιεῖν εἶναι. Въ этомъ сверхъ того Олимпіодоръ прибавляетъ: ἢ γὰρ φίλα πρὸς τῇ μᾶ τῶν πάντων ἐστὶν ἀρχή· εἰ γὰρ ἐκεί ἐνωσις πανταχοῦ καὶ οὐδαμοῦ διάκρισις. Ὁ οὖν ἀδικὸς παντὶ ἐχθρὸς ἐστὶ καὶ οὐδενὶ κοινωνεῖ. Объ этомъ ученіи Эмпедокла см. ученѣйшее сочиненіе Стурдзы, подъ заглавіемъ: Empedocles Agrigentinus T. I. p. 214—255. Почему Платонъ указываетъ здѣсь на ученіе Эмпедокла, замѣчено выше p. 493 A.

вается у нихъ благоустройствомъ (*κόσμος*) ¹, а не неустройствомъ и ненаказанностію. Но ты, кажется, не обращаешь на это вниманія, хотя и мудрецъ: ты забылъ, что геометрическое равенство ² имѣеть великую силу и между богами, и между людьми; у тебя на умѣ — какъ бы получить больше, потому что о геометріи ты не думаешь. — Пускай. Такъ надобно — либо опровергнуть это положеніе наше и доказать, что счастливые счастливы не отъ приобрѣтенія В. справедливости и разсудительности, а несчастные несчастны не отъ зла; либо, когда оно справедливо, — нѣсколько заняться разсмотрѣніемъ слѣдствій. Изъ этого, Калликль, слѣдуетъ все прежнее, о чемъ ты спрашивалъ меня: то-есть, серьезно ли я говорю, что надобно обвинять и себя, и сына, и друга, когда онъ наноситъ обиду, и для того-то именно пользоваться риторикою. Стало быть, и то справедливо, въ чемъ Полось, какъ тебѣ казалось, согласился отъ стыда, именно — причиненіе обиды, въ сравненіи съ перенесеніемъ ея, востолько постыдиѣ, восколько хуже; да равно и то, что желающій быть въ точномъ смыслѣ риторомъ долженъ соблюдать справедливость и знать ее, — что опять, по мнѣнію Полоса, Горгіасъ будто бы допустилъ отъ стыда. Если же такъ, то разсмотримъ, что значать унижительныя твои выраженія на мой счетъ: хорошо ли сказано или нѣтъ, что я не въ состояніи подать помощь ни себѣ, ни своему другу, или родственнику, и избавить его отъ величайшихъ опасностей, что я, подобно людямъ безчестнымъ, зависящимъ отъ прихоти человѣка ³, завишу отъ всякаго жела- D.

¹ Первый изъ философовъ, назвавшій благоустройство вселенной *κόσμος*, былъ Пифагоръ. *Etnest. ad Xenoph. memoi: I, 1. 11.*

² Геометрическое равенство. *Schol. τούτ' ἔστιν ἡ δικαιοσύνη. Ταύτην δὲ τὴν γεωμετρικὴν ἀναλογίαν διὰς χρῆσιν ἐν Νόμοις ἐκάλεισαν, ὡς δι' αὐτῆς τῶν πάντων κερτιμένων τε καὶ ὀρισμένων.* Въ книгѣ de Legg. (VI. p. 756 E. sqq.) Платонъ различаетъ равенство арифметическое, состоящее въ опредѣленіи всего числомъ, въсомъ и мѣрою, — вообще внѣшнимъ равенствомъ, и равенство геометрическое, которое всему воздаетъ то, что чему слѣдуетъ, и потому есть мѣра равенства внутренняго и истиннаго.

³ Подобно людямъ безчестнымъ, зависящимъ отъ прихоти человѣка, — *ὡς τὰρ οἱ*
Соч. Плат. Т. II. 22

ющаго, кто бы ни захотѣлъ—ударить ли меня по уху,—это было удалое твое выраженіе, — отнять ли у меня деньги, выгнать ли меня изъ общества, или вовсе лишить жизни. Находиться въ такомъ положеніи, говорилъ ты, есть дѣло самое постыдное: а я говорю противное, что уже многократно было говорено, и что сказать не мѣшаетъ еще одинъ разъ. Я утверждаю, Калликъ, что быть несправедливо удареннымъ по уху и отдать подъ ножъ свое тѣло, либо своей кошелекъ—вовсе не постыдно, но что гораздо постыднѣе и хуже—несправедливо бить и рѣзать какъ меня, такъ и мое,—что для обидчика—украсть, закабалить, подкопаться подъ стѣну и вообще—нанести какую бы то ни было обиду мнѣ или моему—гораздо постыднѣе и хуже, чѣмъ для меня — обижнаемаго. Итакъ, что показалось намъ выше, въ 509. прежней рѣчи, говорю я, то держится и связано—если можно употребить выраженіе нѣсколько дикое — желѣзными и алмазными словами; такъ что, пока эти слова не будутъ расторгнуты либо тобою, либо кѣмъ-нибудь мужественнѣе тебя,—кажется, никому не возможно сказать хорошо, говоря иначе, чѣмъ я теперь говорю. У меня—всегда одна и та же рѣчь: не знаю, какъ это бываетъ; но когда я попалъ на какую-нибудь мысль, какъ теперь, — никто не можетъ утверждать иначе, не дѣлаясь смѣшнымъ. Итакъ полагаю, что это справедливо. Но какъ скоро справедливо, и обида для самого обидчика есть величайшее изъ золъ, а то, когда обидчикъ не подвергается наказанію,—даже, если возможно, и больше этого величайшаго зла; то какой помощи немогущій доставить себѣ человекъ будетъ по истинѣ смѣшонъ? — не той ли, которая отвратила бы отъ насъ величайшій вредъ? По всей справедливости, самая постыд-

ἄτιμοι τοῦ ἐπίουτος, то-есть ἀπὸ τοῦ ἐπίουτος. Здѣсь разумѣется родъ самаго великаго гражданскаго безчестія, по которому лице, виѣсть съ его потомствомъ, лишается всѣхъ гражданскихъ правъ и не пользуется покровительствомъ закона. Общественное безчестіе у Грековъ было трехъ степеней. См. *Meuser de bonis damnat.* p. 101 sqq. 137 sqq. и *Lit. Attic.* p. 563.

ная помощь — именно эта: не мочь пособить ни себѣ, ни своимъ друзьямъ, ни родственникамъ; вторая же будетъ близкая въ отношеніи ко второму злу, третья—къ третьему. С. му, и такъ далѣе. Чѣмъ выше по природѣ извѣстное зло, тѣмъ прекраснѣе возможность — подать противъ него помощь, и тѣмъ постыднѣе невозможность. Такъ или нѣтъ, Калликлъ?

Калл. Не иначе.

Сокр. Повтому, изъ двухъ золъ — наносить обиду и получать ее, нанесеніе обиды мы назовемъ зломъ бѣльшимъ, а полученіе ея — меньшимъ. Но чѣмъ могъ бы быть снабженъ человѣкъ къ поднію себѣ такой помощи, чтобы имѣть обѣ эти пользы,—и происходящую отъ ненанесенія обиды, и ту, D. которая пристекаетъ изъ неполученія ея? — Силою ли это, или волею? Я говорю такъ: потому ли онъ не будетъ получать обидъ, что не хочетъ быть обижаемымъ, или потому, что снабженъ силою—не быть обижаемымъ?

Калл. Явно, что послѣднее,—поколикъ снабженъ силою.

Сокр. Ну, а касательно нанесенія обидъ? Довольно ли будетъ не хотѣть наносить обиды,—такъ и не обидить, или для этого требуется еще какая-нибудь сила и искусство, такъ что E. незнающій этого и незанимающійся этимъ непремѣнно будетъ наносить обиды? На это-то именно отвѣчай мнѣ, Калликлъ. Справедливо или нѣтъ, по твоему мнѣнію, въ прежней бесѣдѣ мы—я и Полосъ—принуждены были согласиться, что никто не наноситъ обиды по желанію, но что всѣ обидчики обижаютъ нехотя?

Калл. Пускай будетъ такъ, Сократъ, чтобы кончить бесѣду.

Сокр. Стало быть, для того-то, повидимому, и нужно при- 510. готовить какую-нибудь силу и искусство, чтобы мы не обижали.

Калл. Конечно.

Сокр. Но что за искусство, приготовляемое съ цѣлію—нисколько, или весьма мало быть обижаемымъ? Смотри;

то ли кажется и тебѣ, что мнѣ. А мнѣ кажется слѣдующее: надобно либо самому начальствовать и господствовать въ обществѣ, либо быть другомъ поставленнаго правительства.

Калл. Видишь ли, Сократъ, какъ я готовъ хвалить тебя, когда ты говоришь что-нибудь хорошо? По моему мнѣнію, в. это сказано прекрасно.

Сокр. А если тебѣ кажется, что я говорю хорошо, то разсмотри и слѣдующее: подобный подобному, какъ говорятъ сами древніе мудрецы, думаю, больше всего другъ. Такъ ли по твоему?

Калл. И по моему.

Сокр. Пусть же гдѣ-нибудь господствуетъ правитель жестокой и необразованной, и въ томъ же обществѣ находится человѣкъ гораздо лучше его: тираннъ не будетъ ли бояться с. этого человѣка и отъ всей души избѣгать его дружбы?

Калл. Такъ.

Сокр. Да и когда кто окажется гораздо хуже, чѣмъ самъ онъ, — тираннъ конечно презреть его и не захочетъ принять въ друзья себя.

Калл. И это вѣрно.

Сокр. Такъ остается, что достойный его другъ — только тотъ, кто одного съ нимъ нрава, кто захочетъ находиться подъ властію правителя и подчиняться ему, одно съ нимъ хваля и порицая. Такой человѣкъ будетъ имѣть великую силу въ обществѣ, и его безъ опасенія никто не обидитъ. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Слѣдовательно, если въ этомъ обществѣ кто-нибудь изъ молодыхъ людей подумаетъ: какимъ бы образомъ сдѣлаться мнѣ человѣкомъ сильнымъ и поставить себя внѣ обидъ? то путь ему, какъ видно, предлежитъ такой: тотчасъ съ молодыхъ лѣтъ привыкать любить и ненавидѣть одно и то же съ властелиномъ и приготовить себя такъ, чтобы сколько можно болѣе походить на него. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Такъ ему-то удастся избѣжать обидъ и, какъ вы говорите, имѣть великую силу въ городѣ? Е.

Калл. Конечно.

Сокр. Но удастся ли ему также и не обижать? Или далеко до того, если онъ будетъ походить на правителя несправедливаго и получить у него великую силу? Вѣдь я думаю, что въ немъ напротивъ обнаружится расположеніе— сколько возможно болѣе наносить обидъ и, обижая, не подвергаться наказанію. Не правда ли? 511.

Калл. Кажется.

Сокр. Поэтому его, какъ человѣка съ душою развратною, испорченною подражаніемъ властелину и избыткомъ силы, будетъ сопровождать величайшее зло.

Калл. Не знаю, Сократъ, какъ ты всегда вертишься въ своихъ словахъ туда и сюда. Развѣ тебѣ неизвѣстно, что этотъ подражатель, если захочетъ, убьетъ того, кто не подражаетъ, и возметъ его имущество?

Сокр. Извѣстно, добрый Калликлъ, если только я не в глухъ, если могу часто слышать тебя, Полоса, и едва не всѣхъ въ городѣ. Но послушай и ты меня. Онъ конечно убьетъ, если захочетъ; но вѣдь убьетъ человѣкъ дурной человѣка хорошаго и добраго.

Калл. Такъ что жъ? это-то и досадно?

Сокр. По крайней мѣрѣ не для умнаго человѣка, какъ видно изъ моихъ словъ. Думаешь ли, что человѣкъ долженъ заботиться о томъ, какъ бы долѣе прожить и заниматься тѣми искусствами, которыя всегда избавляютъ насъ отъ опасностей, подобно тому, какъ ты велишь мнѣ заниматься риторикою, которая защищаетъ насъ въ судахъ?

Калл. Да, клянусь Зевсомъ, я совѣтовалъ тебѣ дѣльно.

Сокр. Что жъ, почтенивѣйшій? наука плавать кажется ли тебѣ достойною уваженія?

Калл. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Однакожъ и она избавляетъ людей отъ смерти, ког-

- да кто находится въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ бываетъ нужна ея помощь? Впрочемъ, если эта кажется
- D. тебѣ маловажною,—я назову другую выше этой, напр. кораблевожденіе, которое, какъ и риторика, спасаетъ отъ крайнихъ опасностей—не только души, но и тѣла, и имущество. Кораблевожденіе расположено къ умѣренности и скромности: оно не величается въ блестящемъ нарядѣ, будто совершаетъ что-нибудь чрезвычайное, но, дѣлая то же, что судебная риторика, за благополучный перевозъ съ Эгины сюда беретъ, кажется, два овола, а перевезши изъ Египта, либо изъ Понта, и сохранивъ, какъ сейчасъ сказано, и самого тебя, и дѣтей, и имущество, и женщинъ, и доставивъ все это въ пристань, за такое великое благодѣяніе получаетъ—много какъ двѣ драхмы. И не смотря на такое свое искусство и такія дѣла, кораблеводитель, плавая по морю и ходя на кораблѣ, сохраняетъ скромную наружность; ибо умѣеть, думаю, рассчитать, что онъ не знаетъ, кому изъ своихъ спутниковъ принесъ пользу, не давъ имъ
512. утонуть, и кому вредъ, а знаетъ, что они сошли съ его корабля не лучшими по душѣ и тѣлу, какъ и взошли на него. Кораблеводитель размышляетъ, что кто, тѣлесно пораженный великими и неизлечимыми болѣзнями, не захлебнулся, тотъ жалокъ,—зачѣмъ онъ не умеръ, и тому не принесъ онъ пользы: да и тому, кто многія и неисцѣлимыя болѣзни нося въ душѣ, которая дороже тѣла, не долженъ жить,—и тому не принесъ бы онъ пользы, откуда бы ни исхитилъ
- V. его, изъ моря ли то, изъ судилища, или изъ какой другой бѣды. Знаетъ онъ, что человѣку развратному жить не лучше; ибо ему необходимо вести жизнь худо. Поэтому кораблеводителю, хотя онъ и спасаетъ насъ, не въ обычаѣ величаться. Да не въ обычаѣ это, любезный, и механику, который можетъ спасать не менѣе, какъ и военачальникъ, и самый кораблеводитель, и всякій другой; потому что иногда спасаетъ онъ цѣлые города. Не кажется ли тебѣ, что онъ идетъ въ сравненіе съ судебнымъ ораторомъ? И что

еще? еслибы захотѣлъ онъ говорить, что говорите вы, Калликълъ, и величаться своимъ дѣломъ; то закидалъ бы васъ словами, разсуждая и убѣждая, что надобно сдѣлать-ся механиками, и что все прочее ничтожно, — вѣдь рѣчь у него сильна. Однакожъ ты тѣмъ не менѣе презираешь и его самого, и его искусство, и имя механика произносишь какбы съ пренебреженіемъ, такъ что за его сына не захотѣлъ бы выдать своей дочери, а за своего—не рѣшился бы взять его дочь. Но если ты имѣешь причины хвалить свое; то по какой справедливой причинѣ презираешь механика и тѣхъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ? — Знаю, что скажешь: ты лучше ихъ и отъ лучшихъ приходишь. D. Но какъ скоро лучшее — не то, что лучшимъ называю я, какъ скоро добродѣтель состоитъ именно въ томъ, чтобы спасти себя и свое, каковъ бы кто ни былъ; то презрѣніе твое въ отношеніи къ механику, врачу и другимъ художникамъ, назначеннымъ для спасенія, становится смѣшнымъ. Смотри-ка, почтеннѣйшій, нѣтъ ли тутъ чего иного—благороднаго и добраго, кромѣ желанія спасти и спастись. Вѣдь истинному-то мужу надобно оставить заботу о томъ, чтобы E. жить какъ можно долѣе: онъ не долженъ быть животолубивъ, но, поручивъ пещись объ этомъ Богу и вѣря женщинамъ, что отъ судьбы никто не уйдетъ, обязанъ изслѣдовать, какимъ бы образомъ будущее время своей жизни провести наилучше? уподобляться ли тому обществу, въ которомъ живетъ? а тебѣ слѣдовательно не надобно ли дѣлаться сколько можно болѣе похожимъ на аѳинскій народъ, 513. если хочешь ему нравиться и имѣть великую силу въ городѣ? Но смотри, полезно ли это тебѣ и мнѣ. Знаешь, что случилось съ Фессалиянками, которыя, говорятъ, свели луну¹. Какъ бы намъ, дружище, пріобрѣтеніе этой силы въ

¹ Объ этомъ мнѣ см. Voss. ad Virg. Eclog. VIII. v. 69 sqq. Carmina vel coelo possunt deducere lunam. Поговорка «свести луну» у Грековъ обратилась въ пословицу. Suidas: ἐπὶ αὐτῶν τῆν αἰλήνην καθέλκεται αἱ τῆν αἰλήνην καθέλκουσαι Θεσσαλίαις; ἀγορεύει τῶν ἑρθεύμενων καὶ τῶν ποδῶν (Zeno-

- городъ не досталось съ потерю благъ драгоцѣннѣйшихъ. А если думаешь, что кто-нибудь изъ людей сообщитъ тебѣ такое искусство, которое, и при твоёмъ несходствѣ съ обществомъ—въ хорошемъ ли то или въ худомъ,—сдѣлаетъ
- В. тебя сильнымъ въ городѣ: то мнѣ кажется, ты невѣрно думаешь, Калликль; потому что надобно не подражать ему, а внутренно походить на него, когда хочешь войти въ искреннее дружество съ афинскимъ народомъ и даже, клянусь Зевсомъ, съ сыномъ Пирамповымъ. Итакъ, кто сдѣлаетъ тебя весьма похожимъ на нихъ, тотъ сдѣлаетъ тебя, чего самъ желаешь,—правителемъ и риторомъ: ибо каждый радъ слову, когда оно созвучно съ его наклоностью; а чуждое для ней всякому ненавистно. Развѣ скажешь что другое, любезная голова? Возразимъ ли противъ этого, Калликль?

Калл. Не знаю, какъ-то представляется, что ты, Сократъ, хорошо говоришь; однакожъ мое чувство—на сторонѣ большинства: я не очень вѣрю тебѣ.

- Сокр.* Конечно та, запавшая въ твою душу любовь къ народу противустоитъ мнѣ, Калликль: но если мы будемъ почаще и получше разсматривать это самое,—повѣришь.
- Д. Вспомни-ка,—мы назвали два способа попеченія какъ о тѣлѣ, такъ и о душѣ: одинъ печется объ ихъ удовольствіи, другой—объ ихъ улучшеніи, и не полагаетъ, а противится. Не это ли тогда опредѣлили мы?

Калл. Конечно.

Сокр. Ну такъ тотъ, что для удовольствія, неблагороденъ, и есть не болѣе, какъ ласкательство. Не такъ ли?

Калл. Если хочешь, пусть и такъ.

- Е. *Сокр.* А другой-то направляется къ тому ¹, какъ бы сдѣ-

βίαια (ἐπιθυμία) ἀποτρέφεται. Εἴρηται οὖν ἡ ποροῦσα ἐπὶ τῶν ἑαυτοῦ κατὰ ἐπισκοπῆν. Платонъ этимъ миеомъ выражаетъ слѣдующую мысль: смотри, Калликль, какъ намъ, вмѣстѣ съ властію въ обществѣ, не потерпѣть того же, что потерпѣли Фессаліянки, сведши луны съ неба; то-есть, какъ бы намъ чрезъ эту самую власть не лишиться чистоты сердца, здоровья души или добродѣтели.

¹ То-есть, τὸ αὐτὸ ἐπιδοῦναι, — вмѣстѣ въ виду, какъ бы сдѣлать ихъ наилучшими.

латъ ихъ наилучшими, — тѣло ли это будетъ, или душа, о чемъ мы заботимся?

Калл. Конечно.

Сокр. Но не такъ ли слѣдуетъ намъ взяться за попеченіе о городѣ и гражданахъ, чтобы сдѣлать ихъ гражданами наилучшими?—ибо безъ этого, если, то-есть, разсудокъ ихъ не будетъ добропорядоченъ, нѣтъ пользы, какъ мы прежде нашли, оказывать имъ какое-нибудь благодѣяніе, — давать много денегъ, ввѣрять надъ кѣмъ-либо власть, или облекать ихъ иною силою. Положимъ ли, что это такъ?

Калл. Конечно, если тебѣ угодно.

Сокр. Пусть же теперъ мы, занимаясь публично гражданскими дѣлами, приглашаемъ другъ друга къ домостроительству, къ построению либо стѣнъ, либо судовъ, либо храмовъ, — къ возведенію большихъ зданій. Не надлежало ли намъ сперва разсмотрѣть самихъ себя и испытать — во-первыхъ, знаемъ ли мы это строительное искусство, или не знаемъ, и у кого учились ему? Надлежало или нѣтъ?

Калл. Конечно.

Сокр. А во-вторыхъ слѣдующее: построили ли мы сами по себѣ когда-нибудь зданіе—либо кому изъ друзей, либо себѣ самимъ, и красиво ли то зданіе, или безобразно? Если чрезъ разсмотрѣніе откроется, что у насъ были отличные и славные учителя, что много прекрасныхъ зданій воздвигли мы вмѣстѣ съ учителями, а многія построили самостоятельно, когда уже оставили своихъ учителей; то, подъ условіемъ такого состоянія, благоразумно будетъ приступить намъ къ дѣламъ общественнымъ. А когда мы не можемъ указать ни на своихъ учителей, ни на какія-либо зданія, или, хотя и много ихъ, да они ничего не стоятъ; — благоразуміе вѣроятно уже не позволило бы намъ братья за дѣла общественныя и приглашать къ нимъ другъ друга. Справедливо ли это, скажемъ, или несправедливо?

Калл. Конечно.

Сокр. Не такъ ли бываетъ и все прочее, какъ было бы,

когда, принимаясь, напримѣръ, за общественную практику, мы бы, по обычаю искусныхъ врачей, пригласили другъ друга и разсматривали—я тебя, а ты меня: что, ради боговъ, самъ-то Сократъ каковъ въ тѣлесномъ своемъ здоровьѣ? притомъ, исцѣлилъ ли онъ отъ болѣзни кого другаго,—раба или свободнаго? Подобное этому и я изслѣдовалъ бы, думаю, Е. въ отношеніи къ тебѣ. И еслибы мы нашли, что чрезъ насъ по тѣлу лучшимъ не сдѣлался никто—ни изъ иностранцевъ, ни изъ Аѳинянъ, ни мужчина, ни женщина; то, ради Зевса, Калликлъ, не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ было бы дойти людямъ до такого безумія, что прежде чѣмъ удалось намъ многое произвести какъ-нибудь частно, многое совершить съ похвалою, успѣшно занявшись искусствомъ; мы, по пословицѣ-таки, беремся устроить гончарню въ бочкѣ¹,—рѣшаемся и сами имѣть общественную практику, и другихъ приглашать къ тому же? Не кажется ли тебѣ, что безумно было бы поступать такимъ образомъ?

515. *Калл.* Кажется.

Сокр. Но теперь, такъ какъ ты, наилучшій изъ людей, едва начавъ самъ участвовать въ дѣлахъ города, уже приглашаешь меня и укоряешь, что я не участвую въ нихъ,—теперь не разсмотрѣть ли намъ другъ друга? Что, Калликлъ сдѣлалъ ли лучшимъ кого-нибудь изъ гражданъ? Есть ли такой иностранецъ или Аѳинянинъ, рабъ или свободный, кто, прежде бывъ несправедливымъ, злымъ, развратнымъ и безразсуднымъ, чрезъ Калликла сталъ прекрасенъ и добръ? В. Положимъ, спросить тебя объ этомъ, Калликлъ: скажи мнѣ, что будешь отвѣчать,—кого назовешь, кто, чрезъ обращеніе съ тобою, сталъ человѣкомъ лучшимъ?—Медлишь отвѣтомъ, не знаешь, найдется ли такое дѣло въ частной твоей жизни, прежде чѣмъ взялся ты за дѣла общественныя?

Калл. Спорщикъ ты, Сократъ.

¹ Устроить гончарню въ бочкѣ. Объ этой пословицѣ см. примѣч. къ Лаксесу р. 187 В. *Erasm. Adagg.* р. 227.

Сокр. Однакожъ я спрашиваю-то не по любви къ спору, а потому, что дѣйствительно хочу знать, какимъ образомъ должно быть управляемо наше общество, и приступившій къ дѣламъ города будетъ ли у насъ имѣть, какую-нибудь иную заботу, кромѣ той, какъ бы намъ, гражданамъ, сдѣлаться наилучшими. Не согласились ли мы уже нѣсколько разъ, что въ этомъ именно состоитъ долгъ политика? Согласились или нѣтъ?—Отвѣчай.—Я за тебя отвѣчаю, что согласились.—Если же мужъ добрый обязанъ этимъ услуживать своему городу, то подумай теперь и скажи: тѣ мужи, о которыхъ недавно упоминалъ ты,—Периклъ, Кимонъ, Мильтиадъ,Themistocle, —еще ли кажутся тебе, были гражданами добрыми?

Калл. Мнѣ-то кажется.

Сокр. А если добрыми, то явно, что каждый изъ нихъ дѣлалъ худшихъ своихъ гражданъ лучшими. Дѣлалъ или нѣтъ?

Да.

Сокр. Когда, то-есть, Периклъ начиналъ говорить народу, Аѣниане были хуже, чѣмъ тогда, когда онъ оканчивалъ свою рѣчь?

Калл. Можетъ быть.

Сокр. Но на основаніи допущеннаго, говори уже не *можетъ быть*, а необходимо, какъ скоро онъ былъ добрымъ-то гражданиномъ.

Калл. Такъ что жъ?

Сокр. Ничего. Скажи-ка мнѣ къ этому вотъ что: говорятъ ли, что чрезъ Перикла Аѣвинне стали лучшими, или утверждаютъ противное,—что они испорчены Перикломъ ¹?

Е.

¹ Показавъ, что ораторы не должны льстить народу и стремиться къ личной пользѣ, Сократъ естественно не могъ уже одобрить управленія Периклова; потому что съ того самаго времени, какъ началъ Периклъ управлять республикою, Аѣниане стали болѣе и болѣе портиться нравственно,—предавались лѣности и праздности, непрестанно искали увеселеній, цѣлые дни проводили то въ театрахъ, то въ циркахъ, то въ общественныхъ собра-

Вѣдь я слышалъ, будто онъ сдѣлалъ Аѳинянъ лѣнивыми, робкими, болтливыми и жадными къ деньгамъ, потому что первый установилъ давать за службу жалованье ¹.

Калл. Ты, Сократъ, слушаешь людей съ проколотыми ушами ².

Сокр. Но я не только слышу это,—самъ ясно знаю, равно какъ и ты, что Периклъ сперва пользовался славой, и Аѳиняне, пока были хуже, не произносили никакого мнѣнія къ его безчестію, а при концѣ жизни Перикла, когда чрезъ него сдѣлались прекрасными и добрыми, обвинили его въ расхищеніи казны ³ и даже едва не наказали смертію,—разумѣется, какъ человѣка дурнаго.

Калл. Что жъ? повѣтому Периклъ былъ нехорошъ?

Сокр. Ну да попечитель объ ослахъ, лошадахъ, быкахъ,

ніяхъ, любилъ пустословить на площадяхъ, ὥστε αἰς οὐδὲν ἕτερον εὐχαίρων, ἢ λέγειν τε καὶ ἀκούειν καὶνότερον, оставили прежнюю простоту нравовъ и почитали дѣломъ моды убивать время, смотря по возрасту и наклонностямъ, либо въ игрѣ, либо въ сообществѣ съ гетерами. *Athen.* XII. 8. p. 532 D. Плутархъ замѣчаетъ (v. Periclis) что Периклъ сперва самъ причаля народъ къ такому роду жизни, желая нравиться ему καὶ πρὸς χάριν πολιτευθήναι, съ цѣлію одолѣть враждебныя себѣ партіи; а потомъ, когда власть его въ республикѣ утвердилась, онъ вздумалъ было стараться объ улучшеніи гражданъ, но уже не могъ измѣнить нравственнаго ихъ направленія и въ могилу сопровождаемъ былъ ропотомъ и недовольствомъ волновавшихся Аѳинянъ.

¹ По словамъ Ульпіана (ad orat. Demosth. περί τριτάτωνος), Периклъ ἔταξε μισθοφορὰν καὶ ἔδωκε τῷ δήμῳ στρατιωτικὴν p. 50. Ἰδίως τὸν μισθὸν τῶν στρατιωτικῶν οἱ πολλοὶ μισθοφορὰν ἕλεον. Но въ этомъ мѣстѣ Платонъ, повидимому, разумѣетъ вообще жалованье, или, можетъ быть, денежныя награды за службу. По крайней мѣрѣ Аристотель говоритъ о Периклѣ (Polit. I. 11) τὰ δεικαστήρια μισθοφορὰ κατέστησε Περικλῆς. Сравни. *Beckeri Anecd. T. I. p. 158. Μισθοφορὰ μισθῷ στρατιωτικῷ ἢ ὑπηρεσίῳ.*

² Калликлъ разумѣетъ Спартанцевъ См. прим. къ Прот. p. 342 В. Надъ такими людьми смѣется Аристофанъ (Auv. v. 1281). Калликлъ этими словами хотѣлъ выразить нерасположеніе свое къ строгому спартанскому образу мыслей и къ спартавской жизни.

³ Діодоръ (XII. с. 38 p. 306 В) рассказываетъ, что Периклъ присвоилъ себѣ значительную часть капитала, составленнаго союзными республиками, и не могши дать въ немъ отчета, возбудилъ Пелопонесскую войну. Обвинили его и въ утаеніи тѣхъ денегъ, на которыя Фидіасу положено было одѣть статую Минервы. *Diod.*

какъ попечитель, конечно показался бы нехорошимъ, если бы, принявъ ихъ нелягающимися, небодающими и некусаящими, довелъ до того, что они, по дикости, стали бы дѣлать все это. Развѣ не кажется тебѣ, что какой-нибудь попечитель о какомъ-нибудь животномъ—нехорошъ, когда, принявъ его хорошимъ, выставилъ болѣе дикимъ, чѣмъ ка-в. нимъ принялъ? Кажется, или нѣтъ?

Калл. Конечно,—чтобъ угодить тебѣ.

Сокр. Угоди же мнѣ отвѣтомъ и на это: принадлежитъ ли и человѣкъ къ числу животныхъ, или не принадлежитъ?

Калл. Какъ же не принадлежитъ!

Сокр. Но Периклъ не о людяхъ ли имѣлъ попеченіе?

Калл. Да.

Сокр. Что жъ? не надлежало ли имъ, какъ мы сейчасъ согласились, изъ несправедливыхъ сдѣлаться чрезъ него справедливые, если только онъ, бывъ въ политическомъ отношеніи добрымъ, имѣлъ о нихъ попеченіе? С.

Калл. Конечно.

Сокр. Но справедливые-то не кротки ли, какъ сказалъ Омиръ ¹? А ты что скажешь? Не такъ?

Калл. Такъ.

Сокр. Однакоже Периклъ выставилъ ихъ болѣе дикими, чѣмъ какими принялъ, — и притомъ къ себѣ самому, чего хотѣлъ онъ всего менѣе.

Калл. Хочешь, чтобы я согласился съ тобою?

Сокр. Если только кажется тебѣ, что я говорю правду.

Калл. Пусть ужъ такъ.

Сокр. А когда болѣе дикими, то не болѣе ли также несправедливыми и худшими?

Калл. Пускай. D.

¹ Сократъ указываетъ здѣсь на 119—121 стихи въ 6-й книгѣ Одиссеи:

Горе! къ какому народу зашелъ я! Быть можетъ, здѣсь область Дикихъ, незнающихъ правды людей? Или, можетъ быть, встрѣчу Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ.

Сокр. Но отсюда слѣдуетъ, что въ политическомъ отношеніи Периклъ не былъ добръ.

Калл. Какъ ты-то говоришь, такъ не былъ.

Сокр. Да и какъ ты, клянусь Зевсомъ, судя по допущеннымъ тобою положеніямъ. Но говори мнѣ еще и о Кимонѣ. Эти Афиняне, о которыхъ онъ имѣлъ попеченіе, не осудили ли его на изгнаніе, чтобы не слышать его голоса десять лѣтъ? Не то же ли самое сдѣлали они и съ Фемистокломъ, наказавъ его ссылкой? А Мильтиада марафонскаго Е. не приговорили ли бросить въ ровъ? да и бросили бы, — не вступись только предсѣдатель Пританіона ¹. Между тѣмъ, еслибы они были, какъ ты говоришь, мужи добрые, никогда не потерпѣли бы этого. Неужели добрые-то возничіе сперва не падаютъ съ двухконной повозки, а когда уже объѣздили лошадей и сами сдѣлались лучшими возничими, — падаютъ? Такъ не бываетъ ни въ какомъ другомъ дѣлѣ. Или тебѣ кажется?

Калл. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно прежнее наше положеніе, какъ вид-
517. но, справедливо, что въ этомъ городѣ мы не знаемъ ни одного человѣка, который въ смыслѣ политическомъ былъ бы добръ. Да и ты согласенъ, что, нынѣ по крайней мѣрѣ, такихъ нѣтъ, а прежде, говоришь, были, и представилъ упомянутыхъ нами мужей. Но эти мужи оказались равнаго достоинства съ нынѣшними; такъ что, если они были риторамы, то пользовались риторикою и не истинною, — иначе не пали бы, — и не спасительною.

Калл. Однакожъ никому изъ нынѣшнихъ, Сократъ, далеко В. не совершить такихъ дѣлъ, какія совершилъ любой изъ тѣхъ.

Сокр. Но вѣдь я порицаю ихъ, почтеннѣйшій, только какъ слугъ города, и мнѣ кажется, что нынѣшніе-то сдѣлались услужливѣе и способнѣе обогатить городъ тѣмъ, чего

¹ *Предсѣдатель Пританіона*, по-гречески просто $\delta \text{ прѣтанѣс}$, коего должность состояла въ позволеніи народу подавать голоса, ἐπιφηρίζων .

онъ желаетъ. А чтобъ ограничивать пожеланія и не позволять ихъ, убѣждая и принуждая гражданъ стремиться къ тому, отъ чего они вышли бы лучшими, — этимъ прежніе, просто сказать, нисколько не отличаются отъ нынѣшнихъ, хотя доброму гражданину свойственно это одно ¹. Вотъ что касается до построения кораблей, стѣвъ, флотовъ и многого другаго, С. то и я согласенъ съ тобою, что тѣ были успѣшнѣе этихъ. — Впрочемъ, ведя такъ разговоръ, мы — я и ты — дѣлаемъ что-то смѣшное, ибо во все время бесѣды не перестаемъ возвращаться къ одному и тому же предмету и оставаться въ невѣденіи того, что говоритъ каждый изъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты, кажется, уже нѣсколько разъ согласился и дозналъ, что дѣятельность въ отношеніи и къ тѣлу и къ душѣ бываетъ двойная, — слѣдующихъ видовъ: одна — услужливая, можно ли, напримѣръ, когда тѣла алчутъ, доставить имъ пищу, когда жаждутъ, — питье, когда зябнутъ, — одежду, постель, обувь и все другое, чего приходится желать тѣлу. (Я нарочно объясняю тебѣ тѣми же подобіями, чтобы ты легче понялъ). Кто доставляетъ это, тотъ — либо цѣловальникъ, либо купецъ ², либо производитель которой-нибудь изъ такихъ ве-

D.

¹ Платонъ различаетъ двѣ цѣли государственнаго правленія: первую — *τὴ τῆς πόλεως*; и вторую — *εὐταρίαν τῶν πόλεως δικαίῃν*. Первой цѣли правитель достигаетъ тогда, когда сословія общества обогащаетъ внѣшними или материальными благами; а къ послѣдней идетъ онъ, улучшая нравственное состояніе гражданъ. Знаменитые вожди Афинянъ въ прежнія времена, говоритъ Платонъ, дѣйствительно многое дѣлали для тѣла — *πρὸς τὰ τῆς πόλεως*, то-есть прославили общество силою оружія, ободрили и распространили его торговлю, доставили ему разнообразныя удобства жизни: но нима въ виду только это и не заботясь о внутреннемъ или нравственномъ улучшеніи гражданъ, — *εὐταρίᾳ τῆς πόλεως*, они дѣлали обществу болѣе вреда, чѣмъ пользы; потому что нравственно-худымъ людямъ богатство, внѣшняя слава и проч. служатъ не въ помощь, а въ погибель.

² Въ коммерческомъ сословіи афинскаго народа Платонъ различаетъ два рода продавцовъ. Перваго рода продавцы — *ἑμποροὶ*, по нашему, купцы, занимающиеся оптовою торговлею, — это биржевые агенты въ мѣрѣ коммерческомъ; она продаютъ товары не называя достоинства самыхъ товаровъ. Другой классъ продавцовъ — *καπηλοὶ*, или торговцы мелочные, которые, покупая предметы торговли оптомъ, продаютъ ихъ по частямъ, высшею цѣною, и сверхъ того смѣшиваютъ, поддѣлываютъ и, такимъ образомъ уменьшая внутреннюю

щей, напрімѣръ, или хлѣбникъ, или поваръ, или ткачь, Е. или сапожникъ, или кожевникъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что такой человекъ окажется попечителемъ тѣла—и себѣ, и другому, и каждому; онъ не знаетъ, что, кромѣ всѣхъ этихъ занятій, есть искусства гимнастическое и врачебное, которыя имѣють истинное попеченіе о тѣлѣ, которыя должны начальствовать надъ всѣми тѣми искусствами и пользоваться ихъ дѣлами съ сознаниемъ того, что такая-то пища, 518. либо такое-то питье полезно для крѣпости тѣла, или вредно, тогда какъ тѣ другія искусства не знаютъ этого. И вотъ почему тѣ другія искусства въ своей дѣятельности касательно тѣла суть рабскія, услуживающія и несвободныя, а гимнастическое и врачебное въ отношеніи къ нимъ справедливо почитаются господствующими. То же самое и въ разсужденіи души. Да иногда ты, кажется, и понимаешь мои слова и соглашаешься, какбы зная, что я говорю; а потомъ, немного спустя, приходишь къ мысли, что въ городѣ бывали гражда- в. не прекрасные и добрые. Но когда я спрашиваю, кто они, ты указываешь мнѣ, повидимому, на такихъ же людей въ отношеніи къ дѣламъ политическимъ, какъ еслибы я спросилъ тебя о дѣлахъ гимнастическихъ, кто были, или теперь есть попечители тѣла, а ты очень серьезно отвѣчалъ бы мнѣ: хлѣбникъ Теоріонъ, описатель повареннаго дѣла въ Сициліи, Миоэкъ, и торговецъ Сарамвъ, говоря, что они-то дивно пеклись о тѣлахъ, — одинъ приготавливалъ чудесный хлѣбъ, дру- с. гой—кушанье, третій—вино. Можетъ быть, въ то время тебѣ стало бы досадно, еслибы я сказалъ на это: человекъ! ты насколько не знаешь гимнастики, когда называешь людей, услуживающихъ и угождающихъ пожеланіямъ, въ которыхъ они не смыслятъ ничего прекраснаго и добраго. Такіе искусники, хвалимые нами, если случится, наполнивъ и начинивъ тѣла

дѣяность продаваемыхъ вещей, чрезъ то самое теряють уваженіе къ себѣ общества. По крайней мѣрѣ у Грековъ *κέρτοι* не пользовались выгоднымъ мнѣніемъ согражданъ. *Heindorf. ad h. l. ad Horat. Satyr. 1, 1, 6. къ Протар. 372 С.*

людей, готовы истребить въ нихъ и давнюю плоть: начиненные же будутъ виновниками болѣзней и потери прежняго тѣла, по неопытности почитать не угощателей, а тѣхъ, кому придется при нихъ быть и что-нибудь совѣтовать, тогда какъ пресыщеніе, не соображенное съ здоровьемъ, повергло уже ихъ въ болѣзненное состояніе на все послѣдующее время. Этихъ стануть они обвинять, бранить и даже, если можно, причинять имъ зло, а первыхъ, дѣйствительныхъ виновниковъ зла, превозносить похвалами. Очень подобное этому дѣлаешь теперь и ты, Каллигъ: хвалишь такихъ людей, которые на своихъ пирахъ угощали Аѳинянъ всѣмъ, чего имъ хотѣлось. И вотъ говорить, будто они сдѣлали городъ великимъ; а что этотъ городъ опухъ и что тѣ прежніе только прикрыли его раны ¹, того не замѣчаютъ. Безъ всякой разсудительности и справедливости, они наполнили его гаванями, флотами, стѣнами, пошлинами и другими подобными пустяками: а какъ наступить этотъ привальъ слабости,—стануть обвинять тогдашнихъ совѣтниковъ; Эемистокла же, Кимона и Перикла — дѣйствительныхъ виновниковъ зла, будутъ превозносить похвалами. Можетъ быть, возмутъ и тебя, если не поостережешься, и друга моего Алкивіада ², когда для новыхъ пріобрѣтеній потеряютъ прежнія, хотя вы — не производители зла, а развѣ помощники ихъ. Впрочемъ вижу, в. бываетъ нѣчто безразсудное и теперь, что, слышу, бывало

¹ *Опухъ—прикрыли раны.* Эту мысль Платонъ весьма вѣтко выражаетъ только двумя чрезвычайно знаменательными словами: *οἶδαί καί ὑποκρίεσθαι*. Аѳинская республика, во времена Перикла, по вѣшнему своему состоянію, казалась сильною, цвѣтущею, богатою и, по своему тогдашнему вліянію, обширною. Но такъ какъ внутри ея развивался развратъ, кипѣли страсти, обобщались самыя низкія злоупотребленія, и пороки, растлѣвавшіе внутреннюю пружину государственной жизни, скрываясь подъ благообразными формами вѣшности, не почитались уже пороками; то вѣшнее благоденствіе аѳинской республики дѣйствительно было не иное что, какъ болѣзненная пухлость и красивая накладка на гніющихъ и смрадныхъ ранахъ общественнаго тѣла.

² Платонъ указываетъ безъ сомнѣнія на экспедицію противъ Сициліи, которую предпринять присовѣтовалъ Аѳинянамъ Алкивіадъ, и которая, какъ извѣстно, была весьма гибельна для Аѳинянъ.

съ мужами древними. Замѣтно вѣдь, что когда городъ съ кѣмъ-либо изъ политиковъ поступаетъ, какъ съ обидчикомъ, иные досаждаютъ и жалуются, что терпятъ притѣсненіе: вотъ мы, говорятъ, сдѣлали городу много добра, и однакожъ несправедливо гибнемъ отъ него. А это — совершенная ложь. Ни одинъ начальникъ никогда не гибнетъ

C. несправедливо отъ того самаго города, надъ которымъ начальствуетъ. Съ людьми, выдающими себя за политиковъ, должно быть, случается то же самое, что съ софистами. Вѣдь и софисты, сколь ни мудры впрочемъ они, въ этомъ поступаютъ бозтолково: называя себя учителями добродѣтели, эти наставники часто жалуются на своихъ учениковъ, что они обижаютъ ихъ, — не платятъ имъ денегъ, и вообще остаются неблагодарными за оказанныя имъ благодѣянія. Можетъ ли что-нибудь быть несообразнѣе этихъ рѣчей? Чтобы люди, сдѣлавшись добрыми и справедливыми, из-

D. бавившись отъ несправедливости чрезъ своего учителя и стяжавъ справедливость, стали обижать тѣмъ, чего не имѣютъ? Не кажется ли тебѣ это безтолковымъ, другъ мой? — Не желая отвѣчать, ты, Калликлъ, уже въ самомъ дѣлѣ заставилъ меня ораторствовать.

Калл. А развѣ ты не можешь говорить, если тебѣ не отвѣчаютъ?

Сокр. Походитъ-таки; теперь же протянулъ такую длинную рѣчь — именно потому, что не хочешь отвѣчать. Но скажи, ради покровителя дружбы, добрый человекъ, не кажется ли тебѣ несообразнымъ — говорить, что такого-то сдѣлали мы добрымъ, и потомъ порицать его за то, что, бывъ чрезъ насъ и будучи добръ, онъ является злымъ?

Калл. Мнѣ кажется.

Сокр. А не слышишь ли, что такъ говорятъ люди, по слову 320. вамъ ихъ, наставляющіе другихъ въ добродѣтели?

Калл. Слышу. Но зачѣмъ упоминать о людяхъ ничтожныхъ¹?

¹ Этотъ отзывъ Калликла о софистахъ, какъ о людяхъ ничтожныхъ, въ-

Сокр. Зачѣмъ же самъ упоминаешь о тѣхъ, которые, говоря, что начальствуютъ надъ городомъ и заботятся, какъ бы быть ему наилучшимъ, при случаѣ снова обвиняютъ его, какъ общество негоднѣйшее? Последніе развѣ, думаешь, отличаются отъ первыхъ? Софистъ и риторъ — одно и то же, почтеннѣйшій, по крайней мѣрѣ нѣчто близкое и сходное, какъ я говорилъ Полосу. А ты, по незнанію, первое, то-есть риторикѣ, считаешь чѣмъ-то прекраснымъ, а другое порицаешь. На самомъ дѣлѣ, софистика даже лучше риторики, какъ законоположница лучше судебницы, гимнастика лучше медицины. Для однихъ ораторовъ и софистовъ я и считалъ непозволительнымъ порицать гражданъ за то, чему сами учатъ ихъ, что, то-есть, въ отношеніи къ своимъ учителямъ они — зло. Иначе, на этомъ же основаніи имъ слѣдовало бы порицать и самихъ себя, что они нисколько не принесли пользы тѣмъ, для кого обѣщались быть полезными. Не такъ ли?

Калл. Конечно.

С.

Сокр. Имъ-то однимъ повидимому и свойственно было благодѣтельствовать безъ награды, если они говорили правду; ибо облагодѣтельствованный какъ-нибудь иначе, напримѣръ, получившій отъ педотрива способность скоро ходить, можетъ быть, имѣлъ бы еще возможность лишить его благодарности, когда бы педотривъ, преподавъ ему это искусство и сошедшись съ нимъ въ цѣнѣ, получилъ деньги не въ ту самую минуту, когда преподавалъ¹: потому что люди поступаютъ несправедливо, думаю, не медленностію, а несправедливостію. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Итакъ, кто уничтожаетъ это самое, — несправедли-

роятно, относится къ Протагору, Продикѣ и другимъ, которые называли себя учителями добродѣтели; ибо Горгіасъ, по его объявленію, былъ учитель не добродѣтели, а риторики и гражданскаго краснорѣчія. Мен. р. 95 С.

¹ Мысль та, что ученикъ педотрива, научившись отъ него скоро ходить, въ доказательство своихъ успѣховъ въ бѣганьи, могъ бы уйти отъ него, не заплативши денегъ.

вость, тому нечего бояться, какъ бы не поступили съ нимъ несправедливо: лишь бы только свое благодѣяніе дѣлалъ оцъ навѣрное, если кто-нибудь по истинѣ можетъ дѣлать людей добрыми. Не такъ ли?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Поэтому-то, видно, за деньги подавать какіе-либо другіе совѣты, напримѣръ, касательно домостроительства и подобныхъ искусствъ, — нисколько не постыдно.

Е. *Калл.* Да, видно.

Сокр. А касательно этого-то дѣла, то-есть, какимъ бы образомъ быть человѣкомъ наилучшимъ и превосходно управлять своимъ домомъ или городомъ, признано за постыдное не совѣтовать, если не даютъ денегъ. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Вѣдь явно, что по этой-то причинѣ упомянутое благодѣяніе само возбуждаетъ въ облагодѣтельствованномъ желаніе заплатить за него; такъ что сдѣлавшій добро — если за свое благодѣяніе вознаграждается, — это уже хорошій знакъ, а когда не вознаграждается, — нехорошій. Такъ ли бываетъ?

521. *Калл.* Такъ.

Сокр. Опредѣли же мнѣ: къ какой гражданской службѣ приглашаешь меня? Къ той ли, въ которой я, какъ бы врачъ, долженъ бороться съ Аѳинянами, чтобы они были людьми наилучшими, или къ той, въ которой надобно прислуживаться и говорить имъ угодное? Скажи мнѣ правду, Калликлъ. Вѣдь если ужъ ты началъ говорить со мною откровенно, то по справедливости обязанъ наконецъ высказать, что думаешь. Скажи же дѣльно и искренно.

В. *Калл.* Изволь, говорю, что къ той, въ которой надобно прислуживаться.

Сокр. Стало быть, ты приглашаешь меня къ ласкательству, благороднѣйшій человѣкъ?

Калл. Когда тебѣ нравится, Сократъ, такого человѣка

называть Мидяниномъ ¹, — пускай. Но если этого-то не будешь дѣлать?

Сокр. Не говори, что говорилъ уже многократно, то-есть, меня убьетъ всякій, кто захочетъ, — чтобы и я опять не сказалъ: злой—доброга; или: у меня отнимутъ имущество, — чтобы и мнѣ снова не пришлось сказать: отнявшій не найдеть, что дѣлать съ отнятымъ, и какъ несправедливо у меня с. отнялъ, такъ несправедливо будетъ и пользоваться полученнымъ, — а если несправедливо, то и постыдно, если постыдно, то и дурно.

Калл. Какъ ты увѣренъ, Сократъ, кажется мнѣ, что ничего такого не случится, будто живешь далеко и не можешь быть приведенъ въ судъ, положимъ, какимъ-нибудь злона- намѣреннымъ и дурнымъ челоуѣкомъ!

Сокр. Стало быть, я въ самомъ дѣлѣ глупъ, Калликъ, если не думаю, что въ этомъ городѣ могутъ быть случайности, которыя кто-нибудь испытываетъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно то, что когда я пойду въ судъ, подвергаясь д. которой-либо изъ упомянутыхъ тобою опасностей, — вводящій меня будетъ челоуѣкъ злой; потому что ни одинъ добрый не захочетъ ввести невиннаго. Да и не было бы ничего страннаго, еслибы я долженъ былъ умереть. Хочешь ли, скажу тебѣ, почему ожидаю этого?

Калл. И очень.

¹ Племя Мидянъ у Грековъ вошло въ пословицу, какъ низкое и презрѣнное. Пословица *Μυδῶν ὁ ἴσχατος*, часто повторяема была и другими писателями, и Платономъ (*Theaetet.* р. 209 В). Имя Мидянъ Грекамъ не нравилось; а ласкательства мидійскаго они, какъ видно, не чуждались, хотя никакъ не соглашались называть это ласкательствомъ. На счетъ Мидянъ у Грековъ была и другая пословица: *Μυδῶν λεία*, по объясненію Свиды, *παροιμία ἐπὶ τῶν κακῶς διαρπαζομένων. Οἱ γὰρ περίοικοι κατ'ἐκεῖνον τὸν χρόνον τοῦς Μυδοῦς ἐληίζοντο*. Эту пословицу Корнаріій и Казавбонъ вносятъ и въ настоящій текстъ, ибо читаютъ его такъ: *εἰ μὴ σοὶ Μυδῶν γίγνεται ἡδίστη λεία*. Олимпіодоръ соглашается эти тексты и смыслы слѣдующимъ образомъ: *Ἡ παροιμία αὕτη ἐκ τοῦ Τηλέφου ἐστὶν Εὐριπίδου. Ἐκεῖ γὰρ ἔρωτᾷ τι; παρὶ τοῦ Τηλέφου, καὶ ῥησι τὸ Μυδῶν Τηλέφου. εἶτε δὲ Μυδοῦς ἦν εἶτε ἄλλοθεν ποδῆν, πῶς ἐτε ὁ Τηλέφους γυμνάζεται. οὕτω καὶ ἐνταῦθα εἶτε κόλακα θίλεις εἶπειν τὸν τοιοῦτον, εἶτε διάκονον, εἶτε δοτικόν, δεῖ, ῥησὶν ὁ καλλικλῆς, τοιοῦτον εἶναι παρὶ τῶν πόλει.*

Сокр. Я, съ немногими, думаю, Аеинянами, чтобъ не сказать,—одинъ изъ нынѣшнихъ Аеинянъ, берусь за истинно-политическое искусство и совершенно политическія дѣла. А такъ какъ всегда высказываемыя мною мысли высказываются не въ угожденіе и не для удовольствія, а для цѣли наилучшей,—ибо я не хочу дѣлать то, что ты совѣтуешь, дѣлать этотъ высокопарный вздоръ;—то въ судѣ мнѣ и нечего будетъ отвѣчать. Придется говорить то же, что сказалъ я Полосу¹: надо мною произведенъ будетъ судъ, какъ, по обвиненію повара, дѣти производили бы судъ надъ врачомъ. Смотри самъ, что могъ бы сказать въ свое оправданіе такой человекъ, взятый по такому дѣлу, еслибы, то-есть, кто-нибудь обвинялъ его и говорилъ: дѣти! этотъ и вамъ самимъ надѣлалъ много зла, и портитъ юнѣйшихъ между вами; онъ и рѣжетъ, и жжетъ, и изсушаетъ, и душитъ, — не знаешь, что дѣлать, — даетъ самые горькіе напитки, принуждаетъ алкать и жаждать, тогда какъ я услаждаю васъ многими и различными удовольствіями. Опутанный такимъ обвиненіемъ, что, по твоему мнѣнію, можетъ сказать врачъ? Положимъ, скажетъ онъ правду: все это дѣлалъ я, дѣти, для вашего здоровья;—сколько, думаешь, крику поднимутъ такіе судьи! Не много ли?

Калл. Можетъ быть; да и вѣдомо.

Сокр. И какъ тебѣ кажется, не будетъ ли онъ въ величайшемъ затрудненіи, что ему дѣлать?

Калл. Конечно.

Сокр. Такое именно состояніе достанется, знаю, испытать и мнѣ, когда войду въ судилище. Вѣдь я не могу исчислить тамъ доставленныхъ имъ удовольствій, которыя они называютъ благодѣяніями и пользами, да и не завидую ни тѣмъ, кто доставляетъ ихъ, ни тѣмъ, кому онѣ доставляются. И если скажутъ, что я порчу иногда младшихъ, привождая ихъ въ недоумѣніе, иногда старшихъ, заставляя ихъ частно

¹ Указывается р. 464 D. *ὅστ' εἰ δέοι ἐν παύσι διαγωνίζεσθαι ὀφροπότον τε καὶ ἰατρον* и. т. л.

и всенародно произносить горькое слово; то мнѣ не вымолвить ни истины, что все это говорю я справедливо и поступаю такъ именно для васъ, судьи,—ни чего-либо другаго, но, можетъ быть, придется терпѣть, что бы ни случилось. С.

Калл. И тебѣ кажется, Сократъ, что такое состояние человѣка въ городѣ, такое безсиліе его помочь самому себѣ, есть дѣло хорошее?

Сокр. Да, если только въ немъ имѣется то, Калликль, на что ты многократно соглашался,—если, то-есть, онъ помогъ себѣ тѣмъ, что и не говорилъ и не дѣлалъ ничего несправедливаго, какъ въ отношеніи къ людямъ, такъ и въ Д. отношеніи къ богамъ. Вѣдь подобная помощь уже много разъ признана нами за превосходнѣйшую. Итакъ, когда бы доказали мнѣ, что такой помощи я не могу подать ни себѣ, ни другому, то обличенный и предъ многими, и предъ немногими, и глазъ на глазъ, я стыдился бы и, случись, что чрезъ это безсиліе надлежало бы умереть, — мнѣ было бы досадно. Но если необходимость велитъ подвергнуться смерти по недостатку льстивой риторики, то знаю, увидишь, что смерть я перенесу равнодушно; ибо кто не все безразсуденъ и малодушенъ, тотъ самой смерти не боится, а боится несправедливости. Вѣдь только душѣ, преисполненной многими неправдами, идти въ преисподнюю есть крайнее изъ всѣхъ золъ. А что это такъ, хочешь ли, передамъ тебѣ сказаніе?

Калл. Да, если другое-то кончилъ, кончи и это.

Сокр. Выслушай же прекрасное, какъ говорится, сказаніе¹, которое ты сочтешь, думаю, за басню, а я называю

¹ Слѣдуетъ прекрасное, поэтически и мифически изложенное преданіе о судьбѣ душъ послѣ этой жизни. Подобный рассказъ предлагаетъ Платонъ въ Федонѣ р. 107 D sqq. и въ Политикѣ р. 614 sqq.; но каждый изъ этихъ рассказовъ имѣетъ свои особенности, примѣнительно къ цѣли діалога. Внесенное здѣсь слово *какъ говорится*, *raci*, было обыкновеннымъ, проverbsальнымъ началомъ историческаго либо баснословнаго рассказа. Tim. р. 20 D. Сказаніе — здѣсь *μῦθος*, сказка не сказка, а присказка. Legg. IX р. 872 D. Phaedon. р. 61 D.

сказаніемъ; потому что предположенное буду рассказывать тебѣ, какъ дѣйствительную истину. По словамъ Омира, владычество (надъ землею), принятое отъ отца, раздѣлили между собою Зевсъ, Посидонъ и Плутонъ. У Кроноса же касательно людей всегда былъ, да и теперь еще между богами есть слѣдующій законъ: человѣку, проведшему жизнь праведно и свято, когда онъ умретъ, переселяться на острова блаженныхъ и тамъ обитать во всякомъ благоденствіи, въ золѣ; а жившему неправедно и безбожно идти въ узилище истязанія и казни, называемое тартаромъ. Судьями ихъ и при Кроносѣ, да и послѣ уже, въ царствованіе Зевса, были жившіе тогда судьи живыхъ, и судили они ихъ въ тотъ самый день, въ который надлежало имъ умереть. Поэтому судъ производился худо. Тогда Плутонъ и попечители съ острововъ блаженства пришли къ Зевсу и сказали, что къ нимъ въ С. то и другое мѣсто переселяются люди не по заслугамъ. — А вотъ я прекращу это, сказалъ Зевсъ. Теперь судъ въ самомъ дѣлѣ производится нехорошо; потому что судимые, говоритъ, судятся одѣтые ¹, поколику судятся живые. Теперь многіе, примолвилъ онъ, имѣя души лукавыя, являются облеченными въ прекрасныя тѣла, въ благородное происхожденіе и богатство. Поэтому, когда настаетъ судъ, приходитъ къ нимъ множество свидѣтелей, которые свидѣтельствуютъ, что они прожили вѣкъ праведно. Судьи D. увлекаются ими — тѣмъ болѣе, что и сами производятъ судъ одѣтые, поколику душа ихъ облечена глазами, ушами и цѣлымъ тѣломъ. Это-то все, — и собственные ихъ одежды, и облаченія судимыхъ, — мѣшаетъ имъ (видѣть истину).

¹ Подъ именемъ одежды Платонъ разумѣетъ здѣсь не только тѣло и его наружность, но еще болѣе — внѣшнія преимущества рожденія и происхожденія, также богатство и гражданскія связи. Все это нерѣдко скрываетъ отъ судей безобразіе, невѣжество, тупость и низость душъ, такъ что судьи, смотря на людей съ лица, или съ внѣшней ихъ стороны, нерѣдко худое принимаютъ за хорошее, а хорошее за худое. Счастливы тѣ прозорливцы, которымъ зрѣніе такъ остро, что не задерживается этими внѣшними покрывами!

Итакъ сперва надобно, говорить, остановить въ нихъ дѣйствіе способности предузнавать смерть; теперь вѣдь они предузнаютъ ее. Да Прометею уже и сказано, чтобы онъ остановилъ эту способность.—Потомъ должно судить ихъ, Е. обнаживъ отъ всего такого; то-есть, подвергаться суду должно имъ по смерти. Равнымъ образомъ и судѣ слѣдуетъ быть нагимъ, — умершимъ, слѣдуетъ созерцать душу душею — тотчасъ, какъ скоро человѣкъ умеръ. Чтобы судъ его былъ справедливъ, ему надобно отчуждаться отъ всѣхъ родственниковъ и оставить на землѣ всѣ тѣ убранства. Для сего, узнавъ объ этомъ прежде васъ, я сдѣлалъ судьями своихъ сыновей—двухъ изъ Азіи ¹—Миноса и Радаманта, ^{524.} и одного изъ Европы—Эака. Послѣ своей смерти они будутъ судить въ полѣ ², на распутіи, откуда идутъ двѣ дороги: одна—на острова блаженныхъ, а другая—въ тартаръ. Азійцевъ будетъ судить Радамантъ, а Европейцевъ—Эакъ; Миносу же я дамъ власть досуживать—въ томъ случаѣ, когда кто-либо изъ тѣхъ двухъ будетъ находиться въ недоумѣніи, чтобы сужденіе о переселеніи людей было самое справедливое.

Вотъ что я слышалъ и почитаю справедливымъ, Калликъ. А изъ этого сказанія вытекаетъ, думаю, слѣдующее в. заключеніе. Смерть, мнѣ кажется, есть не иное что, какъ взаимное отрѣшеніе двухъ вещей,—души и тѣла. Но когда онѣ отрѣшаются одна отъ другой, тогда каждая изъ того со-

¹ Миносъ и Радамантъ — оба были Критяне, слѣдовательно Европейцы. Почему же мнѣ поставилъ ихъ судьями надъ жителями Азіи? Это объясняютъ тѣмъ, что, по матери, они были Азійцы, ибо родились отъ Европы, сестры Кадма Финнійскаго (Eustath. in *Iliad.* p. 982). Миносъ на островѣ Критѣ почитался не туземцемъ, а пришлецомъ. Strab. X. p. 477. Притомъ Критѣ могъ быть въ тѣ времена причисленъ къ Азіи. Напротивъ Эакъ, сынъ Юпитера отъ Эгины, былъ эгинскимъ царемъ и считался самымъ благочестивымъ между Греками (*Plutarch. Vit. Thea.* p. 5 A).

² *Въ поле*, или на лугу, *in tō laibōi*. Объ этомъ мѣстѣ, откуда идутъ дороги въ элизіумъ и въ тартаръ, см. *Virgil. Aen. VI v. 540 sqq.* О немъ упоминается также *de Rep. X. p. 616 B*; а въ Аксіохѣ онъ называется *ἡ λαιβὸν τῆς δικαιοσύνης*, гдѣ то есть *φύλαξις κηλεῖται*. Сравни. *Ast. ad Phaedrum.* p. 305 sq.

- стоянія, въ которомъ находилась при жизни человѣка, теряетъ немногое. Именно, тѣло сохраняетъ и свою природу, и служебные признаки, и естественныя свойства, —
- C. все видимое. Если напримѣръ, либо отъ природы, либо отъ пищи, либо отъ того и другаго, чье-нибудь тѣло было велико при жизни, то оно остается великимъ и по смерти; если было тучно (у живаго), то тучно и у мертваго; такъ и все другое. Кто заботился, положимъ, о выращеніи волосъ, у того и трупъ волосать; или опять, кто при жизни получалъ побои и носилъ знаки ударовъ, — язвы на тѣлѣ — либо отъ бичей, либо отъ ранъ, тѣло того человѣка и по смерти представляетъ то же самое; или еще, — кто, живя, имѣлъ
- D. нереломленные либо изуродованные члены, у того и у мертваго видно это же. Однимъ словомъ: въ какое состояніе поставлено было тѣло живое, въ такомъ же по всему, или по многому, нѣсколько времени оказывается оно и мертвое. Это-то самое надобно, кажется мнѣ, Калликль, сказать и о душѣ. Въ душѣ все становится явнымъ, когда она обнажается отъ тѣла, — и то, что душею человѣкъ получилъ отъ природы, и тѣ свойства, которыя прибрѣлъ онъ чрезъ занятіе какимъ-либо дѣломъ. Итакъ, когда люди приходятъ къ судѣ, напримѣръ, азійскіе — къ Радаманту; тогда Рада-
- E. мантъ становитъ ихъ подлѣ себя и смотритъ душу каждаго. Не зная, чья извѣстная душа, а между тѣмъ нерѣдко принимая душу великаго царя, или иного государя, либо властелина, онъ не замѣчаетъ въ ней ничего здраваго, но видитъ, что она избита, что отъ вѣроломства и несправедливости она
525. покрыта язвами, которыя въ каждомъ изъ пришедшихъ напечатлѣла на ней его дѣятельность, что отъ лжи и тщеславія все въ ней криво и нѣтъ ничего прямаго, потому что она воспитана безъ истины, что отъ своеволія, роскоши, сладострастія и невоздержанія она преисполнена несоразмѣрностей и срамоты въ дѣйствіяхъ¹. Нашедши же ее такую, Рада-

¹ Это прекрасное мѣсто, изображающее *идею*, какъ душа уродуется и обезображивается многоразличными страстями и пороками, каковыхъ язвъ

мантъ съ безчестіемъ отсылаетъ ее прямо подъ стражу, куда пришедши, она должна переносить заслуженныя страданія. — А всякому, находящемуся подъ наказаніемъ, кто наказывается справедливо, надлежитъ или сдѣлаться лучшимъ и усовершиться, или служить примѣромъ для другихъ, чтобы другіе, видя претерпѣваемые имъ страданія, боялись и становились лучшими. Наказываемые богами и людьми, и чрезъ то получающіе пользу суть тѣ, которые дѣлали грѣхи исцѣлимые. Мученія и страданія бываютъ полезны для нихъ и здѣсь, и въ преисподней; а иначе нельзя вѣдь избавиться отъ неправды. Напротивъ отъ тѣхъ, которые совершали крайнія несправедливости и чрезъ такія неправды сдѣлались неисцѣлимыми, берутъ примѣры другіе. Сами они, какъ неисцѣлимые, уже не получаютъ никакой пользы; но другіе получаютъ, поколику смотрятъ на нихъ, какъ они за свои грѣхи во все время терпятъ величайшія, тягчайшія и ужаснѣйшія мученія, вися тамъ, въ узилищѣ преисподней, просто для примѣра, и всѣмъ приходящимъ туда неправеднымъ служа зрѣлищемъ и урокомъ. Однимъ изъ нихъ будетъ, думаю, и Архелай, если Полось говоритъ правду, и всякій другой, бывшій такимъ тиранномъ. И мнѣ кажется, что подобныя примѣры изъ жизни тиранновъ, царей, влестелиновъ и правителей дѣла въ городахъ были многочисленны; потому что, пользуясь властію, эти люди совершаютъ величайшіе и нечестивѣйшіе грѣхи, о чемъ свидѣтельствуешь и Омиръ¹. Онъ воспѣлъ, что цари и влестелины, Танталъ, Сизифъ и Титій, вѣчно наказываются въ преисподней; а

однакоже, гнушаясь ими въ тѣлѣ, мы не замѣчаемъ въ душѣ, — было предметомъ подражанія для писателей послѣдующихъ. Снес. *Jacoby*. ad Antholog. VI. 1. p. 70. III. 1. p. 144. Понятіе о *несообразности* въ душѣ взято съ музыки. Какъ добродѣтель, состоящая въ нѣкоемъ музыкальномъ согласіи дѣйствій, свидѣтельствуешь о гармоніи душевныхъ силъ: такъ пороки, увлекающіе дѣятельность къ односторонности — къ какой-нибудь преобладающей страсти, служатъ показателями расстройства способностей души, поколику, то-есть, однѣ изъ нихъ брошены и глохнутъ, а другія слишкомъ напряжены и заглушаютъ.

¹ Здѣсь Платонъ имѣлъ въ виду *Odyss.* г. в. 575 sqq.

Оерситъ, да и ни одинъ лукавецъ изъ частныхъ людей не подвергается величайшимъ казнямъ, какъ челоѡкъ неисцѣлимый, ибо не имѣлъ, думаю, силы, а потому сталъ блаженнѣе тѣхъ, которые пользовались властію. Да, Калликлъ, изъ сильныхъ-то людей и выходятъ большіе злодѣи. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ быть и между ними 526. мужамъ добрымъ, и они достойны всякаго удивленія, когда бываютъ такими; потому что трудно, Калликлъ, и особенно достохвально, — при великой власти дѣлать неправду, провести жизнь праведно. Такихъ является немного. Если прекрасные и добрые люди, въ отношеніи къ добродѣтели — справедливо вести ввѣренныя имъ дѣла, бывали тамъ и в. тутъ; то они, думаю, будутъ и послѣ. Однимъ изъ нихъ и очень знаменитымъ, даже между всѣми Греками, должно почитать Аристида, сына Лизимахова; многіе же изъ властителей, почтениѣйшій, — обыкновенно люди злые. И такъ когда тотъ Радамантъ, сказалъ я, беретъ кого-либо изъ подобныхъ смертныхъ, тогда не знаетъ о немъ ничего, — ни кто онъ, ни изъ какого рода людей, а знаетъ только, что онъ золь, и, видя это, кладетъ на немъ знакъ, исцѣлимымъ ли почитаетъ его, или неисцѣлимымъ, и отсылаетъ его въ с. тартаръ, куда пришедши, онъ терпитъ, что ему слѣдуетъ. Если же, напротивъ, судья видитъ иногда мужа, прожившаго свято и согласно съ истиною, — говорю о душѣ челоѡка частнаго ли то, или какого другаго, а особенно философа, Калликлъ, который дѣлалъ въ жизни свое и не входилъ въ дѣла, его некасающіяся; — то радуется и отсылаетъ его на острова блаженныхъ. Точно такъ поступаетъ и Эакъ. Оба они судяты, съ жезломъ въ рукахъ; а Миносъ сидитъ одинъ, держа золотой скипетръ, и наблюдаетъ, какъ го- в. ворить Омировъ Одиссей: ¹.

Я видѣлъ его, —

Держащаго скипетръ золотой и судъ рекущаго тѣнямъ.

¹ Homer. Odyss. II v. 575 sqq.

Такъ вотъ какому сказанію вѣрю я, Калликлъ, и смотрю, какъ бы представить судѣ самую здравую душу. Поэтому-то, распрощавшись съ честями толпы, постараюсь наблюдать дѣйствительную истину, чтобы имѣть возможность и жить, и, когда придетъ смерть, умереть человѣкомъ наилучшимъ. Къ такой жизни и къ этому подвигу, который, Е. по моему мнѣнію, стоитъ всѣхъ здѣшнихъ подвиговъ, я приглашаю, сколько могу, и другихъ людей, да взаимно ¹ и тебя самого, и досажую, что ты не въ состояніи будешь помочь себѣ, когда предстанешь предъ судъ и когда, какъ я сейчасъ сказалъ, стануть судить тебя, но пришедши къ судѣ, сыну Эгины, и будучи взять имъ и ведомъ, рази- 527. нешь ротъ и начнешь заикаться тамъ — ничѣмъ не мѣняе, какъ я здѣсь. А, можетъ быть, кто-нибудь и ударить ² тебя по щекѣ, будетъ безчестить и всячески издѣваться надъ тобою.

Впрочемъ все это не кажется ли тебѣ бабьею баснею и не возбуждаетъ ли въ тебѣ презрѣнія? Да и не удивительно было бы презирать подобные рассказы, еслибы мы стали искать и нашли лучшіе и болѣе справедливые. Но теперь, видишь, вы, три человѣка, мудрѣйшіе изъ современныхъ Грековъ, ты, Полось и Горгіасъ, не можете доказать, что надобно вести жизнь другую, а не ту, которая явно приноситъ пользу и тамъ. Столько было разсужденій,—и они опровергнуты: устояло только одно это положеніе, что надобно больше остерегаться дѣлать обиду, чѣмъ быть обижаемымъ, всего же болѣе заботиться о томъ, чтобы не казаться, но частно и общественно быть добрымъ ². А кто въ чемъ-нибудь золъ, тотъ долженъ подвергаться наказанію;—и это—сдѣлаться справедливымъ, очистивъ свою вину наказаніемъ, будетъ второе благо послѣ блага — быть спра-

¹ Словомъ *взаимно* указывается р. 521 А и 486 А sqq., гдѣ Калликлъ убѣждалъ Сократа заниматься общественными дѣлами.

² Известный стихъ Эсхила (Septem c. Theb. v. 598) οὐ γὰρ δοκεῖν ἄριστος, ἀλλ' εἶναι δίκαιος. Между тѣмъ многіе, по ученію философа (Theaet. p. 176 В), держутся той мысли, что τὸ δοκεῖν εἶναι ἀγαθόν.

С. ведливымъ (самодѣтельно). Всякаго же ласкательства и себѣ самому и другимъ, и немногимъ и многимъ, надобно избѣгать, и риторикою, какъ и инымъ какимъ-либо дѣломъ, всегда пользоваться такъ—для правды.

Итакъ, послушайся меня и иди этимъ путемъ. Попавъ на него, ты будешь блаженствовать и въ жизни, и по смерти, какъ видно изъ твоего же слова. Пусть, кто хочеть, презираеть тебя, будто безумнаго, и издѣвается надъ тобою: а ты-таки, клянусь Зевсомъ, мужественно прими эту постыдную пощечину; потому что не потерпишь ничего страшнаго, если, подвизаясь въ добродѣтели, будешь истинно прекрасенъ и добръ. Потрудившись же на этомъ поприщѣ съобща, мы потомъ уже, если покажется нужнымъ, приступимъ къ дѣламъ политическимъ, или къ чему заблагодарасудится, и будемъ подавать совѣты, какъ совѣтники лучшіе, чѣмъ теперъ. Такими-то, какими мы являемся въ настоящее время, стыдно вѣдь намъ ребячески хвастаться, будто мы что-нибудь значимъ, между тѣмъ какъ объ одномъ и томъ же никогда не думаемъ одного и того же,—притомъ касательно вещей весьма важныхъ. До такого дошли мы невѣжества! Воспользуемся же, какбы словомъ руководительнымъ, вытекшимъ теперъ заключеніемъ, которое даетъ намъ знать, что превосходнѣйшій образъ жизни есть—жить и умереть, подвизаясь въ справедливости и прочихъ добродѣтеляхъ. Этому-то образу жизни будемъ мы слѣдовать и къ нему-то постараемся приглашать другихъ, а не къ тому, къ которому расположенъ и приглашаешь меня ты; ибо послѣдній ничего не стоитъ, Калликлъ.

АЛКИВИАДЪ ПЕРВЫЙ.

АЛКІВІАДЪ ПЕРВЫЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій во всѣ времена занимали мѣсто между прочимъ два діалога, озаглавленные именемъ знаменитаго аеянскаго полководца Алкивіада. Оба они, нося одно и то же заглавіе, не сходны между собою ни по содержанію, ни по достоинству изложенія. Сочиненіе, носящее имя Алкивіада перваго, было весьма высоко цѣнимо древними любителями Платонова ученія. Въ этомъ діалогѣ они видѣли начало всей философіи своего корифея, и потому многократно объясняли содержаніе его историческими и филологическими замѣчаніями. Между такими комментаторами мы встрѣчаемъ современнаго Лонгину платоника Демокрита, Явлика, Дамасція, Гарпократіона и другихъ. Болѣе же всѣхъ занимались Платоновымъ «Алкивіадомъ» Проклъ и Олимпіодоръ¹. Притомъ, люди ученые въ разныя времена брали изъ этого діалога и вносили въ контекстъ своихъ сочиненій отдѣльныя мысли и цѣлые монологи; а римскій повѣсть Персіей воспользовался его содержаніемъ почти для всей четвертой своей сатиры. Все это, повидимому, могло бы быть достаточнымъ ручательствомъ за подлинность «Алкивіада» перваго; но, не смотря на то, въ наше время нѣкоторые критики сильно

¹ *Creutzer*. edit. *Procli et Olympiodori*. P. I. Fasc. I. p. XIV sqq.
Соч. Плат. Т II. 24

возстаютъ противъ свидѣтельствъ древности и доказываютъ, что разсматриваемое сочиненіе неправильно приписывается Платону. Къ числу такихъ критиковъ относится не только Асть ¹, который свои приговоры часто утверждаетъ на основаніяхъ недостаточныхъ, но и Шлейермахеръ ², изслѣдователь строгій и осмотрительный. Они находятъ, что въ содержаніи Платонова «Алкивиада» иное не соотвѣтствуетъ обыкновенной методѣ Платона въ изложеніи доказательствъ, другое несовсѣмъ согласно съ духомъ и характеромъ его ученія; а есть, по ихъ мнѣнію, и такія мѣста, которыя противорѣчатъ историческимъ соображеніямъ и обличаютъ въ писателѣ только стараніе подражать Платону. Чтобы видѣе было, справедливы ли ихъ замѣчанія, мы считаемъ нужнымъ сперва открыть логическую нить изслѣдованій въ разсматриваемомъ разговорѣ, а потомъ опредѣлить его цѣль, показать, подлинны ли частныя мысли его содержанія, обратить вниманіе на характеристическія черты, подъ которыми являются въ немъ Алкивиадъ и Сократъ, и оцѣнить самое его изложеніе. Что же касается до предполагаемыхъ въ немъ историческихъ несообразностей и подражаній, то объ этомъ будемъ имѣть случай сказать, что нужно, въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ «Алкивиада».

На первыхъ страницахъ разсматриваемаго діалога дѣлается вступленіе въ бесѣду и устанавливается главная ея тема. Сократъ говоритъ Алкивиаду: вотъ уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ я не сказалъ съ тобою ни слова, а только со стороны вникалъ въ характеръ твоихъ отношеній къ людямъ. Теперь же, когда всѣ друзья, оттолкнутые твоимъ презрѣніемъ, разбѣжались и оставили тебя одного съ убѣжденіемъ, что благоприятныя твои обстоятельства поставляютъ тебя внѣ всякой зависимости отъ кого бы то ни было, — я пришелъ къ тебѣ и хочу сказать слѣдующее: чрезъ нѣсколько

¹ De vita et script. Plat. p. 435 sqq.

² Opp. Plat. II, 3, p. 293 sqq. и въ примѣч.

дней ты долженъ вступить въ собраніе аѳинскаго народа, куда принесешь такое честолюбіе, съ которымъ устремись въ владычеству надъ всѣмъ греческимъ материкомъ, а если-бы достигъ этого, то захотѣлъ бы имѣть вліяніе и на всю Азію. Но никакія личныя и гражданскія твои преимущества не представляютъ тебѣ возможности пріобрѣсть столь великую силу: *одинъ только я могу помочь тебѣ въ этомъ отношеніи* (103—105).

Алкивиадъ, юноша самонадѣянный внѣшними своими преимуществами и ими смѣло прикрывающій нравственное свое ничтожество, заинтересовывается такимъ положеніемъ Сократа и какбы въ тонѣ насмѣшливомъ требуетъ, чтобы онъ доказалъ свою мысль. Сократъ доказываетъ ее слѣдующимъ образомъ: Еслибы тогда, какъ ты, взошедши на каедру, станешь подавать Аѳинянамъ совѣты, я спросилъ тебя: лучше ли всѣхъ знаешь ты то, что совѣтуешь; то, конечно, услышалъ бы отъ тебя отвѣтъ положительный. Однакожъ онъ не вывелъ бы меня изъ сомнѣнія; ибо что мы знаемъ, то либо у другихъ переняли, либо сами измыслили. А ты, чему научился отъ другихъ, — наприимѣръ, музыкѣ, фехтованью, грамотѣ, — о томъ не захотѣлъ бы давать совѣты въ народныхъ собраніяхъ; касательно же чего теперь хочешь совѣтовать и въ чемъ признаешь себя знающимъ, — наприимѣръ, относительно мира и войны, — тому ты никогда не учился. Вѣдь въ подобныхъ случаяхъ надобно знать, съ кѣмъ заключить миръ и съ кѣмъ вести войну, съ кѣмъ лучше и на сколько времени лучше то и другое. А это все *должно основываться на справедливости* (106 А—106 С).

Пришедши къ сему положенію, Сократъ далѣе доказываетъ, что Алкивиадъ никогда и ни отъ кого не могъ узнать, что такое—справедливость и несправедливость. До возраста отроческаго, говоритъ онъ, познаніе столь важнаго предмета вовсе невозможно. А въ отрочествѣ, обращаясь съ сверстниками, ты былъ уже увѣренъ, будто-бы ясно разумѣешь это. Кто же научилъ тебя? Народъ, говоришь ты. Но на-

родъ не въ состояніи научить не только справедливости, даже шашечной игрѣ. Правда, онъ хорошій учитель греческаго языка; потому что одну и ту же вещь всѣ Греки называютъ однимъ и тѣмъ же словомъ, и несогласія въ этомъ отношеніи не бываетъ: но, касательно справедливости и несправедливости, народы столь несогласны между собою, что по этому поводу вступаютъ въ войну одинъ съ другимъ. Если же народъ не знаетъ, что справедливо и несправедливо, то и ты, ученикъ народа, *не разумьешь, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость* (109 E—113 C).

Согласившись въ этомъ, Алкивиадъ не хочетъ однакожъ отказаться отъ права давать совѣты народу и старается защитить его новымъ взглядомъ на дѣло народнаго оратора. Народъ, говоритъ онъ, рѣдко разсуждаетъ о справедливомъ и несправедливомъ, но болѣе — о полезномъ и вредномъ; полезное же не всегда бываетъ справедливо, равно какъ вредное — не всегда несправедливо. Явно, что этотъ новый вопросъ не избавлялъ Алкивиада отъ неприятной необходимости отвѣчать, знаетъ ли онъ, что полезно и что вредно, и у кого научился такому знанію: но Сократъ опровергаетъ своего собеседника съ другой стороны. Все справедливое, говоритъ онъ, прекрасно; а все прекрасное добро; слѣдовательно и все справедливое добро, и доброты отъ справедливости отдѣлять невозможно. Потому, кто поступаетъ хорошо, тотъ счастливъ, то-есть, приобретаетъ себѣ пользу; но кто справедливъ, тотъ поступаетъ хорошо; слѣдовательно, кто справедливъ, тотъ счастливъ, то-есть приобретаетъ себѣ пользу. А изъ этого открывается, что *польза неотдѣлима отъ справедливости* (113 D — 116 D).

Послѣ сего Алкивиадъ приходитъ къ сознанію, что у него кружится голова и что объ одномъ и томъ же онъ полагаетъ то тѣ, то другое. Сократъ беретъ объяснить ему это состояніе и говорить: Если объ одномъ и томъ же ты полагаешь то тѣ, то другое; то предмета, о которомъ судишь, не знаешь. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ никогда не про-

тиворѣчить себѣ, кто утверждаетъ то, что знаетъ. Равнымъ образомъ никогда не впадаетъ въ противорѣчія и тотъ, кто, не зная чего-нибудь, такъ и говоритъ, что не знаетъ. Противорѣчатъ сами себѣ только тѣ, которые, не зная чего-нибудь, думаютъ, будто знаютъ это. Итакъ твое состояніе есть состояніе несознательнаго и самомнительнаго невѣжды, и оно тѣмъ хуже, чѣмъ важнѣе тѣ предметы, въ отношеніи къ которымъ ты считаешь себя знающимъ, тогда какъ вовсе не знаешь ихъ, то-есть, въ отношеніи къ справедливому, прекрасному, доброму и полезному. Итакъ, *ты худо дѣлаешь, что спѣшишь принять участіе въ управленіи республикою, не зная того, что необходимо знать правителю* (116 D—119 C).

Находя обличеніе Сократа справедливымъ, Алкивіадъ не признаетъ однакожъ нужнымъ учиться тому, чего онъ не знаетъ; потому что аѣнскою республикою управляютъ тоже не мудрецы, но люди большею частію слабые и необразованные, предъ которыми онъ, по своимъ способностямъ и другимъ качествамъ, и безъ науки будетъ имѣть преимущество. Эта представленная Алкивіадомъ оборона невѣжества подаетъ Сократу поводъ къ изложенію такихъ мыслей, которыя совершенно обезоруживаютъ его собесѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ разговоръ высокой интересъ. Твои слова, говоритъ Сократъ, унижаютъ личныя твои достоинства. Вступая въ управленіе республикою, ты долженъ бороться не съ домашними, а съ иноземными врагами, и стараться пріобрѣсть способы для одержанія побѣды надъ ними. Правителю мало—умѣть удовлетворять обыденнымъ потребностямъ общества; онъ своими совершенствами обязанъ стать выше тѣхъ народныхъ вождей, которыхъ мы имѣемъ причины особенно бояться и съ которыми часто ведемъ войны, — именно выше царей лакедемонскаго и персидскаго. А царственныя достоинства правителей Лакедемона и Персіи — и по происхожденію, и по воспитанію, и по богатству ихъ, таковы, что твои, въ сравненіи съ ни-

ми, ничего не значать. Этимъ представленіемъ Сократъ совершенно обуздываетъ вичливость Алквиада и приводитъ его къ вопросу: *что же надобно мнѣ дѣлать, чтобы быть достойнымъ правителемъ республики?* (119 С—124 В).

Приступая къ рѣшенію предложеннаго вопроса, Сократъ, по обыкновенію, избѣгаетъ тона догматическаго и продолжаетъ держаться методы эротематической. Будемъ, говоритъ онъ, изслѣдывать вмѣстѣ, что должны мы дѣлать, чтобы оказаться добрыми и мудрыми. Отвѣчая на вопросы Сократа, Алквиадъ для этой цѣли представляетъ необходимымъ знаніе искусства управлять обществомъ и, изслѣдывая, что надобно разумѣть подъ именемъ сего искусства, приходитъ къ заключенію, что оно должно состоять въ умѣнны управлять людьми, дѣлающими что-нибудь сообща. Но это понятіе, бывъ приложено Сократомъ къ такимъ общимъ дѣйствіямъ, каковы, на примѣръ, дѣйствія матросовъ на кораблѣ, пѣвчихъ въ хорѣ, плясунновъ въ хороводѣ, оказывается слишкомъ обширнымъ. Посему Алквиадъ ограничиваетъ его и полагаетъ, что искусство управлять людьми касается человѣческихъ дѣлъ, совершаемыхъ сообща въ жизни гражданской, и достигаетъ своей цѣли добрымъ совѣтомъ. А добрый совѣтъ, говоритъ онъ, долженъ клониться къ тому, чтобы общество лучше и развивалось и сохранялось. Развивается же и сохраняется оно лучше тогда, когда между гражданами царствуетъ любовь, состоящая во взаимномъ ихъ согласіи и единомысліи. Но при этомъ Сократъ спросилъ: что должны дѣлать граждане, чтобы между ними сохранилось согласіе? Они должны, отвѣчаетъ Алквиадъ, дѣлать каждый свое. Если же каждый изъ нихъ будетъ дѣлать свое, возразилъ Сократъ, то у нихъ произойдетъ несогласіе и вражда, и такимъ выводомъ показываетъ, что его собесѣдникъ составилъ неправильное понятіе о любви. На это возраженіе Алквиадъ ничего не могъ отвѣчать и снова признался въ своемъ незнаніи. Тогда Сократъ, доказавъ, что молодой собесѣдникъ его нетоль-

ко не приготовился къ управленію республикою, но и не разумѣть, что нужно дѣлать, чтобы приготовиться къ этому, — какбы ободряетъ его и, подъ видомъ ободренія, предлагаетъ ему общее и главное правило приготовленія себя къ достиженію задуманной имъ цѣли. Не унывай, говоритъ онъ, но *заботься о себѣ* (124 В—127 D).

Очевидно, что это правило съ перваго взгляда должно было представляться Алкивиаду слишкомъ неопредѣленнымъ. Посему Сократъ дальнѣйшіе свои вопросы начинаетъ направлять къ опредѣленію его. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на значеніе слова «о себѣ» и указываетъ различіе между «собою», «своимъ» и «принадлежащимъ къ «своему». То, посредствомъ чего мы дѣлаемъ что-нибудь, говоритъ онъ, не есть «мы», а есть «наше» — это надобно почитать только орудіемъ нашего я. Такъ,—глаза, уши, руки и все тѣло суть «наше», а не «мы»; что же касается до вещей, относящихся къ орудіямъ нашего я, то онѣ даже и не «наше», а только бываютъ принадлежностями чего-либо «нашего». Такъ,—палецъ есть «наше», а перстень на пальцѣ лишь относится къ «нашему». Изъ этого явствуетъ, что человѣкъ не есть нѣчто, служащее тѣлу, не есть равнымъ образомъ и тѣло, поколику оно имѣетъ значеніе служебнаго начала души и находится подъ ея управленіемъ. Человѣкъ въ собственномъ смыслѣ есть только душа. Посему, кто заботится о богатствѣ, о почестяхъ, о красотѣ и проч., тотъ заботится вовсе не о человѣкѣ. Не человѣка также имѣютъ въ виду и тѣ, которые знакомы съ какимъ-нибудь искусствомъ усовершенствовать свое тѣло. *Заботиться о себѣ, какъ о человѣкѣ, значитъ, пешись о своей душѣ*, и на этомъ только основаніи, Алкивиадъ, утверждаетъ моя любовь къ тебѣ (127 D—132 В).

Но попеченіе о душѣ есть понятіе, все еще не довольно ограниченное. Поэтому Алкивиадъ обнаруживаетъ желаніе изслѣдовать, какимъ образомъ душа можетъ быть предметомъ попеченія. Чтобы удовлетворить его желанію, Со-

вратъ напоминаетъ ему о дельфійской надписи: «познай самого себя», и способъ самопознанія прекрасно объясняетъ слѣдующимъ сравненіемъ. Какъ око тѣла, еслибы ему надлежало видѣть себя, должно было бы достигнуть этого чрезъ смотрѣніе на вещь, въ которой оно отражалось бы, напримѣръ, чрезъ смотрѣніе на глазной зрачокъ кого-либо другаго: такъ и душа, если надобно ей познать себя, должна всматриваться въ божественное начало жизни, въ которомъ она отражается. Но созерцаніе божественнаго въ себѣ производится разсудительностію, безъ которой нельзя знать себя. *Итакъ единственный способъ самопознанія есть разсудительность (132 В—133 Е).*

Если же въ человѣкѣ нѣтъ разсудительности, т. е., если онъ не знаетъ, что для его души хорошо или худо, что приноситъ ей вредъ или пользу; то нельзя ему знать и того, что надобно почитать добромъ или зломъ для другихъ. Посему человѣкъ безъ разсудительности, не будучи въ состояніи пещись о себѣ, тѣмъ менѣе можетъ приносить пользу обществу; и еслибы въ этомъ состояніи взялся онъ за управленіе дѣлами общественными, то, не зная того, что полезно или вредно другимъ, поставилъ бы общество въ обстоятельства весьма неблагопріятныя. *Итакъ, пока разсудительность еще не приобретена, лучше управляться кѣмъ-нибудь другимъ, чѣмъ самому управлять обществомъ (133 Е—135 В).*

Къ этой мысли Сократъ пришелъ, какъ къ послѣднему результату бесѣды. Послѣ сего ему оставалось только закончить свое разсужденіе обращеніемъ къ Алквивіаду и внушить ему, чтобы слово перевелъ онъ въ правило, а правило оправдалъ самымъ дѣломъ. Видишь-ли теперь, Алквивіадъ, говоритъ Сократъ, въ какомъ ты состояніи? это—состояніе рабства, а не свободы: потому что злу естественно рабствовать, а наслаждаться свободою свойственно добродѣтели. Алквивіадъ совершенно соглашается съ заключеніемъ Сократа и обѣщаетъ отнынѣ обмѣняться съ нимъ ролею: т. е., какъ прежде Со-

кратъ ходилъ за нимъ, чтобы наблюдать надъ образомъ его мыслей и дѣйствій; такъ теперъ онъ самъ будетъ ходить за Сократомъ, чтобы учиться у него разсудительности и сдѣлаться достойнымъ совѣтникомъ общества. Твое намѣреніе благородно, говоритъ на это Сократъ; но *боюсь, какъ бы народъ не пересилилъ и меня и тебя* (135 В — Е). Этимъ краткимъ, загадочнымъ замѣчаніемъ оканчивается разговоръ Сократа съ Алкивіадомъ.

Разсматривая ходъ главныхъ мыслей въ «Алкивіадѣ» и обращая вниманіе на связность и зависимость ихъ, мы съ этой стороны не видимъ въ немъ ничего, несогласнаго съ методою изложенія истинъ въ прочихъ разговорахъ Платона. Правда, діалогическая форма его не довольно сложна и заключаетъ въ себѣ мало искусственности; нить бесѣды въ немъ тянется весьма замѣтно и не затрудняетъ наблюденія; индукція здѣсь недалеко уходитъ отъ главной своей темы; а сократическая иронія рѣдка и не такъ игрива, какъ во многихъ другихъ Платоновыхъ сочиненіяхъ. За то въ продолженіе всего разговора съ какою вѣрностію выдерживается свойственный Сократу способъ постепеннаго ограниченія предмета! Какъ разнороденъ составъ входящихъ въ него мыслей и, не смотря на то, какъ послѣдователенъ, связанъ и строенъ ходъ ихъ! По всесторонности содержанія въ «Алкивіадѣ», или по краткому изложенію въ немъ началъ почти всего, чему училъ Платонъ, этотъ діалогъ можно назвать энциклопедіею Платоновой философіи. Оттого-то еще древніе весьма высоко цѣнили его между прочимъ со стороны педагогической; такъ что, когда юноши желали читать Платона,—обыкновенно совѣтовали имъ начинать чтеніе именно «Алкивіадомъ.» Не менѣе согласно съ платоническимъ характеромъ изложенія мыслей и то, что заключенія въ этомъ разговорѣ скрываютъ въ себѣ основанія для новыхъ заключеній, которыя однакожь не высказываются, а только полагаютъ въ душѣ читателя, плодоносное сѣмя для размышленія. Тутъ ясно видѣнъ Сократъ, философствующій примѣнительно къ

искусству матери своей Фенареты. «Съ моими слушателями, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ ¹, бываетъ то же, что съ родильницами: они страдаютъ болями день и ночь, — еще сильнѣе, чѣмъ послѣднія. Возбуждать эти боли и унимать ихъ есть дѣло моего искусства.»

Подозрѣніе критиковъ въ подложности Алквиада основывается преимущественно на невѣрно понимаемой цѣли этого разговора. Асть полагаетъ, что «Алквиадъ» есть неудачное истолкованіе Сократовой любви къ Алквиаду, высказанной въ Платоновомъ Симпосіонѣ ², гдѣ слова Алквиада *ἀναγκάζει γὰρ με ἐρολογεῖν, ὅτι πολλοῦ ἐνδεής ὢν αὐτὸς ἐπὶ ἑμαυτοῦ μὲν ἀρελῶ, τὰ δὲ Ἀθηναίων πρᾶττω*, — составляютъ будто бы самую его тему. По мнѣнію Аста, писатель этого сочиненія старается защитить Сократа отъ нареканій въ предосудительномъ обращеніи его съ Алквиадомъ и внушить читателямъ, что сынъ Софрониска привязывалъ къ себѣ своего ученика узами любви нравственной, основанной на добродѣтели и справедливости. Но такое представленіе цѣли этого діалога кажется намъ вовсе не справедливымъ; потому что, принявъ его за вѣрное, нельзя было бы почитать умѣстными въ этомъ разговорѣ многія вошедшія въ составъ его изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, какую связь имѣли-бы тогда съ предполагаемой Астомъ цѣлію всѣ мысли Сократа объ афинскомъ народѣ, что, то-есть, онъ — плохой учитель юношества, что имъ самимъ управляютъ люди слабые и невѣжды, и что съ другой стороны въ его рукахъ много силы, могущей одолѣть не только Алквиада, но и Сократа? Съ этою послѣднею мыслию разговора мы соединяемъ особенно важное значеніе и думаемъ, что она самую свою загадочностію вѣрно указываетъ цѣль разсматриваемой бесѣды. Внимательно слѣдуя за направленіемъ всѣхъ ея мыслей и каждую изъ нихъ почитая необходимою частію въ составѣ цѣлаго, кажется, естественно приходишь къ заключе-

¹ Theaet. 149.

² Sympos. 216.

нiю, что цѣлю, какую представлялъ себѣ писатель этой бесѣды, было—открыть истинную причину превратныхъ понятiй и дѣйствiй Алкивиада въ нѣдрѣ аѣинской республики, что онъ развращенъ былъ не внушенiями Сократа, а легкомысленностiю аѣинскаго народа, и что Сократъ, прежде чѣмъ ученикъ его вступилъ на народную кафедру, пробудилъ въ немъ любовь къ разсудительности. Эту именно цѣль Платонова «Алкивиада» предполагалъ и Персiй¹, примѣняя его содержанiе къ характеру римской трибуны.

Rem populi tractas — — —

Quo fretus? Dic, ô magni pupille Pericli!

Scilicet, ingenium et rerum prudentia velox

Ante pilos venit? dicenda tacendaque calles?

Expecta: haud aliud respondeat haec anus.. I nunc:

Dinomaches ego sum! Suffla: sum candidus! Esto.

Dum ne deterius sapiat pannucea Baucis,

Cum bene distincto cantaverit ocima vernac.

Представляя такую цѣль разсматриваемаго діалога, мы теперь ясно видимъ, въ чемъ состоитъ ошибка Аста. Онъ выдвигаетъ на первый планъ изслѣдованiя мысль, имѣющую значенiе слишкомъ частное, и служащую почти всегдашнею у Сократа формою иронiи: — разумѣемъ напоминанiе его о любви къ Алкивиаду. Это напоминанiе, сдѣланное при самомъ вступленiи въ разговоръ, очевидно, есть только оборотъ рѣчи *πρὸς χάριν*, которымъ Сократъ, по своему обыкновению, воспользовался для начатiя изслѣдованiй предположенной имъ темы; а къ ходу и цѣли бесѣды, какъ показываетъ самое ея содержанiе, оно не имѣетъ никакого отношенiя. Впрочемъ, подобныя недоразумѣнiя критики касательно «Алкивиада» бывали и прежде. Извѣстно, что въ Стефановомъ изданiи Платоновыхъ сочиненiй разсматриваемый разговоръ обозначенъ вторичнымъ или объяснительнымъ заглавiемъ. Желая указать на самое его содержанiе, издатель озаглавилъ

¹ Pers. Sat. IV.

его такъ: *Αλκιβιάδης πρώτος. ἡ περί τῆς ἀνθρώπου φύσεως.* Это послѣднее или матеріальное заглавіе онъ прибавилъ, конечно, потому, что изложенную въ діалогѣ мысль о самопознаніи и о томъ, въ чемъ собственно состоитъ природа чело-вѣка, почиталъ мыслию главною, тогда какъ изъ хода бесѣды видно, что она здѣсь раскрывается въ значеніи ученія только посредствующаго, направленнаго къ рѣшенію вопроса: какъ надобно заботиться о себѣ, чтобы приготовиться къ прохожденію поприща государственной службы.

Итакъ правильное понятіе о содержаніи Алквивіада должно основываться на вѣрномъ уразумѣніи его цѣли; а вѣрно уразумѣть его цѣль можно не иначе, какъ чрезъ внимательное разсмотрѣніе того, что въ немъ есть главное и второстепенное. Почитая главною и особенно выпуклою его мыслию мнѣніе Сократа о легкомысленности аѳинскаго народа и загадочное его опасеніе, какъ бы народъ не уничтожилъ и самыхъ добрыхъ намѣреній сына Клиніасова, мы въ правѣ смотрѣть на этотъ разговоръ, какъ на опроверженіе того распространившагося между Аѳинянами мнѣнія, будто Сократъ діалектическими своими изслѣдованіями развращалъ современное юношество, особенно же причинилъ республикѣ много зла своимъ вліяніемъ на Алквивіада и Критіаса, поправшихъ законы отечества и устремившихся къ неограниченной тиранніи¹. Внимая этому обидному для памяти Сократа и несправедливому обвиненію, признательный ученикъ его Платонъ естественно могъ рѣшиться защитить своего учителя и въ защиту его написать такой діалогъ, который показывалъ бы самымъ дѣломъ, къ чему склонялъ Сократъ юную, но сильную и энергическую душу Алквивіада, и сколько пользы принесъ бы онъ обществу, еслибы народъ въ своихъ согражданахъ цѣнилъ не лесть, а истинное дарованіе и доблесть нравственную. Что же касается частныхъ мыслей Сократа въ «Алквивіадѣ», то мнѣніе, напримѣръ, о гибельномъ

¹ *Xenoph. memor. 1, 2, 12. Aeschin. adv. Timarch. p. 169 ed. Reisk.*

вліяніи аѳинскаго народа на юношество, и о томъ, что онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость, есть, очевидно, платоновское, какъ это видно изъ снесенія его съ мыслями многихъ, несомнѣнно Платоновыхъ сочиненій, особенно съ нѣкоторыми положеніями въ *Горгіасѣ* и *Государствѣ*. То же надобно сказать и о другихъ мѣстахъ «*Алкивіада*», въ которыхъ Сократъ бесѣдуетъ о душѣ, какъ существенной части человѣка, имѣющей божественное происхожденіе, и потому сродной съ божественными предметами. Стоитъ только вспомнить весьма замѣтные отдѣлы *Филеба*, *Федона*, *Тимея* и нѣкоторыя изслѣдованія въ книгѣ о *Законахъ*¹, чтобы увѣриться, что эти положенія были философемами Платона и Сократа. А ученіе о самопознаніи въ томъ же самомъ смыслѣ излагается и въ *Федрѣ*, и въ *Хармидѣ*, и во многихъ другихъ Платоновыхъ разговорахъ. Вообще въ содержаніи разсматриваемаго діалога не представляется ничего такого, что было бы чуждо Платону и давало бы достаточныя основанія сомнѣваться въ подлинности этого сочиненія.

Подвергая сомнѣнію подлинность его, Астъ и Шлейермахеръ основываются особенно на томъ, что будто бы въ немъ невѣрно выставлены характеры Алкивіады и Сократа. Алкивіадъ, съ пламенными своими способностями, энергическимъ чувствомъ сердца и сознаніемъ личныхъ своихъ достоинствъ, въ этомъ діалогѣ, говорятъ они, такъ ребячески слабъ и безхарактеренъ, что нетолько равнодушно выслушиваетъ выраженія Сократа, обидныя для его самолюбія, но еще слѣдуетъ за направленіемъ его вопросовъ, какъ тѣнь за тѣломъ, и наконецъ совершенно предается его водительству. Это замѣчаніе критиковъ, вообще справедливое, не доказываетъ однакожъ подложности разговора. Самомнѣніе и заносчивость Алкивіады выказываются въ самомъ началѣ бесѣды его съ Сократомъ, а потомъ не менѣе обна-

¹ *Phaed.* p. 80 A. 94 B. — *Phileb.* p. 16. C.—*Legg.* V. Кроме того см. *Xenoph.* mem. 1, 4, 8. *Cicer.* de N. D. II, 6, III, 11.

руживаются, когда онъ начинаетъ сравнивать себя съ тогдашними правителями народа. Но должно замѣтить, что и по свидѣтельству исторіи ¹, Алкивиадъ имѣлъ душу чрезвычайно измѣнчивую и непостоянную. Первая, высказанная Сократомъ мысль, что Богъ доселѣ не позволялъ ему бесѣдовать съ Алкивиадомъ, кажется, потому, что прежде бесѣда ихъ могла быть напрасна, а теперь Онъ велитъ, — эта первая мысль, имѣющая характеръ истинно сократическій, естественно могла расположить сына Клиніасова ко вниманію. Когда же потомъ Сократъ сказалъ, что безъ его помощи Алкивиаду невозможно достигнуть политической своей цѣли, молодой и горячій мечтатель о лаврахъ народнаго вождя долженъ былъ совершенно увлечься словами своего учителя и спокойно выслушивать даже его обличенія. Впрочемъ, это отнюдь не удоставляетъ Сократа въ томъ, что онъ устоитъ въ своей рѣшимости, что народъ не сумѣетъ овладѣть гибкою и воспріимчивою его душою. Итакъ характеръ Алкивиада обрисовывается здѣсь чертами, дѣйствительно ему принадлежащими. Не менѣе вѣренъ себѣ въ «Алкивиадѣ» и Сократъ. Критики находятъ, что онъ въ самомъ началѣ разговора не выдерживаетъ той скромности, которою въ другихъ діалогахъ такъ искусно прикрываетъ свое знаніе, и слишкомъ самоувѣренно говоритъ, что Алкивиадъ безъ его помощи не сдѣлаетъ ничего хорошаго. Но должно замѣтить, что сынъ Софрониска въ этомъ мѣстѣ ограждается авторитетомъ воли Божіей, подобно тому, какъ въ Федрѣ, ссылаясь на божественное воодушевленіе, проноситъ рѣчь въ похвалу Эроса и обличаетъ Лизіаса въ его грѣхъ противъ бога любви ². Притомъ помощь, которую онъ намѣревается предложить Алкивиаду, должна была направляться только къ тому, чтобы пробудить въ немъ со-

¹ *Corn. Nep. Alc. Cap. 1 et 2. Xenoph. memor. 1, 2, 18. Οἶδα δὲ καλεῖν (Critiam et Alcibiadem) πορονοῦντα, ἔστι Σωκράτει συνίστην, οὐ φοβούμενος, μὴ ζημιώσιντο ἢ παύσιντο ὑπὸ Σωκράτους; ἀλλ' οἴομαι τότε κράτιστον εἶναι οὕτω πράττειν.*
Снес. прекрасное мѣсто *Symp. p. 216.*

² *Phaedr. 241 E. 244 A.*

знание своего незнанія; а съ такою помощію является онъ почти во всѣхъ разговорахъ Платона, и оказываетъ ее каждому, почитающему себя знатокомъ изслѣдываемаго предмета. Нисколько не чуждо характеру Сократа и то, что, ставивъ Алкивіада сознать свое незнаніе, онъ повидимому несовсѣмъ вѣжливо описываетъ его состояніе. Кто находитъ въ этомъ несообразность, тотъ забываетъ, что Сократъ здѣсь бесѣдуетъ не съ софистомъ, который хвастался бы своимъ знаніемъ, а съ любимымъ ученикомъ, который тщеславится только своимъ богатствомъ, происхожденіемъ и красотою.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ изложеніи или о внѣшней формѣ разсматриваемаго діалога. Съ этой стороны онъ не нравился критикамъ прежде всего потому, что Сократъ въ немъ часто пускается въ длинныя разсужденія, — чего, говорятъ они, не дѣлаетъ въ другихъ разговорахъ Платона. Но, вникая въ содержаніе этихъ длинныхъ монологовъ, мы замѣчаемъ, что они, по самому существу своему, не могли быть изложены въ формѣ діалогической; ибо состоятъ большею частью изъ разсказовъ о какихъ-нибудь вводныхъ предметахъ. Да и то несправедливо, будто въ другихъ діалогахъ Сократъ всегда кратокъ. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ разсужденія его столь обширны, что иногда развиваются въ формѣ цѣлыхъ рѣчей. Таковы, напримѣръ, они въ первой части Федра, во многихъ мѣстахъ Государства, Критона, Федона и др. Изложеніе Платонова «Алкивіада» заключаетъ въ себѣ только одинъ недостатокъ, котораго оправдать никакъ не возможно: это — растянутасть рѣчи, излишнее усиліе Сократа научить Алкивіада тому, что онъ долженъ былъ знать и безъ науки, въ чемъ никто не сомнѣвается и что ясно само по себѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣтны мѣста: р. 117 В. С. и р. 124 D sqq. Имѣя ихъ въ виду, критика дѣйствительно могла усомниться въ подлинности разсматриваемаго діалога и придти къ заключенію, что онъ есть произведеніе ума еще неопытнаго, незнакомаго съ искусствомъ управлять діа-

лектической методою. Не думая оправдывать этого недостатка, мы въ правѣ однакожъ замѣтить, что несправедливо было бы полагать, будто всѣ сочиненія Платона должны имѣть равныя литературныя достоинства. Весьма вѣроятно, что умственные плоды его юности далеко не были столь совершенны, какъ тѣ, которые изданы имъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Притомъ извѣстно, что Платонъ до самой смерти исправлялъ и обработывалъ свои діалоги. Почему же не допустить, что дѣло исправленія не успѣло коснуться «Алкивиада», и что онъ послѣ смерти своего писателя остался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ набросанъ юношескою тростію Платона? А что «Алкивиадъ» написанъ Платономъ дѣйствительно въ ранней его молодости, можно заключать изъ того, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на позднѣйшую судьбу Сократа. Напротивъ, видно, что во время его написанія, народная молва только еще начинала обвинять сына Софронискова въ развращеніи юношества. Притомъ надобно замѣтить, что Платонъ, конечно, не безъ причины начинаетъ этотъ діалогъ упоминаніемъ о любви Сократа къ Алкивиаду. Плутархъ говоритъ (l. c.)¹, что Алкивиадъ, сдѣлавшись ученикомъ Сократа, сталъ обнаруживать явное презрѣніе ко многимъ своимъ сверстникамъ и, между прочими, къ Аниту. Посему Платонъ, излагая это свое сочиненіе, могъ направлять его и къ вразумленію Анита съ его товарищами, когда они рѣшались сдѣлать доносъ на Сократа,—т. е. могъ имѣть въ виду ту мысль, что Сократъ, любя Алкивиада, располагалъ его не къ враждѣ противъ сверстниковъ, а къ справедливости. Итакъ если этого діалога, по изложенію его, нельзя почитать отличнымъ, то нельзя также, ради одного упомянутаго недостатка, относить его и къ сочиненіямъ подложнымъ.

¹ De vita Alcib. C. 4. ὡςτε θαυμάζειν ἀπαντας, ἄρβοντας αὐτὸν Σωκράτης μὲν συνδεικνυόντα καὶ συμπλακίοντα καὶ συσκηνοῦντα, τοῖς δὲ ἄλλοις ἱραταῖς χαλεπὸν ὄντα καὶ δυσχεῖροτον, ἐνίοις δὲ καὶ παντάπασι σοβαρῶς προσφερόμενον ὡςπερ Ἄντιφω τῷ Ἄνθεμιῶνος, ἐτύχανε μὲν γὰρ καὶ οὗτος ἔρῶν τοῦ Ἀλκιβιάδου.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ :

СОКРАТЬ И АЛКВИАДЪ.

Сокр. Ты удивляешься, думаю, сынъ Клиніаса, что, полюбивъ тебя прежде всѣхъ, я одинъ теперь не отстаю отъ тебя, когда прочіе уже отстали, и что между тѣмъ какъ другіе надѣдали ¹ тебѣ своими бесѣдами, я, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ ², не сказалъ съ тобою ни одного слова.

¹ *Надождали тебѣ; — δι' ὅχλου γένεσθαι τιμ* — греческій идиотизмъ; встрѣчающійся у многихъ древнихъ писателей, значитъ: причинять досаду. *Thucyd.* 1. 73. *Εἰ καὶ δι' ὅχλου μᾶλλον ἔσται αἰὶ προβαλλομένοις ἀνάγκη λέγειν. Dionys. Hal.* T. V. p. 471 ed. *Reisk. δι' ὅχλου γὰρ ἤδη τοῦτο γε. etc.*

² *Въ продолженіе столь многихъ лѣтъ.* Знѣернъ въ своемъ разсужденіи объ Аристофановыхъ «Облакахъ» недоумѣваетъ, какимъ образомъ слова Платона,—что когда Алквиаду было около двадцати лѣтъ отъ роду, Сократъ не бесѣдовалъ съ нимъ многіе годы,—согласить съ словами Олимпіодора (p. 89. 1), что они находились между собою въ дружескихъ отношеніяхъ при отступленіи Аѣнианъ отъ Деліи, а это происходило, когда живъ еще былъ Периклъ, слѣдовательно пятью годами прежде того времени, въ которое Алквиадъ вступилъ въ права гражданина. Но, обращая вниманіе на выраженіе въ этомъ діалогѣ (p. 103 В), надобно предположить, что разговоръ Сократа съ Алквиадомъ происходилъ еще при жизни Перикла. А какъ до этого разговора Сократъ не бесѣдовалъ съ сыномъ Клиніасовымъ, то настоящую бѣсѣду его надобно относить къ третьему или второму году до сраженія при Потидеѣ; ибо и въ Симпосіонѣ Платоновомъ говорится (219 E sqq.), что въ это именно время завязалась тѣсная дружба между Сократомъ и Алквиадомъ. Къ тому же времени подходило и совершеннолѣтіе Алквиада, т. е. осмнадцатилѣтній возрастъ его жизни, въ которомъ, по аѣнскимъ законамъ, юношѣ позволялось уже имѣть голосъ въ народныхъ собраніяхъ (Menex. 234 A). Слѣдовательно Алквиадъ участвовалъ въ потидейскомъ сраженіи, имѣя отъ роду около двадцати лѣтъ. Впрочемъ, ранѣе этого онъ и не могъ быть ни въ какомъ заграничномъ походѣ; потому-что юноши, достигшіе совершеннолѣтія, у Аѣнианъ чрезъ два года исполняли должность τῶν περὶ πόλεως (о чемъ

Причина этому была не человѣческая, а божественная, которой силу ты узнаешь впоследствии ¹. Теперь она уже не препятствуетъ, и вотъ я пришелъ, надѣясь, что и впредь препятствовать не будетъ. Почти во все это время я внимательно наблюдалъ, какъ ты держишь себя въ отношеніи къ лицамъ, тебя любящимъ. Много было ихъ, и они отличались высокоуміемъ; но не осталось ни одного, который не
 104. убѣждалъ бы, побѣжденный твоею разсудительностію. Я раскрою причину ² твоего презрѣнія къ нимъ. Тебѣ, говоришь, ни въ комъ изъ людей и ни для чего нѣтъ надобности; потому что богатство твое велико: всего довольно, начиная съ тѣла до души. Во-первыхъ, ты считаешь себя красивымъ и знатнымъ ³, и всякій ясно видитъ, что не обманываешься. Во-вторыхъ, ты приходишь изъ семейства самаго храбраго ⁴ въ своемъ городѣ, величайшемъ между

си. *Рetit. Legg. Attic. p. 653 sq. et Platner. Symbol. ad. Attic. p. 172 sq.*) Съ этимъ согласно и то, что Алкивиада, нѣсколько далѣе (р. 123 D). Сократъ называетъ юношею *ἐπὶ οὐδέποτε γεροντὸν εὐδόρα εἶκοσι*. Итакъ сынъ Софрониса удался отъ бесѣды съ Алкивиадомъ, пока онъ не достигъ еще совершеннолѣтія, и только наблюдалъ за нимъ издали: когда же увидѣлъ, что пришло ему время вступить въ народное собраніе, и что онъ, при извѣстномъ руководствѣ, можетъ оказать Аѳинянамъ важную пользу, рѣшился сблизиться съ нимъ и началъ разговоръ. Объ этомъ свидѣлствуютъ Ксенофонты (Мем. 1. 2. 16), и Плутархъ (Alcib. 1, p. 34).

¹ *Узнаешь впоследствии* — указываетъ на дальнѣйшее свое доказательство. р. 103. D. Е. Шлейермахеръ замѣчаетъ, что подобныя указанія у Платона не въ обычаѣ; но это значило бы — Платонову рѣчь подвергать слишкомъ строгимъ ограниченіямъ.

² *Я раскрою причину* — τὸν δὲ λόγον — εἰδέναι δεῖσθαι. Въ сочиненіяхъ Платона это выраженіе обыкновенно значитъ: *хочу рассмотреть, прослѣдить, объяснить*; а въ этомъ мѣстѣ оно имѣетъ значеніе *открыты причину*. Посему Шлейермахеръ настоящее употребленіе его почитаетъ не платоновскимъ. Однакожъ надобно замѣтить, что оно — чисто греческое; слѣдовательно Платонъ въ другую эпоху своей жизни легко могъ употребить его для означенія другаго оттѣнка мысли.

³ *Красивымъ и знатнымъ* — κάλλιστός τε καὶ μέγιστος. Такое соединеніе впитеть, прилагаемыхъ къ лицу Алкивиада, нѣсколько не странно. Оно повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій. Менех. р. 235 Α. ἡρσιμότερος ἐν τῇ περαχρήρῃ μείζων καὶ γενναϊότερος καὶ κάλλιον γεροντεύων.

⁴ *Изъ семейства самаго храбраго* — γενναϊοτάτου γένους. Этимъ выраженіемъ овначается какъ бы наследственное, семейное мужество: de Rep. VI p. 503.

городами Эллиновъ; а потому со стороны отца у тебя очень ^{В.} много знаменитыхъ друзей и родственниковъ, которые, еслибы понадобилось, готовы служить тебѣ. Не менѣ ихъ и не хуже они также со стороны твоей матери. Но, по твоему мнѣнію, болѣе всѣхъ упомянутыхъ мною лицъ доставляетъ тебѣ силы Перикль, сынъ Ксантиппа, котораго твой отецъ назначилъ тебѣ и твоему брату въ опекуны, и который не только въ своемъ отечествѣ, но и въ цѣлой Элладѣ, даже во многихъ и извѣстнѣйшихъ поколѣніяхъ варваровъ ¹, можетъ дѣлать все, что хочетъ. Я прибавилъ бы еще, что ты—одинъ изъ людей богатѣйшихъ; но въ этомъ ^{С.} отношеніи у тебя мало самоуверенія. Гордясь такими преимуществами, ты овладѣлъ всѣми своими любителями, и они, какъ слабѣйшіе, подчинились твоей власти. Это тебѣ извѣстно; а потому, знаю, ты и удивляешься, что за мысль у меня—не бросать своей любви, въ какой надеждѣ я остаюсь вѣренъ ей, не смотря на бѣгство прочихъ.

Алк. Но, можетъ быть, тебѣ неизвѣстно, Сократъ, что ты чуть-чуть предупредилъ меня. Вѣдь я первый думалъ придти къ тебѣ и спросить тебя именно объ этомъ, то-есть, ^{Д.} чего ты хочешь и съ какою цѣлю надоѣдаешь мнѣ, заботливо являясь вездѣ, гдѣ бы я ни бывалъ. Да, для меня въ самомъ дѣлѣ удивительно, какое бы могло быть твое намѣреніе, и я охотно желалъ бы знать объ этомъ.

*Ε. κενικοί τε καί μεγαλοκράτες τὰς διαβολάς. Ib. p. 512. Ε. κενική φύσις. Plaut. Trinumm. V. 2. 9. Eum sorogem despondisse suam in tam fortem familiam. Отецъ Алкивиада былъ Кливиасъ, а дѣдъ—Алкивиадъ первый, въ Платоновомъ Эвтидемѣ (р. 275. А) называемый ὁ παλαιός. У него было два сына: Алсіохъ и Кливиасъ, изъ которыхъ послѣдній, по свидѣтельству Геродота (VIII, 17) и Плутарха (Alcib.), съ отличною похвалою сражася ἰδιωτὸν στρατῶν при Артемизіи, а сражася при Хероней во 2. 83 олимп. вмѣстѣ съ полководцемъ Толмидою былъ убитъ. Мать Алкивиада была Диномаха, дочь Мегелы. Происхожденіемъ своимъ по матери онъ гордился повидимому столько же, какъ и по отцу. *Raumer's exercitt. p. 632 sq.**

¹ Во многихъ и извѣстнѣйшихъ поколѣніяхъ варваровъ. Къ поколѣніямъ варварскимъ относимы были тогда не только жители средней и восточной Азии, но и Европейцы, какъ-то: Македоняне, Фракіицы и другіе народы греческаго происхожденія.

Сокр. Такъ видно ты будешь слушать меня со вниманіемъ, если, какъ говоришь, желалъ бы знать, что у меня на умѣ. Пожалуй слушай и имѣй терпѣніе,—все скажу.

Алк. Безъ сомнѣнія, буду слушать,—только говори.

Е. *Сокр.* Смотри же; вѣдь нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ трудно мнѣ начать, такъ трудно будетъ и кончить.

Алк. Говори, добрякъ; а я ужъ буду слушать.

Сокр. Приходится говорить ¹. Хотя тому, кто любитъ, и не легко относиться къ человѣку, который не ниже людей его любящихъ, однакожъ я осмѣлюсь высказать свою мысль. Еслибы я видѣлъ, Алкивиадъ, что ты доволенъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ сейчасъ упомянуто мною, и намѣренъ былъ съ этимъ провести свою жизнь, то давно бы, сколько знаю себя, 105. отказался отъ своей любви. Но теперь я хочу раскрыть предъ самимъ тобою другіе твои помыслы, изъ чего ты уразумѣешь, что я непрестанно наблюдаю за тобою. Еслибы, кажется, какой-нибудь богъ сказалъ тебѣ: Алкивиадъ! хочешь ли жить, наслаждаясь тѣмъ, что имѣешь, или тотчасъ умереть, если нельзя тебѣ будетъ получить что-нибудь болѣе?—то ты, думаю, избралъ бы смерть ². И я скажу, какая теперь надежда твоей жизни. Ты думаешь, что какъ скоро явишься въ собраніе аѣинскаго народа,—а это будетъ чрезъ нѣсколь-

В.

¹ *Приходится говорить*—*λεχτέον ἄν εἶναι*. Такая же форма выраженія употреблена Theaet. p. 181 B. *Σεπτέρον ἄν εἶναι, τοῦ γε οὕτω προδεδουμένου*. Euthyphr. p. 273 D. *Καλόν ἔν που τὸ ἔργον ὑμῶν εἶναι*. Еслибы эти выраженія Шлейермахеръ имѣлъ въ виду, то не сказалъ бы (p. 514): und wie schlecht steht auch das *λεχτέον ἄν εἶναι*, da!

² *Ты, думаю, избралъ бы смерть*. Подобнымъ образомъ говорить Ксенофонтъ (Mem. 1, 2, 16) о Критіасѣ и Алкивиадѣ: *ἔγω γὰρ ἠγοῦμαι, θεοῦ δίδόντος αὐτοῖς ἢ ζῆν ἢ οὐκ εἶναι τὸν βίον ὡς περὶ ζῶντα Σωκράτην ἔμρον, ἢ τεθνήσκειν, ἐλεῖσθαι ἢ αὐτῶ μᾶλλον τεθνήσκειν*. Шлейермахеру и это не нравится. Онъ почитаетъ невозможнымъ, чтобы юноша, только-что вступающій въ права гражданина, могъ такъ далеко простирать мечты честолюбія. Но должно представить себѣ и свойства, и обстоятельства, и воспитаніе Алкивиада. Юноша богатый, съ обширными связями, съ пылкими способностями, воспитанный въ домѣ Перикла и хорошо понимавшій достоинства современныхъ правителей, о чемъ не могъ возмечтать съ самыхъ первыхъ дней вступленія въ народное собраніе!

ко дней, — то докажешь Аѳинянамъ, что стоишь такихъ почестей, какими не пользовался ни Периклъ, никто другой изъ мужей, когда-либо существовавшихъ, и, доказавъ это, приобрѣтешь въ городъ величайшую силу; приобрѣтши же силу здѣсь, будешь могущественъ и у прочихъ Эллиновъ, да не только у Эллиновъ, даже у варваровъ, обитающихъ на одномъ съ нами материкѣ ¹. Потомъ еслибы тотъ же богъ снова сказалъ тебѣ, что твоя власть должна ограничиваться только Европою, а въ Азію перейти тебѣ будетъ ^{С.} нельзя и къ тамошнимъ дѣламъ рука твоя не прострется: то ты, кажется, не захотѣлъ бы довольствоваться и этимъ, жить безъ надежды — наполнить своимъ именемъ и силою цѣлое, можно сказать, человѣчество. Кромѣ Кира и Ксеркса, для тебя, думаю, нѣтъ человѣка, стоящаго вниманія. Что именно такую воодушевляешься ты надеждою, это я знаю, а не догадываюсь. Но сознаваясь, что я говорю правду, ты, можетъ быть, спросишь: какъ же это, Сократъ, относится къ ^{Р.} причинѣ твоей безотвязности, которую ты спѣшилъ-было открыть мнѣ, и по которой не оставляешь меня? Скажу и это, любезный сынъ Клиніаса и Димонахи. Цѣли всѣхъ этихъ помысловъ безъ меня достигнуть ты не можешь: столь велико, думаю, мое вліяніе на тебя и на твой обстоятельство! Потому-то Богъ, давно уже полагаю я, и не позволялъ мнѣ разговаривать съ тобою, а я все ждалъ, пока позволить. Вѣдь какъ ты надѣешься ² имѣть великую силу въ Е.

¹ На одномъ съ нами материкѣ, т. е. въ Европѣ. Подъ именемъ варваровъ разумѣются здѣсь Македоняне, Фракійцы и другіе народы.

² Вѣдь какъ ты надѣешься.... *ὡςπερ γὰρ σὺ ἐλλήδας ἔχεις ἐν τῇ πόλει.....* Греческій текстъ этого періода рѣчи очевидно перепутанъ и испорченъ: вмѣсто *ἰνδείξασθαι* *ὅτι.....* кажется, надобно читать: *ἰνδείξάμενος* *ὅτι αὐτὸς παντὸς ἕξιος εἶ, καὶ οὐδὲν* *ὅτι οὐ παραυτίκα δύνηται: οὐτω καὶὼ παρὰ σοὶ ἐπιπέσω μέγιστον* *δυνήσεσθαι.....* Это послѣднее *μέγιστον* *δυνήσεσθαι* надобно поставить въ зависимость отъ управляющихъ глаголовъ той и другой части періода, т. е. и отъ выраженія: *σὺ ἐλλήδας ἔχεις*, и отъ глагола *ἐγὼ ἐπιπέσω*. Бутиницъ, Шлейермахеръ и Шталъбомъ, основываясь на трехъ кодексахъ Алкивиада, находятъ нужнымъ изгнать изъ текста всѣ слова, начиная съ *ἰνδείξασθαι* до *δυνήσεσθαι*; но я думаю, что чрезъ это потерялась бы мысль, соотвѣтствующая мысли, слѣдующей далѣе — *ἰνδείξάμενος, ὅτι παντὸς ἕξιος εἶμ—σοὶ καί:*

городѣ, доказавъ ему предпочтительное свое достоинство, и что для тебя нѣтъ ничего невозможнаго: такъ и я надѣюсь имѣть величайшее вліяніе на тебя, доказавъ, что въ отношеніи къ тебѣ значу болѣе всѣхъ, что ни опекунъ, ни родственникъ, никто, кромѣ меня, лишь бы только Богъ помогъ, не въ состояніи сообщить тебѣ ту силу, которой ты жаждешь. Когда ты былъ моложе и еще не питалъ этой надежды, Богъ не позволялъ мнѣ бесѣдовать съ тобою,—кажется потому, что наша бесѣда тогда могла бы быть напрасна: ^{106.} а теперь онъ велитъ, теперь ты можешь слушать меня.

Алк. Я нахожу, Сократъ, что начавъ говорить, ты сдѣлался гораздо страннѣе, чѣмъ былъ прежде, когда слѣдовалъ за мною молча, хотя и въ то время казался очень страннымъ. Питаю ли я такія мысли, или нѣтъ, — у тебя, какъ видно, уже рѣшено: и еслибы я сталъ отказываться, это нисколько не помогло бы мнѣ убѣдить тебя. Пусть такъ. Однакожь, еслибы я и совершенно проникнуть былъ подобными мыслями, — какимъ же образомъ осуществляются онѣ чрезъ тебя, а безъ тебя ничего не выдетъ? Можешь ли сказать это?

В. *Сокр.* Ты такъ спрашиваешь, какъ будто я долженъ произнести тебѣ длинную рѣчь, къ какимъ столь привычно твое ухо ¹. Нѣтъ, мое дѣло не таково. Я, кажется, только въ состояніи доказать тебѣ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, если ты хоть немного поможешь мнѣ только въ одномъ.

Алк. Лишь бы тутъ не требовалось какой-нибудь трудной помощи, я готовъ.

Сокр. А трудно-ли, по твоему мнѣнію, отвѣчать на вопросы ²?

¹ *Къ какимъ столь привычно твое ухо.* Сократъ разумѣетъ *μακρολογία σοφιστικὴν*—то длиннословіе, надъ которымъ онъ шутитъ въ Горгіасѣ, Тевтетѣ, Политикѣ, Протагорѣ. Что Алкивиадъ учился у нихъ этому искусству, свидѣтельствуетъ Ксенофанъ (Мет. 1, 2, 30. 40).

² *А трудно ли, по твоему мнѣнію, отвѣчать*—*εἰ χηλεὸν δοκεῖ τὸ ἀποκρίνεσθαι.* Условная частица *εἰ* здѣсь вовсе неумѣстна. Повтому, согласно съ поправкою Бутмана и съ переводомъ Фицина, я читаю: *ἢ χηλεὸν δοκεῖ....*

Алк. Не трудно.

Сокр. Отвѣчай же.

Алк. Спрашивай.

Сокр. Но вѣдь я буду спрашивать тебя, какъ человѣка, проникнутаго именно тѣми мыслями, которыя тебѣ приписаны мною.

Алк. Пожалуй, если хочешь, только бы знать, о чемъ с. будешь спрашивать-то ¹.

Сокр. Хорошо. Итакъ ты думаешь, говорю я, чрезъ нѣсколько времени сдѣлаться совѣтникомъ Аѳинянь. Но еслибы, въ минуту твоего вступленія на кафедру, я взялъ да и спросилъ: Алкивиадъ! ты встаешь съ своимъ совѣтомъ, когда Аѳиняне вознамѣрились открыть о чемъ-то совѣщаніе: скажи, потому ли рѣшаешься на это, что разумѣешь дѣло лучше ихъ?—Что отвѣчалъ бы ты?

Алк. Конечно, отвѣчалъ бы, что разумѣю дѣло лучше ихъ.

Сокр. Слѣдовательно ты — хорошій совѣтникъ въ томъ D. самомъ, что случилось тебѣ уразумѣть?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. А разумѣешь ты только то, что узналъ отъ другихъ, или открылъ самъ?

Алк. Что же болѣе?

Сокр. Но можно ли изучить, или открыть что-нибудь, не желая ни учиться отъ другихъ, ни самому искать ²?

¹ *Только-бы знать, о чемъ будешь спрашивать-то* — *ἢνα καὶ εἰδῶ, ὃ τί καὶ ἴρης*. Замѣчательное употребленіе *καὶ* послѣ *ἢνα* и предъ глаголомъ для общенія ему особенной выразительности. Этотъ союзъ въ подобныхъ случаяхъ употребляется весьма часто. De Rep. IV p. 445. С. *δειρὸν οὖν, ἴδης, δεῦκα καὶ εἰδῆ ἔχει ἢ κακία*. Такихъ примѣровъ собрано много у Штальбома ad h. l. По-русски въ конструкціи сего рода *καὶ* надобно переводить частицами, усиливающими значеніе глагола, предъ которымъ этотъ союзъ поставленъ.

² *Не желая ни учиться отъ другихъ, ни самому искать*, — *μὴτε μαθηδέναι ἰθαίζων, μὴτε αὐτὸς ζητεῖν*. Критика привязчивая и мелочная, усиливаясь что-нибудь доказать, иногда доходитъ до смѣшнаго. Шлейермахеръ рѣшился, во что бы то ни стало, доказать, что Алкивиадъ подлощенъ, и въ угожденіе своей рѣшимости говорить, что приведенныя слова Платонъ написалъ бы такъ: *μὴτε ζητεῖν ἰθαίλων μὴτε μαθηδέναι*. Но юношѣ Алкивиаду надлежало приобрѣтать познанія сперва посредствомъ ученія, а потомъ, въ воз-

Алк. Нельзя.

Сокр. Что жъ? видно, думая что-нибудь узнать, ты захотѣлъ найти или изучить это?

Алк. Совсѣмъ нѣтъ.

Е. *Сокр.* А было ли время, когда того, что теперь знаешь, ты, по собственному своему убѣжденію, не зналъ?

Алк. Необходимо.

Сокр. Но вѣдь и мнѣ почти извѣстно, чему ты учился; а что неизвѣстно, скажи. На моей памяти, ты учился грамотѣ, играть на цитрѣ и фехтовать; олейтою же заниматься не хотѣлъ ¹. Вотъ что ты знаешь, если только не учился еще какому-нибудь искусству, которое ускользнуло отъ моего вниманія. Впрочемъ, выходя изъ дома, ты, думаю, не скрылся бы отъ меня ни днемъ ни ночью.

Алк. Да я и не ходилъ ни къ какимъ другимъ учителямъ, кромѣ этихъ.

107. *Сокр.* Итакъ, еслибы Аѳиняне совѣщались о грамотѣ, какимъ бы образомъ правильно писать,—всталъ ли бы ты съ своимъ совѣтомъ?

Алк. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Ну, а когда бы разсуждали объ игрѣ на лирѣ?

Алк. Никакъ не всталъ бы.

Сокр. А о фехтованьѣ-то, видишь, не имѣютъ они обыкновенія разсуждать въ собраніяхъ.

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ о чемъ же бы Аѳинянамъ совѣщаться? ужъ не о домостроительствѣ ли?

Алк. И то нѣтъ.

раствѣ зрѣломъ, чрезъ собственное изслѣдованіе. Это, кажется, согласіе съ логикою, а потому и съ тактомъ Платоновой рѣчи.

¹ Что касается до игры на олейтѣ, то, и по свидѣтельству Плутарха (Vit. Alcib. С. 2), Алкивиадъ къ этому искусству имѣлъ великое нерасположеніе. Дальнѣйшія слова: *ты не укрываешься отъ меня ни днемъ ни ночью*, очевидно, сказаны *ὑπερβολικῶς*. Потому слово ходитъ — *φύλαξ* указываетъ на учениковъ, ходящихъ, для слушанія уроковъ, въ домъ учителя; отъ этого ученики сего рода у Грековъ назывались *φύλακται*. Polluc. Onom. IV. 43.

Сокр. Въдь объ этомъ-то домостроитель будетъ разсуждать лучше тебя.

Алк. Да.

Сокр. Ты не захочешь также участвовать, когда Аеиняне вздумаютъ совѣщаться и о прорицаніи? В.

Алк. Не захочу.

Сокр. Потому что прорицатель въ этомъ отношеніи опять лучше тебя.

Алк. Да.

Сокр. Даже не смотря на то, малоизвѣстенъ онъ или знатенъ, красивъ или безобразенъ, благороденъ или неблагороденъ ¹.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Потому что совѣтъ-то о каждомъ предметъ бываетъ, думаю, со стороны знающаго, а не богатаго.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. То-есть, когда Аеиняне держатъ совѣтъ, какимъ бы образомъ сохранить здоровье гражданъ,—для нихъ все равно, бѣденъ совѣтникъ или богатъ; они только ищутъ совѣтника во врачѣ. С.

Алк. И справедливо.

Сокр. Такъ о чемъ же должны они разсуждать, чтобы, вставъ въ качествѣ совѣтника, ты всталъ кстати?

Алк. О своихъ дѣлахъ, Сократъ.

Сокр. Напримѣръ, о дѣлахъ, относящихся къ кораблестроенію, то-есть, какіе должны они строить корабли?

Алк. Но тутъ я не всталъ бы, Сократъ.

Сокр. Потому что строить корабли ты, думаю, не умѣешь. Эта причина, или другая?

Алк. Именно эта.

Сокр. О какихъ же своихъ дѣлахъ, говоришь ты, должны они разсуждать? Д.

¹ Не смотря на то, малоизвѣстенъ онъ, или знатенъ...—намекъ на тѣ преимуществъ Алкивиада, которыми онъ особенно гордился.

Алк. О войнѣ, о мирѣ и о другихъ дѣлахъ общественныхъ, Сократъ.

Сокр. Не то ли разумѣешь ты, что они должны совѣщаться,—съ кѣмъ заключить миръ, съ кѣмъ вести войну и какимъ образомъ?

Алк. Да.

Сокр. А это—не съ тѣми ли, съ кѣмъ лучше?

Алк. Да.

Е. *Сокр.* И не тогда ли, когда лучше?

Алк. Конечно.

Сокр. И столько времени, сколько выгоднѣе?

Алк. Да.

Сокр. Но еслибы Аѳиняне совѣщались, съ кѣмъ надобно схватываться, а съ кѣмъ препираться¹, и какимъ образомъ; то ты ли лучше бы посовѣтовалъ, или гимнастикъ?

Алк. Конечно гимнастикъ.

Сокр. И ты можешь сказать, на что смотря, гимнастикъ посовѣтовалъ бы, съ кѣмъ схватываться, съ кѣмъ нѣтъ, когда схватываться и какимъ образомъ? Говорю такъ: съ тѣми ли надобно схватываться, съ кѣмъ лучше, или нѣтъ?

Алк. Съ тѣми.

108. *Сокр.* И столько, сколько выгоднѣе?

Алк. Столько.

Сокр. И тогда, когда выгоднѣе?

¹ Съ кѣмъ надобно схватываться, а съ кѣмъ препираться,—*τίσι χερί προσκαταίειν, καὶ τίσιν ἀροχαιρίζεσθαι*. Значеніе этихъ глаголовъ объясняется правилами греческой гимнастики. *Timaeus Gloss.* p. 19.—*ἀροχαιρίζεσθαι* *πυκταύειν ἢ παυκρατιάζειν πρὸς ἕτερον ἄνευ συμπλοχῆς, ἢ βίως ταῖς ἀκραῖς μετ' ἄλλου γυμνάζεσθαι*, т. е., бороться, схвативши другъ друга только за руки. Принимаемому въ этомъ смыслѣ глаголу *ἀροχαιρίζεσθαι* хорошо противоплагается глаголъ *προσκαταίειν*, выражающій такую борьбу, въ которой борцы обхватывали другъ друга по поясу. Имѣя въ виду это несомнѣнное значеніе упомянутыхъ глаголовъ, странными кажутся слѣдующія слова Шлейермахера: *Das ἀροχαιρίζεσθαι, was sonst bei Platon nicht vorkommt, ist auch ein ganz unnutzes Auskrämen gymnastischer Gelehrsamkeit; ein populäres Beispiel hätte weit besser dasselbe ausgerichtet.* Но почему это выраженіе кажется Шлейермахеру не популярнымъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А кто и поетъ, тотъ долженъ ли иногда сопровождать пѣніе цитрою и мѣрнымъ движеніемъ?

Алк. Конечно, долженъ.

Сокр. И не тогда ли, когда лучше?

Алк. Да.

Сокр. И не столько ли, сколько лучше?

Алк. Полагаю.

Сокр. Что жъ? Признавъ лучшее въ томъ и въ другомъ, то-есть, и въ сопровожденіи пѣсни цитрою, и въ борьбѣ, что именно назовешь ты лучшимъ въ игрѣ нацитрѣ? Вотъ въ борьбѣ лучшее, говорю я, есть то, что бываетъ гимнастически; а тамъ что будетъ оно, по твоему мнѣнію?

Алк. Не понимаю ¹.

Сокр. Но попытайся подражать мнѣ. Я уже, кажется, отвѣчалъ, что то состоитъ въ совершенной правильности; а правильность, безъ сомнѣнія, естьсообразность съ искусствомъ. Не такъ ли?

Алк. Такъ.

Сокр. Искусство же тутъ не гимнастика ли?

Алк. Чему же быть иному?

Сокр. Такъ вотъ я и сказалъ, что въ борьбѣ лучшее— С. гимнастика.

Алк. Да, сказалъ.

Сокр. И вѣдь хорошо?

Алк. Кажется.

Сокр. Ну, теперь скажи и ты,—вѣдь и тебѣ нужно го-

¹ Не понимаю — *оὐκ ἴστωσ*. Критикамъ особенно странною кажется такая непонятливость даровитаго Алквиада. Конечно, ходъ Платоновой діалектики въ этомъ мѣстѣ недовольно ловокъ: но кто долго наблюдалъ, какъ иногда и способныя головы, не привыкши къ мышленію, мѣшаются и оказываются непонятливыми на самой первой степени отвлеченія представленій; тотъ не будетъ удивляться и непонятности Алквиада. Всякій понимаетъ, что въ музыкѣ бываетъ лучшее и худшее; но въ какомъ родовомъ объемѣ надобно мыслить лучшее? какъ назвать его вообще? На это непривычный къ строгому логическому мышленію не вдругъ можетъ отвѣчать.

ворить хорошо,—скажи сперва, къ какому искуству относится игра на цитрѣ, пѣніе и мѣрное движеніе. Какъ вообще называется это искуство? Неужели еще не можешь отвѣчать?

Алк. Да, не могу.

Сокр. Но попытайся такъ: кто тѣ богини, чье это искуство?

Алк. Ты разумѣешь Музъ, Сократъ?

D. *Сокр.* Конечно. Смотри же, какъ, по ихъ имени, называется это искуство?

Алк. Мнѣ кажется, ты говоришь о музыкѣ?

Сокр. Точно такъ. Что же въ отношеніи къ ней бываетъ правильно? Тамъ, въ отношеніи къ искуству гимнастическому я уже назвалъ тебѣ правильное: а здѣсь что назовешь ты такимъ? здѣсь какъ бываетъ?

Алк. Мнѣ кажется, музыкально.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Теперь возьми лучшее въ войнѣ и въ сохраненіи мира: какъ ты назовешь это лучшее? Тамъ, говоря о каждомъ дѣлѣ, ты призналъ лучшимъ—
E. въ одномъ музыкальность, въ другомъ гимнастичность: постарайся и здѣсь указать на лучшее ¹.

Алк. Но не такъ-то могу.

Сокр. А вѣдь стыдно. Еслибы кто-нибудь, слушая твои разсужденія и совѣты касательно пищи, что, то-есть, въ настоящее время и въ такомъ-то количествѣ одна пища лучше другой, наконецъ спросилъ: что называешь ты лучшимъ, Алкивиадъ?—Ты, даже и не выдавая себя за врача, конечно отвѣчалъ бы, что лучшее здѣсь — болѣе здоровое: какъ же бы не умѣть тебѣ, кажется, отвѣчать на
109. вопросъ о томъ, въ чемъ ты выдаешь себя за знатока и

¹ *Постарайся и здѣсь указать на лучшее.* Общее понятіе, о которомъ здѣсь спрашивается, въ умѣ Сократа есть *δικαιοσύνη*, а не *πολιτικότης*, что предполагаетъ Шлейермахеръ; ибо справедливость, по разуму древнихъ философовъ и особенно Платона, составляетъ сущность науки о гражданскомъ обществѣ.

касательно чего сталъ бы давать совѣты, будто человѣкъ знающій? Вѣдь это стыдно.—Или думаешь, нѣтъ?

Алк. Конечно стыдно.

Сокр. Вникни же и постарайся сказать, къ чему клонится лучшее какъ въ сохраненіи мира, такъ и въ войнѣ, съ кѣмъ должно?

Алк. Вникаю, но не могу придумать.

Сокр. И ты не знаешь, въ чемъ во время войны мы обвиняемъ другъ друга, что почитаемъ причиною начатія военныхъ дѣйствій и какъ называемъ эту причину?

Алк. Знаю. Мы находимъ, что насъ обманываютъ, притѣсняють, или лишаютъ чего-нибудь.

Сокр. Постой же; что мы терпимъ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ? Постарайся сказать, что бываетъ особеннаго тутъ или тамъ?

Алк. Говоря объ особенномъ тутъ или тамъ, не разумѣешь-ли ты, Сократъ, справедливости, или несправедливости¹?

Сокр. То-то и есть.

Алк. Да этимъ-то отличается все вообще.

Сокр. Что жъ? противъ кого идти войной посоветуешь ты Аѳинянамъ? противъ справедливыхъ, или несправедливыхъ.

Алк. Трудень вопросъ! Пусть бы кто и подумалъ, что С. надобно воевать съ справедливыми, все-таки не признался бы въ этомъ.

Сокр. Видно потому, что это незаконно.

Алк. Конечно; да кажется, и нехорошо.

Сокр. Слѣдовательно и твои рѣчи будутъ въ пользу этого—справедливости?

¹ Не разумѣешь ли ты, Сократъ, справедливости и несправедливости? Этотъ вопросъ, выражающій сомнѣніе Алквіада, весьма естественно могъ быть предложенъ юношею, который наслушался софистовъ; потому что софисты никакого понятія не извращали столько, сколько понятіе о справедливости, какъ это дѣлаетъ Трагимахъ въ первой книгѣ Государства. Итакъ недоумѣніе Шлейермахера и здѣсь неумѣстно.

Алк. Необходимо.

Сокр. Такъ не справедливое ли будетъ то лучшее, о которомъ я тебя спрашивалъ, — надобно ли то-есть воевать или нѣтъ, съ кѣмъ воевать и съ кѣмъ нѣтъ, когда воевать и когда нѣтъ?

Алк. Да, кажется.

D. *Сокр.* Какъ же такъ, любезный Алкивиадъ? развѣ ты забылъ, что этого не знаешь? Или можетъ быть я и не замѣтилъ, когда ты учился этому и ходилъ къ наставнику, который научилъ тебя различать справедливое отъ несправедливаго? Да кто онъ? скажи и мнѣ, порекомендуй ему въ ученики и меня.

Алк. Ты шутишь, Сократъ.

Сокр. Заклинаю тебя именемъ моего и твоего бога дружбы¹, которымъ я никогда не клянусь по-пусту: если у тебя есть такой учитель, скажи мнѣ, кто онъ.

E. *Алк.* Но что, если его нѣтъ? Нельзя ли тебѣ предположить, что справедливое и несправедливое я узналъ какъ-нибудь иначе?

Сокр. Можно, если ты самъ открылъ.

Алк. А что не открылъ, не представишь?

Сокр. И очень, если искалъ.

Алк. А что искалъ, не подумаешь?

Сокр. Пожалуй, еслибы думалъ, что не знаешь.

Алк. Да развѣ не было времени, когда я не зналъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь; но можешь ли указать на то время, въ которое не почиталъ себя знающимъ справедливое и несправедливое? Напримѣръ, въ прошедшемъ году испытывалъ ли ты себя и думалъ ли, что не знаешь, или не думалъ? Да отвѣчай вѣрно, чтобы нашъ разговоръ шелъ не по-пусту.

¹ *Именемъ моего и твоего бога дружбы, которымъ я никогда не клянусь.* Объ этой клятвѣ см. Евтиер. р. 6 В. Форма рѣчи: *которымъ я никогда не клянусь*, часто повторяема была по подражанію Омпру. *Iliad.* Θ. 39. σὺ θ' ἱερὴ κεραλή καὶ νεῖκερον λῆχος αὐτῶν χουρίδιον, τὸ μὲν οὖκ ἂν ἐγὼ κότε μὲν διότασι.

Алк. Думалъ, что знаю.

Сокр. Не такъ же ли въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ году назадъ?

Алк. Такъ же.

Сокр. А прежде этого времени ты былъ еще мальчикомъ? не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Тогда-то, разумѣется, ты думалъ, что знаешь.

Алк. Откуда же это разумѣется?

Сокр. Я часто слыхалъ, что во время своего дѣтства, В. играя въ кости, или въ какую-нибудь иную игру, въ школѣ и въ другихъ мѣстахъ, ты не сомнѣвался въ справедливомъ и несправедливомъ, но громко и смѣло говорилъ, что такой-то мальчикъ золъ и несправедливъ, что онъ обижаетъ ¹ тебя. Не правду ли я говорю?

Алк. Да что жъ мнѣ было дѣлать, Сократъ, когда меня обижали?

Сокр. А спрашивалъ ли бы ты, что тебѣ дѣлать, если бы не зналъ, обижаютъ тебя, или нѣтъ ²?

Алк. Но клянусь Зевсомъ,—я не то что зналъ, а ясно С. сознавалъ, что меня обижаютъ.

Сокр. Поэтому, бывъ еще мальчикомъ, ты уже думалъ, какъ видно, что разумѣешь справедливое и несправедливое.

Алк. Конечно, да и въ самомъ дѣлѣ разумѣлъ.

Сокр. Когда же ты это открылъ? Ужъ вѣрно не тогда, когда думалъ, что знаешь?

Алк. Безъ сомнѣнiя.

¹ *Что онъ обижаетъ тебя*,—καὶ ὡς ἀδικεῖ. Если среди игръ одно дитя какъ-нибудь обманывало другое, то обманутое обыкновенно говорило: ἀδικεῖς. Это было поговоркою Аеннянъ въ подобныхъ случаяхъ. Весьма ясный примѣръ читаемъ у Аристофана (Nub. 25): φάτω, ἀδικεῖς! *Faber. de ludo talorum V. ad. Remp. 1. p. 333 A.*

² Т. е., быть не можетъ, чтобы кто-нибудь сталъ спрашивать, что ему дѣлать, когда его обижаютъ, не узнавши напередъ, что такое—справедливость и несправедливость.

Сокр. Такъ въ какое время ты думалъ, что не знаешь? Смотри, вѣдь такого времени не найдешь.

Алк. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, я не могу указать на него.

Д. *Сокр.* Стало быть, ты узналъ это не чрезъ открытіе.

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. А сейчасъ сказалъ, что и не учился знать. Если же и не открылъ и не учился, то какъ и откуда знаешь?

Алк. Но можетъ быть я и неправильно отвѣчалъ тебѣ, что упомянутое знаніе самъ открылъ. Это случилось, вѣроятно, такъ: должно быть и я научился этому, какъ другіе.

Сокр. Значить, мы возвращаемся къ прежнему вопросу. Скажи мнѣ, отъ кого научился.

Е. *Алк.* Отъ народа.

Сокр. Не къ отличнымъ же учителямъ прибѣгаешь ты, когда ссылаешься на народъ.

Алк. А что? развѣ онъ не въ состояніи научить?

Сокр. Даже и тому, что шашечная игра, и что нѣтъ; хотя это, думаю, гораздо ниже справедливаго. Что? развѣ ты думаешь иначе?

Алк. Да.

Сокр. Значить, не имѣя возможности научить худшему, онъ въ состояніи преподавать лучшее?

Алк. Я думаю. Да и дѣйствительно, народъ въ состояніи научить многому, что будетъ лучше шашечной игры.

111. *Сокр.* Чему жъ это?

Алк. У него, напримѣръ, научился я говорить по-гречески, и въ этомъ отношеніи не могу назвать тебѣ другаго учителя, но чувствую себя обязаннымъ тому самому учителю, котораго ты не считаешь отличнымъ.

Сокр. Да, почтеннѣйшій, въ этомъ-то народъ—хорошій учитель, и науку его по справедливости можно хвалить¹.

¹ И науку его по справедливости можно хвалить—καὶ δικαίως ἐπαινεῖν τὸν αὐτὸν εἰς διδασκαλίαν. Мѣстоименіе αὐτὸν въ соединеніи съ словомъ εἰς διδασκαλίαν

Алк. Почему же?

Сокр. Потому что онъ обладаетъ именно тѣмъ, чѣмъ должны обладать хорошіе наставники.

Алк. Что ты разумѣешь?

Сокр. Развѣ не извѣстно тебѣ, что люди, намѣревающіеся учить чему-нибудь, должны напередъ сами знать это? Или нѣтъ?

Алк. Какъ же нѣтъ?

В.

Сокр. Но не правда ли, что знающіе должны быть согласны другъ съ другомъ, а не разногласить?

Алк. Да.

Сокр. А скажешь ли, что въ чемъ они разногласятъ, то знаютъ?

Алк. Ну нѣтъ.

Сокр. Такъ какимъ же образомъ быть имъ учителями въ томъ предметѣ?

Алк. Никакъ нельзя.

Сокр. Что жъ? разногласить ли, думаешь, народъ, что камень, что дерево? Когда ты спрашиваешь объ этомъ у кого-нибудь, — всѣ не то же ли самое разумѣютъ, не въ тому же ли самому бѣгутъ, съ намѣреніемъ взять камень или С. дерево? Не такъ ли и прочее въ этомъ родѣ? Эту-то почти мысль я соединяю съ твоими словами о знаніи греческаго языка. Или не такъ?

Алк. Такъ.

Сокр. Не въ томъ же ли, какъ сказано, согласны между собою и города, взятые порознь и вмѣстѣ? Тутъ они не спорятъ другъ съ другомъ и не говорятъ — одинъ одно, другой другое.

Алк. Конечно, нѣтъ.

наводитъ подозрѣніе на неповрежденность этого текста. Проклъ (р. 260) пишетъ его такъ: *καὶ δικαίως ἐπαινοῦντ' ἂν ἡ διδασκαλία*. Въ этой конструкціи умѣстно будетъ и *αὐτῶν*. Если же отдадимъ преимущество спискамъ, въ которыхъ стоятъ *εἰς διδασκαλίαν*, то *αὐτῶν* надобно тогда признать вовсе ненужною вставкою какого-нибудь глоссатора.

Сокр. Слѣдовательно тутъ-то они по справедливости и хорошіе учителя?

Алк. Да.

D. *Сокр.* Итакъ, еслибы мы вздумали сообщить кому-нибудь подобное знаніе, то правильно поступили бы, пославъ его въ науку къ народу?

Алк. Конечно.

Сокр. Напротивъ, чтò еслибы намъ захотѣлось знать не только то, чтò люди и чтò лошади, но и то, которые изъ нихъ быстры и которые нѣтъ? Могъ ли бы народъ научить этому?

Алк. Не очень.

E. *Сокр.* Такъ не убѣдительно ли для тебя доказательство, что этого онъ не знаетъ, что въ этомъ онъ—плохой учитель, когда тутъ несогласенъ самъ съ собою?

Алк. Я думаю.

Сокр. Равнымъ образомъ, еслибы намъ захотѣлось знать, не только то, чтò люди, но и то, которые изъ нихъ здоровы и которые больны: былъ ли бы народъ достаточнымъ для насъ учителемъ?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. И не заключилъ ли бы ты, что въ этомъ отношеніи онъ—худой учитель, когда бы замѣтилъ его разногласіе съ самимъ собою?

Алк. Я думаю.

Сокр. Что жъ теперь? кажется ли тебѣ, что въ отношеніи къ справедливымъ и несправедливымъ людямъ и поступкамъ, народъ согласенъ и въ цѣломъ своемъ составѣ, и другъ съ другомъ ¹?

Алк. Всего менѣе, Сократъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Что? тутъ онъ особенно разногласить?

¹ И во цѣломъ своемъ составѣ, и другъ съ другомъ—*αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἢ ἀλλήλοις*. Различаются—общее мнѣніе народа и мнѣнія частныхъ гражданъ о справедливомъ и несправедливомъ. Поэтому тѣ неправильно понимаютъ мысль, которые *ἀλλήλοις* замѣняютъ на *ἑαυτοῖς*, и переводятъ: ни съ самимъ собою, ни съ другими.

Алк. Да и непрестанно.

Сокр. Ты, думаю, никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы разногласіе людей касательно здоровыхъ и нездоровыхъ доходило наконецъ до сраженія и взаимнаго убійства.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, касательно справедливаго и несправедливаго, если не видѣлъ, то, знаю, слышалъ — и отъ Омира, и отъ многихъ другихъ. Вѣдь объ Одиссеѣ и Иліадѣ слышалъ?

Алк. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. А эти поэмы — не о разногласіи ли касательно справедливаго и несправедливаго?

Алк. Да.

Сокр. Тутъ вѣдь Ахейцы и Трояне, женихи Пенелопы, и Одиссей вступали въ сраженія-то и подвергались смерти именно за это разногласіе.

Алк. Твоя правда. С.

Сокр. Думаю, что и въ Танагрѣ¹ причиною смертей и сраженій между Аѳинянами, Лакедемонянами и Віотянами, а потомъ въ Херонее, гдѣ палъ и отецъ твой Клиніасъ, было не какое другое разногласіе, какъ вразсужденіи справедливаго и несправедливаго. Не такъ ли?

Алк. Правда.

Сокр. Итакъ эти ли, скажешь, знаютъ то, касательно чего разногласіе доводитъ ихъ самихъ до крайнихъ бѣдствій? Д.

Алк. Нѣтъ, не думаю.

Сокр. И не такимъ ли учителямъ приписываешь ты свое знаніе, которые, по твоимъ же словамъ, сами не имѣютъ его?

Алк. Походитъ.

Сокр. Такъ вѣроятно ли, что ты знаешь справедливое и несправедливое, когда касательно его находишься въ та-

¹ Разумѣется сраженіе при Танагрѣ, бывшее 4,89 Олимп. См. *Thucyd.* 1,185 вѣд. *Diodor.* XI, 81. Далѣе упоминается о сраженіи при Херонее, случившемся 2,83 Олимп.

комъ заблужденіи, и когда, какъ видно, ты ни у кого не учился этому, и самъ не открылъ?

Алк. Да, судя по твоимъ словамъ, невѣроятно.

Е. *Сокр.* А видишь ли, Алквиадъ, что и это опять ты не хорошо сказалъ ¹?

Алк. Что такое?

Сокр. Что говоришь, судя по моимъ словамъ.

Алк. Отчего же? развѣ не твои слова, что я ничего не знаю о справедливомъ и несправедливомъ?

Сокр. Конечно нѣтъ.

Алк. А мои?

Сокр. Да.

Алк. Какъ же это?

Сокр. Узнаешь вотъ изъ чего. Если я тебя спрошу, что больше, — единица, или два; то не скажешь ли ты, что два?

Алк. Скажу.

Сокр. Чѣмъ больше?

Алк. Единицею.

Сокр. Кто же изъ насъ говоритъ, что два больше одною единицею?

Алк. Я.

Сокр. Не правда ли, что я спрашивалъ, а ты отвѣчалъ?

Алк. Правда.

113. *Сокр.* Такъ я ли говорю объ этомъ, поколику спрашиваю, или ты, поколику отвѣчаешь?

Алк. Я.

Сокр. Положимъ еще, что я спросилъ бы тебя, какія

¹ А видишь ли, Алквиадъ, что и это опять ты нехорошо сказалъ, то-есть, судя по твоимъ словамъ, невѣроятно, какъ будто эти слова сказаны мною, а не тобою:—оборотъ весьма искусный и прямо сократическій. Но Шлейермахеру онъ почему-то не нравится. Въ словѣ «видишь ли»? замѣтенъ пріятный тонъ нѣсколько насмѣшливой шутки, какимъ оно отзывается въ Сутр. р. 202 D. Gorg. 475 E. и у Аристофана Ранн. в. 1136 etc.

буквы въ словѣ Сократъ, и ты отвѣчалъ бы мнѣ: кто тогда говорилъ бы?

Алк. Я.

Сокр. Ну такъ скажи мнѣ однимъ словомъ: если предлагается вопросъ и отвѣтъ, то кто говоритъ,—вопрошающій, или отвѣчающій?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, что отвѣчающій.

Сокр. А не я ли сейчасъ непрерывно спрашивалъ тебя? В.

Алк. Да.

Сокр. И не ты ли отвѣчалъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Что жъ? кто изъ насъ сказалъ, что было сказано?

Алк. Изъ допущеннаго видно, Сократъ, что я.

Сокр. И не то ли было сказано, что прекрасный сынъ Клиніаса, Алкивиадъ, не знаетъ о справедливомъ и несправедливомъ, а думаетъ, что знаетъ, и готовится идти въ собраніе Аѳинянъ съ намѣреніемъ подавать имъ совѣты въ томъ, чего вовсе не знаетъ. Не такъ ли было?

Алк. Оказывается такъ.

Сокр. Стало быть, надъ нами, Алкивиадъ, сбылась Еври-сидова поговорка. Ты, видно, слышалъ это отъ себя, а не отъ меня¹; не я говорилъ, а ты: меня же напрасно обвиняеи. Впрочемъ, и хорошо сказано: вѣдь у тебя въ умѣ, добра, въ самомъ дѣлѣ отчаянное предпріятіе²,—учить тому, чего не знаешь и чему не думалъ учиться.

Алк. Но я полагаю, Сократъ, что Аѳиняне и прочіе Элліны что совѣщаются о томъ, что справедливо, или несправедливо, ибо признаютъ это очевиднымъ для вся-

¹ Еврипидова *ἔρις*.
Varr. lectt. V. 20 *ἔρις*: σοὶ τὰ δὲ κινδυνεύεις, ἀλλ' οὐκ ἐμοῦ. О ней см. *Muref.*

² Отчаянное предпріятіе—*μανικὸν γὰρ ἐν νῶ ἔχεις*. Значеніе слова *μανικὸς* въ этомъ мѣстѣ можетъ быть опредѣлено словами Ксенофонта (*Mem.* 111, 9, 6): *μανίαν γὰρ μὴ ἐναντιοῦνται* определено словами Ксенофонта (*Mem.* 111, 9, 6): *μανίαν γὰρ μὴ ἐναντιοῦνται* τὸ δὲ ἀγνοεῖν εἶναι σοφίαν, οὐ μέντοι γὰρ τὴν ἀπεπιστημοσύνην ἐγγυτάτω μανίας ἐλογίζετο εἶπεν καὶ μὴ ἂ εἶδε δοξάζειν τε καὶ οἰεσθαι γινώσκειν въ знаніи того, чего не знаетъ, *μανία* есть не знаніе, а увѣренность

каго. Оставляя подобныя совѣщанія, они изслѣдываютъ, что полезнѣе имъ въ дѣлахъ; потому что справедливое и полезное, по моему мнѣнiю,—не одно и то же. Многимъ и величайшiя несправедливости доставляли пользу, а инымъ и справедливыя поступки, думаю, ни къ чему не послужили.

Сокр. Что жъ? если вовсе иное дѣло—справедливость, и Е. иное—польза, то опять не приписываешь ли ты себѣ знанiя, что полезно людямъ, и почему?

Алк. А что же мѣшаетъ, Сократъ, если ты снова не спросишь меня, у кого я научился этому, или какимъ образомъ открылъ самъ?

Сокр. Что ты это дѣлаешь ¹? Если слова твои несправедливы, и несправедливость ихъ можно доказать тѣмъ же способомъ, какъ доказаны прежнiя; то надобно, думаешь, слышать что-нибудь новое, какiя-нибудь иныя причины, какъ будто высшiя походятъ уже на изношенное рубище ², котораго надѣвать ты болѣе не хочешь, пока не принесутъ тебѣ доказательствъ чистыхъ, безъ пятенъ. Но, оставляя въ покоѣ предостерегательную твою оговорку ³, я все-таки спросилъ бы тебя, гдѣ учился ты узнавать полезное, и къ

¹ *Что ты это дѣлаешь*—*ὅσον τοῦτο ποιεῖς*: формула удивленiя, встрѣчающаяся также Схарм. р. 166 С. Сократъ удивляется тому, что Алкивиадъ опровергнутой вышензложеннымъ доказательствомъ, просить не подво ² подво то же доказательство новаго его положенiя.

² *Какъ будто высшiя походятъ уже на изношенныя рубища* ³ *τῶν προτέρων ὅσον σκευῶν κατὰ τετρακίδινον*... Подво словами *τὰ σκεῦη* и *Ἀριστοφάνη* разумѣется рухлядь всякаго рода, слѣдовательно и платье. Тау *Ἀριστοφάνη* Rap. 172 *σκευῶν* суть постельныя принадлежности; а у Пел. свойства души ющимъ ему словомъ *supellex* означаются и нравственныя свойства души (*Tecum habita, et noris quam sit tibi curta supellex*). ³ *ὅσον σκευῶν* есть прежнее доказательство, которое Алкивиадъ хотѣлъ ⁴ *ἄρτι* теперь устранить, какъ старую, наскучившую ему мебель.

³ *Предостерегательную твою оговорку*—*τὰς ἀσφαλίνας* ⁴ *ἀσφαλίνας* — передовая стража, авангардъ, выдвигаемый впередъ, чтобы оговорку, чтобы Сократъ противъ новаго его положенiя не ⁵ *ἄρτι* прежняго доказательства.

твой учитель; я соединилъ бы всѣ прежніе вопросы въ одинъ: и ты, очевидно, пришелъ бы къ тому же, ты не былъ бы въ состояніи доказать ни того, что самъ открылъ полезное, ни того, что научился узнавать его. Но какъ это тебѣ уже пріѣлось и ты не съ удовольствіемъ принялъ бы ту же самую рѣчь; то я, пожалуй, оставлю вопросъ: знаешь ты, или не знаешь, что полезно Афинянамъ? Скажи только, сдѣлай милость, справедливое и полезное — точно В. ли одно и то же, или не одно ¹. Если угодно, спрашивай меня, какъ я спрашивалъ тебя; а не то, раскрой дѣло самъ по себѣ.

Алк. Не знаю, Сократъ, могъ ли бы я раскрыть это самъ по себѣ.

Сокр. Да вообрази, добрякъ, что я—собраніе, народъ. Тамъ вѣдъ понадобится же тебѣ убѣждать каждаго. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не все ли равно — убѣждать людей по-одиночкѣ, или вдругъ многихъ въ этомъ предметѣ, который С. знаешь, подобно грамматисту, учащему грамотѣ и одного и нѣсколькихъ?

Алк. Все равно.

Сокр. Такимъ же образомъ, и преподающій науку чисель, учитъ ли какъ одного, такъ и многихъ?

А. Да.

Сокр. И кто знаетъ это, тотъ ариѳметистъ?

Алк. Конечно.

Сокр. а ты, въ чемъ можешь убѣждать многихъ, можешь ли убѣдить и одного?

¹ Точно ли оди
не знаетъ, что на
казать, что справед
если Алкивиаду неизв.
макеру не нравится хд
о нераздѣльности справе
убѣжденіе.

то же, или не одно. Когда оказалось, что Алкивиадъ называетъ справедливымъ, — Сократъ положилъ доказать, что справедливое и полезное нераздѣльны, и что слѣдовательно, справедливое, то неизвѣстно и полезное. Шлейермахеру не нравится хд того доказательства и даже самое мнѣніе Сократа о нераздѣльности справедливаго и полезнаго. Но это не ученое, а личное его убѣжденіе.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. И ужъ очевидно въ томъ, что знаешь?

Алк. Да.

- Сокр.* И человекъ, вступающій въ подобную бесѣду,
D. отличается отъ народнаго оратора только тѣмъ, что послѣд-
ній убѣждаетъ толпу, а первый—одного?

Алк. Должно быть.

Сокр. Ну такъ теперь, если все равно убѣждать многихъ
и одного, потрудись надъ однимъ мною ¹ и рѣшись доказать,
что справедливое иногда бываетъ бесполезно.

Алк. Ты досадителенъ, Сократъ.

Сокр. Но, начиная досадительностію, я намѣренъ увѣрить
тебя въ противномъ, въ чемъ ты увѣрить меня не хочешь.

Алк. Хорошо, говори.

Сокр. Только отвѣчай на вопросы.

- E. *Алк.* Нѣтъ, говори самъ по себѣ.

Сокр. Какъ? развѣ тебѣ не хочется быть убѣжденнымъ?

Алк. Очень хочется.

Сокр. А не тогда ли ты бываешь убѣжденъ, когда гово-
ришь, что это такъ?

Алк. Кажется.

Сокр. Отвѣчай же; а если не послушаешь самого себя,
что справедливое—полезно, другому-то не повѣришь.

Алк. Конечно нѣтъ, — надобно отвѣчать; вреда, дѣлю,
не будетъ.

115. *Сокр.* Ты настоящій прорицатель ²! Говори же, ³ дѣль
справедливости, одни, по твоему мнѣнію, полезны ⁴ Ругія—
нѣтъ?

¹ Потрудись надъ однимъ мною—*iv ipoi emmelteson*. Это чуждое чтеніе, спорчено. Въ по вѣроятному замѣчанію Бутмана, St. § 147 app. 11, ¹ *iv melleteson*. Въ спискахъ кларковомъ, ватиканскомъ и венеціанскомъ ² такъ: *iv ipoi monu*. Поэтому приведенное выраженіе, думаю, надобно читать ³ выраженію: *kolleous melleteson*. Такое чтеніе будетъ соответствовать вышн ⁴ *te kai ina peisete*.

² *Maetikos ucr ei*, т. е. ты говоришь справедлив ³ отя, подобно провѣ-
щателямъ, и самъ не знаешь, что провѣщаваетъ ⁴ лейермахеръ совсѣмъ
иначе и невѣрно понявъ эту эпифорему Сократъ

Алк. Да.

Сокр. Равнымъ образомъ, иныя прекрасны, иныя—нѣтъ?

Алк. Какъ это?

Сокр. Казалось ли тебѣ, что кто-нибудь, совершаетъ хотя и постыдное дѣло, однакожъ справедливое?

Алк. Не казалось.

Сокр. Напротивъ, все справедливое казалось прекраснымъ?

Алк. Да.

Сокр. А что прекрасно опять, то всегда ли добро? или иногда добро, иногда нѣтъ?

Алк. Я думаю, Сократъ, что иное прекрасное есть зло.

Сокр. Напротивъ, постыдное—добро?

Алк. Да.

Сокр. Не то ли разумѣешь ты, что напимѣръ на войнѣ многіе, помогая другу или родственнику, получаютъ раны и умираютъ, а тѣ, которые не помогаютъ, хоть и обязаны, остаются здоровыми?

Алк. Конечно.

Сокр. Такую помощь ты называешь прекрасною, смотря на намѣреніе спасти, кого надлежало; а это есть мужество. Не такъ ли?

Алк. Такъ.

Сокр. Напротивъ злою-то ты назовешь ее, смотря на смерть и раны. Не правда ли?

Алк. Правда.

Сокр. Но мужество не иное ли дѣло, чѣмъ смерть¹?

Алк. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно помогать друзьямъ есть дѣло прекрасное и злое не по одной и той же причинѣ?

Алк. Явно, что не по одной.

¹ Но мужество—не иное ли дѣло, чѣмъ смерть? Доказательство идетъ такъ: мужество, рассматриваемое само по себѣ, всегда хорошо и прекрасно. Поэтому преданный добродѣтели не будетъ обращать вниманія ни на какое, соединенное съ нею зло. А отсюда вытекаетъ, что истинно полезное не отдѣлимо отъ прекраснаго.

В.

С.

Сокр. Смотри же, напротивъ, прекрасное и доброе, какъ здѣсь, не по той же ли бываетъ причинѣ? Ты соглашаешься, что помощь есть дѣло прекрасное по причинѣ мужества: такъ мужество само по себѣ и имѣй въ виду, — добро оно, или зло. Исслѣдывай такъ: что избралъ бы ты себѣ, — добро, или зло?

Алк. Добро.

Сокр. И не то ли преимущественно, которое больше?

D. *Алк.* Да.

Сокр. И лишиться его хотѣлъ бы всего менѣе?

Алк. Почему не такъ!

Сокр. Но какъ ты думаешь о мужествѣ? За какую цѣну согласился бы ты лишиться его?

Алк. Да лучше не жить согласился бы я, чѣмъ быть трусомъ.

Сокр. Слѣдовательно трусость кажется тебѣ крайнимъ зломъ.

Алк. По мнѣ, — такъ.

Сокр. Которое, повидимому, тождественно съ смертію.

Алк. Полагаю.

Сокр. Но смерти и трусости не противоположны ли жизнь и мужество?

Алк. Да.

E. *Сокр.* И послѣдняго ты желалъ бы себѣ всего болѣе, а перваго — всего менѣе?

Алк. Да.

Сокр. Не потому ли, что это считаешь состояніемъ самымъ хорошимъ, а то — самымъ худымъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Но содѣйствіе друзьямъ на войнѣ, какъ дѣло прекрасное, не за то ли назвалъ ты прекраснымъ, что оно производитъ добро, по причинѣ мужества?

Алк. Разумѣется.

Сокр. И не за то ли — дѣломъ злымъ, что отъ него происходитъ зло, по причинѣ смерти?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не въ-правѣ ли мы теперь дать имя каждому дѣйствию? Извѣстнаго дѣйствія не назовешь ли ты злымъ, если оно производитъ зло? и не должно ли назвать его добрымъ, когда оно раждаетъ добро?

116.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. А поколику добро, оно похвально, поколику зло — постыдно?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно, сказавъ, что содѣйствіе друзьямъ на войнѣ есть дѣло хотъ и прекрасное, однакожь злое, ты сказалъ не болѣе того, что оно хотъ и добро, однакожь зло.

Алк. Твои слова, Сократъ, кажется, справедливы.

Сокр. Стало быть, нѣтъ ничего прекраснаго, что, какъ прекрасное, было бы зломъ; и нѣтъ ничего постыднаго, что, какъ постыдное, было бы добромъ.

В.

Алк. Видно нѣтъ.

Сокр. Ислѣдуй еще и такъ: кто живетъ прекрасно, тотъ не хорошо ли живетъ?

Алк. Хорошо.

Сокр. А живущіе хорошо не счастливы ли?

Алк. Какъ не счастливы?

Сокр. И счастливы они не чрезъ приобрѣтеніе ли благъ?

Алк. Преимущественно.

Сокр. Блага же прибрѣтаются не посредствомъ ли доброй и прекрасной дѣятельности?

Алк. Да.

Сокр. Значить, хорошо жить есть дѣло доброе.

Алк. Какъ же.

Сокр. А доброе дѣло прекрасно?

Алк. Да.

С.

Сокр. Слѣдовательно прекрасное и доброе опять у насъ — одно и то же?

Алк. Видимо.

Сокр. Стало бытъ, что находимъ мы прекраснымъ, то найдемъ и добрымъ?

Алк. Необходимо.

Сокр. Что жъ? дѣла добрыя полезны, или нѣтъ ¹?

Алк. Полезны.

Сокр. А касательно справедливаго, помнишь ли, въ чемъ мы согласились?

Алк. Кажется, въ томъ, что поступающіе справедливо, по необходимости, поступаютъ прекрасно.

Сокр. А поступающіе прекрасно совершаютъ дѣла добрыя?

Алк. Да.

D *Сокр.* А дѣла добрыя ¹ полезны?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно дѣла справедливыя, Алквиадъ, суть также и дѣла полезныя?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Что жъ? вѣдь это говоришь ты, а я спрашиваю?

Алк. Мнѣ кажется, очевидно.

Сокр. Такъ вотъ, еслибы кто сталъ совѣтовать—Аениннамъ ли то, или Пепаритянамъ ², съ увѣренностію, что онъ знаетъ справедливое и несправедливое, и началъ бы утверждать, что справедливость иногда бываетъ дѣломъ злымъ; то не посмѣялся ли бы ты надъ нимъ, когда держишься той мысли, что справедливое и полезное—одно и то же?

E. *Алк.* Но, клянусь богами, Сократъ, — я и самъ не знаю, что говорю. Я просто похожу на помѣшаннаго. По поводу твоихъ вопросовъ, мнѣ представляется то то, то другое.

Сокр. Значить, такъ и будетъ: кто чего не знаетъ, того душа въ томъ и заблуждается.

¹ *Что же? дѣла добрыя полезны или нѣтъ?* Доказательство имѣетъ форму слѣдующаго силлогизма: что хорошо, то полезно; а справедливое хорошо; слѣдовательно справедливое полезно.

² *Аениннамъ ли то, или Пепаритянамъ.* Пепаритъ—одинъ изъ дикладскихъ острововъ, изобиловавшій виномъ и оливками. См. *Shol. ad. h. l. Stephan. Byzant.* p. 635. *Ovid. Met.* VII, 470. Здѣсь онъ противопоставляется Аенинамъ по своей малозначительности.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. А ты не знаешь, другъ мой, что это за состояніе ¹?

Алк. Конечно не знаю.

Сокр. Но представь, что тебя спрашиваютъ: два у тебя глаза или три, двѣ руки или четыре, и объ иномъ тому подобномъ? Что будешь ты отвѣчать? иногда то, иногда другое, или всегда—одно и то же?

Алк. Хотя я уже и боюсь за себя, однакожь буду отвѣ- 117.
чать, кажется, одно и то же.

Сокр. Не потому ли, что знаешь? Это ли причина?

Алк. Я думаю.

Сокр. Стало быть, на что ты не-хотя даешь отвѣты противорѣчущіе, того не знаешь?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Но не самъ ли ты говоришь, что заблуждаешься, когда даешь отвѣты о справедливомъ и несправедливомъ, о прекрасномъ и постыдномъ, о худомъ и добромъ, о полезномъ и неполезномъ? Не очевидно ли слѣдовательно, что ты заблуждаешься по причинѣ незнанія этихъ предметовъ?

Алк. Мнѣ кажется. В.

Сокр. Но что? знаешь ли ты, какимъ образомъ взойдешь на небо?

Алк. Клянусь Зевсомъ, не знаю.

Сокр. Да не ошибочно ли твое мнѣніе объ этомъ?

¹ А ты не знаешь, что это за состояніе? Съ этимъ вопросомъ поставляя въ связи отвѣтъ Алквиада, что онъ дѣйствительно не знаетъ, Шлейермахеръ находитъ разговоръ здѣсь крайне нелѣпымъ. Могъ ли то-есть Алквиадъ не знать, что настоящее его состояніе есть состояніе незнанія, когда передъ этимъ онъ сказалъ, что походить на помѣшаннаго? Но должно замѣтить, что сынъ Клиніаса прежде почиталъ себя знающимъ и могъ придти къ сознанию своего незнанія только тогда, когда увидѣлъ, что его самоувѣренность находится въ противорѣчій съ его же отвѣтами; да и тутъ не хотѣлъ бы еще думать, что несообразность его отвѣтовъ происходитъ отъ незнанія разсматриваемаго предмета. Посему ходъ бесѣды въ этомъ мѣстѣ, мнѣ кажется, весьма естественъ. Мало ли и нынѣ такихъ занятыхъ собою людей, которые, говоря нелѣпости, отнюдь не полагаютъ, что говорятъ ихъ по незнанію дѣла, и чтобы не сознаться въ незнаніи, начинаютъ спорить, т. е. къ нелѣпостямъ прибавлять новыя нелѣпости.

Алк. Нисколько.

Сокр. А знаешь ли причину, или сказать тебѣ?

Алк. Скажи.

Сокр. Причина—та, другъ мой, что, не зная этого, ты и не считаешь себя знающимъ.

С. *Алк.* Это что опять?

Сокр. Смотри вмѣстѣ со мною. Чего ты не знаешь, и знаешь, что не знаешь, въ томъ заблуждаешься ли? Напримеръ, ты вѣроятно знаешь, что не знаешь, какъ приготовить кушанье?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ самъ ли думаешь, какъ приготовить его, и заблуждаешься, или поручаешь знающему?

Алк. Поручаю знающему.

Сокр. Ну, а плывя на кораблѣ, думаешь ли, какъ держать руль—вправо или влѣво—и заблуждаешься, поколику не знаешь этого, или поручаешь кормчему, а самъ остаешься въ покоѣ?

Алк. Поручаю кормчему.

Сокр. Значитъ, ты не заблуждаешься въ томъ, чего не знаешь, если знаешь, что не знаешь?

Алк. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Такъ понимаешь ли, что заблужденія въ дѣлахъ происходятъ отъ такого незнанія, которое бываетъ у человека, поколику онъ приписываетъ себѣ знаніе того, чего не знаетъ?

Алк. Какъ это опять?

Сокр. Вѣдь мы тогда рѣшаемся дѣлать, когда приписываемъ себѣ знаніе того, что дѣлаемъ?

Е. *Алк.* Да.

Сокр. А кто уже увѣренъ, что не знаетъ, тотъ поручаетъ дѣла другимъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Поручая же ихъ другимъ, онъ, въ отношеніи къ дѣламъ себѣ неизвѣстнымъ, живетъ безъ ошибокъ?

Алк. Да.

Сокр. Итакъ, кто ошибается? — ужъ, конечно, не тѣ, которые знаютъ?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Если же и не тѣ, которые знаютъ, и не тѣ, которые знаютъ, что не знаютъ, чего не знаютъ; то остаются ли еще другіе, кромѣ тѣхъ, которые, не зная, приписываютъ себѣ знаніе?

Алк. Нѣтъ, только эти.

118.

Сокр. Значитъ, это-то незнаніе, это низкое невѣжество и есть причина золь.

Алк. Да.

Сокр. И не правда ли, что оно особенно тогда губительно и постыдно, когда имѣетъ отношеніе къ дѣламъ величайшей важности?

Алк. И очень.

Сокр. Но что? можешь ли ты назвать предметы важнѣе справедливаго, прекраснаго, добраго и полезнаго?

Алк. Не могу.

Сокр. А не въ этомъ ли признаешь ты себя заблуждающимся?

Алк. Въ этомъ.

Сокр. Если же заблуждаешься, то изъ сказаннаго прежде не явно ли, что этихъ важнѣйшихъ предметовъ ты не только не знаешь, но еще, не зная ихъ, думаешь, будто знаешь?

Алк. Должно быть.

E.

Сокр. Бѣдный Алкивиадъ! какъ жалко твое состояніе! Я не рѣшился бы и назвать его, но такъ какъ мы — одни, скажу. Въдъ ты находишься въ самомъ постыдномъ невѣжествѣ, мой добрый другъ: въ этомъ обличаетъ тебя и твоя рѣчь, и ты самъ. Потому-то, стало быть, не выучившись, и скачешь ¹

¹ *Потому-то стало быть и скачешь* — *ὄϊδ καὶ ἄτταις ἄρα*. Глаголь *ἄτταις* употребленъ здѣсь весьма кстати и выражаетъ легкомысліе Алкивиада, съ которымъ онъ стремится къ дѣламъ общественнымъ, не бременя запасомъ вѣданія. Объ употребленіи этого глагола см. *Valckenar. ad. Euripid. Phoeniss.* p. 497. *Boissonad. ad. Philostr. Heroic.* p. 732.

къ дѣламъ общественнымъ. Впрочемъ, ты не одинъ страдаешь такую болѣзнію; между людьми, несущими гражданскія обязанности, есть много подобныхъ тебѣ: исключить должно развѣ нѣкоторыхъ и, можетъ быть, твоего опекуна Перикла.

Алк. Говорятъ однакожъ, Сократъ, что онъ не самъ собою сдѣлался мудрымъ, а обращался со многими мудрецами, — **С.** Питокломъ и Анаксагоромъ; да и теперь еще, находясь въ такой старости, для той же цѣли бесѣдуетъ съ Дамономъ¹.

Сокр. Что жъ? развѣ ты видывалъ мудреца, который не могъ бы сдѣлать мудрецомъ и другаго въ томъ, въ чемъ самъ онъ таковъ? Напримѣръ, кто научилъ тебя грамотѣ, тотъ и самъ былъ въ этомъ мудрецъ, и тебя сдѣлалъ мудрецомъ, да могъ бы сдѣлать такимъ и кого угодно. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Вѣдь и ты, наученный имъ, былъ бы въ состояніи **D.** научить другаго?

Алк. Да.

Сокр. Такимъ же образомъ — и цитристъ и гимнастикъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Хорошо, безъ сомнѣнія, доказательство, что люди, знающіе что-нибудь, дѣйствительно знаютъ это, когда они умѣютъ сдѣлать знающимъ и другаго.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Что жъ? можешь ли сказать, что Периклъ кого-ни- **E.** будь, начиная съ своихъ сыновей, сдѣлалъ мудрецомъ?

Алк. Но что дѣлать, Сократъ, когда сыновья Перикла были глупы²?

¹ Питоклъ, по схоластику къ этому мѣсту, былъ музыкантъ, τῆς τερνῆς μουσικῆς διδάσκαλος, Пивогорецъ, у котораго учились Агаеоклъ, Лампрокль и Дамонъ. О немъ упоминается также въ Протагорѣ, гдѣ онъ называется ὁ Κετοῦς. Что Периклъ пользовался уроками Анаксагора, говорятъ *Plut. vit. Per. init. Cicero. Brut. c. 11 Plat. Phaedr. p. 270 A.*

² Сыновей Перикла: Ксантиппа и Паралоса, по схоластику, называли βλιττομάμας: βλῖτται γὰρ καὶ βλῖττονες οἱ εὐχθῆεις, μάματα δὲ τὰ βρώματα, καὶ τὸ ἐσθίειν Ἀργεῖοι μαμμίαν ἔλεγον. ἐκ τούτων οὖν συνάγεται ὁ βλιττομάμας, ὁ ἐσθίειν εὐχθῶς, ὡς καὶ τυχομάμας ὁ τυχοῦστος.

Сокр. А твоего брата, Кливиаса?

Алк. О Кливиасъ, этомъ бѣшенномъ человѣкѣ, зачѣмъ и упоминать.

Сокр. Ну, пусть ужъ Кливиасъ — человѣкъ бѣшенный, а сыновья Перикла были глупы: тебя-то по какой причинѣ оставляетъ онъ въ такомъ состояніи?

Алк. Думаю, я самъ виноватъ; не слушаюсь.

Сокр. Но укажи мнѣ хоть на раба, хоть на свободаго — 119.
Афинянина или иностранца, который имѣлъ бы причину сказать, что, обращаясь съ Перикломъ, онъ сталъ мудрѣе: вотъ какъ я, напримѣръ, укажу тебѣ на Пиеодора Исолохова и Каллиаса Каллиадова, изъ которыхъ каждый, заплативъ Зенону сто минъ, сдѣлался и мудрымъ и знаменитымъ¹.

Алк. Клянусь Зевсомъ, что не могу.

Сокр. Пусть такъ. Что же думаешь ты о себѣ²? Хочешь ли остаться въ теперешнемъ состояніи, или приложить нѣсколько старанія?

Алк. Посудимъ вмѣстѣ, Сократъ. Впрочемъ, я понимаю В. твое замѣчаніе и согласенъ съ нимъ. Вѣдь правители города, исключая немногихъ, кажутся и мнѣ людьми необразованными.

Сокр. Такъ что же?

¹ О Пиеодорѣ въ Парменидѣ (р. 126 В) упоминается, какъ о другѣ Зенона; а Каллиасъ былъ афинскій полководецъ — Ἀθηναίων στρατηγός, по словамъ схолиаста, ἐνδοξός τε καὶ πολιτικός αὐτός. См. *Thucyd.* III, 61 sqq. *Groen van Prinsterer* (Проворогр. Plat. p. 74) говоритъ: Pythodorum fuisse mediocrem *τοῦτον καὶ ἐλλογιμὸν*; quia neque a caeteris scriptoribus multum celebratur neque a Platone, nisi quod in Parmenide dicitur *τις Ζήνωνος ἰσαίρος*. Но и въ этомъ разговорѣ Платона одъ замѣтенъ только по софистическимъ своимъ тонкостямъ и по склонности выводить изъ нихъ необыкновенныя заключенія. Поэтому свидѣтельство о Пиеодорѣ и Каллиасѣ надобно понимать здѣсь въ смыслѣ ироническомъ, и силу Сократовой рѣчи сосредоточивать особенно на томъ, что эти мудрецы были знамениты только потому, что брали большія деньги за свои уроки.

² Пусть такъ, что же думаешь ты о себѣ? Это εἶεν — пусть такъ, означаетъ, что Сократъ, показавъ Алкивиаду, какъ мало Периклъ заботился о его воспитаніи, вдругъ прерываетъ нить своей рѣчи и переходитъ къ другому предмету. У грамматиковъ такой оборотъ называется *συγκριτικὴ αἰτία μετὰ τὸν εἰρημένον*, συναρτὴ δὲ πρὸς τὰ μέλλοντα.

Алк. Такъ еслибы они были образованы, то намѣревающійся вступить въ состязаніе съ ними, конечно, долженъ бы учиться и упражняться, какъ бы готовясь противъ бойцовъ; а теперь это — люди неученые, и однакожь принимаютъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ: для чего же упражняться и озабочивать себя наукою? Вѣдь я увѣренъ, что способностями далеко превзойду ихъ ¹.

Сокр. Ахъ, что ты сказалъ, почтеннѣйшій! Это вовсе не достойно ни твоего лица, ни другихъ твоихъ качествъ.

Алк. Что же тутъ особеннаго и на что мѣтишь ты, Сократъ?

Сокр. Досадно мнѣ и за тебя, и за мою любовь.

Алк. Отчего?

Сокр. Пусть бы ты предполагалъ борьбу съ домашними.

Алк. А то съ кѣмъ же?

Сокр. И объ этомъ-то можетъ спрашивать человѣкъ, думающій о себѣ такъ высоко?

Алк. Что ты говоришь? развѣ не съ ними будетъ у меня борьба?

Сокр. Да представь, что ты управляешь хоть гребнымъ судномъ, имѣющимъ вступить въ сраженіе: довольно ли для тебя быть въ управленіи лучше всѣхъ корабельныхъ твоихъ соратниковъ? Или можетъ быть ты призналъ бы дѣломъ болѣе нужнымъ смотрѣть на истинныхъ своихъ враговъ, чѣмъ, какъ теперь, на сподвижниковъ въ боѣ? Надобно то-есть до

¹ *Вѣдь я увѣренъ, что способностями далеко превзойду ихъ.* Это самолюбіе, опирающееся на естественныхъ способностяхъ и принимающее ихъ вмѣсто познаній, можно почитать существенною и самую замѣтною чертою Алкивиадова характера. Дарованіе его сильное, но юное и, по юности, почти всегда живое, нерѣдко презирало опытность, требующую копотливости, усидчивости, долговременныхъ трудовъ, и только тогда начинало оцѣнивать ее, когда убѣждалось, что отъ легкихъ скачковъ молодого коня не проехоидеть ничего, кромѣ пыли. Такіе Алкивиады были гибельны и для самихъ себя и для другихъ, если не чувствовали надъ собою не только равныхъ имъ дарованій, но и приобретаемой трудомъ опытности, и почитали себя въ правѣ говорить: «Правители города, исключая немногихъ, мнѣ кажутся людьми необразованными.»

такой степени превосходить ихъ, чтобы они и не думали со- Е.
стязаться съ тобою, но презираемые, стали бы въ твои ряды
для одолженія общаго непріятеля, если ужъ ты въ самомъ дѣ-
лѣ намѣренъ совершить подвигъ прекрасный, достойный
тебя и города.

Алк. Да, я и намѣренъ-таки.

Сокр. Такъ нудя хорошо—любоваться своимъ превосход-
ствомъ надъ воинами ¹, а не смотрѣть на непріятельскихъ
полководцевъ, чтобы, смотря на нихъ и состязаясь съ ними,
превзойти ихъ!

Алк. Которыхъ же полководцевъ разумѣешь ты, Со- 120.
кратъ?

Сокр. Развѣ не знаешь, что нашъ городъ всякій разъ
воюетъ съ Лакедемонянами и съ великимъ царемъ?

Алк. Твоя правда.

Сокр. Итакъ, если думаешь быть полководцемъ своего
города; то думая, что тебѣ надобно бороться съ царями ла-
кедемонскимъ и персидскимъ, не правильно ли бы думалъ ты?

Алк. Ты, должно быть, говоришь правду.

Сокр. Такъ нѣтъ, добрякъ, ты вмѣняешь себѣ въ обязан-
ность смотрѣть на воспитателя перепеловъ Мидіаса ², и В.

¹ Куда какъ хорошо—любоваться своимъ превосходствомъ надъ воинами!
κάνυ σοὶ ἄρα ἕξιον ἀγαπᾶν, εἰ τῶν ἀρτίωτέων βέλτερον εἶ. Очевидно, что это выра-
женіе Сократа имѣетъ значеніе ироническое: но Шлейермахеръ, почему-то
считая иронию здѣсь неумѣстною, вмѣсто ἕξιον, софистуетъ читать ἐνάξιον.
Какихъ же образомъ съ прямымъ смысломъ этой рѣчи будутъ ввязаться слѣ-
дующія далѣе слова: ἀλλ' οὐ πρός τοὺς...?

² Ты смѣляешь себѣ въ обязанность смотрѣть на воспитателя перепеловъ Ми-
діаса. Самая колкая насмѣшка надъ личными качествами тогдашнихъ военныхъ
правителей. Въ Аены въ то время стекались отсюду искатели счастья и богат-
ства. Случались между ними люди настолько необразованные и неважные хоро-
шо греческаго языка, но и такіе, которые въ своемъ отечествѣ принадлежали
къ сословію мастеровыхъ и рабовъ. Всѣ подобные пришельцы, получая въ
Аенахъ право гражданства, наравнѣ съ благородными Аенинами, втѣсня-
лись въ ряды правителей и, чтобы тверже держаться на своихъ мѣстахъ,
старались льстить народу. Такимъ-то необразованнымъ искателемъ счастья,
вѣроятно, былъ и упоминаемый здѣсь Мидіасъ. Можетъ быть, онъ же слу-
жилъ предметомъ шутокъ и Аристофану подъ именемъ ἐρτυῖ. См. *Aristoph.*
Avv. 1297. Снес. *Athen.* XI p. 506 D., гдѣ объясняется это самое мѣсто Плу-
27*

на другихъ подобныхъ ему, которые принимаютъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, сохраняя на душѣ, сказали бы женщины, рабскіе волосы, и по необразованности, не снимаютъ¹ ихъ, но съ варварскимъ своимъ нарѣчіемъ выходятъ — не скажу управлять городомъ, а лѣстить ему. Смотри на этихъ-то описываемыхъ мною людей, предаешься ты нерадѣнію о самомъ себѣ, чтобы, приступая къ столь важному подвигу, и не учиться тому, что приобрѣтается ученіемъ, и не упражняться въ томъ, что требуетъ упражненія, тогда какъ слѣдовало бы приготовиться всякаго рода приготовленіемъ²,
 С. чтобы вступить на поприще гражданской службы.

Алк. Твои слова, Сократъ, кажутся мнѣ хотя и справедливыми, однакожъ я думаю, что лакедемонскіе полководцы и персидскій царь — не превосходятъ другихъ.

Сокр. Но разсмотри, почтеннѣйшій, это свое мнѣніе.

Алк. Въ какомъ отношеніи?

Сокр. Во-первыхъ, тогда ли, думаешь, увеличится твоя забота о себѣ, когда будешь почитать ихъ страшными, или не тогда?

Д. *Алк.* Явно, что когда буду почитать ихъ страшными.

тонова Алкивиада, и Мидіасъ называется *δρτυοκόπος*, т. е. птичникъ, учившій перепеловъ — точно такъ же драться между собою, какъ нынѣ въ Англіи учать драться пѣтуховъ. См. Schol. ad. Olymp. p. 158. То же говорятъ *Pollux IX 7. p. 1095. Suid. Meurs. De ludis Graecorum.* Можетъ быть, примѣромъ Мидіаса Сократъ шутливо намекаетъ и на Алкивиада; ибо, по свидѣтельству Плутарха (Т. I, p. 195 E), и Алкивиадъ тоже любилъ заниматься воспитаніемъ перепеловъ.

¹ Сохраняя рабскіе волосы,.... и не снимаютъ ихъ. Схолиастъ ad *Aristoph. Avv. 911: ἤν δὲ τῶν ἰλευδτρῶν τὸ κομῆν*, т. е. рабы стригли себѣ волосы до самой кожи; а юноши благородные отпускали ихъ и только слегка подстригали съ восемнадцатаго года жизни. См. *Junius de soma. p. 499 sqq. ed. Hag.* Но вольноотпущенники, по замѣчанію Бутмана, не вдругъ могли пользоваться этимъ привономъ. *Tim. Glossar. v. v. ἀνδραπόδοι τρίχα p. 35 Suid. T. I, p. 188 Eustath. ad. Iliad. I, p. 79.*

² Приготовиться всякаго рода приготовленіемъ — *πάσαν παρασκευὴν παρασκευασμένων.* Штальбомъ говорить, что подъ именемъ *παρασκευῆς* здѣсь разумѣются всѣ внѣшнія условія ораторскаго искусства, служація къ тому, чтобы понравиться народу, хотя бы приготовившійся такимъ образомъ и ничего не зналъ. Но, по моему мнѣнію, Платонъ говорить о приготовленіи истинномъ, только связь этого положенія съ предыдущими потеряна.

Сокр. А заботясь о себѣ, чаешь ли получить какой-нибудь вредъ?

Алк. Нисколько; напротивъ, великую пользу.

Сокр. Такъ вотъ въ твоемъ мнѣнїи и есть уже одно важное зло.

Алк. Правда.

Сокр. Во-вторыхъ, оно и ложно. Смотри на вѣроятность.

Алк. Какъ это?

Сокр. Благородныя ли поколѣнія, по всему вѣроятїю, даютъ бытіе лучшимъ природамъ, или неблагородныя?

Алк. Явно, что благородныя.

Е.

Сокр. А благородныхъ, если они притомъ и хорошо воспитаны, нельзя ли почитать совершенно способными для добродѣтели?

Алк. Необходимо.

Сокр. Разсмотримъ же сравнительно ихъ и наше происхожденіе. Хуже ли, думаешь, поколѣнія лакедемонскихъ и персидскихъ царей? Развѣ мы не знаемъ, что первые изъ нихъ суть потомки Иракла ¹, а послѣдніе — Ахемена ², и что родъ Иракла и Ахемена возводятъ къ Персею, сыну Зевсову?

Алк. Но вѣдь и нашъ идетъ отъ Эврисака ³, Сократъ, а 121. Эврисаковъ—отъ Зевса.

Сокр. Да и мой—отъ Дедала ⁴, благородный Алкивиадъ, а Дедаловъ—отъ Ифеста, сына Зевсова. Однакожъ ихъ-то

¹ Спартавцы производили свое племя отъ Эвристиена и Прокла, которые своимъ родоначальникомъ признавали Иракла. См. *Mano Sparta* 1, 2 p. p. 60 sqq.

² Схолиастъ, объясняя это мѣсто Алкивиада, родоначальникомъ Персовъ почитаетъ Ахемена, и потому персидскихъ царей называли, говорятъ, ахеменидами. Но древніе писатели—Геродотъ (VII, 11—150), и Аполлодоръ (II, 4—5) утверждаютъ, что родоначальникомъ ихъ былъ Персъ, сынъ Персея и Андромакхи, и что отъ нихъ уже произошли ахемениды. *Wesseling. ad. Herodot* (1, 25).

³ То же говорить и Плутархъ. См. *vit. Alcib.* 1.

⁴ Да и мой — отъ Дедала. Шлейермахеръ сильно порицаетъ писателя Алкивиада между прочимъ и за то, что онъ заставляетъ Сократа производить свой родъ отъ Дедала. Вопросъ, говорятъ онъ, настоятъ о происхожденїи

- роды, начинаясь ими, восходятъ до самаго Зевса линією царей, изъ которыхъ одни всегда управляли Аргосомъ и Лакедемономъ, другіе—Персією, а нерѣдко, какъ и теперь, Азією: напротивъ мы и сами-то люди частные, и отцы
- В. наши. Еслибы ты счелъ нужнымъ указать Артаксерксу, сыну Ксеркса, на своихъ предковъ и на Саламинъ, отечество Эврисака, либо на Эгину, родину Эака¹, жившаго еще прежде; то какой, думаешь, подвѣлся бы смѣхъ! Между тѣмъ смотри: мы малы не только по отношенію къ важности рода тѣхъ мужей, но и по отношенію къ ихъ воспитанію. Развѣ не знаешь, сколь важнымъ преимуществомъ пользуются лакедемонскіе цари? Ихъ жены, по закону, охраняются вѣрами, чтобы царь не былъ зачатъ какъ
- С. нибудь тайно—отъ другаго, кромѣ ираклидовъ. А въ Персіи онъ такъ высокъ, что никто и не подозреваетъ, будто царственное дитя можетъ родиться отъ другаго рода, кромѣ царскаго. Поэтому жена персидскаго царя охраняется однимъ страхомъ. Когда же рождается старшій сынъ, наследникъ власти,—сперва тутъ же празднуютъ всѣ въ предѣлахъ его царства; потомъ этотъ день и въ послѣдующія времена,

естественномъ, а Сократъ впутываетъ сюда происхожденіе по художеству его отца. Но генеалогія древнихъ греческихъ фамилій — дѣло запутанное и доселѣ нерѣшенное. Известно, что сословіе аѳинскихъ врачей признаваемо было за потомство Эскулапа: но Асклеиады у Аѳинянъ только ли по искусству были потомки этого хориога медицины, или и по естественному происхожденію? Тотъ же самый вопросъ возможенъ и въ отношеніи къ фамиліи Сократа. Ничто не мѣшаетъ допустить, что въ Аѳинахъ было покладнѣе статуищниковъ, возводившее свой родъ къ Дедалу, первому изобрѣтателю вѣятельнаго искусства. Это даже весьма правдоподобно—потому, что въ аѳинской республикѣ въ числѣ демъ (*δῆμος*) одна называлась Дедалидою (Steph. Byzant). Правда, Сократова фамилія происходила изъ демы алопекской, а не Дедаливой: но это могло случиться отъ того, что демы впоследствии были раздѣлены на братріи и, чрезъ это подраздѣленіе, переимѣнились. Что же касается до Дедала, то онъ, по схоластику, былъ потомокъ Эрехтея, сына Вулканова или Иеостова. Впрочемъ, не входя въ генеалогическія соображенія, можно сказать просто, что Сократъ, называя себя потомкомъ Дедаловымъ, могъ разумѣть это въ смыслѣ ироническомъ (Men. 97 E), чтобы тщеславію Алкивиада противопоставить пріятную шутку.

¹ Эврисакъ, говорятъ, былъ сынъ Эака. *Mulleri Aeginetica*, p. 21 sqq.

въ память царскаго рожденія¹, становится днемъ жертвоприношеній и празднованія для всей Азии: напротивъ, когда рождаемся мы, Алкивиадъ, тогда, по комической пословицѣ, и D. сосѣди что-то не очень чуютъ². Послѣ того дитя воспитывается не какою-нибудь ничтожною женщиною-кормилицею, а евнухами, знатнѣйшими особами, окружающими царя. На нихъ возлагается какъ всякое попеченіе о новорожденномъ, тагъ въ особенности заботливость о его красотѣ, чтобы то-есть они развивали и выправляли его члены. Такое занятіе доставляетъ имъ высокія почести. Достигнувъ семилѣтняго E: возраста, дѣти знакомятся съ лошадьми, ходятъ къ учителямъ въ верховой ѣздѣ и начинаютъ охотиться за звѣрями. А когда минеть дитяти четырнадцать лѣтъ,—берутъ его къ себѣ такъ называемые царскіе пѣстуны. Они избираются изъ Персовъ и составляютъ отличнѣйшую четверицу своего времени: это—самый мудрый, самый справедливый, самый разсудительный и 122. самый мужественный. Самый мудрый учитъ его магіи³, на-

¹ Въ память царскаго рожденія—βασιλέως γενέθλια. Аммоній хорошо различаетъ γενέθλια и γενέσια. γενέθλια учреждается ради живущихъ: это—тотъ день, въ который кто родился, и называется днемъ рожденія. Напротивъ γενέσια учреждается ради умершихъ: это—день, въ который кто скончался. По свидѣтельству Геродота (I, 135) и Атенея (IV, 143), день рожденія у Персовъ празднуемъ быть неопустительно.

² И сосѣди что-то не очень чуютъ—οὐδ' οἱ γείτονας σφόδρα τι αἰσθάνονται: пословица, происхождение которой Олимпіодоръ (р. 157) и Схولیастъ относятъ къ Платону-коміку. Платонъ-философъ имѣлъ ее въ виду также de Rep. VII, р. 531. А. Lucian. Charont. § 16. ἔν και πίσση, ἀσφορτί κείσεται μόγις και τοῖς γείτοσιν ἰκκονοσίντες τοῦ πώματος. Cicero. Orat. Cat. 11, 10, 21. Conguant, sed ita, ut non modo civitas, sed ne vicini quidem proximi sentiant. Кромъ того Муретъ (varr. lectt. VIII, 12) сравниваетъ съ этимъ мѣсто изъ Плутарха (Phoc. 30). Ἐμοῦ μὲν, ὦ παῖ, τὴν σὴν μητέρα γαρῶντος οὐδ' ὁ γείτων ἤθετο, τοῖς δὲ σοῖς γάρμοις και βασιλεῖς και δυνασταὶ συχρηγοῦσιν.

³ Самый мудрый учитъ его магіи. Астъ (de vita et script. Plat. р. 639), замѣтивъ, что слово μαγία ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Платоновыхъ сочиненій не употребляется, заключаетъ, что весь этотъ разговоръ написанъ не Платономъ: заключеніе удивительное! О магахъ еще задолго до Платона говорилъ Геродотъ и другіе: слѣдовательно не могло не быть въ употребленіи тогда же и слово μαγία. А если это справедливо, то почему, говоря о магахъ, нельзя было бы Платону употребить его? Такія доказательства полноты сочиненія не заслуживаютъ никакого вниманія. Къ числу словъ неплатоническихъ, Астъ относитъ также κινῆ βουλῆ (р. 119 В. 124 В), κρημνῶς

чертавной Зороастромъ (Оромазовымъ¹: это наука о богочитаніи, разсуждающая и о дѣлахъ царскихъ. Самый справедли-
 вый располагаетъ его слѣдовать во всю жизнь истинѣ. Самый
 разсудительный наставляетъ его не подчиняться ни одной
 страсти, чтобы получить навыкъ быть человѣкомъ свобод-
 нымъ—дѣйствительно царемъ, не рабствуя, но прежде всего
 господствуя надъ собою. Самый мужественный развиваетъ въ
 немъ чувство безобязвенности и неустрашимости, и доказы-
 ваетъ, что, предаваясь трусости, онъ уже—рабъ. Напро-
 В. тивъ тебѣ, Алквиадъ, Периклъ далъ въ пѣстуны одного изъ
 домашнихъ слугъ, Зоцира² Фракиянина, по причинѣ ста-
 рости, человѣка самаго бесполезнаго. Я раскрылъ бы предъ
 тобою и другія черты воспитанія и образованія твоихъ
 противниковъ, еслибы это дѣло могло быть непродол-
 жительно, и еслибы изъ сказаннаго доселѣ не вытекало
 все, что за этимъ слѣдуетъ. Что же касается до рожденія,
 воспитанія и образованія тебя, Алквиадъ, или всякаго дру-
 гаго Аѳинянина; то это, смѣю сказать, ни для кого неза-
 нимательно, исключая тѣхъ людей, которые тебя любятъ.
 Ваглянешь ли опять на богатство, на пышность, на одеж-
 С. ды, на шлейфы плащей, на разліяніе благовоній, на много-

(р. 111, E), *δουλοπρίπεια* (р. 135 C), основываясь опять на томъ, что они будто бы не встрѣчаются въ другихъ діалогахъ Платона. См. Crit. p. 49 D. Его при-
 водитъ въ недоумѣніе и то, что *μαγεία* въ Алквиадѣ называется *θεῖον θεράπεια*.
 Но зачѣмъ магію халдейскую, занимавшуюся волхвованіемъ, таинственнымъ
 исцѣленіемъ болѣзней и другими видами предрасудковъ, сливать въ одно съ
 магією Зороастровою, о которой, кромѣ Аристотеля (ар. Diog. L. Proöm. § 8)
 говоритъ Порѳирій (de abstin. IV, p. 165): *παρά γε μὴν τοῖς Πέρσαις οἱ περὶ
 τὸ θεῖον σοφοὶ καὶ τοῦτου θεράποντες μάγοι προσηγορεύονται*. То же находимъ у
 Исихія: *Μάγον τὸν θεοσεβῆ καὶ θεόλογον καὶ κερτα οἱ Πέρσαι οὕτω καλοῦσι*. Но луч-
 ше всѣхъ изслѣдываетъ это Beckius въ *Anleitung zur genauern Kenntniss
 der allgemeinen Weltgeschichte*. T. I, P. 1, p. 646, ed. 2.

¹ Древнѣйшимъ философамъ Грековъ Зороастръ былъ вовсе неизвѣстенъ. Свѣ-
 денія о немъ и его ученія распространились въ Греціи уже во время персидскихъ
 войнъ и, какъ новыя, были крайне перетолковываемы и обезображиваемы. Вслѣд-
 ствіе сего и Платонъ называетъ Зороастра сыномъ Оромазовымъ т. е. Ормуз-
 довымъ, и такимъ образомъ человѣка соединяетъ съ Богомъ узами рожденія.

² Объ этомъ изъ современниковъ упоминаетъ одинъ Платонъ. Только на
 свидѣтельствѣ Платона основывается тотъ же фактъ и у Плутарха (Alc. c. 1)

численныя свиты прислужниковъ, и на другое довольство Персовъ,—тебѣ будетъ стыдно за самого себя, ты увидишь, какъ далеко отсталъ отъ нихъ. Потомъ, если захочешь обратить вниманіе на разсудительность, благонравіе, ловкость, ласковость, великодушіе, добропорядочность, мужество, терпѣливость, трудолюбіе, стремленіе къ добродѣтели и честолюбіе Лакедемонянъ; то во всемъ этомъ признаешь себя дитятею. А когда еще остановишься на богатствѣ, и по богатству будешь придавать себѣ нѣкоторое значеніе; то и тутъ мы можемъ сказать, въ какомъ ты найдешь себя состояніи. Пожелай только обозрѣть лакедемонскія богатства, и узнаешь, что здѣшнее далеко отстало отъ тамошняго. Никто не будетъ сомнѣваться какъ въ обширности, такъ и въ добротѣ земли, которою они владѣютъ и у себя, и въ Мессинѣ; всѣмъ извѣстно, какое множество у нихъ рабовъ, особенно илотовъ, также лошадей и другаго скота на пастбищахъ мессинскихъ ¹. Но я оставляю все это, говорю только, что золота и серебра нѣтъ столько въ цѣлой Элладѣ, сколько находится его въ одномъ Лакедемонѣ ². Въ продолженіе многихъ поколѣній оно стекается туда отъ всѣхъ Эллиновъ, а нерѣдко и отъ варваровъ, выхода же ему нигуда нѣтъ. Это точно какъ въ Езоповой баснѣ лисица говоритъ льву: слѣды денегъ, втекающихъ въ Лакедемонъ, видны, а вытекающихъ изъ него никто и нигдѣ не видитъ. Отсюда легко понять, что тамошніе жители золотомъ и серебромъ богаче всѣхъ Эллиновъ, особенно же царь ихъ; потому что важнѣйшіе и большіе изъ такихъ доходовъ назначены царямъ. Сверхъ того, не мала и подать, которую Лакедемоняне платятъ своимъ государямъ. Впрочемъ, в. какъ ни велики богатства Лакедемонянъ, въ сравненіи съ

¹ Олимпіодоръ (р. 162) и Схолиастъ при этомъ приводятъ стихъ Тиртея: *Μισθόν τε ἀγαθόν μιν ἀροῦν, ἀγαθόν δέ φρούρειν.*

² О богатствѣ Лакедемона Платонъ упоминаетъ также въ Иппіасѣ болшемъ (р. 283 D) Что Лакедемонъ во времена Платона былъ дѣйствительно такъ богатъ и сказаніе Платоново въ этомъ отношеніи не преувеличено, явствуетъ изъ наслѣдованій Бежика (Oecon. Athen. T. I, 32. T. II, p. 138 sq.)

элинскими, но въ отношеніи къ богатству Персовъ и ихъ цари, они ничего не значать. Когда-то я слышалъ отъ чело-
вѣка достовѣрнаго ¹,—отъ одного изъ тѣхъ, которые са-
ми ѣздили къ царю: онъ рассказывалъ, что проѣзжалъ чрезъ
обширную и прекрасную область, простирающуюся почти
на цѣлый день пути, и что эту область туземцы называ-
ютъ поясомъ царицы. Есть будто бы и другая, называемая
С. опять головнымъ покрываломъ. Есть и нѣсколько столь же
обширныхъ и прекрасныхъ мѣстъ, назначенныхъ для укра-
шенія царской жены, и каждое изъ нихъ носитъ названіе
особаго ея наряда. Итакъ я думаю, еслибы кто матери царя
и женѣ Ксеркса, Аместрисѣ ², сказалъ, что съ ея сыномъ за-
тѣваетъ состязаться сынъ Димонахи, которой нарядъ стоитъ,
можетъ быть, много какъ мнѣ пятьдесятъ, а у самого сы-
на земли въ Эрхіи не будетъ и трехъ-сотъ плетровъ: то она
удивилась бы, на какія же средства полагается этотъ Алки-
D. виадъ, затѣвая вступить въ борьбу съ Артаксерксомъ, и ка-
жется, замѣтила бы, что у него быть не можетъ никакихъ
другихъ способовъ, кромѣ старанія и мудрости; потому что
у Грековъ только это имѣеть цѣну. А когда донесли бы ей,
что тотъ же самый Алквивиадъ рѣшается на такое предпрія-
тіе, во-первыхъ, не имѣя отъ роду и полныхъ двадцати
лѣтъ, во-вторыхъ нисколько не приготовившись къ тому

¹ Я слышалъ отъ челоѣка достовѣрнаго. Олимпіодоръ (р. 167) полагаетъ, что Сократъ разуметь здѣсь Ксенофонта, который совершилъ походъ въ Персію, чтобы подать помощь Киру младшему противъ брата его Артаксеркса, и могъ узнать о подробностяхъ въ жизни персидскихъ царей. Этого же мнѣнія держатся и другіе писатели, какъ-то Геродотъ (II, 98), Цицеронъ (Verг. III, 33) и проч. Но еслибы Платонъ слышалъ это отъ Ксенофонта, то написаніе Алквивиада надлежало бы отнести ко времени, послѣдовавшему за смертію Сократа, что невѣроятно.

² Матери царя и женѣ Ксеркса, Аместрисѣ. Эта Аместриса, жена Ксеркса, не была ли царица Эсвиръ,—ученымъ образомъ наследовалъ Весселингъ. (Обзегв. II. 24. р. 25). Шестьдесятъ мнѣ у Грековъ составляли талантъ (τάλαντον); а талантъ на наши деньги равнялся 250 руб. сер.; слѣдовательно нарядъ Димонахи (въ 50 мнѣ) стоилъ около 208 руб. Плетръ (πλίτρον) у древнихъ Грековъ обнималъ пространство земли 240 футовъ въ длину и 120 въ ширину, т. е. заключалъ въ себѣ 28,800 квадратныхъ футовъ. Эрхіа было селеніе въ дельтѣ эгейской, о которомъ см. *Diodor.* у Гарпократіона и *Herulii.*

ученіемъ, да сверхъ того, если любящій его человѣкъ совѣтуетъ ему напередъ учиться, упражняться, трудиться и потомъ-то уже состязаться съ царемъ,—онъ не хочетъ и **Е.** утверждаетъ, будто довольно ему быть и такимъ, каковъ есть; тогда она, думаю, изумилась бы и спросила: что же бы такое могло быть, на что этотъ мальчикъ надѣется? и какъ скоро мы сказали бы ей, что на красоту, знаменитость, происхожденіе, богатство и способности души; то, видя у своихъ все такое, она почла бы насъ, Алквиадъ, сумасшедшими. Да хоть взять Лампиду, дочь Леонтихида, **124.** жену Архидамъ ¹ и мать Агиса (всѣ эти мужи, извѣстно, были царями): вѣдь и она, видя, какъ велики способности ея родныхъ, удивилась бы, кажется, еслибы узнала, что ты, столь худо приготовленный, намѣреваешься состязаться съ ея сыномъ. А не стыдно ли, думаешь, что непріятельскія женщины лучше судятъ о насъ, какими намъ должно быть, возставая противъ ихъ гражданъ, нежели мы—о самихъ себѣ? Такъ повѣрь, почтеннѣйшій, и мнѣ и дельфійской надписи: «познай самого себя»—что это-то наши противники, а **В.** не тѣ, которыхъ ты представляешь, и что изъ нихъ ни одного не пересилимъ мы иначе, какъ стараніемъ и искусствомъ. Если въ этомъ будетъ у тебя недостатокъ, то не сдѣлать-ся тебѣ славнымъ между Эллинами и варварами, къ чему ты, кажется, стремишься, какъ никто ни къ чему не стремился.

Алк. Въ чемъ же должно состоять мое стараніе, Сократъ? Можешь ли сказать это? Вѣдь твои слова болѣе всего походятъ на правду.

Сокр. Пожалуй; однакожь поразсудимъ вмѣстѣ, какимъ бы образомъ сдѣлаться намъ лучшими. Вѣдь я не говорю, что тебѣ надобно учиться, а мнѣ нѣтъ; потому что между **С.** мною и тобою нѣтъ другаго различія, кромѣ одного.

Алк. Какого?

¹ Здѣсь говорится о спартанскомъ царѣ Архидамъ III, товарищѣ Клеомена II. При концѣ его царствованія возгорѣлась пелопонезская война, которая, по его имени, называется также архидамскою. *Herman. Lex.*

Сокр. Того, что мой опекунъ лучше и мудрѣ твоего—
Перикла.

Алк. Кто же онъ, Сократъ?

Сокр. Богъ, который до настоящаго дня не позволялъ мнѣ
говорить съ тобою, Алкивиадъ. Вѣря ему, я утверждаю,
что ты ни чрезъ кого другаго не достигнешь знаменито-
сти ¹, кромѣ какъ чрезъ меня.

Алк. Шутишь, Сократъ.

Д. *Сокр.* Можетъ быть; однакожъ то справедливо, что намъ
нужно стараніе. Нужно оно, лучше сказать, и всѣмъ лю-
демъ, но намъ-то особенно.

Алк. Что нужно мнѣ, такъ это неложно.

Сокр. Да неложно, что и мнѣ.

Алк. Что же мы будемъ дѣлать?

Сокр. Не терять духа и не ослабѣвать, другъ мой.

Алк. Ужъ конечно не годится, Сократъ.

Сокр. Да, не годится; но должно изслѣдывать общими си-
лами. И вотъ скажи мнѣ: вѣдь мы объявляемъ, что хотимъ
сдѣлаться наилучшими? Не такъ ли?

Е. *Алк.* Да.

Сокр. Въ какой добродѣтели?

Алк. Очевидно — въ той, но которой люди бываютъ
добрыми.

Сокр. Въ чемъ же они бываютъ добрыми?

Алк. Явно, что въ совершеніи дѣлъ.

Сокр. Какихъ? тѣхъ ли, которыя касаются лошадей?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Иначе мы пошли бы къ конюхамъ?

Алк. Да.

¹ Не достигнешь знаменитости—*ἢ ἐπιφάνεια—τοῖ ἐστίν.*—Люди въ обществѣ
замѣтные или знаменитые у Платона называются *ἐπιφάνεις*. Нѣтъ ничего уди-
вительнаго, что въ этомъ же смыслѣ онъ могъ употребить и *ἐπιφάνεια*, какъ
употребляютъ его—Isaeus p. 167 τὸ μέγεθος τῶν δικῶν ἐπιφάνειαν τινα ἐποίησεν
Diodor. XIX. 1. διὰ καὶ τῶν πόλεων ἔναι τοὺς ἰσχυροτάτας μάλιστα τῶν πολιτευομένων
ὑποπεύουσαι καθαρῶς αὐτῶν τὰς ἐπιφάνειας. Поэтому Шлейермахеръ и Астъ
не имѣли никакой причины почитать это слово не платоническимъ.

Сокр. Такъ скажешь, корабельныхъ?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Потому что тогда мы пошли бы къ корабельщикамъ?

Алк. Да.

Сокр. Какихъ же дѣлъ? какія дѣла совершаютъ они?

Алк. Тѣ, которыя свойственны честнымъ и добрымъ

Аѳинянамъ.

Сокр. Но честными и добрыми ты называешь умныхъ, ^{125.}
или неумныхъ?

Алк. Умныхъ.

Сокр. Слѣдовательно всякій умный—добръ?

Алк. Да.

Сокр. А кто неумень, тотъ золъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Ну вотъ сапожникъ умень ли въ шитьѣ обуви?

Алк. Конечно.

Сокр. Стало быть, въ этомъ онъ добръ?

Алк. Добръ.

Сокр. Что жъ? а въ шитьѣ одежды сапожникъ не умень?

Алк. Да.

Сокр. Значить, въ этомъ онъ золъ?

Алк. Да.

В.

Сокр. Такъ изъ нашихъ словъ вытекаетъ, что одинъ и тотъ же—и золъ и добръ.

Алк. Явно.

Сокр. Но неужели ты допустишь, что люди добрые суть также и люди злые?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Кого же ты назовешь добрыми?

Алк. Тѣхъ, которые въ состояніи начальствовать въ городѣ.

Сокр. Вѣрно ужъ не надъ лошадьми?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. А надъ людьми?

Алк. Да.

Сокр. Больными?

Алк. Не думаю.

Сокр. Плавающими?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Собирающими жатву?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Такъ они ничего не дѣлають? или что-нибудь дѣлають?

С. *Алк.* Говорю, дѣлають.

Сокр. Что же такое? потрудись открыть мнѣ.

Алк. Они находятся во взаимныхъ сношеніяхъ и пользуются одинъ другимъ, такъ какъ мы живемъ въ городахъ.

Сокр. Значить, ты говоришь о начальствованіи надъ тѣми людьми, которые пользуются одинъ другимъ?

Алк. Да.

Сокр. То-есть о начальствованіи надъ вахтенными, которые пользуются матросами?

Алк. Не то.

Сокр. Потому что это—дѣло кормчаго?

Алк. Да.

Сокр. Но, можетъ быть, ты говоришь о начальствованіи надъ флейщиками, которые управляютъ людьми въ пѣніи и пользуются ими въ пляскѣ?

В. *Алк.* Нѣтъ.

Сокр. Потому что это опять есть дѣло хороводителя?

Алк. Конечно.

Сокр. Въ чемъ же бы, по твоему, люди пользуются людьми, когда можно бываетъ начальствовать надъ ними?

Алк. Я разумѣю людей, имѣющихъ участіе въ управленіи и сносящихся другъ съ другомъ; надъ ними-то начальствовать въ городѣ.

Сокр. Какое же это искусство? Еслибы я и теперь опять спросилъ тебя: какое искусство доставляетъ умѣнье начальствовать надъ людьми, участвующими въ мореплаваніи?

Алк. Искусство кормчаго.

Сокр. Потомъ, надъ людьми, участвующими въ пѣннѣ, Е. какъ сейчасъ говорили, какое знаніе дѣлаетъ начальникомъ?

Алк. То, о которомъ ты недавно упомянулъ, то-есть хороводительство.

Сокр. Что жъ? а надъ людьми, участвующими въ управленіи, какое поставляешь ты знаніе?

Алк. Благосовѣтливость, Сократъ.

Сокр. Какъ? да знаніе кормчихъ развѣ представляется тебѣ злосовѣтливостію?

Алк. Нисколько.

Сокр. Напротивъ, благосовѣтливостію?

Алк. Мнѣ кажется, — по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ 126. спасенію мореплавателей.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Что жъ? а эта твоя благосовѣтливость, въ какомъ отношеніи — благосовѣтливость?

Алк. Въ отношеніи къ управленію городомъ и храненію его.

Сокр. Но что въ немъ бываетъ и чего не бываетъ, когда онъ подчиняется лучшему распорядку и храненію? Еслибы, напримѣръ, ты спросилъ меня: что есть и чего нѣтъ въ тѣлѣ, когда оно подчиняется лучшему распорядку и храненію? Я отвѣчалъ бы, что въ немъ есть здоровье и нѣтъ болѣзни. Не такъ ли и ты думаешь?

Алк. Такъ.

В.

Сокр. А еслибы ты опять спросилъ меня: когда глаза лучше? Я тотчасъ отвѣчалъ бы: когда бываетъ въ нихъ зрѣніе и не бываетъ слѣпоты. Тоже и уши бываютъ лучше и служатъ вѣрнѣе, когда въ нихъ нѣтъ глухоты и есть слухъ.

Алк. Правильно.

Сокр. Ну, а городъ? что въ немъ есть и чего нѣтъ, когда онъ бываетъ лучше и вѣрнѣе подчиняется управленію и распоряженіямъ?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, что въ немъ есть взаим- С. ная любовь гражданъ и нѣтъ ненависти и раздоровъ.

Сокр. Но любовью ты называешь единомысліе, или разномысліе?

Алк. Единомысліе.

Сокр. Какимъ искусствомъ общества сохраняють единомысліе касательно чиселъ?

Алк. Ариметикою.

Сокр. Что жъ не имъ ли—и частные люди?

Алк. Да.

Сокр. И каждый съ самимъ собою?

Алк. Да.

Сокр. А чрезъ какое искусство каждый находится въ единомысліи съ самимъ собою касательно того, что болѣе, — пядень, или локоть? не чрезъ искусство ли измѣрять?

D. *Алк.* Ну что жъ?

Сокр. И частные люди—другъ съ другомъ, и города?

Алк. Да.

Сокр. А что о вѣсѣ? не то же ли?

Алк. Полагаю.

Сокр. Но то-то упомянутое тобою единомысліе — что такое, и въ отношеніи къ чему оно? Какимъ оно устроится искусствомъ? Одинаково ли оно и въ частномъ человѣкѣ—съ самимъ собою и съ другимъ, - и въ городѣ?

Алк. Вѣроятно, одинаково.

Сокр. Такъ что же оно? Не полѣнись отвѣчать, скажи скорѣе.

E. *Алк.* Я думаю, что любовію и единомысліемъ называется то, когда отецъ въ своей любви къ сыну согласенъ съ матерью, братъ—съ братомъ, жена—съ мужемъ.

Сокр. Но думаешь ли ты, Алкивиадъ, что мужъ можетъ быть въ единомысліи съ женою касательно обработыванія шерсти, если онъ не знаетъ этого дѣла, а жена знаетъ?

Алк. Не думаю.

Сокр. Да и нельзя-таки; потому что это вѣдь ремесло женское.

Алк. Да.

Сокр. Что еще? жена можетъ ли одно мыслить съ мужемъ касательно вооруженія, когда она не знаетъ этого?

Алк. Безъ сомнѣнія, нѣтъ.

127.

Сокр. Потому, вѣроятно, скажешь ты опять, что это-то вѣдь дѣло мужчины.

Алк. Конечно.

Сокр. И такъ, по твоимъ словамъ, есть ремесла женскія и мужскія.

Алк. Какъ не быть?

Сокр. И ужъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нимъ, нѣтъ единомыслія между женами и мужьями.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно нѣтъ и любви, если только любовь есть единомысліе.

Алк. Кажется.

Сокр. Стало быть, жены, пока дѣлаютъ свое, не бываютъ любимы мужьями.

Алк. Повидимому, не бываютъ.

Сокр. Стало быть, и мужей, пока они дѣлаютъ свое, жены В. не любятъ.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Поэтому нехорошо живутъ города, когда въ нихъ всѣ дѣлаютъ свое?

Алк. Я думаю, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь? безъ любви, съ которою города, утверждали мы, живутъ хорошо, а не иначе?

Алк. Но мнѣ кажется, что въ нихъ потому-то и есть любовь, что тамъ тотъ и другой дѣлаетъ свое.

Сокр. Однакожь недавно казалось не то. Какъ! теперь ты уже говоришь, что гдѣ нѣтъ единомыслія, тамъ бываетъ с. любовь? Развѣ можно имѣть единомысліе касательно того, что одни знаютъ, другіе не знаютъ?

Алк. Нельзя.

Сокр. А справедливо или несправедливо дѣлаютъ, когда всѣ дѣлаютъ свое?

Алк. Справедливо; какъ же иначе?

Сокр. Но если граждане въ городѣ дѣлаютъ справедливо, то любви между ними не бываетъ?

Алк. Мнѣ опять кажется, Сократъ, что она необходимо должна быть.

Сокр. Такъ что же избираешь ты — любовь, или единомыслие? въ первой, или въ послѣднемъ должны мы быть мудры и благосовѣтливы, чтобы сдѣлаться людьми добрыми? Я никакъ не могу понять, что и въ комъ надобно предполагать. По твоимъ словамъ, это находится то въ однихъ и тѣхъ же, то не въ однихъ и тѣхъ же.

Алк. Но клянусь богами, Сократъ, что я и самъ не знаю, что говорю. Должно быть, я давно уже, безъ всякаго сознанія, запутался въ нелѣпости.

Сокр. Однакожь не унывай. Вѣдь еслибы ты началъ замѣчать за собою, ниѣя отъ роду лѣтъ пятьдесятъ, то съ трудомъ могъ бы заботиться о себѣ; а теперь у тебя тотъ самый возрастъ, въ которомъ надобно замѣчать за собою.

Алк. Что же, Сократъ, долженъ дѣлать человекъ, замѣчающій за собою?

Сокр. Отвѣчать на вопросы, Алквивадъ. И если сколько-нибудь надобно вѣрить даже моему предсказанію, то, исполняя это, мы оба — ты и я, волею Божіею, сдѣлаемся лучшими.

Алк. Сдѣлаемся, если только дѣло-то зависить отъ моихъ отвѣтовъ.

128. *Сокр.* Хорошо; что же значить заботиться о себѣ? какъ бы намъ, по незаботливости о себѣ, иногда забывшись, не подумать, что заботимся? Когда дѣлаетъ это человекъ? тогда ли онъ заботится о себѣ, когда старается о своемъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Напримѣръ, когда человекъ заботится о ногахъ? тогда ли, когда заботится о вещахъ, относящихся къ ногамъ?

Алк. Не понимаю.

Сокр. Но ты называешь что-нибудь относящимся къ рукъ? Напримѣръ, перстень къ чему бы болѣе могъ относиться въ человѣкѣ, какъ не къ пальцу?

Алк. Ни къ чему конечно.

Сокр. Такимъ же образомъ и обувь—къ ногѣ?

Алк. Да.

В.

Сокр. Такъ не заботимся ли мы о ногахъ, когда заботимся объ обуви?

Алк. Несовсѣмъ понимаю, Сократъ.

Сокр. Что же тутъ, Алкивиадъ? ты называешь что-нибудь правильною заботливостію объ извѣстной вещи?

Алк. Называю.

Сокр. И не тогда ли, говоришь, бываетъ правильная заботливость, когда кто дѣлаетъ что-нибудь лучше?

Алк. Да.

Сокр. Но какое искусство лучше дѣлаетъ обувь?

Алк. Сапожническое.

Сокр. Слѣдовательно объ обуви мы заботимся посредствомъ искусства сапожническаго?

Алк. Да.

С.

Сокр. Посредствомъ его ли и о ногѣ? имъ ли и ноги дѣлаемъ лучшими?

Алк. Имъ.

Сокр. Однакожь ноги мы дѣлаемъ лучшими не тѣмъ же ли, чѣмъ и прочее тѣло?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. И не гимнастика ли это?

Алк. Наболѣе.

Сокр. Итакъ посредствомъ гимнастики мы заботимся о ногѣ, а посредствомъ сапожническаго мастерства—о томъ, что относится къ ногѣ?

Алк. Конечно.

D.

Сокр. Равнымъ образомъ, посредствомъ гимнастики—о рукахъ, а посредствомъ искусства дѣлать рѣзьбу на перстняхъ—о томъ, что относится къ рукъ?

Алк. Да.

Сокр. То же, посредствомъ гимнастики — о тѣлѣ, а посредствомъ ткацкаго и другихъ ремеслъ — о томъ, что относится къ тѣлу?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Слѣдовательно съ помощію одного искусства мы заботимся объ извѣстномъ предметѣ, а съ помощію другаго — о томъ, что относится къ этому предмету.

Алк. Явно.

Сокр. Итакъ, заботясь о своемъ, ты заботишься не о себѣ.

Алк. Вовсе не о себѣ.

Сокр. Потому что не одно и то же искусство, какъ видно, требуется для попеченія о себѣ и о своемъ.

Алк. Очевидно, не одно.

Сокр. Скажи же теперь: посредствомъ какого искусства можно бы намъ позаботиться о самихъ себѣ?

Алк. Не умѣю сказать.

Е. *Сокр.* Но въ томъ-то по крайней мѣрѣ мы согласились, что оно должно клониться къ улучшенію не вещей, принадлежащихъ намъ, а насъ самихъ?

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Такъ знали ли бы мы когда-нибудь, какое искусство дѣлаетъ лучшую обувь, не зная обуви?

Алк. Невозможно.

Сокр. Равно какъ и то, какое искусство дѣлаетъ лучшіе перстни, не зная перстня?

Алк. Справедливо.

Сокр. Что жъ? можемъ ли мы узнать, какое искусство дѣлаетъ лучшими насъ, не зная, что такое мы?

129. *Алк.* Не можемъ.

Сокр. А легкое ли дѣло — узнать себя, и глупъ ли былъ тотъ, кто написалъ это на пифейскомъ храмѣ? или оно трудно и не всякому по силамъ?

Алк. Эга надпись казалась мнѣ, Сократъ, иногда легкою для всякаго, а иногда — очень трудною.

Сокр. Легка она, или нѣтъ, Алкивиадъ; но у насъ положено, что, зная предметъ самъ по себѣ, мы тотчасъ узнали бы, какъ позаботиться о насъ самихъ: а не зная перваго, нельзя знать и послѣдняго.

Алк. Правда.

Сокр. Что жъ? какимъ бы образомъ открыть это само по В. себѣ¹? Тогда, вѣроятно, открылось бы вѣдь и то, что такое мы сами по себѣ. Напротивъ теперь, когда мы находимся въ незнаніи касательно того, намъ не открыть и этого.

Алк. Ты говоришь правильно.

Сокр. Вникни же, ради Зевса, съ кѣмъ ты теперь бесѣдуешь? не со мною ли?

Алк. Да.

Сокр. А я—съ тобою?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно лице бесѣдующее есть Сократъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А слушающее—Алкивиадъ?

Алк. Да.

Сокр. И Сократъ бесѣдуетъ не посредствомъ ли слова?

Алк. Какъ же иначе?

¹ *Какимъ образомъ открыть это само по себѣ—τιν' ἂν τρόπον εὐρεῖσθαι αὐτὸ τὸ αὐτό.* Изъ дальнѣшаго изслѣдованія видно, что подъ этими словами надо разумѣть идею человѣческой природы, замѣчаемую не въ недѣлимомъ, а въ цѣломъ родѣ человѣчества. Это подтверждается слѣдующими ниже словами Сократа (130 D): *ὁ ἄρτι οὕτω πῶς ἐρρήθη, ὅτι πρῶτον σκοπεῖον εἶναι αὐτὸ τὸ αὐτό, οὐδὲ δὲ ἀντὶ τοῦ αὐτοῦ αὐτὸ ἕκαστον ἐκείμμεθα, ὃ τί ἐστι, καὶ ἴσως ἐφαρκεῖται.* οὐ γὰρ ποῦ χριστώτερον γε οὐδὲν ἂν ἡμῶν αὐτῶν φήσαιμεν ἢ τὴν ψυχὴν. Здѣсь ἡμῶν αὐτῶν очевидно означаетъ насъ, какъ недѣлимыхъ; а подъ именемъ «само по себѣ» Сократъ разумѣетъ душу саму по себѣ, или душу въ абстрактѣ, и это само по себѣ почитаетъ идею человѣческой природы. Подобнымъ образомъ къ идеѣ челоѣка восходитъ и Василій Великій. Т. II, р. 18. С. *ἄλλο ἴσμεν ἡμεῖς αὐτοί, καὶ ἄλλο τὰ περὶ ἡμῶν.* Ἡμεῖς μὲν οὖν ἴσμεν ἢ ψυχὴν καὶ ὃ νοῦς, ἡμέτερον δὲ τὸ σῶμα καὶ αἱ δι' αὐτοῦ κινήσεις. Тоже Макробіи (Saturn. 1. 13): Ergo qui videtur, non ipse verus homo est; sed verus ille est, a quo regitur quod videtur. И Цицеронъ (Somn. Scip. с. 8): Nec enim tu es quem forma ista declarat; sed mens cujusque, is est quisque; non ea figura, quae digito demonstrari potest. И Аристотель (Eth. IX, 4. 3): τὸ νοῦν ἕκαστος εἶναι δοκεῖ.

- С. *Сокр.* Но бесѣдовать и пользоваться словомъ ты, вѣроятно, считаешь за одно и то же?
Алк. Конечно.
Сокр. Напротивъ, лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, не суть ли предметы различные?
Алк. Какъ это?
Сокр. Напримѣръ, сапожникъ рѣжетъ рѣзцомъ, ножомъ и другими орудіями.
Алк. Да.
Сокр. Такъ не правда ли, что иное—тотъ, кто рѣжетъ и пользуется, и иное—то, чѣмъ пользуется тотъ, кто рѣжетъ?
Алк. Какъ не иное?
Сокр. Не такимъ же ли образомъ различаются — самъ цитристъ и то, чѣмъ онъ играетъ на цитрѣ?
Алк. Да.
- Д. *Сокр.* Вотъ объ этомъ-то я и спрашивалъ тебя сейчасъ; то-есть, кажется ли тебѣ, что лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, суть предметы всегда различные?
Алк. Кажется.
Сокр. Но что мы скажемъ о сапожникѣ: орудіями ли только рѣжетъ онъ, или и руками?
Алк. И руками.
Сокр. Слѣдовательно и руками пользуется онъ?
Алк. Да.
Сокр. А не употребляетъ ли за работою и своихъ глазъ?
Алк. Да.
Сокр. Но мы согласились, что лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, суть предметы различные?
Алк. Да.
Сокр. Стало быть, сапожникъ и цитристъ—не то, что руки и глаза, которыми они работаютъ?
- Е. *Алк.* Явно.
Сокр. Не пользуется ли человѣкъ и всѣмъ своимъ тѣломъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А лице пользующееся, сказали мы, отлично отъ того, чѣмъ оно пользуется?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно человѣкъ отличенъ отъ своего тѣла?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Что же такое человѣкъ?

Алк. Не могу сказать.

Сокр. Но вѣдь можешь сказать, что онъ есть нѣчто пользующееся тѣломъ?

Алк. Да.

Сокр. Что же иное пользуется имъ, кромѣ души? 130.

Алк. Не иное что.

Сокр. Поколикъ душа управляетъ имъ?

Алк. Да.

Сокр. И я думаю, что этого-то уже никто иначе не понимаетъ.

Алк. Чего то-есть?

Сокр. Того, что человѣкъ есть по крайней мѣрѣ нѣчто одно изъ трехъ.

Алк. Изъ чего именно?

Сокр. Что это цѣлое есть или душа, или тѣло, или то и другое.

Алк. Что же болѣе?

Сокр. А между тѣмъ мы согласились, что управляющее-то тѣломъ есть человѣкъ?

Алк. Согласились.

В.

Сокр. Такъ неужели тѣло управляетъ самимъ собою?

Алк. Никакъ.

Сокр. Вѣдь мы сказали, что оно управляется?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно искомое-то уже не оно?

Алк. Вѣроятно, не оно.

Сокр. Но, можетъ быть, тѣломъ управляетъ то и другое вмѣстѣ, и это-то есть человѣкъ?

Алк. Да, можетъ быть.

Сокр. Ужъ всего менѣе; потому что если изъ двухъ одно не управляетъ, то управлять обоимъ вмѣстѣ невозможно никакимъ образомъ.

Алк. Правда.

С. *Сокр.* Если же человѣкъ не есть ни тѣло, ни то и другое вмѣстѣ; то остается, думаю, заключить, что или вовсе нѣтъ ничего такого, или, когда есть, то человѣку всего приличнѣе быть душею.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Такъ нужно ли еще яснѣе доказывать тебѣ, что человѣкъ есть душа?

Алк. Нѣтъ, для меня и этого, клянусь Зевсомъ, кажется достаточно.

Сокр. Да пусть доказательство и не точно, а только посредственно, все-таки мы можемъ быть довольны; потому что рассматриваемый предметъ съ точностію узнаемъ не прежде, какъ открывъ то, что теперь, для избѣжанія долговременнаго изслѣдованія, пропустили.

Д. *Алк.* Что же такое пропустили мы?

Сокр. Пропустили недавно высказанную мысль, что напередъ нужно бы изслѣдовать «само по себѣ». Вѣдь вмѣсто «самого по себѣ» мы теперь изслѣдываемъ «само по себѣ отдѣльное, что такое оно», и этого, вѣроятно, будетъ достаточно; потому что въ насъ владычественнѣе-то души, вѣроятно скажемъ, нѣтъ ничего.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Значить, намъ хорошо будетъ думать, что я и ты, бесѣдуя другъ съ другомъ посредствомъ словъ, бесѣдуемъ душа съ душею?

Алк. Безъ сомнѣнія.

Е. *Сокр.* Вотъ это-то самое мы недавно и сказали, что, то-есть, Сократъ, при посредствѣ слова, бесѣдуя съ Алквивіадомъ, бесѣдуетъ, видно, не съ лицомъ его, а именно съ Алквивіадомъ, поколику онъ есть душа.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Слѣдовательно предписывающей познать самого себя велитъ намъ познать душу?

Алк. Вѣроятно.

131.

Сокр. Стало бытъ, кто знаетъ что-нибудь принадлежащее тѣлу, тотъ узналъ свое, а не себя.

Алк. Такъ.

Сокр. Поэтому ни одинъ врачъ не знаетъ себя, какъ врачъ, ни одинъ гимнастикъ,—какъ гимнастикъ.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. А земледѣльцы и другіе ремесленники, значить, ужъ очень далеки отъ самопознанія; потому что эти-то занимаются, какъ видно, и не своимъ, но такими дѣлами, которыя, по ремеслу, еще далѣе, чѣмъ свое. Они знаютъ вещи, относящіяся только къ служенію тѣлу.

Алк. Ты правду говоришь.

В.

Сокр. Итакъ если самопознаніе состоитъ въ разсудительности, то изъ этихъ людей никто не разсудителенъ по ремеслу.

Алк. Мнѣ кажется, нѣтъ.

Сокр. Оттого-то эти ремесла и представляются низкими, несвойственными человѣку порядочному.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Такъ еще однажды: кто заботится о тѣлѣ, тотъ заботится о своемъ, а не о себѣ?

Алк. Должно бытъ.

Сокр. А кто—о деньгахъ, тотъ—и не о себѣ, и не о своемъ, но о вещи еще болѣе далекой, чѣмъ свое?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Значить, ростовщикъ заботится даже и не о своемъ.

Алк. Правильно.

Сокр. Стало бытъ, кто полюбилъ Алквивадово тѣло, тотъ полюбилъ не Алквивада, а нѣчто принадлежащее Алквиваду.

Алк. Ты правду говоришь.

Сокр. Напротивъ, кто любитъ твою душу, тотъ — тебя?

Алк. Изъ сказаннаго необходимо слѣдуетъ.

Сокр. И кто любитъ твое тѣло, тотъ, когда оно перестаетъ цвѣсть, тотчасъ удаляется?

Алк. Очевидно.

Д. *Сокр.* Напротивъ, любящій душу-то не удалится, пока ты не устремишься къ лучшему?

Алк. Очень вѣроятно.

Сокр. Вотъ я не удаляюсь, а остаюсь; между тѣмъ какъ другіе, видя, что твое тѣло отцвѣло, удалились.

Алк. Да и хорошо дѣлаешь, Сократъ; и не удаляйся.

Сокр. Старайся же быть, сколько можно, прекраснѣе.

Алк. Непремѣнно буду стараться.

Сокр. Такъ дѣло-то твое вотъ какво: выходить, что е. у Алкивиада, сына Клиніасова, не было, какъ видно, и нѣтъ любителей, кромѣ одного, за то ужъ милаго ¹, то-есть кромѣ Сократа, сына Софрониска и Фенареты.

Алк. Правда.

Сокр. А не говорилъ ли ты, что я чуть упредилъ тебя своимъ приходомъ, что ты самъ хотѣлъ придти ко мнѣ и узнать, почему я не остаю отъ тебя?

Алк. Да, говорилъ.

Сокр. Такъ вотъ и причина: я одинъ любилъ тебя, а всѣ другіе—твое. Но твое отцвѣтаетъ; напротивъ, ты начинаешь расцвѣтать. Поэтому теперь я уже не оставлю тебя, чтобы, 132. подъ вліяніемъ аѳинскаго народа, ты не испортился и не сдѣлался хуже. А я очень боюсь, какъ бы, полюбивъ народъ, ты не испортился; потому что такому несчастію подвергались уже многіе и отличные Аѳиняне. Вѣдь народъ великодушнаго Эрехтея ² носитъ прекрасную маску, а видѣть

¹ *Кромѣ одного, за то уже милаго.* Сократъ весьма кстати пользуется здѣсь выраженіемъ Омира о Телемакѣ (Иад. β, 365): *μόνος ἰὼν ἀγαπῆτός.* Снес. *Demosth. Mid. 43.*

² *Народъ великодушнаго Эрехтея.* Эрехтея Аѳиняне почитали четвертымъ своимъ царемъ и полагали, что онъ былъ сынъ Земли, а по другимъ,—сынъ

его надобно во всей наготѣ. Смотри же, сохрани осторожность, о которой я говорю.

Алк. Какую?

Сокр. Сначала займись, мой другъ, и узнай все, что в. нужно знать для вступленія на поприще гражданскихъ дѣлъ; а прежде того—никакъ, чтобы тебѣ вступить съ запасомъ противоядія и не подвергнуться бѣдѣ.

Алк. Ты, Сократъ, кажется, хорошо говоришь; но потрудись объяснить, какимъ бы образомъ намъ позаботиться о себѣ.

Сокр. Да это и прежде уже было много разъ опредѣлено. Мы вполнѣ согласились, что такое мы, и только опасались, какъ бы не ошибиться въ этомъ и, мимо сознанія, не направить своего попеченія къ чему другому вмѣсто насъ.

Алк. Такъ.

Сокр. Послѣ этого намъ остается заботиться о душѣ и с. ее имѣть въ виду.

Алк. Явно.

Сокр. А попеченіе о тѣлѣ и имѣніи предоставить другимъ.

Алк. Почему не такъ.

Сокр. Какъ же бы намъ уразумѣть это со всею ясностію? Вѣдь узнавъ это, мы, какъ видно, узнаемъ и самихъ себя. Скажи, ради боговъ, не понятно ли для насъ, сколь хорошо говорить дельфійская надпись, о которой мы только что упоминали?

Алк. Къ чему клонится вопросъ твой, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, какой смыслъ и совѣтъ угадываю въ этой надписи. Подобій тутъ должно быть не много; сужу D. только по зрѣнію.

Алк. Что хочешь ты сказать?

Сокр. Размысли самъ. Еслибы она совѣтовала глазу, какъ теперь совѣтуетъ человѣку, и сказала: гляди на самого себя; то какъ поняли бы мы ея убѣжденіе? Не на то

Минервы и Вулкана. Bouillet Diction. de l'antiquité. Сократъ говорить здѣсь словами Омира (Iliad. β. 547) Δίμος Ἐραχθῆος μεγαλήτορος, ὅν ποτ' Ἀθήνη θρήσεν.

ли смотрѣть убѣждала бы она его, на что смотря, онъ видѣлъ бы себя?

Алк. Явно.

Сокр. Вникнемъ же, на что въ ряду существъ должны мы глядѣть, чтобы видѣть и это существо, и самихъ себя?

Е. *Алк.* Явно, Сократъ, что на зеркало, или на что другое въ томъ же родѣ.

Сокр. Ты говоришь правильно. Но нѣтъ ли чего-нибудь такого и въ глазѣ, которымъ мы смотримъ?

Алк. Конечно есть.

133. *Сокр.* Значитъ, ты замѣтилъ, что кто смотритъ на глазъ, того лице въ противоположномъ ему зрѣннн отражается, какъ въ зеркалѣ, которое мы называемъ зрачкомъ, какъ бы то-есть куколкою лица смотрящаго?

Алк. Твоя правда.

Сокр. Слѣдовательно глазъ можетъ видѣть себя тогда, когда смотритъ на глазъ и видитъ въ немъ самое лучшее, именно—то, чѣмъ онъ смотритъ?

Алк. Ясно.

Сокр. Если же онъ глядитъ на что другое въ человѣкѣ, или на какую-нибудь другую вещь, а не на то, что ему подобно, то не видитъ себя.

Алк. Правда.

В. *Сокр.* Итакъ, желая видѣть себя, глазъ долженъ смотрѣть на глазъ, а въ глазѣ—на то мѣсто, въ которомъ заключается сила глаза, что, вѣроятно, есть зрѣннн.

Алк. Такъ.

Сокр. Подобно тому и душа, любезный Алкивиадъ, если хочетъ знать себя, не должна ли смотрѣть на душу, особенно же на то мѣсто въ душѣ, въ которомъ заключается ея сила (мудрость), и на другое тому подобное?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ.

С. *Сокр.* Но можемъ ли мы найти въ душѣ что-нибудь божественнѣе того, чѣмъ познаемъ и мудрствуемъ?

Алк. Не можемъ.

Сокр. Слѣдственно эта часть ея походить на божественную; и кто, смотря на нее, познаетъ все божественное (Бога и разумъ), тотъ-то особенно познаетъ и себя.

Алк. Видимо ¹.

Сокр. А познавать себя, сказали мы, есть дѣло разсудительности.

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ не зная самихъ себя и не будучи разсудительны, можемъ ли мы знать свое—зло и добро?

Алк. Да какъ же это могло бы быть, Сократъ?

Сокр. Тебѣ, конечно, представляется невозможнымъ — D. не зная Алкивиада, знать Алкивиадово, то-есть, что оно принадлежитъ Алкивиаду.

Алк. Это, клянусь Зевсомъ, невозможно.

Сокр. Слѣдовательно—и наше, что оно наше, не зная насъ самихъ?

Алк. Да какъ же?

¹ Видимо — φαίνεται. Послѣ этого Алкивиадова отвѣта Евсевій (Ргаер. Evang. p. 551) вноситъ въ текстъ Платона взятыхъ изъ Стобея (1. p. 408) слова, влагая ихъ въ уста Сократа:

Socr. Ἄρα ὡς περ κάτοπτρα ἀφίστερα ἔστι τοῦ ἐν τῷ ὀφθαλμῷ ἐνόπτρου καὶ καθάρωτέρα τε καὶ λαμπρότερα. οὕτω καὶ ὁ θεὸς τοῦ ἐν τῇ ἡμετέρα ψυχῇ βελτίστου καθάρωτέρον τε καὶ λαμπρότερον τυγχάνει ὄν. *Alc.* Ἔοικε γε, ὦ Σώκρατες. *Socr.* Εἰς τὸν θεὸν ἄρα βλέποντες ἐκείνῳ καλλίστῳ ἐνόπτρῳ χρῶμεθ' ἕν, καὶ τῶν ἀνθρώπων εἰς τὴν ψυχῆς ἀρετὴν, καὶ οὕτως ἂν μάλιττα ὀρώμεν καὶ γυγνώσκωμεν ἡμᾶς αὐτοὺς. *Alc.* Ναί.

Сокр. Слѣдовательно какъ отражающееся въ глазахъ ясное, чище и свѣтлѣе, чѣмъ глазное зеркало: такъ и Богъ въ нашей душѣ есть явчю чистѣйшее и свѣтлѣйшее передъ самымъ наилучшимъ въ ней. — *Алк.* Да и вѣроятно, Сократъ. — *Сокр.* Итакъ, смотря на Бога, могли бы мы пользоваться тѣмъ прекраснымъ зеркаломъ и въ отношеніи къ добродѣтели души въ дѣлахъ человеческихъ, и такимъ образомъ особенно видѣли бы и познавали себя самихъ. — *Алк.* Да.

О подлинности этихъ словъ было много споровъ между учеными лсѣдователями Платонова текста въ Алкивиадѣ. Послѣдній, опровергавшій ихъ подлинность, былъ Штальбомъ. Но его доказательства представляются не довольно сильными. Не утверждая рѣшительно, что этотъ отрывокъ написанъ самимъ Платономъ, я нахожу однакожъ, что въ текстѣ онъ былъ бы весьма умѣстенъ, ибо не заключаетъ въ себѣ мыслей, Платону чуждыхъ, и не разрываетъ логическаго хода рѣчи.

Сокр. А если нельзя знать нашего, то нельзя знать и того, что относится къ нашему?

Алк. Очевидно нельзя.

Сокр. Стало быть, мы были не совсѣмъ правы, недавно согласившись, что иные хоть себя-то и не знаютъ, такъ Е. знаютъ свое. Напротивъ, они не знаютъ даже и того, что относится къ своему; потому что знать все это, то-есть, знать себя, свое и относящееся къ своему, есть дѣло, кажется, одного и того же искусства.

Алк. Должно быть.

Сокр. Но кто не знаетъ своего, тотъ, по тѣмъ же причинамъ, не можетъ знать и чужаго.

Алк. Какъ знать?

Сокр. А незнающій чужаго будетъ ли знать и то, что относится къ городамъ?

Алк. Это необходимо.

Сокр. Слѣдовательно такой человѣкъ не сдѣлается политикомъ.

Алк. Конечно не сдѣлается.

Сокр. Даже и экономистомъ.

134. *Алк.* Конечно нѣтъ.

Сокр. Да онъ и не будетъ знать, что дѣлаетъ.

Алк. Безъ сомнѣнія, не будетъ знать.

Сокр. Не зная же этого, не станетъ ли погрѣшать?

Алк. Конечно станетъ.

Сокр. А кто погрѣшаетъ, тотъ не станетъ ли дѣлать зло дома и въ обществѣ?

Алк. Какъ не дѣлать?

Сокр. Дѣлающій же зло не жалокъ ли?

Алк. И очень.

Сокр. А что тѣ, кому онъ это дѣлаетъ?

Алк. И тѣ также.

Сокр. Слѣдовательно, въ комъ нѣтъ разсудительности и доброты, тотъ не можетъ быть счастливымъ.

Алк. Конечно не можетъ.

Сокр. А потому люди злые суть люди жалкіе. В.

Алк. И очень.

Сокр. Стало быть, избавляется отъ несчастія не разбогатѣвшій, а сдѣлавшійся разсудительнымъ.

Алк. Явно.

Сокр. Поэтому, Алкивиадъ, города, желающіе сдѣлаться счастливыми, не имѣютъ надобности ни въ стѣнахъ, ни въ корабляхъ, ни въ гаваняхъ, ни въ большомъ количествѣ и величіи народа, чуждаго добродѣтели.

Алк. Конечно не имѣютъ.

Сокр. Итакъ, если ты намѣренъ устроить дѣла города правильно и хорошо, то гражданамъ его долженъ передать добродѣтель.

Алк. Что же иное?

Сокр. Но можно ли передать то, чего не имѣешь? С.

Алк. Какъ можно?

Сокр. Стало быть, добродѣтель долженъ ты напередъ приобрести самъ, или вообще — тотъ, кто намѣренъ принять на себя власть и попеченіе не только частно—о себѣ и о своемъ, но еще и о городѣ и о городскомъ.

Алк. Твоя правда.

Сокр. Слѣдовательно не къ владычеству и начальствованію долженъ ты стремиться, чтобы дѣлать, что захочешь, для себя и для города, а къ справедливости и разсудительности.

Алк. Явно.

Сокр. Потому что, дѣйствуя справедливо и разсудительно, какъ ты, такъ и городъ, вы будете дѣйствовать богоугодно.

Алк. Очень вѣроятно.

Сокр. И, какъ мы прежде сказали, будете дѣйствовать, взирая на божественное и свѣтлое.

Алк. Очевидно.

Сокр. А взирая на это, увидите и узнаете какъ себя самихъ, такъ и свои блага.

Алк. Да.

Сокр. Тогда ваши дѣла не будутъ ли правильны и добры?

Алк. Да.

Е. *Сокр.* Если же такъ, то я готовъ ручаться, что вы будете счастливы.

Алк. Порука весьма надежная.

Сокр. Напротивъ, дѣйствуя несправедливо, вы будете взирать на безбожное и мрачное ¹, а въ такомъ случаѣ, какъ и должно быть, не зная себя, станете совершать подобныя тому дѣла.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Вѣдь кто, любезный Алквивіадъ, имѣетъ власть дѣлать, что хочетъ, а ума не имѣетъ, тотъ—частное ли это лице, или городъ—до чего долженъ дойти? До чего дойдетъ 135. больной, которому дана власть дѣлать, что угодно, а способность врачеванія не дана,—больной, который такъ тиранствуетъ, что никто не можетъ и укорить его? Не разрушится ли, какъ и слѣдуетъ, его тѣло?

Алк. Ты говоришь правду.

Сокр. А что бываетъ на кораблѣ, когда власть дѣлать, что покажется, ввѣрена тому, въ комъ нѣтъ ни ума, ни добродѣтели кормчаго? Знаешь ли, что случилось бы и съ нимъ и съ его спутниками?

Алк. Разумѣется, всѣ погибли бы.

Сокр. Не такое же ли бѣдствіе постигаетъ и города, и всѣ начальства и власти, чуждыя добродѣтели?

В. *Алк.* Необходимо.

Сокр. Итакъ, почтеннѣйшій Алквивіадъ, не тираннію на-

¹ *Будете взирать на безбожное и мрачное.* Какъ заботящійся о самопознаніи созерцаетъ въ себѣ божественное и свѣтлое—*εἰς τὸν καὶ λαμπρὸν*; такъ и незнающій себя не видитъ ни Бога, ни свѣта, и называется *ἄθεος καὶ σκοτεινός*. Эти послѣднія слова, повидямому, стоятъ въ ближайшей связи съ мыслями вышеприведеннаго Стобеса отрывка и, кажется, достаточно подтверждаютъ его подлинность. Штальбомъ отвергаетъ его, опасаясь навязать Платону мистическое представленіе: но это—обыкновенный недугъ германскихъ взглядовъ.

добно готовить себя и городу, а добродѣтель, если хотите счастья.

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Но пока добродѣтель еще не приобретена, гораздо лучше управляться кѣмъ-нибудь добрымъ, нежели управлять—и мужу, нетолько что мальчику.

Алк. Явно.

Сокр. А что лучше-то, то и прекраснѣе?

Алк. Да.

Сокр. А что прекраснѣе, то и приличнѣе?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Значить, злу приличнѣе быть въ рабствѣ; по-тому что для него это лучше.

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно, зло есть нѣчто, свойственное рабству.

Алк. Явно.

Сокр. Напротивъ, добродѣтель—нѣчто, носящее характеръ свободы.

Алк. Да.

Сокр. Но того, что свойственно рабству, другъ мой, не должно ли избѣгать?

Алк. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. А чувствуешь ли, въ какомъ ты теперь состояніи? въ томъ ли, котореe свойственно свободѣ, или нѣтъ?

Алк. Кажется, чувствую,—и очень живо.

Сокр. И знаешь, какъ избѣгать настоящаго своего состоянія?—не хочу назвать его изъ уваженія къ почтенному человѣку.

Алк. Знаю.

Сокр. Какъ?

Алк. Если ты захочешь ¹, Сократъ.

Сокр. Нехорошо говоришь, Алквивіадъ.

D.

¹ Если, т. е., ты захочешь вывести меня изъ настоящаго моего состоянія.

Алк. Да какъ же надлежало сказать?

Сокр. Если захочетъ Богъ.

Алк. Такъ и говорю,—и прибавляю еще, что мы, должно быть, обмѣнимся ролями, Сократъ: я возьму твою, а ты—мою. Съ этого дня я не могу не ходить за тобою; ты будешь моимъ руководителемъ.

Е. *Сокр.* О, благородный человекъ! Такъ моя любовь ничѣмъ не будетъ отличаться отъ аистовой, если, воспитавъ въ тебѣ любовь пернатую, она сама станетъ пользоваться ею.

Алк. Точно такъ. Съ этого времени я начну стараться о справедливости.

Сокр. Желаю тебѣ и кончить тѣмъ же; но, не довѣряя твоей натурѣ и видя могущество города, боюсь, какъ бы онъ не пересилилъ и меня и тебя.

АЛКИВІАДЪ ВТОРОЙ.

Digitized by Google

АЛКВИАДЪ ВТОРОЙ.

ВВЕДЕНИЕ.

Всѣ новѣйшіе критики, занимавшіеся разборомъ и оцѣнкою сочиненій Платона, какъ-то—Шлейермахеръ, Астъ, Зохеръ, Бутманъ, Штальбомъ и другіе, согласны въ томъ, что «Алквиадъ второй», находящійся въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій, написанъ не Платономъ. Касательно подлинности этого діалога сомнѣвались уже и древніе филологи. Такъ, Атеней говоритъ (X, р. 506), что въ его время нѣкоторые усвоили этотъ разговоръ не Платону, а Ксенофону. Очень вѣроятно, что къ такому мнѣнію приведены были они словами Ксенофонта, который свидѣтельствуется (Мемог. 1, 3, 1), что Сократъ учитъ возносить богамъ молитвы осторожно и благоразумно,—какъ внушается дѣлать то же самое и въ «Алквиадѣ второмъ». Но и ходъ разсматриваемаго разговора, и образъ выраженія заключающихся въ немъ изслѣдованій ясно показываютъ, что писатель его жилъ гораздо позднѣе Платона и Ксенофонта. Это, думаемъ мы, доказать очень нетрудно.

Нѣтъ ничего страннаго, что Сократъ могъ разсуждать о молитвѣ точно такъ, какъ разсуждаетъ онъ въ «Алквиадѣ второмъ»,—тѣмъ болѣе, что такой именно взглядъ на молитву приписываетъ ему Ксенофонтъ. Сократъ могъ доказывать, что прежде, чѣмъ вздумаемъ мы просить о чемъ-

нибудь боговъ, надобно намъ стараться стяжать мудрость и добродѣтель, и потомъ уже, хорошо понявъ, въ чемъ именно заключается наша польза, обращаться къ богамъ съ молитвою объ истинно-полезномъ, чтобы чрезъ то сдѣлаться имъ благоугодными. Положивъ въ основаніе эту посылку, онъ могъ далѣе доказывать, что то полезное, въ которомъ, какъ въ полезномъ, нельзя сомнѣваться, есть честное и прекрасное, и отсюда заключать, что молитвы наши несомнѣнно благоугодны богамъ тогда, когда мы молимся о честномъ и похвальномъ; прочее же, для того или другаго признаваемое полезнымъ, надобно предоставить волѣ боговъ. Всему этому Сократъ могъ учить, такъ какъ тему сихъ мыслей повторяли еще Пифагорейцы: *οὐκ ἐὰ εὐχεσθαι ὑπὲρ ἐαυτῶν, διὰ τὸ μὴ εἶδέναι τὸ συμφέρον* (*Diog. Laert.* VIII, 9), или одинъ комикъ: *μη μοι γένοιθ' ἂ βούλομαι, ἀλλ' ἂ συμφέρει*. Но обработка и изложеніе содержанія въ этомъ разговорѣ далеко не платоновскія. Мы видимъ, что «Алкивиадъ» первый и второй во многомъ сходны между собою (сравн. р. 141 А. 148 А. съ Алкив. 1 р. 105 А; 145 В. съ Алк. 1 107 Е. 108 А; 145 D. съ Алк. 1 р. 108 В слл.). Однакожъ во «второмъ Алкивиадѣ» встрѣчается много особенностей и отступленій отъ «Алкивиада перваго», какъ въ языкѣ, такъ и въ мысляхъ. Здѣсь, напримѣръ, Сократъ является уже не такимъ строгимъ и взыскательнымъ учителемъ, какъ тамъ; да и Алкивиадъ говоритъ рѣшительнѣе и даже осмѣливается противорѣчить Сократу, чего тамъ не замѣчается. 143 А. С. 147 В. Лакедемонъ, по «первому Алкивиаду»—122 D—самый богатый городъ въ Элладѣ, а по второму—149 А,—въ отношеніи къ богатству, онъ равняется Афинамъ. Въ «первомъ Алкивиадѣ» все направлено къ самопознанію; а во второмъ главное дѣло — познаніе наилучшаго. Притомъ въ этомъ послѣднемъ разговорѣ утверждаются нѣкоторыя мысли, вовсе не платоновскія: напримѣръ, добро и знаніе противопологаются одно другому такъ, что незнаніе часто бываетъ лучше знанія. Нельзя не замѣтить также, что изслѣдованіе въ «Алки-

віадъ второмъ» мѣстами запутывается и уклоняется далеко въ сторону: одно и то же мнѣніе Алкивіада опровергается нѣсколько разъ — единственно съ цѣлю исторгнуть у него согласіе въ томъ, что мы не знаемъ, о чемъ надобно молить боговъ; а отсюда происходитъ то, что изъ разговора многія мѣста можно выкинуть, не вреда цѣлому, чего въ подлинныхъ сочиненіяхъ Платона никогда не бываетъ. Кромѣ того, нѣкоторыя мысли этого діалога выражены темно и неопредѣленно; Сократъ вдается въ длинныя декламации, обнаруживаетъ вовсе не свойственный себѣ характеръ разсужденій, является какимъ-то хвастливымъ резонеромъ и обширно объясняетъ то, что не требуетъ объясненій. Такіе недостатки видны на стр. 141 В sqq. 147 В sqq. 148 С. до 150 А. Здѣсь напрасно стали бы мы искать искусной и изящной бесѣды, тонкой и пріятной шутливости, ловкой и забавной ироніи, легкаго и мѣткаго очерка характеровъ: напротивъ, здѣсь иногда измышляются выходки грубыя и оскорбительныя, какова, на примѣръ, та, что Сократъ предполагаетъ въ Алкивіадѣ желаніе убить своего опекуна, и т. п. Мѣстами замѣтны также неискусныя заимствованія изъ другихъ, подлинныхъ діалоговъ Платона. Такъ, на стр. 141 А. В видна мысль, занятая изъ «Алкивіада перваго» р. 105 А. Но тамъ честолюбіе Алкивіада представляется до того великимъ, что для чести согласился бы онъ пожертвовать жизнію; а здѣсь, напротивъ, Сократъ приписываетъ ему такое расположеніе, что жизнь почитаетъ онъ выше всякихъ гражданскихъ почестей. Столь же неловко въ этомъ разговорѣ; на стр. 151 А, писатель воспользовался прекраснымъ оборотомъ въ Платоновомъ Симпосіонѣ, р. 213 Е, гдѣ Алкивіадъ беретъ вѣнокъ отъ Агатона и возлагаетъ его на голову Сократа. Въ «Алкивіадѣ второмъ» этотъ вѣнокъ представляется весьма непріятною вставкою и внесенъ сюда все не кстати.

Кромѣ этихъ и другихъ многихъ несообразностей, замѣчаемыхъ въ содержаніи и изложеніи разсматриваемаго діалога,

какихъ подлинныя сочиненія Платона нигдѣ не представляють, есть много неплатоновскаго и въ самомъ его языкѣ: встрѣчается въ немъ много такихъ выраженій и словъ, которыя ясно доказываютъ, что онъ написанъ далеко позднѣе, чѣмъ когда жилъ Платонъ. Довольно прочесть въ немъ одинъ или два періода, чтобы видѣть, какъ мало правильности и чистоты въ его рѣчи: вездѣ встрѣчаешь то странную безсвязность понятій, то необыкновенную иносказательность выраженія, то небывалое сближеніе реченій, то изысканную кудрявость фразы. Все это внѣшней формѣ разговора сообщаетъ какую-то непріятную пестроту и разнохарактерность; и по всему этому «Алкивиадъ второй» не можетъ быть усвоенъ не только Платону, но и никакому другому лучшему и извѣстнѣйшему въ древности писателю, а долженъ быть признаваемъ за произведеніе какого-нибудь Грека, жившаго во времена уже позднѣйшія. Напримѣръ, на страницѣ 148 В, странно читать: *ὡς πάντας αἰσθεῖσθαι*, гдѣ *ὡς πάντας* очевидно стоитъ вмѣсто *ὡς πλείστοις*; потому что предъ *πᾶς* у писателя, говорящаго по-гречески чисто и правильно, никогда не встрѣтишь частицы *ὡς*. Столь же далеко отъ чистоты Платонова языка выраженіе: *ὁ τι ἐν ὑβῶ ἔχεις πρὸς ταῦτα*—150 В, и множество другихъ, о которыхъ мы по мѣстамъ сдѣлали замѣчанія подъ текстомъ перевода.

Вникая теперь во внутреннія и внѣшнія свойства «Алкивиада втораго», нѣтъ ли возможности по крайней мѣрѣ приблизительно опредѣлить время появленія его на свѣтъ? Бэккъ, на основаніи доказываемаго въ «Алкивиадѣ второмъ» положенія, что *πᾶς ἄφρων μαίνεται*,—р. 139 В. С, заключаетъ, что этотъ разговоръ написанъ въ періодъ процвѣтанія стоической школы и вышелъ изъ подъ пера какого-то поверхностнаго мыслителя, любившаго пересказывать и доказывать стоическіе парадоксы, къ которымъ принадлежитъ и приведенное положеніе. Если мы возьмемъ въ разсмотрѣніе образъ выраженія въ «Алкивиадѣ второмъ» и будемъ сравнивать его съ внѣшнимъ характеромъ греческой рѣчи въ ту или другую

эпоху; то подойдемъ еще ближе къ тому времени, въ которое этотъ разговоръ могъ быть написанъ, и выскажемъ, какъ догадку правдоподобную, что его происхождение относится къ эпохѣ греческой литературы послѣ Александра Македонскаго; потому что до той эпохи языкъ древнихъ Грековъ сохранялъ правильность аттическаго выраженія и не принималъ въ себя барбаризмовъ. Притомъ извѣстно, что вопросъ о молитвѣ около того времени у Стоиковъ былъ въ большомъ ходу, и они могли разсуждать объ этомъ предметѣ съ свойственными имъ тонкостями. По крайней мѣрѣ многое, что касательно молитвы высказано въ «Алкивиадѣ второмъ», мы находимъ также у Арріана и Эпиктета. Снес. р. 138 С. *Epict. Enchirid. XXXI, 4. Arrian. II, 22. IV, 5.* Но нельзя полагать, что этотъ діалогъ написанъ послѣ Р. X.; потому что о немъ упоминаютъ *Элианъ* (*Varr. Hist. VIII, 4*), *Атений* (*X р. 506 С*) и *Диог. Лаэртій* (*III, 59*), по свидѣтельству котораго (*II, 58*) еще Тразиллъ, жившій въ царствованіе Августа и Тиверія, внесъ его въ одну изъ тетралогій, чего никакъ не могло бы быть, еслибы этого діалога тогда не существовало и еслибы не привыкли уже смотрѣть на него, какъ на сочиненіе Платона. Итакъ можно думать, что «Алкивиадѣ второй» составленъ во второмъ или третьемъ вѣкѣ предъ Р. X. и внесенъ въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій александрійскими грамматиками; потому что и изъ другихъ примѣровъ довольно извѣстно, что въ тѣ особенно времена было въ обычаѣ дѣлать литературные подлоги. И неудивительно, что это сочиненіе украшено было тогда именемъ Платона. Писатель его выбралъ такой предметъ, о которомъ Сократъ, по свидѣтельству Ксенофонта, дѣйствительно разсуждалъ; въ способѣ изложенія этого предмета слѣдовалъ онъ, по возможности, Сократу, или лучше—Платону; излагая свой взглядъ на молитву, кажется, хотѣлъ къ Платонову «Алкивиадѣ» придѣлать вторую часть. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ «первомъ Алкивиадѣ» гордый юноша, стремящійся къ владычеству надъ аѣнскою республикою, наконецъ дол-

женъ былъ согласиться, что еще не приобрѣлъ знанія для наилучшаго управленія ею: такъ въ «Алкивиадѣ второмъ» онъ же, намѣреваясь принести богамъ жертву, приходитъ къ убѣжденію, что ему неизвѣстно еще, какимъ образомъ лучше благоутодить имъ. Такая связь двухъ «Алкивиадовъ» легко могла ввести въ обманъ грамматиковъ, и ради «Алкивиада перваго», написаннаго дѣйствительно Платономъ, внести въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій и «Алкивиада втораго». А на различіе языка тогдашніе критики, привыкшіе къ языку современному, и незамѣчавшіе его упадка, вѣроятно не обращали вниманія.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЬ И АЛКВИАДЪ.

Сокр. Не молишься ли Богу ¹ идешь, Алквиадъ?

Алк. Конечно, Сократъ.

138.

Сокр. То-то ты показался мнѣ съ наморщеннымъ челомъ и поникшимъ къ землѣ взоромъ, какъ будто о чемъ-нибудь мыслилъ.

Алк. Но о чемъ тутъ сталъ бы кто-нибудь мыслить, Сократъ?

Сокр. О дѣлѣ величайшемъ, Алквиадъ, какъ мнѣ по

¹ Все, что древніе философы говорили о молитвѣ и религиозныхъ дѣйствіяхъ, описывается и изслѣдывается у Оригена (*peri euhae* § 11 sqq., ad Celsum II. p. 68), у Климента Александрійскаго (VII. p. 854), у Прокла (in Tim. libr. II p. 64), у Иерокла (in avg. sagm. XLIX). Этому предмету касались также Ювеналъ (Satyr. X) и Персій (Satyr. II). Сущность собственно Сократова ученія о молитвѣ излагаютъ Ксенофонтъ (Мемог. 1, 3, 1 sqq.) и Валерій Максимъ (VII, 2), который говоритъ такъ: «Сократъ, какъ бы изъ который оракулъ земной человѣческой мудрости, не полагалъ нужнымъ просить боговъ о чемъ-либо, кромѣ какъ о томъ, чтобы они подавали намъ блага; ибо сами знаютъ, что всякому полезно, а мы по большей части вымаливаемъ то, чего не просить было бы лучше. Ты, покрытый непроницаемымъ мракомъ, человѣчскій умъ, въ какой обширной области слѣпыхъ заблужденій разсѣиваешь свои моленія! Ты жаждешь богатства, которое для многихъ было губительно; желаешь почестей, которыя многихъ унизили; мечтаешь о царствованіи, котораго исходъ часто бываетъ очень жалокъ; опираешься на благостательное супружество, которое иногда дѣйствительно доставляетъ анатюность, но въ другое время разрушаетъ семейства. Итакъ перестань безумно жаждать причинъ будущихъ твоихъ бѣдствій, какъ бы основаній твоего счастья, и всего себя ввѣрь небесному Промыслу; ибо кто, по обычаю, легко подаетъ блага, тотъ удобно можетъ и избирать ихъ.» Мысли Платона о молитвѣ см. Euthyphr.

В. крайней мѣрѣ кажется. Скажи-ка, ради Зевса, не думаешь ли ты, что боги, чего намъ случается просить у нихъ частно или всенародно, иное даютъ, а иного нѣтъ, и однимъ даютъ ¹, другимъ нѣтъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ не кажется ли тебѣ, что надобно имѣть много благоразумія, чтобы, по незнанію, не просить великихъ золъ, почитая ихъ благомъ, и чтобы боги, находясь въ такомъ расположеніи ², въ какомъ они даютъ, не дали, чего кто проситъ? Вотъ напримѣръ, Эдипъ, говорятъ, просилъ, чтобы его сыновья отцовское наслѣдство дѣлили желѣзомъ ³. Можно было ему просить о какомъ-нибудь отвращеніи настоящихъ золъ: напротивъ онъ, кромѣ бывшихъ, напросился еще на другія. Они совершились, а изъ нихъ произстало много иныхъ и ужасныхъ ⁴, о которыхъ нужно ли и говорить порознь?

Алк. Но ты, Сократъ, упомянулъ о человѣкѣ сумасшедшемъ; ибо кто бы, будучи здоровымъ, дерзнулъ, кажется, просить этого?

Сокр. А сумасшествіе представляется ли тебѣ противоположнымъ разумности?

Алк. Конечно.

Д. *Сокр.* Неразумные же и разумные кажутся тебѣ какими-нибудь людьми?

Алк. Кажутся.

Сокр. Давай же рассмотримъ, кто такіе они. Мы уже со-

¹ И однимъ даютъ, другимъ нѣтъ: — καὶ ἑστὶν οἷς μὲν αὐτῶν, ἑστὶ δὲ οἷς οὐ. Здѣсь мѣстоимствіе αὐτῶν или вовсе лишнее, потому что выше сказано: ἂ τοῦτῶν αὐτῶν, или вмѣсто αὐτῶν надобно читать ἡμῶν.

² Находясь въ такомъ расположеніи, ἐν ταύτῃ βύτας τῇ ἕξει.—выраженіе, относящееся къ позднѣйшему развитію языка и у Платона невстрѣчающееся. Платонъ сказалъ бы: οἱ δὲ θεοὶ αὐτῶν διακρίματα.

³ Объ этомъ безумномъ прошеніи Эдипа см. Eurip. Phoeniss. 66, ст. 625 sqq. 477. На тотъ же примѣръ часто указываютъ въ своемъ ученіи Стоики. См. Epict. Enchir. XXXI. 4. Arrian. II, 22. IV, 5.

⁴ Здѣсь разумѣется война семи вождей противъ Фивянъ и взаимное убійство братьевъ.

гласялись, что одни бываютъ неразумные и разумные, а другіе сумасшедшіе.

Алк. Да, согласились.

Сокр. А есть ли иные здравые?

Алк. Есть.

Сокр. Нѣтъ ли и другихъ—больныхъ?

139.

Алк. Конечно.

Сокр. И эти—не тѣ?

Алк. Да, не тѣ.

Сокр. Такъ нѣтъ ли и такихъ еще, о которыхъ нельзя сказать ни того, ни другаго?

Алк. Ну нѣтъ.

Сокр. Потому что человѣку необходимо либо быть, либо не быть большимъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Что жъ? то же ли ты имѣешь понятіе о разумности и неразумности?

Алк. Какъ ты говоришь?

Сокр. Кажется ли тебѣ, что можно быть либо разумнымъ, либо неразумнымъ? или есть еще третіе, среднее состояніе, дѣлающее человѣка ни разумнымъ, ни неразумнымъ?

Алк. Ну нѣтъ.*

B.

Сокр. Стало быть, необходимо имѣть одно изъ этихъ свойствъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Но помнишь ли, ты согласился, что сумасшествіе противно разумности?

Алк. Да.

Сокр. Не согласился ли также, что нѣтъ никакого третьяго, средняго состоянія, которое дѣлаетъ человѣка ни разумнымъ, ни неразумнымъ?

Алк. Да, согласился.

Сокр. Такъ какимъ же образомъ одной вещи могутъ быть противны двѣ?

Алк. Никакимъ.

Сокр. Стало быть, неразумность и сумасшествіе должны быть однимъ и тѣмъ же ¹.

С. *Алк.* Видимо.

Сокр. Итакъ, говоря, что всѣ неразумные—сумасшедшіе, мы говорили бы справедливо, Алквивадъ. Напримѣръ, мы сказали бы это справедливо о твоихъ сверстникахъ, какъ скоро нѣкоторые изъ нихъ неразумны,—да и есть такіе,—и даже о старикахъ. Скажи ради Зевса, не думаешь ли ты, что въ городѣ людей разумныхъ немного, а неразумныхъ много, и послѣднихъ не сумасшедшими ли называешь ты?

Алк. Да.

Д. *Сокр.* Такъ подумалъ бы ты,—не давно ли уже были бы мы наказаны, живя безопасно съ столь многими сумасшедшими, не бывъ ни биты, ни мяты ими, и не подвергшись ничему такому, что обыкновенно дѣлаютъ сумасшедшіе? Смотри-ка, добрякъ, такъ ли это въ самомъ дѣлѣ?

Алк. Какъ же иначе могло бы быть, Сократъ? Только вѣроятно не такъ, какъ я думалъ.

Сокр. И мнѣ тоже кажется. Но сообразимъ какъ-нибудь такъ.

Алк. Какимъ образомъ?

Сокр. А вотъ я скажу тебѣ. Предполагаемъ ли мы, что нѣкоторые люди больны, или нѣтъ?

Алк. Конечно.

Е. *Сокр.* Но не кажется ли тебѣ, что болящему необходимо страдать либо подагрой, либо горячкою, либо слѣпотою? и не думаешь ли ты, что можно имѣть и другую болѣзнь, не страдая ни которою изъ тѣхъ? Вѣдь ихъ очень много, а не тѣ однѣ.

Алк. Мнѣ такъ и кажется.

Сокр. Такъ всякая слѣпота кажется тебѣ болѣзнію?

Алк. Да.

¹ Стало быть, неразумность и сумасшествіе должны быть однимъ и тѣмъ же—прямое указаніе на одинъ изъ стоическихъ парадоксовъ: *ὅτι τὰς ἀρρώστιας καὶ τῶν ἀνοήτων.* См. *Cicer. Parad. 4.*

Сокр. И болѣзнь есть также всякая слѣпота?

Алк. Нѣтъ, я несогласенъ; только недоумѣваю, какъ сказать.

Сокр. Но если ты къ моимъ словамъ приложишь вниманіе; то, изслѣдывая вдвоемъ, мы, можетъ быть, и найдемъ. 140.

Алк. Да по моимъ силамъ, я внимаю.

Сокр. Такъ нами допущено, что всякая слѣпота есть болѣзнь, но болѣзнь уже не есть всякая слѣпота?

Алк. Допущено.

Сокр. Вѣдь и справедливо, кажется, допустили мы; потому что всѣ одержимые горячкою, думаю, болѣютъ, но не всѣ болящіе одержимы бываютъ горячкою, подагрою и слѣпотою. В. Все такое конечно есть болѣзнь: однакожъ, по словамъ такъ называемыхъ нами врачей, дѣйствіе ихъ различно; потому что не всѣ онѣ подобны и не всѣ подобнымъ образомъ дѣйствуютъ¹, но каждая по своей силѣ (природѣ), хотя всѣ онѣ — болѣзни. Мы понимаемъ ихъ, какбы какихъ-нибудь мастеровъ,—не такъ ли?

Алк. Конечно.

Сокр. Какъ сапожниковъ, плотниковъ, статуйщиковъ и многихъ другихъ;—но зачѣмъ говорить о нихъ порознь?—Они раздѣлили между собою части мастерства, и всѣ—мастера; однакожъ всѣ эти мастера, взятые вмѣстѣ, и не плотники, и не сапожники, и не статуйщики.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Такъ этимъ же образомъ люди раздѣлили и неразумность, и тѣхъ, которые имѣютъ большую часть ея, мы называемъ сумасшедшими, а другихъ, имѣющихъ нѣсколько

¹ Не естъ подобными образомъ дѣйствуютъ—*οὐτε ὁμοίως διακρίνονται*, т. е. *ἀπερραίζονται*. Это—необыкновенное употребленіе глагола *διακρίσθαι*, такъ что другой примѣръ подобнаго его употребленія едва ли можетъ быть отысканъ у хорошихъ писателей. Даже и въ выраженіи: *различно бываетъ дѣйствіе*—*διαφέρειν τὴν ἀπερρασίαν αὐτῶν*, отрѣшенное значеніе слова *ἀπερρασία* можно допустить только въ языкѣ испорченномъ. У Платона оно употребляется не такъ. См., наприм., *Protag.* p. 312 D. *πρὸς τὴν ἀπερρασίαν τὴν τῶν σίμων, Gorg.* p. 462 C. *χαρίτος τινος καὶ ἕδονης ἀπερρασία, et alib.*

меньше,—глухими и ошеломленными; когда же хотятъ давать имъ имена благовидныя, — однихъ называютъ высокоумными ¹, другихъ—простяками, иныхъ—то незлобивыми. **D.** ми, то неопытными, то нѣмыми. Если будешь искать,—найдешь много и другихъ именъ. Все это неразумность, и различіе тутъ подобно различію между искусствомъ и искусствомъ, болѣзнію и болѣзнію. Или какъ тебѣ кажется?

Алк. Мнѣ такъ.

Сокр. Возвратимся же опять къ прежнему. Можетъ быть, намъ и при началѣ бесѣды надлежало рассмотретьъ, что такое—неразумные и разумные. Вѣдь уже допущено, что они есть. Не такъ ли ²?

Алк. Да, допущено.

E. *Сокр.* Такъ тѣхъ ли считаешь ты разумными, которые знаютъ, что надобно дѣлать и говорить.

Алк. Да.

Сокр. Кого же неразумными? тѣхъ ли, которые не знаютъ ни того ни другаго?

Алк. Тѣхъ.

Сокр. А незнающіе ни того ни другаго, не правда ли, не знаютъ сами, что говорятъ, и дѣлаютъ, чего не должно?

Алк. Видимо.

Сокр. Къ этимъ-то людямъ, Алкивиадъ, причисляется и **141.** Эдиппъ, говорилъ я. Много подобныхъ найдешь ты и теперь, которые водятся не гнѣвомъ, какъ онъ, и думаютъ, что вымаливаютъ себѣ не зло, а добро. Тотъ какбы и не

¹ *Высокоумными*—*μεγαλόφρονες*. *Μεγαλόφρονες* причисляются къ неразумнымъ. Но явко, что это слово получило значеніе высокоумія или надменія уже въ позднѣйшія времена греческой словесности. У писателей древнихъ имъ означался не видъ неразумія, а нравственная добродѣтель—великодушіе.

² *Не такъ ли*—*ἢ γὰρ οὐ*; Это—еще одно изъ безчисленныхъ доказательствъ, что Алкивиадъ второй писанъ не Платономъ и даже не важнымъ писателемъ: зачѣмъ здѣсь къ *ἢ γὰρ* прибавлено еще *οὐ*? У Платона нигдѣ нѣтъ подобнаго удвоенія; да оно и не нужно, потому что только затеняетъ вопросъ.

молился, и не думалъ; а есть иные противнаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю о первомъ тебѣ: еслибы Богъ, къ которому теперь идешь, прежде чѣмъ сталъ бы ты молиться ему о чемъ-нибудь, явился тебѣ и спросилъ, — довольно ли для тебя сдѣлаться обладателемъ афинской республики, и когда бы ты счелъ это маловажнымъ, а не чѣмъ-нибудь великимъ, прибавилъ: и всей Эллады? но потомъ увидѣлъ бы, что и этого тебѣ мало, пока онъ не пообѣщаетъ всей Европы, и не только не пообѣщаетъ, но, по твоему желанію, не заставитъ всѣхъ нынѣ же ощутить, что Алкивиадъ, сынъ Клиніаса, — тираннъ; то ты, думаю, пошелъ бы отъ него очень обрадованнымъ, какъ человѣкъ, получившій величайшія блага.

Алк. Я думаю, Сократъ, что и всякій тоже, кому досталось бы получить это.

Сокр. Однакожь за свою душу ты не захотѣлъ бы взять с. даже земли всѣхъ Эллиновъ и варваровъ, и владычества надъ ними.

Алк. Да, не захотѣлъ бы, думаю; потому что какъ я взялъ бы, не могши этимъ пользоваться?

Сокр. А еслибы ты могъ пользоваться этимъ какъ-нибудь худо и вредно? Тогда бы уже не такъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ видишь ли, какая опасность — и даваемое принимать ¹ легкомысленно, и самому молиться, чтобы что-нибудь дано было, когда чрезъ это молящійся имѣетъ либо получить вредъ, либо вовсе разстаться съ жизнію? Можно ² бы указать на многихъ, которые, устремившись къ тиранніи и стараясь, чтобы она досталась имъ, какбы дѣлали что-нибудь доброе, — чрезъ тираннію подверглись злоумышленію и лишены были жизни. Я думаю, ты слышалъ о нѣкоторыхъ недавнихъ событіяхъ ², что македонскаго

¹ Даваемое принимать легкомысленно. О пословицѣ δέχεσθαι τὸ δίδωμενον см. Gorg. p. 498 С. прим.

² О нѣкоторыхъ недавнихъ событіяхъ—ἐνία γε χθιζή καὶ προίξαι γεγεννημένα: Соч. Плат. Т. II.

- тиранна Архелая убилъ любимый имъ юноша, любив-
 Е. шій тираннію не менѣе, чѣмъ тотъ любилъ юношу, —
 убилъ въ надеждѣ, что онъ будетъ властелиномъ и чело-
 вѣкомъ счастливымъ. Но, удержавъ власть три или четы-
 ре дня, онъ и самъ въ свою очередь подвергся злоумыш-
 ленію отъ нѣкоторыхъ другихъ и умеръ. То же видишь ты
 и на нашихъ гражданахъ, — вѣдь это уже мы не отъ дру-
 гихъ слышали, а знаемъ, какъ очевидные свидѣтели. —
 Изъ тѣхъ, которые стремились къ званію военачальниковъ
 142. и уже достигли его, одни и донынѣ остаются ссылочными
 внѣ отечественнаго города; другіе потеряли жизнь; а кто
 находилъ свои обстоятельства повидимому и хорошими, —
 испыталъ множество опасностей и ужасовъ не только во
 время военачальства, но и послѣ, по возвращеніи домой,
 и умиралъ, осаждаемый клеветниками нисколько не менѣе,
 чѣмъ непріятелями; такъ что иные изъ нихъ желали бы
 В. лучше никогда не быть военачальниками, чѣмъ испыты-
 вать то, что испытали они въ военачальствованіи. Пускай
 бы уже опасности и труды служили къ пользѣ, — все бы
 это что-нибудь значило: а то совсѣмъ напротивъ. Такимъ
 же образомъ найдешь это и относительно дѣтей. Иные ког-

подражаніе извѣстному мѣсту въ Горгіасѣ (470 D), но весьма недовкое и невярно. Во-первыхъ, вмѣсто Горгіасова τὰ γεγενημένα, сказано ἐνα γεγενημένα, что синтаксически неправильно; потому что ἐνα не имѣетъ силы члена, слѣдовательно причастію γεγενημένα не дается значенія имени существительнаго. Во-вторыхъ, вмѣсто Горгіасова ἐχθίς και πρόβη, употреблено выраженіе поэтическое (омировское) χθιζή και προιζή — единственно для блеска фразы. Сверхъ того, въ приводимомъ здѣсь разсказѣ объ Архелая македонскомъ допущенъ самый грубый анахронизмъ. Именно, — въ Горгіасѣ повѣствуется о томъ, какъ незаконно Архелая завладѣлъ македонскимъ престоломъ; а здѣсь налагается, какъ онъ былъ умерщвленъ. Но смерть Архелая случилась 1. ХСV олимп. (*Didor.* XIV, с. 37. *Arist. Polit.* V, 10), то-есть въ одномъ году съ смертью Сократа, о чемъ однакожъ Сократъ говоритъ, какъ о событіи прошедшемъ и ему исторически извѣстномъ. Этотъ анахронизмъ покажется еще неважно, когда представимъ, что разговаривающій здѣсь Алквиадъ является юношею, еще не вступившимъ въ кругъ гражданскихъ обязанностей; а это указываетъ на время предшествовавшее, на 4. LXXXIX олимп., слѣдовательно долженствовало быть тридцатью годами раньше смерти Архелая. Впрочемъ объ этомъ мѣстѣ разговора упоминаетъ и Эліанъ V, 11, VIII, 9).

да-то молились, чтобы у нихъ были дѣти; но родившіе ихъ подверглись несчастіямъ и величайшимъ скорбямъ: потому что одни всю свою жизнь провели скорбно,—такъ какъ дѣти у нихъ всегда были негодныя; а у другихъ хотя были и добрыя, но они, по несчастію, лишились ихъ, и оттого испытали не меньше горя, какъ и первые, и лучше хотѣли бы остаться бездѣтными, нежели раждать. Впрочемъ хотя и эти, и другіе многіе, подобные случаи весьма явны; однакожь рѣдко найдешь, чтобы кто-нибудь либо отказывался отъ того, что дается ему, либо, имѣя получить это чрезъ молитву, пересталъ молиться. Многіе не отказались бы ни отъ тиранніи, когда бы она давалась, ни отъ военачальства, ни отъ другихъ вещей, которыя болѣе вредны имъ, чѣмъ полезны: напротивъ даже молились бы о полученіи ихъ, если бы онѣ не представлялись сами собою; вскорѣ же по полученіи, иногда они поютъ другое и отмаливаются отъ того, чего прежде просили. Итакъ я недоумѣваю, не вовсе ли напрасно люди винятъ боговъ, говоря, что отъ нихъ посылается имъ зло, тогда какъ надлежало бы сказать, что они, сверхъ своего жребія, *навлекаютъ скорби сами на себя дерзостію*¹, либо неразуміемъ. Поэтому, Алкивиадъ, должно быть, умень былъ тотъ поэтъ, который, имѣя у себя, видно, какихъ-нибудь неразумныхъ друзей, и замѣчая, что они дѣлаютъ то, и молятся о томъ, что хотя и нравилось имъ, а было нехорошо, вознесъ молитву за всѣхъ ихъ вообще и говорилъ такъ:

Царь Зевсъ! молимъ тебя мы, или не молимъ, — даруй намъ 14.
Доброе только, зло жъ удержи, хотя бъ и молились².

¹ *Навлекаютъ скорби сами на себя дерзостію*. Говоря такъ, писатель имѣетъ въ виду стихи изъ Одиссеи (1, 32 сл.): ἃ πρόποι, ὅτεν δὴ νῦ θεοὺς βροτοὶ αἰτιώωνται. Ἐξ ἡμῶν γὰρ φασὶ κακ' ἔμμεναι· οἱ δὲ καὶ αὐτοὶ τρήσιν ἀτασθαλίησιν ὑπέροσον ἔλγε' ἔχουσιν.

² Эти стихи встрѣчаются въ Anthol. 1, 31. Adespot. 466. Вгипск. къ нимъ писатель прибавилъ отъ себя *καλέουσι*, которое здѣсь вовсе не кстати. Въ подлинномъ текстѣ, вмѣсто ἀπολλέειν, читается ἀπερὺκοις, а вмѣсто δεῖν—*λυροῦ*.

Мнѣ кажется, повѣтъ говорить хорошо и осторожно; а если ты можешь сказать что-нибудь напротивъ,—не умолчи.

Алк. Трудно, Сократъ, противорѣчить тому, что сказано хорошо. Нѣтъ, я размышляю о томъ, сколькихъ зогъ причиною бываетъ человѣческое невѣденіе, когда мы отъ этого
 В. невѣденія, повидимому, мимо собственнаго сознанія, и дѣлаемъ, и—что всего хуже—вымаливаемъ самимъ себѣ величайшее зло. Между тѣмъ никто не думаетъ объ этомъ,^а напротивъ, въ отношеніи къ этому-то—вымолить самому себѣ наилучшее, а не наихудшее—всякій почитаетъ себя способнымъ. Это, по правдѣ сказать, болѣе походить на заклинаніе, чѣмъ на молитву.

Сокр. Но, можетъ быть, какой-нибудь человѣкъ помудрѣе меня и тебя, почтеннѣйшій, скажетъ, что мы несправедливо говоримъ, безъ причины порицая невѣденіе, если
 С. не прибавимъ, что оно въ отношеніи къ нѣкоторымъ вещамъ и къ состоянію нѣкоторыхъ людей есть добро, а въ отношеніи къ другимъ—зло.

Алк. Какъ ты говоришь? не такъ ли, что иной вещи иному человѣку, въ извѣстномъ состояніи находящемуся, лучше не знать, чѣмъ знать?

Сокр. Мнѣ кажется. А тебѣ нѣтъ?

Алк. Да, клянусь Зевсомъ, нѣтъ.

Сокр. Впрочемъ я не представляю, что ты захочешь то же сдѣлать въ отношеніи къ своей матери, что сдѣлали, говорить, Орестъ, Алкмеонъ, и другіе подобные имъ.

Д. *Алк.* Говори лучше, ради Зевса, Сократъ.

Сокр. Не тому, Алквивіадъ, кто сказалъ, что ты не захочешь сдѣлать себѣ этого, надобно приказывать говорить лучше, а гораздо скорѣе—тому, кто говоритъ противное. Если это дѣло кажется тебѣ столь ужаснымъ, что и говорить о немъ такъ не годится; то думаешь ли, что Орестъ, еслибы онъ былъ уменъ и зналъ, что лучше дѣлать ему, дерзнулъ сдѣлать нѣчто такое?

Е. *Алк.* Нѣтъ.

Сокр. Да и никто, думаю, другой.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно незнаніе наилучшаго и не знать, что есть наилучшее, какъ видно, будетъ зломъ.

Алк. Миѣ кажется.

Сокр. Значить, зломъ и Оресту и всѣмъ другимъ?

Алк. Полагаю.

Сокр. Разсмотримъ еще и слѣдующее. Еслибы, напримеръ, тебѣ живо представилась мысль, что будетъ лучше, взявъ кинжалъ, пойти къ дверямъ твоего опекуна и друга Перикла и, спросивъ, у себя ли онъ, убить его самого, а 144. не кого другаго ¹: пусть люди даже сказали бы, что онъ дома,—я не говорю однакожъ, что ты захотѣлъ бы сдѣлать что-нибудь такое; но, думаю, помыслилъ бы, что человѣку, незнающему наилучшаго, ничто не мѣшаетъ поддаться миѣнію и принять самое худое за самое хорошее. Или тебѣ не кажется?

Алк. Конечно.

Сокр. Итакъ, еслибы ты вошелъ и увидѣлъ его, но не узналъ и подумалъ, что это кто-нибудь другой, — отважился ли бы и при этомъ убить его?

Алк. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, миѣ это не кажется.

Сокр. Вѣроятно потому, что увидѣлъ случайно встрѣтившагося, а не того, кого хотѣлъ. Не правда ли?

¹ Сократъ здѣсь намѣренъ доказать, что незнаніе иногда бываетъ хорошо и полезно. А это очевидно не гармонируетъ съ тѣмъ, что выше сказано было *περί τῆς τοῦ βελτίστου ἀγνοίας*, о чемъ теперь и рѣчи нѣтъ. Итакъ писатель, показывая, что незнаніе иногда избавляетъ насъ отъ бѣды, явно потерялъ нить разсужденія. Притомъ, примѣръ здѣсь избранъ такой, что вовсе не свойственъ гуманному духу Сократа и обыкновенной мягкости и деликатности его выраженія. Таково ли, напримеръ, подобное мѣсто въ Горгіасѣ (р. 469 D. E)? «вѣдь покажись миѣ, что изъ видимыхъ тобою здѣсь людей кто-нибудь сейчасъ долженъ умереть, — и тотъ, на кого пало бы это мнѣніе, умереть... Такъ велика моя сила въ этомъ городѣ! А еслибы тебѣ не вѣрилось,—я показалъ бы кинжалъ», и т. д. Здѣсь—то же содержаніе, но выраженіе пріятно, мягко и не заключаетъ въ себя ничего жесткаго, отталкивающего.

Алк. Да.

Сокр. Поэтому еслибы ты и часто рѣшался, но всякій разъ, когда намѣревался бы сдѣлать это, не узнавалъ бы Перикла; то не попалъ бы на него.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Что же? думаешь ли, что Орестъ когда-нибудь попалъ бы на свою мать, еслибы такимъ образомъ не узналъ ее?

Алк. Не думаю.

- C. *Сокр.* Вѣдь и онъ располагался умертвить, вѣроятно, не встрѣчную женщину и не чью-нибудь мать, но именно свою.

Алк. Правда.

Сокр. Стало-быть, людямъ съ такимъ расположеніемъ и съ такими мнѣніями лучше не знать подобныхъ вещей.

Алк. Видимо.

Сокр. Такъ видишь ли, что незнаніе нѣкоторыхъ вещей и для нѣкоторыхъ, извѣстнымъ образомъ расположенныхъ людей, есть добро, а не зло, какъ недавно казалось тебѣ?

Алк. Вѣроятно.

- D. *Сокр.* Сверхъ того, разсмотри, если хочешь, и то, что слѣдуетъ за этимъ;—тебѣ покажется, можетъ быть, и нелѣпымъ.

Алк. Что такое особенно, Сократъ?

Сокр. То, что, должно быть, относится, такъ сказать, къ пріобрѣтенію другихъ знаній. Кто пріобрѣлъ ихъ безъ наилучшаго, тому стяжателью приносятъ они мало пользы, а больше вредятъ. Смотри на это: не необходимо ли тебѣ кажется, что, намѣреваясь что-нибудь или дѣлать или говорить, мы сперва должны подумать, знаемъ ли и дѣйствительно ли знаемъ то, что намѣрены успѣшнѣе или говорить или дѣлать?

- E. *Алк.* Мнѣ кажется.

Сокр. Не правда ли, что риторы, напримѣръ, или имѣя знаніе, или думая, что знаютъ, всякій разъ совѣтуютъ намъ—одни касательно войны и мира, другіе касательно созидація стѣнъ и постройки гаваней? Однимъ словомъ: что

ни дѣлаетъ когда-нибудь городъ для другаго города, или самъ 145. для себя,—все бываетъ по совѣту риторовъ.

Алк. Ты правду говоришь.

Сокр. Такъ смотри и слѣдующее за этимъ: съумѣю ли разобрать дѣло ¹? Ты, вѣроятно, называешь людей разумными и неразумными?

Алк. Называю.

Сокр. И не многихъ ли — неразумными, а немногихъ разумными?

Алк. Такъ.

Сокр. И смотря на что-нибудь, называешь тѣми и другими?

Алк. Да.

Сокр. А назовешь ли ты разумнымъ того, кто умѣетъ в. совѣтовать, не зная, почему что-нибудь лучше и когда лучше?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Думаю,—и того, кто самую войну-то знаетъ, не зная, когда она лучше, и (во столько) во сколько времени лучше. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Не правда ли, что—и того, кто умѣетъ убить, отнять деньги, изгнать изъ отечества, не зная, когда лучше и кого лучше?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно, кто знаетъ что-либо такое, и его с. знаніе сопровождается знаніемъ наилучшаго, тотъ почерпаетъ пользу, вѣроятно, въ этомъ самомъ знаніи. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. И мы назовемъ его человѣкомъ разумнымъ и

¹ *Съумѣю ли разобрать дѣло* — *ἴν' ἀπολύειν*. Это выраженіе вовсе не платоновское, но скорее походитъ на буквальный переводъ латинской фразы: *num potius fuerim*. Сократъ хотѣлъ сказать: въ состояніи ли буду я рассмотреть дѣло, *ἢ ἵκανός εἰμι*, или, *ἢ οἶός τ' εἰμι*.

удовлетворительнымъ совѣтникомъ какъ городу, такъ и самому себѣ; а дѣлающаго ¹ противное этому не назовемъ. Или тебѣ не кажется?

Алк. По мнѣ такъ.

Сокр. Что же? изъ тѣхъ, которые умѣютъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука, или опять—биться на кулакахъ, либо бороться, также вступать въ другіе подвиги и дѣлать D. въ томъ же родѣ все иное, относящееся къ искусству, кто, скажешь ты, въ этомъ искусствѣ ² бываетъ лучшимъ? Напримѣръ, въ верховой ѣздѣ—не тотъ ли, кто искусно ѣздитъ верхомъ?

Алк. Тотъ.

Сокр. А въ борьбѣ, думаю, тотъ, кто искусно борется; въ игрѣ на флейтѣ — тотъ, кто искусно играетъ; вѣроятно, и другое подобно этому ³. Или какъ иначе?

Алк. Не иначе, а такъ.

Сокр. Но кажется ли тебѣ, что знатоку въ этихъ дѣлахъ необходимо быть также и человекомъ разумнымъ ⁴? Или скажемъ, что далеко до этого?

E. *Алк.* Конечно далеко, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Каково же, будетъ, думаешь, общество хорошихъ стрѣлковъ и флейщиковъ, также борцовъ и другихъ искусниковъ, перемѣшанныхъ съ людьми, о которыхъ мы сейчасъ говорили, которые то-есть знаютъ это самое — вести

¹ *А дѣлающаго противное этому не назовемъ.* Здѣсь τὸν δὲ μὴ ποιῶντα крайне неумѣстно; ибо состоянію разумности должно противупологаться состояніе, а не дѣйствіе. Платонъ сказалъ бы: τὸν δ' ἰκαντίον ἔχοντα.

² *Кто—въ этомъ искусствѣ бываетъ лучшимъ.* Здѣсь въ выраженіи κατὰ ταῦτην τὴν τέχνην мѣстоимѣніе ταῦτην, по какой-то странной нерадивости писателя, стоитъ вмѣсто ἑκάστην ταύτων.

³ *И другое, подобное этому—каі τέλλα ἀνά λόγον ταῦταίς.* Платонъ никогда такъ не говорилъ. Въ этомъ случаѣ онъ сказалъ бы: καί τέλλα δὲ ἄσαυτος. Дѣло, конечно, неважное; но оно указываетъ на отгѣнокъ языка, привычный извѣстному писателю, и помогаетъ отличать подложное сочиненіе отъ подлиннаго.

⁴ *Необходимо быть также человекомъ разумнымъ — ἀναγκαῖον εἶναι — ἄρα καί ἀνδρα φρόνιμον.* Частица ἄра здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Мнѣ кажется, вмѣсто ἄра надобно читать ἄμα.

войну и умерщвлять,—и сверхъ того съ риторамн, дышущими вѣтромъ политики, — когда всѣ эти люди не имѣютъ знанія о наилучшемъ, и о томъ человѣкѣ, который знаетъ, когда лучше пользоваться каждымъ изъ нихъ и для кого 146. лучше?

Алк. Мнѣ кажется, худое, Сократъ.

Сокр. Ты сказалъ бы это тѣмъ болѣе, когда увидѣлъ бы, что каждый изъ нихъ тщеславится, и въ своемъ занятіи *поставляетъ важнѣйшую часть дѣлъ общественныхъ,*

Чтобы быть самого себя превосходнѣй ¹

(разумѣю въ самомъ искусствѣ наилучшее); а въ наилучшемъ для города и для него самого болѣею частію погрѣшаетъ—потому, думаю, что вѣрнѣе мнѣнію безъ размысленія ². Когда же все это идетъ такъ,—не справедливо ли сказали бы **В.** мы, что такое общество исполнено великихъ тревогъ и несообразностей съ законами?

Алк. Конечно справедливо, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Такъ не казалось ли намъ по необходимости, что напередъ мы должны либо думать, что знаемъ, либо въ самомъ дѣлѣ знать то, что намѣрены съ готовностію или дѣлать или говорить?

Алк. Казалось.

Сокр. Но пусть кто-нибудь дѣлалъ бы, что знаетъ, или думаетъ, что знаетъ, и его дѣятельность сопровождалась бы знаніемъ наилучшаго:—полезна ли и выгодна ли она была бы для города и для него самого?

Алк. Почему же не такъ? **С.**

Сокр. Вѣдь еслибы, думаю, было противное этому; то не было бы пользы ни городу, ни ему самому.

Алк. Конечно нѣтъ.

¹ Писатель беретъ эти слова изъ Еврипидовой *Антионы*, по подражанію известному мѣсту въ *Платоновомъ Горгіасѣ* (р. 484 E), гдѣ тѣ же стихи приводятся гораздо приличнѣе.

² *Варитъ мнѣнію безъ размысленія, или безъ ума.* Это мнѣе. Эта мысль прекрасно раскрыта Платономъ въ *Менонѣ* (р. 99 B. C).

Сокр. Что же? и теперь еще это кажется тебѣ такъ, или какъ иначе?

Алк. Нѣтъ не иначе, а такъ.

Сокр. Но не сказалъ ли ты, что неразумными называешь многихъ, а разумными немногихъ?

D. *Алк.* Сказалъ.

Сокр. И не скажемъ ли опять, что многіе погрѣшаютъ противъ наилучшаго, такъ что большею-таки частію вѣрятъ, думаю, мнѣнію безъ ума?

Алк. Конечно говорилъ.

Сокр. Стало-быть, многимъ полезно и не знать ничего, и не думать, что знаютъ, если только они будутъ усиливаться дѣлать то, что знаютъ, или думаютъ, что знаютъ, и дѣлая, станутъ больше приносить вреда, чѣмъ пользы.

Алк. Весьма справедливо.

Сокр. Итакъ видишь, не правильно ли я въ самомъ дѣлѣ, по твоему мнѣнію, говорилъ, утверждая, что стяжаніе-
E. то всѣхъ частныхъ знаній, если оно имѣется у кого-нибудь безъ знанія о наилучшемъ, должно быть, мало пользуетъ, а больше вредитъ тому, кто его имѣетъ?

Алк. Если не тогда, Сократъ, то теперь мнѣ это кажется.

Сокр. Слѣдовательно и городъ и душа, если они намѣрены жить правильно, должны держаться этого знанія — точно такъ, какъ больной держится врача, или желающій
147. безопасно плавать — кормчаго, чтобы заранѣе не овладѣло душою дыханіе вѣтра¹; ибо безъ этого знанія, при стяжаніи ли денегъ, при крѣпости ли тѣла, или при другихъ подобныхъ благахъ, необходимы бываютъ, повидимому, тѣмъ

¹ Чтобы заранѣе не овладѣло душою дыханіе вѣтра — ὅπως παρ' ἡμῶν πρότερον ἐπουρίσῃ τὸ τῆς ψυχῆς. Это мѣсто критики всегда находили почему-то весьма темнымъ и оттого, думая, что оно испорчено, предполагали разныя исправленія. Но я не вижу никакой нужды исправлять его. Надобно только замѣтить, что глаголь ἐπουρίσειν нерѣдко употребляется отрѣшено, а не πρότερον здѣсь должно управлять подразумевающимися словами: τοῦ ἀντιχέου καὶ κυβερνήτου τινός.

большія отъ всего этого погрѣшности. Въ самомъ дѣлѣ, кто приобрѣлъ такъ называемое многознаніе и многонаучность, и увлекается каждою изъ наукъ, а бѣденъ этимъ знаніемъ; тотъ, по всей справедливости, не подвергается ли сильной бурѣ и, проводя время на морѣ безъ кормчаго ¹, надолго ли, В. думаю, сохраняетъ жизнь? Такъ-то и здѣсь, по моему мнѣнію, сбывается изреченіе поэта, который, укоряя кого-то, говорить:

Много узналъ онъ вещей, но узналъ все это худо ².

Алк. Да какимъ же образомъ, Сократъ, идетъ сюда это изреченіе поэта? Вѣдь оно, мнѣ кажется, здѣсь вовсе не кстати.

Сокр. Напротивъ, очень кстати; только оно сказано загадочно, почтеннѣйшій, какъ говорятъ — и этотъ, и почти всѣ поэты. Вѣдь всякая поэзія по природѣ загадочна, и не каждому встрѣчному понять ее. Да и кромѣ того, что поэзія по природѣ такова,—она, прививаясь къ человѣку завист- С. ливому, который хочетъ не выказывать намъ, а сколько можно болѣе скрывать свою мудрость, является дѣломъ уже чрезвычайно неразгаданнымъ,—что такое разумѣется у

¹ *Проводя время на морѣ безъ кормчаго, надолго ли, думаю, сохраняетъ жизнь?* Въ подлинникѣ эти слова стоятъ съ иною интерпункціею: ἄλλεν κυβερνήτου διατελών ἐν πελάγει, χροῖον οὐ μακρὸν βίον εἶπον. По этой интерпункціи, съ одной стороны, къ глаголу εἶπον относятся два различныхъ винительныхъ, что заставило Стефана βίον измѣнить въ βιοῦ, а съ другой—причастіе διατελών остается безъ сказуемаго, что придаетъ ему значеніе крайне неопредѣленное. Чтобы затемненный этимъ смыслъ рѣчи представить съ надлежащею ясностію, я слово χροῖον отношу къ причастию διατελών и отдѣляю его запятою.

² Этотъ стихъ взятъ изъ Омирова Маргиса и, по мнѣнію Васенберга (ad vitam Homerі р. 11), читаемъ былъ такъ: πολλὰ μὲν ἴδεν ἴργα, κακῶς δὲ μάλ' ἴδεα πάντα. Но такъ какъ ясный смыслъ этого стиха не подтверждалъ мысли Сократа, что науки часто бываютъ бесполезны, даже вредны; то онъ слова поэта лукаво извращаетъ и полагаетъ, что подъ словомъ *худо* (κακῶς) поэтъ разумѣлъ *худое*, а подъ словомъ *узналъ*—*знать*; какъ будто бы, то-есть, значеніе стиха было таково: πολλὰ μὲν ἴπιστάτο ἴργα, κακῶν δὲ ἴπιστάσθαι πάντα (αὐτῷ ἴν),—

Много зналъ онъ вещей, но вещи все были худыя.

- каждаго изъ повтовъ. Вѣдь и Омиръ-то, божественнѣйшій и мудрѣйшій повтъ, понималъ, кажется, что невозможно знать худо, когда говорилъ, что *Маргисъ хотя и много зналъ, но все зналъ худо*; только онъ говоритъ, думаю, загадочно, употребляя слово *худо* вмѣсто *худое*, и *зналъ* вмѣсто *знать*. Въ такомъ соединеніи слова его не входили въ метръ; однакожъ видно, чего онъ хотѣлъ: (онъ понималъ такъ, что Маргита) зналъ много вещей, но худо было ему знать всѣ ихъ. Итакъ явно, что если худо было ему знать многое; то онъ, когда надобно вѣрить вышесказанному, былъ человекъ плохой.
- Е. Алк. Да, мнѣ кажется, Сократъ. Съ трудомъ повѣрилъ бы я какимъ-нибудь инымъ словамъ, еслибы не повѣрилъ этимъ.

Сокр. И правильно кажется тебѣ ¹. Но вотъ, ради Зевса:— ты видишь, конечно, какво и сколь велико мое недоумѣніе, въ которомъ, кажется мнѣ, и самъ принимаешь участіе,—нисколько не перестаешь бросаться туда и сюда; но что очень 148. казалось тебѣ и что одобрялъ, то самое теперь уже не кажется такимъ. Итакъ, если и сегодня еще явится тебѣ Богъ, къ которому идешь, и прежде чѣмъ будешь молить его о чемъ-либо, спросить тебя: — удовлетворишься ли ты, ставъ тѣмъ-то, о чемъ вначалѣ говорено было? а потомъ позволить самому тебѣ просить (чего хочешь); то скорѣе ли согласишься взять себѣ то, что дастъ тебѣ онъ самъ, или то, о чемъ думаешь молиться ты?

Алк. Но клянусь богами, Сократъ, я не могу ничего сказать на это. Дѣло-то, мнѣ кажется, глупое ² и по истинѣ

¹ И правильно кажется тебѣ. По подлинному тексту, вслѣдъ за этимъ Алкивиадъ говоритъ: *πάλλιν αὖ μοι δοκεῖ*. Но такой повторительный отвѣтъ Алкивиада не только не по характеру Платоновой рѣчи, но и не требуется по самому логическому ходу разговора. Это походить на что-то внесенное случайно и притомъ рукою невѣжественною. Трудно вообразить, чтобы порядочный писатель непосредственно соединилъ въ одной фразѣ *πάλλιν αὖ*. Посему, слѣдуя Асту, я позволилъ себѣ счесть это выраженіе явнымъ и оставить его безъ перевода.

² Дѣло-то, мнѣ кажется, глупое — *κλῆκ μάρτυς τί μοι δοκεῖ*. Здѣсь слово *μάρτυς* едва ли не аллюзія на Маргиса, изъ котораго взять вышеприведен-

требующее великой осторожности, какъ бы, по незнанію, не В. попросить его о чемъ-нибудь худомъ, почитая это хорошимъ, а потомъ немного спустя, какъ и ты говорилъ, пѣтъ иную пѣсню и отмаливаться отъ того самаго, о чемъ прежде молился.

Сокр. Такъ не больше ли насъ зналъ тотъ поэтъ, объ изреченіи котораго я упомянулъ вначалѣ, который, то-есть, просилъ, чтобы Богъ отвратилъ отъ насъ бѣдствія, хотя бы, мы и молились о нихъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Подражая ли этому-то поэту, Алквиадъ, или такъ сами размысливши, и Лакедемоняне всегда, какъ частно, С. такъ и всенародно совершаютъ подобную же молитву, чтобы, то-есть, боги даровали имъ, кромѣ добраго, прекрасное,—и никогда не слышно, чтобы кто изъ нихъ просилъ чего-нибудь бѣльшаго. Поэтому-то они и до настоящаго времени счастливы никого не менѣе. Если же и случается у нихъ, что не все бываетъ благополучно, то это не отъ молитвы ихъ: у боговъ, я думаю, есть опредѣленіе—давать и то, о чемъ кто молится, и противное тому. Хочу рассказать тебѣ и нѣчто D. другое, что я слышалъ отъ нѣкоторыхъ стариковъ. Когда между Аѳинянами и Лакедемонянами происходила вражда,—всегда случалось такъ, что нашъ городъ, сражаясь съ ними на сушѣ и на морѣ, терпѣлъ неудачи и никогда не могъ одолѣть ихъ. Досадуя на это и недоумѣвая, какое бы отъкрыть средство для отвращенія настоящихъ бѣдствій, Аѳиня- E. не посовѣтовались между собою и признали наилучшимъ дѣломъ послать къ Аммону и спросить его между прочимъ о томъ, за что боги даруютъ побѣду скорѣе Лакедемонянамъ, нежели имъ, тогда какъ мы, говорили они, въ сравненіи съ прочими Эллинами, приносимъ богамъ самыя большія и прекраснѣйшія жертвы, украсили вкладами храмы ихъ, какъ ни-

ный стихъ Омира. Если моя догадка справедлива, то въ этой аллюзіи далеко нѣтъ той аттической соли, которою такъ украшается рѣчь Платона.

кто другой, ежегодно давали имъ многостоящiе и благоговѣй-
 149. нѣйшiе праздники, и вносили деньги, сколько не вносили ихъ
 всѣ прочiе Греки. Лакедемоняне же, продолжали они, ни-
 когда не заботятся ни о чемъ этомъ, но такъ невнимательны
 къ богамъ, что каждый разъ приносятъ имъ въ жертву жи-
 вотныхъ увѣчныхъ, да и во всемъ прочемъ оказываютъ го-
 раздо менѣе богопочтенiя, чѣмъ мы, хотя нажили они денегъ
 не менѣе, чѣмъ нашъ городъ. Когда Аюняне высказали это
 В. и спросили, что надобно дѣлать имъ, чтобы найти средство
 избавиться отъ настоящихъ золъ, пророкъ не отвѣчалъ ¹
 ничего — (явно, что богъ не позволялъ), — но, призвав-
 ши Аюнянъ, сказалъ: вотъ что говоритъ Аммонъ. Ему го-
 раздо угоднѣе, говоритъ, благоглаголанiе Лакедемонянъ,
 нежели всѣ жертвоприношенiя Эллиновъ. Только это ска-
 залъ онъ, и далѣе—ни слова. А подъ благоглаголанiемъ ²
 богъ разумѣлъ, кажется, не иное что, какъ молитву ихъ;
 ибо она въ самомъ дѣлѣ весьма отлична отъ молитвъ дру-
 гихъ городовъ. Прочiе Эллины, либо представляя златоро-
 С. гаго вола, либо одаря боговъ вкладами, просятъ ихъ,
 о чемъ случится,—то о добрѣ, то о злѣ. Посему боги, слы-
 ша худо выражаемыя молитвы ихъ, не принимаютъ мно-
 гостоящихъ торжествъ и жертвъ. Да; мнѣ кажется, нужна

¹ Пророкъ не отвѣчалъ ничего — ἄλλο μὲν οὐδὲν ἀποκρίσθαι τὸν προφῆτην. Въ этомъ выраженiи, какъ и во множествѣ другихъ, мы замѣчаемъ новый слѣдъ позднѣйшаго происхожденiя разговора. Форма глагола ἀποκρίσθαι, вмѣсто ἀποκρίνασθαι, относится уже къ позднѣйшему развитiю языка; потому что въ языкѣ древнѣйшемъ ἀποκρίσθαι значило отступать, а не отвѣчать. Это подтверждается и Аммонiей (р. 21): ἀποκρίσθαι καὶ ἀποκρίνασθαι διαφέρει, говоритъ онъ. Ἄποκρίσθαι μὲν γὰρ ἔστι τὸ ἀποχωρισθῆναι ἀποκρίνασθαι δὲ τὸ ἐρωτηθέντα λόγον δοῦναι. О такомъ различii этихъ формъ говорятъ также *Phrynichus* р. 108. *Eustath.* ad *Iliad.* E. 12. *Stursius de Dialecto Alex.* р. 148.

² А подъ благоглаголанiемъ боиз — разумѣется... τὴν γοῦν εὐφημίαν. Считаю безполезнымъ обратить вниманiе молодыхъ филологовъ на неумѣстное употребленiе здѣсь союза γοῦν вмѣсто οὐν. Явно, что въ этомъ выраженiи нѣтъ никакой причины ограничивать значенiе частицы οὐν; ибо по ограниченiю, она соотвѣтствовала бы уже русскому слову—*такъ-то*, чего настоящая мысль не допускаетъ.

великая осторожность и внимательность, — что надобно говорить и что нѣтъ. Ты найдешь другія, подобныя этимъ слова и у Омира. Онъ говоритъ, что Трояне ¹, строя лагерь,

Полную тамъ принесли гекатомву безсмертнымъ, D.
Запахъ же вѣтры съ поля того уносили на небо
Сладостный. Но не склонились къ нему блаженные боги,
Не восхотѣли они; досадила имъ священный Иліонъ,
Досадила и Пріамъ, и народъ броненосца Пріама;

такъ что, досадивши богамъ, бесполезно закалали они жерт- E.
вы, и напрасны были дары ихъ. Вѣдь свойство боговъ, ду-
маю, не таково, чтобы они привлекались дарами, какъ злой
ростовщикъ, и мы глупо говоримъ, утверждая, будто этимъ
превосходимъ Лакедемонянъ. Да и бѣдственно было бы, если-
бы наши боги смотрѣли на дары и жертвы, а не на душу,
благочестива ли она и праведна. На нее смотрятъ они, 150.
думаю, гораздо болѣе, чѣмъ на эти многостоящія торжества
и жертвы, которыя ничто не мѣшаетъ ежегодно совершать
и частному человѣку, и цѣлому городу, хотя бы онъ сдѣлалъ
много преступленій противъ боговъ и человѣковъ. Они, не
привлекаясь дарами, презираютъ все это, какъ говоритъ
богъ и пророкъ божій. Слѣдовательно и у боговъ, и у че-
ловѣковъ, если они имѣютъ умъ, особенно уважаются,
должно быть, справедливость и разумность. Разумны же и B.
справедливы — только тѣ, которые знаютъ ², что должно дѣ-
лать и говорить въ отношеніи къ богамъ и людямъ. Хо-
тѣлъ бы я слышать и отъ тебя, что ты думаешь объ этомъ.

Алк. Но мнѣ, Сократъ, не иначе кажется, какъ тебѣ и

¹ Этѣхъ стиховъ ни въ кодексахъ Омировыхъ сочиненій, ни въ древнихъ изданіяхъ ихъ не находится. Они первоначально взяты были изъ настоящаго мѣста въ Алквивіадъ и Барнезіемъ внесены въ Илиаду. См. VIII, 548. То же, по примѣру Барнезія, сдѣлалъ и Вольфій. См. *Wolf. Prolegg.* p. XXXVII. Снес. *Heun. ad Iliad.* T. V. p. 511 seqq.

² Οὐκ ἄλλοι τινὲς εἰσὶν ἢ τῶν εἰδότεων. Надлежало бы сказать или: οὐκ ἄλλοι τινὲς ἢ οἱ εἰδότες, или: οὐκ ἄλλοι τινὲς τῶν εἰδότεων. Обв конструкціи здѣсь слыты въ одну. Впрочемъ снес. *Matthiae Gr.* § 450. 2.

богу. Да и не шло бы мнѣ подавать мнѣніе, противное божественному.

Сокр. А не помнишь ли, ты говорилъ, что весьма опасешься, какъ бы, по незнанію, не попросить себѣ зла, почитая его добромъ?

С. *Алк.* Помню.

Сокр. Такъ видишь, что не безопасно тебѣ идти къ богу съ молитвою, чтобы онъ,—вѣдь можетъ и такъ случиться,—внимая худо выражаемой молитвѣ твоей, не отвергъ этой жертвы, и чтобы тебѣ не пришлось получить что-нибудь другое. Поэтому, я думаю, всего лучше молчать; ибо молитвою Лакедемонянь, которая почитается наилучшею рѣчью при неразуміи, ты, по высокоумію, воспользоваться, думаю, не захочешь. Итакъ необходимо ждать, пока кто не научитъ, какъ должно располагаться въ отношеніи къ Богу и къ людямъ.

Алк. Когда же наступитъ это время, Сократъ? и кто будетъ наставникомъ? Кажется, съ особеннымъ удовольствіемъ поглядѣлъ бы на этого человѣка, кто онъ.

Сокр. Это—тотъ, который печется о тебѣ ¹. Но мнѣ кажется, что какъ, по сказанію Омира, Аѣина прогнала мракъ отъ очей Діомида ²,

Чтобъ хорошо могъ знать онъ и Бога, и человѣка:

Е. такъ и у тебя—сперва надобно прогнать мракъ отъ души,

¹ *Который печется о тебѣ* — *ὁ μέλει*. По мнѣнію Штальбома, Сократъ разумѣетъ здѣсь самого себя: но это, очевидно, несправедливо; потому что требуемый въ этомъ мѣстѣ наставникъ долженъ прежде разогнать мракъ души, чтобы она поняла и приняла его ученіе, да и потому, что этого наставника, какъ говоритъ Сократъ, надобно ожидать. Тонъ и выраженіе въ настоящемъ заключеніи бесѣды ощутительно возбуждаетъ мысль къ чаянію наставника божественнаго. Умы, настроенные рационалистически, чрезвычайно боятся, какъ бы языческому міру не приписать чувства потребности въ высшей помощи и не замѣтить въ немъ чаянія, что долженъ придти Учитель съ неба.

² *Какъ Аѣина прогнала мракъ отъ очей Діомида*. Указывается на мѣсто въ *Иліадѣ* V, 127 слл.

которымъ она покрыта, а потомъ уже показать ей то, чрезъ что имѣешь познать зло и добро; ибо теперь, мнѣ кажется, ты къ этому неспособенъ.

Алк. Пусть прогонить, — мракъ ли то будетъ, или что другое: я готовъ, и никакъ не убѣгу отъ его повелѣній, кто бы ни былъ тотъ человекъ, — лишь бы мнѣ сдѣлаться лучшимъ.

Сокр. Да и онъ дивное какое-то имѣеть о тебѣ по-151. печеніе.

Алк. Тогда-то, мнѣ кажется, всего лучше будетъ и принести жертву.

Сокр. И правильно кажется тебѣ; потому что это вѣрнѣе, чѣмъ неблагоприятно подвергаться столь великой опасности.

Алк. Но какъ же, Сократъ?—въ такомъ случаѣ этотъ вѣнокъ,—за то, что ты прекрасно, повидимому, посовѣтовалъ мнѣ,—я возложу на тебя: а богамъ и вѣнки, и все В. прочее обычное поднесемъ тогда, когда увижу наступленіе того дня; наступить же онъ не чрезъ долгое время, если это будетъ угодно имъ.

Сокр. Принимаю и это, и принялъ бы съ удовольствіемъ все, что ни было бы дано тобою ¹. Какъ Креонъ, по разсказу Еврипида, видя увѣнчаннаго Тиресіаса ² и услышавъ, что онъ получилъ эту первую награду отъ непріятелей за свое искусство, сказалъ: побѣдный твой вѣнокъ почитаю счастливымъ предзнаменованіемъ; ибо мы, какъ ты знаешь, обуреваемся: такъ и я эту честь отъ тебя почитаю С. счастливымъ предвѣщаніемъ; ибо выдерживаю бурю, кажется, не меньшую, чѣмъ Креонова, и хотѣлъ бы быть побѣдителемъ твоихъ любителей.

¹ *Принялъ бы съ удовольствіемъ*—*ἡδέως ἴδοιμι δεξιόμενον ἔραυτόν*: выраженіе чрезвычайно странное и какъ-то неловко изысканное. Платонъ сказалъ бы просто: *ἡδέως ἢ δεξιόμενον*.

² Разсказъ о Креонѣ и Тиресіасѣ см. Eurip. Phoeniss. 865 слл.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

ко 2-й части соч. Платона.

- Ἄγαθος — стран. 266.
Аглафонъ — 239.
Ἄδικον — 399.
Ἄδικατον — 97.
Ἄειδος = Ἄδου — 93.
Ἄλκω — γυνή τις μωρὰ καὶ ἀνόητος — 318.
Алевады — 156.
Алкивиадъ — много думалъ о себѣ — 418; не любилъ олеиты — 392; былъ легкомысленъ — 294.
Алкивиадъ старшій (παλαιός) — 387.
Алкивиадъ I (диалогъ). Мнѣнiе критиковъ объ этомъ диалогѣ — 369; его содержанiе — 370; метода его изложенiя и широта взгляда на предметъ — 377; его цѣль — 378; время его написанiя — 384.
Алкивиадъ II (диалогъ), его неподлинность — 453; содержанiе — 453; время появленiя его въ свѣтъ — 456.
Ἄλλα, употребляющееся въ смыслѣ одобренiя — 24.
Ἄμαθια и ἀλογία — 193.
Аместриса, жена Ксеркса — 426.
Анаксагорово ученiе — 81.
Анитъ — 192.
Антисеенъ — 62.
Анеемiонъ — 192.
Ἄπιστον μὴ οὐκ — 191.
Ἀποκριθῆναι и ἀποκρίνασθαι — 478.
Аполлодоръ — 61.
Аргиване — 104.
Аристиппъ — 62.
Аристократъ — 277.
Аристоонъ — 277. 239.
Архелай — 274. 466.
Архидамъ III. — 427.
Асклеиады — 422.
Ἄτταιν — 415.
Ἄττὸ τὸ αὐτὸ — 437.
Аѳидны — 303.
Аѳениды — 421.
Аѳинская республика при Периклѣ — 353.
Аѳинскiя стѣны — 251.
Безсмертiе души — 69. 77. 81. 88. 93. 107. 112. 114. 130. 185.
Блага — ихъ виды — 188. 245.
Вакхи — 76.
Варвары — 387.
Война семи вождей — 460. 353.
Врачи набирались и нанимаемы были публично — 250.
Гармонiя души — 112.
Гармонiя ѳивская — 112.
Γενέσιαι, γενέσιαι — 423.
Геометрическiя фигуры — символы стихiй — 134.
Геометрическое и арифметическое уравненiе — 337.
Гермогенъ — 62.
Глаголы, требующiе различныхъ падежей — 167.
Горгiасъ — риторгъ — 211. 236. 240. 311.
Горгiасъ (диалогъ): главная его мысль и содержанiе — 212; его цѣли — главная и второстепенныя — 231; время изданiя его въ свѣтъ — 234.

Дедалида — 422.
 Δῆλον = δηλόν — 17.
 Димонаха — мать Алкивиада — 426.
 Δῖτα въ соединеніи съ μή и οὐ — 25.
 Дионравмы — 327.
 Диалектическій разговоръ — 164.
 Δι' ὄχλου γυνίεθαι τι — 385.
 Длиннословіе — 390.
 Δοκιμασία εἰς ἄνδρας — 29.
 Духи (δαίμονες) — хранители — 131.
 Душа: до-мірное существованіе душъ — 79; переселеніе душъ — 174; судьба душъ по смерти — 359. Одежда души — 360; несоразмѣрности и срамота души — 362.
 Εἰς ἀποκίαν ἵναи μετακίειν — 29.
 Εἶτα и ἔπειτα въ рѣчи вопросительной — 18.
 Ἐπιτροи и κάπηλοι — 351.
 Ἐπάδειν — 89.
 Ἐπιδεικνύεσθαι — 237.
 Ἐπουοῖζειν — 474.
 Εὐεργέτης — 334.
 Ἐχθες καὶ πρόην — 274.
 Законъ, боющемуся суда позволявшій бѣжать — 19.
 Зенъ и Амеіонъ — 334. 300.
 Зороастръ — 424.
 Ἴн γὰρ οὐ — 464.
 Идеи не принимаютъ въ себя противнаго — 124.
 Иродикъ Леонтинскій и Силимврійскій — 238.
 Кадмъ — 113.
 Καὶ послѣ ἵνα и предъ глаголомъ — 391.
 Καλλιакъ — 237.
 Καλλιасъ — 417.
 Κατακτετόμεθα — 279.
 Кинніасъ — 327.
 Клеомвротъ — 62.
 Клиніасъ, отецъ Алкивиада — 387.
 Κολάζεσθαι — 333.
 Κόλασις и τιμωρία — 333.
 Кориванты — 34.
 Космосъ — 337.
 Критонъ — слушатель Сократа — 62.

Критонъ (діалогъ): его задача — 7; со-
 держаніе — 9; цѣль — 11; вопросъ о
 подлинности лица, бесѣдующаго съ
 Сократомъ — 12.
 Ксантиппа и Миртона — 142.
 Ктисиппъ пѣанійскій — 62.
 Лакедемонское богатство — 425.
 Λεγμών (дугъ) — мѣсто сходки душъ за
 гробомъ — 361.
 Λόγοι — въ значеніи идей — 119.
 Магія халдейская и персидская — 423.
 Μαχάριος — 157.
 Μαικίδε и σοφός — 405.
 Μαιτικός — 408.
 Μά τον — 268.
 Μεγαλοπρέπεια — 161.
 Μεγαλόφυχος — 464.
 Мелодія — 328.
 Μὲν въ рѣчи вопросительной — 176.
 Менексенъ — 62.
 Менонъ (діалогъ): его мѣсто между
 діалогами — 147; содержаніе четы-
 рехъ его частей — 149; его подлин-
 ность — 151; его цѣль, время напи-
 санія — 155.
 Μετρίως σκοπεῖσθαι — 20.
 Мидіасъ — воспитыватель перепеловъ —
 419.
 Мидиане — 357.
 Миносъ — 361.
 Мистеріи — 132; малыя и великія — 318.
 Мнѣніе и знаніе — 204.
 Молитва: ученіе философовъ и Сокра-
 та о молитвѣ — 459.
 Музыка, по разуму Платона — 64.
 Μυθολογεῖν — 66.
 Μύθος — 66.
 Νεανίδε — 386.
 Νελυίαι — раисодін изъ XI-й кв. Или-
 ады — 131.
 Никіасъ — 277.
 Общественное безчестіе — 337 сл.
 Одиннадцать Архонтовъ — 16.
 Οἶον τοῦτο ποιεῖς — 406.
 Операции и прижиганія — 252.
 Ὅρεθρος βαδύς, πρῶ — 14.

Ὀρθουόκεος — 420.
 Отечественный чужестранецъ — 170.
 Ὅτι μὴ, εἰ μὴ — 30.
 Οὐδὲν κοικίλιον — 165.
 Οὐδὲ ὅσον τὸ αὐτὸν ἐργᾶν — 293.
 Очищеніе съ пятью его степенями — 76.
 Παιδοτρέφιας — 245.
 Πάντα χρήματα — 175.
 Пенелопа — 97.
 Пепаритъ — 412.
 Периклъ — развратилъ Афинянь — 347;
 ввелъ награды и жалованье за служ-
 бу — 348; утаилъ часть обществен-
 наго капитала — 348.
 Персъ, родоначальникъ Персовъ — 421.
 Питоклъ — 416.
 Пнеодоръ — 417.
 Платоново ученіе — о мѣрѣ ноуменаль-
 ной и феноменальной — 83; объ
 идеяхъ ума — 85; о состояніи души,
 привязывающейся къ тѣлу — 96.
 Плетръ — мѣра протяженій — 426.
 Πολλά ποῖόν ἐξ ἑνός — шуточная пого-
 ворка — 167.
 Полось — 238. 239. 266.
 Пословицы: πόλεμον καὶ μάχης χρῆσαι
 ὅβρις καταλαχιδνεῖν; οὐ πόλεμον γε ἀγχιέ-
 λεις; κατόπιον οἰρήτης ἤχομεν καὶ ὑστεροῦ-
 μεν — 236. Πάντως, οὐ σὴ αὐτὴ ἤ τιμά —
 318. Οὐδ' οἱ γέροντες ἀρόδρα τι αἰσθάν-
 ονται — 423. Μισῶν ὁ ἐσχάτος; Μισῶν
 λεία — 357. Δεύτερος πλοῦς — 119. Γλαύκου
 τέχνη — 132. Καὶ δις γὰρ, ὃ δεῖ, καλὸν
 ἔστιν ἐνίσπειν — 322. Ἐπὶ αὐτῷ τὴν σε-
 λήνην κατέλας — 343. Παρὸν εἶ ποιεῖν
 323. Δέχεσθαι τὸ δίδόμενον 323.
 Править городомъ и городскимъ — 351.
 Πρόγραμμα προστάττειν — 165.
 Праздникъ Тезея — 15. 60.
 Предсѣдатель Пританіона — 350.
 Прекрасное, по понятіямъ Сократа и
 софистовъ — 282.
 Припоминаніе — 175.
 Προδρομή — 406.
 Происхожденіе противнаго отъ про-
 тивнаго — 78.

Προσκαίειν и ἀπροχειρίζεσθαι — 394.
 Πρὸς φίλου — 324. 386.
 Рабскіе волосы — 420.
 Радамантъ — 361.
 Риторика — 263. 250. 291. 267.
 Рнемъ — 328.
 Симміасъ и Кевисъ — 18. 62.
 Σκεῦος, σκευάρια — 406.
 Сны по-полуночи — 16.
 Слово Божіе и человѣческое — 99.
 Собираніе голосовъ — 244.
 Сократъ — отказывается отъ пригла-
 шеній ко дворамъ — 31; высказы-
 ваетъ свое понятіе о тѣлѣ, какъ
 объ источникѣ ала — 72; о присут-
 ствіи въдушъ чего-то такого, что ну-
 дятъ насъ познавать истину — 72;
 замѣтки о времени перваго знаком-
 ства съ Алкивіадомъ — 385; о взгля-
 дѣ его на философію — 74, на ея цѣль
 — 181; на счастье — 310.
 Софизмы — 176. 253.
 Софистическое ученіе — о доброхот-
 ствованіи друзьямъ и дѣланіи зла
 врагамъ — 25. О философіи — 298.
 Софисты и риторы — 265.
 Спартанцы — происходили отъ Эврис-
 тена — 421; сохраняли скромность въ
 одеждѣ и образѣ жизни — 348.
 Сраженія при Танагрѣ и Херонѣ —
 403.
 Смысловъ Перикла — 416.
 Συμφακίως — 123.
 Талантъ — мѣра нумизм. — 426.
 Τί δε δεῖ — 25.
 Торпиль — 172.
 Трагедія и трагикъ — 328.
 Τροχική ἀπόκρισις — 166.
 Τύχη ἀγαθῆ — 16.
 Турухтанъ — 313.
 Федонъ (діалогъ): его идея — 37; со-
 держаніе — 38; пнеагорейскій харак-
 теръ ученія — 55; время написа-
 нія — 56.
 Φυτῶν — 392.
 Χρηρὸ καὶ πρῶτος — 465.

Холаргисъ — 303.

Эакъ — 361.

Эвинъ — 65.

Эвклидъ — 62.

Эврипъ — проливъ — 106.

Эврисакъ — 422.

Эмпедоклъ — 311.

Эндимионъ — 81.

Эпигенъ — 62.

Эрехтей — 442.

Эрхія — селеніе — 426.

Эсхинъ — 62.

Ядъ — 69. 142.

Тессаліянки свели луну — 343.

Θεωρία — 30.

Ὄϊς δὴ — 271.

О П Е Ч А Т К И.

Стран.	20 Напечатано: διαρεῖν	Читай: διαρεῖν
23	» выйти	» выдти
28	» получивъ бытіе	» поличивъ отъ насъ бытіе
56	» источникъ	» источникъ
57	» книгѣ	» книгѣ
»	» путешствія	» путешествія
118	» божественваго	» божественнаго
—	» доказывать	» доказывать
119	» высказать	» высказать
»	» ἐν	» ἐν
127	» на приметь	» не приметь
»	» противво	» противно
142	» растяались	» растирались
187	» εἰ	» εἰ
193	» Ἀμαθία	» Ἀμαθία
236	» αὐτίλας	» αὐτίλας
»	» ἐπί	» ἐπί
241	» 141	» 241
250	» прибивамъ	» прибавимъ
271	» Въ подлинникѣ	» Въ подлинникѣ
297	» 481	» 484
298	» сроднить	» сроднить
305	» лучшими, двухъ	» лучшими двухъ,
344	» какбы	» какъ бы
357	» злонамяреннымъ	» злонамяреннымъ

Stanford University Libraries

3 6105 026 419 890

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

JUN 0 4 2005
JUN 1 1 2005
AUG 0 4 2005
AUG 0 4 2005

